РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Книга 1, январь 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

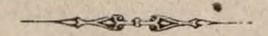
Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 29-го Декабря 1903 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и о дополнительномъ кредитѣ на содержаніе управленія означенной кассы. 3 марта 1903 года.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и о допольнительномъ кредитѣ на содержаніе управленія означенной кассы, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденнаго 12 іюня 1900 г. устава пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *) и другихъ подлежащихъ узаконеній постановить:

1. Обязательными участниками кассы считаются: 1) учители и учительницы начальныхъ училищъ всякаго наименованія, содержимыхъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на средства государственнаго казначейства или съ пособіемъ отъ казны или на счетъ доходовъ съ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ къ спеціальнымъ средствамъ министерства, если служба такихъ учителей и учительницъ не сопряжена съ правомъ на пенсію изъ государственнаго казначейства или иныхъ источниковъ; 2) учители и учительницы начальныхъ училищъ, содержимыхъ на средства другихъ вѣдомствъ, если этими послѣдними будетъ ассигнованъ кредитъ на уплату въ доходъ кассы установленнаго симъ уставомъ (ст. 11 устава) пособія; 3) учители и учительницы начальныхъ училищъ, содержимыхъ земскими и городскими учрежденіями, а также сельскими или иными сословными обществами, если подлежащія учрежденія или общества обяжутся уплачивать за нихъ означенное въ п. 3 ст. 5 уст. пособіе.

2. Учители и учительницы начальныхъ училищъ, упомянутыхъ въ п. 3 предыдущей (1) статьи сего (I) отдѣла, допускаются участниками кассы съ

*) Цирк. по Рижск. уч. окр. за 1900 г. стр. 377.

тѣмъ условіемъ, чтобы установленные уставомъ взносы въ кассу производились содержащими эти училища учрежденіями или обществами по числу всѣхъ учительскихъ мѣстъ, положенныхъ въ каждомъ изъ привлекаемыхъ къ участію въ кассѣ училищъ. Производство сихъ взносовъ прекращается, если земствомъ подлежащей губерніи будетъ открыта собственная пенсіонная касса. Въ такомъ случаѣ изъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ передаются въ земскую кассу всѣ суммы, стоящія на счетахъ участниковъ и ихъ женъ ко дню прекращенія участія ихъ въ первой кассѣ, а изъ сиротскаго фонда выдается сумма, соотвѣтствующая обязательствамъ кассы по отношенію къ дѣтямъ и сиротамъ участниковъ ея. Порядокъ и условія такой передачи устанавливаются по взаимному соглашенію министровъ: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

3. Добровольными участниками пенсіонной кассы могутъ быть всѣ несостоящіе обязательными участниками учители и учительницы начальныхъ училищъ, не исключая и содержимыхъ на средства частныхъ лицъ и учрежденій.

4. При переходѣ участниковъ пенсіонной кассы изъ одной категоріи въ другую (ст. 4 устава) суммы, стоящія на ихъ счетахъ и на счетахъ ихъ женъ, остаются полностью на этихъ счетахъ.

5. Вычеты съ обязательныхъ участниковъ кассы производятся въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) при первоначальномъ вступленіи въ кассу, въ размѣрѣ 6% годового содержанія, получаемаго въ день вступленія въ кассу, съ разсрочкой взноса на двѣнадцать мѣсяцевъ и 2) ежемѣсячно въ размѣрѣ 6% мѣсячнаго содержанія. При исчисленіи окладовъ содержанія квартирныя, разъѣздныя и командировочныя деньги и пособія въ расчетъ не принимаются.

6. За каждаго обязательнаго участника вносится въ доходъ кассы ежегодно пособіе въ размѣрѣ 6% получаемаго участникомъ содержанія. Пособіе это уплачивается изъ казны, или изъ спеціальныхъ капиталовъ, или изъ средствъ тѣхъ учрежденій и обществъ, коими училища содержатся. Пособія изъ средствъ земствъ и городскихъ обществъ показываются въ ихъ смѣтахъ въ числѣ расходовъ обязательныхъ.

7. Шестипроцентные вычеты изъ содержанія участниковъ кассы (п. 2 ст. 10 устава) и пособіе за ихъ счетъ (ст. 11 устава) поступаютъ въ кассу въ началѣ года, за годъ впередъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда установленные совѣтомъ министра, согласно ст. 7 устава, сроки вступленія въ число участниковъ кассы не совпадутъ съ началомъ года, вычеты и пособіе кассѣ должны быть внесены въ кассу не позже 15 дней послѣ установленнаго совѣтомъ министра срока. Вступные взносы (п. 1 ст. 10 устава) поступаютъ въ кассу по мѣрѣ ихъ удержаній.

8. Когда означенные въ 13 статьѣ устава ежемѣсячные взносы принимаетъ на себя лицо или учрежденіе, содержащее училище, взносы представляются въ первый годъ участія въ кассѣ не позже 15 дней со дня принятія учителей и учительницъ этихъ училищъ въ число участниковъ кассы, а въ послѣдующіе годы взносы представляются за годъ впередъ не позже 15 января. На взносы, поступающіе послѣ указанныхъ сроковъ, начисляется пеня, по полупроценту въ мѣсяцъ, за все просроченное время. По истеченіи двухъ лѣтъ просрочки, счетъ участника закрывается и участникъ признается выбывшимъ изъ кассы.

9. Капиталъ кассы принадлежитъ къ спеціальнымъ средствамъ мини-

стерства народнаго просвѣщенія и подраздѣляется на четыре фонда: 1) фондъ участниковъ; 2) вдовій фондъ, обезпечивающій пенсіи женамъ и вдовамъ участниковъ и пенсіонеровъ; 3) сиротскій фондъ, обезпечивающій пенсіи дѣтямъ участниковъ и пенсіонеровъ, и 4) запасный фондъ, предназначенный для покрытія могущаго образоваться дефицита, а также расходовъ, указанныхъ въ ст.ст. 26, 35, 50 и 53 устава.

10. Касса ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ по правиламъ, постановленнымъ для казенныхъ управленій, при чемъ повѣренными могутъ быть участники кассы.

11. На личные счета обязательныхъ участниковъ взносы ихъ поступаютъ полностью; изъ вносовъ же добровольныхъ участниковъ (ст. 13 устава) на ихъ личный счетъ зачисляется половина двѣнадцатипроцентныхъ удержаній и весь вступной взносъ.

12. Пособія, поступающія за счетъ обязательныхъ участниковъ, а также половина двѣнадцатипроцентныхъ взносовъ добровольныхъ участниковъ распредѣляются въ слѣдующей послѣдовательности: 1) списывается сумма на пополненіе дефицита, если запасный фондъ окажется для покрытія его недостаточнымъ; 2) отчисляется въ сиротскій фондъ сумма, необходимая для того, чтобы онъ соотвѣтствовалъ современной стоимости обязательствъ кассы относительно дѣтей участниковъ и пенсіонеровъ; 3) разносится по личнымъ счетамъ женъ участниковъ пропорціонально окладамъ содержанія ихъ мужей сумма, равная двумъ третямъ сдѣланныхъ въ теченіе года обязательныхъ шестипроцентныхъ вычетовъ съ женатыхъ участниковъ, а также одной трети внесенныхъ женатыми добровольными участниками двѣнадцатипроцентныхъ платежей, или весь остатокъ, если онъ не превышаетъ указаннаго размѣра, и 4) окончательный остатокъ распредѣляется по личнымъ счетамъ участниковъ, поровну между всѣми.

13. При всѣхъ расчетахъ по обязательствамъ кассы по отношенію къ участникамъ и ихъ семействамъ размѣръ годового роста капитала принимается въ четыре на сто.

14. Изъ доходовъ съ капитала кассы причисляется ежегодно къ фондамъ: участниковъ и вдовьему сумма, равная четыремъ процентамъ этихъ фондовъ.

15. На личный счетъ жены вступившаго въ бракъ участника кассы переводится изъ запаснаго фонда сумма, равная двумъ третямъ сдѣланныхъ участникомъ до вступленія въ бракъ обязательныхъ шестипроцентныхъ взносовъ (безъ процентовъ), если участникъ принадлежитъ къ категоріи обязательныхъ участниковъ, и равная одной трети сдѣланныхъ до вступленія въ бракъ участникомъ двѣнадцатипроцентныхъ платежей (безъ процентовъ), если участникъ принадлежитъ къ числу добровольныхъ участниковъ. Сумма эта зачисляется, какъ единовременный взносъ, поступившій на счетъ жены въ соотвѣтственномъ году службы мужа.

16. Участники кассы, оставившіе службу способными къ труду безъ права на пенсію, не пользуются никакими выдачами изъ кассы, если участвовали въ ней менѣе пяти лѣтъ. Если участіе ихъ въ кассѣ продолжалось болѣе пяти лѣтъ, то имъ предоставляется право получить обратно изъ ихъ взносовъ тѣ, которые поступили на ихъ личный счетъ. Лицамъ, участвовавшимъ въ кассѣ менѣе десяти лѣтъ, взносы эти возвращаются безъ процентовъ, а участвовавшимъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ взносы выдаются со сложными процентами по расчету изъ четырехъ годовыхъ.

17. Участники кассы, не выслужившіе пенсіи, но оставившіе службу неспособными къ труду или вслѣдствіе упраздненія занимаемой ими должности, получаютъ обратно изъ ихъ взносовъ тѣ, которые поступили на ихъ личный счетъ, со сложными процентами по расчету изъ четырехъ годовыхъ.

18. Женѣ или вдовѣ лица, участвовавшаго въ кассѣ менѣе десяти лѣтъ, въ указанныхъ ст. 36 устава случаяхъ, выдаются суммы, стоящія на ея личномъ счету.

19. Пенсія, о назначеніи коей подана просьба въ теченіе года со времени открытія на нее права, назначается къ производству: 1) самимъ участникамъ кассы—со дня прекращенія производства содержанія.

20. По прекращеніи пенсіонеру, на основаніи п. 5 ст. 48 устава, усиленной пенсіи, ему назначается пенсія обыкновенная въ томъ размѣрѣ, который соотвѣтствовалъ стоимости правъ его во время оставленія имъ службы.

21. Присужденныя съ выбывшихъ участниковъ взысканія и утвержденные въ установленномъ порядкѣ начеты, при обращеніи на причитающіяся имъ изъ пенсіонной кассы пенсіи или иныя выдачи, пополняются посредствомъ вычета, производимаго по правиламъ, постановленнымъ въ ст. 1086 уст. гражд. суд. т. XVI св. зак. ч. 1 изд. 1892 г.

22. Въ составъ комитета кассы входитъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ ст. 62 устава, юрисконсультъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ засѣданіяхъ комитета принимаютъ участіе съ правомъ совѣщательнаго голоса помощникъ управляющаго дѣлами пенсіонной кассы и лица, приглашаемыя по усмотрѣнію предсѣдателя или по постановленію комитета въ засѣданіе для разъясненія подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Для дѣйствительности постановленій комитета требуется присутствіе въ засѣданіи его трехъ лицъ, имѣющихъ право рѣшающаго голоса.

23. Слѣдуемыя въ капиталъ кассы, согласно ст. 10 и 11 устава, суммы изъ земскихъ и городскихъ смѣтъ, а также изъ общественныхъ сборовъ передаются въ этотъ капиталъ не позже 15 января каждаго года, за годъ впередъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда учители и учительницы вступаютъ въ число участниковъ кассы среди года. Въ послѣднемъ случаѣ суммы эти должны быть внесены въ пенсіонную кассу не позже 15 дней со дня принятія учителей и учительницъ въ число участниковъ кассы.

24. Прекращеніе производства содержанія, какъ обстоятельство, вліяющее на опредѣленіе пенсій, удостовѣряется мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ.

25. Освидѣтельствованіе рода и свойства болѣзней или увѣчій лицъ, имѣющихъ право на пенсію, производится по просьбѣ ихъ или тѣхъ лицъ, у коихъ они находятся на попеченіи, директоромъ или инспекторомъ народныхъ училищъ по мѣсту жительства, свидѣтельствуемаго, чрезъ приглашенныхъ учебнымъ начальствомъ экспертовъ, въ числѣ отъ одного до трехъ, и въ присутствіи не менѣе двухъ участниковъ кассы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда директоръ или инспекторъ народныхъ училищъ не имѣютъ возможности лично произвести освидѣтельствованіе, они поручаютъ таковое одному изъ подчиненныхъ имъ лицъ учебнаго вѣдомства.

26. Обязательнымъ и добровольнымъ участникамъ кассы (ст. 4 устава) засчитывается въ общій срокъ пенсіонной выслуги время, проведенное ими на службѣ народныхъ учителей и учительницъ и до вступленія въ кассу.

27. При исчисленіи пенсій и единовременныхъ выдачъ указаннымъ въ ст. 26 сего (1) отдѣла участникамъ кассы, поступленія на ихъ счетъ ко времени вступленія въ кассу принимаются равными нулю. Участникамъ этимъ предоставляется право для увеличенія размѣра пенсій, кои причтутся имъ и ихъ женамъ, произвести единовременные взносы въ кассу, размѣръ коихъ не долженъ превышать стоимости правъ, которая образовалась-бы на счетѣ участника, соотвѣтственно его возрасту, числу лѣтъ службы ко времени вступленія въ кассу и окладамъ содержанія, которые онъ получалъ. Размѣръ взносовъ на счета женъ не долженъ быть менѣе $^1/_5$ и болѣе $^2/_3$ взносовъ, сдѣланныхъ на счета самихъ участниковъ.

28. Указанные въ предыдущей (27) статьѣ сего (1) отдѣла взносы дозволяется разсрочивать на время не свыше 10 лѣтъ, но пенсіи и единовременныя выдачи изъ кассы участникамъ, имѣющимъ право на зачетъ ихъ службы, расчитываются лишь по дѣйствительно поступившимъ взносамъ.

29. Участники кассы, а равно жены ихъ и вдовы, имѣющіе, на основаніи зачета службы, право на пенсіи, но не участвовавшіе въ кассѣ установленнаго для полученія пенсіи числа лѣтъ, имѣютъ право взамѣнъ пенсіи получить всѣ суммы, стоящія на ихъ счетахъ.

30. Пріобрѣтаемыя зачетомъ службы права не распространяются на дѣтскія и сиротскія пенсіи, кои назначаются лишь за время дѣйствительнаго участія въ кассѣ.

31. При вступленіи въ бракъ участника кассы, коему сдѣланъ зачетъ службы по ст. 27 сего (1) отдѣла, на счетъ жены участника изъ запаснаго капитала кассы перечисляется сумма, соотвѣтствующая времени дѣйствительнаго его участія въ кассѣ.

II. Отпустить изъ государственнаго казначейства въ 1903 году, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ суммамъ: 1) 2.560 рублей—на канцелярскія и хозяйственныя издержки и на наемъ помѣщенія для управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, и 2) 9.200 рублей на усиленіе личнаго состава того-же управленія.

III. На покрытіе означенныхъ въ отдѣлѣ II расходовъ обратить 6.960 р. условно внесенные для сего въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1903 года, и 4.800 р. изъ предвидимыхъ остатковъ по той-же смѣтѣ.

IV. Распредѣленіе указанной въ п. 2 отд. II суммы (9.200 р.) предоставить министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы назначаемое за счетъ ея содержаніе отдѣльнымъ лицамъ не превышало окладовъ, установленныхъ для соотвѣтствующихъ должностей дѣйствующимъ штатомъ департамента народнаго просвѣщенія (Циркуляръ по Рижскому учебному округу № 8, 1903 года).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О неосновательности ходатайствъ о возвратѣ удержаній съ нештатныхъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ. 15 сентября.

Въ Управленіе пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ поступаютъ отъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ ходатайства о возвратѣ произведенныхъ въ пенсіонную кассу удержаній по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія для уплаты таковыхъ лицамъ, не состоящимъ

штатными учителями и учительницами, а временно исполняющимъ учительскія обязанности, а потому не считающимися обязательными участниками кассы. Означенныя ходатайства представляются неосновательными по слѣдующимъ соображеніямъ.

Удержанія по смѣтѣ производятся не съ отдѣльныхъ лицъ, а съ извѣстныхъ должностей, независимо отъ того, замѣщены-ли эти должности или нѣтъ. Если означенныя должности замѣщены постоянными учителями или учительницами, состоящими обязательными участниками пенсіонной кассы, то имъ выдается жалованье за удержаніемъ 6%, а суммы, удержанныя по смѣтѣ, записываются на ихъ личные счета. Если же учительская должность не замѣщена или замѣщена временно, то 6%-ное удержаніе, произведенное по смѣтѣ по этой должности, остается въ средствахъ кассы, но не записывается ни на чей личный счетъ, а составляетъ прибыль кассы. Поэтому, если вакантная должность замѣщается учителемъ или учительницей не постоянно, а временно, то лицу, временно исправляющему учительскія обязанности, надлежитъ опредѣлять жалованье не въ полномъ окладѣ по смѣтѣ, а за удержаніемъ 6%.

Сообщая, согласно постановленію Комитета пенсіонной кассы отъ 4 августа сего года, вышеизложенное разъясненіе, Управленіе проситъ отмѣчать въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ удержаній должности вакантныя и временно замѣщаемыя, при чемъ указывать 1) въ графѣ *„наименованіе училища“*—училища, въ коихъ должности вакантны; 2) въ графѣ *„фамилія, имя и отчество участника“*—*„вакансія“* или *„временно замѣщена“*; 3) въ графѣ: *„причитается жалованья въ мѣсяцъ“*—размѣръ полнаго оклада должности вакантной или временно замѣщенной и 4) въ графѣ: *„удержано въ пенсіонной кассѣ 6% ежемѣсячнаго вычета“*—размѣръ 6% вычета по той-же должности. (Циркул. по Управленію Оренб. уч. окр. для народн. училищъ № 10, 1903 года).

---

1) О правѣ воспитанниковъ горнозаводскихъ техническихъ училищъ поступать въ высшія техническія учебныя заведенія (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 29 іюля 1903 г. за № 3.975).

Согласно ст. 40 Высочайше утвержденныхъ 7 марта 1888 г. Основныхъ Положеній о промышленныхъ училищахъ, воспитанники среднихъ техническихъ училищъ, окончившіе полный курсъ ученія и удостоенные званія техника, имѣютъ право поступать въ высшія техническія учебныя заведенія по соотвѣтственной спеціальности.

Руководствуясь приведеннымъ закономъ, начальство одного изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній отклонило ходатайство окончившаго курсъ горнозаводскаго отдѣленія Пермскаго реальнаго училища о допущеніи его къ установленнымъ конкурснымъ испытаніямъ, указавъ при этомъ, что въ технологическіе институты могутъ быть принимаемы только лица, окончившія курсъ химико-или механико-техническихъ училищъ.

Вслѣдствіе сего считаю долгомъ разъяснить, что въ техническихъ училищахъ по горнозаводской спеціальности преподаются предметы, основаніемъ которыхъ служатъ механика и химія. Хотя соотвѣтственные курсы

излагаются въ отдѣльности не столь обширно и детально, какъ въ училищахъ механической или химической спеціальности, тѣмъ не менѣе тѣ и другія свѣдѣнія преподаются въ достаточной мѣрѣ для солиднаго ознакомленія съ горнозаводскимъ дѣломъ, служатъ къ достаточному развитію учащихся и могутъ быть поэтому признаны въ той-же мѣрѣ подготовляющимися для прохожденія курса высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Въ частности слѣдуетъ указать, что въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ преподается металлургія, и студенты могутъ избрать ее спеціальнымъ предметомъ изученія; поэтому поступленіе въ эти учебныя заведенія лицъ, знакомыхъ уже съ горнозаводскимъ дѣломъ, должно признать желательнымъ.

Въ виду изложеннаго покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство поставить въ извѣстность начальство Московскаго Императорскаго техническаго училища, что принятіе лицъ, окончившихъ курсъ горнозаводскихъ техническихъ училищъ, въ высшія учебныя заведенія химической и механической спеціальностей, не противорѣчитъ закону о принятіи въ таковыя учебныя заведенія лицъ, прошедшихъ курсъ среднихъ техническихъ училищъ по соотвѣтственной спеціальности (Циркуляръ по Москов. учеб. округу № 9, 1903 года).

---

2) Списокъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончаніе курса коихъ даетъ право на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія Министерства (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 29 іюля 1903 г. за № 23.986.)

8-го текущаго іюля Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, утвержденъ списокъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончаніе курса коихъ даетъ право на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія Министерства, взамѣнъ подобнаго же списка, сообщеннаго начальствамъ учебныхъ округовъ при циркулярѣ отъ 17 іюля 1898 г. за № 17.994.

Препровождаемый списокъ отличается отъ составленнаго въ 1898 г., между прочимъ, тѣмъ, что къ пріему въ высшія спеціальныя учебныя заведенія изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій должны допускаться только окончившіе курсъ по первому разряду, при чемъ обязаны подвергнуться повѣрочному испытанію по математикѣ и физикѣ въ объемѣ гимназическаго курса. Если пріемъ въ данное высшее спеціальное учебное заведеніе производится по конкурсному экзамену, то означенные воспитанники духовныхъ семинарій не подвергаются особому повѣрочному испытанію, а держатъ наравнѣ съ другими аспирантами конкурсный экзаменъ, но отмѣтки ихъ должны быть не ниже удовлетворительныхъ по каждому предмету.

Сообщая объ изложенномъ въ разъясненіе прилагаемаго списка, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать надлежащее распоряженіе о введеніи его въ дѣйствіе при пріемѣ въ Императорское Московское техническое училище, присовокупляя, что пріемъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ текущемъ году долженъ быть произведенъ на прежнихъ основаніяхъ, и примѣненіе новыхъ условій пріема этихъ мѣръ, согласно т. 27 списка, слѣдуетъ начать съ 1904 - 1905 учебнаго года.

Утверждаю 8 іюля 1903 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія (подписалъ) *Г. Зенгеръ* (ibid.).

Списокъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончаніе курса коихъ даетъ право на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1. Гимназіи и реальныя училища съ дополнительнымъ классомъ.

Примѣчаніе. Допускаются къ пріему въ высшія спеціальныя учебныя заведенія лица, выдержавшія, въ качествѣ экстерновъ, испытанія и изъ полнаго курса гимназій или реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ классомъ.

2. Нижегородскій институтъ Императора Александра II.

3. Гимназическіе классы лицея Цесаревича Николая.

4. Гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

5. Общеобразовательные классы Императорскаго училища правовѣдѣнія.

6. Общеобразовательные классы Императорскаго Александровскаго лицея при томъ условіи, чтобы воспитанники, окончившіе курсъ IV класса выдержали дополнительный экзаменъ по исторіи церкви въ объемѣ курса гимназій.

7. Общеобразовательные классы Константиновскаго межевого института, при томъ условіи, чтобы воспитанники, окончившіе курсъ сихъ классовъ, представили дополнительное свидѣтельство о выдержаніи въ одномъ изъ реальныхъ училищъ испытанія изъ естественной исторіи въ объемѣ курса реальныхъ училищъ.

8. Коллегія Павла Галагана въ Кіевѣ.

9. Гатчинскій сиротскій институтъ Императора Николая I.

10. Училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, для окончившихъ курсъ отдѣленій гимназическаго и реальнаго съ дополнительнымъ классомъ.

11. Частныя гимназіи и реальныя училища, съ дополнительнымъ классомъ, пользующіяся правами правительственныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также тѣ, гдѣ испытанія зрѣлости производятся на основаніи примѣчанія I къ § 45 правилъ объ испытаніяхъ.

12. Московская практическая академія коммерческихъ наукъ.

13. Семиклассныя и трехклассныя коммерческія училища Министерства Финансовъ и коммерческія училища вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

14. Одесское училище торговаго мореплаванія.

15. Среднія техническія и промышленныя училища, какъ четырехкласснаго состава, такъ и съ 7, 8 и 9-лѣтнимъ курсомъ по соотвѣтственной спеціальности.

16. Частныя среднія техническія училища, пользующіяся правами правительственныхъ среднихъ техническихъ училищъ.

17. Пріютъ (училище) Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго для окончившихъ полный семиклассный курсъ по реальному отдѣленію.

18. Морское инженерное училище Императора Николая I.

19. Военно-топографическое училище.

20. Николаевское инженерное училище.

21. Военныя училища.

22. Михайловское и Константиновское артиллерійскія училища.
23. Николаевское кавалерійское училище.
24. Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ.
25. Морской и кадетскіе корпуса.

Примѣчаніе. Лица, окончившія курсъ общихъ классовъ Морского кадетскаго корпуса, а равно выдержавшія окончательныя испытанія при кадетскихъ корпусахъ въ качествѣ экстерновъ, допускаются къ пріему въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

26. Земледѣльческія училища для окончившихъ курсъ съ аттестатомъ I разряда и получившихъ на основаніи ст. 36 устава земледѣльческихъ училищъ особое свидѣтельство на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія.

27. Духовныя семинаріи православнаго вѣроисповѣданія для окончившихъ курсъ по I разряду, при условіи повѣрочнаго испытанія по математикѣ и физикѣ въ объемѣ гимназическаго курса.

Примѣчаніе. Такому повѣрочному испытанію воспитанники духовныхъ семинарій подвергаются лишь въ томъ случаѣ, если могутъ быть приняты въ высшее спеціальное учебное заведеніе безъ конкурснаго испытанія.

Общее примѣчаніе къ списку.

Лица, имѣющія аттестаты или свидѣтельства отъ перечисленныхъ въ спискѣ среднихъ учебныхъ заведеній, должны при пріемѣ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія выполнить требованія какъ изложенныя въ особыхъ положеніяхъ, такъ и въ подробныхъ правилахъ тѣхъ заведеній (ibid.).

Къ вопросу о физическомъ развитіи учащихся (Предлож. г. Товар. Мин. Нар. Просв. 26 іюня 1903 г. за № 19.887).

Въ циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 15 августа 1902 года за № 21.600 заключается, между прочимъ, нижеслѣдующее указаніе:

„Помимо подвижныхъ игръ и гимнастическихъ упражненій, надлежитъ рекомендовать, въ качествѣ физическихъ упражненій, катанье на конькахъ и лыжахъ, плаваніе и греблю, ѣзду на велосипедѣ, фехтованіе, ручной трудъ, танцы, пѣніе, обученіе игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. Однако, въ виду несчастныхъ случаевъ, въ большомъ количествѣ повторяющихся изъ года въ годъ со школьною молодежью при совмѣстномъ катаньѣ на лодкахъ, надлежитъ совѣтовать настойчиво учащимся пріучать себя, изъ чувства отвѣтственности передъ родными и сопутствующими товарищами, къ соблюденію всѣхъ выработанныхъ опытомъ разумныхъ мѣръ предосторожности. При этомъ слѣдуетъ не только пояснить обстоятельно воспитанникамъ соотвѣтственныя общія правила, но и содѣйствовать установленію въ той или другой мѣстности взаимнаго соглашенія родителей относительно цѣлесообразности надзора за учащимися, принимающими участіе въ товарищескихъ прогулкахъ по водѣ“.

Нынѣ, въ виду неоднократнаго повторенія предусмотрѣнныхъ вышеприведеннымъ мѣстомъ упомянутаго циркуляра несчастныхъ случаевъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія считаетъ долгомъ вновь просить гг. по-

печителей учебныхъ округовъ принять зависящія мѣры къ неуклонному исполненію вышеизложенныхъ указаній.

О вышеизложенномъ сообщается для зависящихъ распоряженій (Циркуляръ по Кiев. учебн. округу № 8, 1903 года).

Подтвержденіе относительно желательности и полезности учрежденія школьныхъ сберегательныхъ кассъ (Предлож. г. Тов. Мин. Нар. Просв. 31 мая 1903 г. за № 17.073).

Циркулярнымъ предложеніемъ отъ 26 іюня 1901 года за № 16.637, вслѣдствіе ходатайства Министерства Финансовъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія просило попечителей учебныхъ округовъ предложить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній и низшихъ школъ вѣдомства Министерства обратить вниманіе на пользу учрежденія школьныхъ сберегательныхъ кассъ, на основаніи правилъ о сберегательныхъ маркахъ и особыхъ выработанныхъ въ Министерствѣ Финансовъ положеній, и отнестись къ учрежденію означенныхъ кассъ съ готовностью, любовью и должною осмотрительностью.

Нынѣ Министръ Финансовъ, усмотрѣвъ изъ полученныхъ имъ отчетовъ о дѣятельности сберегательныхъ кассъ въ Имперіи, что органы Министерства Народнаго Просвѣщенія проявляютъ нерѣдко полное равнодушіе къ дѣлу учрежденія и распространенія школьныхъ сберегательныхъ кассъ, счелъ необходимымъ обратиться въ Министерство съ просьбою оказать возможное содѣйствіе къ болѣе широкому распространенію школьныхъ сберегательныхъ кассъ по учебнымъ заведеніямъ на тѣхъ-же основаніяхъ, которыя были сообщены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по учебнымъ округамъ въ предложеніи отъ 21 іюня 1900 года за № 16.416.

Сообщая объ этомъ, г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 31 мая сего года за № 17.073, подтверждаетъ начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній и низшихъ школъ по Кіевскому учебному округу о желательности и полезности учрежденія школьныхъ сберегательныхъ кассъ, пріучающихъ дѣтей школьнаго возраста къ разумной бережливости (ibid.)

Къ вопросу объ испытаніи лицъ, окончившихъ курсъ, двухкласснаго сельскаго училища, на званіе аптекарскаго ученика (Отнош. Департам. Нар. Просв. 8 іюля 1903 года за № 20.957).

Окончившій курсъ Новоукраинскаго двухкласснаго сельскаго училища Владиславъ *Витлинскій* обратился въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о допущеніи его при Житомирской 1-й или 2-й гимназіяхъ къ сокращенному испытанію на званіе аптекарскаго ученика по латинскому и одному изъ новыхъ языковъ и алгебрѣ.

Вслѣдствіе сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, для послѣдующихъ распоряженій и для объявленія просителю, жительствующему въ г. Житомирѣ, Волынской губерніи, по Александровской улицѣ, д. № 7, съ возвращеніемъ ему сви-

дѣтельства за № 110/191, что мнѣніемъ Ученаго Комитета, утвержденнымъ его высокопревосходительствомъ г. Министромъ, по настоящему дѣлу опредѣлено: признать ходатайство Витлинскаго заслуживающимъ удовлетворенія, такъ какъ курсъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ, по инструкціи 4 іюля 1875 года, вполнѣ соотвѣтствуетъ курсу двухклассныхъ городскихъ, по положенію 26 мая 1869 года, училищъ, при чемъ за окончившими сіи послѣднія признано право на сокращенное испытаніе для полученія званія аптекарскаго ученика (ibid).

По вопросу о томъ, какому испытанію на званіе учителя уѣзднаго училища подвергаются лица, окончившія курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ (Изъ цирк. по Кавказскому уч. окр. 1903 г. № 4).

Управленіе Кавказскаго учебнаго округа, препроводивъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія рапортъ учителя образцовой школы Кубанской учительской семинаріи Павла Мельникова по дѣлу о производствѣ ему сокращеннаго испытанія на званіе учителя уѣзднаго училища, просило о разъясненіи вопроса о томъ, какому испытанію на званіе учителя уѣзднаго училища подвергаются лица, окончившія курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, на заключеніе коего переданъ былъ настоящій вопросъ, по обсужденіи дѣла, нашелъ, что учитель Павелъ Мельниковъ долженъ подвергнуться полному испытанію на званіе учителя уѣзднаго училища, согласно ст. 5 правилъ объ этихъ испытаніяхъ, и таковое мнѣніе утверждено г. Товарищемъ Министра.

Объ изложенномъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа отношеніемъ отъ 12 февраля 1903 г. за № 5.225 (ibid).

Къ вопросу о постановкѣ экзаменовъ и учебныхъ занятій въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (Предлож. г. Министра Народнаго Просв. отъ 8 сентября 1903 г. за № 27.557).

Разсмотрѣвъ вопросъ о постановкѣ экзаменовъ въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, г. министръ народнаго просвѣщенія призналъ нужнымъ установить нижеслѣдующія правила:

1. Въ 8-мъ классѣ женскихъ гимназій должны быть производимы испытанія по спеціальнымъ предметамъ, а также по педагогикѣ, при чемъ въ 7-мъ классѣ долженъ быть производимъ экзаменъ по исторіи педагогики, по которой, однако, и въ 8-мъ классѣ члены экзаменаціонной комиссіи, а также представители министерства народнаго просвѣщенія и учебнаго округа сохраняютъ право ставить отдѣльные вопросы. Независимо отъ сего въ 8-мъ классѣ должны быть введены полугодичныя репетиціи.

2. Педагогическимъ совѣтамъ женскихъ гимназій вмѣняется въ обязательное и непремѣнное руководство требованіе п. 6. параграфа 6 дѣйствующаго учебнаго плана 8-го класса, утвержденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 31 августа 1874 года, въ силу коего каждая ученица избираетъ одинъ изъ предметовъ, по которому она желаетъ получить званіе домашней наставницы или учительницы, и изучаетъ этотъ предметъ въ объемѣ, установленномъ для мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

3. Принимая во вниманіе, что, какъ показываетъ опытъ, ученицы 8-го класса оказываютъ весьма слабыя познанія по неспеціальнымъ предметамъ, я признаю необходимымъ подтвердить, чтобы изъ 7-го класса выпускались съ медалями только воспитанницы, доказавшія, что онѣ дѣйствительно усвоили пройденный курсъ по всѣмъ предметамъ, и чтобы въ 8-й классъ принимались только ученицы, имѣющія повышенныя отмѣтки. Кромѣ того, въ 8-мъ классѣ слѣдуетъ задавать письменныя домашнія работы по поводу рекомендуемыхъ для чтенія книгъ по русской и всеобщей литературѣ, по всеобщей и русской исторіи, по исторіи педагогики и т. д.; самое чтеніе слѣдуетъ систематизировать.

4. Необходимо, гдѣ можно, замѣнять манкирующихъ и явно негодныхъ учителей преподавательницами съ высшимъ образованіемъ. То отсутствіе контроля надъ преподаваніемъ, какое водворилось въ женскихъ гимназіяхъ, не можетъ быть терпимо. Поэтому учебно-окружныя управленія должны относиться не только формально, но и съ взыскательностью къ представленію свѣдѣній о пропущенныхъ урокахъ. За отсутствующихъ должны вести преподаваніе, гдѣ только можно, классныя дамы, а послѣ надлежащихъ предостереженій предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ (которые должны посѣщать уроки) неисправныхъ и вредныхъ по педагогической несостоятельности лицъ должны устранять.

Объ изложенномъ, согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія отъ 8 сего сентября за № 27.557, сообщается для надлежащихъ распоряженій (Циркул. по Кіев. уч. окр. № 10, 1903).

О томъ, что домашнія учительницы, пріобрѣвшія это званіе путемъ спеціальнаго испытанія, могутъ быть допускаемы къ преподаванію всѣхъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ (Отнош. Департам. Народн. Просв. 28 августа—15 сентября 1903 г. за № 26.454).

Одно изъ учебно-окружныхъ начальствъ просило разъясненія департамента народнаго просвѣщенія по вопросу о томъ, могутъ-ли домашнія учительницы, пріобрѣвшія званіе выдержаніемъ спеціальнаго испытанія, преподавать въ *начальныхъ училищахъ всѣ предметы*.

Особый Отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе коего былъ переданъ настоящій вопросъ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ Его Высокопревосходительствомъ г. министромъ, призналъ, что *домашнія учительницы*, пріобрѣвшія это званіе выдержаніемъ спеціальнаго испытанія, могутъ быть допускаемы къ преподаванію въ начальныхъ училищахъ всѣхъ предметовъ, по *программамъ сихъ училищъ положеннымъ*.

Объ этомъ департаментъ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить для руководства въ подлежащихъ случаяхъ (ibid.).

ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му сентября 1903 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія, „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ", состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

	Наличными деньгами	8.038 р. 50 к.
	% бумагами	1.642.650 „ — „
	Изъ нихъ:	
$3^{8}/_{10}$%	конверсіон. облигацій на	34.050 „ — „
4%	свид. государственной ренты	25.000 „ — „
$4^{1}/_{2}$%	облиг. Московск. городск. кред. общ. . . .	133.000 „ — „
„	облигацій С.-Пб. гор. кред. общества . . .	125.900 „ — „
„	закл. лист. Московск. земельн. банка . . .	138.000 „ — „
„	„ „ Бессар.-Таврическ. „ . . .	173.800 „ — „
„	„ „ Донского „ . . .	137.000 „ — „
„	„ „ Полтавскаго „ . . .	149.400 „ — „
„	„ „ Кіевскаго „ . . .	138.100 „ — „
„	„ „ Яросл.-Костромск. „ . . .	143.900 „ — „
„	„ „ Виленскаго „ . . .	125.200 „ — „
„	„ „ Нижег.-Самарскаго „ . . .	149.600 „ — „
„	„ „ Земск. банка Херсонск. г. . .	154.700 „ — „
5%	„ „ Тифлисск. двор. зем. банка . .	15.000 „ — „
	Итого . . .	1.642.650 р.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. (Ж. М. Н. Пр. Ноябрь 1903 г.).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ, Иванъ.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 2-я. 12-е изданіе. М. 1903. Стр. X+226+56. Цѣна 1 р."

— „*Беллярминовъ, И.* Курсъ русской исторіи (элементарный). Изданіе 9-е. Спб. 1903. Стр. IV+150. Цѣна 50 к." (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится соотвѣтственный курсъ русской исторіи).

— „*Беллярминовъ, И.* Курсъ средней исторіи. Изданіе 9-е. Спб. 1903. Стр. II+220. Цѣна 80 коп."

— „*Воронецкій, А.* Учебникъ всеобщей географіи. Изданіе Д. Д. Полу-

бояринова. Спб. 1903. Курсъ 1-й. Общій обзоръ земного шара и карты Россійской Имперіи. 19-изданіе. Стр. 72. Цѣна 45 коп.—Курсъ 2-й. Географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. 18-е, вновь испр. изданіе. Стр. 78. Цѣна 45 коп.—Курсъ 3-й. Европа. 16-е, вновь испр. изданіе. Стр. 76. Цѣна 45 коп."

— „*Воронецкій, А. М.* Учебникъ географіи Россійской Имперіи. 6-е испр. изд. Д. Д. Полубояринова. Спб. 1903. Стр. 166. Цѣна 85 коп."

— „*Глезеръ, П.*, и *Э. Пецольдъ.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть I, 4-е изданіе. Спб. 1903. Стр. VIII+172. Цѣна 90 коп." (для 2 младшихъ классовъ).

— „*Знойко, Николай.* Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Изд. 2-е, перераб. Одесса. 1904. Стр. VIII+228. Цѣна 1 р." (для V класса мужскихъ и женскихъ гимназій).

— „*Киселевъ, А.* Элементарная физика. 2-е испр. изданіе, В. В. Думнова. М. 1903. Выпускъ I. Стр. XVI+170.—Выпускъ II. Стр. X+311. Цѣна за оба выпуска 2 р." (для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Кричагинъ, Н.* Учебникъ минералогіи и физической геологіи. 5-е испр. изданіе, К. Л. Риккера. Спб. 1903. Стр. XII+206. Цѣна 1 р. 10 коп." (для реальныхъ училищъ).

— „*Матченко, И. П.* Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 7-е изданіе, испр. Кіевъ. 1903. Стр. IV+103. Цѣна 80 коп.—8-е изданіе. Кіевъ. 1903. Стр. 106. Цѣна 80 коп." (для VI класса реальныхъ училищъ, а также и для V класса тѣхъ мужскихъ гимназій, въ коихъ нынѣ отмѣнено обязательное изученіе въ этомъ классѣ греческаго языка).

— „*Смирновъ, К.* Учебная книга географіи. Спб. 1903. 1) Общія свѣдѣнія. 39-е, перераб. изданіе. Стр. 125+6 картъ. Цѣна 40 коп.—2) Азія, Африка, Америка и Австралія. 38-е, перераб. изданіе. Стр. 130+6 картъ. Цѣна 60 коп.—3) Европа. 37-е, перераб. изданіе. Стр. 106+16 картъ. Цѣна 60 коп".

— „*Соловьевъ, М.* Практическая минералогія. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1903. Стр. X+199. Цѣна 1 р." (для реальныхъ училищъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александровъ, А.* Полный русско-англійскій словарь. Изданіе 3-е, испр. и дополн. Спб. 1904. Стр. 747. Цѣна 5 р." (для реальныхъ училищъ и для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается англійскій языкъ, а также и въ библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ).

— „*Линбергъ, А.* Учебный атласъ всеобщей географіи. 8-е изданіе, испр. и дополн. М. 1903. 34 табл. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Мозеръ, П.* Элементарный курсъ французскаго языка. Часть I. 1-й и 2-й годы. Изданіе 2-е, автора. М. 1903. Стр. XII+85. Цѣна 60 коп." (для 1 и 2 классовъ).

— „Novellen. Разсказы (Учебныя пособія по нѣмецкому языку съ подстрочнымъ и алфавитнымъ словарями *Ѳ. К. Андерсона*). Спб. 1903. Стр. 123 Цѣна 40 коп." (также и въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Острогорскій, М.* Хронологія всеобщей и русской исторіи. Спб. 1903.

Средняя исторія. 19-е изданіе, испр. и доп. Стр. II+32. Цѣна 25 коп.—Новая исторія. 18-е изданіе, испр. и доп. Стр. II+32. Цѣна 25 к."

— „*Покровскій, Н.* Русская хрестоматія. М. 1903. Часть I. Для приготовительнаго класса. Изданіе 14-е. Стр. 269. Цѣна 50 коп., въ перепл. 65 к.—Часть II. Для первыхъ двухъ классовъ. Изданіе 12-е. Стр. 426. Цѣна 75 к., въ перепл. 90 коп.—Часть III. Для 3-го и 4-го классовъ. Изданіе 10-е. Стр. 453. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 15 коп."

— „*Ушинскій, К.* Дѣтскій міръ и хрестоматія. Спб. 1903. Часть 1-я. Изданіе 38-е, пересм. *Я. Н. Наумовымъ.* Стр. III+200+74. Цѣна 50 коп.—Часть 2-я. Изданіе 33-е, пересм. *Я. Н. Наумовымъ* и *П. А. Шафрановымъ.* Стр. V+304+103. Цѣна 60 коп." (для младшихъ классовъ, а также и для низшихъ училищъ).

— „*Freytag, G.* Soll und Haben. Russische Schulausgabe von. *P. Ney* (Deutsche autoren. Band 14). Kiew. 1903. 231+56 S. Preis geb. 1 Rbl." (для старшихъ классовъ, а также и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

в) ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бобинъ, Сергѣй.* Краткій курсъ географіи. Часть I. Кіевъ. 1903. Стр. II+96. Цѣна 75 коп."

— „*Богдановъ, М. Н.* Мірскіе захребетники. 15-е изданіе, М. Меркушева. Спб. 1903. Стр. 180. Цѣна не обозначена" (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Бузескулъ В.* Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. 1903. Стр. V+535. Цѣна 3 р." (для старшаго возраста, а сверхъ того, признать заслуживающею особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія начальствамъ учебныхъ округовъ, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для выдачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ качествѣ награды).

— „*Булгакова, Е.* Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Стр. VI+77. Цѣна 50 коп." для старшаго возраста.)

— „*Гейсманъ, П. А.*, и *А. Н. Дубовской.* Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Спб. 1897. Стр. VI+119. Цѣна не обозначена" (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гоббсъ.* Левіаѳанъ. О человѣкѣ (психологія). О государствѣ (Общедоступная философія въ изложеніи *Аркадія Пресса*). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902. Стр. 57. Цѣна 40 к." (для старшаго возраста).

— „*Гроцій.* О правѣ войны и мира (Общедоступная философія въ изложеніи *Аркадія Пресса*). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902. Стр. 50. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

— „*Декартъ.* Размышленія о первой философіи (Общедоступная философія въ изложеніи *Аркадія Пресса*). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903. Стр. 61. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

— „*Забекъ, Германъ.* Аристотель. Переводъ *В. Базарова.* Изданіе ред. журн. „Образованіе" (Библіотека философовъ. X). Спб. 1903. Стр. 146. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста).

— „*Іоаннъ Кронштадтскій.* Мысли христіанина. Спб. 1903. Стр. 369. Цѣна 75 к."

— „*Кандезъ, Эрнестъ.* Милочка. Удивительныя приключенія пяти воробьевъ. Перев. съ франц. *Л. В. Р.* Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. VI+274. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Кобельтъ, В.* Географическое распредѣленіе животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Л. Біанки.* Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. XVI+644. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и, сверхъ того, признать пригодной и для назначенія учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ награды).

— „*Краснянскій, В. Г.* Минскій Департаментъ Великаго Княжества Литовскаго (эпизодъ изъ исторіи войны 1812 г.). Спб. 1902. Стр. 72. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Крепелинъ, К.* Природа въ лѣсу и полѣ. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *Н. А. Холодковскаго.* Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. VIII+262. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *Кругловъ, А. В.* Вселенскіе учители. Изданіе В. Спиридонова и Ѳ. Постникова. М. 1903. I. Василій Великій. Стр. 54. Цѣна 30 коп.—II. Григорій Богословъ. Стр. 46. Цѣна 25 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Локъ.* О государствѣ (Общедоступная философія въ изложеніи *Аркадія Пресса*). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902. Стр. 55. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Львовъ, Василій.* 1) Бѣлка и бѣличій промыселъ. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—2) Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. М. 1903. Стр. 42. Цѣна 15 коп. (Школьная библіотека)“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Львовъ, Владиміръ.* Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался (Школьная библіотека). М. 1903. Стр. 60. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Миллеръ, В. П.* Акваріумъ. Руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. XII+133 Цѣна 1 р. 35 коп., въ папкѣ 1 р. 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Реклю, Элизе.* Исторія горы. Переводъ *Д. А. Коропчевскаго.* Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова. (Библіотека дѣтскихъ книгъ). М. 1903. Стр. II+140. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Соловьевъ, Н. И.* Православное духовенство. Изданіе 2-е, знач. дополн., И. Л. Тузова. Спб. 1902. Стр. 346. Цѣна 1 р.“

— „*Твенъ, Маркъ.* Приключеніе Тома Сойера. Полный переводъ съ англ. *В. Исполатова.* 2-е изданіе. Н. С. Аскарханова. Спб. 1904. Стр. 195. Цѣна 1 р. 25 к.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Трусевичъ, А. А.* Классные опыты по физикѣ. Варшава. 1901. Стр. 64+V. Цѣна 75 коп.“ (для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Тубянскій, Д. М.* Какъ сохранить зубы? Изданіе 2-е, испр. Спб. 1903. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Червинскій, А.* Пороки произношенія: заиканье, картавость, шепелявость, гнусавость и ихъ излѣченіе. Макарьевъ на Унжѣ. 1903. Стр. VIII+43. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Шиллеръ*, Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. *С. А. Венгерова.* Изданіе акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1901—1902. Томъ I. Стр. 8+LXXIV+479. Цѣна 5 р.—Томъ II. Стр. 4+568. Цѣна 5 р.— Томъ III. Стр. 4+632. Цѣна 6 р. — Томъ IV. Стр. 4+544. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и, сверхъ того, признать пригоднымъ и для выдачи учащимся въ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ награды).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Андерсенъ, Э. Э.* Систематическая грамматика французскаго языка Этимологія. Изданіе К. Г. Зихмана. Рига. 1903. Стр. 95. Цѣна 40 коп.“

— „*Васильевъ, Петръ.* Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе 2-е, вновь обраб. М. 1903. Стр. VIII+108. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ, а также и для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „*Колосовъ, М.* Старо-славянская грамматика. Изданіе 26-е. Кіевъ. 1902. Стр. 67+XXI. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Кричагинъ, Н.* Учебникъ ботаники. 2-е испр. изданіе, К. Л. Риккера. Спб. 1903. Стр. VII+351. Цѣна 1 р. 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была значительно сокращена, преимущественно въ систематической части).

— „*Юревичъ, I. Я.* Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I. Изданіе 2-е. Спб. 1903. Стр. IV+244. Цѣна 80 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Mroczek, A.* Premières lectures et premières leçons de choses. Lódz. 1903. Pages 169. Prix. 60 cop.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была напечатана съ надлежащею корректурною исправностью).

— „*Острогорскій, М.* 1) Хронологія всеобщей и русской исторіи. Древняя исторія. 18-е изданіе, испр. и доп. Спб. 1903. Стр. 11—24. Цѣна 25 коп.—

2) Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. 14-е изд. (испр. и доп.). Спб. 1903. Стр. 48. Цѣна 25 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ выпускѣ въ свѣтъ книжки были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Круковскій, М. А.* Жизнь въ природѣ. Біологическіе очерки. По Брэму, Маршалю и др. Изданіе журнала „Товарищъ". Спб. 1903. Стр. 289. Цѣна 1 р. 50 коп." (для старшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія: 1) „*Томасикъ, М. И.* Наглядная карта Европейской Россіи. Дополнена и издана кружкомъ учителей подъ ред. *В. В. Урусова.*—2) Указатель къ ней. Варшава. 1903. Стр. 80. Цѣна карты вмѣстѣ съ указателемъ 15 р., цѣна указателя 40 коп." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Перліа.* Гигіена зрѣнія. Переводъ съ нѣм. под. ред. *М. Волковой.* Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1899. Стр. 119+II. Цѣна 35 коп."— допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: „*Гершойгъ, Г. М.* Учебныя наглядныя пособія для школы, семьи и самообразованія. Изданіе Е. П. Распопова въ Одессѣ. 1) Школьная коллекція металловъ съ приложеніемъ объяснительной брошюры: Краткое описаніе наиболѣе употребляемыхъ металловъ. Цѣна 1 р. — 2) Школьная коллекція минераловъ, состоящая изъ 42-хъ представителей. Съ приложеніемъ объяснительной брошюры: Краткое описаніе важнѣйшихъ минераловъ. Цѣна 3 р."—допустить къ употребленію, въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, признавъ при этомъ желательнымъ, чтобы размѣры минераловъ и горныхъ породъ были увеличены примѣрно, вдвое.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Андреевъ, А.* Русская пропись. Руководство къ обученію письму. Рига. 1903. Стр. 62. Цѣна 30 коп." (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, а также и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Владимірскій, И.* 1) Обучающая диктовка, чтеніе и списываніе

Часть I. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VII+55+III. Цѣна 25 коп.— 2) Орѳографическій словарь съ приложеніемъ важнѣйшихъ правилъ правописанія. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 43. Цѣна 10 коп.“ (для городскихъ и сельскихъ училищъ, а также и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Киселевъ, А.* Краткая ариѳметика. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 139. Цѣна 40 коп.“ (для городскихъ училищъ и для низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ривесманъ, А.* Живая русская рѣчь. Систематическій сборникъ письменныхъ и устныхъ упражненій. 3-е испр. изданіе, А. Г. Сыркина. Вильна. 1903. Стр. VI+133. Цѣна 30 коп.“ (для тѣхъ училищъ, гдѣ дѣти при поступленіи не знаютъ по-русски).

— „*Сатаровъ, В.*, и *А. Тороповъ.* Родная нива. Книга для чтенія. Изданіе 2-е К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 471+IV. Цѣна 75 коп.“ (также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Тростниковъ, М. А.* Русская хрестоматія. Для 5 и 6 года обученія въ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищахъ. Глуховъ. 1903. Стр. IV+333+IV. Цѣна 60 коп.“ (также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ушинскій, К. Д.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1903. Годъ 1-й. Азбука и 1-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 126-е. Стр. VI+112. Цѣна 25 коп.—Годъ 2-й. 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 109-е. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бубликовъ, М.*, и *Н. Гольденбергъ.* Русская школа. Замѣтки для преподающихъ по книгѣ того-же названія. Спб. 1902. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“

— „*Мироносицкій, П.* Школьный Рождественскій праздникъ. Изданіе (2-е) ред. жур. „Народное образованіе“. Спб. 1903. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“ (для городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Разсказы о Западной Сибири или о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ живутъ люди. Изданіе 2-е, доп. и перераб. № 300. М. 1898. Стр. 191+1 карта. Цѣна 30 коп.“ (а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Третьяковъ, Н. В.* Начальныя школы Сибирскаго казачьяго войска въ концѣ XIX вѣка. Спб. 1903. Стр. 153. Цѣна 1 р.“

— „Энциклопедическій словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Полутомы 75 и 76. Спб. 1903. Стр. 958“. (для учительскихъ семинарій, городскихъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авилова, П.* На лѣсной полянкѣ. Сцены для дѣтскаго театра (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 46. Цѣна 20 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Алексѣй Чайковскій, войсковой писарь. Разсказъ изъ Запорожской старины (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 94. Цѣна 20 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Альмедингенъ, Александръ.* Яковъ Черновъ. Разсказъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 18. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— *Альмедингенъ, Е.* Исторія маленькой швеи. Разсказъ. (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 30. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Буснахъ, В.* Своими силами. Перев. съ франц. Изданіе ред. журн „Всходы“. Спб. 1902. Стр. 139. Цѣна 30 коп.“

— „*Васильковская, М. В.* На Себежскомъ озерѣ. Разсказъ изъ быта бѣлоруссовъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Вердеревская, С. А.* Папочка. Быль (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 31. Цѣна 6 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Вердеревская, С.* Св. Францискъ Ассизскій. Очеркъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 54. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Гете.* Германъ и Доротея. Переводъ *С. А. Вердеревской* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 86. Цѣна 20 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Д—ъ, А.* Картины прошлаго (Изъ семейной хроники священника). (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народнныхъ чтеній).

— „I. Дора. — II. Година. — III. Абу-Бэнъ-Адемъ и ангелъ. Изъ англ. поэтовъ. Переводъ *С. А. Вердеревской* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 12. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Ефремови, О.* Воскресеніе Христово (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 20. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Жена крестьянина. — Мельникъ на рѣкѣ Ди. — Тувалкаимъ. — Бленгеймскій бой.—Сонъ невольника.—Желанная страна. Разсказы, выбранные изъ англ. поэтовъ. Переводъ *С. А. Вердеревской* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 10. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Исторія Иліи, пророка Израильскаго (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 51. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Какъ засѣдатель уѣзднаго суда Мякель сдѣлался другомъ животныхъ. Съ финскаго перевелъ *К. Мацуковъ* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 10. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Кумъ смерти. Финляндская народная сказка (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 14. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*I. Леандеръ, Р.* Волшебное кольцо. II. *Розеггеръ, П.* Домъ „маленькаго Макса“ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 14. Цѣна 3 коп.“ также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Левинъ, К.* Отчего въ моряхъ соленая вода. Сказка (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 13. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Левнеръ, И. Б.* Еврейскія легенды. Перев. съ еврейскаго подъ ред. автора и кружка литераторовъ ипедагоговъ *Л. А. Цукерманъ.* Издательство „Сіонъ“. Варшава. 1903. Стр. VIII+240. Цѣна 1 р.“ (для еврейскихъ начальныхъ училищъ и талмудъ-торъ).

— „*Литинскій, О. А.* Простѣйшій способъ оживленія мнимоумершихъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 22. Цѣна 8 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Лонгфелло.* Евангелина. Переводъ *С. А. Вердеревской* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 56. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*М—въ, Ив.* Васко де-Гама, или Открытіе морского пути въ Индію (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 97. Цѣна 20 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Маджи, Е. Н.* Девять видовъ города Новаго Маргелана, Ферганской области. Новый Мергеланъ. 1903. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для Туркестанскаго края).

— „Малорусскія думы. Книжка 1-я (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Матвѣевъ, Ив.* Сборникъ стихотвореній духовнаго содержанія (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 53. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— *Милошевичъ, Л.* Переѣздная сторожиха. Разсказъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Нюбломъ, Е.* Бурныя волны морскія. Сказка. Переводъ съ датскаго *А.* и *П. Ганзенъ.* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 16. Цѣна 4 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Нюбломъ, Елена.* Все, что умѣетъ летать. — Парень, не умѣвшій лгать. — Тетушкинъ сундучокъ. Сказки (Читальня народной школы) Спб. 1901. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Парамоновъ, А.* По мѣсту и цвѣтъ. Очеркъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 30. Цѣна 8 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Парамоновъ, А.* Щиты и брони въ царствѣ животныхъ. Очеркъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 42. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Полевой, Н. А.* Дѣдушка русскаго флота. Съ предисловіемъ *Ив. Ѳеоктистова* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 52. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Протопоповъ, С.* Святая мученица Перпетуя (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 14. Цѣна 4 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Русская народная сказка объ Иванѣ-царевичѣ, о Бѣлой Лебеди Захарьевнѣ и о цѣлющей водѣ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 17. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Сергѣевъ, С.* Лампады жизни. Разсказъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 11. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Сказаніе о вѣчномъ жидѣ. (Заимствовано съ франц.). (Читальн. народной школы). Спб. 1901. Стр. 22. Цѣна 6 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Слово о полку Игоревѣ. Съ древне-русскаго переложилъ *В. О—ъ.* (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 30. Цѣна 8 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Соловцова, А.* Насѣкомоядныя растенія. Очеркъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Соловьевъ, Н.* Лисица. Очеркъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 26. Цѣна 7 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Соперники. Историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 60. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Тулиновъ, Н. Н.* Въ странѣ труда и знанія (Изъ лѣтней поѣздки по Финляндіи). (Читальня народной школы). Спб. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Тулиновъ, Н. Н.* Поѣздка на Валаамъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Ѳ—а, О.* Какъ Митя сдѣлался работникомъ (Читальня народной школы). Спб. 1901. Стр. 10. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Андерсенъ, Г.* Избранныя сказки. Переводъ *Н. Перелыгина*, подъ ред. *М. Васильева* Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 115. Цѣна 40 коп въ папкѣ 55 коп.“

— „*Андерсенъ.* Сказки. Переводъ *П. Вейнберга.* Изданіе Т-ва И. Д. Сытина (Библіотека сказокъ. Подъ ред. *Н. В. Тулупова*). М. 1903. Вып. V. Стр. 47. Цѣна 15 коп.—Вып. VI. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Андерсенъ.* Собраніе сказокъ. Книжка I. Переводъ *Петра Вейнберга* Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 270. Цѣна въ папкѣ 1 р.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Богдановъ, М. Н.* Изъ русской природы. 1) Пасхальное яичко. Стр. 22. Цѣна 10 коп.—2) Глухарь и Орлиная дума. Стр. 24. Цѣна 10 коп. (Обѣ—изданія Н. С. Аскарханова. Спб. 1903).“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Вагнеръ, Германъ.* Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Переводъ съ нѣм. № 277. М. 1897. Стр. 169+II. Цѣна не обозначена“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Васильевъ, М.* Наша бабушка Анна Максимовна. Изданіе 2-е М. В. Клюкина (Добрыя души). М. 1903. Стр. 27. Цѣна 5 коп.“

— „*Вѣтринскій, Ч.* „Божьи дѣти“. Сборникъ. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1901. Стр. 38. Цѣна 7 коп.

— „*Густафсонъ, Р.* Сказки. Переводъ съ нѣмецкаго изданія подъ ред. *К. Тетюшиновой* (Дѣтскія изданія Ф. Павленкова). Спб. 1885. Стр. IV+226 Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— „*Додэ, Альфонсъ.* „Малютка". Исторія одного ребенка. Переводъ съ франц. *Д. К. Тихомирова.* Изданіе К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 226. Цѣна 50 коп."

— „*Дьяковъ, Н.* Годъ на крейсерѣ „Адмиралъ Нахимовъ". Спб. 1902. Стр. 230. Цѣна 1 руб. 20 коп."

— „*Карамзинъ, Н. М.* Внукъ Ярослава Мудраго Владиміръ Мономахъ (Исторія государства Россійскаго). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена."

— „*Кругловъ, А. В.* За чужимъ горбомъ. Изданіе 4-е М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 127. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лебедевъ, Платонъ.* Будда, его жизнь и ученіе. Историческая коммиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній. М. 1903. Стр. 33. Цѣна 10 коп." (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Левицкій, И.* Два брата. Переводъ съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина.* Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Матвѣева, А.* Фабіола. Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ. 2-е изданіе К. И. Тихомирова. М. Стр. 219. Цѣна 75 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мельгунова, М.* Страна пирамидъ (Египетъ). Историческая коммиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 10 коп." (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Меньшиковъ, А. Н.* Какъ устраивать праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ и городскихъ. Изданіе 3-е, испр. и доп. Вятка. 1903. Стр. 108. Цѣна 30 коп. прост. экз. и 45 коп. изящнаго".

— „*Немировичъ-Данченко, В.* 1) Соловьиная ночь. Стр. 12. Цѣна 3 коп.— 2) Черный рыцарь. Стр. 40. Цѣна 7 коп.—3) Старый фельдфебель. Стр. 67. Цѣна 8 коп.—4) Богъ проститъ. Стр. 59. Цѣна 7 коп. (Изданія акц. общ. „Издатель" №№ 22—25. Спб. 1899)."

— „*Покровскій, Н.* Веселый праздникъ. Разсказы иностранныхъ писателей. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Покровскій, Н.* Изъ галлереи дѣтскихъ портретовъ. Разсказы современныхъ писателей. Книжка 2-я. М. 1903. Стр. 67. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Поль, А.* Послѣ урока. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 46. Цѣна 25 коп."

— „Сборники избранныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изданіе Вятскаго товарищества. Вятка. 1903. Вып. 3-й. Сказки и легенды. Стр. 138. Цѣна 12 коп.—Вып. 4-й. Крестьянскія дѣти. Стр. 56. Цѣна 7 коп."

— „*Святовитъ.* 1) Пересталъ пить. Изданіе П. П. Крылова. Старица. 1903. Стр. 18. Цѣна 3 коп.—2) Отъ вина—всѣ бѣды. Изданіе И. Крылова. Старица. 1899. Стр. 8. Цѣна 2 коп."

— „*Сенкевичъ, Генрикъ.* Разсказы для юношества. Изданіе Т-ва М. О.

Вольфъ (Библіотека знаменитыхъ писателей для юношества). Спб. и М. 1903. Стр. 65. Цѣна 30 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Три смерти. 2-е изданіе К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 23. Цѣна 3 коп.“

— „*Харузина, В. Н.* Оцзи и Олесъ. Разсказъ изъ жизни лопарей (Школьная библіотека). М. 1903. Стр. IV+47. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія,средняго и младшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Черскій, Л. Ф.* Кавказскіе разсказы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“

— „*Шмидтъ, О. И.* Галя. № 8. М. 1903. Стр. 31. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Бекетова, М.* За тюремной рѣшеткой. Повѣсть объ итальянскомъ узникѣ Сильвіо Пеллико. По запискамъ его. № 435. М. 1902. Стр. 192. Цѣна 15 коп.“

— „*Булгаковскій, Д. Г.* На помощь. Сборникъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Изданіе 3-е. М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 202. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“

— „*Волковъ, Н. П.* Императорское Человѣколюбивое общество (Очеркъ). 2-е дополн. изданіе. Владикавказъ. 1903. Стр. 30. Цѣна 30 коп.“

— „*Волковъ, Н.* Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Владикавказъ. 1900. Стр. 16. Цѣна не обозначена.“

— „*Георгіевскій, Г. П.* Смутное время. Очерки и разсказы. Приходская библіотека. М. 1903. Стр. 371. Цѣна 60 коп.“

— „*Герасимовъ, П. Н.* 1) Усердіе не по разуму. 2-е изданіе. Стр. 24. Цѣна 6 коп.—2) Копеечку бросишь—рубль подберешь. 2-е изданіе. Стр. 80. Цѣна 15 коп.—3) Дома и у турокъ. Стр. 52. Цѣна 10 коп. (Всѣ 3—изданія К. И. Тихомирова. „Библіотека народныхъ книгъ“. М. 1903)“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Диккенсъ, Чарльзъ.* 1) Воровская шайка или Приключенія бѣднаго сироты Оливера Твиста. Романъ. Съ англійскаго. № 379. М. 1900. Стр. 355. Цѣна 25 коп.—2) Бѣдная внучка. Романъ. Въ изложеніи *О. М. Хмѣлевой.* № 271. М. 1901. Стр. 324. Цѣна 25 к.

— „*Зандъ, Жоржъ.* Великанъ Іеусъ. Сказка. Переводъ *М. Д. Никоновой.* Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1895. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“

— „Ледащій. Разсказъ. № 72. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Лейкинъ, Н. А.* Гдѣ апельсины зрѣютъ. Юмористическое описаніе путешествія по Ривьерѣ и Италіи. Изданіе 15-е. Спб. 1903. Стр. 487. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас.* Монахъ. Романъ. Изданіе 3-е, доп., А. С. Суворина. Спб. 1898. Стр. 358. Цѣна 1 р.“

— „*Оржешко, Элиза.* Могучій Самсонъ. Переводъ съ польскаго *Н. И. П.* Изданіе М. В. Клюкина (Добрыя Души. № 41). М. 1899. Стр. 80. Цѣна 10 коп.“

— „*Пляшкевичъ, В. А.* Конецъ пьянству. Вильна 1903. Стр. 26. Цѣна 30 коп.“

— „Православно-русское слово. Годъ 1-й. Спб. 1902. №№ 1—20. Цѣна журнала съ приложеніями—5 р., съ перес. 6 р.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Проскурниковъ, Т. В.* Изъ исторіи колонизаціи Слободской Украины. Объ основаніи сторожевыхъ городовъ въ XVII вѣкѣ. СПб. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „Раненый врагъ. Разсказъ. № 351. М. 1902. Стр. 16. Цѣна не обозначена.“

— „*Селивановскій, И.* Какъ выбиться изъ нужды къ достатку. Выпускъ 1-й (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 35-ая). М. 1903. Стр. 110. Цѣна 12 коп.“

— „*Сергіевъ, І. И.* (Кронштадтскій). Полный годичный курсъ поученій. Безплатное иллюстр. прилож. къ журн. „Православно-русское слово“ на 1902-й годъ. Спб. 1902. Стр. 568“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ставровскій, Л.* Кавказъ. № 203. М. 1897. Стр. 47. Цѣна 6 коп.“

— „*Станюковичъ, К. М.* Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°. Спб. 1903. Стр. 8. Цѣна 5 коп.“

— „*Тимковскій, Н.* I. Вьюга. II. Авось и небось. Изданіе маг. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 51. Цѣна 20 коп.“

— „*Шкапскій, О.* Какъ хивинцы ведутъ полевое хозяйство на своихъ безводныхъ земляхъ (Разсказы о Средней Азіи. Книжка 1-я) № 275. М. 1900. Стр. 61. Цѣна 12 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Черскій, Л.* Дѣтскіе годы Шиллера. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Колесниковъ, В. А.* Крестьянское хозяйство большой и малой семьи. Ярославль. 1903. Стр. 56. Цѣна 15 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы статья „Кредитъ“ была исправлена и вообще улучшено изложеніе брошюры)

— „*Носиловъ, К. Д.* Юдикъ. Разсказъ изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ М. 1903. (Школьная библіотека). Стр. V+56. Цѣна 15 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была пересмотрѣна и исправлена въ отношеніи изложенія).

— „*Поповъ, Ив.* Дикіе люди жаркой полосы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 91. Цѣна 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Владимірскій, И.* Обучающая диктовка, чтеніе и списываніе. Часть II. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VII+29+51+II. Цѣна 35 коп.“—

допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „*Шиповъ Н. Н.* Стѣнная карта Европейской Россіи съ изображеніемъ народовъ и ихъ промысловъ. Изданіе 2-е испр. и доп. Херсонъ. 1903. Цѣна 80 коп.“ —допустить къ вывѣшиванію въ низшихъ училищахъ и въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: „Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ. Отдѣлъ критики и библіографіи дѣтской литературы. Чтенія для народныхъ аудиторій изъ *А. С. Пушкина.* Спб. 1899. I. Русланъ и Людмила. Стр. 49.—II. Арапъ Петра Великаго. Стр. 36.—III. Мѣдный всадникъ. Стр. 24.—IV. Бахчисарайскій фонтанъ. Стр. 25.—V. Кавказскій плѣнникъ. Галубъ. Стр. 44.—VI. Борисъ Годуновъ. Стр. 53.—VII. Скупой рыцарь. Стр. 26. Цѣна каждаго чтенія 5 коп.“—включить въ слѣдующее изданіе „Каталога книгъ для публичныхъ народныхъ чтеній“.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ (Ж. М. Н. Пр. Декабрь 1903 г.).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ, Иванъ.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть II. 11-е изданіе. М. 1902. Стр. X+226+56. Цѣна 1 р.“

— „*Барановъ, А.*, и *Н. Горѣловъ.* Географія Россійской Имперіи. 16-е испр. изданіе, Д. Д. Полубояринова. Спб. 1903. Стр. 173. Цѣна 80 коп.“

— „*Бауеръ, Ю.* Руководство для начальнаго обученія русскому языку по естественному методу. 2-е изданіе, испр. и доп., магазина „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. VII+134. Цѣна 75 коп.“ (для двухъ низшихъ классовъ).

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Учебникъ по русской грамматикѣ. Изданіе 16-е. Орелъ. 1903. I. Этимологія. Стр. 98+I. Цѣна 40 к —II. Синтаксисъ. Стр. 78+I. Цѣна 40 коп.“

— *Гауфъ, Л. А.* 1) Практическая грамматика англійскаго языка (English Conversation-Grammar for Russians). Метода Гаспей-Отто-Зауэра. Изданіе Юлія Грооса въ Гейдельбергѣ и К. Л. Риккера въ Спб. 1902. Стр. VIII+II+380+2 карты. Цѣна 1 р. 80 к.—2) Ключъ къ „Практической грамматикѣ англійскаго языка“. 1902. Стр. 60. Цѣна 80 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается англійскій языкъ).

— „*Глезеръ, П.*, и *Э. Нецольдъ.* Lehrbuch der deutschen Sprache. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть II. 2-е изданіе. Спб. 1903. Стр. VI+75. Цѣна 35 коп.“

— „*Иванцовъ, Н. А.* Руководство зоологіи. Одесса. 1903. Стр. X+336. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Карѣевъ, Н.* Учебная книга новой исторіи. Изданіе 4-е. Спб. 1903.

Стр. VIII+247+XIX картъ. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшихъ классовъ гимназій).

— „*Lehmann, Rudolf.* Übersicht über die Entwickelung der deutschen Sprache und Litteratur. 3-te, durchgesehene Auflage. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung. 1900. VIII+124. S. Preis 1 M. 40 Pf.“ (для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ старшихъ классахъ коихъ проходится исторія нѣмецкой литературы на нѣмецкомъ же языкѣ).

— „*Лопатинскій, Л. Г.* Краткая латинская грамматика. Изданіе 8-е. Тифлисъ. 1903. Стр. VIII+11. Цѣна 50 коп.“

— „*Mittelsteiner, E.* Kurze deutsche Grammatik. Etymologie und Syntax nebst orthographischem Anhang. 5-e Auflage. Verlag der Buchhandlung K. I. Tichomirow. M. 1903. Стр. XIII+175. Цѣна 80 коп. въ папкѣ“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Поливановъ, Левъ.* Краткій учебникъ русской грамматики (синтаксисъ и этимологія). Изданіе 14-ое. М. 1903. Стр. 127+V. Цѣна 50 коп.“

— „*Триллингъ, Ф.* Практическій учебникъ французскаго языка. 1) Приготовительный годъ 2-е изданіе. М. 1903. Стр. 15+XVI+80. Цѣна 40 коп.— 2) 1-й годъ: „Въ школѣ и дома“. 4-е изданіе. М. 1903. Стр. 15+XVI+152. Цѣна 60 коп.—3) 2-й годъ: „Въ деревнѣ и въ городѣ“. 2-е изданіе. М. 1903. Стр. VIII+120. Цѣна 60 коп.“

— „*Щербаковъ, С.* Курсъ космографіи. Изданіе 2-е. Нижній-Новгородъ. 1903. Стр. VIII+187+IV. Цѣна 1 р.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— *Гольденбергъ, А. И.* Собраніе ариѳметическихъ упражненій. 1) Курсъ приготовительнаго класса. 3-е испр. изданіе. Спб. 1902. Стр. 80. Цѣна 25 к.— 2) Курсъ 1-го класса. 2-е испр. изданіе. Спб. 1900. Стр. 80. Цѣна 25 коп.— 3) Курсъ 2-го класса. 2-е испр. изданіе. Спб. 1902. Стр. 80. Цѣна 25 коп.— 4) Окончаніе курса 2-го класса (десятичныя дроби). Спб. 1902. Стр. 56. Цѣна 25 коп.“

— „*Гомеръ.* Иліада. Пѣснь I. Объяснилъ *Сергѣй Манштейнъ* (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изданіе 3-е. Спб. 1903, Часть I: Текстъ. Стр. 23+1 карта.—Часть II: Комментарій. Стр. 63. Цѣна за обѣ части 40 коп.“

— „*Caтре, I. H.* Robinson. Обработалъ *Марксъ Фишеръ.* Изданіе 3-е. В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VII+149 текста+53 словаря. Цѣна 50 коп.“

— „*Leder, A.* Übungsaufgaben für deutsche Grammatik und Stil. Verlag von W. Mietke. Warschau. 1903. 120 S. Preis gebunden 50 Kop.“

— „*Лунскій, Н. С.* 1) Сокращенное вычисленіе суммы, разности, произведенія и частнаго. 2-е изданіе. Одесса. 1900. Стр. 72. Цѣна 35 коп.— 2) Тройныя правила. Одесса. 1903. Стр. 60. Цѣна 35 коп.—3) Задачи на тройныя правила. Одесса. 1903. Стр. 25. Цѣна 15 коп.—4) Политическая ариѳметика. 2-е изданіе, испр. и дополн. Одесса. 1903. Стр. 64. Цѣна 60 к.“ (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ, а также и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Molière.* L'Avare. Объяснилъ *К. Л. Фельи* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е, пересм. и испр. Спб. 1903. Стр. 138 (въ текстѣ)+32

(въ отдѣльномъ словарѣ). Цѣна со словаремъ 40 коп.“ (также и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Rosegger*, *P.* Waldheimat. Russische Schulausgabe von *L. Behrstn* und *M. Bruneneek* (Deutsche Autoren. Band. 13). Kiew. 1903. Стр. 130. Цѣна въ папкѣ 50 коп.“ (для среднихъ классовъ).

— „Сборникъ стихотвореній и прозаическихъ статей для заучиванія. Изданіе 12-е, А. Г. Сыркина. Вильна. 1903. Стр. 267 Цѣна 35 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Цезарь, Гай Юлій*. Записки о Галльской войнѣ. Книга. I. Объяснилъ *Сергѣй Манштейнъ*. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изданіе 5-е. Спб. 1903. Часть I. Текстъ. Стр. 36+3 карты). Часть II. Комментарій. Стр. 85. Цѣна за обѣ части 60 коп.“

— „*Цицеронъ, М. Тулій*. Рѣчь за Лигарія. Объяснилъ *В. А. Алексѣевъ* (Иллюстр. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изданіе 2-е. Спб. 1903. Часть I. Текстъ. Стр. 15+I листъ картъ.—Часть II. Комментарій. Стр. 41. Цѣна за обѣ части 40 коп.“

— „*Шиллеръ*. Исторіи тридцатилѣтней войны въ избранныхъ отрывкахъ, съ примѣчаніями и словарями. Составилъ *А. Баронъ*. Изданіе 3-е. Казань. 1903. Стр. IV+123+194+XIII. Цѣна 65 коп.“ (для старшихъ классовъ).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александръ*, епископъ Можайскій. 1875—1885. Десятилѣтіе священства. Слова, рѣчи и поученія. Изданіе В. Думнова. М. 1889. Стр. VIII+313. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Бремъ, А. Э.* Жизнь животныхъ. Обработано для юношества подъ ред. *А. М. Никольскаго*. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902. Томъ I. Млекопитающія. Обработалъ *Ф. С. Груздевъ*. Стр. 524+XII.—Томъ II. Птицы. Обработалъ *Я. Перельманъ*. Стр. 324+XVII.—Томъ III. Пресмыкающіяся.—Земноводныя.—Рыбы.—Безпозвоночныя. Обработалъ *А. В. Зелснинъ*. Стр. 459+XXXIV. Цѣна за 3 тома 6 р. въ перепл. 8 р.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Германскія героическія сказанія. Парсиваль. Примѣчаніями и словарями снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе 4-е. В. В. Думнова. М. 1903. Стр. X+70. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Джемсъ, Уилльямъ*. Бесѣды съ учителями о психологіи. Переводъ *Александра Громбаха*. Изданіе С. Скирмунта. М. 1902. Стр. XIV—186. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Знаменскій, Василій*. Ученіе о богослуженіи православной церкви. Изданіе 3-е, испр. Симферополь. 1903. Стр. 128+V. Цѣна не обозначена“. (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Queyrat, Frèderic*. Развитіе мышленія у дѣтей (логика ребенка и ея воспитаніе). Переводъ *О.* и *С. Егуновыхъ* Подъ ред. *Л. Е. Оболенскаго*. Изданіе Б. И. Губинскаго. Спб. 1903. Стр. 115. Цѣна 40 коп.“ (для библіотеки и читальни).

— *Львовъ В. Н.* Жизнь растеній въ полѣ и въ саду. (Первое знаком-

ство съ природой. Вып. III). Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903. Стр. 76. Цѣна 40 коп." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Лясковскій, Валерій*. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Вып. III. Спб. 1899. Стр. 99. Цѣна не обозначена" (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Мижуевъ, П. Г.* Ричардъ Кобденъ (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 12). Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб. 1894. Стр. 66. Цѣна 20 коп." (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Нагуевскій, Д.* Остія, гавань Рима. Казань. 1903. Стр. 42. Цѣна 60 коп." (для старшаго возраста).

— „Объ истинно-христіанскомъ воспитаніи. Чтенія по Закону Божію для слушательницъ педагогическихъ курсовъ при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ. Изданіе 2-е, испр. и доп. подъ ред. *А. Дернова*. Спб. 1902. Стр. IV+520. Цѣна 3 р." (для старшаго возраста, а также въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Павловъ, А.* Учебникъ ботаники въ восходящемъ порядкѣ. Часть 1-ая. Растенія споровыя. М. 1903. Стр. 116. Цѣна 80 коп." (для старшаго возраста а также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „Сборникъ произведеній русской словесности, принятыхъ въ женскихъ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа для заучиванія наизусть. Составленъ подъ ред. *В. П. Брюханова*. Казань 1903. Стр. IV+137+IV. Цѣна 50 коп."

— „*де Сегюръ, Гастонъ*. На краю свѣта (годъ въ Новой Зеландіи). Переводъ съ франц. *Н. Волконской*. Подъ ред. *Д. А. Коропческаго*. Изданіе О. Н. Поповой (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ). Спб. 1903. Стр. 177+II. Цѣна 60 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Справочный словарь орѳографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Подъ ред. *А. Н. Чудинова*. Спб. 1901. Томъ I. Столбцы 1—1120.—Томъ II. Столбцы 1121—2208. Цѣна за 2 тома 6 р." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Ященко, А. Л.* Хрупъ. Воспоминанія крысы-натуралиста. Спб. 1903. Стр. VII+124+II. Цѣна 2 р." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для выдачи воспитанникамъ и воспитанницамъ младшаго возраста въ награду, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

г) въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Колосовъ, М.* Старо-славянская грамматика. Изданіе 27-е. Кіевъ. Стр. 67+XIX+II. Цѣна 75 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета по поводу 26-го

изданія, и чтобы слѣдующее изданіе было напечатано на лучшей бумагѣ).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія С. *О. Цыбульскаго*: 1) Иллюстрація быта грековъ и римлянъ въ таблицахъ. Табл. XIV-а и XIV-ѣ. Древній городъ Аѳины. Обработалъ *Р. Леперъ*. Изданіе 2-е, испр. Цѣна за 2 табл. 5 руб.—Табл. XVI, XVII и XVIII. Одежда грековъ. Составилъ *В. Амелунгъ*. Цѣна каждой табл. 2 р.—Табл. XIX и XX. Одежда римлянъ. Составилъ *В. Амелунгъ*. Цѣна каждой табл. 2 р.—2) Тѣ-же таблицы XVI—XX въ маломъ форматѣ подъ общимъ заглавіемъ: Tabulae quibus antiquitates graecae et romanae illustrantur. Цѣна каждой табл. 10 коп.—3) Die Gewandung der alten Griechen und Römer Erklärender Text zu den Tafeln XVI bis XX von *Walther Ameling*. Leipzig. 1903. 61. S. Preis. 1 M. 50 Pf.“—признать заслуживающими рекомендаціи особымъ циркуляромъ педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія таблицъ большого формата на средства сихъ заведеній въ качествѣ классныхъ пособій при чтеніи древнихъ авторовъ и при изученіи древней исторіи, а таблицъ малаго формата и объяснительной брошюры—для необязательнаго пользованія учащимися при объясненіяхъ преподавателя, а равно и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Д. В.*, Основныя начала христіанскаго воспитанія съ изложеніемъ способовъ обученія Закону Божію. Харьковъ. 1902. Стр. VII+218. Цѣна 90 коп., съ перес. 1 р.“—допустить въ учительскія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— „Книгу: „*Ушинскій, Константинъ*. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Изданіе 11-е, сокращенное подъ ред. *К. А. Сентъ-Илера* и *Л. Н. Модзалевскаго*. Спб. 1903. Стр. XII+XLVI+495. Цѣна 2 р. 50 коп.“—допустить въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „*Westermann, Ernst*. Materialien für den deutschen Sprhachunterricht. Verlag von N. Kymmel. Riga. 1903. Стр. 212. Цѣна не обозначена“—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— ‚*Беллярминовъ И.* Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изданіе 31-е. Спб. 1903. Стр. 384. Цѣна 90 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Бубликовъ, М.* Спутникъ „Русской Школы“ М. Бубликоваи Н. Гольденберга. Часть III. Вильна. 1904. Стр. 71. Цѣна 25 коп.“

— „*Граменицкій, С.* Главныя правила русскаго правописанія и примѣры для упражненій, 3-е изданіе. Ташкентъ. 1903. Стр. II+76. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Губко, А. І.* Курсъ чистописанія. Прямой шрифтъ. Спб. 1903. Тетради 1-я и 2-я. Цѣна каждой тетради 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ чтобы цѣна каждой тетради была понижена до 10 коп.).

— „*Максимовъ, Я.* Сборникъ диктантовъ. Изданіе 3-е, Г. Я. Юревича. Спб. 1904. Стр. IV+52. Цѣна 20 коп.“ (также и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Новая хрестоматія. Составлена кружкомъ учительницъ подъ ред. *В. А. Воскресенскаго.* Изданіе 6-е дополн. Спб. 1903. Стр. II+298+IV. Цѣна 80 коп.“ (также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Раевскій, Н.* Краткое руководство всеобщей географіи. 11-е изданіе испр. Спб. 1903. Стр. 151. Цѣна 85 коп.“ (для городскихъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ завиденій:

— „*Акройтъ, Г. С.* Пропедевтика земледѣлія въ народной школѣ. 2-е изданіе. Одесса. 1902. Стр. VIII+47. Цѣна 15 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Англійская болѣзнь. Гигіена, діэта и лѣченіе. По Генноху, Шредеру и Багинскому. Составлено подъ ред. *И. А. Павлова.* Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1899. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальня и библіотеки).

— „*Вирховъ, Рудольфъ.* Гигіена одежды. Перевелъ и дополнилъ *В. В—скій.* Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1899. Стр. 56. Цѣна 20 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Водка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *М. З. Гесселевича.* Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1903. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гессманъ, Г. В.* Гипнотизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Э. Гюнсбурга.* Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1900. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Русскій сельскій календарь на 1904 годъ. М. 1903. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Фонъ-Ландезенъ Ѳ. Э.* Борьба съ огнемъ. Спб. 1903. Стр. 341. Цѣна 1 р.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Сорокалѣтіе русской начальной школы въ Сѣверо-западномъ краѣ Россіи. Вильна. 1901. Стр. 52. Цѣна не обозначена“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Страховъ, Н.* Методика Закона Божія. 7-е изданіе. Харьковъ. 1903. Стр. 89. Цѣна 50 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— *Капустинъ, Павелъ.* Великое зло. Бесѣда съ учениками народной

школы при выдачѣ свидѣтельствъ объ окончаніи курса. Геническъ. 1903. Стр. 16. Цѣна не обозначена“ (для народныхъ училищъ).

— *Мироновъ, М.* Біографія и значеніе русскихъ писателей. Самара. 1903. Стр. 142. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, а также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— *Богдановская, В. Е.* Пчелы. Очеркъ. Спб. 1900. Стр. 20. Цѣна не обозначена“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Борскій, И.* Максимъ самоучка или Дошелъ до дѣла. Разсказъ. 3-е изданіе „Народной библіотеки“, В. Н. Маракуева. М. 1891. Стр. 96. Цѣна 8 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

„*Бубликовъ, М.* и *Н. Гольденбергъ.* Русская школа. Систематическій сборникъ статей образцовыхъ русскихъ писателей. Изданіе 2-е, испр. и дополн. Спб., 1903. Стр. 270. Цѣна 80 коп.“

— „*Бѣлоусовъ, Ив.* Искреннія пѣсни. Изданіе С. Курнинъ и К. М. 1902. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „*В., Э.* Очерки изъ американской жизни. I. Г-жа Бичеръ-Стоу—защитница негровъ. II. Петръ Куперъ. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 35. Цѣна 3 коп.“

— „*Васильевъ, М.* Изъ прошлаго земли русской. Сборникъ стихотвореній историческаго содержанія. Выпускъ II. Новая Русь. Изданіе М. В. Клюкина М. 1903. Стр. 190. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 65 коп.“

— *Вериго, Марія.* Изъ разсказовъ „Въ лѣсу“. Переводъ съ польскаго *В. Рачкевича.* Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1903. Стр. 129. Цѣна 80 коп.“ (съ условіемъ пониженія цѣны книжки до 40 коп.).

— „*Голубцовъ Н. З.* Исторія древняго города Албазина. Благовѣщенскъ. 1902. Стр. 24. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* 1) Порука и другіе разсказы. № 440. М. 1902. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ коп.—2) 1. Рохъ и его собака. 2) Намъ жизнь дана, чтобы любить. М. 1901. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп.—3) Волки и другіе притчи и разсказы. № 402. М. 1902. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.—4) Дочь китайскаго вельможи и другіе разсказы. № 432. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Русскій деревенскій календарь на 1904 годъ. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 5 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Ельмановъ, Н. В.* Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ въ хозяйствахъ. Новгородъ. 1903. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Ивановъ,* (*Александръ Стронинъ*). Разсказы о силахъ земныхъ. Изданіе 2-е, испр., П. В. Луковникова. Спб. 1903. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Мой другъ. Настольный календарь для дѣтей

на 1904 годъ. М. 1903. Стр. 249. Цѣна 50 коп." Для учебныхъ заведеній—со скидкою 50% съ номинальной цѣны."

— „*Львовъ, В. Н.* Первое знакомство съ природой. Выпускъ IV. Жизнь птицъ. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 40 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Михеевъ, В. М.* Вечеръ въ школьной „ночлежной". Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 25 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній)

— „*Оржешко, Элиза.* Колдунья. Разсказъ. № 296. М. 1901. Стр. 63. Цѣна 3 коп."

— „*Оловскій, Сергѣй.* Путешествіе по Норвегіи. Изданіе „Посредника" № 482. М. 1903. Стр. 256. Цѣна 50 коп." (для городскихъ училищъ).

— „*Парскій.* Севастополь и памятники его обороны. Изданіе 2-е. Одесса. 1903. Стр. 271+LXXI. Цѣна 2 р." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Позняковъ, Н.* 1) Чадо. (Фотографія). Стр. 31. Цѣна 7 коп.—2) Въ чемъ сила? (Разсказъ). Стр. 24. Цѣна 7 коп.—3) Первое горе (Разсказъ). Стр. 40. Цѣна 25 коп. (Всѣ 3—изданія С. Курнинъ и К°. М. 1903)" (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Поселянинъ, Е.* Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ. Изданіе И. Л. Тузова. Спб. 1903. Стр. 229. Цѣна 50 коп."

— „*Потѣхинъ, А.* Крестьянскіе дѣти. 3-е изданіе, магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой. М. 1890. Стр. 226. Цѣна 1 р. 25 коп., въ папкѣ 1 р. 50 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Свѣшникова, Е.* Франщискъ Ассизскій, № 11. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена" (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Смирновъ, А. П.* Изъ давняго прошлаго. Историческіе очерки и картины временъ гайдамачины. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1890. Стр. 316. Цѣна не обозначена" (для городскихъ училищъ, а также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Смирновъ, Ал. Дм.* Христославы. Изданіе М. В. Клюкина (Добрыя души). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп." (для начальныхъ училищъ).

— „*Шевченко, Т. Г.* Пѣсни и думы Кобзаря. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 47. Цѣна 20 коп."

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Антоновичъ, В. Б.* и *В. А. Бецъ* Историческіе дѣятели Юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ I-й. Кіевъ. 1885. Стр. VI+11+110. Цѣна не обозначена".

— „*Б., С.* I. Корка хлѣба. Съ французскаго. II. Рождественская ночь. Разсказъ по Брэтъ-Гарту, Изданіе М. Круковскаго. Спб. 1895. Стр. 32. Цѣна не обозначена".

— „Вино—ядъ. № 359. М. 1903. Стр. 31. Цѣна не обозначена".

— „I. Въ поѣздкѣ. Разсказъ. II. Телка. Разсказъ. № 425. М. 1901. Стр 31. Цѣна не обозначена".

„*Гололобовъ, Я. Е.* Воръ. Повѣсть. № 30 М. 1897. Стр. 144. Цѣна не обозначена".

— „*Гриммъ, Э. Д.* Гракхи. Біографическій очеркъ (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Спб. 1894. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“

— „Гусляръ. Сборникъ стиховъ. № 185. М. 1902. Стр. 153+II. Цѣна 10 коп.“

— „*Данилинъ, И.* I. Искра любви. II. Передъ праздникомъ. Два разсказа. № 406. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „Два богатства. Арабская сказка. М. 1901. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Джеромъ К. Джеромъ.* Жизнь (Paul Kelver). Переводъ съ англійскаго *Н. д'Андре.* Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 463. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Засодимскій, П.* Весь вѣкъ для другихъ. Изданіе акц. общества „Издатель“. № 15. Спб. 1899. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Звѣри и люди. I. Великодушный Голіаѳъ. Разсказъ. *Ю. Безродной* II. Смерть Шарика. Разсказъ (Съ французскаго). № 204. М. 1897. Стр. 36 Цѣна не обозначена.“

— „*Коппе, Франсуа.* Прощеніе. Драма. Переводъ *А. Барыковой.* № 144. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Коринфскій, Аполлонъ.* Волга. Сказанія, картины и думы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 158. Цѣна 75 коп“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Костинъ М.* „Человѣкъ за бортомъ!“ Разсказъ. № 65. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Кругловъ, А. В.* Запросы духа. Размышленія православнаго міря нина. Изданіе И. Л. Тузова. Спб. 1903. Стр. 175+16. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Кругловъ, А. В.* Стихотворенія. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова М. 1903. Стр. 334+XIII+7. Цѣна 1 р. 50 коп., въ коленк. перепл. 2 р. 25 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Кюммель, М.* Дочь раджи роза Целебеса. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. К.* М. 1897. Стр. 108. Цѣна не обозначена.“

— *Лоти, П.* Жизнь исландскихъ рыбаковъ. Переводъ *М. В. Пичета* Подъ ред. *А. Е. Грузинскаго* Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 205 Цѣна въ папкѣ 80 коп.“

— „Маленькій служитель Бога. 2-е изданіе К. И. Тихомирова (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 47. Цѣна 5 коп.“

— „Мой грѣхъ до меня дошелъ. Два разсказа. I. Вьюга. II. Жестокій мужъ (Для взрослыхъ). № 71. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Племена глухихъ угловъ. Изданіе 2-е, Д. П. Ефимова. Москва. Стр. 254. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній [средній возрастъ] и городскихъ училищъ).

— „*Оржешко, Элиза.* Меиръ Эзофовичъ. Переводъ съ польскаго. Подъ ред. *С. С. Зелинскаго.* Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Томъ I. Стр. 207.— Томъ II. Стр. 192. Цѣна за оба тома 1 р.“

— „*Оржешко, Элиза.* Надъ Нѣманомъ. Переводъ *В. М. Лаврова.* Изданіе ред. журн. „Русская мысль“. М. 1896. Стр. 552. Цѣна 1 р. 50 к.“

— „*Орловъ, П. П.* Гигіеническіе консервы и кондитерскія издѣлія. Подъ ред. *С. І. Залѣсскаго.* Изданіе 2-е. Спб. 1900. Стр. 76+III. Цѣна 20 коп.“

— „*Павловъ, Н.* Другъ солдата. Выпускъ I. Издатель Н. В. Алексѣевъ. Варшава. 1903. Стр. 30. Цѣна 12 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Перелыгинъ, В. И.* Еремѣй. Разсказъ охотника. Изданіе 2. Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 6 коп.“

— „*Позняковъ, Н.* Росянка (Сказка). Изданіе С. Курнинъ и К°. М. 1903. Стр. 15. Цѣна 7 коп.“

— „*Полевой, Н. А.* Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. 3-е изданіе М. Б. Клюкина (Добрыя души). М. 1899. Стр. 87. Цѣна 14 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Полушинъ, Н. А.* Василиса Марковна, или „Правда и въ сарафанѣ сильна“. Сцены изъ деревенской жизни. № 79. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Потѣхинъ, П. Б.* Митрополитъ Филиппъ. Историческая поэма. Петроградъ. 1902. Стр. 20. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна книжки была понижена до 20 коп.).

— „Пѣсни Германіи. Собраніе стихотвореній нѣмецкихъ стихотворцевъ въ переводѣ русскихъ писателей. № 192. М. 1898. Стр. 138+V. Цѣна 10 коп.“

— „*Р. Г.* Въ подземномъ царствѣ. № 170. М. 1896. Стр. 106. Цѣна не обозначена“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Разсказы о французскихъ крестьянахъ. По Андре Терье. М. 1897. Стр. 126. Цѣна не обозначена“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Рубакинъ, Н. А.* Народы и страны. Географическая библіотека. Вып. IX. Гибель корабля „Гровеноръ“. Изданіе П. П. Гершунина и К°. Спб. 1903. Стр. 189. Цѣна 50 коп.“

— „*Рубакинъ, Н.* Чудо на морѣ или Приключенія на волнахъ и подъ волнами. № 3. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина. М. 1899. Стр. 39. Цѣна 8 коп.“

— „*Самойловичъ, В.* Трубадуръ. Повѣсть изъ средневѣковаго быта. № 288. М. 1897. Стр. 71. Цѣна не обозначена“.

— „*Семеновъ, С. Т.* Два брата. Разсказъ. № 47. М. 1902. Стр. 62. Цѣна 3 коп.“

— „*Семеновъ, С. Т.* 1) Наслѣдство. Дворникъ. Сонъ Максима. Три разсказа. № 90. М. 1902. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ коп.—2) Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ. № 240. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Федьковичъ, Осипъ.* Кто виноватъ. Въ переводѣ съ галицко-русскаго *Н. Н. Златовратскаго.* Изданіе „Народной библіотеки“ В. Н. Маракуева. М. 1894. Стр. 16. Цѣна не обозначена.“

— „*Хлопинъ, В. Г.* Гигіена городовъ. 2-е испр. изданіе. Юрьевъ. 1903 Стр. 59. Цѣна 50 коп.“

— „Цвѣтникъ. Сборникъ разсказовъ. № 34. М. 1897. Стр. 155. Цѣна не обозначена“.

— „*Яковенко, В. И.* Богданъ Хмельницкій. Біографическій очеркъ (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Спб. 1894. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Книгу: „*Густавъ-Гейерстамъ.* Мои мальчуганы. Переводъ *Л. Горбу-*

новой. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 142. Цѣна въ папкѣ 50 коп.— допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учеб. ныхъ заведеній.

— Книгу: „*Лухманова, Н. А.* Двадцать лѣтъ назадъ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 115+219. Цѣна 1 р. 25 коп.—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Журналъ: „*Народная читальня*", издаваемый при газетѣ „Русское чтеніе". Подписная цѣна за годъ (12 книгъ) 2 руб."—допустить, при настоящей его редакціи, къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Спб. Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28).

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи.

I.

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Имѣя въ виду на послѣдующихъ страницахъ изложить современное состояніе женскаго образованія и общественной дѣятельности женщинъ въ Германіи, мы полагаемъ необходимымъ предпослать этому изложенію хотя бы самый краткій историческій очеркъ развитія женскаго образованія, такъ какъ только при этомъ условіи можно вполнѣ оцѣнить всю громадность прогресса, совершившагося въ состояніи женскаго образованія въ Германіи за послѣднія двадцать - тридцать лѣтъ.

Наибольшее вниманіе будетъ удѣлено нами, конечно, среднему и высшему образованію, такъ какъ въ отношеніи начальнаго образованія въ Германіи, какъ и въ другихъ культурныхъ странахъ, нѣтъ сколько нибудь значительной разницы въ организаціи мужской или женской школы, что въ достаточной мѣрѣ подтверждается уже однимъ фактомъ нерѣдкихъ случаевъ совмѣстнаго образованія дѣтей обоего пола въ начальной школѣ.

Матеріаломъ для нашей работы послужитъ рядъ спеціальныхъ монографій, въ особенности же превосходная энциклопедія женскаго образованія и женскаго вопроса вообще, изданная подъ названіемъ „Handbuch der Frauenbewegung“ и состоящая изъ 4 томовъ *). Общая редакція этой энциклопедіи принадлежитъ весьма извѣстной ревнительницѣ женскаго образованія въ Германіи, издательницѣ журнала „Die Frau“, г-жѣ Еленѣ Ланге (одно изъ сочиненій г-жи

---

*) Эта энциклопедія закончилась въ прошломъ (1902) году выходомъ тома, посвященнаго характеристикѣ состоянія женскаго образованія въ культурныхъ странахъ современнаго міра (Der Stand der Frauenbildung in den Kulturländern. Berlin. 1902).

Ланге, посвященное описанію женскаго образованія въ Европѣ, переведено на англійскій языкъ и вошло въ выходящую въ Америкѣ „International Education Serie") и г-жѣ Гертрудѣ Беймеръ. Каждый томъ энциклопедіи состоитъ изъ ряда статей, принадлежащихъ перу различныхъ авторовъ, преимущественно женщинъ, живущихъ въ различныхъ странахъ культурнаго міра, что было совершенно необходимо для сочиненія, имѣющаго цѣлью ознакомленіе съ самыми новыми данными, характеризующими современное состояніе женскаго образованія и женскаго вопроса въ Европѣ и въ Америкѣ. Какъ весьма естественно для нѣмецкаго изданія, относительно Германіи мы имѣемъ особенно цѣнный и разнообразный матеріалъ: характеристикѣ общественной дѣятельности нѣмецкой женщины посвященъ рядъ статей, изъ которыхъ каждая составлена женщиной, особенно хорошо знакомой съ той или иной сферой дѣятельности нѣмецкой женщины или даже играющей въ этой сферѣ видную роль *). Исторія и современное состояніе женскаго образованія въ Германіи изложено г-жой Беймеръ и еще тремя женщинами, знакомящими читателя съ нѣкоторыми спеціальными видами женскаго образованія въ Германіи.

Впрочемъ, для выполненія главной задачи нашей работы—описанія женскаго образованія въ Германіи—мы воспользовались, сверхъ того, двумя превосходными источниками—обширной монографіей о женскомъ образованіи въ Германіи, написанной, на основаніи личныхъ наблюденій и тщательнаго изученія литературнаго вопроса, миссъ Мэри Листеръ, начальницей одного женскаго учебнаго заведенія въ Англіи **), и весьма обстоятельной главой, посвященной тому же вопросу, въ прекрасномъ сочиненіи „The Secondary School System of Germany", принадлежащемъ профессору одного изъ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, Ф. Болтону (Bolton), ѣздившему въ Европу со спеціальной задачей изучить организацію учебнаго дѣла ***).

Другія сочиненія, послужившія для насъ матеріаломъ, будутъ указаны ниже.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи наиболѣе инте-

---

*) Указываемое нами изданіе составлено отчасти по образцу превосходнаго изданія Annie Nathan Meyer Woman; Work in America. New-Iork 1891. Это послѣднее изданіе, непосредственно послѣ выхода, было изложено нами въ статьѣ „Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Америкѣ". Статья была напечатана въ „Русской Школѣ" и затѣмъ издана редакціей журнала отдѣльной книгой.

**) Higher Schools for Girls in Germany by Miss Mary Lyster (Монографія издана англійскимъ минист. народн. просвѣщ. См. Special Reports on Educational Subjects, vol. 9, Education in Germany. London 1902. Board of Education).

***) Книги вышли въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ въ 1900 г.

ресующаго насъ вопроса—состоянія женскаго образованія въ Германіи—мы, помимо данныхъ, собранныхъ выдающимися нѣмецкими писательницами, имѣемъ характеристику нѣмецкой женской школы, принадлежащую въ высшей степени компетентнымъ наблюдателямъ иностранцамъ *), и притомъ изъ такихъ странъ, гдѣ особенно высоко поставлено дѣло народнаго образованія вообще и женскаго образованія въ особенности.

Какъ извѣстно, вопросъ о реформѣ женскаго образованія поставленъ на очередь и въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, организація нашей женской школы требуетъ весьма серьезныхъ реформъ во всѣхъ отношеніяхъ, и потому, какъ мы думаемъ, послѣдующіе факты и соображенія могутъ въ недалекомъ будущемъ пріобрѣсти серьезное практическое значеніе.

II.

Взглядъ на развитіе начальнаго женскаго образованія отъ эпохи Реформаціи до настоящаго времени.

Какъ извѣстно, начало сколько нибудь серьезныхъ заботъ о распространеніи образованія среди народныхъ массъ относится къ XVI вѣку, т. е. къ эпохѣ Реформаціи. Такъ какъ основой стремленія къ образованію народа было въ то время желаніе осмыслить религіозныя вѣрованія народныхъ массъ и утвердить ихъ привязанность къ доктринамъ, провозглашеннымъ дѣятелями Реформаціи, то, какъ это весьма естественно, съ этой точки зрѣнія представлялось одинаково важнымъ какъ образованіе мальчиковъ, такъ и образованіе дѣвочекъ. Послѣднее, можетъ быть, даже было важнѣе; какъ тогда, такъ и теперь въ дѣлѣ религіознаго воспитанія вліяніе матери было сильнѣе, чѣмъ вліяніе отца.

Впрочемъ, дѣятели реформаціи, прекрасно понимая необходимость извѣстнаго минимума образованія для усвоенія идей церковной реформы, не были чужды сознанія важности школы и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ, какъ это видно по слѣдующимъ словамъ Лютера: „Если-бы даже не было ни души, ни неба, ни ада, если-бы имѣть въ виду лишь нужды свѣтскаго правительства, то и въ такомъ случаѣ развѣ не очевидно, что интересы правительства еще съ большей настоятельностью требуютъ хорошихъ народныхъ школъ и ученыхъ мужей,

---

*) Вотъ почему въ послѣдующемъ описаніи женскаго образованія въ Германіи мы иногда прямо приводимъ соотвѣтственныя мѣста того или другого изъ названныхъ выше сочиненій, дополняя ихъ, однако, данными, извлеченными изъ другихъ источниковъ.

чѣмъ наши заботы о духовномъ спасеніи вѣрующихъ. Однихъ соображеній о внѣшней благоустроенности жизни достаточно, чтобы сдѣлать ясной необходимость повсемѣстнаго учрежденія наилучшихъ школъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ" *).

Таковы были идеалы вѣка Реформаціи. Дѣйствительность была, конечно, весьма далека отъ этихъ идеаловъ. Школы были основаны, главнымъ образомъ, въ городахъ, и притомъ для мальчиковъ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ для дѣвочекъ; обученіе носило самый элементарный характеръ, продолжаясь всего годъ или два, ограничиваясь чтеніемъ и далеко не всегда письмомъ.

Въ XVII вѣкѣ, ознаменовавшемся губительной тридцатилѣтней войной, прекратили свое существованіе многія изъ начальныхъ школъ, основанныхъ въ реформаціонную эпоху. Среди обнищанія и одичанія Германіи не много практической пользы принесла и горячая убѣдительная проповѣдь великаго славянскаго педагога Яна Амоса Коменскаго, требовавшаго, чтобы „всѣхъ" учили „всему" **), т. е. чтобы всѣмъ давали возможно широкое понятіе о самыхъ различныхъ явленіяхъ природы и человѣческой жизни, что, какъ извѣстно, только въ самое послѣднее время поставлено цѣлью начальной школы въ наиболѣе передовыхъ странахъ. По вопросу о женскомъ образованіи Коменскій былъ въ еще большей мѣрѣ впереди своего вѣка, такъ какъ онъ утверждалъ, что дѣвочкамъ нужны не только начальныя, но и „латинскія" школы. „Какъ и мужчины, женщины созданы по образу и подобію Божію, одинаково одарены живымъ и воспріимчивымъ умомъ" („часто даже болѣе, чѣмъ нашъ полъ", прибавляетъ при этомъ Коменскій").

Подобные взгляды можно найти и въ сочиненіи Ludwig von Geckendorff'a (Christen-Stat in drey Bücher abgetheilt), вышедшемъ въ 1693 г. ***), но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и начальное образованіе вообще, и въ особенности образованіе женщинъ, въ теченіе XVII вѣка оставалось все время въ весьма жалкомъ состояніи.

Не много дѣло подвинулось и въ теченіе первой половины XVIII

---

*) См. первую главу нашей книги «Вліяніе народнаго образованія на народное богатство, здоровье, нравственность и другія стороны общественной жизни» 1901 г.

**) См. нашу статью «Педагогическіе идеалы Коменскаго» (Въ сборникѣ, изданномъ отдѣломъ Коменскаго при Педагог.-Музеѣ Воен. Уч. Завед. „Памяти отца современной педагогики" 1895 г.).

***) Цитаты изъ этого сочиненія, какъ и изъ «Великой Дидактики» Коменскаго можно найти въ историческомъ очеркѣ женскаго образованія въ Германіи, составленномъ Гертрудой Беймеръ и входящемъ въ сборникъ „Handbuch der Frauenbewegung" (III-й томъ, стр. 28—30).

вѣка: для женщины образованіе все еще считалось излишнимъ, или даже вреднымъ. Выраженіе одного писателя (I. Möser) „Was die Mädchen betrifft, o ich möchte keines heyratten (стар. ороографія), das lesen und schreiben kann“ („что касается дѣвицы, я-бы не желалъ жениться на такой, которая умѣетъ читать и писать“),— это выраженіе гармонировало и съ идеалами значительнаго большинства и съ окружающей дѣйствительностью.

Со второй половины слѣдующаго столѣтія съ началомъ вѣяній, извѣстныхъ подъ названіемъ „просвѣщенія XVIII вѣка“, положеніе нѣсколько измѣнилось. Судя по буквѣ законовъ, оно должно было-бы измѣниться даже весьма существеннымъ образомъ, такъ какъ во многихъ германскихъ государствахъ и княжествахъ были изданы въ это время законы, установившіе обязательность посѣщенія школы какъ мальчиками, такъ и дѣвочками, при чемъ періодомъ ученія былъ назначенъ возрастъ отъ 5 до 12 или отъ 8 до 14 лѣтъ (впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи періодъ обязательнаго посѣщенія школы былъ не одинаковъ для мальчиковъ и дѣвочекъ).

Однако, все это оставалось, главнымъ образомъ, на бумагѣ; въ дѣйствительности въ школу попадала весьма незначительная часть дѣвочекъ (изъ народа), да и тѣ выучивались развѣ лишь чтенію и катехизису; до умѣнія писать доходили весьма немногія; сами общественныя власти находили нерѣдко это излишнимъ, какъ это видно, напр., изъ оффиціально выраженнаго мнѣнія властей Помераніи *).

Идеи энциклопедистовъ и воспитавшихся на этихъ идеяхъ дѣятелей великой французской революціи оказали, конечно, огромное вліяніе на нѣмецкое общество, но не могли принести сколько-нибудь замѣтныхъ плодовъ, такъ какъ перепуганные крайностями революціоннаго движенія нѣмецкіе государи ударились въ сильную реакцію. Разгромъ Германіи Наполеономъ и рядъ вынесенныхъ отъ него униженій подорвали силу традицій и авторитетъ власти и заставили ее искать спасенія въ организаціи народныхъ силъ на совершенно новыхъ началахъ.

Тотъ общественный подъемъ, которымъ сопровождались въ Германіи т. наз. „освободительныя войны“, т. е. борьба съ Наполеономъ, привелъ, въ самомъ дѣлѣ, къ уничтоженію крѣпостного права,

---

*) Noch 1787 äussert die Regierung von Pommern in einem Gutachten über die Schulverhältnisse, dass man auf dem Lande den Unterrciht der Mädchen «bloss auf Lesen und auf die Anfanggründe der Religionswahrheiten, verbunden mit dem Vortrug der Lebenspflichten einschrünken konne». Annalen des preussischen Schulwesens II Band (цитиров. въ статьѣ G. Bäumer. Geschichte und Stand der Frauenbildung in Deutschland, 44).

освобожденію промышленности отъ путъ цеховой организаціи, и ко многимъ другимъ, не менѣе важнымъ реформамъ.

Въ области начальнаго образованія торжество новыхъ вѣяній выразилось въ организаціи особыхъ центральныхъ и мѣстныхъ управленій, на которыя была возложена закономъ забота о распространеніи народнаго образованія. Наибольшія усилія новыхъ властей были направлены, съ одной стороны, къ основанію учительскихъ семинарій, а съ другой—къ фактическому проведенію въ жизнь законовъ объ обязательности посѣщенія школы всѣми дѣтьми. Самые эти законы были пересмотрѣны, періодъ ученія въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ былъ установленъ въ 6—8 лѣтъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи эта продолжительность обученія была для дѣвочекъ на годъ или два меньше, чѣмъ для мальчиковъ.

Теперь мы должны обратить вниманіе на явленія, относящіяся къ иной области народной жизни.

Народившаяся въ XIX вѣкѣ и быстро прегрессирующая въ Германіи фабричная промышленность составляла долго весьма серьезную помѣху для полнаго проведенія въ жизнь закона объ обязательности образованія. Корысть фабрикантовъ побуждала ихъ нанимать за минимальную плату дѣтей самаго нѣжнаго возраста, не исключая, конечно, и дѣвочекъ. Дѣло дошло до того, что понадобилось вмѣшательство общественныхъ властей, которыя въ 1839 г. въ первый разъ установили минимальный возрастъ для допущенія дѣтей къ работѣ на фабрикахъ—horribile dictu—9 лѣтъ *). Въ 1853 г. этотъ возрастъ былъ повышенъ до 12 лѣтъ, а въ 1869 г. регулированіе дѣтскаго труда на фабрикахъ перешло уже въ вѣдѣніе имперскаго правительства, которое однако далеко не устранило и до сихъ поръ возможности крайнихъ злоупотребленій **).

Полному осуществленію принципа всеобщности образованія мѣшало также то обстоятельство, что обученіе въ начальной школѣ было въ Германіи платнымъ вплоть до самаго недавняго времени. Еще въ 1886 г. сборъ за ученье давалъ въ Пруссіи 11 мил. марокъ, и только въ 1888 плата за ученье была совершенно уничтожена, чѣмъ, конечно, было устранено важнѣйшее препятствіе къ проведенію въ жизнь закона объ обязательномъ образованіи.

Въ настоящее время начальное образованіе *обязательно и безплатно* во всей Германской имперіи, при чемъ эта обязательность начинается въ большинствѣ союзныхъ государствъ по достиженіи

---

*) Эти данныя относятся къ Пруссіи.

**) Какъ это видно изъ фактовъ, собранныхъ недавно союзомъ народныхъ учителей Германіи.

дѣтьми 6 лѣтъ, а оканчивается по достиженіи ими 14 лѣтъ, распространяясь, въ общемъ, совершенно одинаково на дѣтей обоего пола. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи начальнаго образованія оба пола въ Германіи находятся, наконецъ, въ одинаковомъ положеніи, чѣмъ въ значительной мѣрѣ осуществились мечты великаго славянскаго педагога XVII вѣка.

Курсъ народной школы въ Германіи раздѣляется на три возраста, или ступени (Unterstufe, Mittelstufe, Oberstufe) и 6 классовъ; предметы обученія слѣдующіе: отечественный языкъ, ариѳметика (счетъ—Rechnen), Законъ Божій, исторія, географія, начала геометріи, элементарное естествознаніе, рисованіе и пѣніе. Гимнастика пока нигдѣ для дѣвочекъ не обязательна, и самое обученіе ей организовано пока довольно плохо. Равнымъ образомъ и въ отношеніи усвоенія свѣдѣній по ариѳметикѣ къ дѣвочкамъ предъявляются меньшія требованія, чѣмъ къ мальчикамъ; за то, съ другой стороны, дѣвочекъ часто учатъ т. наз. домоводству, что такъ необходимо въ наше время, когда при необычайномъ развитіи промышленности въ Германіи дѣвочки съ ранняго возраста ищутъ себѣ заработка на фабрикахъ и не могутъ дома хорошо научиться хозяйству. Эта небольшая разница въ организаціи начальной школы для дѣвочекъ и мальчиковъ не измѣняетъ правильности общаго нашего утвержденія, что въ настоящее время въ Германіи начальное образованіе одинаково доступно лицамъ обоего пола. Это подтверждается и приводимыми въ концѣ главы статистическими данными, изъ которыхъ видно, что въ Германіи число учащихся въ начальныхъ школахъ мальчиковъ и дѣвочекъ почти совершенно одинаково, тогда какъ, напр., у насъ въ Россіи, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, число учащихся въ начальныхъ школахъ мальчиковъ чуть не втрое превосходитъ число учащихся дѣвочекъ.

Какъ извѣстно, послѣдняя четверть девятнадцатаго вѣка ознаменовалась въ Германіи не только феноменальнымъ ростомъ промышленности и торговли, но также и весьма значительнымъ прогрессомъ въ отношеніи политическихъ учрежденій. Основаніе Германской имперіи сопровождалось принятіемъ принципа всеобщей подачи голосовъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи выбора членовъ имперскаго рейхстага.

Возникновеніе новыхъ, и притомъ весьма важныхъ, правъ и обязанностей для германскаго гражданина поставило на очередь вопросъ объ организаціи какихъ-либо особыхъ образовательныхъ учрежденій, курсъ которыхъ могъ-бы служить дополненіемъ для обыкновенныхъ народныхъ школъ, сообщая молодымъ людямъ разныя свѣдѣнія, полезныя имъ въ профессіональной дѣятельности фабричныхъ

рабочихъ или сельско-хозяйственномъ трудѣ крестьянъ или при исполненіи тѣми и другими ихъ гражданскихъ и политическихъ обязанностей.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ основанія въ послѣднія 10—20 лѣтъ т. н. „Fortbildungsschulen“ или дополнительныхъ школъ съ самой различной организаціей, составомъ предметовъ преподаванія, продолжительностью курса и т. д.

Соображенія, послужившія основаніемъ для организаціи „дополнительныхъ школъ“ для молодыхъ людей рабочихъ классовъ примѣнимы и къ женщинамъ, хотя, конечно, въ меньшей мѣрѣ; въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность большинства замужнихъ женщинъ ограничивается домашними работами и заботами; въ политической жизни страны женщины въ Германіи также не могутъ активно участвовать. Вотъ почему дополнительныя школы, назначенныя для женщинъ, существуютъ въ значительно меньшемъ числѣ, чѣмъ такія, которыя назначены для мужчинъ, при чемъ и самое преподаваніе въ женскихъ дополнительныхъ школахъ сводится весьма часто лишь къ занятіямъ т. наз. домоводствомъ и практическими упражненіями въ поваренномъ искусствѣ.

Скажемъ, наконецъ, что законъ требуетъ *обязательной* организаціи дополнительныхъ школъ для дѣвицъ лишь въ Вюртембергѣ и Баденѣ; въ Саксоніи, Гессенѣ, Веймарѣ, Мейнингенѣ, Альтенбургѣ, Готѣ и Кобургѣ законъ предоставляетъ мѣстнымъ властямъ то или иное рѣшеніе вопроса объ обязательности организаціи женскихъ дополнительныхъ школъ. Этимъ правомъ воспользовался пока лишь Мейнингенъ, гдѣ существуетъ до 30 дополнительныхъ школъ, посѣщеніе которыхъ обязательно для дѣвушекъ извѣстнаго возраста. Такой фактъ доставляетъ почетную извѣстность въ занимающемъ насъ отношеніи этому микроскопическому нѣмецкому герцогству *).

III.

Взглядъ на развитіе средняго женскаго образованія до половины XIX вѣка.

Начало сколько-нибудь серьезныхъ усилій къ организаціи женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи относится къ концу XVII вѣка **). Извѣстное вліяніе оказали въ этомъ случаѣ идеи Фенелона о женскомъ воспитаніи. Эти идеи, выраженныя Фенело-

*) См. статью «Die Mädchen-Fortbildungsschulen» Маргариты Хеншке (Henschke) въ III-емъ томѣ «Handbuch der Frauenbewegung» и книгу проф. Pierstorf'a «Frauenarbeit und Frauenfrage». 1900. Leipzig.

**) G. Bäumer „Geschichte und Stand der Frauen-bildung in Deutschland“, 46 („Handbuch der Frauenbewegung“, Band III).

Статистическія данныя о народныхъ школахъ главныхъ государствъ Германіи.

Государства	Годъ, къ которому относятся статистич. данныя.	Число школъ		Число учащихся [1]					Численность педагогич. персонала, посвящ. школѣ все время [2]	
		Обществ.	Частныя	Мальчиковъ	Дѣвочекъ	Евангелич. исповѣданія	Католическ.	Еврейскаго	Мужч.	Женщ.
Пруссія . . .	1896	36,138	404	2,624,716	2,612,110	3,296,481	1,901,013	27,015	68,449	10,152
Баварія . . .	1898/99	7,285	53	417,706	432,523	239,168	605,221	5,173	18,664	7,319
Саксонія . . .	1899	2,292	— [3]	335,368	3[illegible]0,403	663,736	18,662	1,369	10,003	401
Вюртембергъ .	1900	2,286	—	140,552	154,275	207,818	87,009	498	3,359	31
Баденъ . . .	1899/1900	1,587	7	271,456		—	—	—	3,602	387

[1] Приняты во вниманіе лишь учащіеся въ *общественныхъ* начальныхъ школахъ.
[2] Zahl der vollbeschäftigten Lehrkräfte. [Здѣсь также данныя относятся лишь къ общественненнымъ школамъ].
[3] — такая черта означаетъ отсутствіе соотвѣтственныхъ данныхъ.

номъ въ извѣстномъ сочиненіи „Sur l'éducation des filles“, для нашего времени кажутся уже очень отсталыми *), но для того времени Фенелонъ являлся нѣкоторымъ новаторомъ, доказывавшимъ желательность и даже необходимость для женщинъ не только религіозно-нравственнаго или эстетическаго (музыка, живопись) воспитанія, но и ознакомленія ихъ съ классическимъ міромъ, не говоря уже объ отечественномъ языкѣ или исторіи.

Сочиненіе Фенелона было переведено на нѣмецкій языкъ въ 1698 г. **) и для того времени получило довольно широкое распространеніе. Въ значительной степени подъ вліяніемъ идей Фенелона, въ Германіи (въ Галле) возникло первое въ своемъ родѣ „учебное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ“, называвшееся Gynaeceum.

Какъ говоритъ Г. Беймеръ ***), „это было первое женское средне-учебное заведеніе въ Германіи (die erste Höhere Mädchenschule in Deutschland). Внутреннюю организацію этого учебнаго заведенія довольно трудно характеризовать, въ виду отсутствія соотвѣтственныхъ историческихъ данныхъ. Однако, изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ, во всякомъ случаѣ видно, что этотъ „генецей“ шелъ навстрѣчу, по возможности, всѣмъ запросамъ „благороднаго сословія“ и дѣлалъ ему всевозможныя уступки. Учебный персоналъ, по мысли организаторовъ школы, долженъ былъ состоять изъ вдовы пастора, въ качествѣ завѣдующей, француженки (eines französichen Demoiselle) для надзора, обученія французскому языку и хорошимъ манерамъ, другой француженки для обученія изящнымъ рукодѣльямъ. Дальше уже слѣдуютъ учителя (verständige Informatores), на обязанности которыхъ—обучать дѣвицъ чтенію, письму, счету и Закону Божію. Эти-же учителя обязаны обучать тѣхъ дѣвицъ, которыя этого захотѣли-бы, греческому и еврейскому языкамъ, какъ „основнымъ языкамъ Ветхаго и Новаго Завѣта“ (Grundsprachen Altes und Neues Testaments), и „другимъ полезнымъ наукамъ и искусствамъ“. На урокахъ учителей должна присутствовать, въ качествѣ наблюдательницы, завѣдующая школой“.

*) Это сочиненіе Фенелона было переведено еще недавно (около 8—10 лѣтъ тому назадъ) педагогическимъ классомъ одного изъ петербургскихъ институтовъ подъ редакціей Н. С. Карцова и, если не ошибаемся, было напечатано покойнымъ В. Д. Сиповскимъ въ „Женскомъ Образованіи“ въ качествѣ приложенія къ журналу.

**) Переводъ былъ сдѣланъ по иниціативѣ выдающагося нѣмецкаго педагога конца XVII и начала XVIII вѣка, Франке, организатора извѣстной системы учебныхъ заведеній въ Галле. См. E. Russell. „German Higher Schools“. 1899, 63.

***) „Geschichte der Frauenbildung in Deutschland“. Стр. 49. См. одно изъ предшествующихъ примѣчаній.

Хотя это учебное заведеніе просуществовало весьма недолго и хотя приведенныя данныя характеризуютъ скорѣй идеалы, поставленные организаторами школы въ Галле, чѣмъ достигнутую ими дѣйствительность, тѣмъ не менѣе этотъ первый опытъ устройства женскаго средняго учебнаго заведенія въ Германіи заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ въ разныхъ болѣе или менѣе отличныхъ формахъ онъ былъ повторенъ въ теченіе XVIII вѣка и въ другихъ городахъ Германіи, на которые распространилось вліяніе идей Фенелона и его нѣмецкихъ популяризаторовъ.

Идеи Руссо, имѣвшія такое значительное и, въ общемъ, благотворное вліяніе на постановку вопросовъ образованія мальчиковъ, носили, какъ извѣстно, довольно реакціонный характеръ въ отношеніи идеаловъ женскаго образованія. Извѣстное выраженіе Руссо: „женщина создана для того спеціально, чтобы нравиться мужчинѣ“ („la femme est faite spécialement pour plaire à l'homme“, „Emile“, V книга),—пришлось по вкусу нѣмецкому дворянству второй половины XVIII вѣка, далеко не сочувствовавшему остальнымъ соціальнымъ и педагогическимъ идеямъ великаго женевскаго философа. Руссо считалъ подчиненное положеніе нормальнымъ для женщины и заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что говорилъ даже: „всякая дѣвушка должна держаться религіи своей матери и всякая жена религіи своего мужа, хотя-бы религія послѣдняго была ложной“. Руссо отрицалъ, далѣе, существованіе у женщинъ способности къ научнымъ занятіямъ и находилъ послѣднія даже вредными для женщинъ, для которыхъ, по его мнѣнію, гораздо лучше заниматься лишь практическимъ примѣненіемъ въ жизни тѣхъ истинъ, которыя уже открыты и разработаны мужчинами.

Такого рода идеи были популяризованы и частью осуществлены въ области женскаго воспитанія въ Германіи разными лицами и въ томъ числѣ извѣстнымъ педагогомъ Базедовымъ, который въ своей „Methodenbuch“ писалъ даже такъ: „Дѣвица никогда не должна переставать чувствовать свое зависимое положеніе. Поэтому уже съ дѣтства ее слѣдуетъ пріучать къ тому, чтобы она не позволяла себѣ высказываться по поводу чего-либо важнаго, не спросивъ ранѣе мнѣнія тѣхъ, отъ которыхъ она зависитъ“ *).

Даже великій нѣмецкій философъ Эммануилъ Кантъ не далеко ушелъ отъ подобныхъ идей, считая дѣятельность разума преимущественнымъ свойствомъ мужчинъ и отведя для женщинъ, главнымъ образомъ, область чувства. „Относительно мірозданія (von dem

*) Basedows ausgewählte Schriften, Langensalz, 1880, стр. 180 (цитиров. въ сочин. Bäumer, 57).

Weltgebäude) женщины должны знать лишь столько, сколько необходимо, чтобы ихъ взоръ, обращенный на небо въ чудный вечеръ, вызывалъ извѣстное чувство, благодаря сознанію, что, кромѣ земли, есть еще много другихъ міровъ и что въ этихъ мірахъ живутъ, можетъ быть, еще болѣе прекрасныя созданія“ *).

Даже великія событія французской революціонной эпохи не заставили нѣмецкое общество измѣнить радикально взглядъ на женщину и задачи женскаго образованія, какъ это видно изъ судьбы вышедшей въ 1792 г. книги Готлиба фонъ Хиппеля (Theodor Gottlieb von Hippel) „Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber“, представляющей первый примѣръ краснорѣчивой и рѣшительной пропаганды женскихъ правъ и образованія. Къ книгѣ Хиппеля современники не отнеслись серьезно, принимая взгляды автора скорѣе за шутку, чему отчасти содѣйствовала форма изложенія, изобилующая парадоксами, остротами, ироніей. Такое-же отношеніе встрѣтилъ и переводъ знаменитаго сочиненія Мэри Уолстонкрафтъ, „Защита женскихъ правъ“ **), вышедшаго въ 1792 г. въ Англіи и переведеннаго на нѣмецкій языкъ въ слѣдующемъ-же году.

Только общественное движеніе, сопровождавшее достопамятную въ германской исторіи эпоху освободительныхъ войнъ, поставило на очередь вопросъ объ организаціи особыхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на общественный счетъ. Съ этого времени собственно и начинается исторія дѣйствительнаго женскаго средняго образованія въ Германіи. Однако, эта исторія до сихъ поръ не описана даже самими нѣмцами, такъ какъ предварительно слѣдуетъ прослѣдить развитіе женскаго образованія въ сотняхъ нѣмецкихъ городовъ, изъ которыхъ каждый разрѣшалъ вопросъ о среднемъ женскомъ образованіи по своему.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы увидимъ это ниже, въ большинствѣ союзныхъ государствъ Германіи центральное правительство даже и до сихъ поръ ограничиваетъ свои заботы въ области средняго образованія, главнымъ образомъ, мужскими учебными заведеніями, предоставляя дѣло средняго женскаго образованія иниціативѣ городовъ и частныхъ лицъ. До сравнительно недавняго времени правительства многихъ союзныхъ государствъ не находили даже нужнымъ такъ

---

*) E. Kant. Von dem Unterschiede des Erhebenen und Schönen in dem Gegenverhältnisse beider Geschlechter, стр. 47 и слѣд. (цитировано у Г. Беймеръ, 18).

**) „The Vindication of Woman's Rights“. Эта книга во многихъ частяхъ сохранила свое значеніе и до настоящаго времени; у насъ имѣется изданіе 1892 г.

или иначе нормировать курсъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и, основываясь на этомъ, отказывали затѣмъ этимъ учебнымъ заведеніямъ и въ какихъ либо правахъ.

Во всякомъ случаѣ около половины XIX вѣка въ Германіи насчитывалось уже болѣе полусотни общественныхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ типовъ и наименованій (см. ниже), при чемъ большинство этихъ учебныхъ заведеній было содержимо городами; огромное же большинство женскихъ среднихъ школъ было содержимо частными лицами, преслѣдовавшими при этомъ, конечно, въ большей или меньшей степени свои коммерческіе интересы. Положеніе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній было совершенно обратное: ихъ насчитывалось нѣсколько сотъ; они были содержимы въ громадномъ большинствѣ случаевъ центральными правительствами союзныхъ государствъ и затѣмъ городами, частная-же инициатива въ области средняго мужского образованія играла ничтожную роль.

П. Г. Мижуевъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Записки домашняго учителя.

Въ статьѣ *„Пасынки педагогическаго міра“*, напечатанной мною въ прошломъ году въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 217), я уже указалъ на то, что въ настоящее время, когда и въ печати, и въ обществѣ такъ оживленно обсуждаются самые разнообразные вопросы учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи, было-бы болѣе чѣмъ когда-либо своевременнымъ вспомнить о „пасынкахъ педагогическаго міра“—нашихъ домашнихъ воспитателяхъ и учителяхъ. Эта многочисленная и съ каждымъ годомъ увеличивающаяся категорія представителей педагогическаго труда до такой степени позабыта русскимъ законодательствомъ, что единственнымъ нормирующимъ ихъ права и обязанности уставомъ остается до сихъ поръ „Положеніе о домашнихъ учителяхъ, Высочайше утвержденное 1-го іюля 1834 года“, т. е. почти три четверти вѣка тому назадъ. Ближайшей цѣлью, которую имѣло въ виду это „Положеніе“, было созданіе въ Россіи, путемъ предоставленія со стороны государства разныхъ служебныхъ и другихъ льготъ, особаго штата педагоговъ, которые, не состоя на государственной службѣ, но владѣя необходимыми для педагогической дѣятельности знаніями и талантомъ, посвящали бы свои силы исключительно воспитанію и образованію дѣтей, почему-либо не имѣющихъ возможности обучаться въ общихъ государственныхъ школахъ. Едва-ли есть надобность распространяться о томъ, что въ созданіи подобнаго института частныхъ учителей, по образцу существующихъ въ западно-европейскихъ государствахъ, въ Россіи ощущалась всегда и продолжаетъ ощущаться крайняя необходимость, помимо многихъ другихъ обстоятельствъ, еще и вслѣдствіе вѣчнаго недостатка въ учебныхъ заведеніяхъ, число которыхъ далеко не соотвѣтствуетъ предъявляемому страной спросу на образованіе. Несмотря на благую цѣль, имѣвшуюся въ виду, „Положеніе 1834 года“, повидимому, совершенно не достигло своей цѣли, потому что до сихъ поръ приходится постоянно слышать вполнѣ справедливыя сѣтованія на недостатокъ у насъ

хорошо подготовленныхъ и разносторонне образованныхъ домашнихъ учителей („privat-Lehrer", какихъ мы видимъ, напр., въ Германіи) и полную невозможность, благодаря этому, домашняго воспитанія дѣтей даже для такихъ семействъ, которыя по своему матеріальному положенію могли-бы это сдѣлать.

Причины неудачи, постигшей указанное „Положеніе", заключаются, съ одной стороны, въ исторически вырабатывавшемся упорномъ стремленіи русской интеллигенціи „пристраиваться" по окончаніи своего образованія, во что-бы то ни стало, на государственную службу, т. е. къ казеннымъ мѣстамъ; съ другой стороны—въ довольно низкомъ культурномъ уровнѣ русскаго общества, обращающаго дѣятельность домашняго учителя если не въ настоящій подвигъ, то во всякомъ случаѣ въ крайне тяжелую и мало пріятную обязанность. Но самымъ важнымъ тормазомъ въ дѣлѣ успѣшнаго развитія въ нашей странѣ института частныхъ учителей явилось, какъ это часто у насъ случается, то самое „Положеніе", которое ставилс воеей ближайшей задачей насажденіе ихъ на русской землѣ. Не разбирая этого своеобразнаго во многихъ отношеніяхъ произведенія канцелярскаго творчества первой половины минувшаго XIX вѣка „по существу" его, какъ выражаются юристы, я остановился въ указанной своей статьѣ только на двухъ его основныхъ пунктахъ, наиболѣе, по моему мнѣнію, устарѣлыхъ и въ то-же время наиболѣе стѣсняющихъ дѣятельность домашнихъ учителей. Что сами редакторы „Положенія" считали эти пункты основными и весьма важными, объ этомъ можно заключить уже изъ одного того, что эти пункты напечатаны даже, какъ своего рода memento mori, на оборотной сторонѣ выдаваемыхъ домашнимъ наставникамъ дипломовъ или „свидѣтельствъ". „При опредѣленіи въ частные дома для воспитанія. дѣтей",—гласитъ первый изъ этихъ пунктовъ,—„а также при переходѣ съ тою-же цѣлью изъ дома въ домъ и при переѣздѣ для постояннаго жительства изъ одной губерніи въ другую, предъявлять настоящее свидѣтельство директору училищъ и уѣздному предводителю дворянства тѣхъ мѣстъ, гдѣ водворится (?); въ противномъ случаѣ, время это, хотя-бы они и находились при должности, не будетъ зачтено имъ въ дѣйствительную службу"... „Согласно § 9 дополнительныхъ правилъ,—продолжаетъ пунктъ второй,—домашнимъ учителямъ и учительницамъ поставляется въ непремѣнную обязанность представлять директору училищъ, съ окончаніемъ каждаго учебнаго года, отчеты въ своихъ трудахъ и обязанностяхъ и одобрительныя о себѣ свидѣтельства отъ уѣздныхъ предводителей дворянства и отъ лицъ, у коихъ исполнять будутъ обязанности своего званія".

Въ виду того, что въ требуемыхъ отъ домашнихъ учителей и учительницъ, согласно § 9, отчетахъ обязательно указывается время начала занятій учителя въ данномъ домѣ или семействѣ, вышеприведенный первый пунктъ является совершенно излишнимъ и ненужнымъ требованіемъ, только напрасно стѣсняющимъ свободу домашнихъ учителей и при томъ довольно тяжело отзывающимся на ихъ обыкновенно весьма скромномъ бюджетѣ. Чтобъ сообщить директору училищъ о своемъ „водвореніи“ въ районѣ его губерніи, домашній учитель долженъ представить въ его канцелярію свое свидѣтельство, на которомъ и дѣлается канцеляріей соотвѣтствующая отмѣтка; такая-же отмѣтка должна быть сдѣлана и канцеляріей уѣзднаго предводителя дворянства того уѣзда, гдѣ поселился домашній учитель. Не вызываемыя никакой необходимостью, подобнаго рода чисто канцелярскія отмѣтки должны быть, при пересмотрѣ „положенія о домашнихъ учителяхъ“, безусловно отмѣнены. Что-же касается второго пункта правилъ, то онъ также нуждается въ серьезныхъ поправкахъ и измѣненіяхъ какъ относительно требуемыхъ отъ домашнихъ учителей „отчетовъ“, такъ и относительно представляемыхъ ими учебному начальству „одобрительныхъ о себѣ свидѣтельствъ“. Нашимъ домашнимъ учителямъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—какъ это будетъ видно изъ настоящихъ „записокъ“,—приходится готовить дѣтей къ поступленію въ различныя среднія учебныя заведенія (гимназіи, реальныя училища, кадетскіе корпуса и т. п.) или проходить съ дѣтьми курсъ этихъ учебныхъ заведеній, если дѣти не учатся, а только держатъ ежегодно провѣрочныя испытанія. Отчеты объ учебныхъ занятіяхъ должны ежегодно представляться домашними учителями мѣстнымъ директорамъ народныхъ училищъ; между тѣмъ, эти директора, назначаемые обыкновенно изъ выслужившихся инспекторовъ народныхъ училищъ (на должности послѣднихъ только недавно стали назначать бывшихъ учителей гимназіи), сплошь и рядомъ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія ни о программахъ вышеперечисленныхъ учебныхъ заведеній, ни о тѣхъ требованіяхъ вообще, какія предъявляются послѣдними къ поступающимъ въ нихъ ученикамъ. При такихъ условіяхъ нерѣдко случается, что домашній учитель, занимавшійся, напр., латинскимъ и греческимъ языками, представляетъ свои отчеты о преподаваніи этихъ предметовъ директору народныхъ училищъ, совершенно незнакомому съ этими языками, что является лишь ничѣмъ не оправдываемой пустой формальностью. Гораздо цѣлесообразнѣе было-бы, конечно, если-бы отчеты домашнихъ учителей представлялись не директорамъ народныхъ училищъ, не имѣющимъ никакого прямого отношенія къ дѣятельности домашнихъ учителей, а

директорамъ тѣхъ самыхъ учебныхъ заведеній, куда поступаютъ или гдѣ держатъ экзамены обучаемыя домашними учителями дѣти. Такая постановка дѣла была-бы дѣйствительнымъ, а не бумажнымъ только контролемъ за учебно-воспитательной дѣятельностью частныхъ учителей и, конечно, оказывала-бы на послѣднюю, какъ всякій фактическій контроль, гораздо болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ существующая система подчиненія домашнихъ учителей дирекціямъ народныхъ училищъ, имѣющимъ свой спеціальный кругъ вѣдомства.

„Одобрительныя о себѣ свидѣтельства" домашніе учителя получаютъ, согласно 2-го пункта, отъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Чтобъ получить подобное свидѣтельство, надо продѣлать такую сложную и дорого стоющую операцію, что весьма многіе изъ домашнихъ учителей предпочитаютъ лучше пожертвовать обѣщанными по „Положенію" служебными „правами и преимуществами", чѣмъ добиваться этихъ одобрительныхъ свидѣтельствъ, порядокъ полученія которыхъ въ общихъ чертахъ слѣдующій. Родители выдаютъ занимавшемуся съ ихъ дѣтьми учителю свидѣтельство о благонравномъ поведеніи, въ родѣ тѣхъ „аттестатовъ", какіе иногда выдаются купцами служившимъ у нихъ приказчикамъ или господами—прислугѣ. Такъ какъ уѣздные предводители чаще всего не знаютъ лично этихъ родителей, то „одобренія" послѣднихъ должны быть засвидѣтельствованы въ обычномъ нотаріальномъ порядкѣ и только послѣ этого могутъ быть представлены въ канцелярію уѣзднаго предводителя дворянства. Вслѣдствіе частыхъ отлучекъ предводителей изъ уѣзднаго города въ свои имѣнія или въ губернскій городъ, случается, что несчастный педагогъ долженъ нѣсколько разъ съѣздить въ городъ для полученія „одобрительнаго" свидѣтельства. Не говоря уже о крайней убыточности подобныхъ путешествій, нельзя не указать и на то, какъ неудобно, а иногда и прямо таки непріятно для взрослаго человѣка хлопотать о какихъ-то одобрительныхъ о себѣ аттестатахъ, напоминающихъ пресловутыя школьныя „отмѣтки" о поведеніи. Подчиненіе домашнихъ учителей уѣзднымъ предводителямъ дворянства, имѣвшее, можетъ быть, нѣкоторый смыслъ въ первой четверти прошлаго вѣка, когда дома обучались почти исключительно одни помѣщичьи дѣти, является въ настоящее время полнымъ анахронизмомъ, и домашніе учителя должны быть совершенно освобождены отъ представленія одобрительныхъ о себѣ свидѣтельствъ отъ уѣздныхъ предводителей. Это тѣмъ болѣе легко сдѣлать, что, въ сущности, въ этихъ свидѣтельствахъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ само собой разумѣется, что никто изъ родителей не будетъ держать въ своемъ домѣ учителя, поведеніе котораго не заслуживаетъ одобренія. Самый фактъ исполненія учительскихъ обязанно-

стей въ извѣстномъ домѣ, удостовѣряемый ежегодными отчетами о занятіяхъ, служитъ, по нашему мнѣнію, же достаточной гарантіей добропорядочности учительскаго поведенія. Канцелярскій формализмъ, опутывающій дѣятельность нашихъ домашнихъ учителей, такъ великъ, что большинство ихъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности воспользоваться тѣми „правами и преимуществами по службѣ“ (какъ-то: чинами, пенсіей и т. д.), перспективой полученія которыхъ „Положеніе“ имѣло въ виду создать въ Россіи кадръ опытныхъ и образованныхъ частныхъ учителей. При настоящихъ-же условіяхъ большинство ихъ, по полученіи перваго класснаго чина, совершенно отказывается отъ дальнѣйшаго представленія учебному начальству требуемыхъ отъ нихъ отчетовъ и „одобрительныхъ о себѣ свидѣтельствъ“ и предпочитаетъ оставаться „вѣчными коллежскими регистраторами“, чѣмъ проходить черезъ многочисленныя канцелярскія мытарства, налагаемыя на нихъ „Положеніемъ 1834 года“, давно уже устарѣлымъ и настойчиво требующимъ коренного его пересмотра.

Таковы въ общихъ чертахъ мысли, высказанныя мною въ упомянутой статьѣ. Тѣсныя газетныя рамки не позволили мнѣ ни остановиться болѣе подробно на нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ вопроса, ни иллюстрировать свои мысли соотвѣтствующими примѣрами и изъ своего личнаго житейскаго опыта и изъ опыта другихъ домашнихъ учителей. Настоящія „записки“, являющіяся результатомъ болѣе чѣмъ десятилѣтней моей педагогической дѣятельности въ качествѣ домашняго учителя, имѣютъ своей ближайшей задачей не только нарисовать, по возможности, полную картину бытовой обстановки, среди которой чаще всего протекаетъ дѣятельность домашнихъ учителей, но и выяснить причины неприглядного положенія послѣдней, поскольку эти причины не зависятъ отъ вполнѣ понятныхъ для каждаго общихъ условій русской общественной жизни.

I.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ учителемъ N—ской классической гимназіи и убѣдившись въ полной несовмѣстимости служенія опредѣленному педагогическому идеалу со службой по учебному вѣдомству, я рѣшилъ оставить учительство въ гимназіи и посвятить себя частной педагогической дѣятельности. Промѣнять спокойное и прочное обезпеченіе „человѣка 20-го числа“ на случайный заработокъ домашняго учителя было, разумѣется, довольно рискованнымъ шагомъ, и мои коллеги по гимназіи были, повидимому, искренне изумлены моимъ легкомысленнымъ поступкомъ, шедшимъ въ совершен-

ный разрѣзъ съ установившимися на этотъ счетъ взглядами и понятіями. Но я былъ тогда... молодъ, не былъ связанъ ни семьей, ни другими какими-либо обязательствами матеріальнаго характера, любилъ живое педагогическое дѣло и потому смѣло шелъ навстрѣчу всѣмъ случайностямъ и превратностямъ судьбы, ожидавшимъ меня впереди въ качествѣ домашняго учителя.

Получивъ отставку, я написалъ кое-кому изъ своихъ товарищей по университету о своемъ желаніи получить какіе-либо частные уроки, переѣхалъ изъ N. въ Москву и сталъ ожидать отвѣта на свои письма. Приблизительно черезъ мѣсяцъ одинъ изъ моихъ друзей сообщилъ мнѣ, что его просятъ рекомендовать домашняго учителя въ одно помѣщичье семейство, постоянно живущее въ имѣніи,—въ Воронежской губерніи. Семья—небольшая: родители и двое дѣтей, изъ которыхъ старшаго ребенка, мальчика 9 лѣтъ, надо было подготовить въ первый классъ классической гимназіи. Условія вознагражденія за трудъ (50 руб. въ мѣсяцъ при полномъ содержаніи) были не блестящія, но и не совсѣмъ плохія; семья, по всѣмъ признакамъ,—интеллигентная,—и я согласился, тѣмъ болѣе, что давно уже мечталъ о томъ, чтобъ провести годъ-другой въ деревнѣ, на лонѣ природы. Черезъ нѣсколько дней послѣ отвѣта своему товарищу я получилъ отъ помѣщика Валуйцева очень любезное письмо, въ которомъ были подробно изложены всѣ условія и описана обстановка, въ которой мнѣ предстояло поселиться. Валуйцевъ просилъ меня, въ случаѣ окончательнаго моего рѣшенія, телеграфировать о своемъ согласіи и немедленно-же выѣхать изъ Москвы въ „Серебрянку“,—такъ называлось ихъ имѣніе, лежавшее въ 15 верстахъ отъ одной изъ большихъ узловыхъ станцій юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Когда поѣздъ прибылъ на эту станцію и, покинувъ вагонъ, я сталъ разспрашивать станціоннаго сторожа о томъ, нѣтъ-ли лошадей изъ имѣнія Валуйцевыхъ, ко мнѣ подошелъ въ сопровожденіи молодой дамы, хорошенькій мальчикъ, лѣтъ 9—10, съ достоинствомъ поклонился мнѣ и проговорилъ:

— Вы, вѣроятно, къ намъ—въ имѣніе... Такъ я—Валуйцевъ, вашъ будущій ученикъ... Я пріѣхалъ на станцію, чтобъ встрѣтить васъ. А это—m-lle Дюкамъ, гувернантка... моей сестры,—прибавилъ онъ, опасаясь, вѣроятно, чтобъ я не подумалъ, что это—*его* гувернантка.

Этотъ здоровый крѣпкій мальчикъ, съ открытымъ и умнымъ лицомъ, съ развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства и съ сознательнымъ отношеніемъ ко всему, что онъ дѣлалъ и говорилъ, понравился мнѣ съ перваго взгляда. Я сразу почувствовалъ, что мы сдѣлаемся большими друзьями, и, конечно, искренне былъ радъ

этому. M-lle Дюкамъ произвела на меня также довольно пріятное впечатлѣніе и показалась мнѣ особой гораздо болѣе развитой, чѣмъ это обыкновенно встрѣчается въ средѣ гувернантокъ. Доро́гой Вова,—такъ звали мальчика,—разсказывалъ мнѣ о ихъ семьѣ и объ усадьбѣ, и за оживленнымъ лепетомъ своего новаго ученика я почти не замѣтилъ, какъ мы пріѣхали въ „Серебрянку".

Это было большое черноземное имѣніе, съ прекрасной барской усадьбой, старымъ паркомъ, большимъ фруктовымъ садомъ и всѣми удобствами, какія можно встрѣтить только въ благоустроенныхъ имѣніяхъ, владѣльцы которыхъ живутъ въ имѣніи круглый годъ, а не наѣзжаютъ только лѣтомъ, „вмѣсто дачи".

Самъ Валуйцевъ оказался довольно интеллигентнымъ и начитаннымъ господиномъ, въ стилѣ Тургеневскихъ „добрыхъ помѣщиковъ", интересующихся гораздо больше какимъ-нибудь венецуэльскимъ или абиссинскимъ вопросомъ, чѣмъ жизнью непосредственно окружающихъ ихъ, близкихъ людей. Его жена Клавдія Ивановна была особой совсѣмъ другого склада. Высокая, стройная, очень красивая, она поразила меня своимъ властнымъ и сильнымъ характеромъ, составлявшимъ полную противоположность съ характеромъ ея мужа. Не трудно было догадаться, что она была не только полновластной, но и единственной хозяйкой въ домѣ, въ которомъ мнѣ предстояло теперь поселиться, можетъ быть, на долгое время. Домъ былъ поставленъ на широкую ногу, общій „тонъ" былъ скорѣе купеческій, чѣмъ дворянскій, и только въ тѣ дни, когда съѣзжались въ гости по какому-либо случаю окрестные помѣщики изъ дворянъ, разговоры вращались, главнымъ образомъ, около узко-сословныхъ интересовъ мѣстныхъ сплетенъ и уѣздныхъ „злобъ дня".

Судя по тому, что Валуйцевы жили, не отказывая себѣ ни въ чемъ, хозяйство-же велось въ имѣніи кое-какъ, на первобытныхъ началахъ, совершенно чуждыхъ какихъ-либо агрономическихъ новшествъ, надо было заключить, что, кромѣ доходовъ съ имѣнія, у нихъ имѣлся и значительный капиталъ, вѣроятно, полученный подъ вторую закладную изъ частныхъ рукъ или въ видѣ „дополнительной" ссуды изъ дворянскаго банка. Болѣе близкое знакомство съ хозяйствомъ Валуйцевыхъ только подтверждало мои первоначальныя наблюденія, сдѣланныя вскорѣ-же по пріѣздѣ моемъ въ „Серебрянку".

На другой-же день я рѣшилъ познакомиться съ научными познаніями своего новаго ученика и затѣмъ начать съ нимъ правильныя занятія. Самъ Валуйцевъ, съ первыхъ же словъ, „предоставилъ мнѣ carte blanche въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касавшихся моихъ занятій съ его сыномъ; что-же касается m-me Валуйцевой, то она

ограничилась только тѣмъ, что просидѣла около получаса на моемъ первомъ урокѣ, и затѣмъ, попросивъ меня „не слишкомъ утомлять занятіями“ ея мальчика, также предоставила мнѣ полную свободу дѣйствій какъ въ распредѣленіи уроковъ въ теченіе дня, такъ и относительно общаго количества времени, которое я находилъ необходимымъ для ежедневныхъ занятій. Вова оказался чудеснымъ мальчикомъ, крайне способнымъ и весьма развитымъ для своихъ лѣтъ. Къ этимъ двумъ его достоинствамъ, всегда очень пріятнымъ для учителя, присоединялась еще столь рѣдкая въ русскихъ дѣтяхъ добросовѣстность и чисто-нѣмецкая аккуратность въ исполненіи своихъ обязанностей. Весьма любознательный отъ природы, онъ былъ очень начитанъ и поглощалъ книги съ такой жадностью, что едва успѣвали выписывать для него новыя книги. Въ довершеніе всего это былъ очень сердечный мальчикъ, привязавшійся ко мнѣ въ самое короткое время. Ознакомившись съ запасомъ его свѣдѣній въ области предметовъ гимназическаго курса, я увидѣлъ, что подготовка такого мальчика въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ къ весеннимъ экзаменамъ въ I-й классъ не будетъ представлять особеннаго труда, и потому рѣшилъ обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на общее развитіе своего питомца. Назначивъ на „програмные“ гимназическіе предметы около 2-хъ часовъ ежедневныхъ занятій по утрамъ—до завтрака, мы опредѣлили, по взаимному соглашенію съ нимъ, около $1^1/_2$—2 часовъ по вечерамъ на совмѣстное чтеніе по исторіи и естествознанію, такъ какъ эти предметы интересовали мальчика больше другихъ. Между завтракомъ и обѣдомъ, подававшимся въ 5 часовъ, Вова занимался музыкой со своей матерью и французскимъ языкомъ съ m-lle Дюкамъ. Въ итогѣ получалось около 5—$5^1/_2$ часовъ ежедневныхъ занятій, что для такого здороваго мальчика, какимъ былъ Вова, не могло быть слишкомъ утомительнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что уроки музыки и французскаго языка бывали далеко не каждый день, вслѣдствіе частыхъ поѣздокъ Валуйцевой и гувернантки то на „хуторъ“, находившійся въ трехъ верстахъ отъ имѣнія, то въ ближайшій уѣздный городъ, отстоявшій отъ „Серебрянки“ верстахъ въ 25-ти.

Было начало сентября, когда я началъ „новую эру“ въ своей жизни и изъ недавняго „учителя гимназіи“ превратился въ „домашняго учителя“,—почти гувернера. Хотя гувернерство, въ строгомъ смыслѣ этого слова, и не входило въ мои обязанности, но благодаря тому, что у насъ даже въ интеллигентныхъ семьяхъ не выработалось еще вполнѣ яснаго понятія о различіи между учителемъ и воспитателемъ, мнѣ пришлось познакомиться въ самомъ непродолжительномъ времени и съ обязанностями гувернера. Осень выда-

лась въ томъ году прекрасная на рѣдкость, и я частенько бралъ съ собой своего ученика на прогулки по ближайшимъ окрестностямъ имѣнія. Чаще всего мы путешествовали съ нимъ пѣшкомъ, изрѣдка верхами на лошадяхъ и уже совсѣмъ рѣдко—въ экипажѣ. Практичная m-me Валуйцева, замѣтивъ мою любовь къ прогулкамъ, не замедлила по-своему эксплуатировать эту слабость и въ скоромъ-же времени сдѣлала попытку обратить мою привычку въ служебную обязанность. Когда однажды, чувствуя себя не вполнѣ здоровымъ, я отказался отъ послѣобѣденной прогулки съ Вовой „на мельницу“, хозяйка дома не преминула въ тотъ-же день, послѣ вечерняго чая, сдѣлать довольно прозрачный намекъ на то, что „мальчикъ имѣетъ сегодня не совсѣмъ свѣжій видъ, потому что не могъ пойти послѣ обѣда на прогулку“. Я показалъ видъ, что не понялъ намека, и на другой день совсѣмъ не гулялъ вмѣстѣ съ мальчикомъ. Тогда maman его пошла на компромиссъ и, какъ будто „между прочимъ“, спустя нѣсколько дней послѣ этого случая, заговорила со мной на тему о томъ, какъ полезны для ея сына совмѣстныя прогулки со мною и какъ было-бы хорошо, если-бъ я могъ удѣлять на нихъ ежедневно „хотя одинъ часъ“. Я не имѣлъ мужества отказать въ этой просьбѣ и такимъ образомъ значительно увеличилъ количество того времени, которое стало принадлежать не мнѣ, а моимъ принципаламъ или проще—„хозяевамъ“.

Вслѣдъ за этой первой черной кошкой, пробѣжавшей въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, не замедлили появиться и другія. Не прошло и мѣсяца съ начала моихъ занятій въ домѣ Валуйцевыхъ, какъ въ одинъ ненастный октябрьскій день, когда мы сидѣли всѣ послѣ завтрака въ гостиной, Клавдія Ивановна завела рѣчь о томъ, что ея сынъ такъ доволенъ мною, какъ учителемъ, и такъ охотно занимается всегда со мною, что она „была-бы безконечно рада“, если-бъ я согласился удѣлять какой-нибудь часъ времени для занятій съ ея любимицей Ниной. Дѣвочкѣ шелъ уже 8-й годъ, и пора было начинать съ нею болѣе или менѣе правильныя занятія. „Вы прекрасно понимаете, какъ важна правильная постановка учебныхъ занятій въ самомъ началѣ,“ прибавила Клавдія Ивановна: „вѣдь, весь послѣдующій успѣхъ зависитъ обыкновенно отъ того, каково было начало“...

Хотя увеличеніе занятій и не входило въ мои планы, когда я ѣхалъ къ Валуйцевымъ, но дѣлать было нечего — пришлось согласиться взять на себя занятія и съ дѣвочкой. Отправляясь на зиму въ деревню, я запасся въ Москвѣ большой журнальной работой компилятивнаго характера, и новыя занятія, которыя предстояли мнѣ теперь, не могли, конечно, не отразиться на успѣхѣ этой работы.

Но бойкая голубоглазая Ниночка, любимица и баловень всей семьи, представляла собой такое милое созданіе, а ея красавица-мать принадлежала къ типу такихъ обаятельно-властныхъ женщинъ, что мнѣ оставалось только поблагодарить ее за довѣріе къ моимъ педагогическимъ талантамъ и затѣмъ начать занятія съ ея дочуркой. Такъ какъ утро и вечерніе часы были у меня уже заняты, то для уроковъ съ Ниной пришлось назначить время между завтракомъ и обѣдомъ, какъ наиболѣе удобное для моей новой и неожиданной ученицы. Въ конечномъ итогѣ я отдавалъ теперь семьѣ Валуйцевыхъ около 7—8 часовъ своего труда ежедневно, при чемъ оказался связаннымъ своими служебными обязанностями въ теченіе цѣлаго дня, такъ какъ въ полномъ моемъ распоряженіи оставалось время только послѣ вечерняго чая, когда мои ученики уходили спать. Да и этимъ временемъ я не всегда могъ располагать свободно, потому что „глава семьи“ (хотя и номинальный только, а не фактическій) любилъ поговорить по вечерамъ „о высокихъ матеріяхъ“ и частенько удерживалъ меня въ столовой, заводя какой-нибудь серьезный разговоръ на тему философскаго или общественнаго характера. Я не говорю уже о тѣхъ вечерахъ, когда собирались въ „Серебрянкѣ“ гости и когда мнѣ волей-неволей приходилось принимать участіе въ общей бесѣдѣ, чтобъ не навлечь на себя обвиненія въ „нелюдимствѣ“ и тѣмъ не осложнять понапрасну своихъ отношеній съ хозяевами дома. Такіе вечера, на которые съѣзжались большей частью ближайшіе сосѣди Валуйцевыхъ, отнимали много времени отъ начатой мною работы, о которой я говорилъ раньше, но зато они давали мнѣ возможность близко познакомиться съ мѣстной жизнью и съ самыми разнообразными представителями захолустной провинціальной интеллигенціи. Богатыми матеріалами, вынесенными мною изъ этихъ наблюденій, я воспользовался уже впослѣдствіи, когда отдался исключительно литературной дѣятельности, и, конечно, далеко еще не использовалъ ихъ всецѣло и до настоящаго времени. Званію „домашняго учителя“ я обязанъ и своимъ знакомствомъ съ русской общественной жизнью, въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова.

Устроившись съ обязанностями домашняго учителя, я долженъ былъ подумать, наконецъ, и о тѣхъ „правахъ и преимуществахъ“, которыя даетъ у насъ это званіе. По смыслу § 1 „Положенія 1834-го года о домашнихъ учителяхъ и наставникахъ“, я долженъ былъ предъявить свое „свидѣтельство“, во-первыхъ—директору народныхъ училищъ, во-вторыхъ—уѣздному предводителю дворянства „тѣхъ мѣстъ, гдѣ водворился“, какъ сказано въ „Положеніи“. Въ противномъ случаѣ, послѣднее грозило мнѣ тѣмъ, что время моего

учительства „не будетъ зачтено въ дѣйствительную службу“. Губернскій городъ, гдѣ находилась дирекція народныхъ училищъ, былъ въ 250 верстахъ отъ „Серебрянки“, уѣздный предводитель дворянства — въ 60 верстахъ. Такъ какъ изъ текста указаннаго пункта 1-го надо было заключить, что свое „свидѣтельство“ я не имѣлъ права посылать, а долженъ былъ представить лично, то я рѣшилъ отложить обѣ свои поѣздки и въ губернскій городъ и въ уѣздный до рождественскихъ каникулъ, въ теченіе которыхъ имѣлъ въ виду прекратить занятія со своими учениками. Не говоря уже о расходахъ, такія поѣздки должны были потребовать не мало и времени, тѣмъ болѣе, что зима обѣщала быть „гнилою“ и дороги въ окрестностяхъ „Серебрянки“ были въ самомъ отвратительномъ состояніи. Обсудивъ вопросъ подробно, я нашелъ болѣе выгоднымъ для себя пожертвовать 3 — 4 мѣсяцами своей „дѣйствительной службы“, чѣмъ тащиться за сотни верстъ для того только, чтобъ представить свой учительскій дипломъ для наложенія на немъ казенной печати. Посылать же „свидѣтельство“, напечатанное на роскошной пергаментной бумагѣ, по почтѣ мнѣ прямо-таки не хотѣлось. Да и обратное полученіе его, при отсутствіи знакомыхъ въ городѣ, могло быть сопряжено съ большими неудобствами и хлопотами, такъ какъ канцеляріи нашего учебнаго вѣдомства далеко не отличаются особенной аккуратностью, что я давно уже зналъ по горькому личному опыту. Мнѣ не оставалось поэтому никакого другого исхода, какъ отложить свое представленіе новому начальству до болѣе благопріятнаго случая, хотя-бы и рискуя при этомъ навлечь на себя непріятности по службѣ. Но этому „благопріятному случаю“ такъ и не суждено было наступить, потому что мое пребываніе въ домѣ Валуйцевыхъ, совершенно неожиданно для меня, кончилось гораздо раньше, чѣмъ я могъ предполагать...

Я уже упоминалъ о томъ, что хозяйство въ имѣніи велось самымъ примитивнымъ способомъ, и въ этомъ отношеніи „Серебрянка“ ничѣмъ не отличалась отъ всѣхъ окрестныхъ имѣній средней руки,— такъ-же запущенныхъ и разоренныхъ, такъ же хищнически-эксплуатируемыхъ. Большая часть земли, принадлежавшей владѣльцамъ имѣнія, сдавалась въ краткосрочную аренду крестьянамъ ближайшихъ селъ и деревень; остальная земля эксплуатировалась собственными средствами имѣнія. Завѣдывалъ послѣднимъ, распоряжаясь на правахъ полнаго хозяина, управляющій, по фамиліи Котовичъ, по происхожденію бѣлоруссъ или полякъ, откуда-то изъ сѣверо-западнаго края. Высокій, коренастый, довольно стройный, съ большими черными глазами и черными же курчавыми волосами, онъ былъ недуренъ собой и могъ, по всѣмъ признакамъ, нравиться женщинамъ,

даже и довольно требовательнымъ въ этомъ отношеніи. Мнѣ лично онъ показался съ перваго же взгляда человѣкомъ подозрительнымъ, однимъ изъ тѣхъ людей, съ которыми надо держать ухо востро и быть вѣчно насторожѣ. Общеніе съ такими людьми не можетъ доставлять особеннаго удовольствія—и потому я не старался искать частыхъ встрѣчъ съ Котовичемъ, довольствуясь случайными встрѣчами съ нимъ въ „господскомъ домѣ", въ конторѣ усадьбы или гдѣ-либо въ ея предѣлахъ. Котовичъ выдавалъ себя за холостого человѣкъ, но на усадьбѣ говорили, что онъ — женатъ, но бросилъ свою жену, уступивъ ее за большія деньги какому-то богатому „пану". У своихъ теперешнихъ хозяевъ Котовичъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ. Самъ Валуйцевъ имѣніемъ своимъ и хозяйствомъ почти не интересовался, а его жена говорила, что „съ такимъ управляющимъ, какъ у нихъ, они живутъ, какъ у Христа за пазухой"—по народному выраженію. Такое слѣпое довѣріе къ человѣку, который, по всѣмъ даннымъ, не имѣлъ ни малѣйшаго права на это, казалось мнѣ въ высшей степени страннымъ, и я тщетно старался найти ему какое-либо удовлетворительное объясненіе. Тѣ слухи, которые доходили до меня относительно Котовича „со стороны"—отъ мѣстныхъ крестьянъ и сосѣдей - помѣщиковъ, только подтверждали мое первоначальное предположеніе, что Котовичъ безжалостно обираетъ своихъ господъ, пользуясь ихъ довѣріемъ.

Но особенно возмутительной оказалась самая безперемонная эксплуатація, какой подвергались окрестные крестьяне, благодаря своеобразной „системѣ хозяйства", заведенной Котовичемъ въ „Серебрянкѣ". Вблизи имѣнія было большое село и три деревни,—всѣ съ крайне ничтожными земельными надѣлами. Крестьяне страшно нуждались въ землѣ, и такъ какъ взять ее было негдѣ, вслѣдствіе отсутствія по-близости другихъ, кромѣ Валуйцевыхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, то поднимали арендныя цѣны на луга и пахоти до невѣроятно-высокой степени, лишь - бы только взять клокъ земли. Благодаря необычайной „черезполосицѣ" въ земельныхъ владѣніяхъ крестьянамъ некуда было выгнать курицы безъ опасенія, что послѣдняя попадетъ на господскую землю; о крупномъ - же скотѣ—коровахъ и лошадяхъ и говорить нечего: крестьяне буквально бѣдствовали съ выгонами для нихъ и несли „настоящій крестъ", какъ они выражались. На этой почвѣ между крестьянами и господской „экономіей", земли которой не только окружали плотнымъ кольцомъ, но и врѣзывались клиньями въ крестьянскія владѣнія, происходили постоянныя „недоразумѣнія", дѣлавшія взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ крайне шероховатыми и—по временамъ—весьма обостренными. „Экономія" жестоко штрафовала мужиковъ за малѣй-

шую оплошность относительно скотины и всячески „притѣсняла" ихъ насчетъ земли; въ свою очередь и мужики пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ вытравить своими лошадьми господскій овесъ, скосить ночью „экономическое" сѣно, вырубить дерево въ рощѣ, лежавшей между хуторомъ и усадьбой. Самъ Валуйцевъ обо всѣхъ этихъ „мелочахъ жизни" не зналъ, а главное, не хотѣлъ знать, такъ какъ послѣ недавней своей поѣздки за-границу навезъ оттуда „спиритическихъ" и „оккультистскихъ" сочиненій и гораздо больше интересовался верченіемъ столовъ и бесѣдой съ духами, чѣмъ разговорами съ окружавшимъ его „меньшимъ братомъ", находившимся въ полной кабалѣ у его „экономіи". Клавдія Ивановна, какъ женщина болѣе его умная, не могла, конечно, не знать объ эксплуатаціи, такъ тяжело отзывавшейся на экономическомъ положеніи сосѣдней крестьянской массы, но дѣлала видъ, что „это ея не касается" или что она „ничего не знаетъ".

Однажды, позднимъ ноябрьскимъ вечеромъ, у меня зашелъ съ Валуйцевымъ разговоръ о взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянами и мѣстными помѣщиками. Валуйцевъ сталъ хвастаться тѣмъ, что такихъ „прекрасныхъ отношеній", какія установились у нихъ въ „Серебрянкѣ", не найти не только въ ихъ уѣздѣ, но, пожалуй, и въ цѣлой губерніи. Подобное увѣреніе до такой степени противорѣчило самой наглядной очевидности и такъ похоже было на маниловскую наивность или на самое безцеремонное лицемѣріе, что подъ первымъ впечатлѣніемъ словъ Валуйцева я рѣшительно не зналъ что сказать, и, только оправившись немного, выступилъ со всѣмъ, имѣвшимся въ моемъ распоряженіи арсеналомъ цыфръ и фактовъ, чтобы показать Валуйцеву, какъ жестоко онъ ошибался. Разговоръ почти сразу перешелъ къ характеристикѣ Котовича и его отношеній какъ къ нимъ—владѣльцамъ имѣнія, такъ и къ окружающимъ крестьянамъ. Факты, которыми я располагалъ, были до такой степени вопіющими и въ то же время несомнѣнными, что трудно было возражать противъ нихъ. Валуйцевъ дѣлалъ лишь слабыя попытки защитить своего управляющаго, который „не былъ хуже многихъ другихъ", и слушалъ меня съ широко-раскрытыми, недоумѣвающими глазами, точно я говорилъ такія небывало-странныя для него вещи, о какихъ онъ никогда не слыхалъ въ своей жизни. Клавдія Ивановна, присутствовавшая при этомъ, все время молчала и постоянно мѣнялась въ лицѣ, то блѣднѣя, то краснѣя, какъ піонъ. Я понялъ, что моя „критика" Котовича крайне для нея непріятна, но, охваченный желаніемъ раскрыть этимъ по существу своему недурнымъ людямъ глаза на истинное положеніе дѣлъ вообще и на дѣйствія обманывавшаго ихъ управляющаго—въ частности, продолжалъ свою

горячую филиппику противъ него. Просидѣвъ нѣсколько минутъ, К. И. вскочила, какъ ужаленная, съ мѣста, и, хлопнувъ дверью, демонстративно вышла изъ кабинета, гдѣ происходилъ разговоръ. Валуйцевъ сразу палъ духомъ и какъ-то особенно притихъ послѣ этого...

На другой день онъ съ утра оказался (или сказался) больнымъ, такъ какъ „провелъ всю ночь безъ сна". Madame не вышла къ утреннему чаю, и прислуга ходила на цыпочкахъ, точно передъ грозою. Около 10 часовъ отъ нея вышелъ, какъ всегда, управляющій, являвшійся по утрамъ „съ докладами". Его смуглое красивое лицо съ плутоватыми глазами, никогда не смотрѣвшими прямо въ лицо собесѣдника, а постоянно бѣгавшими по сторонамъ, улыбалось, по обыкновенію, лукавой, вызывающей улыбкой. Проходя въ столовой мимо меня, онъ пренебрежительно кивнулъ мнѣ головой и посмотрѣлъ такими глазами, какъ будто хотѣлъ сказать: „а что, взяли?" По окончаніи моихъ обычныхъ занятій съ ученикомъ, Валуйцева пригласила меня въ свой кабинетъ, объяснила, что ея мужъ боленъ „послѣ нашего вчерашняго разговора", извинилась, что „они должны отказаться отъ дальнѣйшихъ моихъ педагогическихъ услугъ", и, вручивъ слѣдуемыя мнѣ по данное число деньги (расчетъ былъ сдѣланъ съ математической точностью), прибавила:

— Очень жаль, что мы принуждены разстаться съ вами, но мы такъ различно смотримъ съ вами на все, что рано или поздно все равно пришлось-бы это сдѣлать. Я не могу допустить, чтобъ мои дѣти росли въ такихъ взглядахъ. Борисъ Павловичъ (такъ звали Котовича) разсказалъ мнѣ подробно о томъ, какіе разговоры ведете вы съ мужиками...

Хотя никакихъ предосудительныхъ „разговоровъ" съ мужиками я не велъ и „разсказъ" Бориса Павловича былъ сущей клеветой на меня, но у меня не было ни малѣйшаго желанія вступать въ полемику по этому поводу съ этой красивой барыней, разсчитывавшей теперь учителя своихъ дѣтей, какъ не разсчитываютъ и прислугу въ порядочныхъ домахъ. Я сухо простился съ нею и ушелъ въ свою комнату наверху, чтобъ уложить свои вещи. Туда-же наверхъ подали мнѣ и завтракъ. Собравъ свои пожитки, я послалъ въ село за почтовыми лошадьми, простился съ дѣтьми, и выѣхалъ изъ имѣнія на станцію желѣзной дороги, чтобъ попасть къ вечернему поѣзду. По странной случайности оказалось, что я пробылъ въ „Серебрянкѣ" ровно сто дней.

— Не долго пожили въ нашихъ краяхъ, говорилъ мнѣ везшій меня ямщикъ, не глупый и словоохотливый малый:—изъ-за Котовича, вѣрно, разъѣхались... Котораго вотъ уже учителя приходится

на году отвозить. Не успѣютъ пріѣхать, какъ ужъ за конями на село посылаютъ... Умора да и только!.. Ужъ больно силу-то большую забралъ у нихъ этотъ самый Котовичъ... Всѣмъ ворочаетъ... а все отъ того, что барыню умѣлъ къ рукамъ прибрать... Обходительный человѣкъ, что и говорить... Ну и хуторокъ себѣ уже пріобрѣлъ. Ловкая шельма...

— Да только я такъ смекаю, не сносить ему своей головы: больно ужъ обозлились на него мужики-то наши. Гнететъ насъ—во какъ! Утѣсненіе такое—оборони Богъ! А нынче ужъ, сами знаете, не тѣ времена пошли...

— Чего-же самъ-то помѣщикъ смотритъ?—попробовалъ я задать вопросъ:—развѣ онъ ничего этого не знаетъ?

— Ну, гдѣ ужъ ему!.. отвѣтилъ возница, безнадежно махнувъ рукой.—Хуже курицы всякой... Да и боится онъ этого Котовича, какъ-бы, значитъ, барыню-то тотъ у него не отбилъ да не увезъ съ собою. А тому и ладно: лафа!.. Чудное дѣло, право!

Вдали уже видны были огни близкой станціи. Вскорѣ подошелъ и поѣздъ, который долженъ былъ увезти меня изъ этихъ мѣстъ. Я покидалъ „Серебрянку“ безъ особенныхъ сожалѣній, но мнѣ искренно жаль было чудесныхъ Вову и Нину, которые должны расти и складываться въ такой нездоровой нравственной атмосферѣ...

II.

Несмотря на неудачу своего дебюта въ роли домашняго учителя, я не палъ духомъ и рѣшилъ продолжать итти по избранному пути, что̀-бы ни ожидало меня впереди. Я поселился въ Кіевѣ и вскорѣ же по пріѣздѣ туда помѣстилъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ объявленіе о своемъ желаніи получить урокъ „въ отъѣздъ“. Объявленіе „бывшаго учителя гимназіи“ не прошло незамѣтнымъ, и я на другой-же день получилъ нѣсколько предложеній „явиться для личныхъ переговоровъ“. Пока я собирался, въ меблированныя комнаты, гдѣ я нашелъ для себя пріютъ въ Кіевѣ, пріѣхалъ ко мнѣ полякъ-помѣщикъ, по фамиліи Цивинскій, и, познакомившись со мною, предложилъ мнѣ занятія съ его сыномъ.

Изъ болѣе подробной бесѣды съ Цивинскимъ я узналъ, что мой будущій ученикъ—его единственный сынъ, что надо будетъ проходить съ нимъ гимназическій курсъ, начиная съ 3-го класса, и что заниматься придется не болѣе 2-хъ часовъ въ сутки, такъ какъ мальчикъ обладаетъ весьма слабымъ здоровьемъ. Математикой и естественными науками занимался съ мальчикомъ самъ отецъ; на мою-же долю оставались „языки“, географія и исторія. Вознаграж-

деніе, которое предложилъ мнѣ Цивинскій, было 75 рублей въ мѣсяцъ, при полномъ содержаніи и съ правомъ имѣть 2—3 свободныхъ дня въ теченіе каждаго мѣсяца для поѣздокъ въ г. Кіевъ, недалеко отъ котораго находилось имѣніе.

— Я вполнѣ понимаю, что для педагога, бывшаго преподавателемъ гимназіи, это вознагражденіе далеко не блестяще, но, къ сожалѣнію, пока я не могу предложить вамъ большаго,—прибавилъ Цмвинскій.—Имѣніе у меня небольшое, доходы скромные, потому что я только еще начинаю заводить правильное хозяйство... Современемъ, если вы уживетесь въ нашей семьѣ, я надѣюсь увеличить вашъ гонораръ до ста рублей въ мѣсяцъ, путемъ постепенныхъ прибавокъ.

Цивинскій такъ очаровалъ меня простотой и искренностью, правильностью своихъ взглядовъ на истинныя задачи воспитанія, что я далъ свое согласіе тотчасъ-же, и черезъ два дня послѣ этого мы выѣхали вмѣстѣ съ нимъ изъ Кіева въ его имѣніе „Карповичи", заключивъ предварительно письменное условіе, на которомъ почему-то особенно настаивалъ Цивинскій. Въ этомъ „условіи" были подробно изложены всѣ обязанности и права той и другой стороны,— „во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній", при чемъ, въ случаѣ прекращенія занятій, я долженъ былъ предупредить Цивинскаго за одинъ мѣсяцъ впередъ, а Ц—скій—за три мѣсяца или уплатить мнѣ жалованье за это время, если-бъ преждевременное прекращеніе занятій произошло по его, Цивинскаго, винѣ и онъ не могъ-бы почему-либо предупредить меня объ этомъ заранѣе.

— Такъ вездѣ дѣлается въ просвѣщенныхъ странахъ,—говорилъ мнѣ Ц—кій.—Найти новыя „кондиціи" *) для васъ будетъ, конечно, труднѣе, чѣмъ для меня найти новаго учителя. Поэтому и взаимныя гарантіи, обезпечивающія обѣ стороны, не могутъ быть одинаковы...

„Карповичи" оказались дѣйствительно небольшимъ имѣніемъ, но зато пріятно поражали своимъ благоустройствомъ и образцовымъ порядкомъ въ хозяйствѣ. Окончивъ кіевскій университетъ по математическому факультету, Ц—кій изучалъ потомъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ сельское хозяйство за-границей (въ Саксоніи и Богеміи) и теперь, вернувшись въ Россію, рѣшилъ сдѣлать свое имѣніе во всѣхъ отношеніяхъ „образцовымъ". Онъ рано женился, но неудачно, и жилъ, когда я пріѣхалъ въ „Карповичи", на холостомъ положеніи, такъ какъ жена его, „органически ненавидѣвшая" деревенскую жизнь, проводила большую часть года за границей, у своихъ родныхъ въ Краковѣ, и въ имѣніе своего мужа пріѣзжала на-

*) *„Кондиціями"* въ юго-западномъ краѣ принято называть частные уроки.

короткое время лѣтомъ, чтобъ только повидаться съ сыномъ. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала старуха-тетка Ц—каго, очень набожная католичка, большая патріотка и страстная поклонница Мицкевича. Самъ Ц—кій былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ узко-націоналистическихъ взглядовъ, считалъ польское дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ понимали его патріоты, проиграннымъ навсегда, и вѣрилъ только въ „культурное возрожденіе“ своего народа на чисто-космополитическихъ началахъ, совершенно чуждыхъ всякой религіозной или племенной нетерпимости.

— Тетя не долюбливаетъ русскихъ,—представилъ мнѣ Ц-кій хозяйку дома,—но для учителей дѣлаетъ исключеніе... Я надѣюсь, что вы будете съ ней въ большой дружбѣ, въ особенности если не будете отрицать Мицкевича и другихъ великихъ польскихъ писателей.

И въ самомъ дѣлѣ, мы въ самомъ скоромъ времени подружились и стали понимать другъ друга. А когда эта милая старушка узнала, что я высоко ставлю Мицкевича, какъ поэта, и очень люблю Шопена (произведенія котораго, кстати сказать, исполнялись ею съ удивительнымъ совершенствомъ), то радости ея не было границъ. Говорили мы съ нею одновременно на двухъ языкахъ: она—по-польски, я—по-русски; когда какое-либо слово оказывалось для меня или для нея непонятнымъ, посредникомъ служилъ французскій языкъ. Благодаря такому обмѣну, я выучился польскому языку въ 2—3 мѣсяца настолько, что могъ свободно читать въ оригиналѣ не только новыхъ польскихъ писателей, но и самого Адама Мицкевича.

Ученикъ мой Октусь (Октавіанъ) оказался хилымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ 9 лѣтъ, съ очень красивыми голубыми глазами, нѣжными бѣлокурыми волосами и слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ. По-русски онъ говорилъ очень плохо, и это обстоятельство должно было значительно повліять на успѣшность предстоящихъ занятій. Въ число моихъ „обязанностей“ входило, между прочимъ, обязательство говорить съ мальчикомъ „непремѣнно по-русски“; отецъ такъ-же говорилъ съ нимъ большей частью по-русски, но самъ Октусь на первыхъ порахъ стѣснялся объясняться со мною на русскомъ языкѣ, и мнѣ стоило большихъ усилій убѣдить его въ томъ, что это вовсе не такъ страшно, какъ онъ думалъ. Управляющій имѣніемъ былъ полякъ, но вся прислуга въ домѣ была малороссійская, изъ ближайшихъ селъ, и говорила на какомъ-то пестромъ нарѣчіи, представлявшемъ смѣсь польскаго языка съ украинскимъ и одинаково далекомъ отъ того и другого. Я оказывался, такимъ образомъ, въ этой семьѣ единственнымъ представителемъ великорусскаго государственнаго элемента и волей-неволей выступалъ теперь

въ совершенно новой и столь мало-свойственной для себя роли „обрусителя“.

— Научите насъ всѣхъ прежде всего говорить по-русски,—шутя, говорилъ мнѣ Ц—кій,—а то мы всѣ говоримъ здѣсь чортъ знаетъ на какомъ языкѣ...

И я началъ учить, съ жаромъ принявшись за свои новыя обязанности. Отношеніе Ц—каго къ воспитанію сына представляло полную противоположность тому равнодушію, съ какимъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ семьѣ Валуйцевыхъ. Онъ интересовался не только учебными занятіями, но и общимъ развитіемъ Октуся, внимательно слѣдя за каждымъ проявленіемъ его духовной жизни. Мальчикъ былъ одаренъ отъ природы довольно пытливымъ умомъ и большой впечатлительностью, но вслѣдствіе слабаго своего здоровья отличался крайней вялостью мысли. Тугость сообразительности особенно сказывалась, когда ему приходилось сталкиваться съ какимъ-либо новымъ для себя явленіемъ: въ такихъ случаяхъ Октусь совершенно терялся, и его умное личико принимало при этомъ такое страдальческое выраженіе, что просто становилось жаль бѣднаго мальчика. Раньше усвоенія новыхъ знаній предстояло, такимъ образомъ, выработать въ ребенкѣ самую способность усвоенія, умѣнье самостоятельно оріентироваться въ томъ матеріалѣ, который ему предлагался. Въ сторону укрѣпленія его умственной самодѣятельности я и направилъ съ первыхъ-же дней нашихъ занятій всѣ свои усилія, тѣмъ болѣе, что до меня мальчикъ систематически почти не занимался. Обработка такого сырого матеріала представляла для меня, какъ учителя, нелегкую, но въ то же время интересную задачу, такъ какъ было ясно видно, что отъ того, какъ взяться за дѣло, будетъ зависѣть весь успѣхъ моихъ дальнѣйшихъ занятій съ мальчикомъ.

Вмѣстѣ съ отцомъ его мы обсудили и выработали программу занятій и начали ихъ одновременно, назначивъ по $1^1/_2$ часа ежедневно на математику и естествознаніе и столько же на мои предметы: русскій языкъ, исторію и географію. Занятія латинскимъ языкомъ мы рѣшили начать значительно позже, послѣ того, какъ Октусь овладѣетъ нѣсколько русскимъ языкомъ Первые его опыты на этомъ языкѣ представляли собой нѣчто до такой степени неудачное, въ смыслѣ знакомства его съ элементарнѣйшими правилами русской грамматики, что нечего было и думать о латинскомъ языкѣ ранѣе усвоенія этихъ правилъ. Три часа ежедневныхъ занятій даже для ребенка не особенно крѣпкаго здоровья не могли быть особенно утомительными, тѣмъ болѣе они раздѣлялись тремя перерывами: двумя—по 15 минутъ и однимъ—въ полчаса между моими предметами и

математикой. Начинаясь въ 9 часовъ утра, уроки кончались къ часу дня; въ 2 часа подавался обѣдъ, и затѣмъ Октусь былъ свободенъ все остальное время, потому что никакихъ уроковъ „для приготовленія“, какъ это дѣлается въ школахъ, ему, разумѣется, не задавалось. Этихъ трехъ часовъ домашнихъ занятій было вполнѣ достаточно для усвоенія такого учебнаго матеріала, на который, посѣщая гимназію, мальчикъ тратилъ бы ежедневно не менѣе шести часовъ. Преимущества домашней системы воспитанія въ этомъ отношеніи бросались въ глаза настолько ярко, что не возникало относительно ихъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Притомъ, такой физически слабый ребенокъ, какъ Октусь, обучаясь въ школѣ, гдѣ ему пришлось-бы проводить ежедневно 4—5 часовъ, страдалъ-бы частыми головными болями, часто манкировалъ-бы уроками по болѣзни и въ конечномъ результатѣ оказался-бы и физически-искалѣченнымъ, да и въ наукахъ не проявлялъ-бы особенно блестящихъ успѣховъ.

Особенно трудно было для меня преодолѣть недовѣріе ко мнѣ моего ученика, выросшаго въ полномъ одиночествѣ и весьма замкнутаго по своему духовному складу. Кромѣ того, онъ не могъ не видѣть во мнѣ иностранца,—представителя той націи, о которой онъ, несомнѣнно, слышалъ съ дѣтства много дурного и питать особенно нѣжныя чувства къ которой у него не было ни малѣйшаго основанія. Чтобъ заинтересовать Октуся Россіей и русскими, которыхъ онъ видалъ до сихъ поръ только въ образѣ солдатъ („москалей“), являвшихся лѣтомъ на работы въ имѣніе, я началъ разсказывать ему на урокахъ географіи сперва о природѣ Россіи и разнообразіи ея населенія, а затѣмъ перешелъ постепенно и къ описанію великорусскаго племени, рисовавшагося его воображенію въ далеко не лестныхъ краскахъ. Мало-по-малу, я достигъ того, что Октусь попросилъ меня выписать изъ Кіева книжекъ, „гдѣ разсказывается о жизни „русскихъ“, и, когда книжки были получены, жадно принялся за ихъ чтеніе. Такихъ результатовъ пришлось достичь въ сравнительно короткое время (3—4 мѣсяца) потому только, что въ лицѣ отца мальчика я имѣлъ прекрасно-развитого и энергичнаго помощника, вполнѣ раздѣлявшаго мои педагогическіе взгляды и все время содѣйствовавшаго ихъ практическому осуществленію. Такое „единство направленія“ случается, конечно, далеко не часто; гораздо чаще приходится наблюдать въ русской средней интеллигентной семьѣ или полный индефферентизмъ въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей (какъ это было въ семьѣ Валуйцевыхъ), или такую отсталость взглядовъ, которая дѣлаетъ практически-неосуществимыми всякія попытки поставить учебно-воспитательное дѣло такъ, какъ требуетъ этого раціональная педагогика. О разладѣ между нашей

современной школой и семьей мнѣ уже приходилось говорить подробно въ моихъ „Запискахъ учителя гимназіи“ („Рус. Школа“, 1903 г. №№ 1—3); наблюденія, сдѣланныя мною въ этой области въ качествѣ „домашняго учителя“, только подтверждали справедливость тѣхъ выводовъ и заключеній, какіе я вынесъ изъ своей служебной учительской дѣятельности въ N—ской гимназіи.

Наши занятія съ Октусемъ наладились сразу, какъ слѣдуетъ, къ нашему обоюдному удовольствію. Наибольшее затрудненіе представляли письменныя упражненія по русскому языку, но такъ какъ мальчикъ былъ одаренъ порядочной памятью, то я надѣялся одолѣть въ концѣ концовъ и затрудненія въ этой области. Хорошую услугу оказало мнѣ въ этомъ чтеніе мальчикомъ книгъ на русскомъ языкѣ. Внимательно читая ихъ, Октусь привыкалъ какъ-то совершенно незамѣтно для себя къ извѣстному начертанію словъ и началъ ставить злополучную букву „ѣ“ тамъ именно, гдѣ принято ее ставить. До моего пріѣзда мальчикъ почти ничего не читалъ на русскомъ языкѣ, теперь-же ухватился за это чтеніе съ чисто-дѣтской жадностью, почему такъ скоро и сказалось вліяніе подобнаго чтенія на характеръ его письменныхъ упражненій по русскому языку. Помогали, конечно, и наши частыя бесѣды съ нимъ на этомъ языкѣ, постепенно пріучавшія слухъ ребенка къ правильной русской рѣчи, которой онъ почти не слыхалъ раньше. Такъ какъ, за исключеніемъ $1^1/_2$—2 часовъ, я былъ свободенъ всю остальную часть дня, то и моя личная работа, о которой я упоминалъ вскользь въ первой главѣ, подвигалась впередъ настолько быстро, что я разсчитывалъ окончить ее къ веснѣ. Я такъ увлекся своими занятіями, что почти совершенно забылъ о всѣхъ „правахъ и обязанностяхъ домашняго учителя“, налагаемыхъ „Положеніемъ 1834 года“, и, поселившись въ „Карповичахъ“, не сдѣлалъ требуемаго „Положеніемъ“ заявленія объ этомъ своему учебному начальству. Пришлось потерять, такимъ образомъ, какъ оказалось впослѣдствіи, цѣлый годъ „дѣйствительной службы“...

Зима пролетѣла почти незамѣтно. Я сдѣлалъ въ теченіе ея много довольно интересныхъ знакомствъ среди окрестныхъ помѣщиковъ и не могъ пожаловаться на отсутствіе общества. Большинство землевладѣльцевъ и сахарозаводчиковъ (въ окрестностяхъ „Карповичей“ было нѣсколько свекло-сахарныхъ заводовъ) были поляки, но такъ какъ я не принадлежалъ и не принадлежу къ тѣмъ „патріотамъ своего отечества“, которые проповѣдуютъ нетерпимость и человѣконенавистничество, то поляки встрѣчали меня весьма привѣтливо и радушно, совершенно забывая о томъ, что я—русскій. Къ тому же я выучился немного говорить по-польски, что еще болѣе

облегчало возможность сближенія. На лѣто мы рѣшили съ Ц—скимъ дать Октусю полный отдыхъ отъ учебныхъ занятій на $1^1/_2$ мѣсяца. Для укрѣпленія его здоровья отецъ повезъ его съ собою въ Тироль, а я воспользовался этими каникулами, чтобъ побывать на своей родинѣ, и уѣхалъ на сѣверъ Россіи.

На слѣдующую зиму семья Ц—скихъ поселилась въ Кіевѣ. Пріѣхала изъ Кракова и мать Октуся и прожила въ Кіевѣ вмѣстѣ съ остальной семьей до Рождества. Находясь въ Кіевѣ, я рѣшилъ утилизировать, наконецъ, свой дипломъ домашняго учителя, для чего мнѣ пришлось, какъ оказалось, пройти такую бездну мытарствъ и хожденія по канцеляріямъ, что я уже не радъ былъ, что затѣялъ всю эту исторію.

Дирекціи народныхъ училищъ въ то время въ Кіевѣ не было, а завѣдывалъ домашними учителями одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, котораго мнѣ удалось разыскать не безъ большихъ усилій. Такъ какъ этотъ инспекторъ отличался удивительной добросовѣстностью въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, то почти ежедневно уходилъ или уѣзжалъ изъ дома съ 8 час. утра для ревизіи подвѣдомственныхъ ему начальныхъ училищъ. Прослужилъ онъ по учебному вѣдомству болѣе сорока лѣтъ и жилъ въ Кіевѣ на краю города, въ собственномъ домѣ. Мнѣ пришлось побывать у него 4 или 5 разъ, пока удалось, наконецъ, застать его дома и предъявить свое „свидѣтельство“ для требуемой отмѣтки. Потомъ я направился въ канцелярію уѣзднаго предводителя. Такъ какъ послѣдній не зналъ лично Ц—скаго или просто не хотѣлъ знать, то потребовалъ отъ меня нотаріальнаго удостовѣренія подписи Ц—скаго на выданномъ имъ мнѣ свидѣтельствѣ о томъ, что я состою домашнимъ учителемъ въ его семействѣ. Если-бъ случайно оказались между Ц—скимъ и предводителемъ какія-либо „недоразумѣнія“ или личныя дрязги, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ, то мои мытарства по канцеляріямъ осложнились-бы, вѣроятно, еще больше. Но и безъ того они стоили мнѣ массы даромъ потеряннаго времени, большихъ денегъ (на гербовыя марки, на „чаи“ швейцарамъ, „благодарности“ писцамъ и т. д.) и цѣлой кучи крайне непріятныхъ хлопотъ и объясненій. Черезъ годъ мнѣ надо было представить „отчетъ“ о своей педагогической дѣятельности, требуемый „Положеніемъ“, но перспектива подвергнуться еще разъ уже пережитымъ однажды всѣмъ этимъ канцелярскимъ мытарствамъ представлялась мнѣ до такой степени мало интересной, что я рѣшилъ не представлять этого „отчета“ до полнаго окончанія своихъ занятій у Ц—скихъ, и такъ дѣйствительно и поступилъ.

Въ семьѣ этой я пробылъ учителемъ три года и разстался съ нею потому только, что Октусь заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, страшно ослабѣлъ послѣ этого и врачи посовѣтовали Ц—скому прекратить учебныя занятія съ мальчикомъ, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ, и отправить его на югъ Европы. Впослѣдствіи, мальчикъ совершенно поправился и окончилъ гимназическій курсъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ университетъ въ Грацѣ (въ Австріи) и въ настоящее время оставленъ при одномъ изъ австрійскихъ университетовъ по каѳедрѣ исторіи славянскихъ литературъ. Изрѣдка онъ обмѣнивается письмами со своимъ „первымъ русскимъ учителемъ" и крайне сожалѣетъ, что ему приходится работать внѣ Россіи.

Разставшись съ семьей Ц—скихъ, я преподавалъ еще въ нѣсколькихъ семействахъ самаго различнаго общественнаго положенія. Наиболѣе типичными изъ нихъ оказались семья нѣмца-садовода, русская княжеская семья и семья богатыхъ еврейскихъ банкировъ („la haute bourgeoisie israélite"), которой я и закончилъ свою педагогическую дѣятельность въ качествѣ домашняго учителя. Каждое изъ этихъ семействъ представляло свои особенности, свои отличія, крайне интересныя и поучительныя съ педагогической точки зрѣнія. Различіе въ соціальномъ положеніи, въ національности и религіи придаетъ особенный колоритъ внутреннему складу каждой семьи и создаетъ для дѣятельности домашняго учителя такія своеобразныя условія, съ которыми нельзя не считаться. Характеристикѣ этихъ условій и будутъ, главнымъ образомъ, посвящены дальнѣйшія главы моихъ настоящихъ „Записокъ домашняго учителя".

Н. Бѣлозерскій.

(*Продолженіе будетъ.*)

Два учителя.

(Изъ воспоминаній старой гимназистки.)

Въ К—ской женской и мужской гимназіяхъ было два учителя русскаго языка. Одинъ, Василій Николаевичъ Линевичъ, преподавалъ словесность въ старшихъ классахъ мужской и женской гимназій, другой, Алексѣй Васильевичъ Бондаренко,—русскій языкъ въ младшихъ классахъ тѣхъ-же гимназій. Учителя эти были друзьями, и дружба ихъ была рѣдкая, исключительная по своему постоянству. Линевичъ былъ сынъ священника, Бондаренко—сынъ крестьянина одного и того-же села гдѣ-то на югѣ Россіи; и тотъ, и другой попали въ гимназію въ одинъ и тотъ-же городъ; изъ гимназіи пробрались въ Москву въ университетъ; вмѣстѣ тамъ жили, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ дѣлили скудные достатки и заработки. Говорили, что по окончаніи курса Линевичу предлагали остаться при университетѣ; его ждала профессорская каѳедра, но слабое здоровье вообще было еще сильно подорвано трудной студенческой жизнью, и доктора посовѣтовали ему, хотя-бы на время, уѣхать куда-нибудь на югъ. Тогда онъ рѣшился взять мѣсто учителя словесности въ К., куда по счастливой случайности попалъ и Бондаренко, и оба они пріѣхали въ К. въ одинъ и тотъ-же день и одинъ и тотъ-же часъ, взволновавши своими особами, какъ всякіе пріѣзжіе, все населеніе городка.—Они рѣзко отличались одинъ отъ другого по наружности, манерамъ и всему общему складу. Линевичъ былъ высокій, худой и стройный, Бондаренко былъ средняго роста, плотный, широкоплечій и сутуловатый. У Линевича было блѣдное лицо съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, гладкій благородный лобъ, небольшіе, но красивые, блестящіе глаза, съ горбинкой носъ, умный ротъ, темные, волнистые, закинутые назадъ волосы и маленькая темная бородка. Въ общемъ, его нельзя было назвать красивымъ, но лицо его было умное и интересное. Лицо Бондаренки было широкое, скуластое, слегка испорченное оспой, черты лица неправильныя: крупный, пухлый носъ, большой ротъ съ толстыми губами, на лбу широкое тем-

ное родимое пятно, глубоко сидящіе маленькіе глазки, черные, жесткіе волосы на головѣ и бородѣ. Онъ былъ некрасивъ, и съ перваго взгляда казался очень суровымъ; но лицо его носило отпечатокъ прямоты и честности, и, вглядѣвшись пристально въ его маленькіе глазки, можно было прочесть въ немъ безконечную доброту. На первыхъ порахъ маленькіе гимназисты и гимназистки страшно его боялись, но черезъ короткое время они угадывали подъ суровой наружностью простодушнаго добряка и уже нисколько не страшились ни сердитыхъ громкихъ окриковъ, ни ударовъ кулака по столу, которыми Бондаренко любилъ украшать свои уроки.

И въ одеждѣ они отличались другъ отъ друга. Линевичъ одѣвался просто, но всякое платье сидѣло на немъ хорошо и красиво; на Бондаренкѣ-же даже его новый вицъ-мундиръ казался съ чужого плеча, а его рыжее драповое пальто съ бархатнымъ воротникомъ неопредѣленнаго цвѣта и теплую плюшевую шапку, про которую гимназисты говорили, что она сшита изъ мѣха зеленой обезьяны, знали всѣ жители города. Они жили на разныхъ квартирахъ, но Бондаренко почти все свое свободное время проводилъ у Линевича. Утромъ, идя на уроки, Бондаренко всегда заходилъ за своимъ другомъ и изъ гимназіи провожалъ его домой. Линевичъ шелъ всегда ровной, спокойной походкой, держась прямо и какъ-то тихо и грустно улыбаясь; Бондаренко всегда торопился, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, размахивая руками, съ нахмуреннымъ и озабоченнымъ лицомъ.

Эти два учителя съ перваго-же дня появленія въ стѣнахъ гимназій сдѣлались свѣтлыми пятнами на темномъ фонѣ всего учительскаго персонала того времени. Главнымъ источникомъ этого свѣта являлся талантливый Линевичъ, а Бондаренко, жадно поглощая лучи этого свѣта и прибавляя ихъ къ безконечной добротѣ и справедливости своей натуры, грѣлъ ими своихъ маленькихъ питомцевъ, дѣтскія сердца которыхъ такъ нуждались въ ихъ теплотѣ.

Уроки Бондаренки не отличались блескомъ; говорилъ онъ отрывисто и сбивчиво и притомъ такъ громко, что мѣшалъ уроку въ сосѣднемъ классѣ; суетился, бѣгалъ по классу, стучалъ кулакомъ по столу, но всѣ эти недостатки искупались усердіемъ и внимательнымъ отношеніемъ ко всему классу: онъ всѣхъ тормошилъ, всѣхъ вытаскивалъ къ доскѣ, спрашивалъ, заставлялъ работать; у него не было такихъ учениковъ и учениць, обыкновенно на заднихъ скамейкахъ, какіе бывали у многихъ другихъ учителей, учениковъ, которыхъ они не тревожили по цѣлымъ мѣсяцамъ, и тѣ могли спокойно и безнаказанно на урокахъ заниматься чѣмъ угодно: спать, читать книжки, закусывать и даже играть въ карты, какъ это часто

дѣлали гимназисты. Притомъ онъ былъ очень настойчивъ и терпѣливъ: готовъ былъ объяснять одно и то-же разъ по десяти, лишь-бы дѣти поняли, и въ результатѣ—его ученики хорошо и грамотно писали. Обращался онъ съ дѣтьми въ высшей степени просто, даже съ виду какъ будто грубо, и со всѣми одинаково. И мальчиковъ, и дѣвочекъ онъ звалъ на „ты“ и по именамъ, часто путая ихъ: въ мужской гимназіи спрашивалъ какую-нибудь „Катю“, а въ женской „Ваню“, вызывая всеобщій восторгъ. „Ну, ты, Маша, пойди-ка къ доскѣ“, „Катя, не ерзай по скамейкѣ“, „Соня, что ты надулась, лопнешь“, быстро и отрывисто выкрикивалъ онъ, бѣгая по классу. Начальница въ женской гимназіи первое время не могла этого переносить и дѣлала ему вѣжливыя, но язвительныя замѣчанія. „Хорошо-съ“, отвѣчалъ всякій разъ Бондаренко, „я буду обращаться съ ними по-французски“, и онъ принимался, сердито нахмуривши лобъ, медленно и топорно протягивать слово ма-де-му-а-зель, произнося букву *е* необыкновенно мягко. Въ классѣ слышался сдержанный смѣхъ, классная дама въ ужасѣ подымала глаза къ небу, а Бондаренко переходилъ опять на „ты“, на „Катю“ и на „Машу“ ко всеобщему удовольствію. Начальница махнула рукой и никогда не заглядывала къ нему на уроки. Въ классѣ у него шалили мало; шумѣли часто, но шумъ ему какъ-то не мѣшалъ заниматься; злыхъ шалостей, чтобы задѣть и насолить учителю, какъ это случалось у нелюбимыхъ преподавателей, у Бондаренки не бывало никогда. Его боялись, потому что любили. Онъ не записывалъ въ журналъ, не сыпалъ единицами, не жаловался начальницѣ, а только бранилъ, громко крича, стуча кулаками и награждая ученицу укоризненными взглядами. Потомъ намѣренно не обращалъ вниманія на провинившуюся дѣвочку по нѣсколько уроковъ подъ-рядъ, не спрашивалъ ее, не глядѣлъ на нее, не принималъ отъ нея тетрадокъ до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя, не будучи въ силахъ выдержать опалы, смущенно и, часто обливаясь горючими слезами, не просила: „Алексѣй Васильевичъ, спросите меня“. Тогда лицо у него дѣлалось доброе, предоброе; казалось, онъ самъ готовъ былъ заплакать; онъ быстро подходилъ къ дѣвочкѣ, гладилъ ее по головѣ и бормоталъ: „Ну, вотъ видишь, вотъ видишь; ну, ладно, ладно, садись: буду спрашивать, буду“. И между ними опять воцарялся миръ.

Уроки Линевича всегда были очень интересны. По большей части, особенно въ старшемъ классѣ, это были блестящія, увлекательныя лекціи, которыя ученики и ученицы, исключая только самыхъ лѣнивыхъ и равнодушныхъ, слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и бьющимися сердцами. Онъ говорилъ красиво и горячо своимъ глубокимъ и слегка сдавленнымъ волнующимся голосомъ; онъ умѣлъ

затронуть самыя тонкія струны юныхъ сердецъ, умѣлъ искусно играть на нихъ, вызывая въ своихъ слушателяхъ теплыя чувства и работу мысли.

Онъ прекрасно читалъ и стихи, и прозу, и часто пользовался этимъ своимъ умѣньемъ въ классѣ, читая ученикамъ и ученицамъ отрывки лучшихъ русскихъ писателей. Больше всего любилъ онъ читать Пушкина, что было особенно драгоцѣнно въ то жестокое время, когда увлекаться Пушкинымъ считалось чѣмъ-то предосудительнымъ; приносить-же его въ жертву Писареву признавалось вполнѣ естественнымъ и необходимымъ. Но онъ былъ также и очень требовательнымъ учителемъ: любилъ и требовалъ, чтобы уроки исполнялись всегда добросовѣстно, письменныя работы писались аккуратно и подавались во́-время. Работы онъ разбиралъ въ классѣ при всѣхъ и часто тонко иронизировалъ и острилъ надъ неудачными, но никогда не былъ несправедливъ или золъ; доброе слово у него всегда было наготовѣ, даже для самыхъ слабыхъ. Къ ученикамъ и ученицамъ онъ относился ровно, безъ раздраженія, но любилъ иногда выдѣлять болѣе способныхъ и сильныхъ и награждать ихъ особымъ своимъ вниманіемъ. Лишнихъ разговоровъ Линевичъ не любилъ, но на дѣльные вопросы всегда и во всякое время охотно отвѣчалъ. Гимназическая библіотека была въ то время очень бѣдная, и любящіе читать всегда нуждались въ книгахъ. Линевичъ съ удовольствіемъ давалъ учащимся свои собственныя книги, которыхъ у него было достаточно. Принимая книги обратно, онъ часто спрашивалъ о томъ, что вынесли изъ чтенія, и все непонятное старался, насколько возможно, разъяснить. Зато ученики и ученицы по большей части платили ему самымъ лучшимъ своимъ чувствомъ; уроки его любили больше всѣхъ; тѣ дни, когда была словесность, для многихъ были самыми отрадными гимназическими днями; не приготовить Линевичу урока считалось чѣмъ-то преступнымъ; онъ задавалъ большія работы, надъ которыми иногда приходилось сидѣть подолгу, и часто заданное другими учителями приносилось въ жертву урокамъ Линевича; лучше было схватить единицу у какого угодно другого, чѣмъ вызвать неодобреніе любимаго учителя. Но онъ журилъ часто не только за провинности относительно себя, но и относительно другихъ преподавателей, и ученицы, стараясь вырасти въ глазахъ своего авторитета, подтягивались и учились, насколько было возможно, даже у самыхъ плохихъ и нелюбимыхъ учителей.

Вообще появленіе Линевича въ преподавательской средѣ нашихъ гимназій придало смыслъ гимназическому ученью, внесло жизнь въ однообразный, безцвѣтный и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо преступный по своей безсодержательности и халатности учебный строй.

Но, увы, блаженство это продолжалось всего три года. Въ концѣ

второго года Линевичъ сталъ хворать, кашлять, утомляться, худѣть; лицо его стало еще блѣднѣе, румянецъ на щекахъ ярче, а голосъ слабѣе. За лѣто онъ немного поправился и съ наступленіемъ новаго учебнаго года съ усердіемъ принялся за дѣло. Но это былъ грустный годъ. Съ каждымъ днемъ любимому учителю становилось хуже; онъ таялъ у всѣхъ на глазахъ, и его ученицы это понимали и страшно горевали. Зима, какъ нарочно, въ томъ году была особенно суровая для юга; морозы и мятели держались больше мѣсяца, и Линевичу приходилось часто пропускать уроки къ великому огорченію и его, и всѣхъ его учениковъ и ученицъ. Но чуть иногда становилось лучше, онъ, несмотря на лихорадку, отправлялся въ гимназію и съ усердіемъ и торопливой страстностью, точно боясь не досказать всего необходимаго, принимался за уроки. Передъ урокомъ Линевича дѣвочки въ женской гимназіи выпрашивали у сторожа хоть полѣно дровъ, чтобы подложить въ печку и получше согрѣть классъ; если-же сторожъ не давалъ, онѣ приносили изъ дому по очереди каждая по полѣну, завернутому въ газету и прятали ихъ въ парты. Одна изъ ученицъ притащила толстый пушистый коверъ и выпросила позволеніе класть его Линевичу подъ ноги; воду, которую онъ пилъ обыкновенно за урокомъ, подогрѣвали въ печкѣ, чтобы она не была слишкомъ холодна. Но всѣ эти заботы, за которыя любимый учитель благодарилъ дружескимъ взглядомъ и ласковой улыбкой, не прибавили къ его короткой жизни ни одного часа; онъ слабѣлъ и угасалъ съ каждымъ днемъ; уже онъ не ходилъ по классу, какъ прежде, а сидѣлъ неподвижно, кутаясь въ теплое пальто у жарко натопленной печки, и все-жъ таки трясясь въ лихорадкѣ; на впалыхъ щекахъ ярко горѣлъ зловѣщій румянецъ, а голосъ хрипнулъ и слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Наконецъ, въ одинъ печальный мартовскій день, послѣ продолжительнаго отсутствія, Линевичъ пришелъ въ классъ, съ улыбкой поклонился дѣвочкамъ и, взявши мѣлъ, написалъ на доскѣ: „Друзья мои, я потерялъ голосъ, могу говорить только шопотомъ. Надѣюсь, что голосъ мой вернется скоро, а пока уроки будутъ очень скучные, за что вы меня простите“. Дѣвочки съ удивленіемъ и страхомъ прочли это печальное обращеніе. Въ классѣ наступила мертвая тишина. Линевичъ съ улыбкой смотрѣлъ на ихъ огорченныя и испуганныя лица; какъ часто бываетъ съ чахоточными, онъ не сознавалъ всей тяжести своего положенія, съ полной увѣренностью ждалъ скораго выздоровленія и строилъ планы въ будущемъ. Увидѣвъ слезы на глазахъ у нѣкоторыхъ, онъ взялъ мѣлъ и написалъ: „Не огорчайтесь, мнѣ гораздо лучше; я потерялъ голосъ потому, что простудился; скоро я совсѣмъ поправлюсь, и мы будемъ попрежнему хорошо учиться“.

Грустный, но и прекрасный былъ этотъ послѣдній урокъ. Въ классѣ было тихо, тихо; учитель шопотомъ, съ горящими глазами говорилъ о Гоголѣ, дѣвочки сбивались въ кучку, слушали съ напряженнымъ вниманіемъ; многія втихомолку плакали. Линевичъ кончилъ, простился и вышелъ изъ класса; едва онъ скрылся за дверьми, плачъ поднялся невообразимый. Урокъ этотъ былъ послѣднимъ; послѣ него Линевичъ уже не приходилъ въ гимназію; онъ слегъ и больше не вставалъ, а черезъ двѣ недѣли, незадолго до Пасхи онъ умеръ, до самаго послѣдняго вздоха не теряя надежды на скорое выздоровленіе. Бондаренко совсѣмъ переселился къ своему другу и ухаживалъ за нимъ, какъ самая лучшая сидѣлка. Еще задолго до того Бондаренко понялъ печальную истину и затосковалъ; онъ только старался не показывать своего горя Линевичу, а безъ него онъ былъ неузнаваемъ: весь какъ-то осунулся, смотрѣлъ безнадежно, въ классѣ не кричалъ, не стучалъ кулакомъ, часто задумывался, не слышалъ, что ему говорили, путалъ фамиліи. Каждый день гимназистки и гимназисты подходили къ палисаднику домика, гдѣ умиралъ Линевичъ, узнать о его состояніи. Бондаренко выходилъ къ нимъ блѣдный, согнувшійся, безнадежно махалъ рукой, глоталъ слезы и уходилъ въ домъ, а посланные несли печальную вѣсть въ гимназіи. Наконецъ, въ одно теплое, по южному, солнечное апрѣльское утро посланные принесли товарищамъ роковую вѣсть о смерти любимаго учителя. Цѣлый день толпились ученики и ученицы и въ домикѣ, и въ палисадникѣ, и на улицѣ. Сколько слезъ было пролито, настоящихъ искреннихъ, горькихъ слезъ. Для многихъ дѣтей, имѣвшихъ и дома, и въ гимназіи мало отраднаго, Линевичъ былъ свѣтлой звѣздой, сокровищницей, изъ которой жадно черпали юныя души его учениковъ и ученицъ. Никогда еще нашъ городокъ не видалъ такихъ торжественныхъ и трогательныхъ похоронъ. Во всѣхъ садахъ и садикахъ не осталось ни одного весенняго цвѣтка,—всѣ были сорваны руками ученицъ покойнаго Василія Николаевича, какъ послѣдняя дань любимому учителю. Ученики и ученицы старшихъ классовъ съ Бондаренкой во главѣ, сопровождаемые многочисленной толпой, отнесли на рукахъ гробъ съ бѣднымъ Линевичемъ на кладбище, расположенное на горѣ, и тамъ похоронили въ такомъ мѣстѣ, откуда было видно море, которое такъ любилъ покойный учитель, и обѣ гимназіи. Когда тѣло опустили въ землю и надъ могилой возвысился холмикъ, Бондаренко сталъ у изголовья и хотѣлъ сказать надгробное слово, но это ему не удалось. „Прощай, дорогой, незабвенный товарищъ“, началъ онъ, но голосъ оборвался, руки опустились, и онъ съ рыданіемъ упалъ на могилу; за нимъ заплакали десятки дѣтскихъ глазъ. Опомнившись, онъ всталъ, поднялъ бѣдную

старушку-мать Линевича, отъ горя почти потерявшую разсудокъ, и увезъ ее домой, гдѣ и остался, не разставаясь съ ней до самаго своего конца.

Прошли экзамены, прошли каникулы, наступила осень. Ученицамъ старшихъ классовъ тяжело было идти въ гимназію: безъ Линевича она утратила смыслъ; это было тѣло безъ души; не было того живительнаго начала, съ помощью котораго съ бодростью и терпѣніемъ переносилось все самое скучное и трудное; да еще къ тому-же на мѣсто Линевича явился новый учитель—маленькій, тщедушный... Надутый, раздражительный, придирчивый и крайне неинтересный, какъ преподаватель, онъ сразу оттолкнулъ отъ себя ученицъ. Ученье вообще шло кое-какъ, съ неудовольствіемъ, даже отвращеніемъ, съ обманами, невыученными уроками, единицами, слезами. И только Бондаренко, встрѣчаясь съ гимназистками старшихъ классовъ, бывшими ученицами Линевича, и поговоривши со слезами о своемъ покойномъ другѣ, упрашивалъ ихъ не распускаться и учиться хорошенько въ память умершаго учителя, и тѣмъ поддерживалъ въ нихъ бодрость. Самъ-же Бондаренко измѣнился ужасно. Онъ страшно похудѣлъ, сталъ кашлять; докторъ и у него нашелъ чахотку; вѣроятно, онъ заразился, ухаживая за больнымъ Линевичемъ. Видъ у него былъ всегда убитый; въ свободные отъ уроковъ часы онъ или бродилъ по берегу моря, или-же сидѣлъ на кладбищѣ на могилѣ Линевича, съ опущенной головой, съ угрюмымъ лицомъ. На уроки онъ ходилъ все такъ-же усердно, стараясь изо всѣхъ силъ быть полезнымъ, но въ классѣ у него не было уже прежняго оживленія. Въ мартѣ неумолимая болѣзнь уложила и его въ постель, а въ апрѣлѣ, ровно черезъ годъ, ученики и ученицы проводили и его на кладбище и положили рядомъ съ Линевичемъ. „Положите меня рядомъ съ нимъ“, просилъ Бондаренко въ день смерти. Желаніе его исполнилось: онъ легъ рядомъ со своимъ другомъ, а на деньги, собранныя учащимися, гимназическое начальство поставило двѣ простыхъ одинаковыхъ могильныхъ плиты надъ Бондаренко и Линевичемъ.

Учителя умерли, но память о нихъ не умерла. Ихъ не забыли и до сѣдыхъ волосъ не забудутъ ихъ бывшіе ученики и ученицы. Они остались въ воспоминаніи гимназическихъ лѣтъ не только какъ добрые, умные и любящіе старшіе друзья, всегда готовые прійти на помощь своей меньшой братіи. Каждый понедѣльникъ Ѳоминой недѣли гимназистки и гимназисты старшихъ классовъ шли на кладбище, и тамъ гимназическій священникъ служилъ по нимъ панихиду, а гимназистки щедро засыпали весенними цвѣтами сначала могилу Линевича, а потомъ могилу Бондаренки. Этотъ обрядъ совершался

многіе годы. Въ гимназіяхъ уже не осталось ни одной ученицы и ни одного ученика Линевича, а старшіе классы по завѣту старыхъ товарищей не забывали ни панихиды въ Ѳоминой понедѣльникъ, ни цвѣтовъ для могилъ неизвѣстныхъ для нихъ, но по преданію прекрасныхъ учителей. Исполняется-ли и теперь этотъ обрядъ, не знаю: давно ужъ я не была въ своемъ родномъ городѣ.

Ю. И. Фаусекъ.

Педагогическія воззрѣнія и наблюденія Г. И. Успенскаго.

I.

Наблюдая и изучая всесторонне общественную жизнь, стараясь понять и объяснить ея сложныя, запутанныя явленія, Г. И. Успенскій, конечно, не могъ обойти вопросовъ образованія и воспитанія, освѣщеніе которыхъ даетъ ключъ и къ уразумѣнію настоящаго, и къ предсказанію будущаго. Хотя мы не найдемъ въ сочиненіяхъ Успенскаго связной педагогической системы, такъ какъ онъ касается области педагогики только случайно, мимоходомъ, когда это нужно для лучшаго разъясненія интересующихъ его вопросовъ и явленій общественной жизни, тѣмъ не менѣе этихъ отступленій въ педагогическую область разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій очень много, и большинство ихъ отмѣчено свойственною Успенскому глубиною, оригинальностью и правдивостью мысли. Съ широкой точки зрѣнія публициста-мыслителя педагогическіе вопросы пріобрѣтаютъ иное освѣщеніе и часто иное рѣшеніе, чѣмъ въ глазахъ спеціалиста-педагога. Большое художественное дарованіе позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашему писателю ярко и образно представлять бытовыя условія, вліяющія на воспитаніе цѣлыхъ поколѣній.

Наконецъ, принимая во вниманіе, что и личность, и всѣ произведенія Успенскаго проникнуты стремленіемъ къ правдѣ, къ нравственному идеалу, что онъ справедливо почитается человѣкомъ и писателемъ чуткой совѣсти, живой души и скорбнаго сердца,—нельзя не желать, чтобы педагоги и воспитатели отнеслись къ его педагогическимъ мыслямъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Весь матеріалъ, который разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Успенскаго и который можетъ быть признанъ педагогическимъ, легко подраздѣлить на слѣдующія части: одна часть касается народной школы, другая, историческая, характеризуетъ дореформенную школу разныхъ типовъ (гимназіи, ремесленныя училища, духовныя учи-

лища), третья—даетъ картины семейнаго воспитанія въ разныя эпохи и при разныхъ условіяхъ, четвертая—содержитъ общія мысли о воспитаніи.

Матеріалъ этотъ настолько обширенъ, что мы не можемъ взять на себя задачи ознакомить съ нимъ читателей во всей его полнотѣ. Дѣлая далѣе краткій обзоръ этого матеріала, мы руководствуемся лишь желаніемъ обратить на него вниманіе воспитателей и показать, насколько цѣнными для ихъ дѣла могутъ быть сочиненія Успенскаго.

Успенскій извѣстенъ преимущественно, какъ писатель о народѣ. И дѣйствительно, большая часть его сочиненій посвящена народу и народной жизни.

Широко понимая задачи воспитанія, нашъ художникъ-публицистъ даетъ цѣлый рядъ глубокихъ мыслей, тонкихъ наблюденій обстоятельныхъ и вѣрныхъ картинъ народнаго воспитанія. Уже одна книга „Власть земли“ есть блестящая, до мельчайшихъ деталей разработанная, теорія воспитанія цѣлаго огромнаго общественнаго слоя, не говоря о множествѣ другихъ сочиненій, гдѣ авторъ непосредственно касается жизни дѣтей изъ народной среды, ихъ духовнаго развитія и всѣхъ вліяющихъ на него факторовъ.

Мы, однако, какъ уже сказано, ограничиваемъ свой очеркъ, и потому остановимся лишь на томъ, какъ смотритъ Успенскій на спеціальный органъ народнаго образованія и воспитанія — народную школу.

Отдавая должное качествамъ и заслугамъ народныхъ учителей, изъ которыхъ, по его словамъ, „огромный процентъ составляетъ наилучшій элементъ деревенской интеллигенціи,—элементъ, въ средѣ котораго исключительно пріютились остатки исчезающей изъ обращенія идеи самопожертвованія и служенія на пользу ближнему“,— тѣмъ не менѣе писатель вездѣ относится отрицательно къ современной ему народной школѣ не только въ смыслѣ ея постановки, а и въ смыслѣ основныхъ ея задачъ.

Взгляды Успенскаго въ этомъ отношеніи отчасти напоминаютъ взгляды Л. Н. Толстого. Исходная точка ихъ—отношеніе къ школѣ самого народа.

„Ничему не учатъ“ и „нѣтъ строгости“, — таковы жалобы на школу того „подлиннаго“ крестьянина, котораго такъ прекрасно изучилъ и понялъ авторъ „Власти земли“.

Въ особой главѣ: „Школа и строгость“ („Власть земли“, гл. XI) Успенскій поясняетъ, что надлежитъ разумѣть подъ этими жалобами.

„Ничему не учатъ“—это значитъ, что народныя требованія по отношенію къ наукѣ далеко не удовлетворяются грамотой и счетомъ, и что, какъ ни странно это на первый взглядъ, старинная псалтырная и часословная школа давала въ этомъ смыслѣ гораздо больше.

Объясненіе такого, для насъ очевиднаго, парадокса находится у Успенскаго въ тѣсной связи съ его пониманіемъ народной жизни, и съ точки зрѣнія его взглядовъ представляется далеко не такъ парадоксальнымъ ни по сущности своей, ни по выводамъ.

Въ основѣ „псалтырнаго“ училища, по Успенскому, лежала тенденція превратить „эгоистическое сердце въ сердце всескорбящее“... „Учеба въ немъ была тиранская, но касалась она не разсчета, не выгоды, не простого, ненужнаго знанія, а проповѣдывала ту самую „строгость“ къ самому себѣ и къ ближнимъ, которая нужна и важна въ человѣческомъ обществѣ, вопреки той правдѣ дремучаго лѣса, въ которой оно обязано жить... Такую школу народъ почиталъ за серьезную, гораздо болѣе серьезную, чѣмъ теперешняя“...

Вотъ почему и симпатіи писателя тоже на сторонѣ старой школы, какъ видимъ, далеко не безъ достаточныхъ основаній.

Питая эти симпатіи, самъ-же Успенскій, однако, не могъ не видѣть, что псалтырная школа отжила свое время, какъ отжилъ и тотъ строй, на основѣ котораго она выросла. „Пока „власть земли“ ненарушимо господствовала надъ крестьянской жизнью, псалтырная школа могла еще выполнять свою важную нравственную функцію, ставившую ее высоко въ глазахъ народа, несмотря на „тиранскую учебу“. Но съ тѣхъ поръ какъ народная жизнь осложнилась новыми фактами и явленіями, съ тѣхъ поръ какъ возникли въ народной средѣ новыя частныя и общественныя отношенія, псалтырная школа не могла уже удовлетворять ни новымъ требованіямъ, ни прежней нравственной тенденціи. Однако, указываетъ Успенскій, тенденція эта въ глазахъ народа осталась столь же серьезной, высокой и важной. Школа, за которой народомъ могло-бы быть признано значеніе прежней народной школы, должна была поэтому проникнуться стремленіемъ „превращать эгоистическое сердце въ всескорбящее“, сообразуясь въ осуществленіи этого стремленія съ новыми условіями жизни, удѣляя главное вниманіе связаннымъ съ этимъ принципомъ вопросамъ.

Между тѣмъ, новая школа, смѣнившая псалтырную, еще менѣе удовлетворяла этому требованію. Введя раціональное обученіе, педагогическіе пріемы, осмысленные учебники и книжки, заимствованные, однако, изъ сферы не народной и даже часто не русской, новая школа вполнѣ пренебрегла народными традиціями воспитанія и по-

вела свое дѣло, не считаясь съ условіями народной жизни. Отъ этого получился разладъ, котораго не могли не чувствовать сами учащіе въ школѣ.

Герой очерковъ: „Тише воды, ниже травы“, наблюдая за дѣятельностью своей сестры учительницы, по этому поводу говоритъ: „мнѣ пришло въ голову, ужъ не оттого-ли сестра стала бросать книгу, что при каждомъ стихотворномъ баловствѣ, попадавшемся тамъ, *передъ ней мелькалъ образъ умирающей бабы, у которой тащатъ свѣчку, чтобы выучить это баловство?*“ *)

Въ другомъ очеркѣ („Спустя рукава“) фигурируетъ учитель уѣзднаго училища, который „скоро помирился съ разваленными стѣнами, съ пьяными фигурами учителей, но рѣшительно терялся при видѣ учениковъ“. Его смущали рваные полушубки, снятые, какъ онъ зналъ, съ отцовъ и братьевъ, тощія лица, мозолистыя руки. Смущало его и то, что ученики его—уже дѣйствительные, нужные члены своихъ семей, помощники и работники.

„Чѣмъ онъ, Пѣвцовъ, можетъ пригодиться имъ? Развѣ хватитъ у него духа ограничиться только поправкою грамматическихъ ошибокъ въ томъ маленькомъ дѣтскомъ сочиненіи, гдѣ говорится, что „вчера у насъ обвалилась печка, а отца нѣту дома—онъ повезъ продавать подсолнухи по деревнямъ, всего на четвертакъ“... *Какая польза этимъ трудящимся бѣднякамъ въ томъ, что они узнаютъ логическій составъ мысли, что органъ вкуса есть языкъ, а Монбланъ имѣетъ четырнадцать тысячъ футовъ высоты?*“...

Еще въ одномъ очеркѣ („Овца безъ стада“) нѣкто, устраивающій народную школу, выражается еще категоричнѣй: „положимъ, я, кромѣ того, вижу, что *учебный кругъ предметовъ, преподаваемыхъ дѣтямъ, почти ничего имъ не дастъ*, ничего не прибавитъ въ ихъ развитіи, ни на одну каплю не прояснитъ окружающаго,—положимъ, что я въ этомъ совершенно убѣжденъ. Но все - таки я устраиваю эту школу“. Любопытно сопоставить эти мнѣнія, принадлежащія, очевидно, самому Успенскому, съ взглядомъ Л. Н. Толстого, который говоритъ: „всякія естественныя исторіи, географіи и исторіи (кромѣ священной), всякое наглядное обученіе народъ вездѣ и всегда считаетъ безполезными пустяками“ („О народномъ образованіи“ т. IV). Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что право опредѣлять то, чему надо учиться, принадлежитъ „самому народу, т. е. самимъ ученикамъ или родителямъ, посылающимъ дѣтей въ школу“, Л. Н. Толстой категорически утверждаетъ, что предметами преподаванія въ народной школѣ могутъ

*) Курсивъ здѣсь и далѣе нашъ.

быть только славянскій языкъ, русскій языкъ и ариѳметика, и *ничего*, кромѣ этого.

Успенскій, какъ мы видѣли, идетъ еще дальше: онъ скептически относится и къ „стихотворному баловству“, и къ „логическому составу мысли“, т. е. къ литературному и грамматическому изученію родного языка. Само собой разумѣется, что взгляды обоихъ писателей страдаютъ преувеличеніемъ, и что исходная ихъ точка—мнѣніе народа является, по меньшей мѣрѣ, спорной. Исходя изъ нея, недопустимо вліяніе болѣе культурной среды на менѣе культурную, и, проводя ее послѣдовательно дальше, пришлось-бы отрицать не только законность „не-народной“ программы въ школѣ, но и право навязывать народной школѣ учителей, образованныхъ въ иныхъ понятіяхъ, т. е. пришлось-бы предоставить народную школу исключительно самой себѣ. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что оба писателя, глубокіе знатоки народной жизни, правы въ томъ, чего не могла усмотрѣть педагогика, игнорирующая особыя условія народнаго быта и вышеуказанныя особыя требованія, предъявляемыя народомъ къ образованію.

Несомнѣнно, что основы образованія въ народной школѣ должны быть во многомъ иныя, чѣмъ въ школѣ интеллигентной; что тѣ, у кого „мозолистыя“ руки и „тощія“ лица, нуждаются, кромѣ грамоты и счета, въ другихъ, болѣе жизненныхъ познаніяхъ, прямо связанныхъ съ ихъ насущными и повседневными интересами.

Л. Н. Толстой полагаетъ, что основательное знаніе двухъ языковъ и ариѳметики открываетъ вполнѣ пути къ самостоятельному пріобрѣтенію всѣхъ другихъ знаній и что народъ *возьметъ ихъ самъ, если они ему понадобятся.* Такимъ образомъ, онъ ограничиваетъ программу школы въ надеждѣ на внѣшкольное образованіе. Мысль эту, при условіи, что народу даны широкія средства внѣшкольнаго образованія, нельзя не признать справедливой. Успенскій смотритъ иначе. Исключивъ изъ программы школъ все ненужное, онъ желаетъ учить въ ней тому, что при иныхъ условіяхъ народной жизни позволяетъ достичь главнаго результата старой псалтырной школы. Какой матеріалъ является подходящимъ для этой цѣли, будетъ видно изъ нѣсколькихъ цитатъ, которыя мы позволимъ себѣ здѣсь привести.

„О томъ,—говоритъ Успенскій,—что въ отдаленіи отъ малѣйшаго знакомства съ обязанностями человѣка къ ближнему, къ обществу, воспитывается все милліонное молодое поколѣніе, сказать необходимо“ („Деревенская молодежь“, т. II.). Сославшись на „Наказъ“ Екатерины, гдѣ предписывается, чтобы законы были „книгою весьма употребительною и которую-бы за малую цѣну достать можно

на подобіе букваря“, указавъ рядомъ съ тѣмъ, что черезъ сто лѣтъ послѣ „Наказа“ населеніе остается столь-же невѣжественнымъ относительно своихъ правъ и обязанностей, Успенскій говоритъ: „ни съ божеской, ни съ человѣческой стороны общественныя обязанности не обсуждаются, не становятся на очередь. Пишутъ о бѣломъ медвѣдѣ, о самоѣдахъ, рѣшаютъ задачу объ аэронавтѣ, который, поднявшись на высоту 367 футовъ, уронилъ табакерку, и т. д. А кругомъ кишатъ милліоны задачъ, которыя должны быть удовлетворены этими же мальчиками, будущими деревенскими жителями, общинниками“...

А вотъ и болѣе подробныя указанія:

„Занятія въ школѣ сначала пошли довольно живо и успѣшно. Не ограничиваясь азбукой, мы стали толковать о разныхъ предметахъ и явленіяхъ, относящихся исключительно до нашего села: мы разобрали такія обыкновенныя вещи, какъ волостное правленіе, кабакъ, сходка, нищій и т. д.“ („Тише воды, ниже травы“).

„Намъ нечего бояться,—говоритъ еще Успенскій,—положить правду въ основаніе народнаго образованія, нечего бояться ввести въ школы „строгость“ въ разработкѣ проявленія этой правды... И вотъ за эту-то науку, касающуюся строгости, т. е. высшей правды среди новыхъ, сложныхъ общественныхъ отношеній, сложившихся въ современной народной жизни, народъ нашъ и былъ-бы, несомнѣнно, благодаренъ школѣ и сказалъ-бы непремѣнно: „да, учатъ добру“. А этого-то и нѣтъ“... Общественныя народныя задачи, вопросы окружающей жизни, повседневныя явленія дѣйствительности, ближайшія къ народу лица и учрежденія, взаимныя ихъ отношенія и вліянія,—вотъ что, по Успенскому, нужно знать, надъ чѣмъ нужно думать и что слѣдуетъ объяснять молодому деревенскому поколѣнію, чтобы приготовить его къ сознательной и разумной жизни.

Съ точки зрѣнія писателя, эти „трудящіеся бѣдняки“, съ малыхъ лѣтъ принимающіе активное участіе въ жизни своей семьи, своей деревни, своего міра, знакомые со всѣми ихъ невзгодами и нуждами, слишкомъ зрѣлы уже, чтобы заниматься „стихотворнымъ баловствомъ“ или разрѣшать задачи объ аэронавтѣ, несмотря на свои юные годы. Практическая жизнь ожидаетъ ихъ не въ двадцать лѣтъ или болѣе, не тогда, когда по установившейся школьной мѣркѣ они будутъ готовы къ ней умственно и физически, а теперь-же, сейчасъ, какъ только они выйдутъ по окончаніи уроковъ изъ школьнаго класса, какъ только весной начинаются полевыя работы; она, эта жизнь,—прямо за стѣнами школы, суровая, требовательная и не ждущая. Конечно, нельзя не согласиться, что въ этомъ смыслѣ условія быта дѣтей и отроковъ деревни совершенно иныя, чѣмъ города.

„Вліятельнѣйшимъ учителемъ,—говоритъ Успенскій,—какъ ста-

рыхъ, такъ и новыхъ поколѣній деревни является попрежнему сама жизнь, улица и то, что на ней происходитъ" („Малые ребята", т. II).

Если и вообще искусственное отчужденіе учащихся дѣтей отъ жизни представляетъ крупный недостатокъ всякой школы, если обученіе ненужному и игнорированіе нужнаго нежелательны гдѣ-бы то ни было, то въ народной школѣ эти недостатки поражаютъ особенно сильно, идя прямо въ разрѣзъ съ потребностями. Ученикъ гимназіи, которому предстоитъ выступить на поприще практической дѣятельности въ далекомъ будущемъ, черезъ многіе годы, и который живетъ и учится въ искусственной обстановкѣ, далекой отъ соприкосновенія съ настоящимъ дѣломъ, можетъ еще не замѣчать несоотвѣтствія своего ученія съ жизнью, которой онъ не знаетъ. Но деревенскій школьникъ, принужденный заучивать слова на „ѣ" или рѣшать хитроумныя задачи, не можетъ не считать этихъ занятій пустой забавой, ничтожной въ сравненіи съ тѣми дѣлами, въ которыхъ онъ уже компетентенъ и нерѣдко принимаетъ живое участіе. Для деревенскаго школьника усвоеніе болѣе широкаго и вѣрнаго взгляда на окружающіе его порядки и явленія, знакомство съ администраціей и управленіемъ села, волости, уѣзда, понятіе о правахъ, обязанностяхъ и законѣ,—все это имѣетъ живое и насущное значеніе теперь-же, въ томъ обиходѣ, въ которомъ онъ вращается, и еще большее значеніе въ недалекомъ будущемъ, когда онъ станетъ правоспособнымъ деревенскимъ работникомъ.

Не менѣе важно для деревенскаго школьника соотвѣтствующее *воспитаніе* въ духѣ общественности, солидарности и взаимопомощи, приближающее его къ идеалу „сердца всескорбящаго"... Тысячи фактовъ и наблюденій, описанныхъ авторомъ, показываютъ, сколько явнаго и часто непоправимаго ущерба несла крестьянская жизнь вслѣдствіе непониманія крестьянами выгодъ дружнаго сотрудничества и взаимной поддержки.

Съ другой стороны, врывающіяся въ народную жизнь новыя явленія: „господинъ купонъ", „живорѣзы", „міроѣды и кулаки" и т. п. требуютъ особаго развитія нравственнаго чувства и стойкости какъ для борьбы съ ихъ разлагающими вліяніями, такъ и отъ подражанія имъ въ подходящихъ условіяхъ.

Все это, разумѣется, вѣрно сполна лишь примѣнительно къ тому времени, въ которое писалъ нашъ авторъ. Съ тѣхъ поръ произошли въ народной жизни новыя перемѣны, появились новыя вѣянія. Но сущность указанныхъ воззрѣній, ихъ главный принципъ, несомнѣнно, остаются незыблемыми и въ наши дни и останутся такими еще надолго.

Что народная школа должна стоять ближе къ народной жизни,

что въ народной школѣ или дополняющихъ ее внѣшкольныхъ учрежденіяхъ учащіеся должны быть ознакомлены съ основами деревенскаго правопорядка, что имъ должны быть объяснены со всѣхъ точекъ зрѣнія факты окружающей ихъ жизни, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ должно быть воспитано чувство человѣческаго достоинства и чувство солидарности, внушены имъ понятія о ихъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ,—все это такъ-же справедливо по отношенію къ школѣ современной, какъ и къ школѣ временъ Успенскаго, и въ этомъ смыслѣ положенія, имъ высказанныя, сохраняютъ полное значеніе и понынѣ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что нѣкоторыя детали во взглядахъ Успенскаго на школьное дѣло не выдерживаютъ критики съ чисто-педагогической точки зрѣнія, что, впрочемъ, и неудивительно. Будучи публицистомъ, а не педагогомъ, интересуясь больше сложными вопросами народной жизни, чѣмъ педагогической практикой, Успенскій вѣрно смотрѣлъ на общія задачи школы, но упускалъ изъ виду соображенія педагогическаго свойства. Не говоря уже о томъ, что усложненіе народной жизни, проникновеніе въ нее элементовъ высшей культуры сами по себѣ требуютъ усложненія народнаго образованія въ томъ-же направленіи, Успенскій забываетъ, что деревенскія дѣти, какъ-бы сурово они ни были воспитываемы жизнью, все-таки дѣти, притомъ дѣти разныхъ возрастовъ, имѣющія разные духовные интересы. „Разбирать“ волостное правленіе, кабакъ, сходку и пр., „обсуждать“ общественныя обязанности, касаться милліоновъ задачъ, кишащихъ кругомъ,—дѣлать все это съ какой-нибудь надеждой на успѣхъ и на истинную пользу можно, лишь имѣя мало-мальски подготовленную почву въ лицѣ болѣе взрослыхъ учениковъ, получившихъ предварительное общее развитіе. Нельзя, разумѣется, преподносить такую умственную пищу девятилѣтнимъ ребятамъ, впервые видящимъ азбуку. Нельзя также не обучать этихъ ребятъ грамотѣ, чтенію, письму, не ознакомить ихъ далѣе съ наиболѣе важными явленіями окружающаго ихъ внѣшняго міра, нельзя лишать ихъ одного изъ великихъ благъ грамотности—доступа къ художественной литературѣ и даже къ стихотворному „баловству“. Отрицаніе этого—крайность, недопустимость которой, быть можетъ, трудно замѣтна съ высоты тѣхъ важныхъ общихъ принциповъ, которые отстаивалъ Успенскій, но слишкомъ очевидна при близкомъ разсмотрѣніи дѣла.

II.

Ознакомившись вкратцѣ съ воззрѣніями Успенскаго на задачи народной школы, переходимъ ко второй части имѣющагося въ его

сочиненіяхъ педагогическаго матеріала. Эта часть, какъ уже сказано выше, историческая и заключаетъ въ себѣ характеристику то эпизодическую, то общую различныхъ школъ и ихъ порядковъ середины прошлаго столѣтія. Въ виду того, что состояніе и постановка школъ того времени достаточно извѣстны, мы приведемъ здѣсь лишь наиболѣе яркіе факты, описанные авторомъ.

Въ духовныхъ училищахъ, напримѣръ, дѣло обстояло такъ, что при извѣстной ловкости можно было помѣстить туда *по экзамену* четырнадцатилѣтняго *неграмотнаго* парня („Изъ деревенскаго дневника").

Въ ремесленномъ училищѣ, основанномъ на пожертвованія преимуществено для сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, при ревизіи оказалось слѣдующее: „изъ 30 воспитанниковъ, какъ слѣдовало-бы по уставу, въ училищѣ едва найдено семь или восемь человѣкъ, и притомъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Одинъ изъ нихъ вотъ уже второй мѣсяцъ лежитъ въ горячкѣ, не имѣя ни откуда не только помощи и медицинскаго пособія, но часто даже и пищи. Другіе воспитанники оказались безъ сапогъ; въ спальнѣ не оказалось одѣялъ и простынь, тюфяки наполнены миріадами насѣкомыхъ"... Такъ какъ воспитанниковъ почти не кормятъ, то они промышляютъ себѣ пропитаніе воровствомъ... Зимой ихъ оставляютъ безъ дровъ. Одинъ изъ попечителей, будучи въ нетрезвомъ видѣ, имѣлъ обыкновеніе собственноручно наказывать воспитанниковъ розгами и даже палками, безъ всякой съ ихъ стороны вины, и награждалъ за эти истязанія, выдавая каждому по 3 коп. Болѣе 2-хъ лѣтъ въ мастерскихъ не производилось никакихъ работъ, такъ какъ ученики постоянно исполняли порученія попечителей: кололи у нихъ дрова, набивали льдомъ погреба, подметали улицу, и пр., и пр. („Богъ грѣхамъ терпитъ", т. II).

Это—потрясающая эпопея не столько, впрочемъ, школьныхъ порядковъ, сколько захолустныхъ нравовъ того времени вообще. Герои эпопеи—Кнутовищевы, Окаянные, Шаломальчиковы, школьные попечители, при своемъ кругломъ невѣжествѣ и хищническихъ инстинктахъ, иначе и не могли смотрѣть на школу, какъ на случайный и хорошій предметъ наживы.

Что касается гимназіи, то тутъ все было пропитано мертвымъ формализмомъ и чиновничествомъ. Авторъ описываетъ инспектора своей гимназіи, какъ типичнаго представителя старинной педагогики, человѣка „мертваго сердца и мертваго ума, для котораго тишина, молчаніе, фронтъ, стрижка подъ гребенку, аккуратно всѣхъ поголовно"—являлись альфой и омегой воспитательныхъ пріемовъ и заботъ („Волей-неволей" т. II).

Вся школьная система вполнѣ соотвѣтствовала качествамъ этого типичнаго педагога; вся она была мертва, формальна, безсердечна, и плоды ея не медлили, конечно, отражаться на питомцахъ школы, не знавшихъ никакихъ иныхъ побужденій къ ученію и поведенію, кромѣ страха наказанія, ненавидѣвшихъ школу и учителей, не получившихъ отъ воспитателей ни добрыхъ понятій, ни добрыхъ чувствъ. Чрезвычайно поучительно и наглядно сказалось это въ періодъ обновленія, когда, по словамъ Успенскаго, повѣяло весной, предвѣщавшей конецъ чему-то отживающему, блѣдному, какъ смерть, и разлагающемуся, какъ трупъ, и когда новыя вѣянія пахнули на школу и принесли ей новыхъ людей. „Что никогда не бывало,—говоритъ Успенскій,—мы увидѣли людей, которые стали относиться къ намъ съ величайшей вѣжливостью, подавали руку, приглашали къ себѣ на квартиру, не для того, чтобы получить взятку, а чтобы потолковать, разсѣять наши недоразумѣнія, если они есть, спросить потомъ, что интересуетъ и чего не понимаешь... Они стали намъ читать, какъ студентамъ, отличнѣйшія интереснѣйшія лекціи, не спрашивая, не экзаменуя (я говорю объ учителяхъ старшихъ классовъ), не ставя ни единицъ, ни минусовъ, ни плюсовъ. И несмотря на то, что эта манера обращаться по-человѣчески намъ чрезвычайно была пріятна, и на то, что лекціи намъ до чрезвычайности нравились и что учителей мы любили, чувствовали къ нимъ симпатію,—отсутствіе въ насъ личности, чувства личной отвѣтственности, обязанности и чести разъѣдало насъ, какъ свѣжій воздухъ трупы. Мы какъ-то разслабли отъ этой гуманности, размякли, даже развратились. Лгать въ глаза любимому учителю, не учить никакихъ уроковъ, пьянствовать вмѣсто того, чтобы самостоятельно работать,—вотъ, примѣрно, въ какихъ некрасивыхъ формахъ отразилось на насъ человѣческое отношеніе къ намъ новыхъ учителей... Въ первый-же годъ на окончательномъ экзаменѣ никто не могъ отвѣтить ни единаго слова ни на одинъ вопросъ; перезабыли все, даже и то, что знали прежде. Между тѣмъ у огромнаго большинства были круглыя пятерки, поставленныя учителями по довѣрію къ честному слову. Новые учителя были потрясены нашей безсовѣстностью. Мало этого, одинъ изъ самыхъ лучшихъ когда-то учениковъ не только теперь оказался ровно все перезабывшимъ, но позволилъ себѣ явиться на экзаменъ въ пьяномъ видѣ, стоялъ, какъ столбъ, пока ему предлагали десятки вопросовъ, желая его ободрить и добиться хоть какого-нибудь отвѣта, а онъ только моргалъ, мычалъ и вдругъ сталъ икать. Мало того, осрамившись на экзаменѣ, мы—неизвѣстно кто изъ нашего курса,—чтобы выбраться изъ сквернаго положенія, вдругъ просто на просто обокрали канцелярію, гдѣ хранились списки и отмѣтки,

и такимъ образомъ до того потрясли начальство, что оно должно было всѣмъ намъ дать аттестаты... Почти всѣ мы потомъ очувствовались и оправились отъ этого безсовѣстнаго момента; всѣ мы помнимъ этихъ благороднѣйшихъ людей, которыхъ мы тогда такъ ужасно осрамили и разочаровали; всѣ мы знаемъ, что ими только мы и возрождались къ жизни. Да нѣтъ, даже и тогда, въ самый моментъ нашего развращенія мы чувствовали и знали, что это скверно, омерзительно, но не могли остановить себя"... Эпизодъ этотъ, повторяемъ, является характернымъ не для „новыхъ" учителей, а именно для старой школы, въ которую они явились на смѣну педагогамъ „съ мертвыми умами" и „мертвыми сердцами". Успенскій въ приведенныхъ строкахъ даетъ прекрасное объясненіе описаннымъ имъ фактамъ: новыя вѣянія подѣйствовали на старую школу, какъ свѣжій воздухъ на трупы; учащіеся, въ которыхъ отсутствовала личность, которые не знали чувства личной отвѣтственности, обязанности, чести, не могли удержаться отъ омерзительныхъ поступковъ, хотя и сознавали ихъ омерзительность.

Подобныя же явленія, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ, обычны и въ наше время, и къ нимъ вполнѣ приложимо точно такое-же толкованіе. Сколько разъ приходилось и приходится слышать, что ученики злоупотребляютъ гуманностью добраго учителя, что, любя его, они въ то же время не стѣсняются его обманывать и подводит подъ непріятности, что даже лучшіе перестаютъ у него заниматься дѣломъ, и пр. Да, если онъ является единичнымъ исключеніемъ, если вся школьная система построена на другихъ началахъ, если ученики ею развращены и испорчены, то это такъ и бываетъ; но повинна въ этомъ, конечно, не гуманность учителя, а та школьная система, въ которой она является исключеніемъ, гдѣ формализмъ и черствость не воспитали въ учащихся чувства чести.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе, что, описывая школу и школьные порядки, Успенскій всегда разсматриваетъ ихъ въ связи съ окружающей жизнью, плодомъ которой они, несомнѣнно, являются.

При его глубокомъ пониманіи этой жизни, при выдающейся аналитической способности его ума, которая помогала ему разбираться въ самыхъ запутанныхъ явленіяхъ и отыскивать ихъ характерные признаки, ихъ причины и ихъ отношеніе къ другимъ явленіямъ, этотъ широкій взглядъ на школьныя дѣла и широкое ихъ освѣщеніе являются особенно значительными и важными. Мы и въ настоящее время нерѣдко тщетно бьемся надъ задачей понять, объяснить и урегулировать разныя ненормальности школьнаго обихода, не выходя изъ его рамокъ, между тѣмъ какъ иной разъ коренныя причины этихъ ненормальностей находятся за его предѣлами, и, чтобы уло-

вить ихъ, требуется не узкая точка зрѣнія спеціалиста-педагога, а широкій взглядъ мыслителя и наблюдателя общественной жизни.

III.

Не менѣе проницателенъ Успенскій въ пониманіи условій семейнаго воспитанія, которое, какъ легко понять, еще тѣснѣе соприкасается съ общественными нравами.

Въ этой области онъ даетъ цѣлый рядъ поразительно яркихъ картинъ семейнаго быта, семейныхъ отношеній, рисующихъ воспитательную среду и ея вліяніе на молодыя поколѣнія.

Такова, напримѣръ, картина въ очеркѣ: „Парамонъ Юродивый" („Растеряевскіе типы и сцены"). Съ обычнымъ талантомъ Успенскій указываетъ здѣсь читателю то главное, что опредѣляло общее настроеніе средней „растеряевской" семьи, что отражалось на всемъ укладѣ ея жизни и сознательно и безсознательно передавалось подрастающимъ ея членамъ. „Семья, въ которой я росъ,—разсказываетъ герой очерка,—была именно такая семья... Вѣчное, безпрерывное безпокойство о виновности самого существованія на свѣтѣ пропитало всѣ взаимныя отношенія, всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы... Какъ будто кто-то предсказалъ всѣмъ членамъ этой семьи, что въ концѣ концовъ ей предстоитъ гибель, и какъ будто камень этого сознанія лежалъ на душѣ... Словомъ, атмосфера, въ которой я росъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями непріятныхъ, непривѣтливыхъ лицъ, непріятныхъ, непривѣтливыхъ отношеній, угрозъ безпрестанныхъ, безпрерывныхъ, невѣдомо откуда и какъ, но во множествѣ являющихся огорченій"...

Эта атмосфера вѣчнаго страха, приниженности, задавленности развращающимъ образомъ дѣйствовала на дѣтскія души, не говоря уже о томъ, что нарушала нормальное дѣтское существованіе, лишала его радости и свѣта, къ которымъ оно склонно стремиться, какъ растеніе, какъ цвѣтокъ.

Появленіе Парамона Юродиваго пробудило эти подавленные инстинкты и стремленія, вызвало къ жизни заглохшіе въ окружающей тьмѣ ростки добрыхъ началъ. Контрастъ Парамона со всѣмъ окружающимъ поразилъ даже взрослыхъ, не говоря уже о дѣтяхъ.

„Боже мой, сколько открылось новыхъ, небывалыхъ и немыслимыхъ до сихъ поръ перспективъ! Рай, адъ, правда, совѣсть, подвиги—все это цѣлымъ роемъ понятій, новыхъ, небывалыхъ, осаждало наши головы! Оказывалось, что есть что-то и выше, и лучше гимназіи, инспектора; что есть какая-то правда, которая выше всѣхъ, выше всѣхъ пятерокъ и двоекъ. Парамонъ, думали мы, норовилъ

же вонъ, прямо въ рай, въ вѣчную жизнь, куда ужъ не пробраться никакимъ хорошимъ ученикамъ, никакимъ сосѣдямъ-купцамъ, ни квартальнымъ, никому, кто былъ къ намъ близокъ и примѣръ которыхъ, какъ идеалъ живыхъ людей, угнеталъ насъ бѣдныхъ, забитыхъ. Безъ всякой боязни этихъ людей, безъ малѣйшаго уваженія къ ихъ благополучію и счастію, Парамонъ, вонъ, идетъ прямо къ Богу, въ угодники... И до чего, съ высоты Парамоновой задачи, все это было ничтожно, глупо—передать нѣтъ возможности"...

Но—увы!—вліяніе Парамона оказалось мимолетнымъ и призрачнымъ. Оно всколыхнуло, пробудило добрыя начала въ растеряевской семьѣ, но не могло оживить ихъ.

„Могли-ли мы ожить, не только рожденные, а прямо зачатые въ сознаніи безнадежности и тоски жизни?.."

Какъ только выяснилось, что Парамонъ не имѣлъ паспорта и что семья рисковала подвергнуться за то, что пріютила его, отвѣтственности, страхъ мигомъ вернулъ ее къ прежнему настроенію и къ той лжи, которая была его постояннымъ спутникомъ.

„Итакъ, мы врали и врали, и понемножку привыкли лганье дѣлать облегчающимъ нашу жизнь элементомъ... Лганье, вздоръ, призракъ, выдумка, самообманъ и прочіе виды лжи, неправды,—единственный выходъ изъ ущелія, образуемаго, съ одной стороны, кулакомъ, уродующимъ тебя и заставляющимъ тебя ежеминутно самого убѣждаться, что ты никогда неуродомъ и не былъ, и съ другой—неотразимымъ сознаніемъ, что ты—уродъ, и что кулакъ выше тебя неизмѣримо! Одно и выходитъ — ври и живи! Вотъ какія феи стояли у нашей колыбели!" Такова была воспитательная обстановка въ „растеряевской" семьѣ. Не трудно вообразить, къ какимъ она вела послѣдствіямъ и какихъ создавала людей.

Другую поразительно яркую картину нравственнаго вырожденія цѣлыхъ поколѣній Успенскій рисуетъ въ „Разореніи".

Доминирующей чертой семьи растеряевской былъ страхъ жизни. Семья „Разоренья" лучше всего характеризуется словами одного изъ ея членовъ: „въ карманъ-то, въ карманъ-то норови побольше!.." На этомъ принципѣ зиждется все ея существованіе, благополучіе, размноженіе и процвѣтаніе. Это—семья лихоимцевъ и взяточниковъ. „Ты знаешь, въ какой я семьѣ родился, — говоритъ своему собесѣднику Черемухинъ („Разоренье"),—люди жили припѣваючи, но среди этого житья ни мой отецъ, ни моя мать не могли ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ заронить въ мою душу первыя сѣмена того, чего у меня теперь такъ безконечно мало... Отецъ мой, возвращаясь домой, за семейной бесѣдой не имѣлъ ни одного слова, за которое я могъ-бы его любить, жалѣть... Подумай-ка, чѣмъ онъ могъ подѣ-

литься со мною, что́-бы могло сдѣлать меня энергично-честнымъ? Напротивъ, если ты хорошенько подумаешь о томъ, что могли внушить мнѣ мои предки, мирно разговаривающіе о своихъ успѣхахъ въ области прижимки, ты долженъ удивиться, отчего я не вышелъ прямо разбойникомъ, которому ничего не значитъ за грошъ задушить человѣка, а состою только въ званіи негоднаго и слабаго человѣка“...

Ненасытная жажда наживы, деспотизмъ и самодурство старшихъ, лицемѣрная покорность и притворство младшихъ, общее лганье и общая склонность къ грубымъ животнымъ наслажденіямъ, полное порабощеніе личности,—вотъ какова атмосфера семьи „Разоренья“...

Всякія чистыя стремленія въ дѣтяхъ, всѣ таланты и дарованія ихъ, не согласовавшіеся съ духомъ семьи, безпощадно преслѣдовались ею и искоренялись. Трогательными красками рисуетъ Успенскій судьбу талантливаго мальчика Вани, безвременно погибшаго въ этой ядовитой обстановкѣ, съ которой онъ не могъ примириться и противъ которой не имѣлъ силъ бороться.

Хронологически переходя отъ одной эпохи къ другой, Успенскій въ очеркѣ „Три письма“ изображаетъ еще одну семью, не менѣе ужасную, чѣмъ двѣ первыя. „Нееловы—помѣщики,—разсказываетъ герой очерка,—обладающіе тысячами десятинъ степей, которыя, впрочемъ, стоютъ очень мало. Два года тому назадъ, когда русскіе двинулись за границу цѣлыми стадами, изъ башкирскихъ степей выѣхали и мои патроны, заложивъ все, продавъ все, что было покупаемо, занявъ у всѣхъ, кто давалъ, и теперь въ буквальномъ смыслѣ безъ копейки, съ громадными долгами, сдѣланными за границей, возвращались домой, повидимому, на явную смерть... Эта семья была какой-то гробъ, выросшій на гнилой и жирной почвѣ крѣпостного права; жизнь для нихъ—грубое удовольствіе, вѣчное отдохновеніе отъ ничего-недѣланія... Что ожидало ихъ въ будущемъ? На это я не могъ дать отвѣта“.

Въ этой семьѣ тоже царило лганье и вранье, какъ и въ двухъ предыдущихъ, но уже по другимъ мотивамъ; здѣсь не было забитости и приниженнаго страха; не было лицемѣрной угодливости передъ деспотическимъ главою; лганье здѣсь нужно было или для безпримѣрно-наглаго раздобыванія денегъ гдѣ-бы ни было, какъ-бы ни было и у кого-бы то ни было, или же для хвастовства и пусканія въ глаза пыли. Жажда удовольствій, эгоистическая, звѣрская, неутолимая, преобладала въ членахъ этой семьи надъ всѣмъ остальнымъ. Честь, совѣсть, стыдъ, все было въ конецъ предано забвенію въ служеніи этому молоху. И въ такой развращающей обстановкѣ ничегонедѣланья, обжорства, разврата, безстыдной лжи, наглости, грубаго эгоизма росли дѣти.

Что это за дѣти были, пусть читатель ознакомится по самому очерку. Здѣсь скажемъ только, что трудно болѣе правдиво нарисовать картину нравственнаго растлѣнія дѣтей при указанныхъ семейныхъ условіяхъ, чѣмъ это сдѣлано у нашего автора. Умѣя подмѣчать и указывать коренные факты уродливой семейной обстановки, Успенскій вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ себѣ ясный идеалъ настоящей семьи, способной воспитывать живыхъ, отзывчивыхъ людей.

Такая семья нарисована въ томъ-же очеркѣ „Три письма“. Она воспитала героя очерка, по прозвищу „иностранца“, которому и выпало на долю взять на себя заботы о дѣтяхъ помѣщика Неелова.

Противопоставляя свою семейную обстановку обстановкѣ, въ которой выросъ „иностранецъ“, авторъ названнаго очерка говоритъ:

„Совсѣмъ не такая семья и не такая закваска была у иностранца. Они тоже бились изъ-за куска хлѣба, но въ этомъ не было не только неприличной къ обнародованію тайны, но, напротивъ, былъ источникъ взаимной связи и взаимнаго уваженія. Всякій зналъ про всякаго и всякій видѣлъ, что обязанъ работать столько-же для себя, сколько и для другихъ. Да и столкновенія съ посторонними людьми основывались у нихъ не на томъ, что тотъ или другой человѣкъ мнѣ „подверженъ“ по моему мѣсту и должности, а на томъ, что человѣкъ нуждается во мнѣ и нуждается не по какой-нибудь бумажной глупости, а потому что въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что я ему могу сдѣлать добро. Въ то время, когда въ нашей семьѣ таинственно-пріобрѣтенный достатокъ велъ только къ тупой скукѣ, къ какому-то у всей семьи скрытому, подавленному страданію, велъ къ мысли о смерти и о томъ, что все—суета-суетъ и что не суета только деньги въ карманѣ, въ это-же время въ семьѣ иностранца жило ясное, всѣмъ понятное убѣжденіе, что жизнь вовсе не кладбище, но что свободные часы дороги, что ими надо пользоваться и жить... И какъ ни мелки, какъ ни малы, можетъ быть, интересы этой семьи, но въ ней была жизнь, а не терпежъ жизни, какъ въ семьяхъ, подобныхъ моей. Въ ней можно было узнать, какъ трудно достаются маленькія минуты счастья, въ ней можно было познакомиться съ необходимостью и удовольствіемъ жить для ближняго, для другого, а не только для себя. Не боясь жизни и не ограничивая отношенія свои къ ней захватываньемъ кусковъ съѣстного и питейнаго, эта семья должна была отлично знать свою связь съ остальнымъ бѣлымъ свѣтомъ, уважать въ этомъ бѣломъ свѣтѣ все, что уважала въ себѣ. Благодаря всему этому, въ моемъ иностранцѣ было именно все, что нужно для того, чтобы жить между людьми, понимая ихъ нужды, ихъ радости такъ-же, какъ и свои... Изъ моей породы выходятъ слѣ-

ные исполнители великихъ и малыхъ идей, изъ породы иностранца выходятъ живые люди!...“

Новыя поколѣнія—плоть отъ плоти, кость отъ кости поколѣній старыхъ, семьи, въ которой они вырастаютъ, среды, которая ихъ окружаетъ. Наблюдая жизнь, ея уродливыя явленія, ея типическихъ для каждаго времени представителей, стараясь понять и объяснить ее, Успенскій не могъ миновать вопросовъ воспитанія, и потому онъ такъ много и такъ подробно изучаетъ семью, такъ часто останавливается на дѣтяхъ... Мало того, при этомъ изученіи онъ не могъ не оцѣнить всей огромности воспитательной задачи, отъ выполненія которой зависитъ будущность людского общества.

Это и сказалось въ томъ-же, только что упомянутомъ, очеркѣ „Три письма“, содержащемъ, какъ, впрочемъ, и всѣ почти произведенія Успенскаго, важную мысль.

Вопросъ идетъ о томъ: слѣдовало-ли человѣку дѣльному, способному, который имѣлъ возможность съ пользой послужить обществу, отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ, забыть свою собственную семью, пожертвовать личнымъ счастьемъ, чтобы спасти отъ окончательной нравственной гибели и перевоспитать испорченныхъ дѣтей помѣщиковъ Нееловыхъ?

„Я сидѣлъ, — пишетъ герой очерка, — съ ребятами, чувствуя вокругъ себя ихъ колеблющіеся отъ нервной дрожи маленькіе пальцы... Сидѣлъ, уже не думая о себѣ, а только чувствовалъ, что дѣтей мнѣ бросить нельзя, что я этого сдѣлать не могу, что это будетъ злое, безсердечное дѣло... Я понималъ очень хорошо, что съ этой семьей мнѣ предстоитъ гибель, но какая-то новая, высшая обязанность, какая-то новая, высшая сила взяла меня въ свою власть и приковываетъ неразрываемыми цѣпями къ участи этихъ дѣтей... Оставить ихъ я не могу“.

Съ одной стороны, широкія общественныя задачи, служеніе ближнему, борьба съ неправдой и зломъ, общественная дѣятельность, съ другой—незамѣтная жертва, для кого же?—для „семьи дармоѣдовъ, праздныхъ ртовъ, людей лѣни, желудка и животныхъ удовольствій“.

Что выбрать? Что предпочесть?.. Казалось-бы, человѣку постороннему, неповинному въ судьбахъ этого „гриба на крѣпостной кучѣ“, съ чистой совѣстью можно было-бы умыть руки и пройти мимо, предоставивъ грибу уготованную ему погибель вмѣстѣ съ взростившей его кучей. Но это значило-бы, что „я буду причиною гибели трехъ человѣческихъ существъ, которыя только на меня и надѣются, только во мнѣ одномъ и чаютъ спасеніе“...

Герой очерка не въ силахъ бросить дѣтей, не въ силахъ отор-

вать ихъ отъ себя, живо представляя, какъ оторванные одинъ за другимъ, плача и жалуясь, падаютъ и безъ звука исчезаютъ въ темной безднѣ эти маленькіе люди...

И онъ остается съ ними и посвящаетъ себя ихъ воспитанію, труду тяжелому, кропотливому, требующему большого терпѣнія и постояннаго самопожертвованія... „Шли дни за днями, — разсказываетъ онъ,—и моя личная жизнь все болѣе и болѣе переполнялась заботами о чужихъ людяхъ и о чужихъ интересахъ...

Чего стоитъ любовь къ вамъ дѣтей и ихъ взаимная ревность! Право, бываютъ минуты, когда стоитъ подумать и подумать крѣпко о равновѣсіи ихъ душъ, не дать одному заѣдать другого, не дать ихъ дѣтской хитрости пользоваться моимъ вліяніемъ во вредъ своему товарищу... Все это—заботы, тревоги,—все это требуетъ наблюденія и напряженной дѣятельности. Какъ доктору надо помнить лѣкарство, которое онъ далъ больному мѣсяцъ тому назадъ, такъ и мнѣ надо помнить каждое свое слово“...

Мы не будемъ передавать здѣсь всей исторіи воспитанія, нарисованной Успенскимъ. Для всѣхъ, кому дорого это дѣло, и не формальная только его сторона, а его правда, его истинный смыслъ и истинная цѣль, — очеркъ „Три письма“ скажетъ не меньше, чѣмъ даже біографія Песталоцци. Изъ отпрысковъ „гнилой кучи“, которымъ грозила явная гибель, полная нравственная смерть, выросли люди во всемъ великомъ значеніи этого слова, какое придаетъ ему Успенскій.

Какъ это сдѣлалось, какіе пріемы употреблялъ воспитатель, къ чему онъ стремился,—за всѣмъ этимъ отсылаемъ читателя къ подлиннику, предупреждая, однако, что онъ не найдетъ тамъ ни методическихъ, ни дидактическихъ указаній, ни подробнаго перечисленія мѣръ, предпринятыхъ воспитателемъ, но найдетъ исторію души самого воспитателя, его думъ, заботъ, сомнѣній, колебаній, горестей, его взглядовъ на жизнь и правду,—этимъ, вѣдь, опредѣляется человѣкъ, а человѣкомъ опредѣляется воспитатель.

Умѣть воспитывать это значитъ умѣть самому жить, знать, что должно, и стремиться къ этому.

Вопросы нравственнаго воспитанія это прежде всего вопросы жизни. Такъ ихъ и ставитъ Успенскій, и слѣдуетъ отмѣтить, что подобную единственно-правильную постановку ихъ мы найдемъ лишь въ немногихъ спеціально-педагогическихъ сочиненіяхъ. Что значитъ нравственно воспитывать? Это значитъ учить, какъ надо жить, чтобы исполнять нравственный законъ. Тамъ, гдѣ, какъ въ описанныхъ выше семьяхъ, законъ этотъ явно и грубо нарушается, гдѣ отсутствуетъ даже простое его сознаніе, гдѣ люди элементарно невѣже-

ственны, темны, дики, безправны, тамъ эти уродства прямо бросаются въ глаза, и не трудно рѣшить, что для ихъ пересозданія нужно прежде всего просвѣщеніе и образованіе, нужно гражданское воспитаніе—воспитаніе понятій о правѣ, о законѣ, о честномъ трудѣ, объ обязанностяхъ и долгѣ; нужно съ пути преступленія повернуть этихъ людей на путь права. Это задача ясная и сравнительно простая.

Гораздо сложнѣе и труднѣе слѣдующія стадіи вопроса о воспитаніи. Успенскій ставитъ ихъ въ очеркѣ „Малые ребята", спрашивая устами нѣкоего Ивана Ивановича Полумракова: „Что нужно дѣтямъ образованнаго или болѣе или менѣе обезпеченнаго человѣка въ предстоящей имъ жизни? Чему учить? Къ чему приготовлять? Въ какомъ направленіи вести нравственное развитіе?"

Было время, когда надъ вопросами этими не задумывались. Каждому было ясно, что онъ и что ему должно дѣлать и чѣмъ должны быть его дѣти: „чиновникъ—служи, купецъ—торгуй, шатунъ—шатайся... Толкись, бейся, изловчайся въ той тѣсной клѣткѣ, которую судьба отвела тебѣ на жительство, а выбьешься, достучишься, дотолкаешься—твое счастье. Въ то блаженное время не лежало на душѣ никакой отвѣтственности ни за одинъ поступокъ, ни за одно помышленіе, разъ они не выходили изъ предѣловъ дослужиться или расторговаться, т. е. приблизиться къ завѣтному идеалу. *Въ воспитаніи дѣтей* родителю стоило только приводить въ примѣръ дѣтямъ себя, свою неустанную работу о благѣ своемъ и своей семьи; а самое благо было ясно, всѣмъ лѣзло въ глаза"...

Въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ такъ обстоитъ дѣло и теперь: „расторговаться" или „дослужиться" и теперь является для многихъ яснымъ, простымъ и единственнымъ идеаломъ. Но представители, такъ называемаго, „порядочнаго" общества уже не рѣшаются открыто исповѣдывать подобный идеалъ, хотя-бы въ душѣ его и лелѣяли. Прежде это было естественно и законно. Теперь это стало стыдно. Теперь „общественное" вниманіе,—говоритъ Успенскій,—волей-неволей заинтересовано вопросами о принципахъ чести, совѣсти. Приходится размышлять надъ этими вопросами—иногда противъ охоты и желанія"...

Успенскій описываетъ затрудненія помянутаго Ивана Ивановича Полумракова, возникшія именно на этой почвѣ. Самъ Иванъ Ивановичъ, въ сущности, не имѣлъ никакихъ нравственныхъ убежденій и жилъ только заботой о сохраненіи оклада, при чемъ не могъ не лгать, не изощряться, не изворачиваться. Чувствуя, что поступаетъ безнравственно, онъ, однако, могъ еще кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ оправдать свои житейскія связи и отношенія тѣмъ, что у него на плечахъ семья. Ради семьи онъ тянетъ лямку, хотя „сочувствуетъ".

Но, задумываясь надъ вопросомъ о нравственномъ воспитанiи своихъ дѣтей, Иванъ Ивановичъ терялъ голову прежде всего потому, что себя, свою дѣятельность онъ никоимъ образомъ не могъ-бы рекомендовать дѣтямъ: это значило-бы рекомендовать искусство лгать изъ-за оклада. Сказать-же имъ что-нибудь по совѣсти боялся: это значило-бы, во-первыхъ, поставить въ фальшивое положенiе самого себя и, во-вторыхъ, если-бы дѣти усвоили мораль совѣсти, обречь ихъ на потерю оклада, на невозможность даже получить его, когда они вырастутъ, т. е. сдѣлать ихъ, съ точки зрѣнiя Ивана Ивановича, въ глубинѣ души имъ исповѣдуемой,—на всю жизнь несчастными. И вотъ Иванъ Ивановичъ начинаетъ придумывать способы, какъ-бы выйти изъ такой непрiятной дилеммы. Способы, конечно, оказываются неудачными; дилемма остается дилеммой: или то, или другое; никакого третьяго выхода она не допускаетъ.

Положенiе Ивана Ивановича Полумракова, замѣтимъ, вовсе не исключительное и не какое-либо временное. Такихъ Полумраковыхъ много было и въ то время, когда о нихъ писалъ Успенскiй, и много ихъ теперь. Вопросъ, мучившiй Полумракова, вопросъ общiй и, скажемъ, вопросъ главный. Въ воспитанiи дѣтей образованныхъ или обезпеченныхъ родителей, состоящихъ на окладѣ или на какомъ либо другомъ житейскомъ фундаментѣ, вопросъ этотъ остается и въ наши дни столь же острымъ и *кореннымъ* вопросомъ нравственнаго воспитанiя.

Какъ же разрѣшаетъ его Успенскiй?

„Вы, Иванъ Ивановичъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Полумракову,—конечно, понимаете, что я не имѣю возможности сочинять проекты системы народнаго образованiя: я только хочу обратить вниманiе родителей подрастающаго поколѣнiя и его воспитателей на то, что, воспитывая и образовывая, они *не могутъ* оставлять безъ вниманiя нужды миллiонной массы. Вглядываясь въ существующую систему воспитанiя и образованiя, легко видѣть, что она не только не проникнута сознанiемъ того, что образованные люди прежде всего нужны народу, а не главному обществу акцiонерныхъ надуванiй, но, напротивъ, какъ-бы добивается, чтобы образованный человѣкъ замкнулся съ своими знанiями въ средѣ, не имѣющей ничего общаго съ народомъ... Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, только полнѣйшее вниманiе къ нуждамъ шестидесятимиллiонной массы народа, положенное въ основанiе всей системы воспитанiя и образованiя, и полнѣйшее выясненiе этихъ нуждъ, только это одно можетъ дать смыслъ многимъ десятилѣтiямъ русской жизни и пристроить къ дѣлу массу талантливыхъ людей“...

Еще яснѣе и опредѣленнѣй высказывается Успенскiй по тому-же вопросу въ очеркѣ „Мечтанiя“. Хотя онъ говоритъ здѣсь о томъ,

чего въ нашемъ школьномъ и семейномъ воспитаніи *не* дѣлаютъ, но отсюда само собой становится очевиднымъ, что *надо* дѣлать. „Чтобы намъ,—говоритъ авторъ,—дѣтямъ чиновниковъ, помѣщиковъ, купцовъ, людямъ обезпеченнымъ и не дешево стоющимъ народу, кто-нибудь открыто и смѣло сказалъ о томъ, что мы, обезпеченные, должны искоренять нужду и бѣдность, что мы должны видѣть людей даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ принято называть прокаженными общества,—такихъ рѣчей, такихъ призывовъ, такихъ усилій раскрыть наши заспанные глаза на царящее зло мы не слыхали ни отъ одного изъ нашихъ воспитателей. Напротивъ, въ родительскомъ домѣ, въ школѣ, въ университетѣ насъ постоянно увѣряли, что широта вниманія къ окружающему—фанаберія, гибель, верхоглядство; что узость, строгость сердца—самое вѣрное и въ жизни, и въ наукѣ“.

Врядъ-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ этихъ словахъ—строгій и самый справедливый приговоръ существующей системѣ воспитанія, что здѣсь указанъ самый главный ея недостатокъ и тѣмъ намѣченъ путь къ единственно вѣрному рѣшенію вопроса о постановкѣ воспитанія.

Все остальное, что принято разумѣть подъ нравственнымъ воспитаніемъ и на чемъ сосредоточено вниманіе родителей и воспитателей,—мелочь въ сравненіи съ этой главной его основой. Что проку во всѣхъ, такъ называемыхъ, добродѣтеляхъ, если на ряду съ ними и даже надъ ними главенствуетъ узость и строгость сердца? Напротивъ, сердечность, отзывчивость къ горю и страданію, готовность жить для другихъ, „широта вниманія къ окружающему“ не только вѣнчаютъ всѣ добрыя душевныя качества человѣка, не только осмысливаютъ ихъ, но и неизбѣжно влекутъ ихъ за собой.

Вся дѣятельность человѣка, вся жизнь его, весь подготовительный путь къ ней—періодъ ученія и воспитанія, все озаряется свѣтомъ той идеи, которую указываетъ Успенскій, все становится яснымъ и понятнымъ. Скажутъ, что идея эта не новость. Да, конечно! Но, съ другой стороны, кто-же будетъ отрицать, что ея не было и нѣтъ въ обращеніи ни въ школѣ, ни въ семьѣ,—въ области воспитанія, т. е. тамъ, гдѣ она всего нужнѣе и важнѣе.

„Для чего нужно учиться?“—спрашиваютъ дѣти. „Для того, чтобы выйти въ люди!“—отвѣчаютъ родители и воспитатели, а это значитъ, чтобы получить мѣсто, окладъ, чины и т. д. Въ лучшемъ случаѣ объясняютъ, что ученье—свѣтъ, неученье—тьма. Но вотъ того именно, что ученье налагаетъ обязанности, что существуютъ милліоны людей, не имѣющіе возможности учиться и дающіе ее своимъ трудомъ другимъ, что міръ кишитъ страданіями, бѣдностью, невзгодами, наполненъ невѣжествомъ, тьмою и зломъ: что учащійся дол-

женъ всегда помнить это, помнить свое привилегированное, избранное положеніе и вытекающій изъ него долгъ,—объ этомъ не говорятъ.

Чуткій къ вопросамъ совѣсти и ко всякой неправдѣ, писатель нашъ не могъ признавать нравственнымъ воспитаніе, лишенное основного нравственнаго начала. Всѣми своими произведеніями—и, добавимъ, всей своей жизнью—онъ выдвигалъ это начало впередъ, и въ этомъ смыслѣ его педагогическія воззрѣнія остаются поучительными и важными для нашего времени и сохранятъ такое значеніе навсегда.

„Превратить эгоистическое сердце въ сердце всескорбящее",—вотъ первый принципъ, который, по Успенскому, долженъ быть поставленъ въ основѣ всякаго воспитанія,—будетъ-ли то воспитаніе въ семьѣ", въ гимназіи, или въ народной школѣ.

Рисуя неправды жизни, нищету, невѣжество, забитость и безправность, изображая житейскія мелочи, семейныя неурядицы, школьные нравы, деревенскіе непорядки, „неплательщичью" растерянность, обличая ложь и неискренность вездѣ, гдѣ-бы онѣ ни ютились и чѣмъ-бы ни прикрывались, взывая къ добрымъ чувствамъ и будя совѣсть,—Успенскій самъ является высокимъ примѣромъ воспитателя, одно знакомство съ которымъ способно облагородить душу читающаго и направить его мысль на тѣ стороны жизни и дѣятельности, гдѣ представляется наибольшій просторъ нравственному чувству.

Мы не останавливались въ своемъ очеркѣ на многихъ второстепенныхъ вопросахъ изъ области школьнаго дѣла и воспитанія, которыхъ коснулся Успенскій, и также на тѣхъ многочисленныхъ его статьяхъ и разсказахъ, гдѣ онъ съ обычнымъ талантомъ изобразилъ психологію дѣтской души и исторію ея развитія при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и вліяніяхъ. Все это могло-бы составить предметъ особаго интереснаго для педагогики изслѣдованія.

Но, намъ кажется, въ предыдущихъ строкахъ мы указали вкратцѣ то главное, что позволяетъ и даже обязываетъ включить сочиненія Глѣба Успенскаго въ педагогическую библіотеку.

Къ сожалѣнію, за послѣднее время имена модныхъ авторовъ оттѣсняютъ на задній планъ не только Успенскаго, но и болѣе знаменитыхъ корифеевъ нашего славнаго литературнаго прошлаго... Однако, школа и воспитатели менѣе, чѣмъ кто либо, могутъ исключительно руководиться модными и новыми теченіями.

Не впадая въ рутину, не отказываясь слѣдить за жизнью и

движеніемъ впередъ какъ литературныхъ, такъ и всѣхъ другихъ явленій, представители педагогики должны вмѣстѣ съ тѣмъ твердо держаться испытанныхъ и дорогихъ именъ прошлаго, благотворное значеніе которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

Къ такимъ именамъ принадлежитъ и имя Глѣба Успенскаго... Правда, оно, получивъ свою оцѣнку съ точки зрѣнія литературной и общественной, не было еще упоминаемо въ связи съ педагогическими интересами. Но это есть лишь простое недоразумѣніе и упущеніе, значительность котораго, полагаемъ, отчасти выяснена предыдущими указаніями. Немногіе даже выдающіеся писатели имѣютъ такое-же, какъ Успенскій, несомнѣнное право занять мѣсто среди самыхъ видныхъ представителей педагогической мысли.

Г. Роковъ.

Семья и ея задачи.

Замѣтки и критика по поводу книги *Семья и ея задачи.* Книга для родителей и воспитателей, составленная *подъ редакціей Анселя Арсталя.* Перев. съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ. СПБ. 1903 г. Стр. 461. Ц. 2 р.).

Народы, кромѣ бросающихся въ глаза различій въ языкѣ, религіи, бытѣ, имѣютъ еще особенности во взглядахъ на главнѣйшія стороны и учрежденія человѣческаго общежитія. Къ такимъ учрежденіямъ, несомнѣнно, относится семья, пониманіе ея сущности и ея задачъ. Всѣ народы, достигшіе извѣстной ступени развитія, имѣютъ болѣе или менѣе твердо устроенный семейный бытъ; но взгляды на складъ семьи и ея задачи, а вмѣстѣ и жизненная дѣятельность семьи бываютъ различными, согласно различіямъ національныхъ характеровъ и всего уклада народнаго быта. Книгой, заглавіе который выписано выше, мы воспользуемся прежде всего для того, чтобы ознакомиться съ воззрѣніями норвежцевъ на семью и ея задачи. Мы можемъ это сдѣлать потому, что книга составлена не однимъ лицомъ, а вышла изъ цѣлаго кружка, въ которомъ было 70 членовъ. Если одно лицо легко можетъ оторваться при обсужденіи какого либо вопроса отъ національной почвы и увлечься чисто личными расположеніями, вкусами и присущей каждой личности, въ извѣстной мѣрѣ, односторонностью, то кружку въ 70 лицъ увлечься подобнымъ образомъ будетъ труднѣе, тѣмъ болѣе, что кружокъ по своему составу былъ весьма разнообразенъ: въ немъ были профессора, доктора, директора и инспектора, учителя, военные, моряки, архитектора, прокуроры, просто отцы и матери, пасторы. 17 статей въ этой книгѣ написаны женщинами. Задача авторовъ книги заключается не въ теоретическомъ изслѣдованіи вопроса о семьѣ, а въ составленіи практическаго руководства для семьи, и, по сообщенію переводчика, за этимъ трудомъ скандинавской печатью признается „огромное истинно-національное значеніе“. Едва ли можно допустить, чтобы такое значеніе признавалось за произведеніемъ, не отвѣчающимъ національнымъ взглядамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ ними.

Взглядъ на семью высказанъ въ книгѣ, повидимому, строго идеальный. Главное вліяніе на умственный и нравственный складъ будущаго человѣка оказываетъ семья, въ которой онъ родился и росъ, а отсюда—жизнь въ семьѣ вліяетъ и на всю послѣдующую жизнь и судьбу человѣка. Семья держится любовью; для нея нужна прежде всего способность любить. Но не каждый способенъ къ той любви, которой требуетъ семья. Есть люди, у которыхъ весь запасъ любви вышелъ на нихъ самихъ, которые могутъ любить другого лишь настолько, насколько этотъ другой хочетъ или можетъ посвящать себя на служеніе имъ, на удовлетвореніе ихъ желаній, потребностей, капризовъ. Такія лица собственно любить не могутъ: они могутъ только влюбляться; у нихъ нѣтъ той способности любить, которая требуется для семейной жизни, а потому подобнымъ лицамъ не слѣдовало бы жениться или выходить замужъ. Сущность настоящей, истинной любви, необходимой для семьи, заключается въ желаніи и потребности давать, а не брать и тѣмъ менѣе требовать. Если она чего и требуетъ, то лишь того, чтобы ее принимали, т. е. не только позволяли ей давать, но и принимали отъ души даваемое, что предполагаетъ отвѣтную любовь. Истинная любовь все даетъ не по принужденію, или только по долгу, а добровольно, съ радостью. Счастье брака въ томъ и состоитъ, что человѣку позволяютъ сдѣлать счастливымъ другого, любимаго человѣка.

Взаимныя отношенія, проникнутыя истинною любовью, создаютъ для ребенка здоровую семейную атмосферу. Въ хорошей семьѣ ребенку привольно дышится чистымъ воздухомъ самоотверженной любви. Если ребенокъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сознательно открылъ глаза, видитъ, что отецъ прежде всего думаетъ о матери, мать объ отцѣ, а оба вмѣстѣ о немъ—ребенкѣ и его братьяхъ и сестрахъ, то начало правильному его воспитанію уже положено. Съ ранняго дѣтства проникается онъ сознаніемъ, что счастье жизни заключается въ томъ, чтобы дѣлать счастливыми другихъ.

Кромѣ любви, проникающей семью, семья должна отличаться еще двумя свойствами: самоисправленіемъ недостатковъ супруговъ и религіозностью. „Супруги помогаютъ другъ другу открывать свои недостатки и исправляться отъ нихъ, становиться лучшими людьми, въ чемъ и видятъ одну изъ высшихъ, прекраснѣйшихъ задачъ жизни“ (стр. 17). Засимъ, любовь къ добру, правдѣ, разуму тѣсно связана съ любовью къ Богу. Поэтому въ каждой семьѣ долженъ существовать культъ Бога живого, Бога любви. Нужно, чтобы дѣти выростали въ сознаніи, что „семья ихъ—мѣсто священное, что въ ней воздвигнутъ алтарь Богу живому и духомъ Его жива вся семья“ (стр. 18).

Въ какой мѣрѣ этотъ идеалъ семьи общенароденъ въ Норвегіи и насколько осуществляется въ жизни, сказать не можемъ. Во всякомъ случаѣ едва-ли можно сомнѣваться, что для многихъ онъ очень высокъ, что въ немъ пропущены весьма реальные, простые и распространенные элементы семьи—личное удовольствіе, личное наслажденіе и счастье, и совмѣстный трудъ супруговъ. Едва-ли кто будетъ отвергать наличность указанныхъ элементовъ—они слишкомъ замѣтны, слишкомъ бросаются въ глаза въ каждомъ бракѣ. Вѣдь, всякій знаетъ, что, женясь или выходя замужъ, онъ ставитъ на карту свое счастье, свою личную судьбу. Зачѣмъ-же не давать этому элементу подобающаго ему мѣста, не упоминать о немъ, какъ будто его и нѣтъ? Тѣмъ болѣе, что любовь не исчерпываетъ всѣхъ семейныхъ чувствъ. Любовь въ бракѣ нерѣдко проходитъ, но бракъ остается твердымъ и счастливымъ по другимъ симпатическимъ чувствамъ.

Точно также превращеніе семьи въ педагогическое учрежденіе для взаимнаго исправленія недостатковъ супруговъ многимъ придется не по вкусу. Въ такомъ взглядѣ слышится голосъ священника, проповѣдника, моралиста, всюду и по всякому поводу поучающаго (статья о сущности семьи написана священникомъ). Конечно, и въ семьѣ, какъ и во всякомъ тѣсномъ обществѣ, можетъ происходить взаимное исправленіе недостатковъ,—не даромъ пословица говоритъ: женится—перемѣнится; а другая пословица назидаетъ: вѣкъ живи—вѣкъ учись; но чаще всего такого исправленія въ бракѣ не бываетъ да оно и не ставится цѣлью брака. Въ бракъ вступаютъ не дѣти, а взрослыя лица, болѣе или менѣе окрѣпшія уже въ своихъ личныхъ свойствахъ; вступленіе въ бракъ не есть вступленіе въ новую школу или въ высшій, педагогическій, классъ старой.

Если для многихъ очерченный идеалъ покажется слишкомъ высокимъ, то другіе найдутъ въ немъ тѣневыя стороны. Сущность семьи есть все добровольно дающая любовь. Но эта любовь изображается дѣйствующей лишь въ семьѣ, распространяющейся на небольшое число присныхъ, а о связи семей, объ общественной сторонѣ семейной любви и жизни семей ничего не говорится, а, напротивъ, утверждается, что школа, общество и государство должны укрѣплять въ ребенкѣ сознаніе, „что онъ прежде всего принадлежитъ семьѣ и прежде всего несетъ обязанности по отношенію къ отцу и матери“ (стр. 399). Между тѣмъ, любовь исключительно семейная есть лишь немного расширенная эгоистическая любовь холостяка къ самому себѣ, любовь къ тѣмъ, которые любятъ насъ,—это есть взаимный обмѣнъ и расплата любовью. Такая любовь собственно весьма эгоистична и сводится къ формулѣ: do, ut des. Семья, построенная на такой любви, есть еще больше гнѣздо, чѣмъ настоя-

щая человѣческая семья,—настоящей человѣчности въ ней еще мало. Грубый семейный эгоизмъ даже счастливыхъ семействъ—свойство весьма распространенное и извѣстное. Поэтому въ разсужденіи о хорошей, а тѣмъ болѣе идеальной семьѣ необходимо выдвигать общественный элементъ семейной жизни, ту мысль, что никакая семья не можетъ быть идеальной и даже просто хорошей, замкнувшись въ себѣ и не входя живымъ элементомъ въ болѣе великое общественное цѣлое.

Поставленіе взаимной любви супруговъ въ основу семьи, казалось, должно-бы исключать всякую мысль о неравенствѣ супруговъ въ бракѣ, о преобладаніи одного изъ нихъ, о томъ, что одинъ есть № 1, а другой—№ 2. Любовь обоихъ равноцѣнна и однокачественна, а во взаимной любви—сущность всей семьи. Между тѣмъ, въ статьѣ о матери-воспитательницѣ и хозяйкѣ дома говорится: „жена постоянно должна поддерживать такой порядокъ въ домѣ, при которомъ мужъ всегда чувствовалъ бы себя нумеромъ первымъ. Надо, чтобы жена всегда встрѣчала его съ привѣтливымъ лицомъ, всегда имѣла возможность удѣлить ему лично нѣкоторое время, раздѣлить его досугъ и интересы, а не портила-бы ему отдыхъ домашними мелочами да жалобами на дѣтей и прислугу“ (435—6). О подобныхъ обязанностяхъ мужа къ женѣ не говорится. Мотивъ оказывается, какъ будто бы, изъ другой оперы.

Конечно, главнѣйшая задача семьи заключается въ правильномъ воспитаніи дѣтей, а въ воспитаніи дѣтей одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ—правильное физическое развитіе. Этой сторонѣ воспитанія отведено видное мѣсто въ разсматриваемой книгѣ. Кажется, вниманіе къ правильному физическому развитію дѣтей не можетъ составить отличительнаго признака семейной педагогіи какого-либо народа, потому что нынѣ вездѣ заботятся о физическомъ укрѣпленіи дѣтей, и теорія гигіеническаго ухода за дѣтьми разработана всюду довольно обстоятельно. Но постановка физическаго развитія дѣтей въ Норвегіи и, напримѣръ, у насъ въ Россіи весьма различна.

У насъ матери несутъ много хлопотъ по первоначальному уходу за дѣтьми, въ періодъ перваго дѣтства. По мѣрѣ развитія дѣтей, хлопоты по гигіеническому уходу за ними уменьшаются и въ заключеніе ограничиваются заботами о надлежащемъ питаніи дѣтей, достаточно продолжительномъ снѣ, прогулкахъ на свѣжемъ воздухѣ, о томъ, чтобы дѣти не утомляли себя слишкомъ занятіями. Далѣе заботы семей о физическомъ развитіи дѣтей не идутъ. Всѣ эти заботы отличаются одной общей чертой—пассивностью; онѣ охраняютъ здоровье, предупреждаютъ разстройства организма, но не даютъ прямого упражненія физическимъ силамъ дѣтей, не укрѣпляютъ дѣтей

активно, не указываютъ путей и средствъ для всесторонняго напряженія физическихъ силъ. Вотъ эта-то, отсутствующая у насъ, активная сторона физическихъ упражненій и оказывается широко поставленной въ Норвегіи.

Кромѣ изложенія данныхъ по первоначальному уходу за дѣтьми, въ разсматриваемой книгѣ мы находимъ отдѣльныя статьи еще по слѣдующимъ предметамъ: упражненія на вольномъ воздухѣ, подвижныя игры, физическія упражненія, спортъ, гигіена спорта, гимнастика, плаваніе на веслахъ, подъ парусами, уженье, охота; прогулки пѣшкомъ, на велосипедѣ, бѣгъ на лыжахъ, катанье на конькахъ, катанье на салазкахъ. Цѣлая масса чисто активныхъ тѣлесныхъ упражненій и притомъ все на вольномъ воздухѣ!.. И какое значеніе придается этимъ упражненіямъ! Это не исполненіе докторскаго рецепта, а любовь къ такимъ упражненіямъ, увлеченіе ими. Свѣжій воздухъ признается существенною потребностью жизни, а упражненія на свѣжемъ воздухѣ незамѣнимыми. Утверждается даже, что въ семьяхъ, любящихъ свѣжій воздухъ и спортъ, „обыкновенно и духовная атмосфера бываетъ чище, свѣжѣе. Свѣжій чистый воздухъ хорошо дѣйствуетъ на весь организмъ человѣка, проясняетъ мысли, расширяетъ умственный горизонтъ. Въ семьяхъ же, гдѣ забота о свѣжемъ воздухѣ на послѣднемъ планѣ, гдѣ всѣ стараются герметически закупориться, большею частію выростаютъ изнѣженныя, хилыя, зябкія, раздражительныя и неповоротливыя существа, съ узкимъ взглядомъ на жизнь. А взгляните на любителей жизни на вольномъ воздухѣ! У нихъ совсѣмъ особыя движенія и манеры—свободныя, смѣлыя, красивыя, особый блескъ и одушевленіе въ глазахъ, особый звукъ голоса и смѣхъ,—живой, бодрый, сильный, звонкій; отъ всей ихъ фигуры вѣетъ свѣжестью. Да и весь взглядъ на жизнь—широкій, смѣлый, свѣжій!“ А отсюда выводится такое заключеніе: „задача семьи—культивировать свѣжій воздухъ въ домѣ и тяготѣніе къ нему въ душахъ юныхъ членовъ своихъ“ (стр. 245).

Вотъ какъ понимаютъ въ Норвегіи тѣлесныя упражненія, вотъ какимъ тономъ говорятъ о нихъ, какое значеніе приписываютъ имъ. Это не головное измышленіе ученаго, дошедшаго своимъ умомъ, чисто теоретически, до признанія пользы подобныхъ упражненій: это сама жизнь, яркая, одушевленная, это любовь къ нимъ, страстное увлеченіе, потому что есть твердая вѣра въ глубокое благотворное воздѣйствіе такихъ упражненій на весь организмъ, на умъ, на настроеніе, на міровоззрѣніе.

Составители книги убѣждаютъ и родителей принимать участіе въ экскурсіяхъ дѣтей. Они замѣчаютъ, что у большинства родителей рано наблюдается склонность остепениться, „осѣсть“, тяжелость на

подъемъ, боязнь уронить свое достоинство. Составители сборника взываютъ къ такимъ родителямъ: „Долой достоинство! Превозмогите свою лѣнь! Примкните къ юному поколѣнію, участвуйте въ его экскурсіяхъ и въ поле и въ лѣсъ! Если нѣтъ времени, займите его у самихъ себя; заемъ этотъ дастъ вамъ лучшіе проценты, чѣмъ какой-либо банкъ. Вы наверстаете потраченное на это время съ лихвою. Здоровье тѣла, бодрость духа, увеличеніе работоспособности— вотъ что сулятъ всѣ эти экскурсіи и прогулки по полямъ, по лѣсамъ, по горамъ, по рѣкамъ, по морю, пѣшкомъ, на конькахъ, на лыжахъ, на салазкахъ, на веслахъ, подъ парусами!“ (стр. 246).

По видному мѣсту, отводимому активнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ въ физическомъ воспитаніи дѣтей, норвежцы, весьма значительно отличаясь отъ насъ, приближаются къ англичанамъ; но у послѣднихъ эти упражненія болѣе искусственны и менѣе разнообразны, чѣмъ у норвежцевъ. У англичанъ активныя тѣлесныя упражненія суть по преимуществу игры съ мячомъ на площадкѣ или на лужайкѣ; у норвежцевъ они ближе къ природѣ, прямо вытекаютъ изъ особенностей ихъ страны, а вмѣстѣ болѣе многочисленны и разнообразны.

Понятно само собой, что авторы книги, придавая большое значеніе всякаго рода экскурсіямъ, горячо рекомендуютъ дѣтямъ жизнь на волѣ. Комнатная жизнь калѣчитъ дѣтей, такъ любящихъ природу, такъ непосредственно относящихся къ ней. Нужно знакомить дѣтей съ природой, но при этомъ учить ихъ подходить къ ней съ чистымъ сердцемъ, любить, чтить ее и изучать. Природа прекрасна, и отношеніе къ ней юнаго поколѣнія должно быть „серьезно-благоговѣйнымъ“.

При серьезной заботѣ о физическомъ развитіи дѣтей естественно обратить серьезное вниманіе и на тѣ главнѣйшія перемѣны, которыя переживаетъ организмъ за время воспитанія. Тщательная забота о дѣтяхъ въ это время и бесѣды съ ними о свойствахъ и природѣ переживаемыхъ перемѣнъ составляютъ довольно замѣтную особенность норвежской семейной педагогіи. Переходный возрастъ авторы характеризуютъ, какъ періодъ внѣшняго и внутренняго переворота, періодъ великой революціи и въ физическомъ и въ духовномъ мірѣ человѣка: дитя готовится шагнуть во взрослые. Все тѣло точно развинчивается, руки и ноги становятся несоразмѣрно длинными, и подростокъ просто не знаетъ, куда ихъ дѣвать; платье виситъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, движенія неуклюжи, вся фигура носитъ отпечатокъ броженія, дисгармоніи, неустойчивости. Внутри то-же броженіе, та-же дисгармонія и неустойчивость. Пробуждаются новыя мысли и, главное, новыя ощущенія и чувствованія; прежніе интересы уступаютъ мѣсто новымъ. Умственное развитіе въ нѣкоторыхъ отноше-

ніяхъ идетъ прекрасно, въ другихъ менѣе успѣшно. Многія „школьныя звѣзды“, ярко свѣтившія въ младшихъ классахъ, потухаютъ въ эти годы, и, наоборотъ, нѣкоторые подростки, прежде считавшіеся отсталыми, вдругъ словно просыпаются отъ спячки и быстро опережаютъ другихъ. Одни становятся сентиментальными, другіе меланхоличными, одни обнаруживаютъ какую-то болѣзненную совѣстливость, у другихъ нравственное чувство какъ-то притупляется. Типичная черта переходнаго возраста—недостатокъ гармоніи въ развитіи при стремленіи выдѣлиться изъ толпы, выработать свою личность, вслѣдствіе чего вся личность подростка, весь его обликъ физическій и нравственный получаетъ какой-то несуразный, комическій характеръ, пока, наконецъ, переходное время не пройдетъ и изъ несуразнаго существа не выработается привлекательная дѣвушка или юноша.

Неуравновѣшенность организма въ переходный возрастъ, недостатокъ гармоніи, нерѣдко наблюдаемое „ношеніе съ самимъ собой“, принимающее подчасъ преувеличенные размѣры и отталкивающія формы, требуютъ отъ родителей и воспитателей любовно-внимательнаго отношенія къ душевной жизни подростковъ, особенной осторожности и снисходительности. Большую опасность въ это время представляетъ насмѣшка надъ подростками. При стремленіи подростковъ выдѣлиться изъ толпы, при ихъ ношеніи съ самими собой, насмѣшка, очевидно, причиняетъ крайне чувствительную рану, могущую легко и быстро вызвать озлобленіе.

Мы привели сущность характеристики норвежцами переходнаго возраста для того, чтобы показать сознаніе важности этого времени для всей жизни человѣка и необходимости самыхъ тщательныхъ заботъ о воспитываемыхъ переходнаго возраста; но мы далеки отъ того, чтобы признать изложенную въ книгѣ психологію и педагогію этого возраста достаточными. Представленная характеристика подростка, будучи правильной по существу, слишкомъ обща, коротка, слишкомъ бѣгло написана, чтобы отвѣчать важности предмета. Переходный возрастъ есть новое рожденіе человѣка, время пробуждеждения и начала новой жизни—новыхъ органическихъ процессовъ мыслей, чувствованій, настроеній, новаго міровоззрѣнія. Его значеніе въ дальнѣйшей жизни человѣка громадно. Поэтому психологія и педагогія этого возраста должны быть тщательно и глубоко изучены.

Изъ вопросовъ педагогіи переходнаго и юношескаго возрастовъ норвежцы даютъ видное мѣсто вопросу объ ознакомленіи воспитываемыхъ съ тѣми новыми органическими процессами, которые въ это время начинаются и составляютъ существеннѣйшій физіологическій признакъ этихъ возрастовъ, т. е. съ половою жизнью. Они пола-

гаютъ, „что мы обязаны разъяснить тѣмъ, кого произвели на свѣтъ, условія, которымъ они обязаны жизнью". Ихъ отношеніе къ этому вопросу необычайно серьезно и благородно, тонъ—возвышенный.

„Чистое, естественное, дѣтское пониманіе дѣтьми процесса размноженія—краеугольный камень нравственнаго воспитанія, взрощенія чистаго духомъ, здороваго тѣломъ и стойкаго новаго поколѣнія". Воспитываемымъ нужно разъяснить, что пробуждающійся въ нихъ инстинктъ есть проявленіе творческой силы, поддерживающей жизнь на землѣ и надѣляющей насъ богоподобною способностью (стр. 238, 241, 193).

Починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать родителямъ. Въ виду серьезности и важности дѣла, ознакомленіе съ половою дѣятельностью нужно вести постепенно, но откровенно. „Откровенныя бесѣды съ ребенкомъ, имѣющія цѣлью возбудить въ немъ боязнь повредить своимъ половымъ органамъ, безъ сомнѣнія, должны быть признаны вполнѣ умѣстными, и начинать ихъ слѣдуетъ по возможности раньше", примѣрно лѣтъ съ семи, хотя нѣкоторые считаютъ ихъ возможными даже въ возрастѣ 5—7 лѣтъ. Понятно, нѣтъ нужды касаться подробностей полового общенія, что было-бы во многихъ случаяхъ совершенно излишне, а въ нѣкоторыхъ даже и вредно. Настоящая же пора для бесѣдъ родителей съ дѣтьми на темы, связанныя съ половою жизнью,—вторая половина отрочества, когда приближается время полового созрѣванія. Вступленіемъ могутъ служить бесѣды о размноженіи растеній, отъ котораго уже не трудно перейти къ животнымъ и человѣку (стр. 228—232). Съ наступленіемъ юности бесѣды должны сдѣлаться серьезнѣе; крайне важно, какъ можно яснѣе, втолковать юношѣ, что медленное, правильное половое созрѣваніе—необходимое условіе его будущаго счастья въ жизни; нужно заставить юношу проникнуться сознаніемъ великаго назначенія половыхъ органовъ и въ силу этого сознаніемъ необходимости особенно бережнаго отношенія къ нимъ, исключающаго не только всякое злоупотребленіе, но и легкомысленную небрежность. Особенно же „нужно упирать въ бесѣдахъ на священные законы природы, а также на права, власть и долгъ человѣка бороться со своими инстинктами и страстями, со всѣми страстями, и подчинять ихъ разуму и морали" (стр. 235).

Насколько распространены такіе взгляды въ Норвегіи и насколько они осуществляются въ тамошней семейной жизни—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ характерно то, что они высказываются въ изданіи, получившемъ на родинѣ широкое распространеніе. У насъ подобные вопросы обсуждались мало, хотя все-же обсуждались; попытки знакомить съ этими вопросами подрастающія поколѣнія

были дѣлаемы, но эти попытки были весьма немногочисленны. Въ практикѣ семейной жизни до откровенныхъ бесѣдъ на подобныя темы дѣло доходитъ, кажется, рѣдко. Сказать опредѣленно, какъ русское общество смотритъ на ознакомленіе дѣтей и юношества съ половой жизнью, весьма затруднительно. Но одно можно утверждать, что взгляды, высказанные въ норвежскомъ сочиненіи, весьма разумны и серьезны и возражать противъ нихъ по самому существу, не касаясь подробностей, кажется, нѣтъ достаточно твердыхъ основаній.

Нужно замѣтить, что взгляды, проповѣдуемые норвежцами, не новость въ педагогіи. Настоятельную необходимость знакомить дѣтей съ половою жизнью признавали и осуществляли на практикѣ, многіе педагоги и подъ ихъ вліяніемъ многіе родители въ XVIII вѣкѣ. Въ этомъ столѣтіи горячими и твердыми защитниками разсматриваемаго взгляда были Жанъ Жакъ Руссо и школа филантроповъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію книги, какъ педагогическаго трактата, нужно отмѣтить, прежде всего, разнообразіе вопросовъ, въ ней затронутыхъ и обсуждаемыхъ. По указанію редактора сочиненія цѣль разсматриваемаго труда слѣдующая: „освѣтить вопросы, которые семья и воспитаніе дѣтей ставятъ всѣмъ серьезнымъ, разумнымъ родителямъ и воспитателямъ; помочь родителямъ и другимъ окружающимъ ребенка взрослымъ усвоить себѣ необходимое пониманіе природы и потребностей ребенка, а также умѣнье направить, какъ должно, физическое, умственное и нравственное развитіе ребенка; помочь родителямъ развить въ своихъ дѣтяхъ способность съ успѣхомъ бороться съ предстоящими имъ въ жизни затрудненіями“. Нельзя сказать, чтобы формулировка цѣлей труда отличалась большою ясностью и опредѣленностью—первая и вторая цѣль собственно одно и то-же; но во всякомъ случаѣ намѣченное выполняется, даже съ избыткомъ. Послѣдній отдѣлъ книги озаглавленъ: „Положеніе въ жизни“ и содержитъ въ себѣ выясненіе характера подготовки и исчисленіе свойствъ, нужныхъ для сельскаго хозяина, моряка, ремесленника, техника, коммерческаго дѣятеля, учителя, журналиста, ученаго. Мы, русскіе, полагаемъ, что выборъ профессіи долженъ совершиться самимъ молодымъ человѣкомъ или молодой дѣвушкой, на основаніи испытанія своихъ силъ и вкусовъ занятіями предметами общаго образованія. Выборъ подготовляется постепенно и незамѣтно, обусловливается множествомъ причинъ и обстоятельствъ, и семьѣ съ ея задачами тутъ дѣлать нечего. Отдѣлъ можно-бы опустить въ книгѣ, тѣмъ болѣе, что профессій существуетъ очень много и ихъ исчисленіе весьма неполно въ сочиненіи. Тѣмъ не менѣе такія

практическія указанія даны,—должно быть, въ Норвегіи они нужны; тамъ, должно быть, давленіе семьи на выборъ молодежью профессіи очень сильно. На это есть указаніе и въ книгѣ. Статья „Сельскій Хозяинъ" начинается словами: „Вы спрашиваете моего совѣта относительно образованія вашего сына, *изъ котораго вы полагаете сдѣлать сельскаго хозяина*". И даже говорится: „чтобы доставить своему сыну блага жизни въ сельской обстановкѣ, *вы рѣшили сдѣлать его сельскимъ хозяиномъ*" (стр. 423).

Въ оцѣнкѣ выполненія поставленныхъ труду задачъ мы, въ сущности, согласны съ редакторомъ изданія и его переводчикомъ на русскій языкъ. Редакторъ говоритъ: „при составленіи книги преслѣдовались не литературныя, не научныя задачи, а чисто практическія". Переводчикъ, съ своей стороны, прибавляетъ: „по самому характеру своему трудъ этотъ отличается не столько полнотой сообщаемыхъ полезныхъ свѣдѣній, сколько глубоко серьезнымъ и сердечнымъ отношеніемъ его составителей къ своей задачѣ... Обстоятельно разработать всѣ вопросы воспитанія составители труда, разумѣется, не могли, тогда вышла-бы цѣлая Энциклопедія" (стр. 7, 13). Эти замѣчанія редактора и переводчика совершенно справедливы: теоретическій, научный анализъ затрогиваемыхъ вопросовъ и явленій почти совершенно отсутствуетъ—книга строго практическая, и авторы въ теоретическія разсужденія не пускаются. Полноты и обстоятельности разработки вопросовъ также въ книгѣ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ вопросовъ, какъ о дѣтскомъ чтеніи, отношеніи семьи къ школѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Приведемъ, для поясненія, два примѣра. Обсуждая довольно подробно вопросъ о физическомъ воспитаніи и активныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ (спортѣ), авторы ни словомъ не обмолвливаются о вопросѣ, близкомъ и родственномъ трактуемому,—о закаливаніи; вопросу о развитіи фантазіи посвящены всего лишь двѣ страницы. Хотя эти двѣ страницы написаны и Бьернстьерне Бьернсономъ, но многаго извлечь изъ нихъ невозможно. Вообще духовное развитіе и воспитаніе дитяти изображены кратко и съ большими пробѣлами; связной картины духовнаго развитія человѣка книга не содержитъ. Поэтому о книгѣ въ цѣломъ можно сказать, что она не столько даетъ знаній, сколько возбуждаетъ умъ и волю родителей и воспитателей къ пріобрѣтенію знаній и къ осуществленію ихъ въ жизни. Зато этимъ послѣднимъ свойствомъ книга владѣетъ въ значительной степени, такъ какъ она написана съ любовью и одушевленіемъ и отъ нея, по справедливому замѣчанію переводчика, вѣетъ необычайной свѣжестью и бодростью. При выполненіи труда авторовъ воодушевляла великая задача—нравственный подъемъ всего народа путемъ раціональнаго воспитанія.

Относительно значенія этого труда для европейской и русской педагогической литературы мы держимся нѣсколько иного мнѣнія, чѣмъ какое высказалъ переводчикъ. Онъ утверждаетъ, что свода статей по всѣмъ вопросамъ семейнаго воспитанія, „разработаннаго съ любовью и знаніемъ въ наиболѣе доступныхъ для средняго читателя рамкахъ, до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, не появлялось ни въ одной литературѣ, и нельзя, поэтому, не отдать норвежцамъ чести за этотъ ихъ добрый починъ“ (стр. 10). Было-бы совсѣмъ непозволительно забыть, что мы имѣемъ классическія сочиненія по семейному воспитанію: въ Англіи Локка, во Франціи Руссо, въ Германіи Фребеля (Die Entwickelung des Menschen), сочиненія, безспорно, капитальныя. Въ Россіи мы не забудемъ, напримѣръ, серьезно потрудившихся въ этой области г-на и г-жу Симоновичъ*), извѣстное сочиненіе г-жи Водовозовой **), книгу г-жи Конради, ***) большой трудъ г-жи Манассеиной ****). Правда, это все труды отдѣльныхъ лицъ, а не своды статей, составленные цѣлыми десятками лицъ, о которыхъ, повидимому, говоритъ переводчикъ; но тогда, можетъ быть, позволительно будетъ вспомнить объ Энциклопедіи семейнаго воспитанія и обученія, издававшейся при спб. родительскомъ кружкѣ. Она представляетъ именно сводъ статей по семейному воспитанію и разсчитывалась также на „средняго читателя“. Задумана же и отчасти осуществлена она была, кажется, ранѣе норвежскаго труда,—первый выпускъ явился въ 1898 г. Поэтому, по чистой совѣсти и съ несомнѣнными фактами въ рукахъ мы не можемъ признать правильнымъ утвержденіе переводчика, что норвежскій трудъ—первый въ своемъ родѣ, что норвежцамъ принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ.

Переводъ книги сдѣланъ настолько хорошо, что, читая, забываешь, что это переводъ, а не самостоятельное сочиненіе. Переводчикъ снабдилъ главы своего труда очень полезными указаніями на русскую литературу по обсуждаемымъ вопросамъ. Книга издана компактно и чисто, стóитъ, сравнительно съ объемомъ, дешево (2 р. за 461 стр. убористой печати), словомъ, все прекрасно, но... въ изданномъ переводѣ есть одна странность, одно непонятное обстоятельство. Въ предисловіи къ книгѣ переводчикъ сообщаетъ, что въ рус-

*) Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей. Два тома. Спб. 1874 г.

**) Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Спб. 2 изд. 1873. 4 изд. 1891.

***) Исповѣдь матери. Спб. 1876.

****) Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни и до полнаго окончанія университетскаго образованія. Три тома. Спб. 1894 - 1897.

скомъ переводѣ разсматриваемая книга является „въ нѣсколько дополненномъ, разработанномъ и приспособленномъ для русскихъ читателей видѣ“. Переводчикъ спѣшитъ насъ увѣрить, что изъ этого не слѣдуетъ дѣлать выводъ о какихъ-либо существенныхъ недостаткахъ норвежскаго оригинала, которые нужно было-бы исправлять,— нѣтъ. Переводчику пришлось считаться съ русской литературой, вмѣсто норвежской, по различнымъ трактуемымъ въ книгѣ вопросамъ, а затѣмъ „съ воззрѣніями и потребностями русскихъ читателей, вслѣдствіе чего и предприняты нѣкоторыя сокращенія, дополненія и измѣненія, при сохраненіи, однако, въ полной неприкосновенности характера и тона труда. Дополненія отчасти вошли въ самый текстъ, отчасти составили особыя примѣчанія“ (стр. 12—13).

Гдѣ и что сокращено, измѣнено, дополнено—не указано; какъ много произведено переводчикомъ такихъ сокращеній и измѣненій—неизвѣстно; какимъ именно воззрѣніямъ и потребностямъ русскихъ читателей удовлетворялъ переводчикъ, признавъ нужнымъ измѣнять, сокращать и дополнять подлинникъ—не объяснено. Это очень жаль, очень прискорбно, что мы имѣемъ предъ собой не переводъ норвежскаго труда, а какую-то его передѣлку, совершенную для нашего блага переводчикомъ. Намъ интереснѣе былъ-бы правильный переводъ подлинника, безъ измѣненій, сокращеній и дополненій, потому что теперь читаешь книгу и сомнѣваешься: кто такъ думаетъ—норвежскій писатель, или его переводчикъ? А передѣлка подлинника пошла, кажется, далеко, такъ какъ переводчикъ хотя и говоритъ лишь „о нѣкоторыхъ“ сокращеніяхъ, дополненіяхъ и измѣненіяхъ подлинника, но, однако, ручается намъ за полную неприкосновенность лишь „*характера и тона труда*“.

П. Каптеревъ.

О воспитательномъ дѣлѣ въ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

(По поводу ожидаемой реформы этихъ заведеній).

Въ настоящее время, когда даже свѣтской средней школѣ указано считать въ числѣ своихъ задачъ воспитаніе юношества въ духѣ религіи и нравственности, когда, съ другой стороны, вполнѣ выяснилась необходимость реформы среднихъ духовно-учебныхъ заведеній, весьма интересно и поучительно обратить вниманіе на состояніе воспитательнаго дѣла въ этихъ послѣднихъ.

Уже общій религіозно-нравственный уровень нашего духовенства, который почти не идетъ на повышеніе, а еще больше всѣмъ извѣстныя „старыя язвы“ духовной школы, равно какъ нѣкоторыя отрицательныя явленія въ ея жизни, обнаружившіяся за послѣднее время, все это съ достаточной ясностью говоритъ, что постановка здѣсь воспитанія далека отъ нормальной.

Отчего зависитъ это? Кто и какими средствами исполняетъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія юношества?

Ближайшимъ образомъ это дѣло поручено здѣсь начальствующимъ, т. е. въ семинаріяхъ—ректору, инспектору, его помощникамъ и надзирателямъ, въ училищахъ—смотрителю, его помощнику и опять надзирателямъ. Но ректора семинарій и смотрители училищъ выбираются въ большинствѣ случаевъ и назначаются въ Петербургѣ, т. е. тамъ, гдѣ правоспособность ихъ, какъ будущихъ начальниковъ учебныхъ заведеній, далеко не всегда можетъ быть извѣстной. Притомъ здѣсь, единственно въ виду ихъ сана, предпочтеніе обыкновенно отдается монашествующимъ, какъ-бы молоды они ни были. Между тѣмъ монашествующіе стоятъ во главѣ учебныхъ заведеній очень не долго (нерѣдко буквально нѣсколько мѣсяцевъ), склонны порой смотрѣть на свое назначеніе только какъ на одну изъ ступеней своей служебной карьеры и, хотя почти всегда ста-

раются измѣнить наличный строй жизни учебнаго заведенія, рѣдко успѣваютъ установить новый, болѣе совершенный. Кромѣ того, начальники духовно-учебныхъ заведеній сильно стѣснены въ своей дѣятельности не только уставомъ и разными указами и циркулярами, но и широкимъ вмѣшательствомъ епархіальной власти и ревизоровъ. Особенно зависимыми и отвѣтственными въ своей дѣятельности чувствуютъ себя начальники духовно-учебныхъ заведеній изъ бѣлаго духовенства и свѣтскіе (смотрители училищъ). Въ тѣхъ-же самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находятся инспектора семинарій и помощники смотрителей училищъ; послѣдніе нерѣдко только исполнители распоряженій начальника учебнаго заведенія. Что касается помощниковъ инспектора въ семинаріяхъ, то главная ихъ дѣятельность сводится къ наблюденію за формальнымъ порядкомъ въ школѣ; на что-нибудь другое, болѣе плодотворное, ихъ (обыкновенно одного - двухъ въ семинаріи) положительно не хватаетъ. Въ то - же время, обычно совсѣмъ не удостоиваемые, какъ это ни странно, участія въ педагогическихъ собраніяхъ *), помощники инспектора, собственно говоря, даже неполноправные члены семинарской корпораціи. Вотъ объясненія, почему они только и думаютъ, какъ-бы перейти въ преподаватели. Недаромъ для этой должности установленъ двухлѣтній минимальный срокъ службы. О воспитательной роли надзирателей почти не можетъ быть и рѣчи. Эта должность такъ нищенски оплачивается и такъ неудовлетворительно поставлена въ служебномъ отношеніи, что занимаютъ ее кончившіе курсъ семинарій единственно за неимѣніемъ лучшаго, чтобы избавиться отъ военной службы и чтобы высмотрѣть исподволь приличное священническое мѣсто.

Преподаватели семинарій и училищъ, заваленные уроками или всегда готовые взять другое, лучше обезпеченное мѣсто, хотя-бы въ иномъ вѣдомствѣ,—только преподаватели. Въ уставѣ семинарій **) они, между прочимъ, и называются „обучающими“ и противополагаются въ этомъ смыслѣ „воспитывающимъ“. Правда, уставами духовно-учебныхъ заведеній они призываются содѣйствовать религіозно-нравственному воспитанію учащихся ***), но „не выходя изъ круга своихъ обязанностей“ ****), а послѣднія опредѣляются такъ *****), что въ существѣ дѣла почти (если не считать трудно

*) „Помощники инспектора“,—говорится въ § 55 дух. семинарій,—„въ случаяхъ надобности, приглашаются въ засѣданіе правленія семинаріи съ совѣщательнымъ голосомъ по части воспитанія“.

**) § 138.

***) §§ 138—139 устава семинарій; § 91 устава училищъ.

****) § 138 уст. семин.

*****) §§ 60—63 уст. семин.; §§ 64—67 уст. учил.

осуществимаго для педагоговъ-экстерновъ требованія вліять примѣромъ жизни) *) исключаютъ это воздѣйствіе. Не удивительно, что близкихъ, простирающихся за предѣлы класса, отношеній съ учениками, — единственнаго залога достаточно прочнаго личнаго вліянія на послѣднихъ,—у духовныхъ педагоговъ почти никогда не бываетъ. Правда, 32 § устава духовныхъ училищъ и 92 § устава духовныхъ семинарій, призывавшіе къ дѣятельному участію въ училищныхъ и семинарскихъ правленіяхъ лишь самое незначительное число преподавателей (согласно Высочайше утвержденному 1 іюля 1902 г. опредѣленію св. синода отъ 26 марта — 3 мая того-же года), измѣнены въ томъ смыслѣ, что въ составъ этихъ правленій, обязанныхъ имѣть засѣданія не менѣе раза въ мѣсяцъ, входятъ теперь, подъ предсѣдательствомъ ректора, инспекторъ и *весь* учительскій персоналъ.

Но эта необходимая реформа является только частичной и, какъ такая, не въ состояніи существенно улучшить воспитательное значеніе преподавателей духовно-учебныхъ заведеній. Она не въ состояніи даже устранить той розни между „воспитывающими", и „обучающими" которая иногда замѣчается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Есть въ семинаріи еще одна должность, учрежденная, по образцу католическихъ духовно-учебныхъ заведеній, спеціально для религіозно-нравственнаго воздѣйствія на семинаристовъ. Мы имѣемъ въ виду должность, такъ называемаго, „духовника". Но священникъ, занимающій ее, кромѣ отправленія службы въ семинарской церкви и исповѣди сравнительно немногихъ воспитанниковъ въ теченіе Великаго поста, а также преподаванія Закона Божія въ семинарской образцовой школѣ, обыкновенно ни въ какія отношенія со своими духовными дѣтьми не входитъ и никакого замѣтнаго вліянія никакъ, слѣдовательно, не имѣетъ.

Что касается средствъ, какими предполагается достигнуть цѣлей общаго и спеціально-духовнаго воспитанія, то въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ въ духовной школѣ ставится богослуженіе. Конечно, православно-христіанское богослуженіе имѣетъ въ виду и способно оказывать благотворное религіозно-нравственное вліяніе. Но conditio sine qua non этого вліянія—извѣстное душевное настроеніе, которое, даже при всемъ желаніи обладать имъ, дается не легко и не сразу. Между тѣмъ, иные воспитатели духовнаго юношества особенно изъ монашествующихъ, полагаютъ, будто въ данномъ случаѣ неукоснительное присутствованіе при богослуженіи, иногда съ намѣреніемъ

*) § 144 уст. семин.; § 92 уст. учил.

до крайности растягиваемомъ и удлинняемомъ, и точное исполненіе обрядовой внѣшности, составляетъ все. Разумѣется, будущіе пастыри должны еще на школьной скамьѣ отличаться особенной расположенностью къ церкви и ея обрядамъ. Но эта расположенность создается никакъ не предъявленіемъ упомянутыхъ формальныхъ требованій, ни тѣмъ менѣе однимъ строгимъ наблюденіемъ за исполненіемъ ихъ. На этой почвѣ скорѣе возможно возникновеніе у питомцевъ, съ одной стороны, религіозно-нравственнаго лицемѣрія и ханжества, съ другой—индифферентизма....

Кромѣ богослуженія, духовныя школы думаютъ воспитывать обучающихся христіанскимъ укладомъ, который стремятся придать всей жизни учебнаго заведенія. Послѣдняя задача, повидимому, облегчается существованіемъ почти при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства общежитій, вмѣщающихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное число воспитанниковъ школы. И вотъ, начальствующіе слѣдятъ, чтобы учащіеся соблюдали здѣсь всѣ установленныя для нихъ требованія христіанскаго благочестія и благоповеденія. Заботы не всегда оказываются напрасными: по внѣшности, особенно въ присутствіи начальства, иное учебное заведеніе дѣйствительно смотритъ „духовнымъ". Но одной внѣшности, хотя-бы тщательно соблюдаемой, еще недостаточно, особенно въ дѣлѣ религіи и нравственности. Здѣсь нужно прежде всего соотвѣтствующее внутреннее расположеніе, естественнымъ обнаруженіемъ котораго являлся-бы извѣстный внѣшній укладъ жизни *). И нѣтъ ничего труднѣе, какъ создать такое расположеніе. Для этого воспитателю, самому предварительно проникнувшись послѣднимъ, нужно всецѣло отдаться дѣлу воспитанія, жить одной жизнью со своими питомцами, въ самыхъ близкихъ, непосредственныхъ къ нимъ отношеніяхъ. Но къ такой дѣятельности наличныя педагогическія силы духовно-учебныхъ заведеній едва-ли достаточно подготовлены, да, по существу дѣла, онѣ и не призываются къ ней. Между тѣмъ, общежитія при духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, гдѣ собраны лица разныхъ возрастовъ и разныхъ религіозно-нравственныхъ навыковъ,—какъ и всякая толпа, лишенная постоянныхъ высокихъ духомъ руководителей,—сообщаютъ учебнымъ заведеніямъ, въ общемъ, не всегда надлежащее религіозно-нравственное направленіе.

Остается сказать еще объ одномъ изъ воспитательныхъ средствъ духовной школы.

---

*) „Высшей цѣлью религіозно-нравственнаго воспитанія должно быть то, чтобы исполненіе христіанскихъ обязанностей сдѣлалось истинною потребностью сердца воспитанниковъ",—справедливо говорится въ § 97 устава духовныхъ училищъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые только отрицательно относятся къ образованію, сообщаемому въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. На нашъ взглядъ, эти заведенія,—между прочимъ, и потому, что не особенно стѣсняютъ умственной самодѣятельности воспитанниковъ,—не только развиваютъ, но и даютъ извѣстный запасъ общеобразовательныхъ,—довольно, впрочемъ, одностороннихъ и скудныхъ,—а также спеціальныхъ свѣдѣній. Но мы убѣждены, что семинарская наука не оказываетъ и, по существу дѣла, не можетъ оказывать на изучающихъ ее достаточно сильнаго воспитательнаго дѣйствія. Какъ это ни странно, но наши духовные воспитанники и пастыри, говоря вообще, не знаютъ болѣе или менѣе удовлетворительно самыхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія. Весьма многіе изъ прошедшихъ среднюю духовную школу не только почти совсѣмъ незнакомы съ обширной святоотеческой литературой, но не прочли цѣликомъ даже Библіи. Съ христіанствомъ, его вѣроученіемъ и нравоученіемъ, они знакомы только черезъ посредство разныхъ учебниковъ, руководствъ и пособій. Но всѣ эти книги, какъ и всѣ почти произведенія нашей духовной науки, мало популярной даже среди духовныхъ воспитанниковъ и самого духовенства, возникли не подъ живымъ вліяніемъ непосредственнаго изученія источниковъ христіанской истины, а подъ болѣе или менѣе сильнымъ воздѣйствіемъ инославной богословской литературы *). Отъ этого они обыкновенно такъ безжизненны и скучны **), какъ безжизненъ и мертвъ тотъ „архаизующій“, якобы благочестивый, языкъ, къ которому духовная литература до сихъ еще поръ обнаруживаетъ замѣтное пристрастіе. Вдобавокъ къ этому, при назначеніи преподавателей среднихъ духовно-учебныхъ заведеній не обращается надлежащаго вниманія на ихъ научныя способности и симпатіи, и каждый кандидатъ академіи считается пригоднымъ для преподаванія любой изъ весьма многочисленныхъ наукъ академическаго курса, какъ-бы различны по существу онѣ ни были.

Въ концѣ-концовъ оказывается, что дѣло воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ находится далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ. И если это печальное обстоятельство тѣмъ не менѣе не даетъ себя знать въ столь сильной степени, какъ можно было-бы ожидать, то этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ, нашему народу. Только постоянное соприкосновеніе нашихъ духовныхъ воспитанни-

*) У насъ были и есть извѣстные ученые богословы. Но собственно богословская наука у насъ, можно сказать, только еще вырабатывается.

**) Что очень странно, по существу дѣла, особенно-же при сравненіи произведеній нашихъ духовныхъ писателей съ сочиненіями свѣтскихъ богослововъ, напр., А. С. Хомякова и Вл. С. Соловьева.

ковъ и пастырей съ мощной почвой простой, но крѣпкой народной вѣры и нравственности, а также уроки великой школы пастырской жизни, учащей вѣрить и любить, поддерживаютъ религіозно-нравственный уровень нашего духовнаго сословія.

Гдѣ-же исходъ? Что нужно, чтобы поставить дѣло воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на достаточную высоту?

Одни думали, что направленіе духовно-учебныхъ заведеній измѣнится въ желательную сторону, стоитъ только... облечь (въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ введенія полу-монастырскаго режима воспитанниковъ этихъ заведеній въ подрясники. Другіе мечтали достигнуть той-же цѣли, сдѣлавъ общеобразовательную программу семинарій непохожей на программу свѣтскихъ учебныхъ заведеній и всячески вообще затруднивъ семинаристамъ доступъ въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Правда, въ подрясники семинаристовъ не одѣли; напротивъ, въ послѣднее время имъ безъ особой нужды присвоили болѣе или менѣе щеголеватые и дорогіе мундиры. Но доступъ въ свѣтскія высшія школы имъ весьма затрудненъ. И что-же? Множество семинаристовъ (и, нужно сознаться, лучшихъ семинаристовъ), несмотря на всѣ препятствія, до сихъ поръ уходитъ въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Не мало и такихъ,—менѣе способныхъ или менѣе энергичныхъ,—которые, при всемъ желаніи оставить духовное сословіе, дѣлаются въ концѣ концовъ пастырями... не всегда по своей волѣ. Въ то-же время общій религіозно-нравственный уровень духовной школы, а съ ней и всего духовнаго сословія, повторяемъ, мало идетъ на повышеніе. „Обмірщеніе", въ видѣ несомнѣннаго общаго измѣненія быта въ сторону совсѣмъ не „духовную", прокралось уже въ нашу духовную среду... Очевидно, сама неумолимая жизнь учитъ искать другихъ средствъ для улучшенія дѣла воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Компетентные люди, при добромъ желаніи, найдутъ надлежащій выходъ изъ разсматриваемаго затрудненія. Мы же лично,—кромѣ устраненія указанныхъ выше отдѣльныхъ недостатковъ воспитательной системы духовно-учебныхъ заведеній,—видимъ этотъ выходъ, прежде всего и главнымъ образомъ, въ уничтоженіи ранней спеціализаціи, которая донынѣ преобладаетъ въ духовной школѣ. Если невозможно съ раннихъ лѣтъ опредѣлять призваніе человѣка даже въ отношеніи свѣтской карьеры, то еще менѣе это возможно относительно духовнаго званія—утвержденіе, не нуждающееся въ доказательствахъ! Говоря иначе, средней духовной школы, по настоящему, не должно бы существовать. Пусть это будетъ школа духовнаго вѣдомства, пусть она имѣетъ даже свои отличительныя особенности въ программахъ и методахъ преподаванія, равно какъ въ средствахъ воспита-

нія; но пусть она будетъ *общеобразовательной* школой, открывающей своимъ воспитанникамъ доступъ въ высшія учебныя заведенія какъ духовнаго, такъ и свѣтскихъ вѣдомствъ. Что касается общаго богословскаго и спеціально пастырскаго образованія, то для доставленія его нужно было-бы учредить двухъ-трехъ-классныя школы соотвѣтствующія старшимъ классамъ теперешнихъ семинарій или лучше сказать, семинарій по уставу 1867 г. Высшее-же богословское образованіе попрежнему могли-бы сообщать духовныя академіи или богословскіе факультеты университетовъ, которыми давно-бы слѣдовало замѣнить послѣднія *). Конечно, съ осуществленіемъ такой реформы среднихъ духовно-учебныхъ заведеній въ упомянутыя двухъ-трехъ-классныя богословскія школы и духовныя академіи (или на богословскіе факультеты) придется открыть свободный доступъ воспитанникамъ среднихъ школъ изъ всѣхъ сословій. Но этого доступа, поскольку онъ откроетъ притокъ живыхъ силъ въ духовное сословіе и разрушитъ его мертвенный, кастовый характеръ, и нельзя не желать, тѣмъ болѣе, что главный контингентъ воспитанниковъ въ духовныхъ школахъ (какъ видно на примѣрѣ протестантскихъ странъ) всегда будетъ состоять изъ дѣтей духовенства. Когда-же, такимъ образомъ, въ духовно-учебныя заведенія будутъ итти только призванные къ изученію богословія и прохожденію пастырства, сама собой жизнь этихъ школъ приметъ тотъ воспитывающій православно-христіанскій складъ, который нынѣ всѣми мѣрами только пытаются сообщить ей. Сами собой явятся тогда и настоящіе „духовные" начальники и преподаватели, прочно привязанные къ *своей* школѣ и при достаточной свободѣ дѣятельности, способные общей работой надъ нимъ высоко поставить въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ учебно-воспитательное дѣло. Можетъ быть,—разумѣется, при устраненіи и нѣкоторыхъ другихъ неблагопріятныхъ условій, о которыхъ здѣсь не у мѣста распространяться,—оживетъ тогда и пріобрѣтетъ достаточно сильное воспитательное вліяніе и наша духовная наука: призванные богословы и пастыри не могутъ не обратиться къ непосредственному изученію источниковъ христіанской вѣры и нравственности.

К.

---

*) Въ виду того, что даже нынѣшніе старшіе классы духовныхъ семинарій представляютъ, въ сущности, низшій концентръ духовныхъ академій можно было-бы принимать въ послѣднія (или на богословскіе факультеты университетовъ) прямо изъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ обязательствомъ, въ случаѣ принятія священства, доказать или получить въ богословско-пастырской школѣ соотвѣтствующую практическую подготовку.

О педагогическихъ съѣздахъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній.

Давно уже вошло въ обычай обсуждать и рѣшать многіе вопросы на съѣздахъ, по пословицѣ: „умъ—хорошо, а два—лучше". Поэтому бываютъ съѣзды дѣятелей по всевозможнымъ спеціальностямъ: есть съѣзды мукомоловъ, горнозаводчиковъ, сахарозаводчиковъ, и проч.; въ сферѣ ученой чаще всего практикуются съѣзды естествоиспытателей и врачей, археологовъ, техниковъ; въ средѣ учебной ежегодно собираются учителя сельскихъ школъ, даютъ практическіе уроки и вообще пополняютъ свое педагогическое образованіе; былъ съѣздъ учителей городскихъ училищъ Московскаго учебнаго округа. Только что-то не слышно о съѣздахъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, если не считать единственнаго, происходившаго года два тому назадъ тоже въ Москвѣ, съѣзда преподавателей физики. А между тѣмъ преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній обмѣняться мыслями было-бы своевременно, въ особенности теперь, когда послѣднія реформируются, измѣняются ихъ программы по существующимъ предметамъ, вводятся новые предметы. Да и помимо этого, съѣзды необходимы по разнымъ причинамъ.

Прежде всего они необходимы для педагогическаго самообразованія преподавателей. Въ настоящее время только преподаватели изъ воспитанниковъ историко-филологическихъ институтовъ имѣютъ нѣкоторое педагогическое образованіе; воспитанники-же университетовъ,—а таковыхъ въ средѣ преподавателей большинство—именно всѣ математики и естественники, а также всѣ преподаватели новыхъ языковъ—не имѣютъ даже и того minimum'а, которымъ обладаютъ воспитанники институтовъ. Не имѣя достаточнаго педагогическаго образованія, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній мало и заботятся о его пополненіи. Обыкновенно вновь назначенный преподаватель старается прежде всего пополнить свои научныя познанія: знакомясь съ разнаго рода учебными пособіями, онъ освоивается съ матеріаломъ—а затѣмъ на этомъ и кончаетъ, считая свое дѣло сдѣлан-

нымъ; ни въ методику онъ не заглянетъ, ни съ педагогикой и дидактикой не познакомится, а преподаетъ или какъ Богъ на душу положитъ, или подражая тѣмъ примѣрамъ, которые онъ самъ видѣлъ, когда учился въ гимназіи. Отсюда является косность, рутина, замѣчаемая особенно на преподавателяхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вотъ противъ этого-то зла и могли-бы помочь съѣзды. На нихъ всякій можетъ познакомиться, какими пособіями и методами пользуется тотъ или другой преподаватель; узнать сравнительныя ихъ достоинства или недостатки; войти въ живой и непосредственный обмѣнъ мыслями, который иногда полезнѣе цѣлаго прочитаннаго реферата или курса педагогики; при этомъ обмѣнѣ сами собою могутъ возникнуть споры, явятся мнѣнія pro и contra; самыя непригодныя, повидимому, мнѣнія иногда будутъ полезны въ томъ отношеніи, что могутъ натолкнуть на правильное рѣшеніе. Съ этой стороны съѣзды безусловно полезны для преподавателей всѣхъ предметовъ: они будутъ полезны для преподавателей новыхъ языковъ, потому что изъ всѣхъ преподавателей средней школы они самые неподготовленные къ преподаванію; они болѣе всѣхъ преподавателей находятся въ безнадежномъ отдаленіи отъ всякихъ методикъ и дидактикъ, а потому и въ безпомощномъ положеніи при преподаваніи своихъ предметовъ. Помимо всего этого, въ преподаваніи новыхъ языковъ съ недавняго времени выдвинутъ вопросъ о натуральномъ методѣ: на съѣздѣ преподавателей спеціалистовъ лучше было-бы опредѣлить, насколько этотъ методъ пригоденъ; слѣдуетъ-ли имъ однимъ пользоваться, или въ соединеніи съ прежнимъ грамматическимъ—все это вопросы животрепещущіе, вопросы важные, такъ какъ по количеству часовъ новые языки теперь занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ средней школѣ. Преподавателямъ естествовѣдѣнія и отечествовѣдѣнія не лишне было-бы побесѣдовать между собою о томъ, какъ вести дѣло преподаванія, такъ какъ эти предметы—новые въ системѣ гимназическаго курса, а по послѣднему предмету Министерствомъ даже не выработано и программы. Помимо того, при преподаваніи естествовѣдѣнія и отечествовѣдѣнія, а равно и географіи съ исторіей полезно было-бы опредѣлить значеніе для наглядности туманныхъ картинъ. Преподаватели русскаго языка и словесности имѣютъ такую массу нерѣшенныхъ вопросовъ, что о пользѣ съѣздовъ для нихъ излишне и говорить; всѣ преподаватели вообще на съѣздахъ могли-бы опредѣлить maximum и minimum того, что слѣдуетъ дать ученикамъ, т. е. составить программу гимназическаго курса. Помимо методовъ преподаванія, на съѣздахъ могли-бы возникать и рѣшаться вопросы о пригодности и сравнительномъ достоинствѣ тѣхъ или другихъ учебниковъ: могутъ обсуждаться существующіе учебники, оцѣ-

ниваться ихъ сравнительныя достоинства и недостатки, и рѣшенія сообща спеціалистовъ - практиковъ, полагаемъ, будутъ вѣрнѣе опредѣлять истинное достоинство учебниковъ. Вообще, всѣхъ вопросовъ, которые могли-бы быть предложены и разрѣшены на съѣздахъ, и не перечесть. Но, кромѣ пользы въ педагогическомъ отношеніи, мы ждемъ отъ этихъ съѣздовъ пользы и въ другихъ отношеніяхъ. Періодическія собранія педагоговъ естественно внесутъ въ ихъ среду освѣжающую струю, благодаря возможности обмѣняться мыслями съ товарищами по профессіи и посѣщеніямъ другого города—большого умственнаго центра. Наконецъ, эти съѣзды разовьютъ солидарность между преподавателями, сознаніе принадлежности ихъ къ извѣстной корпораціи, между тѣмъ какъ теперь у преподавателей нѣтъ этой солидарности, каждый чувствуетъ себя одинокимъ и дѣлаетъ свое дѣло особнякомъ. Возможность дѣлиться своими мыслями и наблюденіями съ товарищами по профессіи вызоветъ, безъ сомнѣнія, у многихъ желаніе изложить свои мысли на бумагѣ; а это заставитъ будущаго референта поработать, порыться въ книгахъ, почитать и поучиться; этимъ возбудится и поддержится интересъ къ наукѣ, что можетъ отвлечь его отъ засасывающей тины провинціальной жизни, въ которой преобладаютъ интересы винта и преферанса, и сообщить возвышенное направленіе его дѣятельности и даже направить его къ дѣятельности литературно-педагогической,—а это уже сама по себѣ важная заслуга съѣздовъ.

Говоря о необходимости съѣздовъ для преподавателей, не можемъ умолчать о необходимости ихъ также и для директоровъ, у которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются разнообразныя затрудненія какъ по педагогической, такъ и по административно-хозяйственной частямъ. Но, кромѣ обыденныхъ недоразумѣній, могутъ быть недоразумѣнія особенныя, вызываемыя неустойчивостью и перемѣнами въ самой школьной машинѣ. Вотъ тутъ-то особенно умѣстна помощь опытнаго начальника, тутъ-то особенно необходимы личныя указанія ближайшаго начальства, конечно, болѣе освѣдомленнаго насчетъ предначертаній высшаго начальства. Къ чему итти? Къ чему стремиться? Какая цѣль тѣхъ или другихъ мѣропріятій?—Всѣ эти и подобные вопросы могутъ быть разрѣшены скорѣе при личномъ свиданіи, чѣмъ посредствомъ циркуляровъ и предписаній. Вотъ въ такіе-то критическіе моменты съѣзды директоровъ были-бы крайне желательны.

Переходя затѣмъ къ технической сторонѣ дѣла, къ вопросу о наилучшемъ устройствѣ съѣздовъ, мы прежде всего должны опредѣлить время и мѣсто съѣздовъ, ихъ продолжительность и средства для нихъ. Самымъ удобнымъ временемъ для съѣздовъ намъ пред-

ставляются лѣтнія каникулы, когда преподаватели бываютъ свободны на цѣлыхъ два мѣсяца, значитъ, они менѣе могутъ стѣсняться временемъ; если съѣздъ затянется на 2—4 дня лишнихъ, то это существеннаго значенія ни для кого имѣть не можетъ, между тѣмъ, какъ на рождественскія каникулы ни однимъ лишнимъ днемъ для съѣздовъ пожертвовать нельзя безъ ущерба для классныхъ занятій; да въ лѣтнее время и способы передвиженія для членовъ съѣзда удобнѣе. Съѣзды должны собираться въ городѣ, гдѣ помѣщается окружное управленіе, какъ центральномъ для извѣстнаго района; въ немъ обыкновенно находится и большее количество учебныхъ заведеній, а слѣдовательно, и преподавателей. Такъ какъ большинство окружныхъ городовъ въ то-же время и университетскіе, то и это имѣетъ немаловажное значеніе: въ нихъ больше средствъ для самообразованія—въ нихъ музеи, библіотеки—все это можетъ быть предметомъ обозрѣнія для собравшихся педагоговъ; а общеніе съ лицами профессорскаго персонала можетъ еще больше содѣйствовать возбужденію научнаго интереса въ учительскомъ персоналѣ средней школы.

Продолжительность съѣздовъ опредѣлить трудно; это, конечно, будетъ зависѣть отъ количества матеріала, который будетъ представленъ на съѣздъ, но во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ недѣль, чтобы не слишкомъ много отнимать времени, назначеннаго для отдыха преподавателямъ послѣ ихъ напряженной годичной работы. По каждой спеціальности съѣзды должны быть назначаемы не позже, какъ черезъ 3—4 года. Наконецъ, средства для съѣздовъ могло-бы дать Министерство Просвѣщенія: вѣдь, оно прежде всего должно быть заинтересовано въ лучшей постановкѣ дѣла въ подвѣдомственныхъ ему среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ крайнемъ случаѣ можно было-бы лицамъ, командированнымъ на съѣзды, выдавать пособія изъ спеціальныхъ средствъ гимназій: при нынѣшнихъ сравнительныхъ удобствахъ путей сообщенія, при незначительной продолжительности съѣздовъ самыя выдачи могутъ быть не особенно велики, а потому и не обременительны для учебныхъ заведеній, но зато будутъ вполнѣ окупаться тою пользой, которую можно ожидать отъ съѣздовъ для школьнаго дѣла.

Ив. Тихомировъ.

О самообразованіи народнаго учителя *).

По матеріаламъ I Съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи **).

„Учитель учитъ до тѣхъ поръ пока самъ учится. Кто бросилъ ученье, пересталъ образовываться, тотъ не можетъ образовывать другихъ“.

„Безъ чувствъ и стремленій къ дальнѣйшему образованію въ человѣкѣ умираетъ учитель“.

Дистервегъ.

На минувшихъ рождественскихъ вакаціяхъ въ Москвѣ состоялся первый Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. Съѣздъ этотъ имѣлъ цѣлью разработку, обсужденіе и разрѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, имѣющихъ мѣсто въ жизни народнаго учителя. Различаясь своимъ содержаніемъ и значеніемъ въ жизни учителя, они въ различной степени должны были привлечь и вниманіе членовъ Съѣзда; поэтому неудивительно, что съ первыхъ-же дней занятій Съѣзда выдвинулось нѣсколько наиболѣе жгучихъ вопросовъ, около которыхъ и сконцентрировалось, главнымъ образомъ, вниманіе участниковъ Съѣзда. Такими вопросами явились: правовое положеніе

*) Докладъ, прочитанный 10 апрѣля 1903 г. въ Собраніи членовъ Общества взаимнаго вспоможенія бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Учительскаго Института.

**) Во избѣжаніе повторенія указаній приводимъ списокъ докладовъ Съѣзда, которые мы цитируемъ въ своей статьѣ:—„Условія духовной жизни народнаго учителя въ связи съ расширеніемъ дѣятельности учительскихъ обществъ взаимопомощи“ М. Лопатнева, „О дополненіи нормальнаго устава учительскихъ обществъ взаимопомощи параграфами, допускающими взаимопомощь учащихъ въ удовлетвореніи ихъ духовныхъ нуждъ“ С. Акрымовскаго, „О педагогическомъ музеѣ“ Р. Бурмистровой, „По вопросу о самообразованіи учащихъ“ В. Евтѣева, „Основные вопросы учительскаго быта“ Н. Тулупова, „О поѣздкахъ учащихъ съ образовательными цѣлями“ Филимонова, „Умственные запросы народнаго учителя и ихъ удовлетвореніе“ Э. Вахтеровой.

народнаго учителя, объединеніе учителей и самообразованіе учащихъ.

Настоящее сообщеніе имѣетъ цѣлью выяснить, какъ ставился и разрѣшался въ засѣданіяхъ Съѣзда третій вопросъ.

Улучшеніе матеріальнаго быта народныхъ учителей сравнительно давно занимаетъ дѣятелей по народному образованію. Гораздо меньше удѣлялось и удѣляется вниманія духовнымъ нуждамъ тѣхъ-же учителей, и въ частности очень мало до настоящаго времени выяснено и сдѣлано для доставленія народнымъ учителямъ средствъ для самообразованія. Мало того. Есть люди, стоящіе въ сферѣ интересовъ народнаго образованія, для которыхъ вопроса о самообразованіи учащихъ даже не существуетъ: они не видятъ въ современномъ учителѣ порывовъ къ самообразованію, а если и наблюдаютъ иногда отдѣльные, по ихъ словамъ, крайне рѣдкіе случаи, то видятъ въ нихъ только минусъ въ личности учителя: хорошему учителю, по ихъ мнѣнію, заниматься самообразованіемъ некогда. Московскій Съѣздъ своими трудами далъ горячую отповѣдь этимъ господамъ, доказавъ недостаточность ихъ наблюденій и узость, ограниченность ихъ въ ихъ представленіяхъ о личности учителя и задачахъ его дѣятельности. Если суммировать все то, что говорилось на Съѣздѣ по нашему вопросу, то получится опредѣленно выраженное ретивое стремленіе народнаго учителя къ самообразованію, сильный ропотъ, полный сдержаннаго благороднаго негодованія, на то отгораживаніе, благодаря которому народный учитель удаляется отъ источниковъ знанія, и добрая вѣра въ болѣе или менѣе отдаленную возможность пробить себѣ пути къ знанію.

Впрочемъ, что-нибудь другое трудно было и ждать отъ Московскаго Съѣзда. Всѣмъ, хотя сколько нибудь интересующимся умственнымъ ростомъ нашего общества за послѣдніе годы, извѣстно, какъ велика потребность въ самообразованіи среди нашей интеллигентной публики; нашъ народный учитель не является печальнымъ исключеніемъ изъ этой массы; наоборотъ, есть цѣлый рядъ причинъ, свойственныхъ только его положенію, его профессіи, настойчиво толкающихъ его къ самообразованію.

Онъ стремится къ самообразованію, потому что сознаетъ недостаточность знаній, полученныхъ въ учительской семинаріи какъ по общеобразовательнымъ, такъ и по спеціальнымъ предметамъ. Программы правительственныхъ семинарій сложились въ 70-хъ годахъ, когда главной и почти единственной цѣлью школы считалась грамотность; согласно этому главной цѣлью учебныхъ занятій семинарій была поставлена техника учительскаго дѣла; общеобразовательная цѣль отодвинута на второй планъ, и не только отодвинута, но

почти и совсѣмъ вытравлена. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ характеристику программъ преподаванія въ семинаріяхъ и ихъ принциповъ по даннымъ „Сборника постановленій и распоряженій по учительскому институту, учительскимъ семинаріямъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ Московскаго учебнаго округа".— Объяснительная записка, сопровождающая программу курса географіи, говоритъ, напримѣръ, слѣдующее:—Воспитанники изъ всего курса географіи должны вынести полное убѣжденіе, что всякій русскій, какого-бы онъ ни былъ званія и состоянія, можетъ найти въ своемъ отечествѣ совершенное удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. Русскому человѣку нѣтъ надобности, напримѣръ, искать богатствъ въ чужихъ краяхъ, нужно только приложить руки къ тѣмъ кладамъ, которые хранятся въ нѣдрахъ Россіи. Такое убѣжденіе вызоветъ у молодыхъ людей сознательную любовь къ своей родинѣ. По исторіи требуется останавливать большое вниманіе (напримѣръ) на княженіи Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха; исторія-же княжескихъ усобицъ проходится, не вдаваясь въ подробности; исторію Новгородской земли должно пройти безъ подробностей; требуется указать, что всѣ области, присоединенныя (отъ Польши) къ Россіи (въ царствованіе Императрицы Екатерины II) издавна принадлежали ей и имѣли почти сплошь русское населеніе, отошедши къ Литвѣ и затѣмъ Польшѣ въ періодъ тяжелыхъ испытаній и бѣдствій для Россіи, и т. д. Въ исторіи словесности сообщаются только краткія свѣдѣнія: знакомство съ русской литературой заканчивается Гоголемъ и Кольцовымъ; вся литература послѣдней половины столѣтія остается для воспитанниковъ семинаріи неизвѣстной. Наставникъ естествознанія, по словамъ записки, долженъ пользоваться всякимъ случаемъ, при которомъ онъ можетъ возбудить въ воспитанникахъ чувство религіозное, нравственное и эстетическое.

Основное требованіе дѣйствительнаго образованія—развитіе самостоятельности мышленія, судя по Инструкціи для учительскихъ семинарій, совершенно оставляется въ сторонѣ. При обученіи почти каждому предмету преслѣдуются цѣли постороннія, суживающія научный интересъ предмета. На первый планъ ставится не общая образовательная подготовка будущихъ дѣятелей по просвѣщенію народа, а выработка изъ нихъ лицъ съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, замкнутымъ въ строго очерченномъ, до мельчайшихъ подробностей предопредѣленномъ кругу. Очевидно, что при такой односторонности и узкости, бывшій воспитанникъ семинаріи, съ большимъ успѣхомъ прошедшій курсъ ея, во многихъ случаяхъ долженъ оказаться не соотвѣтствующимъ своему отвѣтственному посту; ему не подъ силу разобраться въ сложныхъ вопросахъ, отъ удовлетворитель-

наго рѣшенія которыхъ часто зависитъ успѣхъ преподаванія; отъ него нельзя ждать умѣлаго отношенія къ разнообразнымъ индивидуальностямъ учащихся—индивидуальностямъ, подчасъ не укладывающимся въ готовыя намѣченныя рамки. Усердному бывшему семинаристу не достаетъ общаго развитія, не достаетъ сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ и условіямъ, и, вслѣдствіе этого, во многихъ мѣстахъ вызываются въ значительной мѣрѣ основательныя жалобы на непригодность воспитанниковъ учительскихъ семинарій для роли учителя" *). Признавая это, какъ-же учителю не стремиться къ самообразованію? И какъ можно не сочувствовать этому стремленію?

Учитель стремится къ самообразованію, потому что онъ не желаетъ быть застывшимъ рутинеромъ, потому что онъ желаетъ стоять всегда въ курсѣ современной науки воспитанія и обученія; онъ знаетъ, что дѣло школы есть дѣло живое, развивающееся, которое развиваться и совершенствоваться можетъ лишь тогда, когда развивается и совершенствуется онъ, учитель.

Учитель стремится къ самообразованію, потому что онъ знаетъ громадное воспитывающее вліяніе развитой личности, въ данномъ случаѣ, личности учителя. Приведемъ относящіяся сюда слова К. Д. Ушинскаго: „Главнымъ учебно-воспитательнымъ факторомъ школы служитъ учитель; онъ въ самомъ себѣ заключаетъ почти всю возможность успѣховъ воспитанія и обученія. Вліяніе его личности можетъ быть громадно, *но*"... Ту-же мысль, въ образной передачѣ В. П. Вахтерова, съ тѣмъ же *но* мы слышали и на съѣздѣ. „Педагогика—это искусство, учитель это—художникъ, школа—художественная студія", „если учитель—художникъ, то это такой художникъ, который воспитываетъ дѣтей по своему образу и подобію. Онъ самъ служитъ для нихъ нагляднымъ пособіемъ, и при томъ наиболѣе важнымъ нагляднымъ пособіемъ. *Но* для этого надо, чтобы учитель самъ чувствовалъ себя образованнымъ и развитымъ человѣкомъ"...

Учитель стремится къ самообразованію, потому что полученная подготовка даетъ ему возможность быть только школьнымъ учителемъ, а не народнымъ, а между тѣмъ онъ желаетъ быть именно народнымъ учителемъ: живя въ средѣ умственно мало развитой, онъ считаетъ себя призваннымъ не только учить, но и удовлетворять и пробуждать умственные запросы въ деревнѣ.

Наконецъ, учитель долженъ стремиться и стремится къ самообразованію потому, что въ удовлетвореніи этого стремленія кроется главная гарантія его бодраго отношенія къ дѣлу. Лишенный средствъ

*) „Народный учитель въ Россіи" Л. Н. Блинова.

самообразованія, учитель постоянно рискуетъ остановиться въ своемъ развитіи, потерять интересъ къ своему дѣлу и обратиться, въ лучшемъ случаѣ, въ спокойнаго ремесленника. Но возможенъ и другой исходъ. Совершенно лишенный средствъ образованія и общества людей, которымъ были-бы близки интересы его дѣла, учитель можетъ проникнуться мрачными мыслями даже и насчетъ полезности своего дѣла. А „что можетъ быть трагичнѣе такого положенія, когда у человѣка, жившаго въ глуши, часто въ голодѣ и холодѣ, положившаго на дѣло всю свою жизнь, молодость, здоровье, энергію, а иногда и личную семейную жизнь, не осталось и послѣдняго утѣшенія—вѣры въ полезность своего дѣла"?

Таковы тѣ соображенія, которыя заставляютъ нашу 200.000 армію народныхъ учителей настойчиво стремиться къ самообразованію. Они просятъ,—они имѣютъ право требовать,—помочь имъ въ этомъ, не ради ихъ личныхъ интересовъ, а ради ихъ дѣла, ради нашего многомилліоннаго народа, просвѣщеніе котораго отдано въ ихъ руки. Отрицаніе необходимости самообразованія народныхъ учителей, непризнаваніе за ними права на помощь имъ въ этомъ дѣлѣ граничатъ съ отрицаніемъ просвѣщенія народа.

Что-же сдѣлано, чтобы помочь учителю въ удовлетвореніи его духовныхъ запросовъ? Очень мало, почти ничего. Передъ нами докладъ г-жи Вахтеровой—„Умственные запросы народнаго учителя и ихъ удовлетвореніе", прочитанный на съѣздѣ и напечатанный въ январьской и февральской книжкахъ „Русской Школы" за текущій годъ. Авторъ доклада собралъ массу живого матеріала, устанавливающаго приведенное нами рѣшеніе вопроса. Изъ этого доклада мы видимъ, что не только иногда,—это *иногда*, впрочемъ, повторяется довольно часто,—не помогаютъ учителю въ удовлетвореніи его стремленія къ самообразованію, но даже препятствуютъ ему, не допуская до него источниковъ знанія. Приведемъ нѣсколько данныхъ изъ этого доклада. Однимъ изъ ближайшихъ средствъ къ пополненію знаній учителей являются учительскія библіотеки при школахъ; они, какъ извѣстно, „заключаютъ въ себѣ книги по тремъ каталогамъ: а) по каталогу для низшихъ начальныхъ школъ, в) по каталогу для среднихъ учебныхъ заведеній и с) по каталогу для народныхъ библіотекъ-читаленъ. Всѣ три вмѣстѣ взятые каталога не могутъ удовлетворить мало-мальски развитого учителя ни въ своихъ педагогическихъ, ни въ своихъ общихъ отдѣлахъ". Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на выясненіи неудовлетворительности списка книгъ, допущенныхъ въ учительскія библіотеки; но и сильно ограниченныя въ своемъ содержаніи учительскія при-школьныя библіотеки чуть-ли не являются миѳомъ. Вотъ нѣкоторыя относящіяся

сюда иллюстраціи. „Въ Курской губ. въ 98—99 г. зарегистрованы въ учительскихъ библіотекахъ при школахъ среднимъ числомъ на одну школу 28, 6 книгъ“. „Въ Орловской губ. въ 94 г. книгъ въ учительскихъ библіотекахъ считалось 8,1 названій, въ Тульскихъ въ 96—97 г. на учительскую библіотеку приходилось по 6 экземпляровъ“. Во многихъ школахъ совсѣмъ нѣтъ библіотекъ. Такъ, „въ Псковской губ., по отчету 99 г., во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Псковскаго, учительскія библіотеки при школахъ—явленіе рѣдкое и случайное“.

Изъ Владимірской губ. сообщаютъ, что въ 149 школахъ изъ 166 учительскихъ библіотекъ нѣтъ, и т. д. и т. д. „Профессоръ Миклашевскій, работавшій въ 1897 г. надъ 3.826 учительскими отвѣтами Комитету грамотности, пишетъ: въ 2.103 отвѣтахъ учащихъ, полученныхъ изъ 24 губерній, отсутствіе библіотеки отмѣчено въ 1.350 случаяхъ, и при этомъ за библіотеку приходилось считать собраніе десятка книгъ самаго разнохарактернаго состава и случайнаго подбора“.

Что касается учительскихъ библіотекъ внѣ школъ, то положеніе ихъ крайне неопредѣленно. „Вопросъ о правѣ учителя читать тѣ-же книги, какія читаетъ любой обыватель, представляется какимъ-то абсурдомъ, а между тѣмъ такой вопросъ существуетъ, обсуждается, нерѣдко рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ“. Вотъ въ г. Чудиновѣ открывается центральная библіотека для учащихъ города и окрестныхъ селъ, но для пользованія ея книгами, оказалось необходимо имѣть какія-то „законныя основанія“, которыхъ не признано у учащихъ окрестныхъ селъ. Вотъ Самарское уѣздное земство возбуждаетъ въ 1882 г. ходатайство объ устройствѣ учительской библіотеки при Управѣ и черезъ $1^1/_2$ года извѣщается объ отклоненіи ходатайства на томъ основаніи, что вопросъ о центральныхъ учительскихъ библіотекахъ намѣчался быть разсмотрѣннымъ въ Министерствѣ, чего не сдѣлано, кажется, и до сего дня. Существующія центральныя учительскія библіотеки дѣйствуютъ—однѣ на основаніи общаго устава о цензурѣ, другія дѣйствуютъ на основаніи указаній и распоряженій учебной власти, не всегда и вездѣ одинаковыхъ и почти всегда и вездѣ стѣснительныхъ; такъ, напримѣръ, въ Корочанской учительской земской библіотекѣ поставлено условіемъ, чтобы книги въ нее пріобрѣтались съ разрѣшенія мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ изъ числа одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, при чемъ завѣдываніе библіотекой поручается лицу по выбору Учебнаго Округа, а наблюденіе—инспектору совмѣстно съ мѣстнымъ священникомъ. Между тѣмъ еще „въ 1898 г. Правительствующій Сенатъ совершенно опредѣленно высказался за

полное право земствъ устраивать для учителей библіотеки на общецензурныхъ основаніяхъ". Размѣры статьи не позволяютъ намъ привести цѣлаго ряда странныхъ, несогласныхъ съ вышеотмѣченнымъ мнѣніемъ Сената, рѣшеній, удаляющихъ книгу отъ народнаго учителя.

Переходимъ къ само- и взаимо-помощи учителей въ дѣлѣ самообразованія. Скудость вознагражденія, получаемаго учителями, уже намъ впередъ можетъ сказать, что врядъ-ли можно разсчитывать, какъ на средство самообразованія, на самостоятельную выписку учителями книгъ, журналовъ, газетъ. Данныя, приводимыя г-жей Вахтеровой, не только подтверждаютъ эту догадку, но и даютъ нѣчто большее. Они говорятъ о сотняхъ, о тысячахъ духовно голодающихъ и, можетъ быть, чахнущихъ людей. Вотъ нѣсколько изъ этихъ данныхъ. „Изъ 480 учащихъ Московской губ. 112 не выписываютъ ни газетъ, ни журналовъ, а 38, кромѣ того, сообщаютъ, что, не выписывая ни журналовъ, ни газетъ, и не имѣя собственныхъ книгъ, они не читаютъ никогда ничего".

„Изъ числа 604 школъ Тамбовской губ... 109 учащихъ заявляютъ, что они ни откуда книгъ не получаютъ. Періодическихъ изданій не выписываютъ 467 (изъ 649)". Г. Н. А., руководившій курсами въ 6 пунктахъ, на вопросъ о самостоятельной выпискѣ книгъ и газетъ изъ 602 отвѣтовъ получилъ 600 отрицательныхъ. „Въ отчетѣ Новгородскаго съѣзда за 1883 г. говорится: учителя сидятъ въ своихъ захолустьяхъ, не только не читая педагогическихъ и новыхъ журналовъ и книгъ, но даже не имѣя иногда возможности знать, какіе журналы, а тѣмъ болѣе педагогическія книги появляются на свѣтъ". Отвѣты и корреспонденціи отдѣльныхъ учителей по трактуемому вопросу нерѣдко являются воплемъ наболѣвшей, изголодавшейся души, и этотъ вопль несется съ разныхъ концовъ Россіи. Есть лица и учрежденія, для которыхъ дорогъ учитель съ его просвѣтительной дѣятельностью, которыя имѣютъ средства и готовы пожертвовать ими съ цѣлью помочь народному учителю; но при осуществленіи своего желанія они встрѣчаютъ такія независящія отъ нихъ препятствія, что оказываются вынужденными отказаться отъ своихъ пожеланій, подсказанныхъ добрымъ сердцемъ и развитымъ умомъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе возникли и быстро распространились учительскія общества взаимопомощи (теперь ихъ около 70); во многихъ изъ нихъ возникла мысль о включеніи въ число задачъ обществъ—пополненія знаній учащихъ, и въ уставы нѣкоторыхъ обществъ соотвѣтствующій параграфъ проникъ, но въ 1894 г. издается нормальный уставъ обществъ, лишенный этого параграфа, и ходатайства позднѣйшихъ обществъ о включеніи этого параграфа терпятъ

неудачу, мало того, онъ исключается изъ тѣхъ уставовъ обществъ, въ которыхъ онъ былъ (Казанское).

Мы могли-бы, но краткость сообщенія не позволяетъ это сдѣлать, привести цѣлый рядъ фактовъ, отмѣчающихъ, что самыя скромныя попытки учителей удовлетворить свои духовныя потребности, встрѣчали тупое, иногда незаконное, обидное для человѣческой личности учителя, препятствіе; чтобы понять, до какихъ предѣловъ доходитъ въ этомъ отношеніи опека надъ личностью учителя, припомнимъ хотя-бы въ свое время оглашенное въ печати запрещеніе учащимъ въ Архангельской губ. съѣзжаться почитать вмѣстѣ, отдохнуть отъ недѣльной работы, на томъ основаніи, что „что закономъ не разрѣшено, то запрещено". Трудно представить себѣ человѣка другой профессіи, задачи дѣятельности и условія положенія котораго такъ-бы исключали другъ друга, какъ у народнаго учителя; существующее взаимоотношеніе того и другого представляетъ изъ себя какую-то чудовищную несуразность: учитель, призванный быть проводникомъ книги въ народъ, самъ лишенъ книги; учитель, которому довѣрено самое дорогое достояніе государства, подрастающее поколѣніе, по недовѣрію лишается права, принадлежащаго всѣмъ хотя сколько-нибудь свободнымъ людямъ—права домашнихъ собраній другъ съ другомъ въ цѣляхъ удовлетворенія элементарной духовной человѣческой потребности—потребности въ обществѣ себѣ подобныхъ. „Надо-бы хуже, да нельзя"—вотъ во что отлилось сознаніе одного учителя по отношенію къ вопросу объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей народнаго учителя въ настоящее время.

Изложенное даетъ возможность понять, почему вопросъ о самообразованіи привлекъ къ себѣ особенное вниманіе участниковъ съѣзда, что выразилось въ сравнительно большемъ количествѣ докладовъ на эту тему и въ многолюдности засѣданій III секціи.

III секція, пользуясь представленными докладами, намѣтила и высказалась по поводу слѣдующихъ формъ помощи самообразованію учителей: педагогическихъ и общеобразовательныхъ курсовъ, учительскихъ съѣздовъ и собраній, библіотекъ, музеевъ, экскурсій.

Общеобразовательные и педагогическіе курсы, учительскіе собранія и съѣзды. Учитель прежде всего долженъ имѣть солидныя знанія по общеобразовательнымъ предметамъ: только при этомъ условіи онъ можетъ быть значительной культурной силой деревни, вліяющей на умственное и нравственное развитіе народа. Но какъ для жизни тѣла необходимъ постоянный притокъ свѣжихъ питательныхъ матеріаловъ, такъ и для жизни ума необходимъ постоянный притокъ знаній, и преимущественно образовательнаго характера: профессіональная выучка не трудна: человѣкъ съ „хорошимъ общимъ

образованіемъ, съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, легко овладѣваетъ учительской техникой самостоятельно, а, наоборотъ, съ одной учительской техникой далеко не уѣдешь" *). Вотъ почему учителя ищутъ знаній преимущественно общеобразовательнаго характера. „Если-бы", пишетъ одинъ учитель, „на опытъ земство устроило курсы по однимъ общеобразовательнымъ предметамъ, то наврядъ-ли хоть одинъ учитель губерніи остался на мѣстѣ. Лѣтомъ учитель отдыхаетъ; вотъ на курсахъ по общеобразовательнымъ предметамъ учителя и получили-бы отдыхъ".

III секція, признавая важность и сложность вопроса объ общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсахъ, выдѣлила изъ себя особую коммиссію, которая и занялась разработкой этого вопроса.

Результатомъ ея работъ явился докладъ объ измѣненіи правилъ 1875 г. о педагогическихъ курсахъ въ смыслѣ возможно широкаго и систематическаго введенія въ нихъ общеобразовательныхъ предметовъ. Вотъ тѣ заключенія, къ которымъ пришла коммиссія: „1) Учителя народныхъ школъ нуждаются въ пополненіи своихъ знаній по предметамъ какъ педагогическимъ, такъ и общеобразовательнымъ; соотвѣтственно этому съ точки зрѣнія интереса учащихъ желательна организація двухъ родовъ курсовъ: педагогическихъ и общеобразовательныхъ. 2) Общеобразовательные курсы соотвѣтствуютъ не только насущной потребности учительскаго персонала, но цѣлаго ряда лицъ разнообразныхъ званій и профессій. Въ виду этого болѣе цѣлесообразнымъ является устройство курсовъ не спеціально учительскихъ, а общедоступныхъ. 3) Право учрежденія курсовъ должно принадлежать какъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, педагогическимъ, просвѣтительнымъ и другимъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи учащимъ. 4) Для облегченія устройства курсовъ желательно устройство лекціонныхъ бюро во всѣхъ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія, ученыя общества и т. п. учрежденія, по примѣру Московскаго бюро при обществѣ распространенія техническихъ знаній. 5) Желательно, чтобы земства и другія общественныя учрежденія, которыя почему-либо сами не могли устроить курсы, командировали учащихъ на курсы въ другія губерніи, по соглашенію съ ихъ учредителями, приходя на помощь своими средствами въ видѣ постоянныхъ пособій. 6) Кромѣ курсовъ, организованныхъ, какъ самостоятельныя учрежденія, желательно устройство общедоступныхъ курсовъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ обширными помѣщеніями, лабораторіями, библіотеками и наглядными пособіями. 7) Желательно, чтобы разрѣше-

*) Н. Ѳ. Бунаковъ.

ніе на учрежденіе курсовъ и утвержденіе лекторовъ давалось своевременно безъ излишней регламентаціи и стѣсненій".

„Коммиссія считаетъ самымъ благопріятнымъ условіемъ для безпрепятственнаго развитія дѣла народнаго образованія—явочную систему при учрежденіи общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и лекцій. Но такъ какъ необходимо пока считаться съ существующими въ учебномъ вѣдомствѣ традиціями, то коммиссія представила проекты положеній о курсахъ, на случай, если-бы явочная система не была допущена. По проекту выработанныхъ коммиссіей правилъ общеобразовательныхъ курсовъ, они устраиваются земствами, городскими и другими сословными учрежденіями, обществами взаимопомощи учащихъ, просвѣтительными и другими обществами, а равно и частными лицами. Курсы находятся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, если они устраиваются, какъ самостоятельныя учрежденія, и разрѣшаются тогда властью попечителя учебнаго округа. Если-же курсы организуются при учебныхъ заведеніяхъ, то они состоятъ въ вѣдѣніи того министерства, которому подчиненно данное учебное заведеніе, и разрѣшаются тѣмъ порядкомъ, который будетъ установленъ въ данномъ вѣдомствѣ. Курсы предназначаются или для учащихъ обоего пола, или вообще для лицъ, желающихъ пріобрѣсти познанія въ общеобразовательныхъ предметахъ. Ближайшее завѣдываніе учебною частью курсовъ возлагается на особаго завѣдывающаго, избираемаго учредителями курсовъ и утверждаемаго попечителемъ округа. Преподаватели курсовъ, а равно и представители отъ учрежденій составляютъ Педагогическій Совѣтъ съ выборнымъ предсѣдателемъ для обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ".

„Педагогическіе курсы, по проекту коммиссіи, устраиваются тѣмъже порядкомъ, какъ и общеобразовательные. Выборъ учебныхъ предметовъ принадлежитъ учредителямъ курсовъ, программы-же преподаванія составляются самими руководителями по соглашенію съ учредителями курсовъ и утверждаются попечителемъ округа".

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія представила главныя основанія правилъ для устройства учительскихъ съѣздовъ. „Однимъ изъ многочисленныхъ и важныхъ, особенно наболѣвшихъ вопросовъ быта учащихъ въ земскихъ школахъ, несомнѣнно, является искусственно созданная разобщенность ихъ между собой. Такое ненормальное явленіе можетъ считаться однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ тормазовъ въ дѣлѣ просвѣщенія". Выяснять это—значило-бы выяснять всѣмъ извѣстное значеніе общественности. Необходимость общенія учителей сознается какъ самими учителями, такъ и учрежденіями, имѣющими школы. „Богородицкое земство (Тульской губ.), наблюдая за дѣломъ препо-

данія въ своихъ школахъ, давно уже пришло къ заключенію, что дѣло преподаванія не можетъ быть улучшено безъ широкаго общенія учащихъ между собою". Учительскіе съѣзды, собранія должны пробудить, развить и укрѣпить самодѣятельность и самосознаніе учительской корпораціи. Они должны дать учителямъ возможность коллективныхъ заявленій. А что все это такъ, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ состоявшійся Московскій Съѣздъ. Громадную роль учительскихъ собраній отмѣтилъ еще Дистервегъ. „Учительскія общества или собранія, писалъ онъ, составляютъ неотъемлемую атмосферу въ жизни учителей. Жаль мнѣ того бѣдняка, который не чувствуетъ потребности сближенія съ товарищами; если онъ—мой ученикъ, я не признаю его моимъ ученикомъ, презираю и стыжу его. Онъ никогда не былъ моимъ ученикомъ. Онъ и не учитель, хотя и носитъ это названіе... Общеніе съ людьми, близкими ему по духу, поможетъ его духовному обновленію и дастъ силу твердо и увѣренно итти по тернистому пути учительскаго существованія". Признавая необходимость и важность учительскихъ съѣздовъ, коммиссія высказала слѣдующія предложенія. Учительскіе съѣзды могутъ созываться: или 1) самими жителями, при чемъ, пока у учителей не будетъ организованнаго корпоративнаго устройства, извѣстная опредѣленная часть всего количества учителей той территоріи, для которой созывается съѣздъ, подаетъ письменное заявленіе о созывѣ съѣзда или учительскому обществу взаимопомощи, или общественнымъ учрежденіямъ, содержащимъ школы, или же училищному совѣту, или учебному комитету; или 2) учительскими обществами взаимопомощи, или другими учительскими организаціями; или 3) общественнными учрежденіями, содержащими школы, если въ данной мѣстности нѣтъ учительскихъ обществъ; или 4) училищнымъ совѣтомъ или учебнымъ начальствомъ. Учрежденія, созывающія съѣздъ, опредѣляютъ ихъ составъ, срокъ, продолжительность, программу и вырабатываютъ инструкцію, касающуюся порядка съѣзда. Открываются съѣзды явочнымъ порядкомъ, посредствомъ заявленія попечителю округа.

Секція приняла всѣ предложенія коммиссіи.

Кромѣ этого, были приняты еще другія предложенія, сдѣланныя отдѣльными докладчиками: 1) признать, что безъ организованныхъ способовъ общенія между собою учителей, особенно сельскихъ, невозможно правильно поставить школьное дѣло, такъ какъ въ тѣсномъ общеніи между собою учителя находятъ для себя нравственную поддержку, а при разобщенности опускаются умственно и морально; 2) ходатайствовать передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, чтобы со стороны правительства не встрѣчалось препятствій не только при организаціи курсовъ и съѣздовъ, но и при устройствѣ

собраній учителей какъ въ помѣщеніи управъ (земскихъ), такъ и въ другихъ помѣщеніяхъ, при организаціи кружковъ сосѣднихъ сельскихъ учителей и при учрежденіи въ городахъ учительскихъ клубовъ-библіотекъ; 3) признать желательнымъ, чтобы общества взаимопомощи и улучшенія быта учащихъ будили частную иниціативу по устройству поименованныхъ въ п. 2 и иныхъ способовъ общенія учителей, а также ходатайствовали передъ городскими и земскими управленіями объ организаціи этихъ способовъ общенія самими этими учрежденіями.

Книга и библіотека. Главнымъ средствомъ развитія и совершенствованія сельскихъ учителей, разсѣянныхъ по глуши русскихъ деревень, надо признать чтеніе книгъ. „Въ жизни сельскаго учителя“, говоритъ А. А. Стаховичъ, „книга имѣетъ выдающееся значеніе: она не только источникъ самообразованія, она для учителя замѣна друга, общества. Она удовлетворяетъ насущнѣйшимъ потребностямъ духовной жизни, на что имѣетъ право каждый человѣкъ, тѣмъ болѣе учитель, задача котораго служить дѣлу просвѣщенія. Поэтому всѣ, кому дороги интересы народнаго образованія, должны всячески содѣйствовать каждому шагу по устройству и лучшей постановкѣ дѣла“ приближенія книги къ учителю вообще и „постановки дѣла учительскихъ библіотекъ“ въ частности. Существующія учительскія библіотеки дѣлятся на внѣ-школьныя (центральныя, районныя) и на библіотеки при школахъ. Первыя и вторыя какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ не могутъ удовлетворить учащихъ. Составляясь по каталогу для низшей школы, народной библіотеки-читальни и средней школы, онѣ, самое большее, приравниваютъ учителя къ ученику средней школы и притомъ къ такому, „который стоитъ на менѣе высокомъ уровнѣ развитія, чѣмъ товарищи“ (примѣчаніе къ „опыту каталога для среднихъ учебныхъ заведеній“). При этомъ особенно слабъ педагогическій отдѣлъ, „въ которомъ почти нѣтъ новѣйшихъ психологическихъ сочиненій, очень мало классическихъ, много устарѣлыхъ и много не представляющихъ рѣшительно никакой научной цѣнности. Такое ограниченіе учительской библіотеки должно казаться очень страннымъ, такъ какъ § Инструкціи 1871 г. инспекторамъ признаетъ, что учительская библіотека должна состоять изъ учебныхъ руководствъ, сочиненій по части педагогики, вообще книгъ, могущихъ служить къ дальнѣйшему самообразованію учителей“. Предѣломъ этого самообразованія ставится, мы видѣли, образованіе наименѣе развитого ученика средней школы. „Но даже и такъ ограниченныя учительскія библіотеки при школахъ (мы уже не говоримъ о центральныхъ—ихъ слишкомъ мало и дальность разстоянія часто дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе ими)

едва-ли, какъ мы видѣли, не являются миѳомъ. Трудно разсчитывать пока на быстрое размноженіе учительскихъ библіотекъ; поэтому болѣе желательной пока является центральная библіотека; при умѣлой организаціи разсылки книгъ она и при не очень большомъ запасѣ книгъ можетъ обслуживать значительное число учителей. „Какъ свѣтлый лучъ", пишетъ по этому поводу одинъ докладчикъ, „въ ненастную погоду, будетъ радовать присылка книгъ забытаго, внѣ культурной жизни стоящаго, народнаго учителя нашихъ захолустій". Вопросъ о средствахъ приблизить книгу къ народному учителю, обезпечить ему возможность быть всегда въ курсѣ текущей литературы подвергся особенно тщательному разсмотрѣнію и вызвалъ цѣлый рядъ предложеній и пожеланій: 1) Желательно принять мѣры къ возможно широкому распространенію указа Правительствующаго Сената 1898 г. (по дѣлу Воронежскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія отъ 12 февраля 1897 г.) объ устройствѣ земствомъ библіотекъ для учащихъ на общихъ цензурныхъ основаніяхъ. 2) Желательно ходатайствовать предъ правительствомъ о допущеніи во всѣ учительскія библіотеки книгъ и періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ общею цензурою. 3) Желательно, чтобы земства и городскія управленія выдавали безплатно книги и журналы учителямъ народныхъ школъ изъ земскихъ и городскихъ библіотекъ съ возможно льготнымъ пользованіемъ этими книгами (большій срокъ для прочтенія книги, большее количество выдаваемыхъ книгъ, нетребованіе залоговъ и проч.). Желательно также, чтобы и содержатели частныхъ общественныхъ библіотекъ предоставляли нѣкоторыя льготы въ пользованіи книгами народными учителями. 4) Желательно, чтобы земствами, а равно и въ неземскихъ губерніяхъ, организована была безплатная доставка книгъ учителямъ народныхъ школъ при помощи земской почты, разсыльныхъ и проч. 5) Желательно, чтобы земствами и учительскими обществами взаимопомощи устроены были порайонныя библіотеки и организованы изъ нихъ передвижныя библіотеки, примѣняясь къ утвержденному мѣстной администраціей уставу такихъ библіотекъ при учительскихъ обществахъ взаимопомощи въ Калугѣ. 6) Желательно, чтобы земскія и городскія управленія оказывали свое содѣйствіе народнымъ учителямъ по выпискѣ общихъ и педагогическихъ журналовъ на основаніяхъ, принятыхъ Ярославскимъ и другими земствами, уплачивающими извѣстную часть подписной суммы. 7) Желательно, чтобы земскіе книжные склады установили возможно большій % скидки на книги, пріобрѣтаемыя народными учителями. 8) Желательно просить общество книгопродавцевъ и различныя періодическія изданія о возможной %% скидкѣ учите-

лямъ народныхъ школъ при выпискѣ ими періодическихъ изданій и книгъ изъ магазиновъ. 9) Желательно, чтобы при обществахъ, имѣющихъ отношеніе къ народному образованію, были организованы коммиссіи для собиранія и безплатной разсылки книгъ народнымъ учителямъ. 10) Признать желательнымъ и необходимымъ, чтобы городскія общества и земства устраивали для учителей библіотеки-клубы, отводя съ этой цѣлью помѣщенія въ нѣсколько комнатъ въ центральной части города и ассигнуя ежегодно извѣстную сумму на пополненіе библіотеки. 11) Возбудить передъ Московской коммиссіей по организаціи домашняго чтенія слѣдующія ходатайства: а) поспѣшить выработкой намѣченной ею программы общеобразовательнаго характера при условіи, чтобы она служила и подготовительной ступенью къ занятіямъ по изданнымъ программамъ и представляла-бы въ тоже время законченный самостоятельный курсъ; б) выработать отдѣльныя программы по нѣкоторымъ предметамъ и вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ профессіи народнаго учителя, пріурочивъ ихъ къ образовательному уровню послѣдняго; в) сдѣлать какъ пользованіе указаніями коммиссіи, такъ и пользованіе, при посредствѣ ея, необходимыми книгами болѣе доступнымъ для учащихъ въ начальныхъ училищахъ.

Педагогическій музей. Педагогическій музей представляетъ важную и вліятельую школу для преподавателей, знакомя ихъ съ наилучшими пособіями и педагогическими пріемами, съ наиболѣе раціональной постановкой отдѣльныхъ отраслей педагогическаго дѣла и давая имъ возможность слѣдить за улучшеніями въ области педагогической техники. Въ Россіи эта потребность въ собраніи коллекцій учебныхъ пособій до сихъ поръ удовлетворена лишь въ самой незначительной степени. Наши музеи, за нѣкоторыми исключеніями, преслѣдуютъ не учебныя и педагогическія, а научныя или научно-прикладныя цѣли, и учителю негдѣ познакомиться съ современной постановкой школьнаго дѣла даже въ своей родной школѣ, тогда какъ за границей есть прекрасныя педагогическіе музеи (Парижскій, Цюрихскій), широко знакомящіе учителя съ дѣломъ обученія и воспитанія не только своихъ школъ, но даже школъ другихъ государствъ.

„Всѣ заграничные педагогическіе музеи функціонируютъ особенно въ каникулярное время, когда съѣзжаются учителя и учительницы. Въ Цюрихскомъ и Парижскомъ музеяхъ существуютъ безплатные абонементы книгъ изъ педагогическихъ библіотекъ“. Вообще за границей, гдѣ трудъ народнаго учителя признается однимъ изъ главныхъ факторовъ въ жизни народа, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, прочно укоренилось убѣжденіе, что хорошая постановка

школьнаго дѣла представляетъ лучшую гарантію политическаго, экономическаго и нравственнаго процвѣтанія страны, правительство и общество помогаютъ учителю находить болѣе прямые и вѣрные пути въ исполненіи возложенной на него обязанности.

Признавая отмѣченное значеніе педагогическихъ музеевъ, секція присоединилась къ слѣдующимъ пожеланіямъ: 1) желательно устройство въ Москвѣ, какъ центрѣ Россіи, педагогическаго музея, на подобіе заграничныхъ, коему было-бы присвоено имя К. Д. Ушинскаго; желательно также устройство такихъ центральныхъ музеевъ и въ другихъ большихъ культурныхъ центрахъ; 2) желательно устройство подвижныхъ педагогическихъ музеевъ (въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ).

Экскурсіи. Въ пользу учительскихъ экскурсій можно привести много соображеній; мы остановимся на двухъ изъ нихъ. „Отъ учителя требуется умѣнье вести учебныя занятія понятно, живо и интересно; онъ долженъ развивать и удовлетворять любознательность дѣтей“. А для этого важно, чтобы учитель былъ самъ богатъ непосредственными впечатлѣніями: море, горы, шлюзъ, тигръ (музея), пальма (ботаническаго сада) и т. д. и т. д.—все это при непосредственныхъ впечатлѣніяхъ въ разсказѣ учителя получитъ большую живость и занимательность. Затѣмъ, экскурсіи могутъ быть хорошимъ коррективомъ тяжелой, суровой, а порой и скучной жизни учителя въ какой-нибудь деревушкѣ, за сотни верстъ отъ большого города. „Дать учителю возможность“, пишетъ одинъ докладчикъ, „одинъ или два раза въ годъ посѣтить хотя этотъ городъ съ образовательною цѣлью, это значитъ поддержать, быть можетъ, падающую уже энергію и возвратить на трудовое поприще болѣе бодраго, слѣдовательно, и болѣе полезнаго дѣятеля“. „Учительскія экскурсіи начинаютъ уже мало-по-малу осуществляться“, но „практическая сторона этого дѣла еще мало разработана“. Въ цѣляхъ успѣшной постановки учительскихъ экскурсій съ образовательными цѣлями секція приняла слѣдующія предложенія: 1) необходимо ходатайствовать о выгодномъ тарифѣ для народныхъ учителей, экскурсирующихъ съ образовательными цѣлями; 2) необходимъ со стороны учительскихъ обществъ взаимный обмѣнъ услугами: подысканіе, напр., дешевыхъ помѣщеній, оказаніе содѣйствія при осмотрѣ города и проч.

Все сказанное, мы думаемъ, достаточно говоритъ, что съѣздъ въ вопросахъ о самообразованіи чуждъ былъ одностороннихъ безпочвенныхъ увлеченій. Участники съѣзда все время не упускали изъ виду условій этого вопроса въ настоящее время и отношенія къ нему извѣстныхъ сферъ и учрежденій. Чужды они были и оптимизма

относительно ближайшаго будущаго. По сознанію, если не всѣхъ, то очень многихъ—„едва-ли можно разсчитывать на серьезную помощь учащимъ со стороны тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя сами не принадлежатъ къ педагогическому міру. Да и эта незначительная сама по себѣ помощь можетъ быть оказана только въ томъ случаѣ, когда учащіе ясно и опредѣленно укажутъ, въ чемъ она должна выразиться, и сумѣютъ заинтересовать въ дѣлѣ своего самообразованія представителей образованнаго общества". Поэтому, стремясь къ самообразованію, учащіе прежде всего должны разсчитывать на собственныя силы, а такъ какъ дѣло, недоступное одному, легко достижимо при общей дружной работѣ, то прежде всего и придется обществамъ взаимопомощи учащихъ расширить свои задачи, внося въ нихъ взаимопомощь въ дѣлѣ самообразованія учащихъ, и позаботиться, съ тою-же цѣлью, объ объединеніи обществъ, полагая, что болѣе крупная общественная единица успѣшнѣе справится съ этой задачей, чѣмъ мелкая. Уже и въ настоящее время нѣкоторыя учительскія общества помогаютъ своимъ членамъ въ дѣлѣ самообразованія устройствомъ библіотекъ, заботами объ удешевленіи книгъ и повременныхъ изданій, устройствомъ публичныхъ лекцій; но пока это—явленія исключительныя и, съ офиціальной точки зрѣнія, не нормальныя; надо добиваться, чтобъ они были явленіемъ общимъ и нормальнымъ.

Соединеніе необходимости опереться въ практическомъ удовлетвореніи своихъ духовныхъ запросовъ на свои силы продиктовало и заставило Съѣздъ принять слѣдующія пожеланія - предложенія: 1) Заботы по удовлетворенію потребностей и стремленій учащихъ къ общему и спеціальному образованію возложить на учительскія общества, въ уставы которыхъ и должны быть включены соотвѣтствующіе параграфы. 2) Желательно учрежденіе всероссійскаго общества содѣйствія самообразованію учащихъ въ народныхъ школахъ. 3) Въ случаѣ образованія Всероссійскаго союза всѣхъ существующихъ учительскихъ обществъ взаимопомощи, желательно, чтобы это общество вошло въ союзъ, какъ одинъ изъ главныхъ элементовъ его дѣятельности.

Заканчивая сообщеніе, считаемъ не лишнимъ подѣлиться своими общими впечатлѣніями отъ участника Съѣзда, народнаго учителя.— Получивъ возможность выступить, какъ полноправный членъ Съѣзда, онъ показалъ въ себѣ наличность всѣхъ данныхъ быть общественнымъ дѣятелемъ: чуждый узкихъ профессіональныхъ увлеченій, онъ въ своихъ соображеніяхъ руководился общегражданскими интересами и жертвовалъ, если этого требовали они, своими личными, сословными интересами. Съѣздъ показалъ намъ нашего народнаго учителя

какъ идеалиста по настроенію и земца по склонностямъ. Программа Съѣзда отводила очень много мѣста вопросамъ чисто матеріальнаго быта; между тѣмъ на этой-то части программы учитель меньше всего и остановилъ свое вниманіе; даже вопросъ о вознагражденіи не привлекъ особеннаго вниманія, и, скромный въ своихъ требованіяхъ и чуткій къ интересамъ плательщика-народа, онъ высказался за очень низкую норму вознагражденія. Почти во всѣхъ своихъ домогательствахъ онъ имѣлъ въ виду не свои личныя выгоды, а интересы дѣла и народа, служить которымъ онъ призванъ. Вѣроятно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отмѣченнаго и вырвались у Д. И. Тихомірова слова: „можно смѣло вѣрить въ будущее значеніе русской народной школы, которая находится въ такихъ хорошихъ рукахъ". Всѣ симпатіи учителя на сторонѣ земства, которое, несмотря на множество препятствій, пока сдѣлало для учителя больше, чѣмъ кто-нибудь; на него онъ надѣется и въ будущемъ, и уже прошедшіе 3 мѣсяца со времени Съѣзда дали нѣсколько извѣщеній о мѣропріятіяхъ земства, вызванныхъ постановленіями Съѣзда. Народный учитель не хочетъ быть чиновникомъ и крѣпко держится за земство, какъ за учрежденіе болѣе свободное отъ бюрократическихъ тенетъ. Но что особенно поражало и плѣняло насъ въ учителѣ—это глубокая вѣра въ себя, въ свои объединенныя силы и, въ зависимости отъ этого, вѣра въ свое лучшее будущее; долгіе годы безправія и морально-убійственныхъ условій труда, очевидно, не уничтожили его силъ: такъ великъ запасъ ихъ. Тамъ, въ Москвѣ, въ непосредственномъ общеніи съ этимъ учителемъ мы не только сознали, но и почувствовали эти силы народнаго учителя; мы поняли, что та 200.000 армія, представителемъ которой явился сюда этотъ учитель, не только умѣетъ хотѣть, но сумѣетъ и достичь лучшаго будущаго для себя и для своего дѣла, зарей котораго и является Московскій Съѣздъ.

Н. Запанковъ.

Учительскіе помощники въ городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., училищахъ.

Въ числѣ измѣненій, которыя внесены въ Положеніе о городскихъ училищахъ ихъ почти 30-лѣтнимъ опытомъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ нужно признать то, которое коснулось института учительскихъ помощниковъ. Институтъ этотъ, какъ извѣстно, былъ созданъ слѣдующими двумя статьями Положенія о гор. училищахъ.

Статья 16: „Въ одноклассныя училища, сверхъ завѣдывающаго онымъ учителя, назначается учительскій помощникъ. Если-же въ училищѣ одноклассномъ или въ первомъ классѣ другихъ городскихъ училищъ болѣе 50-ти учениковъ, то на каждые слѣдующіе 30 учениковъ полагается еще по одному учительскому помощнику“.

Статья 20-я: „Учителями городскихъ училищъ и ихъ помощниками могутъ быть окончившіе успѣшно полный курсъ ученія въ учительскихъ институтахъ, а равно лица, выдержавшія въ учительскомъ институтѣ полное испытаніе какъ въ теоретическихъ научныхъ познаніяхъ, такъ и въ умѣньи преподавать въ городскомъ училищѣ“.

Такимъ образомъ, по мысли законодателя, учительскіе помощники обладаютъ такимъ-же образовательнымъ цензомъ, какъ и учителя; имъ, слѣдовательно, можетъ быть вручаемо любое изъ отдѣленій городского училища; отличаются они отъ учителей только количествомъ приходящагося на ихъ долю труда. На это прямо указываютъ вышеприведенныя слова 16-й статьи: „Если-же въ училищѣ одноклассномъ или въ первомъ классѣ другихъ городскихъ болѣе 50-ти учениковъ, то на каждые слѣдующіе 30 учениковъ полагается еще по одному учительскому помощнику“. Иначе говоря, тамъ, гдѣ занятія одному учителю, по количеству учениковъ, непосильны, но приглашеніе второго учителя не вполнѣ соотвѣтствуетъ въ то-же время имѣющейся въ немъ надобности, или, гдѣ одного учителя мало, а двухъ— много, тамъ учреждается должность учительскаго помощника.

Конечно, меньшему количеству обязанностей должно соотвѣтствовать и меньше правъ. И дѣйствительно, по тому-же Положенію учитель получаетъ 615 р. годового содержанія и состоитъ въ X классѣ, а учительскій помощникъ—375 руб. и состоитъ въ XIV классѣ.

Однако, дѣйствительность скоро показала, что соотвѣтствіе между количествомъ труда учительскаго помощника и его служебными правами почти никогда не соблюдается. Городскія училища, представляя собою почти единственный у насъ типъ повышеннаго курса общеобразовательной начальной школы, быстро сдѣлались центральными школами уѣзда, куда громко и настоятельно начали стучаться и питомцы народныхъ училищъ.

Связь между городскими училищами и начальными школами не была установлена, но ничто не въ силахъ было удержать питомцевъ послѣднихъ въ ихъ желаніи поступить въ училище высшаго типа. Что такіе ученики должны при этомъ часто поступать въ 3 2 и 1 отдѣленія городского училища, т. е. начинать курсъ его съ неграмотными малышами—фактъ общеизвѣстный.

Такимъ образомъ, городскія училища начали быстро расширяться, и измѣненіе первоначально выработанныхъ штатовъ, т. е., главнымъ образомъ, числа классовъ, а потому и числа учителей,—дѣлалось вопросомъ первой необходимости. Изъ видовъ-ли чисто экономическаго характера или въ силу *постепенности* расширенія училищъ, но только удовлетвореніе потребности въ новыхъ преподавателяхъ выражалось почти вездѣ въ учрежденіи новыхъ и новыхъ должностей учительскихъ помощниковъ, а не въ назначеніи полноправныхъ учителей.

Такое рѣшеніе вопроса было тѣмъ легче и проще, что, не вызывая измѣненія штатовъ даннаго училища, т. е. не дѣлая, положимъ, изъ двухкласснаго 3-классное или 4-классное училище и тѣмъ самымъ не вызывая повышенія ассигновокъ по всѣмъ статьямъ училищнаго расхода, давало вмѣстѣ съ тѣмъ значительную экономію на разницѣ между размѣрами жалованья учительскаго помощника.

Что-же касается того обстоятельства, что учительскіе помощники стали нести трудъ по училищу, ничѣмъ количественно не отличающійся отъ труда своихъ товарищей-учителей, то это, повидимому, совершенно никого не удивляло.

Къ тому же, болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе такой явной несправедливости, такого очевиднаго нарушенія 20-й статьи Положенія о городскихъ училищахъ не преминуло скоро найтись.

Дѣло въ томъ, что мѣста учительскихъ помощниковъ всегда да-

вались преимущественно только-что окончившимъ курсъ въ учительскомъ институтѣ, т. е. лицамъ, педагогическая опытность которыхъ еще не доказана, а потому нуждающихся еще въ предварительной учебной практикѣ. Якобы отсюда и обиліе у учительскихъ помощниковъ классныхъ занятій.

Неся равныя обязанности по училищу съ прошедшими уже искусъ товарищами-учителями, учительскіе помощники, состоя въ училищѣ какъ бы практикантами, легко, конечно, мирились со своими умаленными служебными правами: всякій зналъ, что такое положеніе для него только временное, и черезъ полгода, много—годъ, онъ сдѣлается учителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ и всѣ преимущества послѣдняго.

Но скоро выяснилось, что немногочисленные у насъ учительскіе институты даютъ контингентъ лицъ, достаточный лишь для замѣщенія учительскихъ мѣстъ въ годъ отъ году увеличивающихся въ числѣ городскихъ училищахъ, а потому возникъ вопросъ: кѣмъ же замѣщать должность учительскихъ помощниковъ?

И вотъ, уже въ 1879 году въ Положеніе 1872 г. вносится слѣдующее важное измѣненіе: „Предоставить, въ видѣ временной мѣры, попечителямъ С.-Петербургскаго и Московскаго уч. округовъ опредѣлять учительскихъ помощниковъ по гор. училищамъ названныхъ двухъ округовъ, съ правами по Положенію 31 мая 1872 года, и изъ лицъ, окончившихъ курсъ ученія въ учительскихъ семинаріяхъ и прослужившихъ не менѣе шести лѣтъ учителями начальныхъ училищъ, такъ какъ такія лица обладаютъ болѣе другихъ достаточною подготовкою для преподаванія въ городскихъ училищахъ“ *).

Такимъ образомъ, съ этого времени, т. е. съ 1879 года, наблюдается нѣчто новое, не предусмотрѣнное Положеніемъ 1872 г.: въ числѣ преподавателей городскихъ училищъ появляются лица образовательнаго ценза ниже курса учительскаго института.

Какъ ни заслуживаютъ вообще симпатіи питомцы учительской семинаріи, какъ ни общеизвѣстно положеніе, что въ числѣ народныхъ учителей они являются наиболѣе желательнымъ элементомъ, но, по отношенію къ городскимъ училищамъ, едва-ли замѣна ими окончившихъ курсъ учительскихъ институтовъ заслуживаетъ особеннаго сочувствія.

Конечно, все это, какъ было сказано выше, явилось слѣдствіемъ недостатка лицъ, окончившихъ курсъ учительскихъ институтовъ, а

---

*) Сборникъ постановленій и распоряженій по Моск. Учебному Округу. Часть 1-я, стр. 181. Москва 1895 г.

потому открытіе новыхъ учительскихъ институтовъ является вопросомъ огромной важности.

Созданіе института учительскихъ помощниковъ, съ образованіемъ учительской семинаріи, имѣло, главнымъ образомъ, то важное послѣдствіе, что помощникамъ этимъ, естественно, стали ввѣряться преимущественно младшія отдѣленія городского училища; учителя-же ведутъ занятія исключительно со средними и старшими отдѣленіями. Такимъ образомъ, единство духа обученія во всѣхъ отдѣленіяхъ или, лучше выразиться, благотворность вліянія лучшаго стараго элементарнаго преподаванія въ младшихъ отдѣленіяхъ уже не могли при этомъ сказаться на постановкѣ ученія въ старшихъ отдѣленіяхъ.

Съ другой стороны, между учителями и ихъ новыми помощниками попрежнему не проводится въ вопросѣ распредѣленія отдѣленій между ними никакой грани, а потому, по отсутствію указаній въ законѣ, а отчасти, можетъ быть, и по довѣрію къ бывшимъ воспитанникамъ учительской семинаріи, новымъ учительскимъ помощникамъ, сплошь и рядомъ вручаются не только 3-е или 4-е отдѣленія, но и оба эти отдѣленія вмѣстѣ.

Между тѣмъ, эти отдѣленія и самыя многолюдныя и, по мѣсту, занимаемому ими въ курсѣ городского училища, самыя важныя, самыя кропотливыя: здѣсь проходится вся грамматика съ синтаксисомъ включительно, славянскій языкъ, почти вся ариѳметика, планиметрія, весь курсъ зоологіи, ботаники и минералогіи, исторія, географія и даже рисованіе. Получается нѣчто странное: обдѣленный всѣмъ помощникъ, который даже въ табели ранговъ на 4 класса отстоитъ отъ своего товарища-учителя, принужденъ чуть не всю программу городского училища выносить на своихъ плечахъ.

Что новыя помощники съ честью несутъ этотъ почетный, но слишкомъ несоразмѣрно-оплачиваемый трудъ, на это указываютъ какъ обычность указаннаго распредѣленія отдѣленій между преподавателями училища, такъ и продолжительность дѣйствія „временной мѣры“ (См. вышеприведенный циркуляръ 1879 г.).

Указать на эту заслугу питомцевъ учительской семинаріи мы считаемъ нужнымъ по слѣдующему основанію. Въ послѣднее время городскія училища особенно быстро увеличиваются въ числѣ; между тѣмъ, количество учительскихъ институтовъ, а потому и количество выпускаемыхъ ими ежегодно учителей, остается прежнимъ.

Поэтому циркуляры по Московскому учебному округу (вѣроятно, то-же самое наблюдается и въ другихъ учебныхъ округахъ) каждый разъ приносятъ сообщенія о цѣломъ рядѣ порученій учительскихъ обязанностей въ городскихъ училищахъ лицамъ, имѣющимъ лишь званіе учителя уѣзднаго училища.

Такое явное предпочтеніе послѣднихъ учительствующимъ уже въ городскихъ училищахъ учительскимъ помощникамъ намъ кажется едва-ли имѣющимъ подъ собою достаточное основаніе.

Не забудемъ, что учительскіе помощники прошли курсъ спеціально-педагогическаго учебнаго заведенія—учительской семинаріи что передъ поступленіемъ въ городское училище они предварительно *шесть* лѣтъ пробыли учителями въ начальныхъ училищахъ, что педагогическая опытность ихъ тѣмъ самымъ уже установлена, что, по словамъ вышеприведеннаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, они „обладаютъ болѣе другихъ достаточною подготовкою для преподаванія въ городскихъ училищахъ“.

Если теперь мы вспомнимъ, что въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою званіе уѣзднаго учителя, т. е., если примемъ во вниманіе, что званіе это не требуетъ прохожденія курса какого-либо учебнаго заведенія, что оно почти всегда откровенно предполагаетъ чуть не полное невѣдѣніе по многимъ отдѣламъ общаго образованія *), что при классной системѣ преподаванія „учителя уѣзднаго училища“ окончательно и ясно окажутся въ городскомъ училищѣ не на своемъ мѣстѣ,—то превосходство учительскихъ помощниковъ изъ учительской семинаріи выступитъ особенно рельефно.

Въ ихъ пользу говоритъ и то обстоятельство, что лучшія сравнительно съ учительствомъ въ народной школѣ, культурныя условія жизни въ городѣ, даютъ возможность выбора, а потому не удивительно, если учительскими помощниками въ гор. училища назначаются чаще лучшіе народные учителя, часто при томъ завѣдывающіе образцовыми двухклассными училищами съ довольно обширнымъ 5-лѣтнимъ курсомъ.

Обходить въ указанномъ отношеніи учительскихъ помощниковъ, не имѣющихъ званія учителя уѣзднаго учителя, будетъ несправедливо еще и потому, что въ настоящее время они часто практически несутъ полныя обязанности учителя.

Мы уже говорили объ обычности занятій ихъ съ 3-мъ и 4-мъ отдѣленіями. Думаемъ, что и послѣднія, 5-ое и 6-ое отдѣленія, также не разъ имъ вручались.

Такимъ образомъ, получается слѣдующее ненормальное явленіе: учительскій помощникъ, въ теченіе многихъ лѣтъ фактически являвшійся *учителемъ* гор. училища и всѣ эти годы довольствовавшійся правами учительскаго помощника, долженъ уступить свое

*) Въ одномъ изъ лѣтнихъ циркуляровъ прошлаго года сообщалось о назначеніи учителемъ городского училища лица, имѣющаго званіе учителя уѣзднаго училища по *одной географіи*.

мѣсто другому, хотя-бы этотъ другой имѣлъ лишь званіе учителя уѣзднаго училища, разъ это *мѣсто* при офиціальномъ расширеніи училища получаетъ названіе *класса*.

На основаніи всего вышесказаннаго мы находимъ, что

1) Такъ какъ образовательный уровень учителя имѣетъ наибольшее значеніе для успѣха школьнаго дѣла, то въ высшей степени желательно, чтобы составъ преподавателей гор. училищъ пополнялся лицами, окончившими курсъ въ учительскомъ институтѣ или выдержавшими экзаменъ въ знаніи его курса.

2) Открытіе новыхъ учительскихъ институтовъ въ цѣляхъ доставленія гор. училищамъ въ достаточномъ количествѣ удовлетворяющихъ требованіямъ образовательнаго ценза преподавателей является въ настоящее время настоятельною необходимостью.

3) Назначеніе въ составъ преподавателей гор. училищъ лицъ окончившихъ только курсъ учительской семинаріи или имѣющихъ лишь званіе уѣзднаго учителя. должно имѣть мѣсто только до тѣхъ поръ, пока составъ этотъ не будетъ пополняться исключительно лицами, имѣющими званіе учителя городского училища.

4) Желательно, чтобы учительскій помощникъ, ведущій занятія съ отдѣленіями не ниже 3-го, считался исправляющимъ должность учителя и, какъ таковой, получалъ-бы содержаніе, равное содержанію учителя.

5) По истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ успѣшныхъ занятій учительскаго помощника съ какимъ-либо изъ 4-хъ старшихъ отдѣленій гор. училища предоставлять ему всѣ права и преимущества полноправнаго учителя, т. е. считать его имѣющимъ званіе учителя гор. училища.

6) Такъ какъ скромныя служебныя права учительскихъ помощниковъ вытекаютъ по Положеніи 72 г. изъ меньшихъ приходящихся на ихъ долю учительскихъ обязанностей, то огражденіе помощниковъ, особенно не имѣющихъ званія учителя гор. училища, отъ несоотвѣтствующаго этимъ правамъ обремененія ихъ занятіями по училищу является требованіемъ простой справедливости.

7) Такъ какъ пока, въ силу необходимости, составъ учителей гор. училищъ приходится пополнять и лицами, не имѣющими званія учителя гор. училища, то изъ состава послѣднихъ учительскіе помощники, особенно если они до этого времени вели занятія, хотя-бы съ однимъ изъ 4-хъ старшихъ отдѣленій городского училища, заслуживаютъ передъ другими предпочтенія.

И. Н. Шапошниковъ.

Начальныя народныя училища Вятской губерніи за 1901 годъ.

Въ связи съ постепенно возрастающими потребностями мѣстнаго населенія въ начальномъ народномъ образованіи, въ Вятской губерніи постепенно увеличивалось въ послѣднее время число начальныхъ народныхъ школъ, а вмѣстѣ съ этимъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ возрасталъ и расширялся за послѣднее время и общій районъ ихъ дѣятельности. 1901-ый годъ также не безслѣдно прошелъ въ этомъ отношеніи для мѣстнаго крестьянскаго населенія, такъ какъ число начальныхъ народныхъ училищъ губерніи всѣхъ типовъ и наименованій, находящихся въ общемъ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, постепенно возрастая, увеличилось въ этомъ году по сравненію съ прошлымъ 1900 годомъ на 44 училища и достигло въ общей сложности уже до 1.103 училищъ. Въ это число входятъ: 27 двухклассныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, 32 одноклассныхъ училища того-же вѣдомства, 41 городское начальное народное училище и 1.003 училища, находящихся въ селахъ и деревняхъ обширной Вятской губерніи.

По отдѣльнымъ уѣздамъ губерніи и по своимъ разнообразнымъ учебно-воспитательнымъ типамъ училища эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ *):

Кромѣ того, въ Вятской губерніи имѣется 52 воскресныхъ школы съ 1.494 учащимися (249 муж. и 1.245 жен.), 9 повторительныхъ классовъ съ 244 учащимися (163 муж. и 81 жен.) и 3 школы спеціально для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ съ 158 учащимися мужского пола. Школы эти въ значительномъ своемъ большинствѣ не могутъ быть отнесены къ прочно и устойчиво организованнымъ, отъ чего и число ихъ измѣняется обыкновенно съ каждымъ годомъ и притомъ всегда очень значительно.

Затѣмъ въ шести уѣздахъ Вятской губерніи: Глазовскомъ, Ела-

*) См. табл. на стр. 113.

Въ какихъ уѣздахъ находятся училища.	Училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія		Училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Училищныхъ Совѣтовъ.	Всего училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Дирекціи народныхъ училищъ Вятской губ.
	Двухклассныхъ.	Одноклассныхъ		
Вятскомъ	1	—	70	71
Глазовскомъ	2	3	113	118
Елабужскомъ	1	9	100	110
Котельническомъ . . .	—	—	68	68
Малмыжскомъ.	—	2	100	102
Нолинскомъ	1	—	63	64
Орловскомъ	3	—	76	79
Сарапульскомъ	2	4	154	160
Слободскомъ	5	5	97	107
Уржумскомъ.	8	4	111	123
Яранскомъ	4	5	92	101
Во всѣхъ уѣздахъ .	27	32	1.044	1.103

бужскомъ, Малмыжскомъ, Сарапульскомъ, Слободскомъ и Уржумскомъ существуетъ 218 татарскихъ медресе и мектебе съ 7.852 учащимися въ нихъ дѣтьми обоего пола (4.622 мальч. и 3.230 дѣвоч.). По отдѣльнымъ уѣздамъ губерніи магометанскіе медресе и мектебе распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ Елабужскомъ уѣздѣ ихъ числится 94, въ Малмыжскомъ 69, въ Глазовскомъ 20, Уржумскомъ уѣздѣ 16, Сарапульскомъ 10 и въ Слободскомъ 9.

По официльно-статистическимъ свѣдѣніямъ, пространство Вятской губерніи равняется 135.019 квадратнымъ верстамъ, число же населенныхъ мѣстъ достигаетъ въ губерніи до 22.537, а число жителей обоего пола до 3.306.802. Такимъ образомъ, если принимать во вниманіе тѣ только училища губерніи, которыя состоятъ подъ вѣдѣніемъ Вятской учебной Дирекціи, одна школа приходится на 122,4 квадратныхъ версты, на 20,4 населенныхъ пункта и на 2.988 жителей обоего пола.

Число начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, помѣщающихся въ своихъ собственныхъ домахъ, болѣе или менѣе при-

способленныхъ для веденія въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла, достигало въ 1901 году до 317. Всѣ же остальныя училища губерніи, въ числѣ 786, помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ, большею частью неудовлетворяющихъ своему назначенію. Вслѣдствіе этого, число неудобныхъ школьныхъ помѣщеній въ Вятской губерніи остается все еще очень значительнымъ и, по послѣднимъ на этотъ предметъ вычисленіямъ, достигаетъ до 256, составляя, такимъ образомъ, въ отношеніи къ общему числу школьныхъ помѣщеній 23,2 процента. Къ разряду же школьныхъ домовъ, вполнѣ удовлетворяющихъ своему назначенію, по произведенному мной послѣднему на этотъ предметъ подсчету, можетъ быть отнесено всего 239 зданій или 21,6 процента и къ числу домовъ вообще удобныхъ—608 или 55,1 процента въ отношеніи къ общему числу всѣхъ имѣющихся въ губерніи школьныхъ помѣщеній.

Главный недостатокъ школьныхъ помѣщеній Вятской губерніи—это тѣснота и полное почти несоотвѣтствіе ихъ размѣровъ числу учащихъ и учащихся. Этотъ недостатокъ составляетъ одинаковую почти принадлежность какъ классныхъ комнатъ, такъ равно ученическихъ общежитій и учительскихъ квартиръ. Но если тѣснота классныхъ комнатъ и общежитій достаточно уже понята всѣми учрежденіями и лицами, вѣдающими въ губерніи школьно-учебное дѣло, благодаря чему къ устраненію существующихъ неудобствъ въ этомъ отношеніи принимаются уже болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры, то въ совершенно иномъ положеніи остается пока дѣло съ учительскими квартирами. При подавлявшемъ прежде преобладаніи въ составѣ учителей и учительницъ Вятской губерніи дѣвушекъ-одиночекъ, вполнѣ удовлетворительной учительской квартирой считалась до настоящаго времени, обыкновенно, одна достаточно высокая и свѣтлая комната, съ площадью до 30 квадр. аршинъ, въ которой и помѣщались обыкновенно 1 или 2 преподавательницы. Между тѣмъ, въ послѣдніе годы учительскій составъ начинаетъ пополняться женатыми учителями; кромѣ того, у нѣкоторыхъ преподавательницъ имѣются живущія на ихъ заработокъ семьи. Очевидно, что для преподавателей этихъ двухъ категорій, представляющихъ обыкновенно болѣе устойчивый и потому болѣе желательный элементъ въ учительской средѣ, настоящія квартиры оказываются уже совершенно неприспособленными: онѣ не только не даютъ служащимъ въ училищахъ лицамъ достаточнаго простора для помѣщенія ихъ семействъ, но и лишаютъ учителей и учительницъ возможности вести хотя-бы и самое маленькое только хозяйство, такъ какъ никакихъ надворныхъ построекъ, за исключеніемъ бани и дровяника, при училищахъ обыкновенно не имѣется.

По мѣстнымъ условіямъ оказываются совершенно необходимыми для училищъ и достаточно помѣстительныя общежитія для учащихся дѣтей. Особенно чувствуется ихъ недостатокъ въ годы малоурожайные, каковымъ и былъ въ губерніи 1901 г., когда крестьянинъ, по необходимости, бываетъ особенно сдержанъ въ своихъ расходахъ и когда, слѣдовательно, трата на наемъ квартиры для учащагося въ школѣ ребенка, хотя вообще и очень небольшая, бываетъ для него особенно чувствительной. Между тѣмъ, при весьма многихъ училищныхъ помѣщеніяхъ Вятской губерніи совсѣмъ нѣтъ ученическихъ общежитій. При нѣкоторыхъ-же училищахъ губерніи хотя и имѣются такія общежитія, но въ огромномъ своемъ большинствѣ оказываются крайне тѣсными и неудобными. Полная неприспособленность этихъ помѣщеній и полное несоотвѣтствіе ихъ своему назначенію усматриваются уже изъ того, что 9% остающихся въ общежитіяхъ учениковъ вынуждены спать въ классныхъ комнатахъ, вслѣдствіе чего въ теченіе всего учебнаго времени классы никогда почти не бываютъ свободны отъ учениковъ и потому не могутъ уже быть надлежащимъ образомъ провѣтриваемы. Наконецъ, спанье на полу въ классѣ, равно какъ и въ ученическомъ общежитіи, и само по себѣ должно быть признано вреднымъ для здоровья дѣтей.

„Слѣдствіемъ тѣсноты школьныхъ помѣщеній,—пишетъ одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Вятской губерніи,—въ Нолинскомъ уѣздѣ зарегистровано было въ началѣ 1901—1902 учебнаго года по 8 училищамъ 48 отказовъ въ пріемѣ дѣтей по недостатку мѣста. Изъ этого числа приходится на долю Рождественскаго училища 14 случаевъ, Нолинскаго приходского —10, Татауровскаго—7, Муринскаго—5, Наумовскаго—3, Вычегянскаго—3, Нестинскаго—3 и Сунского женскаго—3. Въ дѣйствительности-же число дѣтей, непринятыхъ въ эти училища по недостатку мѣста, должно быть гораздо больше, потому что многіе родители, освѣдомленные о тѣснотѣ ближайшихъ къ нимъ школьныхъ квартиръ, помѣстили своихъ дѣтей въ другія болѣе отдаленныя училища или же отложили ихъ обученіе до слѣдующаго года“.

Такимъ образомъ, постройка новыхъ школьныхъ домовъ и расширеніе существующихъ уже помѣщеній являются для Вятской губерніи предметомъ самой первой и самой существенной необходимости. Въ виду этого, нельзя считать вполнѣ достаточнымъ того, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи для училищъ губерніи въ 1901 году, такъ какъ въ теченіе этого года по всѣмъ уѣздамъ губерніи отстроено было всего только 24 новыхъ училищныхъ помѣщенія: 8 въ Вятскомъ уѣздѣ, 1 въ Елабужскомъ, 2 въ Котельническомъ, 3 въ Малмыжскомъ, 1 въ Нолинскомъ, 2 въ Орловскомъ, 1 въ Сло-

бодскомъ и 6 новыхъ училищныхъ помѣщеній въ Яранскомъ уѣздѣ.

Небольшіе земельные участки и маленькіе, недостаточно устроенные еще сады, огороды, школьныя пасѣки и т. п. имѣлись въ 1901 году при немногихъ только училищахъ Вятской губерніи, именно: при 51 училищѣ были небольшіе огороды и сады, а при остальныхъ—частью небольшіе участки земли (при 30 училищахъ), частью пасѣки (при 10 училищахъ). По уѣздамъ губерніи училища съ школьными садами, огородами, опытными полями и т. п. распредѣляются вообще очень неравномѣрно. Наибольшее число такихъ училищъ падаетъ на Малмыжскій уѣздъ, наименьшее на Глазовскій, Орловскій и Уржумскій уѣзды. Въ Котельническомъ же уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ при училищахъ ни садовъ, ни огородовъ. Изъ существующихъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ школьныхъ огородовъ и садовъ нѣкоторые могутъ быть признаны, по засвидѣтельствованію бывшаго инспектора училищъ этого уѣзда, почти вполнѣ благоустроенными, благодаря чему нѣкоторые учителя этого уѣзда, за образцы выращенныхъ ими при училищахъ растеній, получили похвальные отзывы отъ Казанской сельско-хозяйственной выставки, а одинъ изъ учителей (Суходоевъ) награжденъ былъ даже медалью отъ Казанскаго общества естествоиспытателей за составленный имъ гербарій и народный лѣчебникъ. Вторымъ уѣздомъ послѣ Малмыжскаго по числу школъ съ садами и огородами является Яранскій, гдѣ особенно благопріятно выдѣляется въ послѣднее время, по своей благоустроенности и обширности, садъ при Сердежскомъ сельскомъ училищѣ. Къ самымъ же обширнымъ и лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ, несомнѣнно, садъ и огородъ Шурагинскаго двухкласснаго училища Уржумскаго уѣзда.

Въ послѣднее время началъ замѣтно развиваться и улучшаться во всѣхъ отношеніяхъ садъ и огородъ при Ижевскомъ двухклассномъ училищѣ Сарапульскаго уѣзда, для котораго отведены были обществомъ въ 1891 году двѣ десятины земли, хотя и очень неудобной. При содѣйствіи почетнаго блюстителя этого училища, И. И. Бодалева, и на его личныя средства вся отведенная для училища земля обнесена была прочною изгородью (частоколомъ), для караульнаго выстроенъ былъ весьма удобный флигель и вырытъ колодезь. Затѣмъ приступлено уже было къ расчисткѣ и удобренію мѣста отдѣльными участками. Тяжелымъ и упорнымъ трудомъ учащимъ мало-по-малу удалось достигнуть, наконецъ, того, что, черезъ два года по уступкѣ этого мѣста училищу, огородъ этотъ представлялъ уже ровную, чистую и хорошо удобренную площадь, вполнѣ отвѣ-

чающую предположенной цѣли, при чемъ все это мѣсто обсажено было вдоль изгороди лиственными деревьями. Въ центрѣ же огорода разбитъ былъ питомникъ для яблонь, а въ сѣверовосточномъ углу помѣщены были саженцы лиственницы, пихты, ели, сосны, тополя, липы и березы. Затѣмъ, на остальномъ пространствѣ стали разводить общеупотребительныя овощи, при чемъ ранняя выгонка зелени и огурцовъ производилась въ парникахъ. Выписка сѣмянъ изъ лучшихъ магазиновъ и обработка почвы производились и производятся почти исключительно на средства учащихъ. Ученики же принимали участіе въ работѣ лишь настолько, насколько это необходимо было для усвоенія ими правильныхъ пріемовъ воздѣлыванія почвы, посадки и ухода за овощами и плодовыми деревьями. Наконецъ, въ 1898 году, на частныя пожертвованія и пособія отъ Губернскаго Земства, на огородѣ училища открыта была учебная пасѣка, имѣющая въ настоящее время полный инвентарь и 6 учебныхъ ульевъ.

Преподавателями училища ведутся съ учениками бесѣды по пчеловодству и подъ ихъ же наблюденіемъ ученики исполняютъ практическія работы на пасѣкѣ. Для поддержанія пасѣки производится посѣвъ медоносныхъ травъ. Доходы отъ пасѣки идутъ на ея расширеніе.

Въ видахъ ознакомленія мѣстнаго населенія съ производимыми на огородѣ училища работами, онъ открытъ во всякое время для всѣхъ желающихъ его посѣтить, пріобрѣсти здѣсь сѣмена, искусственную вощину, или же просто получить тѣ или другія указанія.

На устройство этого огорода затрачено уже было около 1.000 рублей, изъ которыхъ 800 рублей израсходовано было почетнымъ блюстителемъ училища И. И. Бодалевымъ (на устройство изгороди 400 р., на постройку флигеля и колодца 300 руб. и на расчистку земли 100 р.) и до 200 руб. училищемъ и учащими.

„Но все это, по заключенію инспектора народныхъ училищъ Сарапульскаго уѣзда, послужило лишь ко вреду школы: общество въ 1901 году самовольно захватило часть училищной земли подъ зданіе дѣтскаго пріюта, при постройкѣ котораго часть ограды была сломана, огородъ вытоптанъ и вытравленъ, часть деревьевъ попорчена, т. е. почти всѣ десятилѣтніе труды были уничтожены, энергія учителей въ продолженіе ухода за училищной усадьбой подорвана. Неблагопріятно должно повлiять это и на другія училищныя усадьбы, такъ какъ на дѣлѣ выходитъ, что никакая училищная усадьба, жертвованная училищу по приговору общества, не гарантирована отъ отобранія ея обратно въ пользу того-же общества“.

Устройство при училищахъ школьныхъ садовъ, огородовъ, опы-

тныхъ полей и т. п., къ сожалѣнію, очень сильно задерживается въ губерніи и многими другими причинами, дѣйствующими притомъ постоянно и крайне настойчиво. Къ разряду этихъ причинъ могутъ быть отнесены: 1) недостаточность средствъ у учителей и учительницъ какъ на первоначальное обзаведеніе необходимыми при веденіи садоводства и огородничества орудіями, такъ и на послѣдовательное продолженіе и улучшеніе этого дѣла; 2) недостаточная подготовленность учащихъ къ веденію садоводства огородничества и въ особенности полеводства; 3) отсутствіе при училищахъ какихъ-бы то ни было помѣщеній, могущихъ служить цѣлямъ садоводства, огородничества или полеводства, и 4) оставленіе самими учащими своихъ школъ и своихъ школьныхъ хозяйствъ во время лѣтнихъ каникулъ, когда по преимуществу должны быть производимы полевыя, огородныя и вообще всѣ сельско-хозяйственныя занятія. А при такихъ условіяхъ все, что сдѣлано бываетъ, хотя-бы и не особенно опытными руками, ранней весной, неизбѣжно погибаетъ лѣтомъ, какъ-бы ни были благопріятны климатическія условія даннаго года для произрастанія тѣхъ или другихъ огородныхъ овощей, садовыхъ растеній и т. п.

Употребляемыя въ училищахъ учебныя пособія и руководства. Школьныя и народныя библіотеки.

Наибольшимъ распространеніемъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Вятской губерніи пользовались въ 1901 году слѣдующія учебныя руководства и пособія:

1) По Закону Божію: „Наставленіе въ Законѣ Божіемъ для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ“, Епископа Агафодора; „Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ“, прот. Н. Попова, и „Наставленіе въ Законѣ Божіемъ“, прот. П. Смирнова; особенно распространенъ былъ первый учебникъ.

2) По славянскому чтенію: „Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, Н. Ильминскаго; „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка“, С. Грушевскаго; „Элементарный учебникъ для начальныхъ народныхъ училищъ церковно-славянскаго языка“, А. Гусева, и „Книга для церковно-славянскаго чтенія“, Д. Тихомирова. Кромѣ того, во всѣхъ школахъ имѣются Святое Евангеліе, учебные часословъ и псалтирь и молитвословъ.

3) По русскому чтенію: „Наше родное“ (ч.ч. 1, 2 и 3), А. Баранова; „Книга для класснаго и домашняго чтенія“, его-же; „Въ

школѣ и дома“ (ч. ч. 1 и 2), Н. Бунакова; „Новая книга для класснаго и домашняго чтенія“ (ч. 1 и 2), Ермина и Волотовскаго; „Родное Слово“ (годъ второй), К. Ушинскаго; „Вешніе всходы“, Д. Тихомирова, и „Первая, вторая, третья и четвертая русскія книги для чтенія“, графа Л. Н. Толстого.

4) По чистописанію: „Руководство къ обученію письму“, В. Гербача; „Прописи и образцы рисованія по клѣткамъ“, его-же; „Методическое руководство къ обученію письму“, А. Гортова; „О преподаваніи чистописанія въ начальныхъ училищахъ“, В. Раевскаго, и „Русскія прописи“, Ѳ. Пуцыковича. По правописанію: „Начатки грамматики“, Д. Тихомирова; „Азбука правописанія“, его-же; „Начатки русской грамматики“, Ѳ. Пуцыковича; „Уроки русскаго правописанія“, его-же; „Письменныя упражненія въ изложеніи мыслей“, его-же; „Новый систематическій задачникъ письменныхъ работъ по русскому правописанію“, П. Цвѣткова; „Практическій курсъ правописанія съ матеріаломъ для упражненія въ изложеніи мыслей“, Некрасова, и др.

5) По ариѳметикѣ: „Методика начальной ариѳметики“ и „Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариѳметики“, А. Гольденберга; „Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ“, В. Евтушевскаго; „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ“, его-же; „Записки по методикѣ ариѳметики“ и „Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ училищъ“, Г. Вишневскаго; „Сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ,“ Н. Некрасова; „Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ“, А. Терешковича, и нѣкоторые другіе.

6) Изъ учебныхъ пособій почти въ каждой школѣ имѣются слѣдующія: „Картины для нагляднаго преподаванія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта“, изданіе Сидорскаго и К. или „Картины для начальнаго курса Закона Божія“, въ изданіи А. Ильина; „Стѣнныя естественно-историческія таблицы для народныхъ школъ“, изданіе Императорскаго Вольно-Экономическаго общества; географическія карты Палестины, Европейской и Азіатской Россіи, Вятской губерніи, Европы и полушарій; глобусъ и теллурій; типы племенъ; простѣйшіе физическіе инструменты (вѣсы, стеклянная призма, лупа, магнитъ, компасъ и электрическая машина), коллекціи для нагляднаго преподаванія по минералогіи (гранитъ и его измѣненія, желѣзо и мѣдь) и по ботаникѣ (хлѣбныя растенія, прядильныя растенія и нѣкоторыя другія) и мѣры длины и сыпучихъ тѣлъ. Значительная часть поименованныхъ пособій пріобрѣтена была для школъ въ послѣдніе два-три года.

Далѣе, при каждой школѣ губерніи имѣется небольшая, обыкновенно учительская, библіотека для преподающихъ лицъ и ученическая, состоящая изъ книгъ, предназначаемыхъ для внѣкласснаго чтенія учащихся. На пополненіе этихъ библіотекъ и на пріобрѣтеніе для училищъ губерніи болѣе необходимыхъ учебныхъ пособій и учебниковъ въ 1901 году израсходовано было по всѣмъ уѣздамъ губерніи 81.191 руб. 78 коп.

Снабженіе мѣстныхъ начальныхъ народныхъ училищъ книгами учебными руководствами и пособіями ведется во всѣхъ уѣздахъ губерніи чрезъ посредство уѣздныхъ земскихъ управъ, которыми и пріобрѣтается все необходимое для училищъ, главнымъ образомъ, изъ книжнаго склада Вятскаго Губернскаго Земства, всегда имѣющаго въ своихъ запасахъ болѣе необходимыя для школъ книги, пособія и руководства. Выписка книгъ для училищъ Вятской губерніи производится управами всегда по предварительномъ сношеніи ихъ по этому вопросу съ мѣстными инспекторами народныхъ училищъ. Такой способъ снабженія школъ книгами, при отсутствіи въ уѣздныхъ городахъ губерніи книжныхъ магазиновъ, можно признать довольно удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Кромѣ школьныхъ ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ, при 93 училищахъ губерніи имѣются также народныя библіотеки. Особенно успѣшно развивалось дѣло учрежденія такихъ библіотекъ въ Орловскомъ уѣздѣ и отчасти въ Уржумскомъ. 12 ноября 1887 года въ Орловскомъ уѣздѣ разрѣшены были къ открытію, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ открыты были первыя двѣ народныя библіотеки, именно при Великорѣцкомъ и Верхошижемскомъ училищахъ. Затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 1888 г. по 1898 г. здѣсь открыты были библіотеки сначала при училищахъ Быстрицкомъ, Верховскомъ, Истобенскомъ и Кленовицкомъ, а потомъ при Орловскомъ, Боровицкомъ, Коршинскомъ, Пищальскомъ и Шалѣговскомъ. Наконецъ, въ 1899 и 1900 гг. открыты были народныя библіотеки еще при 27 училищахъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время народныя библіотеки имѣются уже въ Орловскомъ уѣздѣ при всѣхъ почти сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, за исключеніемъ Бѣлозерскаго.

Данныя о состояніи и дѣятельности народныхъ библіотекъ Орловскаго уѣзда могутъ быть представлены здѣсь въ слѣдующихъ трехъ таблицахъ.

Число книгъ и періодическихъ изданій въ народныхъ библіотекахъ Орловскаго уѣзда:

	Состояло къ концу прошедшаго года.				Пріобрѣтено въ теченіе настоящаго года.				Убыло въ теченіе настоящаго года.				Состоитъ къ концу настоящаго года.			
	Названій.	Отдѣльн. книгъ или предметовъ.	На сумму.		Названій.	Отдѣльн. книгъ или предметовъ.	На сумму.		Названій.	Отдѣльн. книгъ или предметовъ.	На сумму		Названій.	Отдѣльн. книгъ или предметовъ.	На сумму.	
			Р.	К.			Р.	К.			Р.	К.			Р.	К.
Число книгъ для чтенія.	16.010	19.209	8.487	89 1/2	4.446	4.952	1.443	68	140	475	229	68	20.136	24.062	9.121	43 1/2
Число періодическихъ изданій .	1.425	5.425	2.165	85	239	2.752	1.037	85	133	248	154	26	2.108	7.902	3.108	29

Число подписчиковъ въ народныхъ библіотекахъ Орловскаго уѣзда опредѣлилось въ 1901 году въ слѣдующихъ цыфрахъ:

Наименованіе школъ, при которыхъ состоятъ народныя библіотеки.	Къ концу прошедшаго года состояло подписчиковъ.			Въ теченіе отчетнаго года прибыло.		Въ теченіе отчетнаго года убыло		Къ концу настоящаго года состоитъ подписчиковъ.		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Всего
А. Двухклассныя сельскія училища	644	83	727	70	14	83	17	631	80	711
Б. Одноклассныя городскія училища . . .	109	—	109	28	—	37	—	100	—	100
сельскія	3.897	99	3.996	1.141	126	629	46	4.409	179	4.588
Всего . . .	4.650	282	4.932	1.239	140	749	63	5.140	359	5.499

Свѣдѣнія о числѣ взятыхъ подписчиками для прочтенія книгъ и періодическихъ изданій:

Наименованіе школъ, при которыхъ состоятъ библіотеки.	Характеръ и число книгъ, выданныхъ подписчикамъ для прочтенія.									
	Религіозн. содержанія.	Литератур-наго.	Географи-ческихъ.	Историче-скихъ.	Естественно историческ.	Сельско-хо-зяйствен. содержанія.	Медицин-скаго содер-жанія.	Ремеслен-ныхъ.	Періодиче-скихъ изд.	Всего.
А. Двухклассныя сельскія училища .	914	1.775	68	40	47	83	9	8	1.843	4.787
Б. Одноклассныя городскія училища.	70	352	100	120	52	12	20	10	300	1.036
сельскія . . .	5.203	18.751	2.709	4.701	2.010	1.135	338	443	7.732	43.022
Всего . . .	6.187	20.878	2.877	4.861	2.109	1.230	367	461	9.875	48.845

Сопоставляя приведенныя данныя о числѣ подписчиковъ народныхъ библіотекъ Орловскаго уѣзда съ числомъ выданныхъ книгъ, а послѣднія съ числомъ библіотекъ, увидимъ, что на каждую библіотеку, въ среднемъ, приходится 145 подписчиковъ и 1.285 выданныхъ имъ книгъ. Такимъ образомъ, каждый изъ подписчиковъ на полученіе книгъ изъ этихъ библіотекъ прочиталъ въ теченіе года не менѣе 9 книгъ разнаго содержанія.

Свѣдѣній о состояніи и дѣятельности народныхъ библіотекъ по другимъ уѣздамъ Вятской губерніи въ распоряженіи моемъ не имѣется.

На ряду съ народными библіотеками при училищахъ и съ народными библіотеками-читальнями, существующими въ нѣкоторыхъ пунктахъ губерніи уже самостоятельно, во всѣхъ уѣздахъ Вятской губерніи существуютъ еще маленькія библіотечки для каждаго сельскаго общества. Библіотечки эти, открытыя въ 1895 г. по иниціативѣ бывшаго предсѣдателя Вятской Губернской Земской Управы, А. П. Батуева, и содержимыя Вятскимъ Губернскимъ Земствомъ, имѣютъ своею цѣлью содѣйствовать укрѣпленію религіозно-нравственныхъ началъ въ крестьянской средѣ, распространенію полезныхъ знаній и поддержанію среди крестьянскаго населенія пріобрѣтенной имъ въ школахъ грамотности.

Средства содержанія училищъ.

При постепенномъ развитіи и расширеніи по губерніи школьно-учебнаго дѣла какъ въ отношеніи къ увеличенію общаго числа начальныхъ народныхъ училищъ, такъ и въ отношеніи къ улучшенію матеріальнаго положенія ихъ и къ увеличенію состава учащихъ здѣсь лицъ и учащихся не могли не увеличиваться въ соотвѣтствующей мѣрѣ и матеріальныя средства содержанія этихъ училищъ. Твердо и послѣдовательно возрастая, средства эти опредѣлились въ 1901 году уже въ суммѣ 908.154 рубля, превысивъ, такимъ образомъ, на 74.822 руб. тѣ денежныя ассигнованія, какія поступили на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи въ прошломъ 1900 году. Сравнительно же съ тѣми денежными средствами, какія расходовались на содержаніе начальныхъ училищъ Вятской губерніи девять или десять лѣтъ назадъ, опредѣлившіяся въ 1901 году средства содержанія училищъ возросли уже болѣе, чѣмъ вдвое, такъ какъ общая сумма ассигнованій на школьно-учебную часть не превышала еще тогда—въ 1891 году 356.775 руб. 18 коп., а въ 1892 году 371.647 руб. 88 коп. Особенно быстро начала развиваться въ губерніи школьно-учебная жизнь и дѣятельность съ 1895 года, когда подъ живымъ и плодотворнымъ вліяніемъ такого вдохновеннаго земскаго дѣятеля, какимъ былъ для школъ губерніи А. П. Батуевъ, на очередномъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи приняты были самыя широкія и самыя плодотворныя для развитія школьнаго дѣла постановленія. Съ этого времени начало быстро увеличиваться по всѣмъ уѣздамъ губерніи число начальныхъ народныхъ школъ, началъ замѣтно возрастать составъ учащихъ здѣсь лицъ и учащихся, а въ связи съ этимъ замѣтно и съ каждымъ новымъ годомъ все болѣе и болѣе возвышались и средства ихъ содержанія.

Начальныя народныя училища Вятской губерніи получаютъ все необходимое для своего содержанія, главнымъ образомъ, изъ средствъ мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ и Вятскаго Губернскаго. Изъ этого источника поступило въ 1901 году на дѣло начальнаго народнаго образованія въ губерніи 830.732 руб. 87 коп. или 91,6% въ отношеніи ко всей вообще суммѣ, поступившей въ этомъ году на содержаніе мѣстныхъ народныхъ училищъ. Затѣмъ изъ средствъ Министрества Народнаго Просвѣщенія поступило по тому-же назначенію 40.891 руб. или 4, 5% въ отношеніи къ общей суммѣ расходовъ по губерніи на школьно-учебную часть; отъ г. Вятки и уѣздныхъ городовъ Вятской губерніи—14.219 руб. 3 коп. или 1,5%; отъ сельскихъ обществъ—6.180 руб. 39 коп. или 0, 6% въ отношеніи къ общей суммѣ поступленій на

дѣло начальнаго народнаго образованія и, наконецъ, отъ пожертвованій нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и обществъ—16.130 руб. 72 коп. или 1, 7% общаго школьнаго расхода.

Такъ какъ начальныя народныя училища Вятской губерніи содержатся, главнымъ образомъ, на средства Вятскаго Губернскаго и мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ, то, въ виду этого, представляется очень неизлишнимъ указать здѣсь на размѣръ поступленія денежныхъ изъ этого источника суммъ въ 1900 и въ 1901 годахъ, съ точнымъ указаніемъ на то, въ какой мѣрѣ увеличились эти средства по нѣкоторымъ отдѣльнымъ уѣздамъ губерніи въ 1901 году по сравненію съ прошлымъ 1900 годомъ.

Уѣздныя земства Вятской губерніи.	Поступило всего.				Въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ.				Число вновь открытыхъ училищъ въ 1901 г.
	Въ 1900 году		Въ 1901 году		Больше на		Меньше на		
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
Отъ Вятскаго земства	53.767	—	64.778	31	11.011	31	—	—	2
„ Глазовскаго	70.060	66	76.270	37	6.209	71	—	—	8
„ Елабужскаго	54.894	—	59.482	—	4.588	—	—	—	3
„ Котельническаго	53.517	25	57.822	81	4.305	56	—	—	2
„ Малмыжскаго	69.782	—	69.664	—	—	—	118	—	3
„ Нолинского	52.489	—	58.886	—	6.397	—	—	—	1
„ Орловскаго	61.834	47	63.427	96	1.593	49	—	—	—
„ Сарапульскаго	100.122	—	109.684	—	9.562	—	—	—	5
„ Слободского	82.773	37	89.774	79	7.001	42	—	—	1
„ Уржумскаго	76.880	30	88.994	63	12.114	33	—	—	7
„ Яранскаго	71.066	—	91.948	-	20.882	—	—	—	12
Всего	747.186	5	830.732	87	83.546	82	—	—	44

Матеріальныя средства содержанія начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи распредѣляются, обыкновенно, между этими училищами очень равномѣрно, благодаря чему въ губерніи совсѣмъ почти нѣтъ такихъ училищъ, которыя замѣтно выдѣлялись-бы изъ

общаго числа школъ или своей особой матеріальною обезпеченностью или, напротивъ, особой недостаточностью своихъ матеріальныхъ средствъ, чѣмъ могли-бы быть очень затруднены эти училища въ пріобрѣтеніи ими для себя предметовъ даже самой первой и самой существенной необходимости. Небольшое исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ собой только нѣкоторыя двухклассныя училища губерніи вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ нѣсколько лучше обезпечено, по сравненію со всѣми другими училищами, матеріальное положеніе учителей и учительницъ, получающихъ здѣсь по 400 и даже по 460 рублей въ годъ, и въ большинствѣ которыхъ нѣсколько лучше обставлены какъ самыя помѣщенія этихъ училищъ, такъ равно и библіотеки ихъ, вмѣстѣ съ имѣющимися при нѣкоторыхъ училищахъ этого типа кабинетами учебныхъ руководствъ и пособій.

Средняя стоимость содержанія училищъ разныхъ видовъ и обученія въ нихъ одного учащагося опредѣлилась въ 1901 году въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Средняя стоимость содержанія училищъ.		Средняя стоимость содержанія одного ученика.	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.
Двухклассныя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія.	1.944	70	11	67
Одноклассныя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія.	828	86	14	4
Начальныя училища городскія	1.122	41	9	70
Начальныя училища сельскія	781	75	10	99

О предметахъ преподаванія въ начальныхъ народныхъ училищахъ Вятской губерніи.

Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ Вятской губерніи производится на основаніи утвержденныхъ г. Минустромъ Народнаго Просвѣщенія, 7 февраля 1897 года, „примѣрныхъ программъ“, въ которыхъ опредѣленъ объемъ курса по каждому предмету въ отдѣльности, съ распредѣленіемъ учебнаго матеріала по годамъ школьнаго обученія, предусмотрѣнъ характеръ и

методъ обученія каждому предмету, а также даны и надлежащія дидактическія указанія относительно составленія школьнаго расписанія уроковъ.

Въ „примѣрныхъ программахъ“ указанъ минимальный лишь размѣръ свѣдѣній, обязательныхъ къ усвоенію учениками начальной школы, при условіи, что всѣ три группы учащихся находятся въ завѣдываніи одного преподавателя свѣтскихъ предметовъ. Тѣмъ не менѣе учителя и учительницы училищъ Вятской губерніи не овладѣли еще умѣньемъ полностью проходить съ дѣтьми курсъ, установленный вновь изданными для народныхъ школъ программами, хотя въ нѣкоторыхъ училищахъ губерніи на каждое отдѣленіе приходится по особому преподавателю; въ большинствѣ же училищъ одинъ преподаватель завѣдуетъ не болѣе, какъ двумя отдѣленіями. Впрочемъ, программа Министерства Народнаго Просвѣщенія оставалась не выполненной надлежащимъ образомъ, главнымъ образомъ, по русскому языку, именно по грамматикѣ и правописанію. Что-же касается Закона Божія, ариѳметики и письма, то курсъ этихъ предметовъ до сихъ поръ выполнялся и теперь выполняется въ размѣрахъ, требуемыхъ „программами“, если только не считать нѣкоторыхъ дополнительныхъ отдѣловъ по ариѳметикѣ, на изученіе которыхъ у многихъ преподавателей, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, совершенно не достаетъ времени.

Основную цѣль преподаванія Закона Божія въ начальной народной школѣ составляетъ, согласно „примѣрнымъ программамъ“, внушеніе дѣтямъ основныхъ положеній вѣры и нравственности, развитіе въ нихъ религіознаго чувства и молитвеннаго настроенія и объясненіе имъ главныхъ дѣйствій общественнаго богослуженія. „Преподаватель“, говорится въ объяснительной запискѣ по преподаванію Закона Божія, „долженъ, главнымъ образомъ, заботиться не о суммѣ сообщаемыхъ дѣтямъ знаній, а о томъ, чтобы учащійся изъ каждаго его урока вынесъ мысль, чувство, стремленіе, способныя служить ему сѣменами жизни нравственно-религіозной“.

Но осуществленіе этихъ требованій программы встрѣчаетъ на практикѣ очень значительныя затрудненія. Законоучители училищъ, мѣстные священники, отвлекаемые отъ школы исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по церкви и приходу, не имѣютъ возможности отдавать школѣ столько времени и труда, сколько было-бы желательно и необходимо въ интересахъ школьно-учебнаго дѣла. Въ особенно-же неблагопріятныхъ, съ этой стороны, условіяхъ находятся деревенскія училища, число которыхъ ежегодно возрастаетъ. Училища эти расположены на разстояніи отъ 4 до 15 верстъ отъ селъ, и преподаваніе Закона Божія поручается въ нихъ иногда не тому

священнику, въ части котораго они находятся, вслѣдствіе чего посѣщеніе этихъ училищъ является для законоучителей еще болѣе затруднительнымъ. Далѣе, съ постепеннымъ увеличеніемъ въ губерніи числа начальныхъ народныхъ училищъ, большинству священниковъ-законоучителей приходится вести преподаваніе Закона Божія уже въ двухъ, а нерѣдко даже и въ трехъ училищахъ, и это, въ связи съ другими столько-же неблагопріятными въ разсматриваемомъ отношеніи условіями, неизбѣжно отражается на школьныхъ успѣхахъ по предмету Закона Божія.

Очень неблагопріятно также отражается на постановкѣ преподаванія Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и недостаточность уроковъ по этому предмету, даваемыхъ законоучителями въ I отдѣленіи, а также излишне-внимательное отношеніе нѣкоторыхъ священниковъ-законоучителей къ учебнику, нерѣдко совсѣмъ замѣняющему у нихъ живую пастырски-наставительную рѣчь, привычное у священниковъ - законоучителей назначеніе учащимся уроковъ на домъ, вмѣсто разучиванія ихъ въ классѣ со словъ преподавателя или при содѣйствіи классного изученія учебника, и, наконецъ, недостатокъ у нѣкоторыхъ священниковъ простоты въ преподаваніи Закона Божія, задушевности и внутренняго къ предмету урока интереса, безъ каковыхъ качествъ уроки Закона Божія лишены бываютъ того воспитательнаго воздѣйствія, какимъ они должны были-бы всегда сопровождаться. Тѣмъ не менѣе, результаты преподаванія Закона Божія въ начальныхъ училищахъ губерніи, насколько объ этомъ можно судить по балламъ, полученнымъ учащимися на выпускныхъ испытаніяхъ, можно признать вообще достаточными. Особенно-же хорошо поставлено преподаваніе Закона Божія въ училищахъ съ болѣе призванными къ дѣлу школьнаго законоучительства и болѣе преданными ему священниками-законоучителями, каковы законоучитель Больше - Холуницкаго двухкласснаго училища Слободского уѣзда, о. Николай Зоновъ, нынѣ уже умершій, законоучитель Мухинскаго начальнаго народнаго училища, того - же уѣзда, о. Александръ Двиняниновъ, законоучители начальныхъ народныхъ училищъ Нолинскаго уѣзда, священники о. Іоаннъ Сычуговъ, Іоаннъ Костровъ, Владиміръ Молинъ, законоучитель Орловскаго приходского училища, о. Александръ Якимовъ и многіе другіе.

Обученіе родному языку начинается съ изученія звукового состава словъ, при чемъ, въ виду особой важности правильнаго соединенія звуковъ для успѣшнаго усвоенія всего механизма чтенія, на эту сторону звуковыхъ упражненій обращается особенное вниманіе. Изученіе алфавита происходитъ въ большинствѣ училищъ въ порядкѣ, указанномъ въ книгѣ для чтенія „Наше Родное“, Баранова.

Учащіеся начинаютъ съ чтенія слоговъ, потомъ читаютъ слова и затѣмъ переходятъ къ чтенію короткихъ фразъ. Уже на этой первой ступени обученія преподаватели заботятся о достиженіи полной сознательности чтенія, для чего останавливаютъ вниманіе дѣтей на смыслѣ каждаго прочитаннаго слова или фразы, а также выясняютъ имъ значеніе встрѣчающихся знаковъ препинанія. Дальнѣйшимъ матеріаломъ для чтенія служатъ краткія статейки самаго несложнаго содержанія. Незамѣнимой на этой ступени обученія книгой является Азбука графа Л. Н. Толстого, рекомендуемая для чтенія тотчасъ по прохожденіи алфавита.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ обученія матеріалъ для чтенія постепенно осложняется со стороны объема статей, содержанія ихъ, внѣшней формы изложенія и языка. Прочитываемыя статьи захватываютъ все болѣе и болѣе широкій кругъ предметовъ и увеличиваются въ своемъ размѣрѣ. Языкъ ихъ отъ простѣйшаго сочетанія словъ и оборотовъ рѣчи переходитъ постепенно къ изящной литературной прозѣ и художественному изложенію, образцы которыхъ даны намъ нашими лучшими писателями. Близкая дѣтямъ дѣйствительность мало по малу смѣняется новыми и незнакомыми еще для нихъ предметами и явленіями человѣческой жизни и природы, вслѣдствіе чего и общій кругозоръ дѣтей постепенно расширяется. Учащіеся знакомятся мало по малу съ своимъ отечествомъ въ его настоящемъ и прошломъ на статьяхъ географическаго и историческаго содержанія, узнаютъ о существованіи другихъ странъ и народовъ, и, наконецъ, получаютъ понятіе о землѣ, какъ планетѣ и какъ части вселенной. Самыя главныя явленія природы также получаютъ въ сознаніи учащихся нѣкоторое освѣщеніе и объясненіе. Кромѣ того, матеріаломъ для чтенія служитъ также описаніе быта и взаимныхъ отношеній людей между собою, что даетъ богатый матеріалъ для разнообразныхъ нравственныхъ сопоставленій и выводовъ. Ученики успѣваютъ прочитывать также много статей и спеціальнаго религіозно-нравственнаго содержанія.

Такимъ образомъ, на урокахъ родного языка учащіеся усваиваютъ мало-по-малу технику чтенія, пріучаются думать надъ смысломъ читаемаго, пріучаются пользоваться книгой и, наконецъ, извлекаютъ изъ нея полезныя для себя знанія и уроки. Чтеніе имѣетъ, такимъ образомъ, широкое образовательное и воспитательное значеніе и въ этомъ смыслѣ оно составляетъ центральный, послѣ Закона Божія, предметъ въ курсѣ начальнаго народнаго обученія. Вотъ почему отъ правильной постановки уроковъ объяснительнаго чтенія зависитъ въ значительной степени умственное и нравственное развитіе учащихся, а слѣдовательно, и осуществленіе основныхъ задачъ школы. Другой

стороной курса родного языка въ начальной школѣ является изученіе элементовъ русской грамматики, начинающееся съ перваго года обученія и продолжающееся въ теченіе трехъ лѣтъ. Учащіеся знакомятся мало-по-малу съ частями рѣчи и съ строеніемъ предложенія—простого и сложнаго. Всѣ эти теоретическія свѣдѣнія по языку даются учащимся въ той по преимуществу мѣрѣ, въ какой они представляются необходимыми для сознательнаго усвоенія школьными дѣтьми правилъ русской орѳографіи.

Въ тѣсной связи съ обученіемъ русскому чтенію стоитъ обученіе дѣтей славянскому языку, начинающееся большею частью, хотя этого и нельзя считать вполнѣ своевременнымъ, со второй половины перваго учебнаго года. Обученію славянскому чтенію ставятся тѣ-же почти основныя цѣли, какъ и чтенію русскому: къ концу курса своего обученія учащіеся должны достигнуть правильности, бѣглости, сознательности и выразительности чтенія. Но, въ виду особаго содержанія церковно-славянской письменности, постановка церковно-славянскаго языка въ начальной школѣ пріобрѣтаетъ особенную важность, какъ средство религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, и съ этой стороны тѣсно соприкасается съ преподаваніемъ Закона Божія. Матеріалъ курса славянскаго языка на первыхъ ступеняхъ обученія располагается въ строгомъ методическомъ порядкѣ, хорошо выдержанномъ въ особо составленныхъ для уроковъ славянскаго языка учебникахъ Грушевскаго, Ильминскаго, графа Л. Толстого и др. Затѣмъ, учащіеся переходятъ къ чтенію Евангелія, изъ котораго выбираются для уроковъ чтенія отрывки примѣнительно къ порядку событій новозавѣтной священной исторіи, не особенно трудные по формѣ и по содержанію. На дальнѣйшихъ ступеняхъ обученія учащіеся читаютъ также Псалтирь и Часословъ и принимаютъ иногда участіе въ церковномъ богослуженіи чтеніемъ часовъ и шестопсалмія, къ чему они и подготовляются предварительно подъ руководствомъ своихъ законоучителей и учительницъ.

Въ способахъ преподаванія письма не наблюдается еще у преподавателей Вятской губерніи достаточнаго единства и одно образія, не достигнутыхъ еще вполнѣ по этому предмету и нашей народно-школьной дидактической литературой. Правда, всѣ почти учителя и учительницы губерніи примѣняютъ на своихъ занятіяхъ методъ совмѣстнаго обученія письму - чтенію, но нѣкоторые изъ нихъ строго проводятъ принципъ одновременности изученія письма и чтенія, другіе же, напротивъ, стоятъ за допущеніе нѣкоторой раздѣльности въ обученіи тому и другому. Далѣе, очень спорнымъ представляется еще и послѣдовательное употребленіе на первыхъ порахъ обученія разныхъ орудій письма: грифеля, карандаша и

пера. Съ начала 1898—99 учебнаго года письмо грифелемъ на аспидныхъ доскахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи было совсѣмъ уже оставлено; многіе преподаватели употребляютъ пока въ школахъ этихъ уѣздовъ, при элементарномъ обученіи письму, карандашъ; но нѣкоторые изъ учителей и учительницъ сразу уже даютъ учащимся перо, и практика, какъ оказалось на дѣлѣ, не оправдала выражаемыхъ многими опасеній, что начинающіе ученики совершенно не справятся съ перомъ, будутъ пачкать тетради, испортятъ почеркъ и т. п. Въ виду особенно важнаго значенія основныхъ навыковъ по письму въ самомъ началѣ обученія дѣтей, учащимъ всегда рекомендовалось бдительное наблюденіе за посадкой и держаніемъ пера учениками I отдѣленія и самая основательная неторопливо-методическая проработка элементовъ письма, изученіе которыхъ должно безусловно предшествовать выписыванію буквъ. Въ тѣхъ-же самыхъ соображеніяхъ, въ большинствѣ училищъ губерніи съ давнихъ уже поръ примѣняются подготовительныя къ письму упражненія для развитія пальцевъ и кисти рукъ, состоящія въ вычеркиваніи разнаго рода прямолинейныхъ и криволинейныхъ фигуръ и т. п.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ обученія письмо является уже орудіемъ выраженія мысли. Для развитія въ учащихся навыка въ письменномъ изложеніи мыслей школьнымъ дѣтямъ предлагается очень много спеціально смысловыхъ упражненій, начинающихся съ построенія простого предложенія и оканчивающихся свободнымъ отвѣтомъ ученика на заданную тему. Въ виду же того, что бо́льшая или меньшая удобопонятность нашей письменной рѣчи въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ соблюденія пишущими общепринятыхъ требованій орѳографіи, въ начальной школѣ естественно предлагается дѣтямъ очень много и спеціально грамматическихъ и орѳографическихъ письменныхъ упражненій, изъ которыхъ первыя служатъ для уясненія и закрѣпленія сообщаемыхъ дѣтямъ грамматическихъ правилъ, а вторыя пріучаютъ глазъ и руку пишущаго къ извѣстной правильности при изображеніи словъ и предложеній. Путемъ этихъ упражненій, къ окончанію курса своего обученія дѣти пріобрѣтаютъ нѣкоторый навыкъ къ послѣдовательно - правильному изложенію своихъ мыслей съ соблюденіемъ главнѣйшихъ правилъ русскаго правописанія.

Курсъ ариѳметики распадается въ начальныхъ народныхъ училищахъ Вятской губерніи на три ступени: на первой усваиваются на задачахъ и разнаго рода упражненіяхъ въ умственномъ счисленіи основныя понятія объ отношеніяхъ чиселъ въ предѣлѣ первыхъ двухъ десятковъ, при чемъ учащіеся больше всего задерживаются на изученіи чиселъ перваго десятка, какъ на первой основѣ для

всей послѣдующей системы счисленія. Вся ариѳметическая работа на этой первой ступени обученія почти всегда и вездѣ производится устно. Въ теченіе второго года обученія учащіеся знакомятся уже съ устройствомъ слѣдующей счетной единицы—сотни, а затѣмъ и тысячи. Больше всего вниманія отводится изученію ариѳметическихъ дѣйствій въ предѣлѣ первой сотни, такъ какъ по типу рѣшенія задачъ въ предѣлахъ первой сотни располагаются уже и всѣ дальнѣйшіе разряды числовыхъ величинъ и всѣ способы производимыхъ надъ ними вычисленій. На второй ступени обученія понемногу вводится уже письменный счетъ, но и здѣсь преобладаетъ все-таки устное счисленіе. Третій годъ обученія посвящается изученію ариѳметическихъ дѣйствій съ числами любой величины. Письменное производство дѣйствій на этой ступени обученія уже значительно преобладаетъ, но на устный счетъ обращается и здѣсь достаточное вниманіе, при чемъ счетъ этотъ ведется уже вперемежку съ письменнымъ. Въ видѣ дополненія къ курсу ариѳметики учащіеся, ко времени окончанія своего курса, знакомятся также въ общихъ чертахъ и съ дробями, узнаютъ способы измѣренія квадратныхъ поверхностей и вычисленія объемовъ тѣлъ. Въ курсъ III года обученія входитъ также и изученіе дѣйствій съ именованными числами. Успѣшное исполненіе такой программы приводитъ къ тому, что ко времени выхода изъ школы учащіеся пріобрѣтаютъ навыкъ быстро считать устно въ предѣлѣ сотни или даже тысячи, рѣшать устно и письменно доступныя ихъ возрасту и развитію задачи и сознательно производить ариѳметическія дѣйствія съ числами любой величины.

Успѣхъ преподаванія ариѳметики въ первый учебный годъ въ значительной степени зависитъ, между прочимъ, отъ пользованія наглядными пособіями, такъ какъ числа и ихъ отношенія представляютъ для начинающихъ дѣтей совершенно отвлеченный матеріалъ, очень трудный для усвоенія безъ соотвѣтствующихъ наглядныхъ пособій.

Изъ необязательныхъ предметовъ обученія въ начальныхъ училищахъ Вятской губерніи преподавались пѣніе, гимнастика, черченіе съ рисованіемъ, плетеніе изъ соломы, древесныхъ прутьевъ и стружекъ и разныя женскія рукодѣлія.

Обученіе пѣнію ограничивалось въ училищахъ Вятской губерніи почти исключительно изученіемъ учащимися дѣтьми молитвъ, церковныхъ пѣснопѣній и самыхъ простенькихъ по построенію дѣтскихъ пѣсенокъ, при чемъ запоминаніе учащимися мальчиками и дѣвочками мотивовъ тѣхъ или другихъ пьесъ достигалось, главнымъ образомъ, подражаніемъ пѣнію преподавателя, а не чтеніемъ нотъ. Изученіе

нотнаго пѣнія существуетъ лишь въ весьма немногихъ училищахъ губерніи и ведется большею частію съ одними только избранными учениками, составляющими школьные хоры. Число такихъ хоровъ, организованныхъ болѣе или менѣе правильно и участвующихъ пѣніемъ въ церкви на клиросахъ, при дѣятельномъ участіи преподавателей или мѣстныхъ любителей и знатоковъ пѣнія, вообще очень не велико. Въ 1901 году такихъ хоровъ было при школахъ губерніи всего только 181. Эти хоры иногда поютъ всю церковную службу, чаще же всего исполняютъ лишь нѣкоторыя пѣснопѣнія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ занимаютъ обыкновенно мѣста посреди церкви, въ рядахъ учениковъ, а не на клиросѣ.

Обученіе гимнастикѣ въ отчетномъ году производилось въ немногихъ лишь училищахъ губерніи (83) и, главнымъ образомъ, въ Яранскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ, гдѣ ассигнована была даже особая на преподаваніе этого предмета сумма. Въ Яранскомъ уѣздѣ выдавалось по 10 рублей на каждаго преподавателя.

Элементарныя занятія по черченію и рисованію ведены были въ 1901 году болѣе или менѣе правильно въ 20 двухклассныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ 220 начальныхъ народныхъ училищахъ, при чемъ большее число училищъ, въ которыхъ велось преподаваніе этого предмета, падаетъ на Яранскій уѣздъ (90 училищъ) и на Малмыжскій (98 училищъ). Впрочемъ, и въ училищахъ этихъ двухъ уѣздовъ обученіе означеннымъ предметамъ сводилось [къ простому лишь черченію по клѣткамъ, образцы котораго прилагаются, обыкновенно, къ принятымъ въ школахъ учебникамъ. Успѣхи дѣтей по черченію и рисованію въ нѣкоторыхъ училищахъ Яранскаго уѣзда были, по заявленію инспектора училищъ этого уѣзда, весьма хороши, въ большинствѣ же достаточны и въ нѣкоторыхъ училищахъ слабы, вслѣдствіе недостаточнаго усердія и слабой подготовки преподавателей и преподавательницъ Яранскаго уѣзда къ преподаванію этого предмета.

Плетеніемъ изъ соломы разнаго рода шляпъ, сумочекъ и т. п. вещей для домашняго употребленія были занимаемы ученики въ 2 училищахъ Глазовскаго уѣзда, въ 4—Малмыжскаго, въ 6 училищахъ Орловскаго и въ 4 училищахъ Яранскаго уѣзда. Къ 1 января 1902 года всѣхъ обучавшихся плетенію изъ соломы было въ школахъ губерніи 533 ученика и ученицы. Наибольшій навыкъ въ этой работѣ обнаруживали, повидимому, какъ и прежде, ученики Соломинскаго училища Яранскаго уѣзда.

Занятія рукодѣльемъ велись во всѣхъ почти смѣшанныхъ училищахъ губерніи, особенно-же успѣшно преподавалось женское рукодѣлье въ чисто женскихъ училищахъ. Къ 1 января 1902 года изъ

18.530 учащихся въ школахъ губерніи дѣвочекъ обучались рукодѣлью 8.420 или 45%. Въ немногихъ начальныхъ народныхъ училищахъ губерніи дѣвочки, въ числѣ 16, обучались также и тканью на станкѣ-самолетѣ.

А. Красевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета.

Современный русскій языкъ есть самобытно развивающійся языкъ рускаго народа; онъ—потомокъ древне-русскаго, въ доисторическую эпоху выдѣлившагося изъ общеславянскаго рядомъ съ другими славянскими языками. Русскій языкъ, какъ и вообще языкъ всякаго народа, находящагося въ общеніи съ другими, представляетъ пеструю смѣсь въ лексическомъ (словесномъ) отношеніи. Болѣе или менѣе чистымъ онъ былъ только до принятія христіанства русскими славянами. Съ принятіемъ послѣдняго, онъ, благодаря распространенію на Руси древне-церковныхъ книгъ, сразу обогатился множествомъ словъ древне-церковнаго языка. Съ этого-же времени онъ сталъ пополняться словами языковъ греческаго и древне-еврейскаго.

Еще до принятія христіанства русскіе славяне, входя въ соприкосновеніе съ финнами, варягами, южными кочевниками, заимствовали много словъ у этихъ народовъ. Съ XIII вѣка значительное воздѣйствіе на русскій языкъ сталъ оказывать языкъ татарскій; съ XVI—польскій, литовскій и латинскій, а съ Петра Великаго—западно-европейскіе языки, особенно нѣмецкій и французскій. Однако, какъ ни многочисленны заимствованныя слова, но послѣднія, за рѣдкими исключеніями, подверглись полной передѣлкѣ въ фонетическомъ и морфологическомъ отношеніяхъ соотвѣтственно духу русскаго языка.*)

Послѣдній, подобно языку всякаго культурнаго народа, обладающаго письменностью, долженъ быть раздѣленъ на литературный (письменный) и народный (устный).

Устный языкъ (рѣчь) можно уподоблять письменному и, наоборотъ, письменный—устному.

Какой-же изъ нихъ совершеннѣе и какому, вслѣдствіе этого, должно подражать? Постараемся рѣшить этотъ весьма важный вопросъ.

---

*) Напримѣръ, „олухъ“ изъ латинскаго alucus, известь изъ греческаго ἀσβεστής; малорусское „скрыня“ изъ латин. scrinium.

Устный языкъ, правильнѣе сказать, устныя нарѣчія (такъ какъ языка устнаго, собственно говоря, быть не можетъ), находится въ постоянномъ процессѣ развитія и измѣненія, имѣетъ свои отличительныя особенности, извѣстныя только тѣмъ, которые на немъ говорятъ. Далѣе, при разговорѣ люди для выраженія своихъ мыслей пользуются не одними только звуковыми средствами, но и прибѣгаютъ къ интонаціи, жестамъ, мимикѣ. Все это облегчаетъ взаимное пониманіе, и разговаривающіе не особенно заботятся о томъ, чтобы языкъ точно и ясно выражалъ ихъ мысль. Словомъ, живой языкъ, какъ-бы онъ ни былъ образцовымъ, трудно передается на письмѣ (не знаешь, какими знаками обозначить такую рѣчь), а еще труднѣе читается и понимается. Что это вполнѣ справедливо, стоитъ только вспомнить комедію Грибоѣдова „Горе отъ ума". Несмотря на то, что Грибоѣдовъ говоритъ въ ней, и притомъ образцово говоритъ, языкомъ повседневной жизни, этотъ языкъ мы въ чтеніи почти не въ состояніи воспроизвести, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы его не понимаемъ. Онъ прекрасенъ, но попробуйте научить этому языку, попробуйте подражать ему, попробуйте вывести изъ него какія-либо теоретическія положенія.

Въ другомъ совершенно положеніи находится письменный языкъ. Письменно передающій мысли не пользуется никакими вспомогательными средствами, а потому все усиліе долженъ употребить на то, чтобы посредствомъ однихъ только словъ ясно и точно передать свои мысли. Благодаря заботѣ авторовъ, письменный языкъ постепенно улучшается, и подъ перомъ великихъ мастеровъ слова достигаетъ поразительнаго совершенства. Этотъ языкъ, языкъ образцовой прозы, и долженъ служить предметомъ усвоенія и подражанія. Вполнѣ понятная устная рѣчь, будучи записана стенографически, представляетъ затрудненія для пониманія при чтеніи. Если-бы сказавшій рѣчь взялся самъ воспроизвести ее письменно, то непремѣнно изложилъ-бы ее нѣсколько иначе: онъ долженъ былъ-бы употреблять такіе обороты рѣчи, чтобы мысли были ясны для читателей безъ вспомогательныхъ средствъ. Словомъ, письменная рѣчь, по своему построенію, должна нѣсколько отличаться отъ устной, должна быть болѣе совершенной, чѣмъ устная.

Устная рѣчь не можетъ подвергаться отдѣлкѣ, а потому не можетъ быть такой совершенной, какъ письменная.

Если письменный (литературный) языкъ совершеннѣе народнаго, то само собой ясно, что въ школѣ нужно учить письменному, а не устному. Письменному языку нужно учить еще и потому, что онъ общепринятъ, почему знающіе его понимаютъ другъ друга. Кромѣ того, письменный языкъ, сравнительно съ устнымъ, устойчи-

вѣе и болѣе подчиняется опредѣленнымъ правиламъ. Это даетъ возможность изучать его грамматику. Наконецъ, только письменный языкъ и можно назвать языкомъ, въ строгомъ смыслѣ слова; что-же касается народнаго, то это не языкъ, а скорѣе нѣсколько языковъ или нарѣчій. Одно изъ такихъ нарѣчій есть родное для каждаго изъ насъ, и мы учимся ему съ дѣтства путемъ одного только подражанія. Значитъ, учить родному языку въ школѣ нѣтъ смысла и надобности. Поэтому не точно выражаются, когда говорятъ, что въ школѣ должно учить родному. Не точно также выражаются, когда говорятъ, что нужно учить русскому языку, такъ какъ русскій языкъ раздѣляется на устный и литературный (письменный). Школа можетъ и должна учить только родному (въ данномъ случаѣ русскому) *литературному* языку. Обученіе это должно состоять прежде всего въ томъ, чтобы учащійся понималъ *письменный* (*литературный*) языкъ въ его устномъ произношеніи; умѣлъ сознательно читать написанныя на немъ книги, а также умѣлъ излагать свои мысли устно и письменно на этомъ языкѣ *). Однимъ словомъ, чтобы учащійся умѣлъ пользоваться языкомъ, какъ дѣятельностью и какъ результатомъ этой дѣятельности.

Понимать устную рѣчь (языкъ) и пользоваться ею дѣти учатся въ семьѣ. Способность понимать и говорить достигается естественнымъ путемъ.

Труднѣе дается пониманіе и особенно пользованіе письменной рѣчью, такъ какъ построеніе послѣдней сложнѣе устной.

Школа должна учить и тому и другому.

Пониманіе письменной рѣчи (будетъ-ли она устная или писанная—печатная) гораздо легче, чѣмъ пользованіе ею, а потому необходимо начинать обученіе съ пониманія литературной рѣчи въ ея устномъ произношеніи и письменномъ начертаніи.

Чтобы научиться пониманію литературной рѣчи въ ея устномъ произношеніи, достаточно ее слышать.

Чтобы получить возможность учиться пониманію литературной рѣчи въ ея письменномъ (печатномъ) начертаніи, нужно предварительно научиться читать, т. е. по письменнымъ знакамъ воспроизводить слова.

Пониманіе и усвоеніе литературной рѣчи подготовляетъ къ тому,

---

*) Все это, конечно, элементарныя понятія; однако, они далеко не многимъ извѣстны, отчего часто происходятъ вредныя недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, когда сторонники изученія грамматики въ подтвержденіе своей мысли ссылаются, какъ на важный аргументъ, что она учитъ родному языку, то на это совершенно основательно отвѣчаютъ, что родному языку дѣти научились еще до поступленія въ школу.

чтобы умѣть пользоваться ею для выраженія чужихъ и своихъ мыслей.

Труднѣе всего научиться выражать правильнымъ литературнымъ языкомъ свои собственныя мысли устно и письменно *).

Упражненію въ письменномъ изложеніи чужихъ и своихъ мыслей долженъ предшествовать цѣлый рядъ подготовительныхъ письменныхъ упражненій.

Прежде всего, конечно, нужно упражненіе въ процессѣ письма.

Одного умѣнья писать недостаточно. Нужно еще, чтобы письмо было чистымъ, красивымъ, четкимъ, каллиграфически правильнымъ **), орѳографически правильнымъ ***) и грамотнымъ.

Чистота, красота, четкость, каллиграфическая правильность письма обозначаются однимъ словомъ *чистое*, или *каллиграфическое письмо*.

Орѳографически правильное письмо называется *орѳографически-правильнымъ* или просто *правильнымъ*, *орѳографическимъ*.

Грамотнымъ называется письмо, согласное съ требованіями грамматики языка. Кто пишетъ *мѣстовъ*, *дѣловъ*, *сыпютъ*, *перемѣнютъ; читая такое произведеніе, у читателя невольно появляется желаніе подражать его герою; смѣется съ него* и т. п.—тотъ пишетъ безграмотно.

---

*) То и другое достигается исключительно путемъ упражненія — такъ называемыми устными и письменными сочиненіями.

Что разумѣютъ подъ письменными сочиненіями, всѣмъ извѣстно.

Устнымъ сочиненіемъ называется устное изложеніе мыслей на заданную тему.

Какой нужно пройти путь, чтобы возможно скорѣе и лучше достигнуть этого—сразу-ли заставлять учащихся излагать свои мысли устно и письменно, какъ дѣлаютъ теперь въ американскихъ школахъ, или-же предварительно нужно пройти рядъ упражненій въ изложеніи чужихъ мыслей—должно составлять *предметъ методики обученія устной и письменной рѣчи*. Вопросъ этотъ у насъ и за границей, къ сожалѣнію, еще не разработанъ, какъ слѣдуетъ. Въ своей „Методикѣ“ касаюсь исключительно того, что подготовляетъ къ этому (Подготовительными ступенями къ обученію устной и письменной рѣчи служитъ обученіе грамотѣ, чтенію, письму и грамматикѣ).

Въ „Обученіи чтенію“, между прочимъ, говорится о пересказѣ устномъ и письменномъ, т. е. такомъ средствѣ, которое относится къ обученію устной и письменной рѣчи, а не къ чтенію. Кромѣ такого значенія, пересказъ (устный и письменный) служитъ также средствомъ, ведущимъ къ лучшему пониманію прочитаннаго и объясненнаго, почему ему дано мѣсто и въ „Обученіи чтенію“.

**) Т. е., чтобы буквы были написаны и соединены между собой правильно.

***) Т. е., чтобы слова въ предложеніи были написаны такъ, какъ принято.

Чистота (въ широкомъ значеніи) и правильность письма—орѳографическая и грамматическая,—нужны какъ для пишущаго, такъ и для читающаго, особенно для послѣдняго.

Для пишущаго, кромѣ указанныхъ качествъ, очень важно еще, чтобы письмо было скорописнымъ,—важно, во-первыхъ, потому, что на такое письмо тратится меньше времени и, во-вторыхъ, потому, что такое письмо лучше поспѣваетъ за быстротой теченія мысли и не тормозитъ ея.

Вотъ и всѣ внѣшнія качества, которыми должно обладать всякое письмо. Обладаніе такимъ письмомъ составляетъ важное пріобрѣтеніе для каждаго: а кто пишетъ для другихъ — даже нравственную обязанность. Поэтому научить такому письму—первая и необходимая забота школы. Безъ достиженія въ большей или меньшей степени этихъ внѣшнихъ качествъ нельзя приступить къ обученію, какъ излагать мысли письменно.

Изъ раньше и сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что прежде, чѣмъ приступить къ чтенію и письму, нужно, чтобы учащіеся усвоили процессъ чтенія и письма. Усвоеніе процесса того и другого составляетъ предметъ такъ называемой грамоты.

Итакъ, *грамота*, *чтеніе* (сознательное, правильное и выразительное), *письмо* (чистое, правильное и скорописное) составляютъ необходимѣйшіе учебные предметы, способствующіе тому, чтобы воспринимать и понимать мысли другихъ (писателей) и дѣлать доступными свои мысли для другихъ (отсутствующихъ).

Безъ грамоты невозможно чтеніе и письмо; безъ сознательнаго чтенія невозможно пониманіе мыслей, высказанныхъ письменно (или печатно) другими; правильное и выразительное чтеніе способствуетъ лучшему пониманію читаемаго; чистое и правильное письмо помогаетъ легкому и быстрому пониманію написаннаго. Что́ для чтенія орѳоэпическая правильность и выразительность, то для письма—каллиграфическая, орѳографическая и грамматическая правильность.

Какое отношеніе грамматики къ чтенію, орѳографіи, устной и письменной рѣчи, выяснено въ „Обученіи письму“ и въ „Обученіи грамматикѣ“.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что всѣ названные учебные предметы (русская грамота, чтеніе, письмо, грамматика) въ большей или меньшей степени необходимы для пониманія литературнаго языка и для устнаго и письменнаго изложенія собственныхъ мыслей посредствомъ него. Вслѣдствіе этого они и называются предметами языка, въ данномъ случаѣ русскаго языка. Для краткости они просто называются *русскимъ языкомъ*. Само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ понятіе „русскій языкъ“ отлично отъ понятія „русскій языкъ“, раз-

смотрѣннаго раньше. Тамъ подъ терминомъ „русскій языкъ" должно разумѣть звуковой способъ выраженія мыслей русскимъ народомъ, устно или письменно, а здѣсь *совокупность учебныхъ предметовъ*, имѣющихъ отношеніе къ усвоенію русскаго литературнаго языка.

Такъ какъ древне-церковная грамматика способствуетъ выясненію нѣкоторыхъ непонятныхъ явленій въ русскомъ языкѣ, то она причисляется къ кругу учебныхъ предметовъ русскаго языка и входитъ такимъ образомъ въ понятіе „русскій языкъ", какъ учебный предметъ. Нѣкоторые (П. Козловскій) идутъ еще дальше, и къ кругу предметовъ родного (русскаго) языка относятъ теорію словесности, исторію словесности и даже логику, потому что она необходима для пониманія строя сочиненій.

Теперь необходимо разсмотрѣть, кто долженъ учить родному литературному языку, какъ средству выраженія нашихъ мыслей, и чего можно требовать отъ учителя „родного языка", какъ учебнаго предмета.

Къ сожалѣнію, на предложенные вопросы невозможно дать вполнѣ обстоятельныхъ отвѣтовъ, если не вникнуть въ сущность отношенія языка къ нашему уму и памяти *).

Разсмотримъ это, и отвѣты явятся сами собой со всей ясностью и убѣдительностью.

Непосредственное наблюденіе надъ отдѣльными лицами и цѣлыми народами приводитъ къ очевидному заключенію, что языкъ находится въ зависимости отъ нашего ума, памяти и даже эмоцій. Причина понятна. Умъ человѣческій всѣ свои проявленія — ощущенія, представленія, творческіе замыслы, сужденія и разсужденія выражаетъ исключительно посредствомъ словъ. Естественно поэтому, что чѣмъ больше умственныхъ проявленій, тѣмъ больше должно быть словъ, тѣмъ болѣе чувствуется потребность въ умѣньи ими пользоваться. Слѣдовательно, естественный и нормальный порядокъ долженъ быть такимъ: развитіе ума обязано итти впереди развитія языка. Къ крайнему сожалѣнію, часто бываетъ наоборотъ, особенно въ тѣхъ случахъ, когда обученье ведется по системѣ Манилова: дѣти усваиваютъ названіе, не соединяя съ ними ровно никакихъ представленій. Въ данномъ случаѣ слова

*) Чтобы сдѣлать свои соображенія болѣе ясными и доказательными, прошу со словомъ „умъ" соединять понятіе. какъ о духовной способности, проявляющей себя въ представленіи, творчествѣ и мышленіи, а со словомъ „память", такую психо-физическую способность, которая служитъ хранительницей всего того, что доходитъ до нашего сознанія: ощущеній, представленій, творческихъ созданій, результатовъ сужденія и разсужденія, эмоціальныхъ движеній, словомъ, всѣхъ рѣшительно психо-физическихъ проявленій, сдѣлавшихся достояніемъ нашего сознанія.

и фразы есть результатъ дѣятельности не ума, а одной только памяти. Чѣмъ у ребенка воспріимчивѣе память, тѣмъ онъ больше накопляетъ словеснаго матеріала, распоряжается имъ такъ-же, какъ и своими игрушками, а не какъ средствомъ выраженія своей умственной дѣятельности. У него при самой дѣятельной работѣ памяти, словъ умъ можетъ совершенно бездѣйствовать, какъ у той дѣвушки, которая въ горячечномъ бреду произносила цѣлыя цитаты на неизвѣстныхъ ей языкахъ, слышанныя когда-то у пастора. Схоластическая школа, да и наши семья и школа не всегда въ должной степени заботятся о томъ, чтобы дѣти съ произносимыми словами и фразами соединяли опредѣленныя представленія и мысли. Къ крайнему сожалѣнію, очень часто встрѣчаются не только дѣти, но даже и образованные взрослые, которые иногда съ самыми обыкновенными словами не соединяютъ опредѣленныхъ представленій. Дѣти города не представляютъ картинъ и предметовъ повседневной жизни деревни и, наоборотъ, дѣти деревни не имѣютъ понятія о жизни городской. Мнѣ пришлось встрѣтить одну учительницу, которая во время объясненія стихотворенія Майкова „Сѣнокосъ“ обнаруживала полное незнаніе того, о чемъ она говорила дѣтямъ. Пришлось также столкнуться съ однимъ образованнымъ человѣкомъ, который свободно говорилъ о ржи, пшеницѣ, другихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, о молотьбѣ, но не имѣлъ обо всемъ этомъ ровно никакого представленія, что и обнаружилъ по пріѣздѣ въ деревню: вѣяніе ржи онъ называлъ молотьбой. Чтобы устранить такія ненормальныя явленія, въ Западной Европѣ во многихъ семьяхъ установился обычай дѣлать обмѣнъ дѣтей, т.-е. городская семья на извѣстное время посылаетъ своихъ дѣтей къ деревенской, а деревенская къ городской.

Семья и школа должны прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы дѣти были сознательно говорящими существами, а не словоизвергающими машинами. Для этого они должны заботиться не о томъ, чтобы дѣти знали много словъ, а чтобы у нихъ прежде всего составились ясныя, точныя и вполнѣ опредѣленныя представленія, а потомъ уже ассоціировали ихъ со звуками. Значитъ, нужно обратиться къ окружающему насъ міру, изъ него черпать и почерпнутое ассоціировать со звуками, а не къ языку, о которомъ, къ сожалѣнію, многіе до сихъ поръ думаютъ точно такъ-же, какъ думалъ Ушинскій. „Не условнымъ знакамъ“, патетически говоритъ онъ, „учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова: онъ объясняетъ ему природу, какъ не могъ-бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; онъ знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ людей, съ обществомъ, среди котораго дитя живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ-бы

не могъ познакомить ни одинъ историкъ; онъ вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ-бы ввести ни одинъ эстетикъ; онъ, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ-бы сообщить ребенку ни одинъ философъ" (Сборникъ педаг. соч. Ушинскаго стр. 203).

Вотъ въ томъ-то и бѣда, что *языкъ самъ по себѣ*, хотя-бы даже и родной, для ребенка не что иное, какъ только матеріалъ, могущій обогатить его память, не затронувъ ума, одними лишь звуками да гармоніей—музыкой рѣчи, которой, какъ извѣстно, дѣти наслаждаются даже тогда, когда еще не умѣютъ говорить. Если-бы языкъ обладалъ тѣмъ, что ему приписываетъ Ушинскій, тогда не было-бы надобности ни въ наукѣ, ни въ учителяхъ, ни даже въ самомъ наблюденіи природы: изучай языкъ—и довольно, потому что онъ есть источникъ всякаго знанія. Въ дѣйствительности это совершенно не такъ. Внутренняя сторона языка можетъ быть раскрыта только непосредственнымъ изученіемъ природы и человѣка. Насколько внѣшняя сторона языка легко усваивается слуховой памятью, настолько внутренняя дается съ величайшимъ трудомъ, и можетъ быть раскрыта только тѣми, которые облекли ее внѣшней, т. е. естествоиспытателями, историками, эстетиками, философами, законовѣдами и т. д. Что не языкъ объясняетъ природу, а непосредственное изученіе ея, очевидно уже изъ того простого соображенія, что изучающій ее обращается къ ней самой, а не къ языку, что естествоиспытатель не довольствуется языкомъ и прибѣгаетъ къ нагляднымъ пособіямъ, чтобы дать понятіе о своихъ наблюденіяхъ.

Всѣ мы чуть-ли не на каждомъ шагу произносимъ слова: *представленіе, понятіе, наука, грамматика*, и т. п.; но многіе-ли хоть сколько-нибудь сносно понимаютъ, какъ обширно то содержаніе, которое должно быть ассоціировано съ этими словами? Необходимо много труда и размышленія, чтобы проникнуть въ него. Слова *понятіе* и *грамматика* только въ послѣднее время стали понимать надлежащимъ образомъ, правильнѣе сказать, вложили въ нихъ соотвѣтствующее содержаніе. Кто знаетъ, впослѣдствіи, можетъ быть, содержаніе ихъ будетъ замѣнено еще болѣе точнымъ и опредѣленнымъ. Если мы обратимся къ своей памяти, то увидимъ, что у насъ со многими словами въ настоящее время соединяется не то содержаніе, какое было раньше. Помню, въ юности со словомъ „понятіе" я не соединялъ ничего опредѣленнаго и понятнаго, хотя, какъ и другіе, очень часто, до злоупотребленія, пользовался имъ. Потомъ, благодаря Ушинскому, у меня съ нимъ было ассоціировано то, что въ современныхъ логикахъ обозначается выраженіемъ „общее пред-

ставленіе“; въ настоящее время я его понимаю въ духѣ ученія современной логики.

Итакъ, языкъ получаетъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда вложенное въ него содержаніе умѣло передъ нами раскрываютъ. Если-же этого не сдѣлано, то онъ доступенъ для насъ съ одной только звуковой стороны, которая дѣйствуетъ на слухъ, но не на умъ. Языкъ Спинозы, Канта, Фихте и т. п. понятенъ лишь для лицъ, спеціально занимающихся философіей. Къ сожалѣнію, есть очень много людей, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиваются усвоеніемъ одной лишь внѣшней, звуковой, стороны языка, не проникая во внутреннюю, почему часто произносятъ фразы, смысла которыхъ совершенно не понимаютъ. О нихъ еще Сократъ говорилъ, что они не могутъ дать отчета въ томъ, что знаютъ и чего не знаютъ; произносятъ слова, значенія которыхъ совершенно не понимаютъ, вслѣдствіе чего и сами путаются и другихъ сбиваютъ съ толку *).

Относительно зависимости языка отъ эмоцій нужно сказать, что онѣ воздѣйствуютъ на большую или меньшую выразительность языка, дѣлающую его способнымъ воплощать овладѣваемыя человѣкомъ чувства и вызывать ихъ у другихъ; отъ нихъ же зависитъ быстрота и медленность рѣчи, а также бо̀льшая или меньшая ея гармонія. Первыя два положенія сами собой понятны и ясны, третье требуетъ нѣкотораго разъясненія. У всѣхъ, напримѣръ, находятся въ постоянномъ употребленіи слова: буря, мгла, небо, крыть, вихорь, снѣжные крутить, то, какъ, звѣрь, завыть и т. д.; однако, только эстетическое чутье Пушкина подсказало ему соединить ихъ въ дивную гармонію:

---

*) Сказанное о значеніи внѣшнихъ впечатлѣній нисколько не умаляетъ значенія звуковой стороны языка для нашего умственнаго развитія. Какъ-бы ни были обильны и сильны внѣшнія впечатлѣнія, но все-таки они пріобрѣтаютъ для насъ значеніе лишь тогда, когда закрѣпляются звуками. Можетъ быть, даже не будетъ преувеличеньемъ, если мы скажемъ, что умственное развитіе подвигается впередъ не столько благодаря тому, что въ умѣ накопляются впечатлѣнія, сколько благодаря тому, что они облекаются въ звуковую оболочку. Въ самомъ дѣлѣ, и животныя, подобно человѣку, обогащаются множествомъ впечатлѣній; однако, они умственно не развиваются, вѣроятно, потому, что своихъ впечатлѣній не ассоціируютъ со звуками. Прошу замѣтить, что здѣсь я говорю о значеніи для умственнаго развитія одной лишь звуковой стороны языка, а не вообще языка: строго говоря, мысль и языкъ у говорящихъ не раздѣлимы, но въ образованіи ума матеріалъ для мысли долженъ предшествовать звуковому обозначенію.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То. какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.

Сказаннаго, полагаю, вполнѣ достаточно, чтобы на поставленный раньше вопросъ—кто долженъ учить родному языку,—самъ собою вытекалъ такой отвѣтъ: *языку, какъ средству выраженія мыслей, должны учить всѣ рѣшительно учителя; только дружная и совмѣстная дѣятельность учителей всѣхъ учебныхъ предметовъ посильна раскрыть передъ учащимися ту внутреннюю сокровищницу языка, которая ассоціирована съ внѣшней его стороной—звуками. И только анализъ послѣдней долженъ лежать исключительно на обязанности учителя родного языка.*

Я сказалъ, что всѣ рѣшительно учителя обязаны учить языку, какъ дѣятельности (средству выраженія мыслей) и раскрывать его внутреннее содержаніе—всѣ, но не въ одинаковой степени. Кто-же спрашивается, изъ нихъ можетъ сдѣлать это въ большей степени, а кто въ меньшей?

Если исходить изъ того, что сказано раньше объ языкѣ и его отношеніи къ нашему уму, то самъ собой явится отвѣтъ: тѣ, которые преподаютъ матеріально образовывающіе предметы, могутъ выполнить данное требованіе въ большей степени, а тѣ, которые преподаютъ формально образовывающіе предметы или искусства, въ гораздо меньшей. Съ этимъ мы вполнѣ согласимся, если только вспомнимъ, что къ матеріально-образовывающимъ предметамъ относятся Законъ Божій, исторія, географія, естествовѣдѣніе, физика и др., а къ формально образовывающимъ—грамматика и математика. Въ самомъ дѣлѣ, учителя матеріально образовывающихъ предметовъ сообщаютъ самое разнообразное содержаніе; разнообразіе содержанія требуетъ и разнообразія въ выраженіи. Дальше, матеріально образовывающіе предметы по самой своей природѣ требуютъ при изученіи какъ отъ учителей, такъ и отъ учащихся связной и плавной рѣчи, т.-е. того именно, что въ наибольшей степени способствуетъ усвоенію языка и умѣнью пользоваться имъ, тогда какъ учитель „родного языка“ (учебнаго предмета) прежде всего долженъ заботиться о выработкѣ навыковъ въ сознательномъ, правильномъ и выразительномъ чтеніи, въ орѳографически и грамматически правильномъ письмѣ; при преподаваніи грамматики, предмета, исключительно формально развивающаго умъ, онъ, подобно учителю математики, находится въ кругу весьма ограниченнаго содержанія, а, слѣдовательно, и въ кругу весьма ограниченныхъ словесныхъ выраженій; кромѣ того, грамматика, по своей природѣ, требуетъ отвлеченнаго, мало понятнаго дѣтямъ языка—

языка, который ровно ничего не даетъ для выраженія доступныхъ имъ мыслей. Итакъ, учитель родного языка, какъ это ни странно, меньше можетъ учить языку, чѣмъ каждый изъ преподавателей матеріально-образовывающихъ предметовъ. *)

---

*) Что это дѣйствительно такъ, приведу для подтвержденія примѣры.

Извѣстный педагогъ Д. Д. Семеновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Рус. Шк." за 1890 г. № 9, разсказываетъ: „Въ младшихъ классахъ онъ (законоучитель Зяблоцкій) увлекалъ насъ своими простыми, задушевными, картинными разсказами изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, наглядно, просто и поучительно толковалъ намъ притчи Спасителя; въ старшихъ классахъ мастерски объяснялъ катехизисъ, разъясняя каждый текстъ съ исторической, богословской и нравственной точки зрѣнія. Уроки его дѣйствительно были уроками Закона Божія, уроками христіанской нравственности, уроками для жизни, а не уроками обыкновенно учебнаго предмета, которые можно вызубрить по книгѣ".

Добавимъ къ сказанному, что эти уроки, кромѣ того, были также и уроками родного языка.

Можетъ быть, кто-либо поставитъ это въ вину указанному законоучителю и скажетъ, что онъ берется не за свое дѣло. Такъ-ли? Знакомясь съ жизнью дѣтей, съ тѣмъ, что они читаютъ, онъ, такимъ образомъ, получаетъ возможность знать ихъ міровоззрѣніе и направлять его въ желательную сторону. Вся наша жизнь такъ тѣсно и неразрывно переплетена съ религіей, что разорвать ихъ нѣтъ никакой возможности, а потому, знакомясь съ жизнью дѣтей, законоучитель прямо и непосредственно можетъ воспитывать дѣтей въ религіозномъ духѣ на конкретныхъ примѣрахъ.

Приведу еще примѣръ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я занимался русскимъ языкомъ съ учениками приготовительнаго класса. Я долженъ былъ учить ихъ чтенію, орѳографически правильному письму; на упражненіе собственно въ рѣчи времени было мало. Рядомъ съ этимъ преподавалъ географію въ женской гимназіи и имѣлъ полную возможность упражнять учащихся въ устной рѣчи: географія даетъ богатый матеріалъ для передачи готоваго содержанія, а также даетъ возможность пріучить учащихся къ самому строжайшему изложенію: по картѣ описывать страну, читать карту, какъ говорятъ. Пользованіе сравнительнымъ методомъ при изученіи географіи также даетъ возможность пріучать къ самостоятельной рѣчи.

Рядомъ съ законоучителемъ почтенный авторъ вспоминаетъ и своего отца, какъ учителя русскаго языка. „Изъ четырехъ уроковъ русскаго языка въ трехъ младшихъ классахъ одинъ онъ посвящалъ исключительно на чтеніе, другой—на грамматику, третій—на диктовку, четвертый—на заучиваніе наизусть басенъ и стихотвореній".

Все это онъ долженъ былъ дѣлать.

Спрашивается, у кого изъ нихъ учащіеся больше учились языку путемъ подражанія—у законоучителя или у учителя русскаго языка?

Другой законоучитель, какъ мнѣ извѣстно, способствуетъ развитію рѣчи у дѣтей слѣдующимъ образомъ.

Послѣ разъясненія и спрашиванія урока по Закону Божію, на что въ приготовительномъ классѣ уходитъ очень немного времени, заставляетъ

Противъ этого одни могутъ возразить: „вѣдь, учитель родного языка одинъ только учитъ грамматикѣ родного языка, а она и есть тотъ учебный предметъ, задача котораго—учить правильно говорить и писать". Другіе возразятъ, что учитель родного языка прежде всего долженъ обучать языку, умѣнью выражать на немъ свои мысли устно и письменно, а обученіе орѳографіи и грамматикѣ—дѣло второстепенное, неважное, побочное.

То и другое возраженія крайне неосновательны. Первое потому, что грамматика не можетъ научить правильно говорить—она знакомитъ исключительно съ внѣшней стороной языка, а не съ его содержаніемъ, и потому языку, какъ средству выраженія мыслей, учитъ гораздо меньше, чѣмъ любой матеріально образовывающій предметъ *). Второе не выдерживаетъ критики въ силу того простого соображенія, что пока съ однихъ лишь учителей родного языка будутъ взыскивать за погрѣшности противъ орѳографіи и грамматики, до тѣхъ поръ они больше всего будутъ обращать вниманіе на ту и другую, такъ какъ орѳографическія и грамматическія ошибки прежде всего бросаются въ глаза, ихъ легче всего замѣтить, за нихъ можетъ уколоть всякій сколько-нибудь грамотный невѣжда. Для ученика, пишущаго безграмотно, закрыты двери въ высшіе классы, въ высшія учебныя заведенія, даже въ канцеляріи. Изъ-за одного этого учителя родного языка, какъ-бы они сами ни смотрѣли на орѳографію и грамматику, прежде всего стараются научить своихъ учениковъ грамотному письму **). Повторю еще разъ раньше

учащихся разсказывать, какъ они проводили каникулы, что читали и читаютъ. Само собой разумѣется, что это дѣйствительно развиваетъ у дѣтей способность говорить, и у законоучителя на это есть время, а у учителя русскаго языка, обязаннаго научить правильно, сознательно и выразительно читать, орѳографически правильно писать, понимать грамматическій строй рѣчи, на это времени нѣтъ.

*) См. „Обученіе грамматикѣ".

**) Хорошимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Барсовъ, надѣлавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ много шума своей методикой русскаго языка, извѣстной подъ названіемъ „Живое слово".

Въ статьѣ „Образованіе, а не выучка" („Пед. Сборн." 1900 г. № 10) онъ пишетъ: „Въ нашей школѣ все второстепенное—на первомъ мѣстѣ, а первостепенное отодвинуто на задній планъ: на первомъ мѣстѣ—знаніе грамматики, на второмъ—словесность, на третьемъ—исторія, Законъ Божій; въ частности, въ русскомъ языкѣ на первомъ мѣстѣ—грамматика, схоластика а на пятомъ-десятомъ мѣстѣ—содержаніе, все идейное, воспитывающее".

Такъ говоритъ Барсовъ, когда ему хочется въ популярной статьѣ сказать что-нибудь высокопарное о преподаваніи русскаго языка и уличить кого-либо, хотя-бы и въ вымышленномъ имъ-же самимъ пристрастіи къ грамматикѣ и стилистикѣ. Въ этомъ онъ, между прочимъ,

сказанное: *учитель родного языка, какъ это ни странно, имѣетъ гораздо меньше возможности учить ему, чѣмъ каждый изъ учителей матеріально образовывающихъ предметовъ* *).

укоряетъ и меня, утверждая, что я, начавъ говорить о воспитательномъ обученіи, свожу все дѣло къ грамматикѣ и стилистикѣ, а попытку воспитательнаго обученія называю апогеемъ хаотическихъ воззрѣній („Педаг. Сборн." 1900 г., № 10, стр. 328). Такое заключеніе Барсовъ вывелъ изъ моей статьи „Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классической гимназіи", помѣщенной въ „Русской Школѣ" за 1900 г. № 1—2. Если мою статью не перелистать, а внимательно прочесть, то вполнѣ ясно будетъ видно, что я, дѣйствительно, началъ съ воспитательнаго обученія и потомъ перешелъ къ вопросу моей статьи—къ пересмотру программъ классической гимназіи, при чемъ указалъ на недостатокъ программъ по словесности и грамматикѣ. По словесности я рекомендовалъ изучать не только русскихъ авторовъ, но и иностранныхъ. Что-же касается грамматики, то подробно остановился на недостаткахъ программы, при чемъ совѣтовалъ одно выпустить, а другое улучшить. Словомъ, я отвѣчалъ на тематическій вопросъ и совсѣмъ не думалъ сводить вопросъ къ грамматикѣ и стилистикѣ, а тѣмъ болѣе не помышлялъ воспитательное обученіе называть „апогеемъ хаотическихъ воззрѣній". Такъ я назвалъ методику Барсова, а не воспитательное обученіе. Имѣю дерзость не отождествлять воспитательнаго обученія съ методикой Барсова. Но какъ только дойдетъ до дѣла, Барсовъ сейчасъ же хватается за грамматику и орѳографію, а „содержаніе, все идейное, воспитывающее" прячетъ въ уголокъ, такъ что его и не видно, а то и совсѣмъ онъ о немъ забываетъ. И я не ставлю г. Барсову этого въ упрекъ: иначе и быть не можетъ. Что-бы ни говорили противъ грамматики и орѳографіи, но безъ нихъ обойтись нельзя. Почему нельзя—доказывается въ „Обученіи письму" и въ „Обученіи грамматикѣ".

*) Предлагаю на обсужденіе компетентныхъ лицъ слѣдующее мнѣніе. Мнѣ кажется, что учитель словесности, хотя и принадлежитъ къ учителямъ матеріально образовывающихъ предметовъ, но онъ, какъ это ни противорѣчитъ установившемуся воззрѣнію, менѣе другихъ можетъ учить языку по слѣдующей причинѣ: его главная задача—чтеніе и разборъ поэтическихъ произведеній, а поэтическія произведенія даютъ то повседневное содержаніе, которое такъ близко и знакомо намъ. Оно важно для насъ не въ образовательномъ, а въ воспитательномъ отношеніи, потому что возбуждаетъ въ насъ міръ эмоцій. Поэтическія произведенія оттого-то такъ и дороги намъ, оттого-то такъ и волнуютъ насъ, что говорятъ намъ о томъ, что мы сами испытывали, переживали, тогда какъ науки—исторія, географія, физика, естествовѣдѣніе и др. даютъ намъ то, чего мы не знаемъ; они обогащаютъ насъ новымъ запасомъ словъ, пріучаютъ къ тому точному и опредѣленному языку, который такъ необходимъ для насъ на каждомъ шагу и которому, притомъ, можно и должно учиться. Что-же касается поэтическаго, особенно стихотворнаго языка, то онъ слишкомъ образенъ, слишкомъ музыкаленъ, слишкомъ неподражаемъ, словомъ—слишкомъ отмѣченъ печатью особаго дарованія, чтобы ему можно было подражать, чтобы ему можно было научиться. Развѣ не правда, что чѣмъ мы больше восхищаемся языкомъ поэта, тѣмъ менѣе мы обыкновенные люди, можемъ пользоваться

Чего-же можно и должно требовать отъ учителя родного языка?

Прежде всего отъ него нужно требовать, 1) чтобы онъ научилъ учащихся сознательно, правильно и выразительно читать *поэтическія* произведенія какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ (чтеніе научныхъ, прозаическихъ статей должно лежать на обязанности учителей матеріально образовывающихъ предметовъ) *); 2) чтобы ввелъ учащихся въ анализъ внѣшней, звуковой стороны языка, познакомилъ съ тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго она создана; чтобы это ознакомленіе производилось путемъ наблюденія надъ внѣшней стороной языка и, такимъ образомъ, вырабатывало у учащихся способность индукціи и обобщенія, способность, столь необходимую при прохожденіи всякой науки и въ жизни (см. „Обученіе грамматикѣ"); 3) чтобы выработалъ навыкъ въ ороографическомъ и грам-

---

имъ, тѣмъ менѣе онъ намъ по плечу. Кромѣ того, языкъ поэта служитъ выраженіемъ не однѣхъ мыслей, но и вдохновеннаго настроенія, а потому онъ неповторяемъ, неподражаемъ, какъ неповторяемо н неподражаемо то вдохновеніе, которое пережито творцомъ. Такой языкъ хорошъ только въ художественномъ чтеніи или дословной передачѣ. Кромѣ того, о языкѣ поэтовъ, наиболѣе изучаемыхъ въ школѣ, имѣю дерзость сказать слѣдующее. Проза Пушкина слишкомъ отрывочна, а потому не можетъ служить образцомъ для подражанія въ сочиненіяхъ, особенно судительныхъ, требующихъ періодической рѣчи. Кромѣ того, въ прозѣ Пушкина встрѣчается много архаическихъ выраженій для нашего времени. Языкъ Гоголя еще больше не можетъ быть признанъ образцовымъ для устной и письменной обиходной рѣчи. Юмористическій оттѣнокъ, красною нитью проходящій чрезъ большую часть произведеній Гоголя, гиперболичность и какая-то восторженность его языка пригодны для того, чтобы производить на читателя болѣе сильное впечатлѣніе. но не для того, чтобы подражать этимъ свойствамъ въ нашей обыкновенной устной и особенно письменной рѣчи. Не думаю, чтобы преподаватель словесности былъ доволенъ, если ученикъ станетъ подражать въ своихъ описательныхъ сочиненіяхъ такъ называемому описанію Днѣпра, заучиваемому обыкновенно учащимися наизусть. «Днѣпръ» Гоголя есть восторженное воспѣваніе возлюбленной авторомъ рѣки, а не описаніе ея. Отъ учащихся требуютъ точнаго изображенія предметовъ, а не воспѣванія ихъ. Учащихся нужно учить правильному и ясному языку. Поэтическій языкъ дается самъ собою, когда этому благопріятствуютъ условія: природный даръ и воодушевленное настроеніе.

Три года тому назадъ эти мысли были высказаны мной съ сомнѣніемъ и колебаніемъ, и я просилъ доказать противное („Р. Ш.", 1900 г., № 2, стр. 15). Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось встрѣтиться съ опроверженіемъ; напротивъ, Яновскій привелъ ихъ, какъ основательныя („Р. Ш." 1901, стр. 197).

*) Учителя матеріально-образовывающихъ предметовъ должны заставлять учащихся прочитывать задаваемый урокъ и объяснить его. Почему такъ именно должно вести объясненіе уроковъ, а не путемъ разсказа, буду доказывать во введеніи къ методикѣ учебныхъ предметовъ.

матическомъ письмѣ (въ томъ и другомъ должны помогать и остальные учителя); 4) чтобы рядомъ съ другими учителями училъ осмысленному изложенію мыслей, какъ устному, такъ и письменному.

Вотъ тотъ maximum, котораго можно требовать отъ учителя родного языка, при чемъ только два первыя требованія должны быть выполнены имъ однимъ, а остальныя два совмѣстно съ другими, потому что усвоеніе орѳографическаго и грамотнаго письма, осмысленное пользованіе языкомъ въ устномъ и письменномъ изложеніи—столь трудныя пріобрѣтенія, что они могутъ быть достигнуты лишь при дружной и совмѣстной работѣ всѣхъ рѣшительно преподавателей. Поэтому письменныя упражненія должны вестись не однимъ только учителемъ родного языка, но всѣми вообще учителями. Если-же этого не будетъ, то не будетъ у учащихся ни правильнаго письма, ни толковой рѣчи какъ устной, такъ и письменной. Предоставленные самимъ себѣ, учителя родного языка ни въ чемъ рѣшительно не достигаютъ хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Чтобы этого не было, нужно предъявлять къ нимъ такія требованія, которыя посильно выполнить одному человѣку, а не такія, которыя съ трудомъ выполняются многими.

Между тѣмъ, представители учителей русскаго языка по какому-то непонятному недоразумѣнію не только не ропщутъ на то, что на нихъ возлагаютъ непосильное бремя, но требуютъ еще большаго.

Одинъ изъ такихъ представителей (А. Флеровъ) пишетъ: „Что-же дѣлаемъ мы, преподаватели русскаго языка, нравственно обязанные предъ своимъ народомъ вводить мысль порученныхъ намъ дѣтей и юношей въ сокровищницу народнаго духа, сроднять дѣтскую душу съ коллективной русской мыслью, вылившейся въ русскомъ языкѣ? Мы заставляемъ зубрить схоластическіе учебники грамматики, на помощь чему привлекаемъ постоянныя диктовки. Но, вѣдь, это значитъ убивать въ получающей образованіе молодежи, въ будущихъ руководителяхъ народа, государства и общества даже тотъ здравый смыслъ, то живое чутье языка, которымъ они располагаютъ до школьной скамьи; это значитъ отрывать ихъ отъ русскаго народа, плодить людей безъ роду, безъ племени, чуждыхъ родной почвѣ „скитальцевъ", размножать безъ числа „лишнихъ людей", подобно бурелому, заглушающихъ здоровые побѣги молодяка" *) („Педаг. Сборн." 1901 г., № 8, стр. 117).

---

*) Въ 60-хъ годахъ извѣстный нашъ языковѣдъ академикъ Срезневскій предъявлялъ къ преподавателю русскаго языка несравненно болѣе скромныя требованія. На вопросъ, чѣмъ заниматься на урокахъ родного языка,

Вотъ какъ много думаетъ Флеровъ о значеніи учителя русскаго языка!

То, чего онъ требуетъ, едва-ли подъ силу соединеннымъ силамъ всѣхъ учителей школы. Пусть лучше учителя русскаго языка задаются болѣе скромными цѣлями; тогда, навѣрно, они достигнутъ гораздо большаго, чѣмъ теперь достигаютъ.

Остановлюсь еще на вопросѣ о письменныхъ упражненіяхъ и сочиненіяхъ.

онъ отвѣтилъ: „Изучая языкъ, надобно изучать именно то, чего требуетъ сама природа, то, что естественно увеличиваетъ знаніе языка.

„Не достаетъ дѣтямъ пониманія многихъ словъ: надо объяснять имъ значенія этихъ словъ—не только какъ условныхъ знаковъ представленій и и понятій, но и какъ ихъ сознательныхъ изображеній, вразумительныхъ для ума или чуемыхъ воображеніемъ, слѣдовательно, упражняя не только память дѣтей, но и ихъ смышленность, заставляя ихъ вдумываться и въ оттѣнки значенія всякаго основного слова, и въ значенія словъ изъ нихъ произведенныхъ, и въ значенія тѣхъ производственныхъ окончаній, которыя употребляются для ихъ образованія, и въ отличія значенія словъ, сходныхъ по смыслу.

„Не достаетъ дѣтямъ пониманія выраженій: надо и ихъ объяснять, отличая выраженія со смысломъ условнымъ.

„Не достаетъ дѣтямъ умѣнья пользоваться словами и выраженіями: надо упражнять ихъ въ этомъ, пріучать замѣнять слова словами и выраженія выраженіями, наводить на слова и выраженія подобнозначащія, на правильное, разумное оттѣненіе ихъ мысли.

„Не достаетъ дѣтямъ умѣнья вести плавный разсказъ: надо упражнять ихъ пересказами того, что они узнали, помогая имъ представлять это въ послѣдовательномъ порядкѣ, вѣрно и доводя ихъ постепенно до связнаго и легкаго соединенія частей разсказа; начиная небольшимъ, вести постепенно все къ болѣе трудному.

„Не достаетъ дѣтямъ умѣнья писать правильно: надо обращать ихъ вниманіе сначала при чтеніи на написаніе отдѣльныхъ словъ и особенно сродныхъ и ихъ добавочныхъ частей и потомъ на отдѣленіе словъ знаками препинанія въ ихъ связныхъ соединеніяхъ, объясняя причины такого или другого написанія и допрашивая, что, какъ и почему написано, а позже заставлять ихъ писать по насказкѣ слова отдѣльно и связныя рѣчи съ соблюденіемъ объясненныхъ правилъ и обычаевъ.

„Не достаетъ дѣтямъ умѣнья письменно выражаться: надо упражнять ихъ въ письменномъ изложеніи того, что они знаютъ и ясно представляютъ съ наблюденіемъ связнаго, послѣдовательно устнаго разсказа и правилъ правописанія“ (Объ изученіи родного языка, стр. 46—48). Какъ ни скромны эти требованія, однако, всякій согласится, что и они въ одинаковой степени относятся ко всѣмъ рѣшительно учителямъ, не исключая даже учителя чистописанія. Развѣ не разумнѣе было-бы, если-бы учитель чистописанія взялъ на себя заботу рядомъ съ обученіемъ чистописанію и обученіе ороографіи путемъ списыванія и предупредительной диктовки. Въ настоящее время уроки чистописанія въ

О томъ, что не одинъ учитель родного языка и словесности долженъ давать письменныя упражненія и сочиненія, полагаю, и говорить нечего. Это очевидно изъ всего сказаннаго. Но, можетъ быть, онъ обязанъ показать, какъ писать образцовыя сочиненія описательныя, повѣствовательныя и судительныя? Такъ какъ каждый видъ сочиненія имѣетъ свои спеціальныя задачи, то лучше разработку описательныхъ поручить учителямъ естествовѣдѣнія, географіи и физики, повѣствовательныхъ—исторіи и Закона Божія; а судительныхъ учителю родного языка и словесности.

Въ настоящее время, со введеніемъ естествовѣдѣнія въ низшіе классы, учителя этого предмета не знаютъ, что имъ дѣлать, какъ и чѣмъ занять вниманіе учащихся. Изъ этого затрудненія выйти очень легко съ величайшей пользой для учащихся. Учитель показываетъ предметъ, самъ или съ помощью наводящихъ вопросовъ описываетъ его, заставляетъ это описаніе связно повторить, а потомъ и написать. Ученикъ, зная, что описываемый учителемъ предметъ придется описать на бумагѣ, присмотрится къ предмету и прислушается къ словамъ учителя со всевозможнымъ вниманіемъ. Учителя естествовѣдѣнія, географіи и физики описательный видъ могутъ довести до совершенства, чѣмъ они принесутъ учащимся громадную пользу какъ для усвоенія и пониманія предметовъ, такъ и для жизни, потому что умѣнье описывать предметы необходимо на каждомъ шагу.

Учителя Закона Божія и исторіи то-же самое могутъ сдѣлать съ повѣствовательными изложеніями.

При такой постановкѣ дѣла, учителю родного языка и словесности легче и производительнѣе можно будетъ справиться съ судительными сочиненіями, имѣющими отношеніе или къ разсужденію объ общихъ вопросахъ, или же къ поэтическимъ произведеніямъ—разборы, характеристики, художественная оцѣнка.

Къ крайнему сожалѣнію, такой постановки дѣла можно ожидать только въ томъ случаѣ, если офиціально будетъ признано, что на обученіе письменному изложенію мыслей способны всѣ учителя, а не одинъ только учитель родного языка и словесности, и если офиціально потребуютъ, чтобы они вели письменныя работы.

большинствѣ случаевъ служатъ предметомъ упражненія не въ чистописаніи, а издѣвательствѣ надъ учителемъ. Учащіеся, скучая однообразіемъ письма и зная, что отмѣтка по чистописанію не принимается въ соображеніе при переводѣ, даютъ полный просторъ своей дикой разнузданности, съ которой учитель чистописанія безсиленъ бороться. Но этого ничего-бы не было, если-бы онъ давалъ предупредительную диктовку и отмѣтку по ней представлялъ учителю русскаго языка. При этомъ условіи даже самое чистописаніе въ концѣ концовъ выиграло-бы.

Такимъ образомъ, у всѣхъ учителей должны быть общія и частныя обязанности, а также общая и частная отвѣтственность. Общими обязанностями для всѣхъ должно признать, чтобы учили учащихся читать сознательно, правильно и выразительно (учителя родного языка поэтическихъ произведеній, учителя остальныхъ предметовъ—научныхъ), чтобы всѣ учили родному языку—раскрывали его содержаніе, учили умѣнью пользоваться имъ для выраженія чужихъ и своихъ мыслей какъ въ устномъ, такъ и въ письменномъ изложеніи. За недостатки во всемъ этомъ должны отвѣчать въ одинаковой степени всѣ рѣшительно учителя. Пора уже перестать общіе грѣхи взваливать на измученныя спины злополучныхъ учителей родного языка и словесности: это и несправедливо, и гибельно для успѣха дѣла. Прошу замѣтить, что я говорю такъ не какъ заинтересованный въ этомъ человѣкъ (напротивъ, будучи преподавателемъ исторіи и географіи, изъ личныхъ интересовъ, мнѣ удобнѣе было-бы говорить противное), а какъ совершенно объективный наблюдатель.

Дружное и единодушное выполненіе указанныхъ общихъ задачъ не только не помѣшаетъ достиженію частныхъ, напротивъ, поможетъ этому; можно даже сказать, что безъ общихъ немыслимо разумное выполненіе частныхъ *).

Всѣ приведенныя соображенія удивительно просты и ясны; однако, они до сихъ поръ еще не сдѣлались общимъ достояніемъ не только общества, но, какъ мы видѣли, и самихъ учителей; и отъ этого страдаютъ прежде всего ни въ чемъ неповинные ученики и родители, а также и сами учителя. Вслѣдствіе того, что офиціальная отвѣтственность за знаніе языка, за умѣнье пользоваться имъ падаетъ на одного лишь учителя родного языка, остальные учителя совершенно безразлично относятся къ рѣчи учащихся. Это ведетъ къ тому, что усилія учителя родного языка остаются безплодными въ данномъ отношеніи, да, кромѣ того, онъ не можетъ выполнить и того, что составляетъ его неотъемлемую и важнѣйшую задачу; онъ не можетъ въ достаточномъ количествѣ изучить поэтическихъ произведеній, научить учащихся читать ихъ сознательно, правильно и выразительно: словомъ, не можетъ воспользоваться однимъ изъ могучихъ воспитательныхъ средствъ, не можетъ, какъ слѣдуетъ, пріобщить своихъ учениковъ къ родной поэзіи.

Дальше, вслѣдствіе непониманія того, что могутъ и чего не могутъ сдѣлать учителя родного языка, ихъ же коллеги упрекаютъ въ томъ, въ чемъ прежде всего и больше всего они сами виноваты.

*) Такъ какъ этотъ вопросъ уже не входитъ во введеніе въ методику родного языка, а во введеніе въ методику всѣхъ вообще учебныхъ предметовъ, то тамъ я на немъ современемъ и остановлюсь.

Вслѣдствіе непониманія того, что всѣ рѣшительно учителя должны учить сознательному, правильному и выразительному чтенію, а также рѣчи, съ методикой чтенія (сознательнаго, правильнаго и выразительнаго) знакомятся одни лишь учителя родного языка, тогда какъ тщательное усвоеніе ея въ совершенно одинаковой степени должно быть обязательно для всѣхъ рѣшительно учителей. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно давать урокъ по какому-либо предмету, не прочитавъ его, не заставивъ учениковъ прочесть его правильно и съ выраженіемъ, не объяснивъ его планъ, его главныя мысли и т. п. Теперь учителя выбираютъ для себя болѣе легкій способъ объясненія: они раскрываютъ впередъ что-нибудь и какъ-нибудь, вмѣсто того, чтобы тщательно и всесторонне проштудировать задаваемый урокъ. Если-бы современные учителя прежде всего заботились о томъ, чтобы учащіеся хорошо понимали и усвоили учебникъ, то, несомнѣнно была-бы польза отъ ученья. Теперь слишкомъ много мудрятъ, но изъ этихъ мудрствованій, обыкновенно лукавыхъ, какъ извѣстно, кромѣ хаоса и путаницы ровно ничего не выходитъ.

Предупреждаю читателя, что моя методика задается весьма скромною цѣлью—дать указанія, какъ обучать русской грамотѣ, чтенію, письму и грамматикѣ, почему я и даю ей названіе не методики русскаго языка, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, а методики русской грамоты, чтенія, письма и грамматики *).

До сихъ поръ пока напечатаны были въ теченіе 1901, 1902 и 1903 г.г. въ журналѣ „Русская Школа“ „Обученіе чтенію“, „Обученіе письму“ и „Обученіе грамматикѣ русскаго литературнаго языка“. Всѣ эти статьи изданы отдѣльными брошюрами. „Обученіе грамотѣ“ будетъ напечатано въ томъ-же журналѣ въ началѣ 1904 г. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мнѣ нигдѣ не пришлось встрѣтить въ печати возраженій на мои статьи. Въ протоколѣ засѣданія Учебно-Воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній (18 декабря 1901 года) о моей рукописи, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Руководство это въ трехъ послѣднихъ отдѣлахъ (т. е. „Обученіе чтенію“, „Обученіе письму“ и „Обученіе грамматикѣ“) можно рекомендовать тѣмъ, которые болѣе или менѣе знакомы уже теоретически и практически съ дѣломъ первоначальнаго обученія: оно поможетъ критически отнестись къ пріемамъ, разобраться въ нихъ, лучше выяснить цѣли и средства обученія. Для начинающихъ же оно менѣе пригодно: у руководства нѣтъ спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу; излюбленныя положенія автора,

*) Задача и содержаніе методики родного (литературнаго) языка, какъ звукового средства выраженія мыслей, совершенно иного рода. Если время и силы позволятъ, я современемъ постараюсь составить такую методику.

съ которыми далеко не всегда можно согласиться, даютъ иногда неправильное освѣщеніе вопросу" („Педаг. Сбор." 1903 г. № 4, приложеніе). Весьма желательно, чтобы критика возможно обстоятельнѣе остановилась на указанныхъ недостаткахъ. Я самъ, при всемъ своемъ желаніи, не могу найти ихъ.

Въ отзывѣ особой при Ученомъ Комитетѣ коммиссіи по разсмотрѣнію сочиненій по русскому языку, представленныхъ на соисканіе въ 1903 г. большой преміи Императора Петра Великаго, указаны слѣдующіе недостатки названныхъ брошюръ.

1) Въ словахъ: *ноготь*, *коготь* и *деготь* не слѣдуетъ произносить *г*, какъ латинское *h* („Обученіе чтенію).

2) Обращается вниманіе на недостатокъ въ указаніяхъ просодическихъ.—Къ крайнему сожалѣнію, чувствую себя совершенно некомпетентнымъ въ этомъ вопросѣ, а тѣ пособія, которыя у меня есть, не даютъ отвѣта на интересующій меня вопросъ, и я не могу привести его къ удовлетворительному рѣшенію.

Мой совѣтъ запоминать буквенный составъ словъ, путемъ названія буквъ, изъ которыхъ они состоятъ, коммиссія находитъ не практичнымъ. Что касается длинныхъ словъ—это вѣрно. Но, думаю, относительно короткихъ онъ пригоденъ („Обученіе письму", стр. 39).

Коммиссія находитъ, что вопросъ объ устныхъ орѳографическихъ упражненіяхъ развитъ очень мало. Тутъ произошло недоразумѣніе, къ которому я подалъ поводъ, не выяснивъ въ достаточной степени своей мысли. Я держусь того мнѣнія, что устныя орѳографическія упражненія должны быть неразрывны съ письменными, при чемъ устныя должны предшествовать письменнымъ, послѣднія-же должны служить лишь закрѣпленіемъ устныхъ. Всѣ тѣ орѳографическія упражненія, которыя у меня указаны, кромѣ списыванія, конечно, могутъ быть или одними только устными, или одними только письменными. Если кто не находитъ возможнымъ устнаго упражненія закрѣпить письменнымъ, пусть ограничится однимъ лишь устнымъ.

Коммиссія считаетъ непонятнымъ, что я разумѣю подъ формой звуковъ, а сравненіе грамматики съ антропологіей находитъ не точнымъ, потому что грамматикъ много, а антропологія одна.

Выраженіе „форма звуковъ" взято мной у проф. Некрасова (Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка); находится оно также въ учебникѣ церковно-славянскаго языка А. Флёрова. Подъ формой звуковъ они разумѣютъ различіе гласныхъ, смотря по тому, какъ они произносятся—широко или узко.

Сравненіе грамматики съ антропологіей, какъ я теперь думаю, не только не точно, но совсѣмъ невѣрно.

Коммиссія считаетъ увлеченіемъ съ моей стороны утвержденіе, что, такъ какъ живой народный языкъ находится въ постоянномъ процессѣ развитія и измѣненія, то составленная для него грамматика въ скоромъ времени окажется уже непригодной. Это увлеченье, но не увлеченье слѣдующая мысль: „Языкъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова совершенно такой-же мертвый, какъ языкъ Эсхила, Софокла, Эврипида". Приведенное выраженіе я понималъ и понимаю въ такомъ смыслѣ: всякое записанное выраженіе становится мертвымъ, неподвижнымъ, неизмѣняющимся, тогда какъ устное выраженіе погибаетъ и вновь возникаетъ въ измѣненной уже формѣ. Мнѣ хотѣлось сказать, что тѣ формы языка, какія мы находимъ у названныхъ поэтовъ, неподвижны, а потому онѣ могутъ быть предметомъ изученія и обобщенія.

На стр. 32 слова *прыгъ, хвать, толкъ* у меня названы звукоподражательными словами. Это, по указанію коммиссіи, невѣрно: приведенныя слова должно производить отъ глаголовъ: *прыгать, хватать, толкать*. Употребляются они для обозначенія особенной быстроты дѣйствій.

Коммиссія находитъ одностороннимъ и не практичнымъ мое мнѣніе, что преподаваніе грамматики можетъ быть полезно въ томъ случаѣ, когда содержаніе для нея черпается изъ самаго языка, когда ея обобщенія (правила) служатъ строго логическимъ выводомъ изъ наблюденій надъ языкомъ, надъ его формами и ихъ значеніемъ. Относительно приведенныхъ соображеній она говоритъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при обученіи грамматикѣ родного языка всякій разумный учитель пользуется чувствомъ рѣчи своихъ учениковъ и вызываетъ ихъ на дѣятельное участіе въ изучаемомъ грамматическомъ явленіи. Но рѣчь можетъ итти лишь о подготовкѣ и о провѣркѣ ученическаго пониманія. Факты-же грамматическіе, какъ и всѣ строго-научные факты, должны стоять внѣ зависимости отъ маленькаго лингвистическаго опыта каждаго отдѣльнаго ученика, быстроты его соображенія, и даже отъ искусства и знаній учителя. Иначе грамматика, какъ нѣчто ускользающее отъ опредѣленія, будетъ висѣть въ воздухѣ".

Своими словами я хотѣлъ сказать то-же, что говоритъ коммиссія, но не сдѣлалъ добавленія, что наблюденія учениками производятся надъ весьма ограниченнымъ числомъ примѣровъ и производятся, конечно, лишь только для того, чтобы грамматическое правило вытекало изъ примѣровъ, почему-бы было для нихъ не отвлеченнымъ, а конкретнымъ и потому болѣе понятнымъ. Поясню свою мысль на примѣрѣ. Для усвоенія учениками грамматическаго правила, что имена существительныя мужескаго рода оканчиваются на *ъ*, *ь* и *й*, можно избрать

двоякій путь. Можно сообщить это правило, потребовать его усвоенія, а потомъ подкрѣпить его приведенными примѣрами (дедукція). Но можно и такъ поступить: написать нѣсколько существительныхъ мужескаго рода, оканчивающихся на *ъ*, *ь* и *й*, спросить, какого рода написанныя существительныя, на что они оканчиваются, и вывести приведенное раньше правило. Правда, наблюденіе производится надъ очень ограниченнымъ числомъ словъ, а потому и выводъ изъ наблюденія надъ ними можетъ быть скороспѣлымъ; но, съ другой стороны, такой способъ ознакомленія съ грамматическими правилами несравненно доступнѣе для дѣтей и, кромѣ того, требуетъ съ ихъ стороны большей самодѣятельности и размышленія. Когда я говорилъ, что при преподаваніи грамматики содержаніе для нея должно черпать изъ самаго языка, что ея обобщенія должны служить строго-логическимъ выводомъ изъ наблюденій надъ языкомъ, я разумѣлъ, конечно, только то, что необходимо для подготовки пониманія учащихся.

Дальше коммиссія указываетъ на злоупотребленіе мной выраженіемъ „индуктивное мышленіе". „Какъ-бы ни преподавать грамматику", говоритъ она, „индукція тутъ ни при чемъ. Къ тому-же, всѣ прекрасно знаютъ, какова логическая цѣнность выводовъ, которые дѣлаются учениками при изученіи языка по эвристическому методу: выводы, дѣлаемые подъ руководствомъ учителя, всегда бываютъ искусственны и чаще всего подсказываются учителемъ". Примѣры этого, между прочимъ, коммиссія находитъ и у меня. Къ крайнему сожалѣнію, не понимаю выраженія: „Какъ-бы ни преподавать грамматику, индукція тутъ ни при чемъ". Можетъ быть, я не понимаю, какъ слѣдуетъ, слова „индукція", но, мнѣ кажется, разъ учащіеся наблюдаютъ примѣры и изъ нихъ выводятъ обобщеніе, то въ данномъ случаѣ происходитъ индуктивный процессъ мышленія.

Никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что „выводы, дѣлаемые подъ руководствомъ учителя, всегда бываютъ искусственны". Какая искусственность въ тѣхъ выводахъ, которые приведены у меня въ „Обученіи грамматикѣ" на стр. 44 и слѣд.? Что касается подсказываній учителя, то они бываютъ, но это или тогда, когда учитель требуетъ сдѣлать несоотвѣтствующій выводъ (примѣры чего у меня приведены на стр. 11 и 13) или тогда, когда онъ неумѣло ведетъ дѣло.

Наконецъ, комиссія замѣчаетъ, что методика синтаксиса у меня мало разработана. Къ сожалѣнію, это—горькая правда. Но что было дѣлать? Около 8 или 9-ти лѣтъ я бился надъ синтаксисомъ русскаго языка и, съ одной стороны, вслѣдствіе трудности вопроса, а съ другой—вслѣдствіе той хаотичности и неопредѣленности, какія теперь господствуютъ въ немъ, я только передѣлывалъ сдѣланное и ни на

чемъ рѣшительно не могъ остановиться. Только въ этомъ году кой-какъ справился съ нимъ, но это уже послѣ того, какъ была составлена методика грамматики. Надѣюсь, что съ вновь составленной методики грамматики указанный недостатокъ будетъ снятъ.

Такіе недостатки указаны коммиссіей.

Хотя въ настоящее время многое я совершенно передѣлалъ, многое исправилъ въ своихъ методическихъ статьяхъ, однако, для меня очень важно выслушать мнѣнія относительно того, что напечатано. Желательно только услышать ихъ возможно скорѣе, чтобы можно было воспользоваться ими для приготовляемаго мной новаго изданія моихъ педагогическихъ статей. За печатными отзывами имѣю возможность слѣдить въ журналахъ: „Русская Школа“, „Педагогическій Сборникъ“, „Вѣстникъ Воспитанія“ и „Русскій Начальный Учитель“.

М. А. Тростниковъ.

Вступительная лекція къ курсу методики преподаванія словесности. *)

М. Г.

Врядъ-ли когда-нибудь на каѳедрахъ здѣшнихъ аудиторій вамъ приходилось слышать профессора, вступительная лекція котораго имѣла-бы такой характеръ, какой будетъ имѣть моя. Обыкновенно всякій профессоръ начинаетъ свой курсъ съ указанія содержанія той науки, представителемъ которой онъ является, выясняетъ методы научной работы надъ этимъ содержаніемъ, опредѣляетъ научныя задачи; но ни одному профессору не придетъ въ голову *защищать* свою науку: она говоритъ сама за себя, и ни одинъ умственно развитой человѣкъ не усумнится въ ея цѣнности. Положеніе же преподавателя методики таково, что ему свою вступительную лекцію приходится волей-неволей обращать въ защитительную рѣчь: къ методикѣ установилось отношеніе или снисходительно-равнодушное, или презрительно-враждебное. Нѣтъ еще ничего мудренаго въ томъ, что молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не чувствуетъ настоятельной потребности въ методическихъ указаніяхъ, если даже и готовится впослѣдствіи посвятить себя педагогической дѣятельности: не выступивъ еще на практическое поприще, она не представляетъ себѣ всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя встрѣтятъ ее съ первыхъ же шаговъ преподаванія. Но удивительно, что даже педагоги-практики, много и долго работавшіе, нерѣдко отрицаютъ значеніе методики, съ воображаемымъ остроуміемъ кивая на героевъ крыловской басни „Философъ и огородникъ“. По ихъ мнѣнію, теоретическая подготовка—дѣло совершенно лишнее: на первомъ планѣ долженъ стоять опытъ. Такой взглядъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; онъ основанъ, несомнѣнно, на отсутствіи самокритики и на извѣстной долѣ самодовольства, которое заставляетъ закрывать глаза на методическіе недостатки собственнаго преподаванія. А такихъ

*) Читана на Высшихъ женскихъ курсахъ 8 октября 1903 года.

недостатковъ, при отсутствіи теоретической подготовки, не мало. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ классы нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь вы нерѣдко встрѣтите преподавателя съ превосходнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, но онъ не знаетъ, что необходимо эти научныя свѣдѣнія переработать въ учебный предметъ; онъ не обучаетъ, а читаетъ лекціи. Здѣсь вы встрѣтите преподавателя русскаго языка, который думаетъ создать орѳографическій навыкъ рядомъ такихъ пріемовъ: онъ много диктуетъ, стараясь при этомъ произносить слова по возможности неясно; онъ заставляетъ учениковъ выписывать слова, въ которыхъ была сдѣлана ошибка, въ двухъ видахъ, въ ошибочномъ и правильномъ, онъ пишетъ самъ на классной доскѣ отрывокъ съ ошибками и предлагаетъ ученикамъ исправлять ихъ. А если-бы онъ зналъ, что орѳографическій навыкъ основанъ на постоянствѣ зрительныхъ и моторныхъ впечатлѣній, то, конечно, подобныхъ пріемовъ не было-бы въ его преподаваніи. Найдется и такой преподаватель, вся дѣятельность котораго сводится къ задаванію и спрашиванію уроковъ,—это особенно распространенный типъ! Не буду утомлять примѣрами, обильный запасъ которыхъ, вѣроятно, у каждаго изъ насъ въ памяти. Большинство учитъ такъ, какъ ихъ учили („мы всѣ склонны учить такъ, какъ насъ учили", говорилъ Ушинскій), или пользуется указаніями, случайно вычитанными. Это—консерваторы въ педагогическомъ дѣлѣ, въ которомъ чрезмѣрный консерватизмъ болѣе опасенъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было; вѣдь, справедливо, что въ рукахъ учителя будущее народа. Словомъ „практика" такіе консерваторы, сознательно или безсознательно, большею частью прикрываютъ *рутину*.

Между тѣмъ, цѣнность теоретической подготовки для педагога опредѣляется довольно легко, при помощи очень несложнаго разсужденія. Въ самомъ дѣлѣ, познанія о педагогической дѣятельности, ея задачахъ, формахъ, можно пріобрѣсти двоякимъ путемъ: практическимъ и теоретическимъ. Въ первомъ случаѣ познанія слагаются изъ того, что дѣлали наши учителя, и нашего личнаго опыта. Во второмъ—источникомъ познанія является теорія, получившаяся изъ наблюденій надъ практикой, и основанная на научныхъ выводахъ. Личный опытъ педагога, хотя-бы и очень талантливаго, очень много занимавшагося практикой, никогда не можетъ имѣть общаго, обязательнаго значенія. Теорія заключаетъ въ себѣ обобщеніе всѣхъ практическихъ опытовъ, сдѣланныхъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, разными людьми. Практика чужда стремленій выяснить основы той или другой формы педагогической дѣятельности и повторяетъ, какъ по готовому рецепту, извѣстные пріемы. Теорія выясняетъ основанія и научно оправдываетъ тотъ или другой методъ препода-

ванія. Ясно, что выгоды на сторонѣ теоріи, которая и должна лечь въ основу подготовки къ педагогической дѣятельности. Знакомому съ теоріей не придется прибѣгать къ тому, что давнымъ давно отвергнуто; онъ не будетъ ломать голову надъ тѣмъ, что разрѣшено, отыскивать то, что найдено. Теорія поможетъ ему сохранить энергію для плодотворной творческой работы и избавитъ его отъ ошибокъ, для него непріятныхъ, а для учениковъ вредныхъ. Я не говорю уже о томъ, что дисциплинированіе мышленія теоріей создастъ привычку вдумываться въ педагогическіе вопросы.

Однако, если практика безъ теоретическихъ основаній очень часто вредна, то и теорія, не связанная съ опытомъ, мало плодотворна, безжизненна. Теоретикъ съ отвлеченными формулами не далеко ушелъ отъ практика съ готовыми рецептами. Вѣдь, помимо теоретическихъ знаній, педагогу, какъ и врачу, инженеру, необходимо еще техническое умѣнье, а оно пріобрѣтается только практикой. Такимъ образомъ, при подготовкѣ къ педагогической дѣятельности неизбѣжно соединять теорію съ техническими занятіями. Поэтому преподаваніе методики должно всегда сопутствоваться практической работой.

Но, мм. гг., если цѣнность методики, какъ теоріи, такъ очевидна, то вы можете мнѣ задать вопросъ, почему-же до сихъ поръ почти весь наличный составъ преподавателей въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ остается въ этомъ отношеніи не подготовленнымъ? Неужели-же культурное государство съ 130 милліоннымъ населеніемъ, далеко еще не просвѣщеннымъ, не сознало-бы такой простой истины и не пошло-бы навстрѣчу необходимости?—Дѣло, однако, въ томъ, что правительство не разъ пыталось организовать подготовку преподавателей, и въ отношеніи народной школы сдѣлано довольно много. Уже въ 1783 году въ Петербургѣ было основано Главное народное училище съ отдѣленіемъ для приготовленія народныхъ учителей. Въ 1786 году оно было преобразовано въ учительскую семинарію, главною задачей которой было ознакомленіе учениковъ съ методами преподаванія. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія на первыхъ-же порахъ выяснилось, что низшее и среднее образованіе не можетъ успѣшно развиваться при недостаткѣ учителей. При этомъ преимущественное вниманіе удѣлено было народной школѣ, такъ какъ въ то время взгляды на значеніе начальнаго образованія были очень широки. „Извѣстно и неоспоримо, говорилось въ одномъ официальномъ докладѣ, что нижнія народныя училища служатъ существеннымъ основаніемъ народнаго образованія, и тѣмъ необходимѣе, что предметъ обученія въ оныхъ долженъ необходимо простираться на самыя обширнѣйшія состоянія народа, распространять между онымъ истинное просвѣщеніе, развивать перво-

начальныя способности и открывать путь дарованіямъ къ употребленію ихъ на пользу во всякомъ родѣ познаній. Посему самому и въ общей системѣ нашего народнаго просвѣщенія училища таковыя состоятъ въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями. Слѣдовательно, хорошія народныя училища способствуютъ къ цвѣтущему состоянію гимназій, приготовляя имъ способныхъ учениковъ и учителей въ достаточномъ всегда числѣ"... „Народныя училища важнѣе академій и университетовъ и гораздо непосредственнѣе дѣйствуютъ на счастье народовъ"*).

Что-же касается преподавателей для средней школы, то разсадникомъ ихъ долженъ былъ стать Главный Педагогическій институтъ; но это былъ скорѣе университетъ, чѣмъ спеціальное учебное заведеніе, и, дѣйствительно, въ 1819 году онъ и былъ преобразованъ въ университетъ. При институтѣ было отдѣленіе для приготовленія учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, переименованное въ 1819 году въ учительскій институтъ, который черезъ три года по проекту Рунича былъ закрытъ. Въ 1828 году Главный Педагогическій институтъ возродился**). Для характеристики его нелишне замѣтить, что при обсужденіи учебнаго плана было высказано мнѣніе противъ преподаванія педагогики, „такъ какъ способнѣйшіе люди къ воспитанію юношества суть тѣ, которые сами получили хорошее нравственное воспитаніе, а не тѣ, кои лучше велерѣчатъ о семъ воспитаніи",***) и педагогика была оставлена только какъ сводъ правилъ и способовъ преподаванія. Судьба Главнаго Педагогическаго института не лишена интереса: вначалѣ онъ не имѣлъ сословнаго характера, но въ 1845 году, въ зависимости отъ общаго духа нашей офиціальной жизни, ему было запрещено принимать лицъ, которымъ происхожденіе препятствовало вступать въ государственную службу, при чемъ запрещеніе мотивировалось отсутствіемъ „надобности для приготовленія преподавателей прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не вполнѣ согласны съ другими видами правительства". Въ 1858 году его совсѣмъ закрыли, такъ какъ онъ не удовлетворялъ своему назначенію.

Въ 1860 году были учреждены педагогическіе курсы при университетахъ. Сюда принимались на 2 года окончившіе университетъ.

---

*) С. В. Рождественскій. „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія", стр. 131—132.

**) Основаніе для возстановленія педагогическаго института было выставлено такое: „образованіе хорошихъ учителей достигнуто быть можетъ не университетскими лекціями, но основательнымъ обученіемъ и практическимъ приготовленіемъ достойныхъ и охотно себя сему званію посвящающихъ людей".

***) Тамъ-же, стр. 194.

Повидимому, дѣло было обставлено хорошо: занятія распадались на двѣ группы—теоретическія, подъ руководствомъ профессоровъ, и практическія въ гимназіяхъ, подъ руководствомъ педагогическаго комитета. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и опытъ показалъ, что такіе курсы не имѣютъ значенія, да и желающихъ поступить на нихъ оказывалось очень немного. Объясняется это тѣмъ, что теоретическіе курсы читались профессорами, чуждыми преподавательской дѣятельности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а практическія занятія были организованы очень плохо. Право полученія должности преподавателя опредѣлялось сочиненіемъ на извѣстную тему и пробной лекціей. Въ виду неуспѣха, курсы были закрыты, но такъ какъ недостатокъ въ учителяхъ всетаки былъ крайне ощутителенъ, то въ 1867 году открыли Петербургскій историко-филологическій институтъ. Въ сущности говоря, это—историко-филологическій факультетъ съ нѣкоторыми специфическими особенностями. Спеціально-теоретическая подготовка дается здѣсь слабая, а практическія занятія поставлены не вполнѣ удовлетворительно.

Изъ этой краткой, далеко не полной, исторіи вопроса вы видите, что попытки были, но ихъ неудача, повидимому, убила надолго стремленіе къ новымъ опытамъ.

Въ послѣднія 10 лѣтъ, когда реформа средней школы заняла всю западную Европу,—мы, всегда прислушивающіеся къ пульсаціи умственной жизни Запада, не остались чужды общаго движенія и тоже съ болѣзненной нервностью обсуждаемъ давно назрѣвшій вопросъ При этомъ всѣ съ очевидностью поняли, что никакая реформа не можетъ быть осуществлена, если не будетъ достаточной арміи хорошо подготовленныхъ преподавателей. Необходимость подумать объ этомъ усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что наличный составъ среднихъ учебныхъ заведеній не можетъ уже обслуживать населеніе, и всякій, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія, съ болью въ сердцѣ читаетъ ежегодныя осеннія сообщенія съ разныхъ концовъ Россіи объ отказѣ въ пріемѣ огромному числу желающихъ поступить въ среднюю школу. Увеличить же число школъ, не имѣя преподавателей, нельзя.

Въ связи со всѣмъ этимъ, конечно, нужно поставить пробужденіе интереса къ вопросу о подготовкѣ преподавателей. Кое-что для осуществленія потребности въ хорошо подготовленныхъ педагогическихъ силахъ уже сдѣлано: въ нынѣшнемъ году открытъ женскій педагогическій институтъ, имѣющій цѣлью „высшее педагогическое образованіе женщинъ и приготовленіе преподавательницъ для всѣхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній“*)

*) § 2. Положеніе о женскомъ педагогическомъ институтѣ.

организуются курсы для подготовки преподавателей военно-учебныхъ заведеній. Несомнѣнно, и Совѣтъ Высшихъ женскихъ курсовъ своимъ постановленіемъ учредить приватныя каѳедры методики идетъ навстрѣчу ясно опредѣлившейся потребности какъ курсистокъ, такъ и общества. Конечно, *не задача высшихъ курсовъ готовить преподавательницъ*: храмъ науки долженъ быть далекъ отъ практическихъ цѣлей. Но дать возможность получить нѣкоторую подготовку желающимъ посвятить себя педагогической работѣ Высшіе курсы имѣютъ право, нисколько не нарушая общаго тона своей просвѣтительной дѣятельности и не внося въ нее диссонанса. Скажу даже больше: они должны были откликнуться на такое желаніе. Когда въ 1872 году разрѣшено было открыть въ Петербургѣ и Москвѣ первые въ Россіи Высшіе женскіе курсы, то министръ народнаго просвѣщенія не нашелъ возможнымъ предоставить оканчивающимъ эти курсы право преподавать въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но если юридически это право отсутствовало, то фактически оно уже было пріобрѣтено: въ послѣдніе годы съ Высочайшаго разрѣшенія окончившія Высшіе женскіе курсы были допускаемы къ преподаванію въ старшихъ классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній и даже къ чтенію лекцій въ 8-мъ спеціальномъ классѣ, а на дняхъ Гавноуправляющему вѣдомствомъ Императрицы Маріи предоставлено право назначать ихъ во всѣ классы и гимназій и институтовъ. Жизнь, такимъ образомъ, взяла свое. При этихъ условіяхъ введеніе методики, какъ *необязательнаго* предмета, даетъ желающимъ выступить на педагогическое поприще возможность хотя до нѣкоторой степени теоретически къ нему подготовиться. Какъ убѣжденный защитникъ такой подготовки, самъ на себѣ испытавшій всѣ непріятные результаты ея отсутствія, я особенно горячо привѣтствую это начинаніе.

Въ добрый путь!

Обращаясь къ своему предмету, я не могу не указать, что онъ представляетъ нѣкоторыя трудности. Всѣмъ извѣстно, что въ преподаваніи тѣсно слиты два фактора—содержаніе преподаванія и способы его передачи. Методика родного языка и имѣетъ цѣлью уяснить характерныя стороны всѣхъ способовъ обученія родному языку и показать, какіе изъ этихъ способовъ можно считать въ настоящее время научно наиболѣе оправданными, т. е., иными словами, критически освѣтить ихъ. При этомъ нужно замѣтить, что теоретической методики, во всѣхъ своихъ частяхъ научно разработанной, нѣтъ; созданіе ея—дѣло будущаго. Правда, за послѣднее время экспериментальная психологія пошла навстрѣчу вопросамъ школьнаго обученія; но она дала пока еще мало и въ значительной мѣрѣ предста-

вляетъ собою матеріалъ, далеко еще не обработанный. Въ виду этого, установилось два способа преподаванія методики: одинъ изъ нихъ можно назвать догматическимъ, другой—историческимъ. Догматическій методъ заключается въ томъ, что преподаватель методики сообщаетъ безъ всякаго анализа тотъ методъ, который онъ считаетъ лучшимъ, которымъ онъ самъ успѣшно пользовался. Недостатки этого способа очевидны: въ основѣ его лежитъ вѣра въ авторитетъ преподающаго,— начало не желательное въ критической работѣ мысли. На практикѣ первый способъ почти всегда обращается въ своего рода натаскиванье, шульмейстерство. Второй способъ представляетъ значительныя выгоды: онъ прежде всего даетъ возможность прослѣдить исторію методовъ; затѣмъ, такое историческое изученіе одно только и можетъ создать сознательное отношеніе къ тому или другому методу и сдѣлать правильную его оцѣнку.

Къ сожалѣнію, однако, не во всѣхъ отдѣлахъ методика можетъ имѣть историческій характеръ. Можно такъ построить методику обученія грамотѣ, что получится превосходная картина, въ которой будутъ ясно видны всѣ усилія человѣческой мысли, въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ работавшей надъ элементарнымъ вопросомъ просвѣщенія. Эта картина вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, черезъ какой огромный лѣсъ заблужденій прошелъ человѣкъ, прежде чѣмъ выработалъ тѣ способы, которые употребляются въ настоящее время и которые, соотвѣтствуя основной педагогической идеѣ самодѣятельности ученика, даютъ возможность очень быстро достичь блестящихъ результатовъ. Такъ можно строить методику грамматическаго обученія, которая объяснитъ, въ зависимости отъ какихъ условій измѣнялись методы преподаванія грамматики и какіе педагогическіе достоинства и недостатки имѣетъ тотъ или другой методъ и т. п. Но когда рѣчь пойдетъ о методикѣ преподаванія словесности, то тутъ сразу-же обнаружится невозможность стать на историческую почву. Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ отдѣлѣ преподаванія родного языка нѣтъ такого разногласія, какъ въ отдѣлѣ преподаванія словесности. Прекрасной иллюстраціей къ этому являются офиціальныя программы.

„Что касается до исторіи литературы, читаемъ въ одной изъ нихъ, то преподаваніе этого предмета, если понимать подъ нимъ картину постепеннаго развитія народа, насколько оно выразилось въ словѣ, мыслимо только въ университетѣ, и если можетъ быть допущено въ женскихъ институтахъ, то только въ самомъ концѣ курса, и то въ видѣ сжатаго очерка“*).

*) Уставъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи.

Другая программа также отрицательно относится къ исторіи литературы. „При изученіи нѣкоторыхъ произведеній, читаемъ здѣсь, учитель можетъ внести въ свою бесѣду съ учениками соотвѣтственныя свѣдѣнія историко-литературнаго характера: о личности писателя, его эпохѣ, литературной школѣ, къ которой онъ принадлежалъ, и т. п. Все это вполнѣ умѣстно, поскольку служитъ къ лучшему уразумѣнію читаемаго произведенія; но историко-литературнымъ комментаріямъ не должно быть придаваемо неподобающее имъ значеніе, и курсъ словесности не долженъ обращаться въ курсъ исторіи литературы“ *). Вмѣсто исторіи литературы предлагается теорія словесности, задачи которой обрисовываются въ нѣсколько неопредѣленномъ видѣ: „Теорія прозы и поэзіи не составляетъ сама по себѣ цѣли, ради которой изучаются произведенія словесности; напротивъ, теоретическіе выводы, какіе возможны при классномъ изученіи образцовъ, должны служить лишь средствомъ для болѣе отчетливаго уразумѣнія тѣхъ возвышенныхъ мыслей и тѣхъ художественныхъ образовъ, которые составляютъ сущность содержанія изучаемыхъ образцовъ. Затѣмъ, не мало поучительнаго представляютъ и формы, въ какія облекаютъ писатели свои мысли и образы, и тѣ средства для этого, какія извлекаютъ они изъ родного языка; изученіе литературныхъ образцовъ съ этой стороны можетъ поселить въ молодежи и сознательную любовь къ родному языку, и стремленіе относиться къ своему изложенію съ тою-же требовательностью, какую они встрѣтятъ у авторовъ изучаемыхъ произведеній“. Примѣрныя программы классическихъ гимназій также изгоняютъ исторію литературы. Цѣлью занятій литературой ставится „изученіе русскаго отечественнаго языка“ съ тѣмъ отличіемъ отъ младшихъ классовъ, что тамъ языкъ изучается съ грамматической цѣлью, а тутъ эта работа производится на фонѣ стилистическомъ и историко-литературномъ. Учителю предлагается не вдаваться при прохожденіи какъ древней, такъ и новой словесности „ни въ критику, ни въ излишнія историко-литературныя подробности“. Ему совѣтуется „ознакомить учениковъ съ содержаніемъ, планомъ, литературною формою, основною идеей и языкомъ читаемаго и разбираемаго произведенія“.

Любопытно, что подобное разногласіе существуетъ не только у насъ, но и въ западной Европѣ: тамъ тоже встрѣчаются протесты противъ преподаванія исторіи литературы въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній на томъ основаніи, что она устраняетъ

---

*) Проектъ общей программы и инструкціи для производства опыта преподаванія учебныхъ предметовъ въ 1-мъ, Псковскомъ и Донскомъ Императора Александра III кадетскихъ корпусахъ, съ начала 1903—1904 уч. г.

самодѣятельность ученика и вводитъ принципъ пассивнаго слушанья. Въ то время, какъ одни преподаватели требуютъ особыхъ уроковъ для исторіи литературы, другіе находятъ, что достаточно только одного чтенія литературныхъ произведеній съ анализомъ, имѣющимъ цѣлью ознакомить съ содержаніемъ, композиціей, выяснить основную мысль, характеръ героевъ и т. п.

Неясность программъ, очевидно, есть результатъ неопредѣленности взглядовъ на предметъ самихъ преподавателей: одни изъ нихъ главной задачей преподаванія ставятъ развитіе въ ученикахъ литературной рѣчи; другіе выдвигаютъ на первый планъ эстетическое воспитаніе; третьи видятъ въ исторіи литературы могучее орудіе для нравственнаго воздѣйствія, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ; четвертые, наконецъ, соединяютъ всѣ эти цѣли. При такихъ условіяхъ, само собой разумѣется, не могла создаться методика словесности, такъ какъ для возникновенія методики любого предмета нужно хоть какое-нибудь согласіе относительно содержанія, цѣли и способовъ преподаванія его, а относительно словесности такого согласія не было и нѣтъ.

Изъ всего этого вы видите, что мнѣ придется волей-неволей стать скорѣе на догматическую, чѣмъ на историческую почву; но я этимъ не смущаюсь. Я помню, нѣсколько забытыя теперь, драгоцѣнныя мысли покойнаго Стоюнина, высказанныя лѣтъ 40 тому назадъ: онъ говорилъ, что для освѣщенія вопроса о преподаваніи словесности необходимо, чтобы преподаватели этого предмета давали „изложеніе своихъ взглядовъ, опытовъ, соображеній“. „Пусть, прибавлялъ онъ, всѣ они выяснятся вмѣстѣ съ методами, которые до сихъ вырабатывались разными личностями. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ довольно матеріаловъ, чтобы сдѣлать какой-либо общій выводъ. Тогда начинающимъ педагогамъ будетъ изъ чего выбирать для собственныхъ опытовъ и для дальнѣйшей разработки той или другой методы“. Этимъ опредѣляется планъ моей работы съ вами. Воспользовавшись тѣмъ небогатымъ литературнымъ матеріаломъ, который существуетъ по данному вопросу, я перейду къ „изложенію своихъ взглядовъ, опытовъ, соображеній“. Эпиграфомъ-же къ своему курсу поставлю слова Л. Толстого:

„Всякій учитель долженъ знать, что каждая изобрѣтенная метода есть ступень, на которую должно становиться для того, чтобы итти дальше; долженъ знать, что ежели онъ самъ того не сдѣлаетъ, то другой, усвоивъ себѣ эту методу, на основаніи ея пойдетъ дальше, и что, такъ какъ дѣло преподаванія есть искусство, то оконченность и совершенство недостижимы, а развитіе и совершенствованіе безконечны“.

Н. Кульманъ.

Круговая тетрадь.

Во многихъ французскихъ школахъ введены cahiers de roulement, то есть *катящіяся* или *передвижныя* тетради; на первой страницѣ этихъ тетрадей печатается эпиграфъ; „прогрессъ посредствомъ соревнованія“, и онѣ разсылаются въ школы безплатно, за счетъ общины или содержателей училища. По иниціативѣ В. К. Пото—дочери извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго, такія тетради, подъ названіемъ *круговыхъ*, были примѣнены въ 1902—3 учебномъ году, въ видѣ опыта, въ учрежденныхъ г-жею Пото Кіевскихъ училищахъ имени К. Д. Ушинскаго. По свидѣтельству учащихъ и завѣдующихъ этими училищами *круговыя тетради* оказались настолько полезными, важными и необходимыми, что въ настоящее время рѣшено употреблять ихъ во всѣхъ классахъ названныхъ училищъ, какъ отличное педагогическое средство.

Круговая тетрадь служитъ для всеобщаго пользованія учениковъ каждаго класса или отдѣленія, переходя отъ одного ученика къ другому. Каждый ученикъ или ученица пользуется ею въ теченіе лишь одного учебнаго дня, исполняя въ ней всѣ тѣ письменныя работы, какія въ это время предлагаетъ учитель классу. На слѣдующій день круговая тетрадь передается слѣдующему по алфавиту ученику и т. д., совершая въ теченіе учебнаго года нѣсколько круговыхъ оборотовъ по всему классу. Такимъ образомъ круговая тетрадь отличается отъ всякой другой ученической тетради тѣмъ, что она принадлежитъ цѣлому классу или отдѣленію и заключаетъ въ себѣ письменныя работы всѣхъ учащихся, тогда какъ другія тетради представляютъ собою работу одного ученика и принадлежатъ только ему одному.

Въ день открытія занятій въ школѣ, въ началѣ учебнаго года, учитель даетъ круговую тетрадь первому по алфавиту ученику, записавъ предварительно на первой ея страницѣ фамиліи учениковъ въ алфавитномъ порядкѣ. Получивъ тетрадь, ученикъ пишетъ на слѣдующей страницѣ, вверху слѣва, день, число и свои имя и фа-

милію, а также возрастъ и затѣмъ исполняетъ въ тетради всѣ письменныя работы по мѣрѣ того, какъ ему надо выполнять предлагаемые учителемъ уроки и упражненія. Каждый урокъ ясно отдѣляется отъ другого соотвѣтствующимъ заглавіемъ, напр.: *диктовка, списываніе съ книги, грамматическое упражненіе, задача* и т. д., или-же: *урокъ по исторіи, урокъ по географіи* и проч., причемъ въ послѣднемъ случаѣ излагается ученикомъ болѣе или менѣе кратко содержаніе урока. По истеченіи дня ученикъ подписывается подъ своею работою и отдаетъ тетрадь учителю для провѣрки и исправленій. На другой день второй ученикъ продѣлываетъ тоже, затѣмъ третій, четвертый и т. д. до послѣдняго, а потомъ тетрадь снова возвращается къ первому ученику для новаго кругооборота. Такихъ кругооборотовъ тетрадь въ теченіе учебнаго года должна совершить нѣсколько, чѣмъ больше—тѣмъ лучше. Если, напр., въ классѣ или отдѣленіи 20 человѣкъ, то тетрадь побываетъ у каждаго ученика одинъ разъ въ мѣсяцъ, что и было-бы самымъ желательнымъ. Для удобства письма круговая тетрадь не должна быть толстой, а потому для каждаго класса или одѣленія необходимо имѣть нѣсколько такихъ тетрадей, которыя даются ученикамъ по мѣрѣ заполненія всѣхъ чистыхъ страницъ пронумерованыхъ такъ, чтобы въ концѣ года всѣ ихъ соединить въ одинъ переплетъ и затѣмъ хранить въ школьномъ архивѣ. Круговая тетрадь имѣетъ особенную линовку, состоящую изъ горизонтальныхъ пунктирныхъ линій, проведенныхъ въ разстояніи восьми милиметровъ одна отъ другой, при чемъ каждые восемь милиметровъ пунктира отдѣляются болѣе замѣтной точкой. Такая линовка даетъ возможность съ удобствомъ исполнять въ тетради письменныя работы по разнымъ предметамъ, составлять чертежи, карты и рисунки и вообще всѣ тѣ работы, для которыхъ употребляются тетради въ клѣточкахъ. При линовкѣ оставляются поля, служащія для замѣчаній и исправленій, что даетъ учителю возможность не пачкать ученическихъ работъ, къ которымъ должно всегда относиться съ уваженіемъ.

Круговая тетрадь въ окончательномъ своемъ видѣ является вѣрнымъ показателемъ не только успѣховъ цѣлаго класса, но и качественной стороны метода преподаванія. Сохраненныя въ школьномъ архивѣ, круговыя тетради составятъ дѣйствительную и наглядную педагогическую исторію школы, а для будущихъ учителей ея представятъ существенно важный матеріалъ, необходимый для руководства при дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи методики преподаваемыхъ предметовъ. Опытъ примѣненія круговой тетради въ школѣ показываетъ, что она служитъ хорошимъ средствомъ къ поддержанію въ учащихся интереса къ работѣ и соревнованія въ ея

исполненіи. Учителя утверждаютъ, что ученики считаютъ за счастье писать въ ней свои уроки и старательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не пропустить очереди. При исполненіи работъ въ круговой тетради ученики удваиваютъ свое вниманіе и всегда стараются возможно аккуратнѣе выполнить задаваемые уроки. Сверхъ этого круговая тетрадь даетъ возможность учащимъ, а въ особенности ревизующимъ отдадавать себѣ скорый и вѣрный отчетъ обо всемъ сдѣланномъ въ классѣ, какъ-то: о способахъ и результатахъ преподаванія, объ успѣхахъ каждаго ученика въ частности и въ особенности объ успѣхахъ цѣлаго класса. Одинъ взглядъ на работы въ этой тетради уже даетъ возможность сразу узнать—точно-ли учитель придерживается программы, есть-ли послѣдовательность въ занятіяхъ и оказываютъ-ли разные ученики одинаковые успѣхи и способны-ли они къ усвоенію знаній по той или другой программѣ. Круговая тетрадь—это своего рода автобіографія класса, старательно составленная самимъ же классомъ; въ нее день за днемъ внесены результаты прилежанія, основанные не на способностяхъ одного ученика, а на успѣхахъ всего класса.

Такія блестящія качества и значеніе круговыхъ тетрадей даютъ намъ увѣренность, что и наши русскія школы вскорѣ послѣдуютъ примѣру французскихъ школъ и будутъ оставлять по себѣ богатый матеріалъ для будущаго историка-педагога и для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей по народному образованію.

Т. Лубенецъ.

Къ вопросу о внѣшкольномъ образованіи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года на одной изъ фабрикъ группою учащихъ при содѣйствіи фабричной администраціи была устроена для рабочихъ „выставка картинъ“, или, вѣрнѣе сказать, выставка всѣхъ учебныхъ пособій, которыми въ изобиліи снабжена мѣстная фабричная двухлассная школа.

Приступая къ организаціи этого совершенно новаго для себя и мало кому извѣстнаго просвѣтительнаго начинанія, его иниціаторы не безъ волненія ожидали того, какъ отнесется рабочій людъ къ этому дѣлу. Но безпокойство было излишне: около $^1/_3$ населенія фабрики посѣтило выставку; кромѣ того, послѣдняя дала такъ много интереснаго, что я счелъ своимъ долгомъ выступить съ настоящей замѣткой.

Музей наглядныхъ пособій фабричной школы, который и составлялъ почти всю выставку, располагаетъ 358 экземплярами „картинъ“ и 150 №№ различныхъ приборовъ и др. пособій. По различнымъ отдѣламъ пособія эти распредѣляются такъ:

по зоологіи	50	№№ различ. пособій
„ ботаникѣ	91	„ „ „
„ физикѣ	37	„ „ „
„ анатоміи	21	„ „ „
„ остальнымъ отдѣламъ естествовѣд.	99	„ „ „
„ географіи	110	„ „ „
„ исторіи	24	„ „ „
„ наглядному обученію	27	„ „ „
„ технологіи	15	„ „ „
„ ариѳметикѣ	7	„ „ „
„ геометріи	25	„ „ „
„ русскому языку	1	„ „ „
„ Закону Божію	1	„ „ „

Около половины изъ демонстрировавшихся пособій составлены

по „списку наглядныхъ учебныхъ пособій для подвижныхъ музеевъ Курской губ.“ (См. каталогъ книжнаго склада Курскаго губ. земства. Изд. 3-е).

Изъ перечисленныхъ выше на выставкѣ были всѣ пособія, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ группъ. Выставка помѣщалась въ громадномъ актовомъ залѣ школы. Для удобства обозрѣнія выставки было устроено нѣсколько экрановъ изъ простого тесу, на которыхъ и были повѣшены всѣ „картины“. Прочія пособія помѣщались въ стеклянныхъ шкафахъ. Къ нѣкоторымъ отдѣламъ „картинъ“ на экранахъ были прикрѣплены соотвѣтствующіе указатели или хрестоматіи; къ нѣкоторымъ „картинамъ“ были приклеены объясненія, вырѣзанныя изъ различныхъ хрестоматій; кромѣ того „картины“ (но, къ сожалѣнію, не всѣ) были снабжены печатными подписями. Выставка продолжалась 9 дней, съ 2-хъ до 8 часовъ по-полудни ежедневно; за это время было зарегистрировано болѣе 2.500 посѣтителей, при населеніи фабрики въ 7.000 человѣкъ (приблизительно). Въ числѣ посѣтителей отмѣчено около 1.000 человѣкъ взрослыхъ и 1.500 дѣтей и подростковъ. Наибольшее число посѣщеній пришлось на 2 случившихся среди этихъ дней праздника. Въ первые дни на выставкѣ преобладали дѣти, а въ послѣдніе—взрослые.

Кружокъ лицъ, принимавшихъ активное участіе въ устройствѣ выставки, состоялъ изъ 8 человѣкъ, чередовавшихся въ работѣ между собою. 3—4 лица взяли на себя трудъ объяснять содержаніе „картинъ“. Эти-то объясненія и составляли „гвоздь“ выставки. И дѣйствительно, стоило только объяснителю заговорить, какъ довольно равнодушные, разрозненные по разнымъ проходамъ большого помѣщенія посѣтители окружали лектора плотнымъ кольцомъ, становились на скамейки, тѣснили другъ друга и неотступно слѣдовали за объясняющимъ. Особенно пріятно было видѣть, что громадное большинство слушателей составляли взрослые. Упоминаемыя объясненія организаторовъ выставки и были причиной того, что интересы публики дифференцировались, и впослѣдствіи у нея явилось болѣе активное отношеніе къ разсматриваемому. Во вторую половину выставки лекторъ видѣлъ передъ собою не безмолвно внимательныхъ, а болѣе сознательныхъ слушателей, часто заходившихъ на выставку съ опредѣленной цѣлью.

Въ послѣдніе дни выставки лекторъ былъ часто отвлекаемъ отъ своей рѣчи вопросами, замѣчаніями, а иногда и разсказами кого-либо изъ присутствующихъ. Теперь ужъ лектору не всегда удавалось довести объясненіе по всѣмъ экранамъ въ намѣченной системѣ: его отвлекали просьбами перейти къ другому отдѣлу, почему-либо интересующему другую часть публики. Наконецъ, появилось нѣ-

сколько добровольныхъ помощниковъ лектора изъ числа посѣтителей. Часто приходилось замѣчать, какъ иной рабочій объяснялъ окружавшимъ его товарищамъ, что изображено на разсматриваемой ими „картинѣ".

На выставкѣ ея организаторамъ пришлось получить яркое подтвержденіе огромнѣйшаго значенія принципа наглядности въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія. Возьмите отчеты о различныхъ народныхъ чтеніяхъ, и вы увидите, что чтенія изъ области гигіены и анатоміи по своему интересу для посѣтителей занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Точно также и отчеты библіотекъ констатируютъ, что на брошюры по анатоміи и гигіенѣ почти нѣтъ запросовъ. Между тѣмъ на описываемой выставкѣ особенный и, слѣдовательно, неожиданный интересъ возбудили объясненія анатомическихъ препаратовъ. Въ послѣдніе дни выставки объясненія лектора особенно часто прерывались просьбами „показать жизнь человѣческую". Когда же лекторъ, уступая желанію слушателей, переходилъ къ шкафу съ анатомическими препаратами и начиналъ иллюстрировать ими свои объясненія, то изъ устъ всей толпы слушателей вырывались единодушныя возгласы изумленія. Дѣло въ томъ, что препараты хорошей заграничной работы представляли разборные органы человѣческаго тѣла въ ихъ натуральную величину и сильно ихъ напоминали.

Много интереса возбуждали на выставкѣ микроскопъ и теллурій; изъ рисунковъ публика больше всего интересовалась имѣющими отношеніе къ технологіи и нѣкоторыми по зоологіи (орангъ-утангомъ, кенгуру, утконосомъ и др.) и историческими картинами. Менѣе всего посѣтители останавливались на ботаническихъ таблицахъ. Да и здѣсь принципъ наглядности занималъ первое мѣсто въ дѣлѣ возбужденія интереса. Ботаническія таблицы занимали два экрана, по краямъ которыхъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ были прибиты коллекціи Вятской мастерской по наглядному обученію (напр., „ива и что изъ нея дѣлается", „липа и что изъ нея дѣлается", „береза"... и др.). Около этихъ коллекцій и останавливались толпы посѣтителей, проходя почти безъ вниманія мимо ботаническихъ таблицъ.

Работа по выставкѣ невольно вызывала сравненіе ея съ другими видами внѣшкольнаго образованія. Наиболѣе распространенными изъ послѣднихъ являются библіотеки-читальни, народныя чтенія и воскресныя школы.

Оставляя въ сторонѣ библіотеки-читальни, какъ совершенно не подходящія для сравненія съ выставками по характеру воздѣйствія на народъ, мы позволяемъ себѣ утверждать, что выставки учебныхъ пособій, не имѣя той основательности въ передачѣ знаній, какую надо признать за воскресными школами, превосходятъ послѣднія тѣмъ,

что доступны для болѣе широкаго круга изъ народа, не имѣющаго возможности систематически посѣщать воскресныя школы. Кромѣ того, дѣятели послѣднихъ прекрасно знаютъ, съ какими разнообразными запросами являются къ нимъ ихъ ученики (за исключеніемъ неграмотныхъ), какъ трудно бываетъ разгруппировать ихъ по интересамъ и познаніямъ, и до чего невелики эти группы учащихся воскресныхъ школъ (часто въ нѣсколько человѣкъ). На выставкѣ же само расположеніе отдѣловъ группируетъ посѣтителей. Руководителямъ остается лишь подходить къ группѣ и начинать объяснять содержаніе „картины“.

Народныя чтенія хотя и близко подходятъ къ выставкамъ по числу посѣтителей, но рѣзкая разница (и не въ пользу чтеній) заключается въ томъ, что предметъ одного чтенія не можетъ быть разнообразнымъ, и поэтому можетъ представлять интересъ лишь для одной группы посѣтителей, которые въ большинствѣ случаевъ, идя на чтеніе, не знаютъ, что предстоитъ имъ выслушать.

Затѣмъ, чтенія обыкновенно мало иллюстрируются картинами, да и самыя чтенія въ громадномъ большинствѣ случаевъ скучны по изложенію. Понятно поэтому, что народъ можно заинтересовать теперь почти только одними беллестристическими чтеніями, а не научными; понятны и жалобы на охлажденіе интереса у народа къ чтеніямъ. Выставки же учебныхъ пособій могутъ, какъ намъ кажется, служить первымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія интереса къ научнымъ знаніямъ среди народа.

Здѣсь мы не говоримъ объ абсолютныхъ достоинствахъ подобныхъ выставокъ; мы хотимъ лишь выяснить тѣ ихъ стороны, которыя могутъ подчеркнуть пригодность выставокъ для внѣ-школьнаго просвѣщенія.

Наша замѣтка, думаемъ мы, тѣмъ болѣе своевременна, что принципъ наглядности въ послѣднее время все болѣе и болѣе проводится въ жизнь школы. Многія земства обзавелись, а другія обзаводятся, особыми подвижными музеями наглядныхъ пособій. Поэтому-то и желательно, чтобы организаторы музеевъ имѣли въ виду еще и пригодность ихъ для внѣ-школьнаго образованія и дѣлали ихъ по временамъ доступными для народа.

Желательно также, чтобы интеллигентныя силы провинцій соединились для организаціи подобныхъ выставокъ. Вѣдь во всякомъ большомъ городѣ есть нѣсколько учебныхъ заведеній, снабженныхъ учебными пособіями. Соединивъ ихъ вмѣстѣ въ вакаціонное время (напр. на святкахъ), можно доставить народу не только разумное развлеченіе, но и прекрасную пищу для его ума. N. N.

Одно пожеланіе народнымъ учителямъ въ наступившемъ учебномъ году.

(Изъ писемъ къ народнымъ учителямъ).

Снова мы начали свою трудную отвѣтственную работу, *трудную* потому, что каждый изъ народныхъ учителей учитъ и воспитываетъ единовременно до 60 „нѣжныхъ маленькихъ механизмовъ, чувствительныхъ, надѣленныхъ влеченіями, ассоціирующихъ и реагирирующихъ“. Работа *отвѣтственная*, — по слову Спасителя: „горе тому человѣку, который соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ“. Трудъ учителя святой, такъ какъ онъ долженъ озаряться любовью къ дѣтямъ, человѣчеству, а любовь къ Богу и къ ближнему—вѣрный путь къ истинѣ.

Естественно, что учитель, воспитывая другихъ, долженъ самъ отличаться лучшими качествами человѣка, слѣдить зоркимъ и критическимъ окомъ за своими дѣлами, чувствами и мыслями, воспитывать себя, не быть рутинеромъ, не сливаться съ тою грубою средой, среди которой онъ живетъ, въ ея худшихъ проявленіяхъ. Онъ долженъ стоять выше отживающихъ свой вѣкъ диктовокъ, зубренія, формальнаго исполненія программъ, рубрикъ, не быть рабомъ изсушающихъ дѣтское сердце учебниковъ.

Кто-то сказалъ, что дѣйствительное развитіе ученика не въ формальномъ исполненіи програмы, а въ тѣхъ захватывающихъ интересомъ отступленіяхъ, которыхъ опытный и мыслящій учитель всегда найдетъ возможнымъ связать съ урокомъ или выдѣлитъ въ видѣ отдѣльной бесѣды. Только здѣсь учитель свободенъ, увлечется, подѣлится съ молодымъ существомъ своимъ опытомъ, прочувствованными и продуманными идеями, иногда выстраданными; у слушателя заискрятся глазенки, онъ обратится весь во вниманіе и слухъ; явится та внутренняя связь между учителемъ и учениками, которая, будучи надлежащимъ образомъ поддерживаема, воспитаетъ того и другого, положитъ начало будущему разумному человѣчеству.

Но пока—это дѣло отдаленнаго будущаго. Теперь, бросимъ взглядъ на ту среду, въ которой живетъ и воспитывается нашъ ученикъ, будущій сынъ Россіи, отецъ семейства. Что-то здоровое, любовное живетъ въ душѣ русскаго человѣка; онъ рвется изъ своей многострадальной жизни къ какому-то, очень часто смутному для него, идеалу, что засвидѣтельствовано нашими лучшими писателями—знатоками русскаго народа: Тургеневымъ, Короленко и др. Но это здоровое, вѣчное стремленіе къ истинѣ и справедливости подавляется въ немъ дикостью, подчасъ кровожадностью, пьянствомъ, некультурностью, невѣжествомъ.

Случаевъ, болѣе или менѣе вопіющихъ по своему безобразію, въ жизни нашихъ учителей можно найти очень много. Нѣкоторые изъ нашихъ инспекторовъ, разбирая подобные случаи, опускали руки и говорили: „Какая послѣ этого моя роль: или я слѣдователь, или инспекторъ народныхъ училищъ?“ Да, приходится посочувствовать имъ. Особенно много скандальныхъ исторій въ жизни нашихъ учителей стало обнаруживаться въ послѣдніе годы, съ наплывомъ въ среду учителей разныхъ недоучекъ, выдержавшихъ съ грѣхомъ пополамъ экзаменъ на званіе начальнаго учителя.

Учителя по призванію, учителя-ремесленники и учителя, совсѣмъ взявшіеся не за свое дѣло, вотъ три типа этихъ работниковъ, и они будутъ существовать очень и очень долго въ нашей народной школѣ; одни будутъ приносить дѣйствительную и великую пользу, другіе вредить, готовить безхарактерныхъ плохихъ грамотеевъ. Но учителя безнравственные, предающіеся дикому разгулу и доходящіе до расправъ, достойнымъ какихъ нибудь варваровъ, дикарей—это такое явленіе, которому совсѣмъ не мѣсто среди учителей и воспитателей дѣтскаго міра. Сами товарищи учителя должны порицать такихъ нежелательныхъ коллегъ и порицать внушительнымъ образомъ, чтобы было два исхода: или полное исправленіе или освобожденіе мѣста для болѣе достойнаго.

Чтобы разобраться въ причинѣ подобныхъ грустныхъ явленій, я приведу выдержку изъ статьи Шелгунова „Очеркъ русской жизни“ („Русская Мысль“—іюль 1903), близко касающейся затронутаго предмета.

„Въ некультурномъ человѣкѣ противодѣйствіе обыкновенно поднимаетъ инстинктъ разрушенія. Некультурный человѣкъ всегда готовъ драться и бить, всегда находитъ наиболѣе удобный способъ достиженія своей цѣли въ насиліи и въ воздѣйствіи на чувство страха. Между его злымъ возбужденіемъ и рефлексомъ дѣйствій не бываетъ промежутка. Ничто не контролируетъ возбужденія, ничто не уравновѣшиваетъ его сознаніемъ. Очень озлится человѣкъ, и поднимутся

въ немъ дикіе инстинкты—онъ убьетъ; мало озлится—прибьетъ или обрушится нескончаемой бранью, но это всегда и безъ исключенія будетъ рефлексомъ насилія въ какой-либо необщежительной формѣ. У культурнаго человѣка рефлексовъ физическаго насилія совсѣмъ не существуетъ; рефлексы эти уже изжились и остались позади въ некультурномъ состояніи организма. Ощущеніе переходитъ въ рефлексъ насильственнаго дѣйствія потому, что нѣтъ у него подобнаго сознанія; такъ, у облагороженнаго культурой человѣка ощущеніе переходитъ только въ сознаніе, а инстинктъ разрушенія въ мыслящемъ и чувствующемъ организмѣ уже не существуетъ. Человѣкъ просто не можетъ ни убить, ни прибить, ни совершить какихъ-бы то ни было актовъ насилія, потому что въ немъ нѣтъ уже такихъ органовъ, которые поднимали-бы руку на ближняго, заставили-бы языкъ работать въ сквернословіи, толкали-бы мысль и чувства на поступки, нарушающіе равенство, свободу и достоинство не только сосѣда, но и злѣйшаго врага".—„Подъ истинно-культурнымъ человѣкомъ я понимаю такого, который мораленъ не по страху, а по убѣжденію или совѣсти" (Оболенскій).

Значитъ, учитель-воспитатель въ народной школѣ долженъ быть истинно-культурнымъ, интеллигентнымъ человѣкомъ. Большинство народныхъ учителей выходитъ изъ той среды, въ которой они потомъ работаютъ въ качествѣ просвѣтителей. Сколько-нибудь правильнаго воспитанія дѣтей въ семьяхъ нашего народа нѣтъ и не можетъ быть. Родители радуются, если изъ десятка дѣтей остаются въ живыхъ три, четыре. Были-бы всѣ живы, совсѣмъ нищими стали-бы. Воспитаніе, соединенное съ показной, внѣшней религіозностью, не выходитъ изъ круга суевѣрій и боязни Бога, чорта: оно—въ полной зависимости отъ чисто внѣшнихъ причинъ. Остается для большинства дѣтей, часто на всю жизнь, одинъ свѣтлый уголокъ, отъ котораго ребенокъ и общество въ правѣ ожидать воспитанія разумнаго, любовнаго,—начальная школа и ея учитель.

Какимъ долженъ быть народный учитель, уже сказано. Въ лучшемъ случаѣ этотъ учитель окончилъ курсъ въ учительской семинаріи. Но и семинарія для ученика изъ этой среды можетъ пройти какъ метеоръ, а потомъ уже учитель, попавъ въ свою родную грубую среду, снова сливается съ нею, живетъ ея дурною жизнью.

Перевоспитать себя, „побѣдить самого себя есть самая славная побѣда человѣка въ этой жизни". Поэтому народный учитель долженъ всю жизнь работать надъ самимъ собою, надъ своимъ усовершенствованіемъ, умственнымъ и нравственнымъ. Есть одинъ наиболѣе вѣрный путь, облегчающій эту работу и завлекающій приносимою пользой это—систематическое чтеніе книгъ. Только въ кни-

гахъ вѣчно живутъ идеи и образы великихъ культурныхъ людей; проникаясь ими, человѣкъ невольно накопляетъ въ себѣ постепенно „разумное, доброе и вѣчное“ и становится способнымъ заражать имъ другихъ. Систематическое серьезное чтеніе, отсюда саморазвитіе и самовоспитаніе, вынесутъ учителя изъ грубой среды, дадутъ ему силу нравственную, твердую волю и знанія, благодаря которымъ учитель вложитъ въ преподаваніе душу живу; навстрѣчу ему отвѣтятъ дружнымъ хоромъ сотни молодыхъ душъ, и въ результатѣ—неоцѣнимое нравственное удовлетвореніе учителя; и молодой человѣкъ, который потомъ въ жизни не разстанется съ умной книгой, довоспитаетъ себя и обратится изъ существа, близкаго къ животному, въ истинно-культурнаго человѣка. Первая обязанность учительскихъ семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, готовящихъ народныхъ учителей, выпустить будущаго учителя проникнутымъ идеями лучшихъ людей, идеями, которыя, какъ жемчужины, разсыпаны въ ихъ сочиненіяхъ. Пусть воспитанникъ семинаріи, а потомъ народный учитель, сроднится съ этими идеями, усвоитъ ихъ какъ свое достояніе, привьетъ къ себѣ и срастется съ ними, какъ дикая яблоня съ вѣткою культивированнаго дерева,—тогда онъ бодро будетъ смотрѣть на жизнь, на свой трудъ, на дѣтей, и на всю жизнь сохранитъ привычку мыслить, а значитъ и принесетъ здоровые плоды. Онъ заразитъ любовью къ разумной книгѣ своихъ сослуживцевъ, знакомыхъ,—работа пойдетъ общая, очень экономная и ободряющая тружениковъ благими результатами. Если-же семинарія согрѣшила и не исполнила этого перваго своего долга, то, дорогой коллега, обратись смѣло и настойчиво къ хорошей книгѣ: читай съ карандашомъ въ рукѣ, отмѣчай, записывай мысли автора и свои выводы. Удѣли изъ своихъ скудныхъ средствъ десять, двадцать рублей въ годъ и пріобрѣсти себѣ лучшія книги. Это будутъ твои друзья, руководители, воспитатели. Ты разовьешь въ себѣ свѣтлыя мысли, глубокія чувства, твердую волю; а значитъ, все грубое, некультурное, поспѣшные рефлексы отпадутъ, будутъ искоренены. Тогда ты внутренними прозрѣвшими очами проникнешь въ смыслъ Евангелія, узнаешь Бога „такого, которому мы должны служить, къ исполненію воли котораго должны быть направлены всѣ наши желанія“ (Гр. Л. Толстой).

Кубанецъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Арс. И. Введенскій. Литературныя характеристики. Спб. Изданіе М. П. Мельникова. 1903. 511 стран. Цѣна 2 рубля.

„Литературныя характеристики“ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Щедрина и друг. писателей, составляющія содержаніе настоящаго критическаго сборника г. Введенскаго, были написаны авторомъ большей частью въ 80-тыхъ годахъ непосредственно вслѣдъ за появленіемъ въ печати тѣхъ литературныхъ произведеній, которымъ онѣ посвящены. Задачей этихъ „характеристикъ“ было выяснить отношеніе разбираемыхъ критикомъ произведеній къ современной имъ русской дѣйствительности и дать читателю по возможности вѣрное представленіе о послѣдней на основаніи этихъ произведеній. Благодаря такому характеру этихъ статей, онѣ представляютъ, помимо литературно-критическаго значенія, еще и большой общественно-историческій интересъ, такъ какъ касаются такого чрезвычайно-важнаго періода новѣйшей русской исторіи, какимъ были 80-тые годы. Написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того духовнаго „перелома“, который происходилъ тогда въ развитіи общественнаго самосознанія въ Россіи, „литературныя характеристики“ г. Введенскаго не всегда, можетъ быть, достаточно объективны и безпристрастны, но, какъ живой отголосокъ той бурной и смутной эпохи, являются далеко не лишними и для нашихъ дней. Если для полнаго уясненія настоящаго полезно знакомство съ прошлымъ вообще, то знаніе ближайшаго прошлаго надо считать прямо необходимымъ.

Сборникъ открывается статьей о Тургеневѣ, написанной по поводу его разсказа „Отчаянн[illegible]“. Не пускаясь въ подробное разъясненіе тѣхъ общественныхъ условій, которыя благопріятствовали въ до-реформенной Россіи появленію и выработкѣ типа „отчаяннаго“ человѣка, г. Введенскій останавливается, главнымъ образомъ, на характеристикѣ героя разсказа—Миши Полтева. Анализъ изображаемыхъ художникомъ дѣйствующихъ лицъ, несомнѣнно, служитъ однимъ изъ лучшихъ средствъ обнаружить передъ читателемъ силу художественнаго дарованія автора и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, насколько удачно справился послѣдній со своей задачей. Тѣмъ-же пріемомъ пользуется г. Введенскій и при разборѣ нѣкоторыхъ другихъ произведеній Тургенева, какъ

то: „Пѣснь торжествующей любви“, и „Клара Миличъ“. „Стихотвореніямъ въ прозѣ“ посвящена цѣлая статья, при чемъ критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что основные мотивы большей части этихъ „Стихотвореній“ далеко уже не тѣ, которые когда-то раньше характеризовали Тургенева, какъ писателя въ высшей степени чуткаго къ явленіямъ общественной русской жизни. Весьма многія изъ нихъ свидѣтельствуютъ, что житейскіе вопросы и треволненія, свойственныя прямымъ и непосредственнымъ участникамъ житейской борьбы, тревожатъ теперь автора гораздо меньше, чѣмъ тревожили раньше, что вопросы жизни отодвигаются для него назадъ, уступая мѣсто мыслямъ инымъ:—о смерти, о тщетности человѣческихъ стремленій, и вообще о предметахъ, отличающихся болѣе абсолютнымъ и абстрактнымъ характеромъ. Но „общественный элементъ“ въ Тургеневѣ, какъ писателѣ, былъ все-таки настолько силенъ, что даже и теперь, на склонѣ своихъ дней, Тургеневъ никогда не отдавался вполнѣ ни все разлагающему скептицизму, ни безнадежному отчаянію. Достаточно вспомнить хотя-бы небольшой, но чрезвычайно цѣлостный по формѣ и по идеѣ отрывокъ „*Нищій*“, гдѣ въ сжатомъ, но яркомъ образѣ выражается все: и возмутительное униженіе обществомъ человѣка, вынужденнаго протягивать руку за подаяніемъ на краю своей могилы, и горькое чувство жалости и протеста, выразившееся въ пожатіи авторомъ высохшей и грязной руки старика, и сознаніе своего собственнаго униженія, когда старикъ, пожимая протянутую руку, говоритъ: „это также подаяніе, братъ“, и это примирительное чувство самого автора, сознающаго, что и онъ получилъ также подаяніе отъ нищаго-„брата“...

Интересны также, какъ эхо давно минувшихъ дней, послѣднія двѣ статьи о Тургеневѣ „въ русской журналистикѣ“, написанныя г. Введенскимъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тяжелаго удара, который понесла въ 1883 г. русская литература въ лицѣ этого великаго писателя. Характеризуя отзывы и взгляды нѣкоторыхъ русскихъ критиковъ того времени, нападавшихъ на Тургенева въ силу различныхъ соображеній и побужденій посторонняго характера, г. Арс. Введенскій старается показать полную несостоятельность нападокъ этихъ доморощенныхъ аристарховъ, часто предъявлявшихъ художнику самыя нелѣпыя и несуразныя требованія. Въ настоящее время, когда имена этихъ quasi-литературныхъ шавокъ, сявкавшихъ изъ-подворотни какого-нибудь захудалаго изданія, уже потонули въ Летѣ забвенія, особенно поучительно отмѣтить лишній разъ, какъ тщетны бываютъ попытки мелкихъ людей свалить съ высоты пьедестала какого-нибудь дѣйствительно крупнаго человѣка, если этотъ пьедесталъ заслуженъ имъ, а не достался случайно,—по прихоти капризной фортуны...

Еще интереснѣе съ историко-литературной точки зрѣнія статья „Критики Достоевскаго“, въ которой авторъ довольно подробно останавливается на выясненіи причинъ, почему критики, писавшіе о произведеніяхъ Достоевскаго, старались каждый зачислить его въ свой лагерь, въ свою „партію“. Тѣ-же

противорѣчія, какія мы находимъ въ тогдашней русской критикѣ по отношенію къ Тургеневу, приходится наблюдать и въ оцѣнкѣ ею писательскаго таланта Достоевскаго. Бѣлинскій, напр., признаетъ въ его „Двойникѣ“ „большой творческій талантъ и глубину мысли“, но находитъ въ то-же время существенный недостатокъ: это—фантастическій элементъ. „Фантастическое въ наше время,—замѣчаетъ онъ,—можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находится въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ“. Между тѣмъ, этотъ „фантастическій элементъ“ былъ, въ дѣйствительности, тѣмъ именно, что обѣщало въ Достоевскомъ творца „Преступленія и наказанія“, „Братьевъ Карамазовыхъ“ и многихъ другихъ произведеній, упрочившихъ за нимъ славу великаго писателя. Еще несостоятельнѣе оказались взгляды многихъ другихъ критиковъ, пользовавшихся въ свое время (60-тые годы) большой популярностью и считавшихся руководителями общественнаго мнѣнія въ Россіи. Односторонность господствовавшей тогда „реальной“ критики показана г. Введенскимъ на нѣсколькихъ примѣрахъ довольно удовлетворительно; но нельзя не пожалѣть о томъ, что, разбирая критиковъ Достоевскаго, г. Введенскій совсѣмъ не указываетъ ихъ именъ, а ограничивается лишь неопредѣленными намеками: „одинъ“, „другой“, „нѣкоторые“. Читатель, хорошо освѣдомленный въ исторіи новѣйшей русской литературы, конечно, догадается, чьи имена скрываются подъ псевдонимами „Постороній“, „Откровенный“ и т. п., но для широкой читающей публики было-бы желательно болѣе точное опредѣленное указаніе, чтобъ дать ей возможность отличать одного критика отъ другого и не сваливать ихъ всѣхъ въ одну общую кучу. Если такая „осторожность“ по отношенію къ нѣкоторымъ именамъ была понятна и имѣла свое raison d'être въ то время, когда писались статьи г. Введенскаго, то въ настоящее время, четверть вѣка спустя, мы не видимъ въ ней особенной надобности.

Просматривая „литературныя характеристики“ г. Введенскаго, читатель ясно видитъ, какъ наша художественная литература постепенно получала общественное значеніе. Начавъ съ произведеній, имѣвшихъ въ виду художественную разработку темъ чисто-психологическаго характера, литература постепенно переходитъ къ явленіямъ, типичнымъ для того или другого отдѣльнаго класса въ русскомъ обществѣ, и, наконецъ, останавливается на выясненіи того вліянія, какое оказываетъ на человѣческую личность общественная среда въ широкомъ смыслѣ слова. Картина постепенной эволюціи задачъ, которыя подъ давленіемъ жизни разрѣшала наша художественная литература, въ высокой степени поучительна, и въ этомъ именно заключается, по нашему мнѣнію, главное достоинство книги г. Введенскаго, хотя ея содержаніе и останавливается на эпохѣ 80 годовъ.

Сравнительно низкая цѣна книги, при ея большомъ объемѣ, должна значительно облегчить ея распространеніе, какъ дополненія къ вышедшей три года тому назадъ книгѣ того-же автора: „Общественное сомосознаніе въ русской

литературѣ". Книгу г. Введенскаго смѣло можно рекомендовать, какъ полезное пособіе при изученіи новѣйшаго періода русской литературы, тѣмъ болѣе, что написана она легко и литературно, что, какъ извѣстно, встрѣчается далеко не всегда въ критической литературѣ нашего времени.

Ив. Порошинъ

И. С. Михеевъ. Письменныя упражненія въ начальной школѣ по русскому языку. 200 упражненій съ 253 рисунками. Казань. 1903. Стр. 112. Ц. 25 коп.

Названная книжка представляетъ одну изъ интересныхъ попытокъ очень желательнаго пополненія учебныхъ пособій по веденію письменныхъ упражненій въ народныхъ училищахъ. Книжка эта является не лишнею и при изданныхъ прежде однородныхъ руководствахъ, каковы, напр., книжки начальныхъ учительницъ Глазуновой и Разиной, Пуцыковича, Лубенца, Паульсона и нѣкоторыхъ другихъ. Справедливо полагая, что упражненіямъ въ письменномъ изложеніи мыслей слѣдуетъ отводить первое или, правильнѣе сказать, видное мѣсто въ ряду другихъ письменныхъ работъ въ начальной школѣ, авторъ располагаетъ названныя упражненія примѣнительно къ основнымъ свѣдѣніямъ изъ грамматики и къ правиламъ правописанія и даетъ матеріалъ, въ общемъ, отвѣчающій какъ условіямъ и требованіямъ самого предмета, такъ и степенямъ умственнаго развитія обучающихся въ начальной школѣ дѣтей. Вторымъ и самымъ важнымъ достоинствомъ разсматриваемой книжки слѣдуетъ признать *обиліе картинокъ*, по которымъ дѣти должны составлять письменныя упражненія: картинки, столь любимыя дѣтьми,—прекрасное средство для развитія у нихъ наблюдательности, эстетическаго вкуса и умѣнья обозначать объекты наблюденія въ правильныхъ формахъ изложенія и выраженія. Третьимъ достоинствомъ книжки учителя Михеева является ея общедоступность, простота стилистической формы, въ какой авторъ разбираетъ грамматическіе примѣры, дѣлаетъ изъ нихъ выводы и выражаетъ орѳографическіе правила.

Недостатки книжки Михеева объясняются, по моему мнѣнію, нѣкоторой поспѣшностью ея составленія и малымъ вниманіемъ автора къ „Примѣрнымъ программамъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ" (утвержд. Минист. Народн. Просв. 7 февраля 1897 г.) и къ трудамъ его предшественниковъ по составленію руководствъ такого рода. Укажемъ лишь важнѣйшіе недостатки, устраненіе которыхъ особенно желательно въ слѣдующемъ изданіи руководства.

1. Въ книжкѣ нѣтъ оглавленія, и его отсутствіемъ затрудняется наведеніе необходимыхъ справокъ. Нужно прочитать всю книжку и потомъ выписать заголовки статей, чтобы опредѣлить систему и порядокъ предлагаемаго авторомъ матеріала. Лишь исполнивъ за него эту работу, мы узнаемъ эту систему: сначала авторъ даетъ ученику правила и примѣры по обозначенію

буквами отдѣльныхъ звуковъ (стр. 1—18); затѣмъ имъ предлагаются примѣры и упражненія, относящіеся къ грамматическому ученію о предложеніяхъ простыхъ, слитныхъ, сложныхъ, главныхъ и придаточныхъ (стр. 18—74); наконецъ, авторъ сообщаетъ, въ связи съ соотвѣтствующими примѣрами, свѣдѣнія о частяхъ рѣчи (стр. 75—111), при чемъ *о союзахъ* не даетъ особой статьи, ограничиваясь упоминаніемъ о нихъ на стр. 57, гдѣ союзы ошибочно опредѣляются, какъ „соединительныя буквы"; на послѣдней (112-й) стр. книжки напечатанъ „Примѣрный списокъ темъ для устныхъ и письменныхъ сочиненій въ начальной школѣ".

2. Приведенное расположеніе матеріала не соотвѣтствуетъ расположенію его въ министерскихъ примѣрныхъ программахъ, хотя авторъ безъ особыхъ затрудненій для себя и съ пользою для начальныхъ учителей могъ-бы изложить матеріалъ въ порядкѣ установленной программы.

3. Учебный матеріалъ въ книжкѣ учителя Михеева не распредѣленъ не только по отдѣльнымъ урокамъ, но и по годамъ обученія, а въ этомъ распредѣленіи, для начальнаго учителя имѣющемъ несомнѣнное значеніе, автору могъ-бы помочь его собственный преподавательскій опытъ, на который онъ ссылается въ предисловіи.

4. Съ какою-бы снисходительностью ни относиться къ даваемымъ для дѣтей грамматическимъ опредѣленіямъ, но большая часть послѣднихъ, въ той формѣ, какая дается имъ въ разсматриваемой книжкѣ, ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Если *гласными* называются буквы, которыя можно *громко и долго тянуть голосомъ* (стр. 1), то къ числу гласныхъ звуковъ слѣдуетъ относить всѣ звонкіе длительные согласные, а именно: *м*, *в*, *з*, *ж*, *л*, *н*, *р* и г (*g*). Если буквами обозначаются звуки, то ъ и ь—не буквы (см. стр. 1), потому что они звуковъ не обозначаютъ. Если слогъ есть *только часть слова* (стр. 9), то чѣмъ-же слогъ отличается отъ звука?—Давно-бы слѣдовало оставить даже въ элементарныхъ руководствахъ по грамматикѣ называніе нѣкоторыхъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ и буквъ *сомнительными*, какъ не имѣющее сколько-нибудь серьезнаго основанія. Опредѣляя *предлоги*, *какъ буквы и слоги*, *ставящіеся впереди словъ* (стр. 15), авторъ ничего существеннаго не говоритъ о предлогахъ, объ ихъ роли или значеніи въ строеніи нашей рѣчи. Опредѣлять *слова пояснительныя* (вмѣсто обычнаго „объяснительныя"), *какъ поясняющія предложенія* (стр. 29), значитъ допускать ничего не объясняющее тождесловіе. Такою-же неполнотой, неточностью и неправильностью отличаются и другія опредѣленія грамматическихъ категорій, даваемыя въ книжкѣ учителя Михеева: обратите, напр., вниманіе на опредѣленіе обращеній (стр. 36), вводныхъ словъ (39), союзовъ (57), предложеній придаточныхъ и главныхъ (стр. 67,—кругъ въ опредѣленіи), именъ существительныхъ (75), прилагательныхъ *сравнительныхъ* (вмѣсто „качественныхъ", стр. 85) и нарѣчій (стр. 99),—и вы согласитесь, что по тѣмъ признакамъ,

какими авторъ характеризуетъ названныя грамматическія категоріи, учащіеся не могутъ составить о нихъ сколько-нибудь яснаго и отчетливаго представленія.

5. Подборъ *примѣровъ* на грамматическія правила сдѣланъ авторомъ далеко не всегда удачно: таковы примѣры: „листья спали", „свинья объѣлась" (стр. 3), „невѣждой бойся быть" (12), „козелъ глядитъ на меня и трясетъ бородой" (стр. 15) и многіе другіе въ томъ-же родѣ.

6. О звукахъ и буквахъ не слѣдуетъ говорить, что они могутъ *выпадать и быть вставляемы*, какъ выражается авторъ вмѣстѣ съ очень многими другими составителями руководствъ по грамматикѣ: звуки и буквы, вѣдь,—не клинья.

7. Какъ матеріалъ для грамматическихъ упражненій, авторъ даетъ только *списываніе* примѣровъ; между тѣмъ послѣ каждаго урока списыванія очень полезно давать и *диктантъ*, куда входили-бы трудныя въ ороографическомъ отношеніи слова, уже встрѣчавшіяся дѣтямъ въ матеріалѣ для списыванія.

8. Въ числѣ логико-стилистическихъ упражненій авторъ не даетъ очень многихъ изъ тѣхъ, какія указываются въ другихъ руководствахъ такого рода и съ успѣхомъ примѣняются въ хорошихъ начальныхъ школахъ; таковы, напримѣръ, виды упомянутыхъ упражненій: письма, составленіе плановъ къ статьямъ, сокращенное и распространенное изложеніе, изложеніе съ измѣненіями прочитаннаго, извлеченія и простѣйшія обобщенія, характеристики и разсужденія.

9. Картинки, которыми въ изобиліи снабжена разсматриваемая книжка, достаточно отчетливы и понятны; но онѣ не всегда соотвѣтствуютъ тѣмъ признакамъ, которые по этимъ картинкамъ должны быть указываемы дѣтьми; таковы, напр., картинки на стран. 22, 57 и нѣкоторыя другія.

Мы отмѣтили далеко не всѣ недостатки разсмотрѣнной книжки; но и указанныхъ вполнѣ достаточно для общаго заключенія, что книжка эта, при упомянутыхъ достоинствахъ, требуетъ многихъ исправленій и нуждается въ существенной переработкѣ.

А. Анастасіевъ.

Математическое приложеніе къ циркуляру по Кавказскому Учебному Округу № 1. Составилъ *Р. К. Шенгеръ*, окружный инспекторъ.

Какъ видно изъ предисловія къ разсматриваемой книгѣ, она составилась изъ отдѣльныхъ статей, принадлежащихъ перу автора, и нѣсколькихъ работъ математическаго содержанія, переданныхъ ему, какъ редактору циркуляра. Приведемъ заглавіе статей, вошедшихъ въ означенное „Приложеніе". Вотъ ихъ перечень: 1) „Замѣтка относительно рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ на уравненія изъ сборника Бардея" Р. Шенгера въ Тифлисѣ; 2) Два отчета о пробныхъ урокахъ, данныхъ преподавателями Бакинскихъ учебныхъ заведеній въ 1899 и 1902 годахъ; 3) Замѣтка г. Побѣдимова о дѣленіи угла на равныя части; 4) „О темахъ для домашнихъ письменныхъ работъ по математикѣ учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ

заведеній“ Р. К. Шенгера и 5) подъ его-же редакціей, сочиненіе покойнаго преподавателя Тифлисскаго реальнаго училища Г. Л. Лейцингера подъ заглавіемъ „Приложеніе алгебры къ геометріи“.

Первая замѣтка, помѣщенная въ № 7. „Zeitschrift für mathematischen und naturwissenschaftlichen Unterricht“ за 1896 г., представляетъ очень интересное рѣшеніе задачи, формулируемой въ общемъ видѣ такъ: „Найти число, которое начинается слѣва цифрой a и уменьшается въ n разъ, если цифру a зачеркнуть и приписать ее справа“. Достигается это весьма просто, если за неизвѣстное принять не самое число, а ту періодическую дробь, которая имѣетъ періодомъ это число. Разумѣется, эта дробь и цѣлое число удовлетворяютъ вопросу, при чемъ для полученія отвѣта требуется лишь умѣніе рѣшать уравненія 1-ой степени. Это послѣднее и хотѣлъ показать авторъ замѣтки, не соглашаясь съ проф. Бауэромъ въ Карлсруэ, относящимъ ее къ числу неопредѣленныхъ.

Такого-же рода замѣтка „О дѣленіи угла на произвольное число равныхъ частей“ г. Побѣдимова, который приводитъ элементарные и доступные учащимся средней школы способы построенія при помощи гипоциклоиды и безъ нея. Перейдемъ теперь къ вопросу „О темахъ для домашнихъ ученическихъ работъ“. Вопросъ этотъ не новый, но намъ рѣдко приходилось встрѣчать такъ обстоятельно составленный планъ подобнаго рода занятій по математикѣ, какъ рекомендуемый г. Шенгеромъ. Темы, предлагаемыя г. окружнымъ инспекторомъ, обнимаютъ собой всѣ отдѣлы математики, какъ то: ариѳметику (6 темъ), алгебру (15), тригонометрію (9), планиметрію (12), стереометрію (12) и геометрическое черченіе (2). Наиболѣе рекомендуются темы по геометріи, а именно по стереометріи. Изъ перечисленныхъ темъ 6 стереометрическихъ разработаны болѣе подробно, въ остальныхъ же есть небольшія указанія или, вѣрнѣе, планъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно практическое выполненіе этой идеи внѣклассныхъ ученическихъ работъ. Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ нимъ, мы должны высказать, что при приведеніи въ исполненіе намѣченнаго плана можетъ встрѣтиться не мало затрудненій. Начать съ того, что въ качествѣ пособія при обработкѣ указанныхъ выше темъ рекомендуется г. Шенгеромъ пользоваться иностранными руководствами на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Ни для кого не новость, что наша учащаяся молодежь средней школы очень и очень слабо владѣетъ ими, да и преподаватели математики сплошь да рядомъ встрѣчаются либо незнакомые съ однимъ изъ упомянутыхъ новыхъ языковъ, либо—что рѣже—съ двумя.

По счастью, нѣкоторые курсы, указываемые въ качествѣ пособій при обработкѣ одной изъ приведенныхъ въ разбираемой нами статьѣ темъ, теперь переведены на русскій языкъ, какъ, напр., „Алгебра“ Бертрана, и „Тригонометрія“ Серре *). Но этихъ книгъ далеко не достаточно въ сравненіи съ

*) Есть еще курсъ геометріи Билибина, составленный по Руже и Комберусу.

приводимымъ спискомъ: 1) полныхъ курсовъ по всѣмъ отдѣламъ вмѣстѣ и по каждому въ отдѣльности, 2) задачниковъ, 3) сочиненій по исторіи математики и 4) разныхъ книгъ и брошюръ по спеціальнымъ вопросамъ.

Вслѣдствіе этого во многихъ гимназіяхъ придется отказаться отъ разработки учащимися нѣкоторыхъ темъ. Просматривая ихъ, мы, къ нашему удовольствію, замѣчаемъ, что въ разрядъ такихъ темъ войдутъ вопросы, не затрагиваемые на урокахъ въ средней школѣ настолько, чтобы съ полной увѣренностью можно предоставить разработку ихъ ученикамъ самостоятельно. Совсѣмъ другое должны сказать про вопросы, которые могутъ быть, благодаря получаемымъ въ школѣ свѣдѣніямъ, разобраны дома учащимися при посредствѣ пособій на русскомъ языкѣ. Такихъ темъ, изъ общаго числа 56, мы насчитали до 20. Нѣкоторыя изъ нихъ болѣе или менѣе подробно входятъ въ курсъ дополнительнаго класса реальнаго училища, VII класса кадетскаго корпуса (аналитическая геометрія), техническихъ училищъ (центръ тяжести многоугольниковъ и многогранниковъ).

Другія, хотя и не разсматриваются ни въ какомъ среднемъ учебномъ заведеніи, однако, по простотѣ и логической связи съ усвояемымъ въ школѣ настолько не затруднительны, что съ успѣхомъ могутъ служить предметомъ изслѣдованія, при условіи, что учащіеся обладаютъ достаточнымъ навыкомъ дѣлать логическія умозаключенія на основаніи даннаго. Ихъ-то въ особенности рекомендуемъ мы, предоставляя преподавателю навести самихъ учащихся на возможность существованія такого вопроса и установку плана рѣшенія его.

Мы потому остановились болѣе подробно на упомянутой статьѣ г. Шенгера, что придаемъ ей большое значеніе и совѣтуемъ гг. преподавателямъ произвести опытъ по предлагаемой имъ системѣ съ цѣлью выяснить практическое значеніе ея; изъ своей-же практики укажемъ, что вопросъ объ аналогіи между планиметрическими и стреометрическими теоремами достаточно хорошо усваивается учащимися.

Другая, не менѣе важная для дѣла преподаванія элементарной математики, статья подъ заглавіемъ „Отчетъ о пробныхъ урокахъ въ Бакинскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1899 и 1902 гг.“ также заслуживаетъ нашего вниманія. Здѣсь приведены прежде всего матеріалъ урока, даннаго преподавателемъ реальнаго училища В. И. Успенскимъ 27-го ноября 1892 года, способъ составленія уравненій, предложенный имъ, и отзывы другихъ преподавателей о слышанномъ ими урокѣ. Ознакомимся со способомъ составленія уравненій, по которому были рѣшены 4 задачи на указанномъ пробномъ урокѣ. Вотъ слова автора этого пріема: „не читая условія, ставлю вопросъ задачи, а вызванный къ доскѣ ученикъ обязанъ сказать: предположимъ, что... (идутъ слова вопроса)... x (соотвѣтствующее наименованіе); затѣмъ читаю условіе и послѣ первой мысли дѣлаю остановку, чтобы дать ученикамъ время обдумать прочитанное и вывести слѣдствіе; когда послѣднее сдѣлано большинствомъ, то

вызываю одного изъ учениковъ сказать выведенное имъ слѣдствіе и, если оно вѣрно, прошу записать его на доскѣ и въ тетрадяхъ; затѣмъ читаю вторую мысль условія, третью и т. д. до конца, останавливаясь послѣ каждой мысли, для вывода слѣдствій и записи ихъ; такимъ образомъ, послѣ прочтенія всего условія—на доскѣ и въ тетрадяхъ бываетъ записано составленное уравненіе".

Такова сущность этого метода составленія алгебраическаго уравненія по условію задачи. Что-же касается до практическаго примѣненія его, то, весьма вѣроятно, что автору его онъ сослужилъ не малую службу; но мнѣнія гг. членовъ коммиссіи, присутствовавшихъ на пробномъ урокѣ, не вполнѣ сошлись, „и нѣкоторые изъ нихъ, признавая оригинальность, находили этотъ пріемъ неподходящимъ къ сложнымъ задачамъ, не замѣняющимъ всеобщаго и наиболѣе раціональнаго способа рѣшенія задачъ—анализа". Къ тому-же выводу о необходимости тщательнаго анализа пришли преподаватели Бакинскихъ учебныхъ заведеній, присутствуя на урокахъ геометріи въ 5-хъ классахъ 5 апрѣля 1902 года.

Темами служили: 1) вписать и описать около всякаго треугольника окружность и 2) опредѣлить по даннымъ сторонамъ $\triangle$-ка радіусы окружностей, вписанной и описанной. Изъ всѣхъ замѣчаній, приведшихъ къ указанному нами общему выводу, заслуживаетъ упоминанія указаніе на важность задачъ на построеніе, которыя необходимо положить въ основаніе преподаванія планиметріи.

курсѣ „Приложенія алгебры къ геометріи" много говорить не приходится; это достаточно обстоятельно составленнныя записки съ подробнымъ анализомъ, построеніемъ, доказательствомъ и изслѣдованіемъ 21 задачи и условіемъ 108 задачъ, предлагаемыхъ для рѣшенія учащимся.

Этимъ мы заканчиваемъ нашу замѣтку, высказавъ въ заключеніе мнѣніе о разбираемой книгѣ въ цѣломъ. По нашему крайнему разумѣнію, появленіе такого математическаго приложенія есть начало новаго періодическаго органа для обмѣна мыслей по преподаванію математики между преподавателями округа. Необходимость въ такомъ изданіи, мнѣ думается, всѣми сознается и можетъ дать преподавателю возможность лишній разъ высказаться въ печати и опубликовать свои изслѣдованія, заслуживаетъ одобренія, практическое-же осуществленіе ея—и благодарности. Поэтому нельзя не сочувствовать попыткѣ Р. К. Шенгера пойти навстрѣчу назрѣвшей потребности въ окружномъ научно-литературномъ сборникѣ и отъ всей души привѣтствовать появленіе въ свѣтъ указанной книжки въ надеждѣ, что въ непродолжительномъ времени за ней послѣдуетъ вторая, третья и т. д. **Петръ Смирновъ.**

Ш. Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1903 г. Ц. 40 к. То-же, Москва, перев. подъ редакціей Н. Сперанскаго, Ц. 45 к.

Небольшая книжка Ланглуа вышла почти одновременно по-русски въ двухъ

переводахъ. Не представляя собою ничего выдающагося, она заполняетъ собою важный пробѣлъ въ *научно*-популярной исторической литературѣ на русскомъ языкѣ. У насъ, кромѣ извѣстнаго соч. Осокина („Исторія Альбигойцевъ и ихъ времени“), ничего нѣтъ по исторіи инквизиціи.

Очеркъ инквизиціи, написанный французскимъ ученымъ, вызванъ появленіемъ въ свѣтъ во французскомъ переводѣ „Исторіи инквизиціи въ средніе вѣка“ американскаго ученаго Ли. Въ сущности, это и есть тѣ „новѣйшіе труды“, о которыхъ Ланглуа заявляетъ на обложкѣ своей книги. Книжка Ланглуа состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой изъ нихъ („Инстинктивная нетерпимость“) авторъ разсматриваетъ инквизицію, какъ частный случай широко распространеннаго явленія—нетерпимости, грубыя формы которой прорываются въ первый-же благопріятный моментъ. Сюда онъ относитъ и партійный „Index“ и бойкотированіе,—„новыя, безшумныя формы“ инквизиціи. Мысль хорошая, но очень не новая. Гораздо интереснѣе было-бы найти въ этой главѣ, какъ появилась нетерпимость на почвѣ христіанства: это дало-бы автору возможность обосновать вторую главу („Возникновеніе инквизиціи“). Въ ней выяснены тѣ мѣры, которыя послѣдовательно принимались папской куріей для борьбы съ ересью. Цѣлый рядъ указовъ, противорѣчивыхъ рѣшеній легли въ основу особаго рода инквизиціоннаго права. Изъ судебныхъ пріемовъ и разныхъ карательныхъ мѣръ постепенно выросла инквизиція, имѣвшая притязаніе быть правильнымъ судебнымъ учрежденіемъ. Характеристикѣ инквизиціоннаго судопроизводства посвящена III глава. Установившись въ XIII вѣкѣ, порядки римской инквизиціи отличаются *упрощенными* пріемами судопроизводства. Пріемы эти: произволъ, пытка, негласность и отсутствіе защиты. Ланглуа довольно живо описываетъ судебные порядки инквизиціи, все безвыходное положеніе подсудимаго и его участь, которая „всецѣло зависѣла отъ проницательности и совѣстливости судей“. Ланглуа подчеркиваетъ одинъ фактъ, установленный историкомъ Ли и до сихъ поръ не обращавшій на себя вниманія историковъ. Это—денежная сторона инквизиціоннаго судопроизводства. Конфискація имущества, которую Ли называетъ „стимуломъ грабежа“, и которое дѣлилось между инквизиціей и свѣтскими или духовными властями,—вотъ одна изъ причинъ, объясняющихъ, почему носители государственной власти оказывали такую дѣятельную поддержку инквизиціи. „Въ наши дни“, писалъ въ XIV в. инквизиторъ Эймерикъ, „почти нѣтъ больше богатыхъ еретиковъ; оттого государи, не видя себѣ никакой корысти, не хотятъ нести для инквизиціи и никакихъ расходовъ; прискорбно подумать, что столь спасительное учрежденіе, какъ наше, не обезпечено даже на завтрашній день“. Итакъ, по мнѣнію Ли, а за нимъ и Ланглуа, конфискація имуществъ больше значила, чѣмъ пылающій костеръ.

Четвертая глава разсматриваетъ испанскую инквизицію, развившуюся чрезвычайно быстро въ уродливыхъ формахъ, хотя и позднѣе (въ концѣ XV в.), чѣмъ въ другихъ странахъ. „Испанская инквизиція была орудіемъ, созданнымъ

національной монархіей и папскимъ престоломъ, чтобы управлять испанской націей". Разсужденія Ланглуа о томъ, что испанская инквизиція была одною изъ главныхъ причинъ паденія Испаніи, не представляютъ особеннаго интереса.

Оба изданія книжки Ланглуа можно рекомендовать въ качествѣ полезнаго пособія для самообразованія. Русскому читателю можно-бы заполнить это соч. книгой *Филиппсона* (Религіозная контръ-реформація), гдѣ во второй книгѣ (стр. 241—345) изложена внѣшняя исторія инквизиціи.

П. Конскій.

Корханиди. Живое Слово. Вып. I. Лексическіе уроки. Азбука. Первая книга для чтенія. Ц. 40 к. Тифлисъ. 1903 г. Одобрена О. О. У. К. М. Н. Пр. *).

„Живое Слово" представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ облегчить инородцамъ изученіе русскаго разговорнаго языка и русской грамоты. Предназначенные для населенія, совершенно не понимающаго русскаго языка, лексическіе уроки (61) даютъ ученикамъ первый необходимый матеріалъ словъ, выраженій, безъ которыхъ невозможно начинать обученіе чтенію и письму. Ведутся эти упражненія вполнѣ наглядно, каждое слово заучивается по рисункамъ и по предметамъ съ помощью перевода на родной языкъ. Г. Корханиди совершенно правильно говоритъ въ своемъ методическомъ руководствѣ, что никакой рисунокъ не можетъ дать такого общаго понятія, какое заключено въ словѣ, а потому только переводомъ на родное названіе предмета устраняется частность его пониманія по рисунку. Иногда наглядность, напр., въ объясненіи глаголовъ, принимаетъ нѣсколько комичный характеръ, когда для вразумленія словъ: сидѣть, стоять, ходить и т. п. ученики продѣлываютъ всѣ эти движенія.

Въ распредѣленіи звуковъ въ Азбукѣ г. Корханиди старается имѣть въ виду звуковыя особенности языка тѣхъ народовъ, для которыхъ предназначается его книга: грузинъ, армянъ, грековъ—но не вездѣ выдерживаетъ свою систему, между тѣмъ, какъ послѣдовательность изученія болѣе легкихъ звуковъ раньше болѣе трудныхъ особенно важна въ данномъ случаѣ. Вообще-же букварь и звуковыя упражненія составлены очень хорошо. Письму Корханиди учитъ единовременно съ чтеніемъ, но порядокъ буквъ для письма расположенъ не въ полной зависимости отъ изучаемыхъ звуковъ, а въ постепенности трудности изображенія ихъ.

Въ букварѣ очень много рисунковъ; большинство бытовыхъ картинокъ изображаютъ знакомую дѣтямъ родную кавказскую обстановку жизни. Подъ картинками рядомъ съ русскимъ словомъ стоитъ названіе на родномъ языкѣ—въ книгѣ назначаемой для армянъ по армянски,—для грузинъ по грузински,—для грековъ по гречески. Въ концѣ книги находится небольшой матеріалъ для

---

*) Полное заглавіе книги: Живое Слово. Элементарный учебникъ русскаго языка по наглядно-переводному методу. Для армянскихъ училищъ.

связнаго чтенія и пересказа. Главное достоинство „Живого Слова“ это его наглядность и богатство матеріала, очень хорошо разработаннаго для развитія устной рѣчи учениковъ. Весьма желательно, чтобы не одни инородцы, а и другія націи, входящія въ составъ населенія Россіи и лишенныя родной народной школы, пока считается, какъ говоритъ г. Корханиди въ своемъ методическомъ руководствѣ къ преподаванію по „Живому Слову“, „неизбѣжнымъ положеніе, что образовательнымъ языкомъ въ инородческой школѣ долженъ быть русскій языкъ“—облегчили-бы первоначальное изученіе русской грамоты такими-же хорошо разработанными и по возможности примѣненными къ населенію данной мѣстности букварями. Жаль, что вмѣсто нехудожественныхъ стиховъ, внесенныхъ г. Корханиди въ концѣ своей книги, онъ не предлагаетъ ученикамъ какіе либо народные короткіе разсказы, переведенные на русскій языкъ. Надо видѣть, какъ свѣтлѣютъ глазки дѣтей, когда они въ школѣ, чужой и часто черезчуръ формальной, услышатъ или прочтутъ что нибудь знакомое имъ и близкое. Хотя цѣна книги „Живое Слово“ и нѣсколько высока для обыкновеннаго букваря, но масса рисунковъ и предварительныя лексическія бесѣды неизбѣжно поднимаютъ цѣну этого очень симпатичнаго и хорошаго учебнаго пособія. **С. Русова**.

Корханиди. Методическое Руководство къ преподаванію русскаго языка по руководству того-же автора „Живое Слово“. Ц. 30 к. Тифлисъ 1903 г.

Въ печати уже не разъ говорилось о печальномъ положеніи тѣхъ многочисленныхъ не русскихъ національностей, входящихъ въ составъ населенія Россіи, которыя въ силу страннаго административнаго недоразумѣнія лишены своей національной школы и не могутъ получать образованіе на родномъ языкѣ, между тѣмъ, какъ вся современная педагогика и методика, начиная съ Амоса Коменскаго и кончая Гильдебрандомъ *), ставятъ именно родной языкъ—Muttersprache—въ основаніе всего школьнаго ученія. Но для инородцевъ, совершенно не знающихъ русскаго языка, каково, напр., все населеніе Кавказа, Попечительскій Совѣтъ Кавказскаго Учебнаго Округа увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать уступку, и въ изданномъ имъ въ 1881 г. „Учебномъ планѣ начальной школы въ средѣ туземнаго населенія“ въ первомъ отдѣленіи преподаваніе допускается преимущественно на родномъ языкѣ, а русскій языкъ изучается только лексически устно; русская-же грамота начинается во 2-мъ отдѣленіи. Но и такое практическое знакомство съ совершенно чужимъ въ звуковомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ языкомъ дается маленькимъ кавказскимъ инородцамъ далеко не безъ труда, тѣмъ болѣе, что въ 2-мъ полугодіи 1-го года ученія ихъ умственное развитіе далеко еще не соотвѣтствуетъ работѣ, возлагаемой на ихъ способности и мышленіе, и каждому учителю, серьезно относящемуся къ своему дѣлу, надо много умѣнія, чтобы облегчить для уче-

*) Гильдебрандъ. Преподаваніе родного языка. См. „Р. Шк.“ 1903. № 2.

никовъ усвоеніе русскаго языка. Г. Корханиди, очевидно, много работалъ надъ этой задачей; онъ обладаетъ очень широкой эрудиціей и знакомъ почти со всѣми лучшими педагогическими сочиненіями на русскомъ языкѣ. Изъ двухъ главныхъ методовъ преподаванія иностранныхъ языковъ—грамматическаго и естественнаго—Корханиди составляетъ свой, примѣненный къ возрасту и обстановкѣ ученія; въ его методѣ сливаются наглядность естественнаго и переводъ грамматическаго—какъ взаимно дополняющіе одинъ другого и значительно облегчающіе усвоеніе. Его основныя методическія положенія сводятся къ слѣдующимъ: 1) Преподаваніе русскаго языка безусловно должно быть предметно-нагляднымъ. 2) Всякое новое русское слово, во избѣжаніе могущей произойти неясности, сбивчивости и двухсмысленности въ его пониманіи, обязательно должно быть переведено на родной языкъ ученика, если, конечно, въ его лексиконѣ имѣется это слово; новыя-же понятія, не имѣющія соотвѣтственныхъ словъ на туземномъ языкѣ—называются одними русскими словами. Это наблюдается во всѣхъ языкахъ: наше слово самоваръ обошло уже всю Европу, а мы и не думаемъ переводить по своему гуманизмъ, пейзажъ, телескопъ и т. п. слова. 3) Желательно, говоритъ въ своемъ послѣднемъ положеніи г. Корханиди, чтобы преподавательскимъ языкомъ учителя на урокахъ русскаго языка былъ русскій языкъ. Но этимъ не должно злоупотреблять въ ущербъ правильному развитію дѣтей. Намъ-же кажется, что въ первомъ году ученія— и для правильнаго развитія дѣтей, и для лучшаго сближенія ихъ со школой— преподавательскимъ языкомъ долженъ быть только родной.

Всѣ методическія указанія г. Корханиди относятся къ правильному веденію наглядно лексическихъ бесѣдъ, знакомящихъ дѣтей съ русскими словами, простѣйшими предложеніями, и къ преподаванію русской грамоты во 2-й годъ ученія. Для дѣтей армянъ, грузинъ и грековъ здѣсь является то затрудненіе, что въ ихъ языкахъ совершенно отсутствуютъ многіе звуки нашей азбуки, а потому имъ очень трудно освоиться съ ними; въ силу этого и распредѣленіе русскихъ звуковъ для обученія въ армянскихъ, грузинскихъ и греческихъ школахъ не можетъ быть одно и то-же: г. Корханиди говоритъ, что онъ сначала „составилъ таблицу тѣхъ звуковъ русскаго языка, какіе отсутствуютъ въ языкахъ греческомъ, армянскомъ и грузинскомъ. Пользуясь этими таблицами, не трудно было-бы намѣтить строгій порядокъ изученія звуковъ; нужно было-бы опредѣлить только относительную трудность или легкость отдѣльнаго произношенія каждаго звука.“ *)

Изъ этихъ словъ очевидно каждому, что распредѣленіе звуковъ въ букварѣ и должно соотвѣтствовать тому, имѣются-ли русскіе звуки въ данномъ языкѣ или нѣтъ? Между тѣмъ, всѣ три книги „Живого Слова“—независимо отъ того, назначаются-ли оно для армянской или грузинской, или греческой школъ, имѣютъ то-же распредѣленіе звуковъ. Такъ, напр., хотя звукъ *б* имѣется у гру-

*) Стр. 26. Метод. Руков.

зинъ и армянъ и отсутствуетъ у грековъ, онъ во всѣхъ трехъ букваряхъ изучается дѣтьми на томъ-же 17 или 19-мъ урокѣ, не взирая на разную степень трудности усвоенія его для грузинъ. Звукъ *щ* не имѣется ни у одного изъ этихъ народовъ—между тѣмъ, какъ *х*, наоборотъ, у всѣхъ имѣется; между тѣмъ, во всѣхъ букваряхъ г. Корханиди *щ* поставлено раньше *х*. То-же можно сказать и о многихъ другихъ звукахъ.

Объясненіемъ такого объединенія распредѣленія звуковъ для всѣхъ трехъ народовъ можетъ служить то обстоятельство, что на Кавказѣ преобладаютъ школы со смѣшаннымъ національнымъ составомъ учениковъ; каждый изъ нихъ получаетъ книгу съ переводомъ картинокъ на его родную рѣчь—грузинскую, армянскую, греческую,—но классный урокъ идетъ въ одномъ порядкѣ для всѣхъ.

Прежде чѣмъ переходить послѣ азбуки къ чтенію связныхъ статеекъ, Корханиди предлагаетъ снова лексическія упражненія по картинкамъ, состоящія изъ краткихъ предложеній, „сгруппированныхъ такимъ образомъ, что они даютъ возможность учителю наглядныхъ образомъ познакомить дѣтей съ употребленіемъ той или иной грамматической формы, того или иного падежа“ (стр. 90). Рядомъ съ лексическими упражненіями, исчерпывающими содержаніе картинокъ, идетъ и чтеніе подъ ними простыхъ предложеній.

Эти упражненія, хотя и вызваны необходимостью научить инородцевъ говорить по-русски, но настолько полезны для усвоенія правильной русской рѣчи, что съ успѣхомъ могли-бы примѣняться и не въ однѣхъ инородческихъ школахъ; то-же можно сказать и о тѣхъ задачахъ, какія Корханиди предлагаетъ во 2-мъ отдѣлѣ своей книги „Живое Слово“, а именно совмѣстнымъ путемъ чтенія и наглядныхъ бесѣдъ научить дѣтей не только хорошо читать, но и устно опредѣлять предметы, предлагаемые ихъ наблюденію и дѣлать описанія несложныхъ картинокъ.

Вообще въ краткомъ методическомъ руководствѣ Корханиди учитель найдетъ много полезныхъ практическихъ указаній, одинаково необходимыхъ для всякой и инородческой, и русской школы, а его разработка лексическаго обученія русскому языку, конечно, облегчитъ маленькимъ грузинамъ и армянамъ обученіе обязательнаго для нихъ и столь чуждаго ихъ голосовымъ средствамъ русскаго языка.

С. Русова.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ. Спб. 1903 г. (Изъ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. VIII, книга II.)

Если нельзя жаловаться на недостатокъ монографій по исторіи древней и новой русской литературы, если отдѣльные вопросы ея разрабатываются съ необыкновеннымъ стараніемъ, если большинство русскихъ писателей изучено очень подробно, то мы не можемъ сказать того-же относительно разработки общихъ вопросовъ, относительно освѣщенія наиболѣе важныхъ моментовъ въ

исторіи русской литературы. Напримѣръ, до сихъ поръ еще не установлено, считать-ли литературу XVII столѣтія концомъ древняго періода, или же сю начинать новую литературу, которой мы живемъ и въ настоящее время. Отсутствіемъ опредѣленныхъ отвѣтовъ на подобные вопросы и объясняется, интересъ небольшой книги профессора Новороссійскаго Университета В. М. Истрина, вышедшей въ нынѣшнемъ году: „Введеніе въ исторію русской литературы второй половины XVII вѣка“ (Одесса. 1903).

По мнѣнію Истрина, со второй половины XVII вѣка русская литература получаетъ новый характеръ и превращается въ „новую русскую литературу“, главнымъ образомъ, благодаря вполнѣ опредѣлившемуся западному вліянію. Поэтому онъ признаетъ совершенно неосновательнымъ прежній взглядъ на тѣсную связь между памятниками литературы XVI вѣка и XVII-го.

Въ общемъ, профессоръ Истринъ правъ. Если мы припомнимъ старое изреченіе о томъ, что natura non saltat, что въ историческихъ и культурныхъ теченіяхъ не можетъ быть рѣзкихъ скачковъ отъ одного направленія къ другому и вполнѣ очерченныхъ границъ между разными теченіями, то согласимся съ тѣмъ, что тяготѣніе къ западу началось у насъ задолго до Петра I. Но и это еще не рѣшаетъ всего вопроса. По мнѣнію академика Соболевскаго, XVII вѣкъ стоитъ совершенно особо. Его нельзя въ полной степени причислить къ древнему періоду, еще меньше находится основанія относить его къ новой литературѣ, такъ какъ онъ ничѣмъ не связанъ съ Петровской эпохой, а тѣмъ болѣе съ литературой Елисаветинскаго и Екатерининскаго временъ, и остается признать вполнѣ остроумной характеристику критика, который называетъ XVII вѣкъ временемъ *замиранія* древней русской литературы.

Дѣло въ томъ, что наличность произведеній, вновь появившихся въ XVII вѣкѣ или же только переписанныхъ въ это время, по существу мало чѣмъ отличается отъ того запаса, который циркулировалъ среди нашихъ книжниковъ XV и XVI вѣковъ. „Пересматривая русскую литературу XVII вѣка, переводную и оригинальную, мы можемъ убѣдиться, что интересы читателя этого столѣтія—по преимуществу тѣ-же, что и его предковъ, т. е. духовные,“— говоритъ А. И. Соболевскій и переходитъ къ выясненію причинъ, почему въ XVII вѣкѣ начинается это замираніе древней литературы. Оказывается, что причина заключалась въ языкѣ литературы. „Какъ извѣстно, переводы многихъ произведеній греческой литературы, южно-славянскіе и русскіе, какъ древнѣйшіе (IX—X вѣковъ), такъ и позднѣйшіе (XIV—XV вѣковъ), не блещутъ достоинствами; нѣкоторые изъ нихъ едва-ли были понятны самимъ переводчикамъ. Извѣстно также, что писцы очень часто искажали тексты при перепискѣ и своими ошибками и описками превращали понятныя слова въ непонятныя. Тѣмъ не менѣе, многіе древніе переводные тексты были достаточно понятны для русскаго читателя X—XIV вѣковъ. Что до оригинальныхъ русскихъ произведеній, то въ пониманіи ихъ этимъ читателемъ мы не имѣемъ основанія сомнѣваться. Но въ XV вѣкѣ живой русскій языкъ уже настолько

измѣнился и отдалился и отъ древняго церковно-славянскаго языка, и отъ древняго русскаго, что читатель этого времени могъ понимать русскій языкъ лишь при помощи руководителя. Грамматикъ и словарей славянскаго языка не было, хотя традиція еще сохраняла и пониманіе древнихъ формъ, и словарныхъ особенностей. Читатель въ „недоумѣнныхъ“ случаяхъ долженъ былъ справляться у „вѣдущаго“, и уже при его помощи проникать въ смыслъ текстовъ. Въ XVI вѣкѣ, при дальнѣйшемъ измѣненіи живого русскаго языка и ослабленіи традиціи, московскій читатель сталъ уже затрудняться при чтеніи многихъ изъ тѣхъ памятниковъ, которые были написаны на славянскомъ языкѣ. Отсюда происходили такія заявлѣнія, какъ у Курбскаго. Послѣдній былъ почитателемъ и любителемъ славянскаго языка, и тѣмъ не менѣе у него о „Богословіи“ Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна Экзарха мы читаемъ, что это произведеніе „ко выразумѣнію (пониманію) неудобно и никомуже познаваемо (ни для кого непонятно)“. Конечно, наиболѣе непонятными представлялись древнѣйшіе тексты, изобиловавшіе и древними формами, и особенно словарными данными, а тексты сравнительно поздняго происхожденія, то есть переведенные въ XIV вѣкѣ, съ позднимъ славянскимъ языкомъ, понимались только до нѣкоторой степени. Въ то время, какъ первые уже почти не существуютъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, послѣдніе продолжаютъ свою жизнь, и съ нѣкоторыми исправленіями печатаются въ этомъ столѣтіи; они даже имѣютъ успѣхъ и выдерживаютъ по нѣсколько изданій“.

Почему же, является вопросъ, никто изъ Московскихъ книжныхъ людей XVII вѣка не нашелъ возможнымъ реформировать книжный языкъ, приспособивъ его къ пониманію современныхъ читателей, а переводили они необыкновенно точно, буква въ букву, дѣлая этимъ свои тексты настолько малопонятными, что безъ греческаго оригинала иногда трудно даже догадаться, о чемъ именно идетъ рѣчь на цѣлыхъ страницахъ? Мы думаемъ, что русская литература не могла уже попрежнему питаться византійскими образцами. Надо было искать новаго источника, а культурный западъ давалъ столько поучительнаго и интереснаго, что греческое вліяніе стало прекращаться само собой. Вмѣстѣ съ новыми идеалами начинаются и новыя средства въ просвѣщеніи. Необходимо было сдѣлать литературнымъ языкомъ тотъ, на которомъ всѣ говорили. Акад. Соболевскій припоминаетъ извѣстный случай, когда „Ѳедоръ Поликарповъ, котораго никакъ нельзя заподозрить во враждѣ къ славянскому языку, доносилъ Синоду о переводѣ Епифаніемъ важнѣйшихъ святоотеческихъ твореній, что „Книга Григорія Богослова Назіанзена съ прочими, иже въ ней, переведена необыкновенною славянщизною, паче же рещи—еллинизмомъ, и за тѣмъ о ней мнози недоумѣваютъ и отбѣгаютъ“. Тредьяковскій, который въ юности не только писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми на славянскомъ языкѣ, въ предисловіи къ переводу „Ѣзды на островъ любви“ замѣтилъ, что языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ

очень теменъ и многіе его наши, читая, не разумѣютъ. „Неразумительность“ переводовъ Арсенія Грека, Симеона Полоцкаго и Евфимія для ихъ современниковъ также не подлежитъ сомнѣнію. Словомъ, новые переводы съ разныхъ языковъ въ Москвѣ XVII вѣка не могли найти себѣ читателя и обновить замиравшую древнюю русскую литературу; они погибли вмѣстѣ съ нею“. Однимъ словомъ, западное вліяніе давало себя чувствовать во всѣхъ отношеніяхъ, и намъ не приходится удивляться даже тому, что памятники, появившіеся въ XVII вѣкѣ, многочисленные количественно, стояли въ качественномъ отношеніи настолько низко, что потеряли всякую цѣну и этимъ какъ-бы дискредитировали всю старую письменность, существовавшую теперь лишь въ видѣ переживанія церковно-византійскихъ традицій.

Другая статья акад. Соболевскаго, вошедшая въ составъ „Нѣсколькихъ мыслей“, отвѣчаетъ на вопросъ: „возможна ли теперь научная исторія древне-русской литературы“ и вызвана отзывомъ В. М. Истрина о „Древней русской литературѣ кіевскаго періода“ проф. Владимірова, напечатаннымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1902 годъ (№ 3). Профессоръ Истринъ указываетъ на то, что цѣлыя тридцать лѣтъ раздается у насъ одна и та же жалоба на „невозможность дать научную исторію древне-русской литературы“. По мнѣнію автора, причина этого лежитъ не столько въ скудости матеріала, сколько, наоборотъ, въ его обиліи. „Въ настоящее время появленіе новаго памятника чаще всего не столько разъясняетъ дѣло, сколько его затемняетъ, въ томъ смыслѣ, что возбуждаетъ новый рядъ вопросовъ и побуждаетъ къ новымъ изысканіямъ,—говоритъ онъ.—Прежде чѣмъ высказать какое либо сужденіе о фактѣ, необходимо продѣлать предварительную работу которая, при большомъ объемѣ, иногда даетъ незначительные по виду, хотя и важные по существу, результаты.—Все болѣе и болѣе развивается требованіе при изданіи памятника привлекать возможно большее количество рукописей, ибо мы неоднократно были свидѣтелями, какъ привлеченіе новаго матеріала ниспровергало прежнія утвержденія“. Эти слова одесскаго профессора вызываютъ критика на слѣдующія разъясненія. Прежде всего, Истринымъ не вполнѣ точно поставленъ вопросъ, такъ-какъ на вопросъ о причинахъ невозможности составить научную для нашего времени исторію древней русской литературы, онъ говоритъ объ открытіи новыхъ памятниковъ и о привлеченіи къ изслѣдованію новаго матеріала. Акад. А. И. Соболевскій думаетъ, что если мы имѣемъ вполнѣ научные (опять таки для нашего времени) курсы по физикѣ, химіи и ряду другихъ наукъ, хотя открытіе новыхъ явленій, привлеченіе новаго матеріала и вмѣстѣ полное измѣненіе существующихъ теорій и здѣсь дѣло самое обыкновенное, то едва-ли можетъ быть рѣчь о „научномъ трудѣ въ идеальномъ значеніи этого слова, могущемъ сохранять свое значеніе на пространствѣ вѣковъ. Все въ мірѣ преходящее, и то, что вчера считалось научною истиною, сегодня всѣми признается за заблужденіе. Итакъ, мы можемъ говорить здѣсь только о такой исторіи древней русской лите-

ротуры, которая была бы научна теперь, въ наши дни.“ Такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ написать вполнѣ научную исторію литературы московской и югозападной Руси XVI и XVII вв., включая сюда и Петровскую эпоху. Иное дѣло—домонгольскій періодъ, оставившій намъ массу анонимныхъ произведеній, разсѣянныхъ въ рукописныхъ сборникахъ, до сихъ поръ не только неизданныхъ, но не всегда даже извѣстныхъ по библіографическимъ трудамъ. Помимо того, что изслѣдователь нерѣдко поставленъ въ затрудненіе—отнести ли извѣстное сочиненіе къ числу переводныхъ или оригинальныхъ, является болѣе трудный и самый интересный вопросъ о мѣстѣ перевода или языкѣ оригинала, о національности автора или переводчика, то-есть былъ ли это болгаринъ или сербъ, великоруссъ или малоруссъ и т. д. Всѣ эти соображенія сводятся къ тому выводу, что для научной исторіи древней русской литературы XI—XV вѣковъ необходимы прежде всего обширныя подготовительныя работы какъ библіографическія, такъ и лингвистическія. Если для нея важны первыя, то еще болѣе важны и прямо необходимы вторыя. Такъ смотритъ на дѣло акад. Соболевскій, и съ его словами приходится вполнѣ согласиться. Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что до сихъ поръ не выяснены еще особенности того церковно-славянскаго языка, который былъ книжнымъ, литературнымъ языкомъ русскихъ грамотеевъ домонгольскаго періода, а также и послѣдующихъ XV — XVI вѣковъ, то является естественное заключеніе: историкъ литературы долженъ быть прежде всего лингвистомъ. Намъ кажется, что въ послѣднихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Стоитъ только внимательно прослѣдить за тѣми вопросами, которые занимаютъ наиболѣе освѣдомленныхъ историковъ старой русской и славянской литературъ, и мы увидимъ, что безъ изученія языка, т. е. безъ черной работы, почти невозможно сдѣлать какіе нибудь выводы относительно важнѣйшихъ явленій въ области изученія литературы.

А. И. Яцимирскій.

С. И. Ершовъ. Экспериментальная фонетика. Казань. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Физіологія звуковъ рѣчи разработана пока очень мало, и это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что занимались ею до сихъ поръ не естественники, а филологи-лингвисты, незнакомые съ наукой физіологіи въ полномъ ея объемѣ. Въ то же время, заниматься исторіей или теоріей какого-нибудь живого языка и не привлекать къ дѣлу фонетической физіологіи—совершенно невозможно. На помощь является экспериментальная фонетика, которую начали разрабатывать французскіе ученые, за ними американскіе, германскіе и другіе. Такія имена, какъ Rosapelly, Allen, Hensen, Wendeler, Rousselot, Wagner и Meyer, хорошо извѣстны въ лингвистикѣ, а нѣкоторые приборы искусственной полости рта и голосовыхъ связокъ, самопищущіе приборы и математическія вычисленія числа колебаній, необходимыхъ для полученія автоматическаго извѣстнаго звука въ гипсовыхъ или гутаперчевыхъ пре-

паратахъ,—дали въ послѣднее время неожидаанные результаты, которые въ концѣ концовъ должны будутъ измѣнить многія положенія въ наукѣ о звукахъ.

Исторію всѣхъ этихъ кропотливыхъ изученій, въ значеніе которыхъ долгое время никто не хотѣлъ вѣрить, г. Ершовъ излагаетъ очень подробно въ первой части своей книжки. Тѣ же самые пріемы авторъ, кажется, первый примѣнилъ къ изученію звуковъ русской рѣчи. Устроено было искусственное нёбо, которое вставлялось въ ротъ экспериментатора. Затѣмъ верхняя часть языка намазывалась толстымъ слоемъ китайской туши, которая оставляла слѣды на нёбѣ при произношеніи звуковъ передне-средне- и задне-нёбныхъ. Сначала производились опыты съ гласными, а потомъ и съ согласными.

Мы не будемъ передавать выводовъ С. И. Ершова, потому-что они касаются слишкомъ спеціальныхъ вопросовъ языка и діалектологіи. Укажемъ только на то, что изданныя авторомъ въ снимкахъ платограммы очень интересны и поучительны. Изъ нихъ мы узнаемъ, что нѣкоторые звуки, на обыкновенный слухъ очень далекіе другъ отъ друга, оказываются очень близкими по способамъ артикуляціи, почему произношеніе ихъ оставляетъ на пластинкѣ почти одинаковые слѣды. Этимъ объясняется легкость перехода одной группы этихъ звуковъ въ другую, частая замѣна ихъ въ языкѣ и т. д. Какъ первый опытъ такого рода экспериментальныхъ изслѣдованій въ области русской фонетики, работа г. Ершова заслуживаетъ полнаго одобренія. Жаль только, что онъ почему-то не говоритъ о первомъ по времени русскомъ лингвистѣ, покойномъ Н. С. Усовѣ, ученикѣ аббата Руссело и авторѣ цѣнной статьи „Études expérimentales sur une prononciation russe“, помѣщенной въ *Institut de laryngologie et orthophonie* 1899 г., 11. Вполнѣ естественно, что отъ первыхъ робкихъ опытовъ еще очень далеко до конечныхъ выводовъ, и едва-ли мы въ скоромъ времени будемъ располагать точными данными относительно природы спорныхъ звуковъ русскаго языка. Тѣмъ не менѣе, есть надежда, что благодаря правильной постановкѣ дѣла и наши учебныя грамматики будутъ освобождены, наконецъ, отъ того тяжелаго балласта, который затрудняетъ учащихся и, кромѣ механическаго заучиванья наизусть правилъ и парадигмъ, почти не даетъ матеріяла для правильнаго пониманія звуковыхъ явленій въ жизни церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

А. Я.

Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. Составилъ М. В. Соболевъ. Издана при содѣйствіи Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. СПБ. 1903 г. Стр. 468. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. В. Соболевъ уже около тридцати лѣтъ работаетъ на поприщѣ библіографіи литературы для дѣтей. Имъ составленъ цѣлый рядъ цѣнныхъ библіографическихъ пособій, а послѣдній трудъ является самымъ крупнымъ его произведеніемъ, заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія со стороны педаго-

товъ и родителей. Въ книгѣ г. Соболева 468 страницъ убористой печати. Такихъ полныхъ и обширныхъ трудовъ по дѣтской библіографіи въ нашей литературѣ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не появлялось, да врядъ ли подобныя пособія найдутся и въ литературѣ заграничной. Кто имѣетъ хотя нѣкоторое представленіе о библіографической работѣ, тотъ знаетъ, сколько она требуетъ труда, времени и любви къ этому дѣлу, особенно если составитель даетъ не только названіе книги, но знакомитъ съ ея содержаніемъ и указываетъ критическіе отзывы.

Въ „Справочной книжкѣ" г. Соболева родители и воспитатели найдутъ каталогъ русскихъ книгъ съ 1870 по 1902 г. включительно, предназначенныхъ авторами и издателями для дѣтей, а также признанныхъ педагогическою критикою пригодными для дѣтскаго чтенія. При этомъ приводится краткое содержаніе книги, а въ сборникахъ перечисляются отдѣльныя статьи, указываются годы послѣдняго и перваго изданій книги, число ея страницъ, рисунковъ и цѣна, перечисляются одобренія учебныхъ вѣдомствъ и ученыхъ учрежденій и отзывы педагогической критики. Книги распредѣляются по возрастамъ: для маленькихъ дѣтей, не умѣющихъ читать, для малютокъ, не умѣющихъ читать, для младшаго возраста (8—11 л.), средняго (12—15 л.) и старшаго (16—18 л.). Для каждаго изъ трехъ возрастовъ указываются книги слѣдующаго содержанія: религіозно-нравственныя сочиненія, географія, исторія и біографіи, естествознаніе и беллетристика. Особые отдѣлы составляютъ: занятія, забавы, игры и дѣтскій театръ. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ именъ авторовъ, переводчиковъ, составителей и редакторовъ, а также указатель книгъ, рекомендованныхъ для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Таково содержаніе „Справочной книжки" г. Соболева. Всѣ-ли книги, вышедшія съ 1870—1902 г., вошли въ нее? Авторъ сдѣлалъ все возможное, чтобы списокъ книгъ былъ полонъ, но совершенно справедливо считаетъ пробѣлы неизбѣжными при современномъ состояніи нашей библіографіи. Кромѣ того, можно указать на желательность нѣкоторыхъ измѣненій въ системѣ распредѣленія матеріала. Такъ, напр., беллетристика могла быть раздѣлена на оригинальную и переводную, книги научнаго содержанія разбиты на извѣстныя группы, астрономія отдѣлена отъ географіи и т. п. Болѣе строгая систематизація матеріала дала бы возможность сразу составить опредѣленное представленіе объ относительномъ богатствѣ или бѣдности того или другого отдѣла литературы для дѣтей и юношества. Разумѣется, подобная работа очень увеличила бы и безъ того не легкій трудъ составителя; кромѣ того, ее нельзя считать безусловно необходимой, а лишь желательной, такъ какъ и при той системѣ, какая принята составителемъ, не трудно отыскать требуемую книгу.

Книга г. Соболева даетъ полную картину того, что сдѣлано по части дѣтской литературы за три послѣднихъ десятилѣтія. Знакомясь съ содержаніемъ разныхъ отдѣловъ сборника, особенно научныхъ, нельзя сказать, чтобы

всѣ они отличались достаточной полнотой и разнообразіемъ. Но во всякомъ случаѣ обычныя жалобы на бѣдность нашей дѣтской литературы являются сильно преувеличенными. Г. Соболевъ справедливо замѣчаетъ, что „и при пропускахъ можно видѣть, какъ много сочиненій написано спеціально для дѣтей, какъ много потрудились издатели, чтобы отобрать годное для нихъ изъ произведеній „большой литературы“ и какъ много всѣми этими сочиненіями занималась педагогическая критика, отдѣляя злаки отъ плевелъ. Смѣло можно сказать, что въ настоящее время возможно правильно поставить чтеніе каждаго ребенка, была бы только охота порыться въ указателяхъ по дѣтской литературѣ“.

Какое великое воспитательное значеніе имѣетъ правильная постановка и руководство самостоятельнымъ чтеніемъ дѣтей, — это ясно всякому педагогу. Но педагоги знаютъ также, какъ трудно вести это дѣло, не имѣя подъ руками соотвѣтствующихъ пособій. Въ „Справочной книжкѣ“ г. Соболева родители и воспитатели найдутъ обширный матеріалъ для выбора книгъ для дѣтскаго чтенія и для правильнаго выполненія не легкой задачи руководителей. Обширный и солидный трудъ г. Соболева смѣло можно рекомендовать всякой школѣ и всякой интеллигентной семьѣ. **Я. Р—въ.**

Сборникъ игръ съ указаніями, относящимися къ постановкѣ и воспитательному значенію ихъ. Составленъ подъ редакціей *Я. И. Душечкина* С. И. Алымовой, Ю. А. Бѣляевской, М. П. Рохлецовой и В. П. Шелеховой-Головиной. Съ 98 рисунками. СПБ. 1903 г. Изд. Н. П. Карбасникова. Цѣна 2 руб. Стр. 428.

С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности почти наканунѣ своего закрытія внесъ въ программу своей разносторонней народопросвѣтительной дѣятельности, между прочимъ, и вопросъ объ играхъ и развлеченіяхъ. Для разработки вопроса была образована коммиссія, на обязанности которой лежало разсмотрѣніе, систематизація и оцѣнка воспитательнаго значенія существующихъ игръ. Послѣ закрытія Комитета Грамотности, коммиссія продолжала работу частнымъ образомъ. Свою работу коммиссія закончила еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но по разнымъ причинамъ выпустить въ свѣтъ ее удалось только въ текущемъ году.

На свою работу (большую по размѣрамъ и довольно трудную по выполненію) составители смотрятъ, какъ на попытку: 1) упорядочить группировку игръ, 2) выяснить образовательное значеніе и 3) составить возможно болѣе полное руководство для практическаго пользованія играми. Съ поставленной задачей составители справились очень успѣшно: въ ихъ Сборникѣ (заглавіе котораго нами выписано выше) всесторонне разобрано 659 русскихъ, иностранныхъ и инородческихъ игръ, изъ нихъ пригодныхъ для воспитательныхъ цѣлей 563. Каждая игра разобрана съ точки зрѣнія цѣлесообразности: для

какого возраста она пригодна, на какія стороны физическаго и психическаго развитія она дѣйствуетъ, въ какой обстановкѣ слѣдуетъ вести ее и т. д.

Въ обширномъ и весьма обстоятельномъ введеніи выяснено образовательное значеніе игръ (особенно вліяніе ихъ на умственное, нравственное, эстетическое и общественное развитіе и на развитіе воли); указано, какъ слѣдуетъ пользоваться играми для того, чтобы онѣ доставляли удовольствіе играющимъ; даны планы и описанія площадокъ для игръ.

Всѣ игры въ Сборникѣ распредѣлены на восемнадцать группъ слѣдующимъ образомъ: I. Бѣгъ (7 игръ). II. Перегонки (32 игры). III. Пятнашки (126 игръ). IV. Борьба (8 игръ). V. Игры съ прыжками (23). VI. Равновѣсіе (2). VII. Прятки (33). VIII. Жмурки (30). IX. Имитаціонныя игры (21). X. Игры хороводныя (15). XI. Игры съ фантами (51). XII. Игры „въ камешки“ (9). XIII. Выходы (съ мячомъ) (3). XIV. Ловля брошеннаго мяча (6). XV. Метанье безъ бѣга (99). XVI. Пятнашки съ мячомъ (29). XVII. Лаптанье (38). XVIII. Отбивка мяча и шаровъ (25).

Изъ этого сухого перечня видно, какъ тщательно работали составители надъ Сборникомъ и какое богатство и разнообразіе игръ внесли въ него.

Настоящій Сборникъ по своимъ воспитательнымъ цѣлямъ, по значительности содержанія и по ясности изложенія (что имѣетъ большое значеніе въ пониманіи существа игры) представляетъ собой выдающееся явленіе въ текущей педагогической литературѣ, и, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ сослужитъ большую службу и школѣ, и семьѣ.

К. Л—нъ.

Рыцарь слова и жизни (Сервантесъ и его Донъ-Кихотъ) Ив. Ив. Иванова. Изданіе Библіотеки Дѣтскаго Чтенія. Цѣна 50 к.

Книга эта составлена и умѣло и умно, такъ что, несмотря на ея сравнительную серьезность, дѣтьми она прочтется съ интересомъ.

Въ ней не только передается содержаніе Донъ-Кихота, но и указывается внутренній смыслъ словъ Донъ-Кихота и его оруженосца, а также самой книги.

Начало біографіи поэта излагается отдѣльно, а потомъ она незамѣтно какъ бы переходитъ въ характеристику Донъ-Кихота, и это придаетъ біографіи оригинальность, а Донъ-Кихоту — живую, а не созданную воображеніемъ поэта, душу.

Попутно авторъ разсказываетъ много и объ Испаніи и о современникахъ Сервантеса, ихъ нравахъ, вкусахъ; онъ говоритъ и объ исконной враждѣ испанцевъ и мавровъ, ихъ войнахъ и внутренней борьбѣ христіанства и язычества; разсказываетъ объ ужасахъ и несправедливости инквизиціи, описывая при этомъ одну изъ ея казней. Проводитъ мысль, что душа человѣка въ какомъ бы тѣлѣ она ни заключалась, — главное въ человѣкѣ. Описываетъ древній испанскій театръ, увлеченіе имъ и отношеніе къ нему народа. Вообще даетъ множество свѣдѣній, которыя, навѣрное, большинству дѣтей неизвѣстны, и

эти свѣдѣнія находятся въ такой тѣсной связи съ жизнеописаніемъ Сервантеса, что не являются ни назойливыми, ни ненужными.

Разсказывая содержаніе Донъ-Кихота, авторъ особенно ярко выдвигаетъ не смѣшныя стороны Донъ-Кихота, а его благородство, чистоту его души, его любовь къ правдѣ и людямъ, такъ что передъ маленькими читателями неизбѣжно долженъ встать живой и привлекательный образъ — рыцаря Донъ-Кихота, а не комичный и глупый образъ искателя приключеній, вызывающій смѣхъ вмѣсто сочувствія. И это слава Богу, потому что въ послѣднее время въ дѣтской литературѣ появилось столько неумѣлыхъ, почти лубочныхъ книжекъ о Донъ-Кихотѣ, что безсмертный поэтъ и его произведеніе, написанное, чтобы служить правдѣ, совершенно исказились.

Предисловіе въ высшей степени симпатично. Въ немъ, между прочимъ, авторъ говоритъ: „всякій разъ, когда мы читаемъ какую-либо книгу, и книга кажется намъ занимательной,—у насъ непремѣнно возникаетъ желаніе узнать возможно подробнѣе, кто такой авторъ, какова была его жизнь, вообще, что это былъ за человѣкъ? Это желаніе становится особенно сильнымъ, когда мы встрѣчаемъ въ книгѣ много задушевнаго и искренняго, когда авторъ, видимо, желалъ подѣлиться съ читателемъ не только своими думами, но и своими личными радостями и огорченіями. Тогда намъ становится дорогъ не только писатель, но и человѣкъ, и его собственная жизнь является необходимымъ дополненіемъ къ его сочиненіямъ“.

Эти слова безъ всякихъ поясненій со стороны старшихъ объяснятъ значеніе біографіи. Началомъ же книжки служитъ эпиграфъ, взятый изъ сочиненій Сервантеса: „смѣю сказать,—если бы я какимъ-либо путемъ могъ предугадать, что мои сочиненія могутъ внушить читателямъ какое-либо преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, написавшую ихъ, чѣмъ выпустилъ бы ихъ въ свѣтъ“. И книжка г-на Иванова вполнѣ соответствуетъ взятому имъ эпиграфу. **Н. М.**

Н. А. Рубакинъ. „Знаменитые русскіе работники. Разсказы о русскихъ людяхъ“. Книжки I и II. Симферополь. Изданіе Синани, 1903 г. Ц. каждой книжки 18 коп.

Названныя книжки принадлежатъ къ разряду изданій, извѣстныхъ подъ названіемъ „Для народа“, какъ это съ очевидностью открывается изъ крайне небольшого объема ихъ (въ 56 стран. каждая), изъ краткости біографическихъ свѣдѣній о взятыхъ для разсказовъ „знаменитыхъ русскихъ работникахъ“ и особенно изъ манеры изложенія разсказовъ, совершенно чуждаго тому, что зовется литературнымъ слогомъ или стилемъ, а представляющаго искусственную поддѣлку подъ разговорную простонародную рѣчь.

Въ „Заключеніи“ къ 1-й книжкѣ авторъ говоритъ: „въ этой книжкѣ разсказано о знаменитыхъ русскихъ людяхъ разнаго званія и состояній. Разска-

зано, какъ они работали на своемъ вѣку, какъ бились, какъ страдали, какъ добивались своего. У всѣхъ этихъ людей были сильная воля, сильныя желанія... Сильныя желанія прежде всего. Безъ нихъ каждое дѣло будетъ дѣлаться кое-какъ. Но желанія желаніямъ рознь. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, сильныя желанія человѣка, нужно мѣрку для оцѣнки знать. Тѣ сильныя желанія и справедливы, и законны, и полезны, и нужны, съ которыми согласенъ и умъ и совѣсть человѣка, и которыя направлены на пользу общую".

Въ „Заключеніи" къ II-й книжкѣ авторъ выражается еще яснѣе и прямѣй. „Люди, о которыхъ здѣсь разсказано, объясняетъ онъ, были великіе русскіе люди, — люди не такіе, какъ всѣ. Служа своей родинѣ, они не жалѣли себя. Не пользы для себя и не своихъ выгодъ искали они и добивались отъ родины. Они отдали ей всю душу свою, свой умъ, свою силушку, свои знанія, образованіе, свое жалостливое сердце, самихъ себя... Всѣ эти люди были люди умные, дѣятельные, дѣльные, способные. Они умѣли любить, умѣли сильно желать, жертвовать собой ради дѣла и правды, умѣли работать. И какъ еще работать! Не боясь мученій и смерти".

Изъ приведенныхъ объясненій для насъ съ полною ясностью открывается цѣль, къ которой авторъ стремился, составляя и издавая въ свѣтъ свои брошюры. Цѣль эта—нравоучительная, воспитательная.

Ему вздумалось въ послѣдовательномъ рядѣ разсказовъ, разсказовъ „не сочиненныхъ", не созданныхъ усиліями творческой фантазіи, а взятыхъ прямо изъ живой дѣйствительности, а потому долженствующихъ обладать особенною убѣдительностью, дать своимъ читателямъ своего рода альбомъ портретовъ работниковъ,—выдающихся своими дарованіями, энергіей, дѣловитостью и вмѣстѣ глубоко согрѣтыхъ чувствомъ любви къ родинѣ, къ окружающимъ ихъ ближнимъ, къ добру и правдѣ, — съ тѣмъ, разумѣется, чтобы своими изображеніями такихъ работниковъ вызвать у читателей стремленье, по мѣрѣ силъ и возможности, подражать имъ. Цѣль, какъ видите, прекраснѣйшая, задача—благороднѣйшая и благодарнѣйшая!

Теперь взглянемъ, насколько умѣло и удачно разрѣшена она.

Каждая изъ 2-хъ книжекъ содержитъ въ себѣ по 6 разсказовъ. Въ 1 кн. повѣствуется: 1) о храбромъ казакѣ Семенѣ Дежневѣ, 2) о Тульскихъ кузнецахъ Никитѣ и Акинфіи Демидовыхъ, 3) о механикѣ-самоучкѣ Кулибинѣ, 4) о Курскомъ мѣщанинѣ Семеновѣ, 5) о Ярославскомъ купеческомъ сынѣ Ѳедорѣ Волковѣ и 6) о сочинителѣ пѣсенъ, прасолѣ Алексѣѣ Кольцовѣ; во 2-й книжкѣ: 1) о московскомъ дьякѣ Григоріи Котошихинѣ, 2) торгующемъ крестьянинѣ Иванѣ Посошковѣ, 3) Добромъ докторѣ Гаазѣ, 4) Св. Филиппѣ, митрополитѣ Московскомъ, 5) В. Н. Каразинѣ, основателѣ Харьковскаго Университета и 6) Баронѣ Н. А. Корфѣ.

Просмотрѣвъ названные 12 разсказовъ, я долженъ сказать, что въ нихъ далеко не разрѣшается та благородная задача, какую поставилъ себѣ авторъ при изданіи ихъ, а та нравственно-практическая цѣль, какая имѣлась при

этомъ въ виду, оказалась достигнутой развѣ-развѣ только отчасти,—въ размѣрѣ самомъ ограниченномъ. Первые два разсказа-жизнеописанія храбраго казака Дежнева и Тульскихъ кузнецовъ Никиты и Акинфія Демидовыхъ попали въ серію разсматриваемыхъ разсказовъ по какому то странному недоразумѣнію, или, правильнѣе, по ошибкѣ автора. Всякій, кто знакомъ хотя-бы съ самыми краткими жизнеописаніями названныхъ личностей, легко пойметъ, что жизнеописанія эти совсѣмъ не соотвѣтствуютъ той цѣли, какую имѣлъ въ виду г. Рубакинъ. Дежневъ и Демидовы дѣйствительно могутъ служить образцами людей физически сильныхъ, смѣтливыхъ и дѣятельныхъ; но они совсѣмъ не герои труда, возбуждаемаго и поддерживаемаго въ человѣкѣ высокимъ чувствомъ любви къ родинѣ и ближнимъ, совсѣмъ не борцы за добро, истину и справедливость.

Дежневъ — это одинъ изъ выдающихся нашихъ авантюристовъ XVII в., или, попросту, это—удалая, безшабашная головушка, какихъ такъ много было въ это время. Физическихъ силъ, выносливости, смѣлости у него былъ запасъ огромный, но искать въ немъ духовной мощи, какихъ-либо нравственныхъ идеаловъ — напрасная попытка. Онъ бѣжитъ съ родины (Великаго Устюга Вологод. губер.), идетъ въ Сибирь, сначала до Тобольска, затѣмъ, пробирается дальше въ землю Якутовъ, Чукчей, Камчадаловъ, плаваетъ по Ледовитому океану, первый изъ русскихъ проплываетъ Беринговъ проливъ; во время странствованій онъ постоянно дерется то съ дикарями, то со своими же русскими, терпитъ холодъ и голодъ, раны и болѣзни... — для чего и изъ за чего все это? Да онъ и самъ не знаетъ этого! Его влечетъ жажда приключеній, жажда новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній; хочется людей посмотрѣть, себя показать, да поживиться чужимъ добромъ скорымъ путемъ, при помощи ружья, сабли да нагайки. Жизнеописаніе Дежнева самъ авторъ книжекъ заключаетъ слѣдующими словами: „Чего ради перенесены были (Дежневымъ) всѣ эти страданія, бѣды и напасти? Для того ли, чтобы людямъ лучше, счастливѣе жилось на землѣ? Нѣтъ, не для того! Для того, можетъ быть, чтобы правды прибавилось на землѣ, чтобы умъ прояснился, душа возвеличилась, свѣту стало больше? Тоже не для того! Не заботился Дежневъ о счастьѣ человѣческомъ, не жалѣлъ другихъ, не жалѣлъ и себя. Онъ самъ не зналъ для чего живетъ". И этакого-то человѣка, ни себя не сознающаго, ни другихъ не понимающаго, возводить на пьедесталъ героя и выдавать читателямъ „изъ народа" за образецъ „знаменитаго работника", достойнаго поклоненія и подраженія?! — Да, вѣдь, это значитъ прямо-таки „соблазнять малыхъ сихъ"!

Еще менѣе нравственныхъ качествъ, подходящихъ для той цѣли, съ какою г. Рубакинъ предпринялъ составленіе своихъ нравоучительныхъ разсказовъ, представляютъ личности отца и сына Демидовыхъ. Правда, люди эти обладали сильною волей, выдающимися способностями много и настойчиво трудиться и большою практическою сметкой; но на что ушли эти силы? „И ушла эта силушка, говоритъ авторъ, на увеличеніе своихъ собственныхъ богатствъ".

Это сказано вѣрно, но слабо. Нужно выразиться сильнѣе: ушла сила на пріобрѣтеніе всевозможныхъ средствъ, чтобы безпрепятственно и широко тѣшить свою алчность, свое самолюбіе, честолюбіе, властолюбіе и грубѣйшее сластолюбіе.

Отецъ и сынъ Демидовы—выдающіеся представители нашего кулачества, міроѣдства и самодурства въ XVIII в. Петръ І-й, увлеченный смѣтливостью, работоспособностью и сравнительно большими свѣдѣніями по горнозаводскому дѣлу Демидовыхъ, предоставилъ имъ съ истинно-царскою щедростью средства для расширенія ихъ промышленной дѣятельности: имъ отъ казны уступлены были милліоны десятинъ земли, богатѣйшей въ Россіи по обилію дорогихъ лѣсовъ и пастбищъ на ней и по богатству разнообразныхъ рудныхъ залежей въ нѣдрахъ ея, имъ предоставлено было право имѣть при заводахъ крѣпостныхъ людей, которыхъ, то путемъ покупки, а чаще—путемъ отписки отъ казны, Демидовы собрали при своихъ заводахъ десятки тысячъ; но царь не предусмотрѣлъ, въ какомъ духѣ его любимцы поведутъ свою дѣятельность, какъ они будутъ пользоваться дарованными имъ государственными землями и особенно рабочей крѣпостной силой. Впрочемъ, великій царь словно чутьемъ чуялъ всю жесткость и черствость душъ своихъ избранниковъ и, давая имъ грамоту на право владѣнія уступаемыми имъ землями и людьми, онъ увѣщевалъ ихъ—„не навлекать на себя правыхъ слезъ и обидныхъ воздыханій, что передъ Господомъ грѣхъ непростительный“. Но этотъ завѣтъ царя и благодѣтеля Демидовыхъ былъ для нихъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Всѣ, кому такъ или иначе приходилось сталкиваться съ личными интересами Демидовыхъ и становиться на ихъ дорогѣ, терпѣли отъ нихъ „обиды“ страшныя, и крѣпостные ихъ, буквально, лили потоки горячихъ слезъ изъ-за ненасытной алчности, жестокости и несправедливости своихъ владѣльцевъ. „Демидовы, говорю словами автора книжекъ, разбогатѣвши, зазнались. Старикъ Никита былъ нрава крутого и самъ любилъ подслушивать, что говорили о немъ люди. Всѣхъ, кто говорилъ о немъ плохо, онъ наказывалъ. А сынъ его Акинфій былъ еще того круче. Онъ построилъ въ Невсянскѣ (на Уралѣ) высокую башню, подъ которой были глубокія подземелья съ тайными ходами. Въ этихъ подземельяхъ Акинфій устроилъ застѣнокъ, гдѣ пыталъ подозрѣваемыхъ и виноватыхъ. Старожилы говорятъ, что тутъ людей замуровывали и держали въ колодкахъ и цѣпяхъ всю жизнь. А бывало и такъ, что тутъ Акинфій пряталъ бѣглыхъ людей, которые работали у него на заводахъ. Это было выгодно, потому что рабочія руки были очень нужны, а бѣглые работали почти за-даромъ. Иногда на заводы наѣзжали казенные чиновники—разыскивать бѣглыхъ; тогда бѣглыхъ прятали по подваламъ, и туда, какъ говорятъ уральскія преданія, напускали воду изъ шлюзовъ“. И такого-то злодѣя г. Рубакинъ выставляетъ предъ „народомъ“, какъ „знаменитаго русскаго работника“, проникнутаго „сильными желаніями, которыя и справедливы, и законны, и полезны, съ которыми согласны и умъ и совѣсть человѣка, и которыя направлены на пользу общую“!

Вообще, въ сужденіяхъ г. Рубакина о Демидовыхъ встрѣчается такъ много легкомыслія, неосновательности, внутреннихъ противорѣчій, что просто стыдно за его логику. Оканчивая свое повѣствованіе о Демидовыхъ, онъ говоритъ: „Демидовы любили отечество и царя-батюшку, а о другихъ людяхъ плохо помнили. Они забыли приказъ Петра — не навлекать на себя правыхъ слезъ и обидныхъ воздыханій“. Трудно понять, какъ эти люди, никогда „не помнящіе о другихъ“ своихъ ближнихъ, люди, всю свою жизнь „навлекавшіе на себя слезы и обидныя воздыханія правыхъ“,—могутъ оказаться способными „любить отечество и царя-батюшку“. И въ чемъ-же выразилась эта любовь? Не въ томъ-ли, напр., что они добились закона о „закрѣпощеніи всѣхъ бѣглыхъ, какіе только попадали на ихъ заводы“, — закона „объ освобожденіи всѣхъ своихъ крѣпостныхъ отъ отбыванія рекрутской повинности“,—закона о закрытіи на ихъ заводахъ всѣхъ казенныхъ кабаковъ, послѣ чего они установили тамъ незаконную тайную продажу водки отъ себя, дававшую имъ милліонный доходъ? Или, быть можетъ, въ томъ хитроумномъ проектѣ, къ счастью, не принятомъ нашимъ тогдашнимъ правительствомъ, которымъ Демидовы предлагали уплачивать въ казну отъ себя всѣ подати за всю Россію, за что требовали себѣ уступки всѣхъ казенныхъ солеваренъ и права монопольной продажи соли по цѣнамъ, произвольно устанавливаемымъ ими, нѣсколько высшимъ противъ существующихъ? Экіе, подумаешь, благородные сыны отечества, глубоко и искренне любящіе родину-матушку и царя-батюшку! Честному писателю, занимающемуся составленіемъ нравоучительныхъ и воспитательныхъ разсказовъ „для народа“, слѣдуетъ или вовсе избѣгать жизнеописанія подобныхъ личностей, или, если браться за нихъ, то не иначе, какъ съ цѣлью—возводить ихъ на эшафотъ злодѣевъ, а не на пьедесталъ героевъ, клеймить ихъ печатью позора, а не воспѣвать ихъ умъ, характеръ, дѣловитость и проч. и проч. Послѣднее отношеніе со стороны писателя къ подобнымъ личностямъ есть, опять повторю, не что иное, какъ прямое развращеніе, прямой соблазнъ малыхъ сихъ.

Слѣдущіе затѣмъ 6 разсказовъ, 4 изъ первой книжки и 2 изъ второй, съ точки зрѣнія той цѣли, какую имѣлъ въ виду авторъ,—тоже неудачны.

Разсказъ о Кулибинѣ—неудаченъ по самому существу свойствъ и качествъ этой личности. Кулибинъ по своему уму, частнѣе, по своей способности къ механикѣ,—безспорно, личность выдающаяся, но, какъ нравственная личность, онъ—личность болѣе чѣмъ заурядная, и съ этой стороны ни въ какіе герои онъ не годится. Самъ авторъ такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе о немъ: „Великій (по уму) человѣкъ былъ Кулибинъ. Невольно дивятся ему люди. А еще больше его надобно жалѣть. Не послужилъ онъ своимъ умомъ народу русскому, не послужилъ человѣчеству“. Ну, если не послужилъ, то и Богъ съ нимъ! И тревожить его могильный прахъ было, слѣдовательно, не зачѣмъ! Единственною нравственною чертою, выставленною въ разсказѣ о Кулибинѣ, является его стойкость въ соблюденіи дѣдовскихъ и отцовскихъ обычаевъ.

Онъ всегда ходилъ въ русскомъ платьѣ и носилъ длинную русскую бороду. Въ 1775 г. Екатерина II-я пожелала наградить его чиномъ, съ полученіемъ котораго связывалась, между прочимъ, обязанность носить нѣмецкое платье и брить бороду. „Почестей не ищу я,—сказалъ по этому поводу Кулибинъ,—и ради ихъ бороды не обрѣю“. Такъ и не обрилъ, и чина не получилъ. Что-же,—прекрасно; но нравоучительнаго тутъ не много, и писать цѣлый разсказъ ради этого—не стоило.

Жизнь и дѣятельность курскаго мѣщанина Семенова, Ярославскаго купца Волкова, Воронежскаго прасола Кольцова, Московскаго дьяка Котошихина и крестьянина Посошкова—могли-бы дать г. Рубакину для разсказовъ, въ томъ именно духѣ, въ какомъ онъ намѣревался повести ихъ, богатый и благодарный матеріалъ; но, къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ, или, кажется, правильнѣй—по крайней спѣшности своей работы и недостаточному вниманію къ ней,—просто не могъ отыскать этотъ матеріалъ и воспользоваться имъ. Въ жизнеописаніяхъ всѣхъ названныхъ личностей характеризуются лишь выдающіяся ихъ умственныя дарованія, указываются важнѣйшіе факты ихъ практической дѣятельности—о нравственныхъ же качествахъ ихъ, о нравственно-общественномъ значеніи ихъ трудовъ, авторъ или совсѣмъ ничего не говоритъ, или говоритъ темно, запутанно и въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, а потому всѣ эти жизнеописанія—нравственно-воспитательнаго значенія для читателей имѣть не могутъ.

Изъ всѣхъ 12 разсказовъ г. Рубакина лишь 4 послѣднихъ разсказа являются вполнѣ нравоучительными. Но и тутъ единственную заслугу автора составляетъ лишь удачный выборъ предметовъ для разсказовъ, самое же составленіе ихъ не требовало отъ него никакихъ усилій и никакого особеннаго искусства. Жизнь такихъ людей, какъ св. Филиппъ, Митрополитъ Московскій, докторъ Гаазъ, В. Н. Каразинъ и баронъ Н. А. Корфъ, кѣмъ-бы и съ какою-бы старательностью и умѣньемъ ни была разсказана, всегда и неизбѣжно будетъ представлять собою одинъ сплошной нравственный подвигъ,—въ ней, что ни поступокъ, то актъ самоотреченія, что ни дѣяніе, то великодушнѣйшая жертва на общественное благо, на пользу ближнихъ.

Вообще, о всѣхъ разсмотрѣнныхъ разсказахъ надобно сказать, что составлены они, какъ говорится, „на самую скорую руку“, составлены невнимательно, небрежно. Этимъ, между прочимъ, объясняются многіе частные историческіе и литературные промахи, встрѣчающіеся въ нихъ. Такъ, съ хронологіей, напр., авторъ совсѣмъ почти не считается серьезно. Жизнеописаніе казака Дежнева, напр., онъ начинаетъ такъ: „жилъ онъ лѣтъ 200 тому назадъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“; жизнеописаніе Демидовыхъ — тоже: „было то лѣтъ 200 тому назадъ. Царствовалъ тогда на Руси Государь Петръ I“. Для человѣка образованнаго подобный промахъ не важенъ, —онъ пойметъ его; но читателей-простецовъ, для которыхъ собственно и предназначены разсказы, онъ можетъ смущать: выходитъ, какъ будто Дежневъ и Демидовы, цари Алексѣй

Михайловичъ и Петръ I — современники. Такихъ промаховъ въ книжкахъ г. Рубакина не мало.

Цѣна книжекъ очень высока: она не совсѣмъ по карману покупателямъ для которыхъ книжки предназначены, а также не соотвѣтствуетъ и самымъ достоинствамъ книжекъ. Принявъ во вниманіе, что эти книжки, какъ изданія „для народа“, напечатаны въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ, можно предположить съ основательнымъ расчетомъ, что, при пониженіи продажной цѣны ихъ даже болѣе, чѣмъ на половину, распродажа всего комплекта книжекъ можетъ все-таки окупить расходы по изданію и дать хорошій, пожалуй, далеко свыше законныхъ % издателю, а автору — очень щедрый гонораръ за его спѣшную и небрежную работу. **Н. Поповъ.**

Е. Некрасова. Народныя книги для чтенія въ ихъ 25-ти лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Складъ изданія: Вятка, Книжный складъ Губернскаго Земства. Вятка. 1902 г.

„Борьба съ лубочными изданіями“—очень назидательная и важная тема. Это не только общій просвѣтительный вопросъ; это сюжетъ, непосредственно близкій педагогамъ, прямо затрогивающій школьную практику. Ничуть не въ деревняхъ исключительно,—и въ городахъ и столицахъ; не въ однихъ начальныхъ училищахъ, а и въ школахъ съ образовательнымъ курсомъ гораздо повыше — нелѣпая „лубочная“ книжка, книжка - „дешевка“ подчасъ попадается на глаза педагогамъ. „Народъ“ и дѣти — разные люди но они одинаково ищутъ *чтенія*, которое легче добывается, попроще передается. А въ лубочной литературѣ еще не окончательно изсякли подобныя творенія: „Ключъ къ женскому сердцу или вѣрнѣйшее средство покорить самое неприступное сердце. Составлено донъ-Фердинандомъ, покорителемъ 473 женскихъ сердецъ и благополучно скончавшимся на рукахъ 474 обожательницы; отъ роду ему 97 лѣтъ, 3 мѣсяца, 9 дней, 5 часовъ и $3^1/_2$ минуты“.

Печатаются доселѣ „Битва русскихъ съ кабардинцами“ или „Гуакъ“. А рядомъ съ этимъ своеобразно *пересказываются* и русскіе классики. „Разбойникъ Тарасъ Черноморъ“, или „Тарасъ Черноморскій“, или „Приключенія казацкаго атамана Урвана“ — это Гоголевскій „Тарасъ Бульба“; „Бояринъ Малюта Скуратовъ“—знаменитая „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ и т. д. Наша интеллигенція давно задалась цѣлью замѣнить эту духовную пищу массоваго читателя—болѣе здоровою. Въ этомъ отношеніи недурныя странички попадаются въ нашей культурной лѣтописи. И г-жа Некрасова помѣчаетъ дѣятельность А. Ѳ. Погосскаго, Спб. Комитета грамотности, „Коммиссій народныхъ чтеній“, попытки г. Маракуева, „Посредника“, труды Харьковской частной женской школы, г. Пругавина и пр. Но она-же откровенно высказывается и о такой причинѣ разныхъ неудачъ въ указанной „борьбѣ“: „Каждое изъ частныхъ лицъ, каждое изъ обществъ, выступавшее въ эти 25 лѣтъ на борьбу

съ лубочниками, не доводило дѣло до его надлежащей практической постановки: оно теряло бодрость при самомъ началѣ“. Полезный очеркъ г-жи Некрасовой составленъ на основаніи не легко добываемаго матеріала; въ концѣ брошюры приведена „литература предмета“. Но онъ прямо перепечатанъ изъ „Сѣвернаго Вѣстника“ 1889 г. Это не лишаетъ значенія названной книжки, оглядывающей опредѣленный періодъ времени. Но, конечно, за десять слишкомъ лѣтъ и въ борьбѣ съ лубочниками выросла своя новая „исторія“.

А. П. Налимовъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Изъ хроники Народнаго Образованія на Западѣ.

Отчетъ о состояніи начальныхъ школъ во Франціи.—Начальныя школы въ Голландіи.

Въ августовской книжкѣ журнала Revue pèdagogique помѣщено извлеченіе изъ отчета г-на Jacoulet, которому было поручено министромъ народнаго просвѣщенія произвести ревизію французскихъ начальныхъ школъ какъ на основаніи инспекторскихъ отчетовъ, такъ и личныхъ наблюденій. Въ этомъ извлеченіи не приведены данныя относительно количества школъ, числа учащихся, матеріальнаго положенія школъ и учащихъ, программъ и т. п.; оно содержитъ въ себѣ только отзывы г. Jacoulet о постановкѣ и характерѣ преподаванія, успѣхахъ и недостаткахъ каждаго отдѣльнаго учебнаго предмета. Отзывы эти очень характеристичны и интересны.

Отчетъ начинается съ учебнаго предмета, которому за послѣднее время во Франціи придается наибольшее значеніе—съ морали и гражданскаго права. Что касается до перваго, то авторъ отчета констатируетъ, что преподаваніе морали занимаетъ почетное мѣсто во всѣхъ французскихъ школахъ: „оно проникаетъ въ преподаваніе и живитъ его“. Такъ же распространено „l'enseignement antialcoolique“, т. е. обученіе, имѣющее цѣлью указать дѣтямъ на опасности и вредъ алкоголизма, которое составляетъ какъ-бы отдѣлъ обученія морали. Наставленія, указанія на вредъ алкоголя примѣшиваются ко всему: къ бесѣдамъ, диктовкамъ, задачамъ и т. п. О результатахъ такого веденія дѣлъ трудно еще судить. Г. инспекторъ предполагаетъ, что дѣти вынесутъ изъ школы отвращеніе и ужасъ къ пороку, который рисуютъ имъ такими мрачными красками; но достаточно-ли будетъ этого впечатлѣнія на всю жизнь,—вотъ вопросъ.

Что-же касается до обученія гражданскому праву, то оно заставляетъ желать многаго. Объѣзжая школы, г. Jacoulet особенно усердно предлагалъ вопросы изъ этой области, и отвѣты, которые онъ получалъ, вовсе не удовлетворяютъ его.

Дѣти знаютъ только, что они живутъ въ республикѣ, что республикой управляетъ президентъ, что существуютъ двѣ палаты и министры; кромѣ того, они знали, что въ каждомъ департаментѣ есть префектъ и жандармы. Но и старшіе изъ учениковъ не могли отвѣтить даже, какъ зовутъ президента, не говоря уже о его полномочіяхъ, о способѣ избранія сенаторовъ, о значеніи

сената и т. п. свѣдѣніяхъ, которыя авторъ отчета считаетъ необходимыми для будущихъ гражданъ республики. Но, вѣроятно, эти граждане еще слишкомъ малы, чтобы интересоваться подобными вопросами, недоступными ихъ пониманію. Эта мысль приходила въ голову и г. Jacoulet, но онъ сейчасъ-же опровергаетъ ее ссылкой на другіе настолько-же трудные предметы преподаванія, которые все-таки осиливаются дѣтьми, и высказываетъ предположеніе, что неуспѣхъ происходитъ исключительно отъ недостаточнаго вниманія къ данному учебному предмету. Онъ выражаетъ пожеланіе, чтобы инспектора позаботились больше объ этомъ успѣхѣ. Не можемъ не привести характерной фразы изъ отчета: „Всего, что инспектора требуютъ отъ своихъ подчиненныхъ, они достигаютъ“ (Счастливые французскіе инспектора и бѣдные учителя!). „Достаточно только, чтобы они въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ обращали вниманіе при инспектированіи на этотъ учебный предметъ, чтобы учителя поняли, а ученики знали все, что нужно“.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ постановки учебнаго дѣла, по мнѣнію г-на Jacoulet, слѣдуетъ считать недостаточность упражненій въ чтеніи въ классѣ и малую привычку къ внѣклассному чтенію.

Пристрастіе къ диктовкамъ и грамматическимъ разборамъ, которымъ отличалось преподаваніе родного языка во французскихъ школахъ, значительно ослабѣло, но чтеніе, которое должно было выступить на первый планъ, не заняло его. „Наши ученики не читаютъ достаточно ни въ элементарныхъ школахъ, ни въ высшихъ начальныхъ, ни даже въ учительскихъ семинаріяхъ!“.

Очень мало школъ, въ которыхъ учитель удѣляетъ часокъ въ недѣлю, чтобы прочитать ученикамъ хорошую книгу, очень мало учениковъ „знаютъ дорогу въ школьную библіотеку“. Никакой провѣрки внѣкласснаго чтенія не существуетъ. Да и библіотеки бѣдны и выборъ книгъ плохъ. Затрудненія, конечно, какъ и всюду, въ средствахъ для созданія хорошихъ школьныхъ библіотекъ. Зная, что „на поддержку государства и на субсидіи общинъ можно разсчитывать меньше, чѣмъ на свою иниціативу и изобрѣтательность“, французскіе учителя одного округа „изобрѣли“ такія средства для рѣшенія труднаго вопроса; они рѣшили: во 1-хъ) просить разрѣшенія производить обмѣнъ книгъ между нѣсколькими библіотеками; 2) предложить прежнимъ ученикамъ школъ пожертвовать въ библіотеки книги, полученныя ими въ награду; 3) открыть подписку въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можно разсчитывать на сочувствіе; 4) организовать тамъ, гдѣ можно ожидать успѣха, школьные праздники, доходъ съ которыхъ употребить на покупку книгъ; 5) обратиться къ дружескимъ ассоціаціямъ прежнихъ учениковъ; 6) организовать въ тѣхъ мѣстечкахъ, гдѣ число учащихся достаточно велико, маленькія ассоціаціи учащихся подъ названіемъ „библіотечная копейка“ (le sou de la bibliothéque). Этими средствами учителя надѣются поднять свои библіотеки, которыя пока существуютъ въ жалкомъ видѣ, судя по отчету.

Приведемъ кстати замѣтку по поводу домашняго чтенія, помѣщенную въ октябрьской книжкѣ Journal of Education. Въ этой замѣткѣ указывалось, что хотя въ нѣкоторыхъ англійскихъ школахъ существуютъ прекрасныя библіотеки, которыми умѣло пользуются дѣти интеллигентныхъ родителей, приносящія изъ дому вкусъ къ чтенію, все-же во многихъ элементарныхъ и подготовительныхъ школахъ библіотеки плохи, а ученики совершенно „невинны“ относительно книгъ. Вопросомъ о томъ, какъ помочь дѣлу, занималось собраніе ассоціаціи библіотекъ, состоявшееся въ Лидсѣ, на котороебыл и приглашены

делегаты отъ педагогическихъ обществъ. На этомъ собраніи было указано, что школы, въ случаѣ неимѣнія собственной хорошей библіотеки, смѣло могли-бы пользоваться безплатными публичными библіотеками подъ условіемъ руководительства чтеніемъ со стороны самихъ учителей, которые съ этой цѣлью могли-бы вступить въ соглашеніе съ библіотекарями. Мало того, учителя могли-бы имѣть нѣкоторое вліяніе и на выборъ книгъ въ мѣстной библіотекѣ. На собраніи выяснилось, что библіотекаря и комитеты, завѣдующіе библіотеками, очень сочувствуютъ мысли привлечь къ участію въ ихъ дѣлѣ учителей.

Возвращаясь къ отчету, замѣтимъ, что г. Jacoulet не сочувствуетъ характеру, который приняло преподаваніе ариѳметики въ начальныхъ школахъ Франціи. Оно слишкомъ научно, по его мнѣнію, слишкомъ отвлеченно; слишкомъ много мѣста отводится письменнымъ задачамъ. „Сложность этихъ задачъ такова, что многіе взрослые, образованные люди, но не спеціалисты („qui ne sont pas du metier“) не могли-бы рѣшить ихъ, а между тѣмъ 11—12 лѣтнія дѣти рѣшали ихъ быстро, толково и покойно“.

Зато устно они не умѣютъ считать быстро и затрудняются въ рѣшеніи небольшой, нетрудной задачи. По мнѣнію референта, такая постановка дѣла не желательна и вызывается, съ одной стороны, неправильной подготовкой учителей въ семинаріяхъ, гдѣ слишкомъ много держатъ ихъ на рѣшеніи задачъ, а затѣмъ требованіями, которыя предъявляются на выпускныхъ экзаменахъ ученикамъ начальныхъ школъ. По совершенно основательному мнѣнію г-на Jacoulet, на экзаменѣ не слѣдуетъ предлагать слишкомъ затруднительныхъ задачъ и довольствоваться какимъ-бы то ни было рѣшеніемъ ихъ, а выбирать болѣе легкія, обращая наибольшее вниманіе на способъ разсужденія и на расположеніе вычисленій.

Переходя къ высшимъ начальнымъ школамъ, отчетъ отмѣчаетъ, что большинство изъ нихъ, какъ мужскія, такъ и женскія, носятъ профессіональный характеръ; въ каждой имѣется ремесленное отдѣленіе, въ сельскихъ-же школахъ даются свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Но на коммерческое образованіе обращается мало вниманія; такъ, изъ всѣхъ школъ только въ 4-хъ, находящихся въ большихъ городахъ, существуютъ коммерческія отдѣленія: три въ мужскихъ школахъ, одно въ женскомъ.

Что касается до научныхъ предметовъ, то программы ихъ очень широки, въ особенности по сравненію съ преподаваніемъ родного языка. Здѣсь опять тотъ-же недостатокъ, что и въ низшихъ школахъ. Учащіеся читаютъ не больше, если даже не меньше учениковъ начальныхъ школъ, да и состояніе библіотекъ не лучше.

Прямымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣла является, по мнѣнію г. Jacoulet, недостатокъ развитія и любознательности въ ученикахъ, несмотря на обширность программы.

Къ сожалѣнію, о постановкѣ другихъ предметовъ обученія въ извлеченіи, помѣщенномъ въ журналѣ, не говорится. Очевидно, журналъ хотѣлъ привлечь особенное вниманіе французскихъ учителей именно на необходимость поставить чтеніе, какъ классное, такъ и домашнее, во главѣ всего дѣла начальной школы. Мысль эта, какъ извѣстно, раздѣляется и учителями нашихъ начальныхъ школъ и проводится въ программахъ Петербургскаго учебнаго округа.

Въ іюльской книжкѣ того-же журнала „Revue pédagogique“ помѣщена статья о начальной школѣ въ Голландіи, составленная по офиціальному отчету за 1900 годъ. Въ этомъ отчетномъ году начальныхъ школъ во всей Голландіи было 4,607, при чемъ за послѣднее трехлѣтіе число ихъ увели-

числось на 83. Въ этотъ счетъ входятъ какъ правительственныя школы, такъ и конфессіональныя, „свободныя" по французской терминологіи, но получающія субсидіи отъ государства; полученіе такихъ субсидій очень облегчено закономъ, изданнымъ въ 1895 году; съ тѣхъ поръ число свободныхъ школъ увеличилось до 1,480 и изъ нихъ только 241 не получаетъ правительственной субсидіи. Среди свободныхъ школъ 764 протестантскихъ, 657 католическихъ, 7 еврейскихъ, остальныя принимаютъ учащихся различныхъ вѣроисповѣданій. Правительственныя субсидіи этимъ школамъ составляютъ 2,417,001 фр. при общемъ расходѣ въ 37,037,686 фр. на начальное образованіе. Во всѣхъ начальныхъ школахъ къ 1-му января 1901 г. обучалось 754,993 ученика: 390,882 мальчика и 364,111 дѣвочекъ.

Обученіе не поголовно безплатное, но въ правительственныхъ школахъ освобожденіе отъ платы производится все болѣе щедрой рукой; такъ, въ 1898 г. освобожденныхъ отъ платы было 237,342 учениковъ, а въ 1900 г.—244,015 человѣкъ; что-же касается до свободныхъ школъ, то онѣ, наоборотъ, получая все бóльшія субсидіи отъ государства, сократили число учащихся, получающихъ безплатное обученіе съ 58,031 человѣка (въ 98-мъ г.) до 56,359 уч.—въ отчетномъ. Что касается до обязательнаго обученія, то, несмотря на школьный законъ о принудительности обученія, все-же 8,57 процентовъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста остается безъ школы.

Интересно, между прочимъ, что 279 человѣкъ не были приняты въ школы въ отчетномъ году, потому что имъ не была привита оспа. Въ нашихъ петербургскихъ городскихъ школахъ, правда, какъ рѣдкое исключеніе, попадаются иногда дѣти, которымъ оспа не привита въ младенчествѣ, и вопросъ разрѣшается очень просто: школьные врачи прививаютъ оспу уже по принятіи въ школу.

Интересно было-бы знать, бываютъ ли въ нашихъ сельскихъ школахъ случаи непринятія учениковъ изъ-за непрививки оспы.

Судя по статьѣ въ Revue pédagogique, въ руководящихъ сферахъ въ Голландіи замѣчается неблагопріятное отношеніе къ принципу обязательности обученія, что сказывается и въ оправдательныхъ приговорахъ по дѣламъ, возникающимъ изъ-за неисполненія закона объ обязательномъ обученіи, и даже въ назначеніи коммиссіи для пересмотра его.

Французскій журналъ объясняетъ это явленіе побѣдой консервативной партіи на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ.

Положеніе дѣла ухудшается еще довольно частыми манкировками; къ тому-же нерѣдко дѣти оставляютъ школу въ слишкомъ раннемъ возрастѣ; такъ, учащихся свыше 12-ти лѣтняго возраста всего 14 процентовъ.

Что касается до слѣдующей ступени школъ, которую французы называютъ высшимъ начальнымъ образованіемъ, то въ Голландіи существуетъ только одна „дневная городская школа" съ небольшимъ числомъ учащихъ (32 ч. въ 1896 г. и 37 въ 1900 г.) и 41 вечерняя городская школа съ 6,984 учениками, большею частью подростками, окончившими курсъ начальной школы и уже занятыми какимъ-нибудь ремесломъ, слѣдовательно, могущими посѣщать школу только по вечерамъ. Затѣмъ существуютъ 64 мужскія среднія школы съ 8,290 учениковъ и 12 женскихъ съ 2,000 ученицъ; кромѣ того, 855 дѣвочекъ присутствуютъ на урокахъ по нѣкоторымъ предметамъ въ мужскихъ школахъ.

До 20,000 учащихся посѣщаютъ ремесленныя и профессіональныя училища и навигаціонныя школы, 300 учениковъ обучается въ королевской земле-

дѣльческой школѣ въ Вагенингенѣ. О распространеніи агрономическихъ свѣдѣній голландское правительство очень заботится.

Съ этой цѣлью организованы такъ называемыя „зимнія школы“, въ которыя принимаются ученики только по экзамену, и общедоступные агрономическіе курсы, число которыхъ въ 1900 г. дошло до 129. Вообще утилитарное, практическое направленіе школы въ Голландіи очень замѣтно.

Кромѣ этихъ школъ, существуютъ еще повторительныя и вечернія школы.

Повторительныя школы посѣщаются не особенно усердно; что-же касается до вечернихъ классовъ, то контингентъ учащихся въ нихъ распадается на 2 группы:—ученики дневныхъ школъ, посѣщающіе еще и вечернія для пополненія своего образованія; число такихъ учащихся въ 1901 году было 27,377 человѣкъ, остальные—всего 2,713 ч.—посѣщаютъ только вечерніе курсы; число такихъ учащихся постоянно падаетъ. Вообще въ Голландіи, судя по отчету, очень мало дѣлается для продолженія и расширенія вліянія школы, и тѣхъ дополняющихъ школы образовательныхъ учрежденій, которыя такъ развились на западѣ, совсѣмъ нѣтъ.

Что касается до положенія учителей начальныхъ школъ, то оно, какъ видно изъ отчета, улучшается въ матеріальномъ отношеніи; такъ, расходы на вознагражденіе учителей въ 97-мъ году составляли 22,316,910 фр., а въ 1900 г. дошло до 24,618,720 фр., т. е. повысилось болѣе, чѣмъ на 2 милліона.

Сильно возросли и расходы на содержаніе учительскихъ семинарій, хотя число учащихся въ правительственныхъ учительскихъ школахъ въ 1901 году составляло всего 60 человѣкъ. Кромѣ этихъ школъ, существуютъ и курсы для подготовки учителей, которые въ 1900 году посѣщались 1,907 слушателями и 2,016 слушательницами. Кромѣ правительственныхъ, существуютъ еще и общинныя (kommunales) учительскія школы и частныя учебныя заведенія, подготовляющія учителей, въ которыхъ обучалось 2,526 ч.

И здѣсь замѣтно вліяніе „конфессіональныхъ тенденцій“ и упадокъ учрежденій, которыя подготовляли учителей независимо отъ религіознаго направленія.

Въ Голландіи нѣтъ недостатка въ кандидатахъ на учительскія должности, въ особенности на мѣста завѣдующихъ школами, директоровъ: на одну вакансію приходится отъ 10 до 38 конкурентовъ; вообще нѣтъ школъ, пустующихъ отъ отсутствія учителя, какъ это случается въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи.

Въ школахъ нѣтъ слишкомъ большой переполненности, мѣшающей правильному ходу занятій; изъ всѣхъ школъ только въ 69 приходится больше 40 человѣкъ на одного учителя, и то въ 53-хъ изъ нихъ число учениковъ не доходитъ до 50-ти. И это количество учащихся на западѣ считается слишкомъ большимъ, между тѣмъ, какъ у насъ даже въ Петербургѣ (не говоря уже о сельскихъ школахъ) въ школахъ новаго типа установленъ комплектъ въ 60 человѣкъ для младшаго отдѣленія. Въ школахъ стараго типа съ 2-ми и 3-ми отдѣленіями комплектъ—50 уч.

Голландскіе учителя такъ-же, какъ и нѣмецкіе, долго въ состояніи продолжать свою дѣятельность. Такъ, къ 1 января 1901 года въ числѣ завѣдующихъ школами было 338 человѣкъ, перешедшихъ за 60-ти лѣтній возрастъ, и 27—старше 70-ти лѣтъ.

Помощники учителей—помоложе, но и среди нихъ 108 человѣкъ старше 60-ти лѣтъ, а одинъ дожилъ даже до 81 года, не бросая своей дѣятельности.

Учительскій гонораръ, какъ уже было сказано, все увеличивается во мно-

гихъ мѣстахъ Голландіи, и число учителей, получающихъ высшіе оклады, становится все больше. Такъ, въ 1897 г. получающихъ наименьшій окладъ на 1,470 фр.—1,679 фр. было 1,019, въ 1900 г. такихъ учащихъ было всего 948; число получавшихъ средній окладъ отъ 2,100 фр. до 2,939 фр. съ 610 возросло до 620, а высшій отъ 5,040 фр.—5,668 фр. съ 32 до 43.

Наименьшій окладъ помощниковъ учителей—отъ 840 до 1,049 фр., наивысшій—отъ 2,940—3,358 фр.; въ 1897 число младшихъ учителей, получавшихъ эту сумму, было 225 ч., въ 1901 г.—353 ч.

Голландскіе учителя составляютъ общества „Федерація нидерландскихъ учителей", „Ассоціація учителей сѣвера". Эти общества собирались на конгрессѣ въ Эншедѣ въ 1901 г. и въ Лейдѣ въ 1902 г. На послѣднемъ конгрессѣ особенно занимались вопросомъ о взаимопомощи; но, кромѣ того, обсуждались и чисто педагогическіе вопросы: о наказаніяхъ, объ изученіи естественныхъ наукъ, о выработкѣ программы народной школы. Голландскіе учителя, къ огорченію французскаго журнала, относятся очень дружелюбно къ учителямъ конфессіональныхъ школъ, и Федерація учителей заявляетъ, что будетъ такъ же усердно отстаивать ихъ права, какъ и права учителей общественныхъ правительственныхъ школъ.

Не равнодушны голландскіе учителя и къ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы профессіональныхъ интересовъ. Такъ, Федерація учителей отказалась послать представителей на собраніе національнаго союза англійскихъ учителей, состоявшееся въ мартѣ 1902 г. въ Бристолѣ. Указывая на печальное положеніе Южной Африки, гдѣ ихъ „братья по происхожденію сражаются за независимость", голландскіе учителя заявили, что они отложатъ свое присутствіе на собраніи англійскихъ учителей до тѣхъ поръ, пока миръ будетъ возстановленъ. Англійскій національный учительскій союзъ отвѣчалъ, что вполнѣ понимаетъ и одобряетъ чувства, которымъ руководятся голландскіе педагоги.

Е. Р.

Женская коллегія въ Японіи.

Въ февральской книжкѣ Journal of Education за 1903 г. приводятся интересныя свѣдѣнія о первой женской коллегіи въ Японіи.

Коллегія эта основана года два тому назадъ на средства нѣсколькихъ вліятельныхъ и богатыхъ людей, поддержавшихъ намѣреніе президента коллегіи основать женское учебное заведеніе, которое соотвѣтствовало бы современнымъ требованіямъ. Очевидно, потребность подобнаго рода учрежденія уже назрѣла въ Японіи, такъ какъ въ настоящее время въ женской школѣ въ Токіо обучается 800 студентокъ; изъ нихъ 400—въ самой коллегіи, а 400—въ высшей школѣ, находящейся въ томъ же зданіи. Нѣкоторые профессора коллегіи преподаютъ также и въ школѣ.

Ученицы стекаются сюда со всѣхъ сторонъ Японіи. Между ними встрѣчаются дѣвушки разныхъ возрастовъ, начиная съ 12-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ (въ высшей школѣ) до тридцатилѣтнихъ женщинъ (въ коллегіи).

Нѣкоторыя изъ студентокъ уже были учительницами, другія приготовляются къ этой карьерѣ, а иныя разсчитываютъ посѣтить Англію и поучиться въ одномъ изъ тамошнихъ университетовъ, чтобы, вернувшись въ Японію, читать лекціи, или выступить на литературное поприще.

Въ коллегію допускаются женщины всѣхъ вѣроисповѣданій. Изученіе какой бы то ни было религіи не входитъ въ программу коллегіи. Въ числѣ профессоровъ, равно какъ и студентокъ, есть лица христіанскаго и буддійскаго вѣроисповѣданія. Общее число профессоровъ (вмѣстѣ съ президентомъ) доходитъ до 41. Между ними есть и женщины: одна нѣмка, двѣ англичанки и одна американка. Всѣхъ факультетовъ три; на одномъ изучается англійскій языкъ и англійская литература, на другомъ — языки японскій и китайскій и ихъ литература; на третьемъ — такъ называемое домоводство: шитье, стряпанье, „чайная церемонія", искусство украшать комнаты и т. д. Кромѣ того, преподается музыка и гимнастика, при чемъ ученицы оказываютъ большіе успѣхи въ этихъ отрасляхъ.

Зданіе коллегіи выстроено въ американскомъ стилѣ. Въ классахъ на стѣнахъ висятъ черныя доски, стоятъ каѳедры, скамьи и т. д. Въ громадной залѣ, въ которой можетъ помѣститься до 1000 человѣкъ, бываютъ митинги. Имѣется и гимнастическій залъ, но приспособленій тамъ еще немного. Дортуары помѣщаются въ противоположной сторонѣ сада и устроены въ чисто японскомъ вкусѣ. Около 300 студентокъ живутъ въ отдѣльныхъ домикахъ по 30-ти въ каждомъ подъ наблюденіемъ надзирательницы, выбираемой обыкновенно или изъ учительницъ или старѣйшихъ студентокъ. Эта надзирательница наблюдаетъ за пищей, прогулками студентокъ, даже за ихъ перепиской и лицами, посѣщающими ихъ. Правила общежитій очень строгія. Выходить студенткамъ разрѣшается только по четвергамъ и воскресеньямъ, при чемъ онѣ обязательно должны быть дома къ 5-ти часамъ пополудни. При коллегіи есть больница. Здоровье студентокъ тщательно оберегается. Изъ приходящихъ ученицъ нѣкоторыя живутъ въ частныхъ домахъ въ Токіо подъ наблюденіемъ иностранныхъ миссіонеровъ, другія—у родныхъ и друзей.

Вокругъ коллегіи большіе сады. Тутъ постоянно царитъ сильное оживленіе—гимнастика, тэнисъ, различныя игры, ѣзда на велосипедахъ смѣняютъ одно друоге. Каждый часъ ученицы того или другого класса выходятъ на воздухъ; между уроками перерывъ 10 минутъ.

Студентки англійскаго факультета изучаютъ, кромѣ своей спеціальности—англійскаго языка и литературы—японскую литературу, исторію, этику, психологію и логику. Часы занятій въ коллегіи колеблются между пятью и шестью часами въ день. Для приготовленія заданнаго требуется отъ двухъ до трехъ часовъ. Въ субботу занятія кончаются раньше, въ воскресенье ихъ совсѣмъ не бываетъ.

Но иногда въ воскресенье студенткамъ приходится выслушивать четырехчасовую рѣчь президента коллегіи объ отвѣтственности и обязанностяхъ членовъ коллегіи.

При коллегіи хорошая библіотека японскихъ книгъ и очень хорошій выборъ англійскихъ для изучающихъ этотъ языкъ. Студентки образовали по своему личному почину японское и англійское литературное общество. Члены этого общества собираются разъ въ мѣсяцъ. Тутъ читаютъ газеты, ведутся бесѣды.

Студентки декламируютъ, поютъ, играютъ; не обходится дѣло и безъ дорогихъ для сердца каждаго японца длинныхъ рѣчей. Объ общественной жизни, похожей на жизнь англійскихъ женщинъ въ колледжахъ, нѣтъ еще и помину, да, можетъ быть, покуда это и лучше. Кромѣ того, у студентокъ нѣтъ денегъ для развлеченій. Большинство изъ нихъ не обезпечены и многія зарабатываютъ деньги домашней работой въ коллегіи и частныхъ домахъ.

Японскія студентки умны и серьезны; онѣ очень внимательныя слушательницы, но еще недостаточно привыкли самостоятельно мыслить. Впрочемъ, то же можно сказать и объ японцахъ—взрослыхъ и дѣтяхъ.

Развить въ нихъ самостоятельность мысли составляетъ главную задачу ихъ профессоровъ-иностранцевъ.

Хроника народнаго образованія.

Итоги дѣятельности земства въ области народнаго просвѣщенія. Всероссійская выставка по народному образованію.—Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Херсонской губерніи.—Противодѣйствіе уѣзднаго земства губернскому въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.—Антагонизмъ двухъ вѣдомствъ въ школьномъ дѣлѣ. — Стоимость обученія въ земской и церковно-приходской школѣ. — Предупрежденіе о нерасширеніи сѣти церковно-приходскихъ школъ.—Хорошее начинаніе Харьковскаго городского управленія.—35-лѣтній юбилей Харьковскаго общества грамотности.—Десятилѣтіе существованія коммиссіи по народному образованію курскаго губернскаго земства.

Сорокъ лѣтъ назадъ, 1 января 1864 года, было издано Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Этотъ законодательный актъ, отразившійся на всѣхъ сторонахъ русской жизни, въ области нашего народнаго просвѣщенія началъ совершенно новую эпоху.

Какъ стояло дѣло народнаго просвѣщенія до земства, это всего лучше видно изъ воспоминаній старожиловъ о томъ, какъ читалось и понималось народною массою Положеніе 19 февраля 1861 года. Изъ этихъ воспоминаній ясно видно, какою необычайною рѣдкостью былъ грамотный человѣкъ въ деревнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ этотъ дореформенный грамотей, въ сущности, былъ совершенно безграмотнымъ. Сколько комическихъ, а нерѣдко и трагическихъ исторій разыгралось при введеніи въ дѣйствіе означеннаго Положенія только потому, что до земства у насъ не было народной школы, маломальски заслуживающей этого названія, не было даже простой, примитивной грамотности въ массѣ населенія. Мы позволимъ себѣ, для выясненія всего важнаго значенія земской дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія, привести здѣсь два отрывка изъ сообщеній людей, наблюдавшихъ народную жизнь сорокъ лѣтъ назадъ. Это напоминаніе прошлаго очень и очень умѣстно ко дню сорокалѣтней дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій на пользу просвѣщенія народной массы.

Бывшій мировой посредникъ перваго призыва г. Крыловъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Русская Старина", 1892 г. № 4) цѣлый рядъ печальныхъ фактовъ, въ основѣ которыхъ лежало полное отсутствіе грамотныхъ въ нашемъ селѣ и деревнѣ сорокъ лѣтъ назадъ. Вотъ одинъ изъ разсказанныхъ г. Крыловымъ эпизодовъ. Въ с. Мурасѣ, Казанской губерніи, получивъ Положеніе, крестьяне отправились къ дому единственнаго грамотеястоляра. Столяръ началъ читать съ первой страницы, не пропуская ни слова. Читалъ онъ медленно, съ трудомъ, постоянно останавливаясь, и только къ вечеру кончилъ указъ сената, сопровождавшій Положеніе. Прочелъ и ничего не понялъ. „Всякое слово для меня понятно,—объяснилъ онъ слушателямъ,—а куда что прикладывается — не могу разобрать; не могу и растолковать". Толпа жадно и внимательно слушала чтеніе, но никто рѣшительно ничего не понялъ,—не поняли даже, почему указъ относится къ крестьянамъ. Обрати-

лись затѣмъ къ дьячку, — результатъ получился тотъ же: ни чтецъ, ни слушатели попрежнему ничего не поняли. Привели затѣмъ старую начетчицу, но оказалось, что она умѣетъ разбирать только славянскія буквы. Тогда нарядили отъ міра подводу и послали въ одно изъ сосѣднихъ селъ за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру подвода вернулась пустая, такъ какъ оказалось, что и прославленный на всю округу грамотей, сколько ни корпѣлъ надъ Положеніемъ, ничего въ немъ понять не могъ, и сами односельчане этого грамотея ищутъ чтеца. Крестьяне, однако, на этомъ не остановились и стали продолжать искать толковаго чтеца. Такіе „толковники“ были тогда въ огромномъ спросѣ, ихъ возили по цѣлому уѣзду, кормили и поили, и среди нихъ немедленно нашлись такіе, которые сообразили, что нѣтъ надобности понимать прочитанное, а достаточно только побольше отыскивать „правовъ“. Были, конечно, и искренніе „грамотеи“, которые ухитрялись „отыскивать права“, о которыхъ и не грезилось составителямъ Положенія. Порою это „отыскиваніе правовъ“, являвшееся результатомъ поголовной безграмотности, имѣло самыя ужасныя послѣдствія. Для примѣра можно упомянуть знаменитую исторію, разыгравшуюся въ с. Безднѣ. Приводимъ описаніе ея, какъ она разсказана въ извѣстной книгѣ Джаншіева „Изъ Эпохи великихъ реформъ“:

„Въ основаніи этого безсмысленнаго движенія (охватившаго три уѣзда Казанской губерніи) добродушной, но невѣжественной толпы легла такая очевидная нелѣпость, что всю эту потрясающую исторію, кончившуюся смертью 55 человѣкъ и пораненіемъ 71, можно было-бы принять за вымыселъ разстроенной фантазіи, если-бы достовѣрность ея не была абсолютна. Послѣ долгихъ поисковъ Петровъ (грамотей) объявилъ обрадовавшимся мужикамъ, что онъ нашелъ, наконецъ, „истинную“ волю. Это было не что иное, какъ форма для составленія уставныхъ грамотъ, приложенная въ концѣ Положенія о крестьянахъ. Въ формѣ этой упоминалось, что при исчисленіи душъ „исключаются“ крестьяне отпущенные *на волю* послѣ послѣдней (1858 г.) ревизіи, и затѣмъ стояли нули:

000
000

для обозначенія мѣста, гдѣ должны быть проставлены цыфры. Вотъ это-то слово „воля“ (разъ только и встрѣченное Петровымъ въ завѣтной книгѣ) и таинственные нули (въ которыхъ онъ увидѣлъ какую то „печать креста св. Анны“) укрѣпили въ мысли полуграмотнаго маніака, что онъ нашелъ „истинную волю“, урываемую помѣщиками въ стачкѣ съ начальниками, какъ то бывало и прежде. Темный фанатикъ успѣлъ увѣрить въ непреложности своего открытія такихъ же темныхъ, какъ онъ самъ, крестьянъ. Никакія увѣренія и увѣщанія духовной и гражданской властей, лишенныхъ всякаго нравственнаго авторитета въ глазахъ народа, не могли разубѣдить крестьянъ, которые наотрѣзъ отказались выдать начальству Петрова. Призвана была военная команда. Петрова заперли въ избу, и ее окружили крестьяне. Начался такъ называемый „бунтъ на колѣняхъ“. На требованіе выдать Петрова командующему отрядомъ графу Апраксину крестьяне отвѣтили вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ, присовокупляя, что они и не думаютъ бунтовать противъ начальства, а стоятъ только за волю, дарованную царемъ. Послѣ обычнаго барабаннаго боя раздалось роковое „пли!“, и несчастныя жертвы своей темноты покрыли трупами своими землю“ (стр. 82).

Это напоминаніе о прошломъ, имѣвшемъ мѣсто наканунѣ введенія зем-

скихъ учрежденій и начала работы этихъ учрежденій въ области народнаго просвѣщенія, повторяемъ, очень и очень не лишне теперь, когда исполняется сорокъ лѣтъ съ момента изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Приведенная страничка изъ прошлаго, сопоставленная съ настоящимъ, дастъ возможность съ должною справедливостью оцѣнить работу земства въ области народнаго просвѣщенія и достигнутые этою работою результаты. Земство начало свою работу тогда, когда въ русской деревнѣ не только не было совсѣмъ организаціи народнаго просвѣщенія, когда грамотные люди являлись рѣдкостью, которую приходилось разыскивать за сто верстъ въ окружности, и когда и эти рѣдкіе грамотеи были, въ сущности, совершенно безграмотными людьми, но когда, кромѣ того, массѣ народной было внушено даже отвращеніе къ школѣ, какъ учрежденію, которое время отъ времени навязывалось народу силою, а вмѣстѣ съ тѣмъ не давало народу даже элементарной грамотности. То немногое, что нашли земства въ деревнѣ въ качествѣ образовательныхъ учрежденій, представляло собою нѣчто, до такой степени невозможное съ нашей точки зрѣнія, что земству только и оставалось, что скорѣе прикрыть эти дореформенныя рѣдкія „школы" и начинать дѣло совершенно съ начала.

Первое, что предстояло земству выполнить въ области народнаго просвѣщенія, было созданіе самой системы народнаго образованія. Отъ дореформенной эпохи земство не унаслѣдовало въ данной области рѣшительно ничего. Пришлось создавать буквально все заново. Пришлось вырабатывать планы школьныхъ зданій и воздвигать ихъ. Пришлось вырабатывать типы школьной мебели и сооружать ее. Пришлось устанавливать отношенія земства, сельскихъ обществъ, родителей учащихся къ школѣ въ области правъ и обязанностей всѣхъ этихъ элементовъ. Пришлось разграничивать дѣятельность въ данной области губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Пришлось подготавливать контингентъ пригодныхъ для дѣла учителей, такъ какъ ихъ не было и не откуда было взять. Пришлось заботиться о томъ, чтобы учитель не терялъ уровня развитія, съ которымъ онъ вступилъ въ школу, а постоянно расширялъ свое развитіе, пополнялъ свои знанія. Пришлось создавать систему съѣздовъ, курсовъ, учительскихъ библіотекъ. Пришлось заботиться о появленіи пригодныхъ для школы учебниковъ и учебныхъ пособій. Пришлось организовать снабженіе школъ тѣми и другими. Пришлось заботиться о созданіи школьныхъ и народныхъ библіотекъ. Пришлось думать и о томъ, какъ устроить школьниковъ, которые являлись въ школы изъ дальнихъ населенныхъ пунктовъ. Пришлось обратить вниманіе и на взрослое населеніе, которое въ свое время не могло получить даже начальнаго образованія или желаетъ пополнить полученное, и создавать воскресныя школы, вечернія занятія, разные курсы, народныя чтенія и т. д. Пришлось устанавливать систему вознагражденія учителей соотвѣтственно продолжительности ихъ работы. Пришлось пройти черезъ длинный рядъ различныхъ способовъ распредѣленія расходовъ между земствомъ и сельскими обществами и въ концѣ концовъ притти къ необходимости принятія на земскій счетъ всѣхъ расходовъ по школамъ. Пришлось земству работать и надъ выработкою курса народной школы, его программъ, разрабатывать вопросъ о возможности проведенія въ народную среду профессіональныхъ знаній чрезъ начальную школу, ставить и разрѣшать вопросъ о задачахъ народной школы. И такъ дальше—до безконечности.

Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ предметы заботъ земства, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло въ творческой, организаціонной работѣ,

которую оно выполняло съ первыхъ шаговъ въ данной области и выполняетъ до сихъ поръ. Вполнѣ оцѣнитъ всю громадность этой работы только тотъ, кто близко съ нею познакомится, кто перечитаетъ великое множество докладовъ земскихъ управъ собраніямъ по народному образованію и такое-же множество постановленій земскихъ собраній въ той-же области. Надо еще помнить, что земству на каждомъ шагу приходилось наталкиваться на всевозможныя препятствія въ его дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія. Заботы земства о лучшемъ контингентѣ народныхъ учителей сталкивались съ отсутствіемъ у него права назначенія этихъ учителей. Заботы объ улучшеніи учебниковъ и учебныхъ пособій затруднялись требованіемъ допущенія въ школы только учебниковъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Тѣ-же заботы земства по отношенію къ библіотекамъ наталкивались, какъ на стѣну, на существованіе разрѣшительныхъ каталоговъ съ ихъ ничтожнымъ содержимымъ. И такія препятствія выростали передъ земствомъ на каждомъ шагу, а вообще вся земская дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія была страшно стѣснена все болѣе и болѣе расширявшимся толкованіемъ правъ земства въ этой области, сводившимъ эти права къ праву заботиться только о матеріальной сторонѣ дѣла.

И, тѣмъ не менѣе, земство успѣло выполнить къ 90-мъ годамъ прошлаго столѣтія огромную организаціонную работу въ области народнаго просвѣщенія, создавъ къ этому времени всѣ основы этого просвѣщенія, основы, внѣ которыхъ настолько невозможна работа въ данной области, что даже духовное вѣдомство, начавшее свою дѣятельность въ области народной школы отрицаніемъ этихъ выработанныхъ земствомъ основъ, теперь вынуждено итти именно по той дорогѣ, какую проложило земство. Съ начала 90-хъ годовъ, когда въ общихъ чертахъ организаціонная работа земства въ области народнаго просвѣщенія была выполнена и въ дальнѣйшемъ приходилось только улучшать и совершенствовать детали, началась усиленная работа земства но количественному распространенію народнаго просвѣщенія. Съ этого момента число земскихъ школъ стало чрезвычайно быстро увеличиваться. Возникли планы всеобщаго обученія въ цѣломъ рядѣ губерній. Стали быстро умножаться народныя библіотеки. Можно было надѣяться, что земская энергія, направлявшаяся прежде преимущественно на созданіе организаціи дѣла, на качественную сторону работы, теперь устремившаяся наколличественную сторону дѣла, доведетъ и ее до надлежащаго размѣра. Но здѣсь явилось новое затрудненіе—установленіе предѣльности земскаго обложенія, которое сразу затормозило земскую дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія. Однако, и въ настоящее время земства дѣлаютъ все, что могутъ, въ области народнаго просвѣщенія, и всеобщее обученіе все болѣе и болѣе становится близкимъ и осуществимымъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, а кое-гдѣ уже дѣйствительно наканунѣ своего полнаго осуществленія.

Изложенный обзоръ земской работы въ области народнаго просвѣщенія за время отъ изданія земскаго Положенія (1 янв. 1864 года) до нашихъ дней вышелъ по необходимости и слишкомъ краткимъ, и крайне недостаточнымъ. Но такъ какъ наша задача состояла лишь въ томъ, чтобы напомнить читателямъ о предстоящемъ 40-лѣтнемъ юбилеѣ земскаго Положенія, имѣвшаго такое огромное значеніе для народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, то мы считаемъ нашу задачу достаточно выполненною. Полную картину работы земства въ области просвѣщенія могло-бы дать развѣ только многотомное изслѣдованіе, выполненное соединенными силами многихъ лицъ или даже

учрежденій: такъ велика, обширна и разностороння эта работа. Что-же касается современнаго положенія нашего народно-образовательнаго дѣла, современной картины всего того, что сдѣлано земствомъ въ этой области, то съ нею общество всего удобнѣе могло-бы быть познакомлено при посредствѣ всероссійской выставки по народному образованію.

Мысль о такой выставкѣ давно уже стоитъ на очереди. Необходимость этой выставки признана на всевозможныхъ съѣздахъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу народнаго просвѣщенія, какіе только ни собирались у насъ въ послѣдніе годы. Та-же мысль не разъ высказывалась въ печати. На ней останавливались не разъ наши просвѣтительныя учрежденія и земскія собранія. Въ данный моментъ дѣлается шагъ къ практическому осуществленію этой мысли. Именно, недавно московская губернская земская управа разослала всѣмъ губернскимъ земствамъ циркуляръ, въ которомъ сообщаетъ, что вологодское губернское земское собраніе прошлой сессіи постановило просить московское губернское земство принять на себя въ ближайшемъ будущемъ устройство въ Москвѣ всероссійской выставки по народному образованію. Съ такою-же просьбой обратилась къ московскому земству и курская губернская земская управа. Съ своей стороны, московская губернская земская управа, относясь сочувственно къ мысли объ устройствѣ выставки, считаетъ возможнымъ устроить ее лѣтомъ 1905 года, но полагаетъ, что это начинаніе можетъ успѣшно осуществиться лишь въ томъ случаѣ, если найдетъ себѣ сочувствіе и въ другихъ губернскихъ земствахъ и если они доставятъ необходимые матеріалы и окажутъ осуществленію задачи возможное содѣйствіе. Въ виду этого, московская губернская земская управа и обратилась къ другимъ губернскимъ земствамъ съ циркулярнымъ запросомъ, дабы выяснить, насколько устройство выставки отвѣчаетъ желанію земствъ вообще, и въ случаѣ полученія сочувственныхъ отзывовъ отъ большинства земствъ, войти съ соотвѣтствующимъ докладомъ въ московское губернское земское собраніе по данному вопросу

Несомнѣнно, что такая выставка, давъ наглядное представленіе о положеніи дѣла народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ вообще, вмѣстѣ съ тѣмъ дала-бы возможность и надлежащимъ образомъ оцѣнить творческую работу нашего земства въ данной области за все время существованія земскихъ учрежденій и достигнутые этою работою результаты. Во всякомъ случаѣ, осуществится-ли такая выставка, или нѣтъ, огромность заслуги земства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія настолько очевидна, что въ настоящее время отрицать эту заслугу не рѣшается уже рѣшительно никто.

Но земство, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, въ особенности нормированіе земскаго обложенія, стѣсняющее земство въ расширеніи школьнаго бюджета, тѣмъ не менѣе продолжаетъ свою работу въ данной области, и, такимъ образомъ, каждый новый годъ подвигаетъ впередъ дѣло просвѣщенія народныхъ массъ въ нашемъ отечествѣ, прежде всего и главнѣе всего именно благодаря усиліямъ земскихъ учрежденій. Въ двухъ предыдущихъ хроникахъ мы уже сообщали рядъ постановленій очередныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній сессіи 1903 года о принятіи мѣръ къ введенію всеобщаго обученія. Укажемъ здѣсь еще на постановленіе уже экстреннаго малмыжскаго земскаго собранія (Вятской губ.), постановившаго 23 ноября открыть 75 новыхъ школъ въ уѣздѣ, по десяти ежегодно, съ цѣлью осуществленія всеобщаго обученія. Тотъ-же вопросъ о всеобщемъ обученіи дебатируется на губернскихъ земскихъ собраніяхъ нынѣшней сессіи. Остановимся пока для

примѣра на докладѣ по данному вопросу, внесенномъ на обсужденіе Херсонскаго губернскаго земскаго собранія. Докладъ этотъ основанъ на соображеніяхъ особаго совѣщанія, которое было созвано лѣтомъ нынѣшняго года Херсонскою губернскою земскою управою и въ которомъ приняло участіе болѣе 50 человѣкъ земскихъ дѣятелей, людей педагогической профессіи и вообще свѣдущихъ лицъ. Совѣщаніемъ этимъ установлено, что въ Херсонской губерніи не достаетъ школъ для 126.223 или 54% дѣтей школьнаго возраста. Для осуществленія всеобщаго обученія въ губерніи, по приблизительному подсчету, необходимо затратить 8.908.907 р. Для того, чтобы получилась возможность затратить такую огромную сумму, губернская земская управа предложила земскому собранію возбудить слѣдующія ходатайства: 1) отмѣнить законъ 12 іюня 1900 года о предѣльности земскаго обложенія; 2) принять на счетъ государства одну треть расходовъ земства на народное образованіе при условіи неуменьшенія земствомъ своихъ ассигнованій; 3) ходатайствовать о передачѣ земству государственнаго поземельнаго налога; 4) освободить уѣздныя земства отъ обязательныхъ расходовъ по разъѣздамъ полиціи и судебныхъ слѣдователей; 5) возвратить населенію ту сумму, которую оно потеряло при введеніи винной монополіи, съ употребленіемъ ея на нужды народнаго образованія; 6) отпускать въ распоряженіе земствъ суммы, ассигнуемыя попечительствомъ о народной трезвости на устройство просвѣтительныхъ мѣропріятій съ цѣлью развитія внѣшкольнаго образованія; 7) разрѣшить устройство при школахъ коллегіальныхъ школьныхъ попечительствъ съ участіемъ выборныхъ лицъ отъ крестьянъ и другихъ сословій на началахъ функціонировавшихъ въ Малороссіи въ XVI—XVIII вѣкахъ братствъ, насаждавшихъ въ населеніи просвѣщеніе.

Несомнѣнно, что осуществленіе мѣръ, относительно которыхъ херсонскіе земскіе дѣятели находятъ нужнымъ возбудить ходатайство, было-бы совершенно достаточно для того, чтобы всеобщее обученіе, кажущееся столь трудно осуществимымъ, сдѣлалось вполнѣ возможнымъ. Перечисляемые въ докладѣ Херсонской губернской земской управы источники могутъ дать сумму, которая необходима какъ для единовременныхъ затратъ при осуществленіи школьной сѣти, нужной для всеобщаго обученія, такъ и для содержанія школъ.

Къ сожалѣнію, это стремленіе земскихъ учрежденій къ насажденію всеобщаго обученія порою можетъ встрѣчать затрудненія такого рода, которыхъ всего менѣе можно было-бы ожидать. Такимъ неожиданнымъ затрудненіемъ явилось во Владимірской губерніи противодѣйствіе дѣятельности губернскаго земства по содѣйствію уѣзднымъ земствамъ въ области народнаго просвѣщенія со стороны шуйскаго уѣзднаго земскаго собранія. Это собраніе постановило принести жалобу на постановленія губернскаго земскаго собранія, направленныя къ расширенію дѣла народнаго просвѣщенія во Владимірской губерніи. Шуйское земство недовольно тѣмъ, что губернское земство постановило выдавать пособія изъ губернскихъ земскихъ средствъ на устройство новыхъ школъ уѣздными земствами, а также пріобрѣсти на общегубернскія земскія средства наглядныя пособія для земскихъ школъ и устроить передвижные музеи такихъ пособій. Въ этихъ постановленіяхъ губернскаго земскаго собранія шуйское уѣздное земское собраніе увидѣло, ни болѣе, ни менѣе, какъ попытку ограничить самостоятельность уѣздныхъ земствъ и даже „обираніе имущихъ въ пользу неимущихъ, что есть соціалистическое начало, какъ объясняетъ по этому поводу Б. Н. Чичеринъ“. Эта неприличная выходка со стороны однихъ земскихъ дѣятелей по адресу другихъ со ссылкою на авто-

ритетъ г. Чичерина имѣетъ вполнѣ матеріальную подкладку. Дѣло въ томъ, что Шуйскій уѣздъ, какъ самый богатый во Владимірской губерніи, даетъ около четвертой части губернскаго земскаго сбора; при употребленіи-же средствъ изъ этого сбора на пособія уѣзднымъ земствамъ въ области народнаго просвѣщенія, естественно, наибольшія суммы могутъ получить именно тѣ уѣзды, которые по бѣдности ихъ населенія наиболѣе нуждаются въ такихъ пособіяхъ со стороны губернскаго земства. Отсюда и возникли эти жалобы на покушенія со стороны губернскаго земства на самостоятельность уѣздныхъ земствъ и эти дикія обвиненія въ „обираніи имущихъ въ пользу неимущихъ".

Къ счастью, этотъ примѣръ антагонизма между губернскимъ земствомъ и уѣзднымъ является совершенно исключительнымъ, такъ какъ до сихъ поръ всюду губернскія и уѣздныя земства были совершенно солидарны и шли рука объ руку въ области народнаго просвѣщенія, при чемъ содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ и, въ частности, помощь со стороны губернскихъ земствъ болѣе бѣднымъ уѣзднымъ не только нигдѣ не встрѣчались съ враждою, а, напротивъ, принимались со стороны уѣздныхъ, какъ нѣчто въ высшей степени желательное и необходимое въ интересахъ развитія народно-просвѣтительнаго дѣла.

Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать о дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія двухъ вѣдомствъ, которыя занимаются въ настоящее время работою въ этой области—учебной администраціи и епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. Случаи проявленія антагонизма этихъ вѣдомствъ дѣлаются все болѣе и болѣе частыми. Недавно (№ 10—11 „Русской Школы") мы приводили, со словъ „Русскихъ Вѣдомостей", сообщеніе изъ Подольской губерніи о фактахъ проявленія рѣзкаго антагонизма въ школьномъ дѣлѣ двухъ вѣдомствъ. По поводу этого сообщенія въ тѣхъ-же „Русскихъ Вѣдомостяхъ" предсѣдатель подольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, протоіерей Викула, помѣстилъ опроверженіе, въ которомъ категорически заявлялъ, что между обоими вѣдомствами—синодальнымъ и министерства народнаго просвѣщенія никакого антагонизма въ Подольской губерніи не существовало и не существуетъ, а существуютъ лишь частныя недоразумѣнія и столкновенія между представителями того и другого вѣдомства. Такимъ образомъ, въ сущности, протоіерей Викула вполнѣ подтверждаетъ газетное сообщеніе объ антагонизмѣ двухъ вѣдомствъ и только держится иной терминологіи при наименованіи явленія (вѣдь, „антагонизмъ" иначе и не можетъ проявиться, какъ въ „частныхъ" недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ). А эти „частныя" недоразумѣнія и столкновенія оказываются столь обычными, что въ „Трудахъ подольскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности" категорически отмѣчается „антагонизмъ, который царитъ между двумя вѣдомствами, вѣдующими народную школу, и свободно проявляется на глазахъ народа", и затѣмъ высказывается заключеніе о томъ, что „всѣ народныя школы должны быть безусловно объединены, дабы уничтожить рознь, нынѣ существующую между разными вѣдомствами, которымъ ввѣрено народное образованіе" (стр. 7 и 15).

„Частныя" недоразумѣнія и столкновенія въ области народнаго просвѣщенія имѣютъ мѣсто и въ земскихъ губерніяхъ, проявляясь порою по такимъ поводамъ, по которымъ уже, казалось-бы, совершенно невозможно было-бы ожидать этихъ „недоразумѣній". Такъ, недавно одесскія газеты сообщали слѣдующій странный фактъ. До 1903 года херсонская губернская земская управа, разрабатывая статистическія данныя по народному образованію, не исключала изъ своей программы и церковно-приходскія школы, свѣдѣнія о которыхъ

всегда доставлялись управѣ завѣдующими школами по разсылаемой имъ, чрезъ уѣздныя отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, программѣ. Въ 1902 году епархіальный училищный совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи доставленія такихъ свѣдѣній земству, и, такимъ образомъ, земству при выработкѣ предположеній о новыхъ мѣропріятіяхъ въ области школьнаго дѣла уже не придется принимать въ соображеніе существующія церковно-приходскія школы, такъ какъ у него не имѣется о нихъ никакихъ свѣдѣній. Рѣшительно невозможно понять, кому и для чего можетъ быть нужнымъ подобное „частное недоразумѣніе“, которое можетъ отразиться только печально на народно-просвѣтительномъ дѣлѣ.

Во всякомъ случаѣ кое-гдѣ эти „частныя недоразумѣнія“ стали до такой степени обычными, что уже начинаютъ искать средствъ для выхода изъ создаваемаго ими положенія. Такимъ образомъ, въ 1902 году представителями министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства былъ выработанъ проектъ правилъ, регулирующихъ порядокъ открытія въ Юго-западномъ краѣ начальныхъ школъ этихъ двухъ вѣдомствъ, во избѣжаніе коллизій между ними. Но проектъ этихъ правилъ не получилъ утвержденія. Въ ноябрѣ 1903 года газета „Волынь“ сообщала уже объ образованіи въ Петербургѣ смѣшанной коммиссіи для пересмотра проекта этихъ правилъ, при чемъ къ участію въ этой коммиссіи были приглашены представители кіевскаго учебнаго округа (директора и нѣкоторые инспектора народныхъ училищъ) и епархій Юго-западнаго края.

Само собою разумѣется, что наилучшимъ средствомъ прекращенія этого „школьнаго антагонизма“ или „частныхъ недоразумѣній“ между двумя вѣдомствами должно явиться сосредоточеніе школьнаго дѣла въ рукахъ одного вѣдомства, при чемъ, конечно, не можетъ быть и малѣйшихъ сомнѣній относительно того, какое вѣдомство должно вѣдать школьное дѣло. Было время, когда существованіе церковно-приходскихъ школъ оправдывалось тѣмъ, что онѣ будто-бы выгоднѣе для населенія, такъ какъ все въ нихъ дешевле. Теперь даже и этотъ странный аргументъ нельзя пускать въ ходъ, такъ какъ давно уже эти школы стали столь-же дорогими, какъ и свѣтскія школы, а нерѣдко обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ оказывается даже значительно болѣе дорогимъ, нежели въ земскихъ. Вотъ какія любопытныя данныя по этому вопросу приведены въ докладѣ костромской губернской земской управы о народномъ образованіи губернскому земскому собранію нынѣшней сессіи: годовое обученіе ученика въ земской школѣ обходится въ 10 р. 75 к., тогда какъ въ церковно-приходской школѣ на это тратится 12 р. 50 к., а въ министерской—19 р. Еще значительнѣе разность въ стоимости окончившаго курсъ въ тѣхъ-же школахъ; въ школахъ: въ земской она равна 96 р., въ церковно-приходской—111 р. и въ министерской—122 р.

Повидимому, сознаніе необходимости, если не полнаго сосредоточенія завѣдыванія всѣми начальными школами въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, то пріостановки дальнѣйшаго увеличенія числа школъ, стоящихъ внѣ вѣдѣнія этого министерства, нынѣ уже достаточно сильно. На это, по крайней мѣрѣ, наводитъ мысль сообщеніе „Саратовскаго Листка“ о томъ, что саратовскій епархіальный училищный совѣтъ получилъ изъ правительственныхъ сферъ предложеніе о томъ, чтобы не увлекаться расширеніемъ сѣти церковныхъ школъ, имѣя въ виду, что на будущій годъ обычнаго добавленія 500 т. рублей на расширеніе церковно-школьнаго дѣла изъ суммъ государственнаго казначейства не будетъ...

Въ нашихъ хроникахъ намъ приходится останавливаться преимущественно на фактахъ изъ народно-просвѣтительной дѣятельности въ селахъ и деревняхъ. Причина тому та, что наши городскія управленія, вѣдающія школьное дѣло въ городахъ, не часто даютъ поводъ къ сообщеніямъ изъ этой области. Тѣмъ пріятнѣе бываетъ занести тотъ или иной фактъ выдающейся дѣятельности того или иного городского управленія въ области народнаго просвѣщенія. Одинъ такой фактъ, касающійся харьковскаго городского управленія, мы и заносимъ въ нашу хронику въ настоящее время. Еще въ началѣ 1903 года попечители двухъ городскихъ училищъ обратились къ харьковской городской управѣ съ заявленіемъ о необходимости постройки для означенныхъ двухъ училищъ собственныхъ зданій. Училищная городская коммиссія, которой былъ порученъ для разсмотрѣнія данный вопросъ, поставила его на общую почву и внесла въ думу докладъ о снабженіи вообще городскихъ школъ собственными зданіями. Именно, коммиссія предложила городской думѣ: 1) возбудить предъ губернскимъ земствомъ ходатайство о выдачѣ городскому управленію изъ капиталовъ земства ссуды въ 250 тыс. р. для постройки одного школьнаго зданія на 9 классовъ, одного—на 6 и пяти—на три класса каждое, а всего семи зданій на 30 классовъ и 2) по устройствѣ указанныхъ школъ открывать затѣмъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, два новыхъ училища, каждое на 3 класса, начиная съ 1906 года. Городская дума предложеніе коммиссіи приняла, и, такимъ образомъ, въ Харьковѣ городское школьное дѣло должно будетъ значительно двинуться впередъ сравнительно съ тѣмъ очень жалкимъ положеніемъ, въ которомъ оно находилось до сихъ поръ.

Въ Харьковѣ до нѣкоторой степени недостатокъ народно-образовательныхъ учрежденій, какъ результатъ слабаго вниманія къ данному дѣлу со стороны городского управленія, покрывался усиленною дѣятельностью наиболѣе дѣятельнаго изъ нашихъ просвѣтительныхъ обществъ—Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, которое содержитъ въ Харьковѣ и начальныя школы, и воскресныя, и народныя библіотеки, и аудиторіи народныхъ чтеній. Дѣятельность этого общества, впрочемъ, распространяется и на всю Харьковскую губернію. Отдѣленія его энергически работаютъ въ уѣздныхъ городахъ губерніи, а особый комитетъ по устройству сельскихъ библіотекъ покрылъ всю губернію народными библіотеками. Обширная и разносторонняя дѣятельность этого просвѣтительнаго общества достаточно извѣстна нашимъ читателямъ по постояннымъ сообщеніямъ нашей хроники о разныхъ проявленіяхъ этой дѣятельности. Упоминаемъ мы здѣсь объ этомъ обществѣ въ виду того, что 24 марта 1904 года истекаетъ 35 лѣтъ существованія общества. Общество намѣрено ознаменовать свой тридцатипятилѣтній юбилей своеобразнымъ торжествомъ. Именно, 15 ноября 1903 года состоялось общее собраніе членовъ общества, которое постановило устроить съ третьяго дня до конца Пасхальной недѣли выставку, которая дала-бы наглядную характеристику дѣятельности общества за весь періодъ его существованія. На выставку рѣшено пригласить представителей харьковскаго городского управленія, земствъ Харьковской губерніи и всѣхъ просвѣтительныхъ обществъ Россіи. Въ день открытія выставки предполагается торжественное засѣданіе общаго собранія членовъ общества съ участіемъ гостей, и на этомъ засѣданіи имѣетъ быть прочитаннымъ обзоръ дѣятельности общества съ момента его возникновенія. Въ виду выдающейся дѣятельности Харьковскаго просвѣтительнаго общества, его юбилейная выставка будетъ представлять огромный интересъ для всѣхъ, кто интересуется дѣломъ народнаго просвѣщенія въ Россіи и въ особенности прояв-

леніями въ этой области частной иниціативы, а образъ дѣятельности Харьковскаго общества явится весьма поучительнымъ для всѣхъ существующихъ у насъ просвѣтительныхъ обществъ.

Другой юбилей учрежденія, сдѣлавшаго не мало для народнаго просвѣщенія, состоялся 14 декабря 1903 года. Въ этотъ день исполнилось десять лѣтъ существованія коммиссіи по народному образованію курскаго губернскаго земства. Это первое по времени возникновенія учрежденіе такого рода, по образцу котораго затѣмъ стали возникать подобныя же коммиссіи и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ земствахъ, а затѣмъ и въ уѣздныхъ. Первоначально коммиссія состояла изъ нѣсколькихъ губернскихъ гласныхъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, а затѣмъ въ составъ ея вошли представители уѣздныхъ земскихъ собраній и предсѣдатели уѣздныхъ управъ. Наибольшую часть работы коммиссія выполнила подъ предсѣдательствомъ П. Д. Долгорукова, стоявшаго во главѣ коммиссіи съ 1894 по 1902 годъ. Прежде всего коммиссія стремилась увеличить число школъ въ губерніи въ цѣляхъ достиженія всеобщаго обученія. По докладу коммиссіи, въ 1895 году губернское земство постановило вносить въ смѣту губернскихъ расходовъ въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно по 18 тыс. рублей для образованія особаго капитала въ 180 тыс. р. Одна часть этой ежегодной ассигновки шла на выдачу безвозвратныхъ пособій, а другая—безпроцентныхъ ссудъ сельскимъ обществамъ на сооруженіе школьныхъ зданій. Съ 1896 г., по предложенію той-же коммиссіи, на выдачу ссудъ на тотъ-же предметъ сталъ употребляться еще капиталъ въ 105 тыс. р., завѣщанный умершимъ губернскимъ гласнымъ Е. М. Ждановымъ. Въ 1899 и 1900 гг. ассигновки губернскаго земства на выдачу безвозвратныхъ пособій на устройство школьныхъ зданій поднялись до 45 тыс. рублей, а въ 1903 г. даже до 48.000 руб. Далѣе, коммиссія стремилась постоянно къ улучшенію состава учительскаго персонала земскихъ школъ и поднятію его матеріальнаго положенія. Была установлена прогрессивная прибавка къ жалованью учителей за каждыя пять лѣтъ службы; установлены пособія на воспитаніе дѣтей учащихъ; устраивались образцовые педагогическіе курсы; основаны при всѣхъ уѣздныхъ управахъ центральныя учительскія библіотеки; изъ книжнаго склада губернскаго земства учителямъ предоставляется пріобрѣтать книги съ уступкою 50% съ ихъ цѣны. Всѣ земскія школы съ 1895 года снабжены библіотеками, которыя постоянно пополняются новыми книгами, а съ 1901 года всѣ школы снабжаются коллекціями наглядныхъ пособій. Далѣе, коммиссія заботится объ устройствѣ народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній, а также вечернихъ занятій со взрослыми. При губернской земской управѣ, по иниціативѣ коммиссіи, организованы центральный книжный складъ съ отдѣленіями въ уѣздахъ, справочно-педагогическое отдѣленіе и музей наглядныхъ пособій. Наконецъ, въ 1902 г. коммисія организовала въ Курскѣ всеземскую выставку по народному образованію („Русскія Вѣдомости“, № 324, ст. И. П. Бѣлоконскаго).

Какъ видятъ читатели, дѣятельность коммиссіи по народному образованію курскаго губернскаго земства за 10 лѣтъ была настолько разностороння и плодотворна, что ея десятилѣтній юбилей заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ народно-просвѣтительнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы учрежденія подобнаго рода возникли во всѣхъ нашихъ земствахъ: примѣръ курской коммиссіи ясно показываетъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть полезною для народнаго просвѣщенія дѣятельность учрежденій этого рода.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Народныя библіотеки въ Бессарабской губерніи.—Невозможность открытія народныхъ библіотекъ въ Щигровскомъ уѣздѣ.—Ненормальный порядокъ назначенія наблюдателей за народными библіотеками.—Народныя библіотеки имени А. А. Головачева и Н. И. Пирогова.—Народныя читальни въ Изюмѣ.—Первая народная библіотека-читальня въ Ростовѣ на Дону. — Вопросъ о земскомъ книжномъ складѣ въ Симбирской губерніи.—Земскіе офени-книгоноши въ Елецкомъ уѣздѣ.

Бессарабская губернія принадлежитъ къ числу наиболѣе отсталыхъ въ народообразовательномъ отношеніи земскихъ губерній. Въ большинствѣ уѣздовъ губерніи земскія учрежденія удѣляютъ крайне мало вниманія и средствъ на просвѣтительныя учрежденія, а губернское земство до самаго послѣдняго времени держалось взгляда, что народное образованіе должно служить предметомъ попеченія исключительно уѣздныхъ земствъ. Нѣкоторое исключеніе представляютъ только Хотинскій и Аккерманскій уѣзды, гдѣ народному образованію удѣлено нѣсколько больше вниманія, при чемъ, однако, въ Аккерманскомъ уѣздѣ народное образованіе поддерживается, главнымъ образомъ, на средства мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Не удивительно, что и такъ наз. „внѣшкольное образованіе" поставлено въ Бессарабской губерніи не важно, и въ частности губернія эта не богата народными библіотеками. Исключеніе опять представляютъ Аккерманскій и Хотинскій уѣзды, гдѣ имѣется больше народныхъ библіотекъ, нежели въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, однако, и въ названныхъ уѣздахъ народныя библіотеки имѣютъ крайне скудный составъ, скудно пополняются новыми книгами и проявляютъ не очень широкую дѣятельность.

Вотъ какія свѣдѣнія о народныхъ библіотекахъ содержатся въ послѣднемъ отчетѣ директора народныхъ училищъ Бессарабской губерніи. Къ 1 января 1903 года въ Аккерманскомъ уѣздѣ было 70 народныхъ библіотекъ. Въ теченіе 1903 года должны были открыться еще 10 новыхъ народныхъ библіотекъ по постановленію земскаго собранія, состоявшемуся въ концѣ 1902 года, такъ что теперь въ уѣздѣ должно быть до 80 народныхъ библіотекъ,—число довольно внушительное. Изъ этихъ 80 библіотекъ 70 открыты на средства земства и 10 на средства уѣзднаго комитета попечительства народной трезвости. Земскія библіотеки имѣютъ каждая книгъ всего на 100 р. и комитетскія каждая—на 200 р. Число самыхъ книгъ въ каждой библіотекѣ колеблется отъ 554 до 885. Всѣ библіотеки помѣщаются при начальныхъ училищахъ. Библіотекарями состоятъ завѣдывающіе учителями, получающіе за исполненіе обязанностей библіотекарей по 25 р. въ годъ отъ земства или комитета попечительства. Число лицъ, пользовавшихся книгами изъ библіотеки за годъ, равнялось 14.336 (изъ нихъ только 3.012 женщинъ и 11.324 мужчинъ). Книгъ въ теченіе года изъ 70 библіотекъ взято 65.328. Такимъ образомъ, на каждую библіотеку приходилось болѣе 200 читателей и болѣе 900 прочитанныхъ книгъ. Цыфры все довольно значительныя. Однако, крайне поражаетъ ничтожное количество книгъ, прочитанныхъ однимъ читателемъ: на средняго читателя приходится всего менѣе пяти книгъ въ годъ. Точно также бросается въ глаза скудость пополненія библіотекъ новыми книгами. Во всякомъ случаѣ по постановкѣ библіотечнаго дѣла Аккерманскій уѣздъ занимаетъ первое мѣсто въ Бессарабской губерніи: въ другихъ уѣздахъ дѣло стоитъ значительно хуже.

Такъ, уже въ Хотинскомъ уѣздѣ имѣется всего 20 народныхъ библіотекъ. Всѣ онѣ открыты мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ. Въ отчетномъ году библіотеки совсѣмъ не пополнялись новыми книгами. Всѣ библіотеки помѣщаются при начальныхъ училищахъ: библіотекарями являются учащіе въ этихъ училищахъ, за что они получаютъ по 20 р. въ годъ. Читателей было за годъ 1.617, взявшихъ 6.178 книгъ. Такимъ образомъ, на среднюю библіотеку приходится всего по 80 читателей и по 258 прочитанныхъ книгъ, т. е. много меньше, чѣмъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ. Каждый читатель прочиталъ въ Хотинскомъ уѣздѣ за годъ всего по три книги. Дѣло, очевидно, стоитъ очень плохо.

Еще хуже стоитъ дѣло въ остальныхъ уѣздахъ губерніи. Такъ, въ Бендерскомъ уѣздѣ при училищахъ имѣется 10 народныхъ библіотекъ. Библіотеки въ теченіе года совсѣмъ не пополнялись новыми книгами Читателей было всего 250, по 25 на библіотеку. Книгъ взято 1.400, по 140 на библіотеку.

Въ Кишиневскомъ уѣздѣ было 8 народныхъ библіотекъ. Библіотеки никакихъ опредѣленныхъ средствъ не имѣютъ. Въ отчетномъ году онѣ были пополнены книгами на 57 р. 32 к., ассигнованными изъ сельскихъ общественныхъ средствъ. Читателей было 485, по 55 на библіотеку; книгъ прочитано 2.540, по 282 книги на библіотеку.

Въ Сорокскомъ уѣздѣ открыто пять народныхъ библіотекъ—двѣ при двухклассныхъ училищахъ на средства сельскихъ обществъ, двѣ при начальныхъ школахъ на земскія средства и одно при частномъ училищѣ на средства содержателя училища г. Казимира. Въ отчетномъ году библіотеки, содержимыя на средства сельскихъ обществъ, были пополнены книгами въ количествѣ 382 названій и 435 томовъ на сумму 111 р. 20 к. Земскія же библіотеки пополняемы не были. Читателей было всего 224, въ среднемъ, на библіотеку по 45; книгъ прочитано 456, на библіотеку по 91.

Въ отчетѣ упоминаются еще библіотеки-читальни, существующія не при училищахъ, а имѣющія собственныя помѣщенія. Такихъ указано четыре—всѣ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ и вообще народно-библіотечное дѣло поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. Двумя изъ этихъ библіотекъ-читаленъ завѣдываютъ учителя мѣстныхъ училищъ, а двумя—мѣстные священники. Въ отчетномъ году эти библіотеки-читальни были пополнены книгами—каждая на сумму въ 25 р. Деньги ассигнованы земствомъ. О дѣятельности этихъ библіотекъ-читаленъ сообщаются довольно странныя свѣдѣнія: книгами въ отчетномъ году пользовались 2.120 дѣтей, число выдачъ было 3.248. Дѣятельность, видимо, довольно широкая, но почему упомянуты только дѣти? Повидимому, цыфра 2.120 относится не къ числу лицъ, пользовавшихся книгами, а къ числу посѣщеній библіотекъ.

Приведенныя данныя показываютъ, что если можно считать сноснымъ положеніе народно-библіотечнаго дѣла въ Аккерманскомъ уѣздѣ, то въ другихъ частяхъ Бессарабской губерніи оно поставлено жалко, и здѣсь, такимъ образомъ, предстоитъ еще много работы мѣстнымъ дѣятелямъ въ данной области.

Къ сожалѣнію, работа мѣстныхъ дѣятелей въ области народно-библіотечнаго дѣла встрѣчаетъ въ послѣднее время все чаще и чаще разнаго рода затрудненія и препятствія. Объ одномъ изъ такихъ затрудненій было сообщено въ печати недавно изъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи. Щигровская уѣздная земская управа ходатайствовала предъ курскимъ губернаторомъ о разрѣшеніи открыть двѣ народныя библіотеки-читальни въ селахъ Змѣинцѣ и Гуровѣ и представила въ качествѣ наблюдателей за читальнями мѣстныхъ священни-

ковъ. На это ходатайство губернаторъ сообщилъ управѣ, что „мѣстные“ священники по многочисленности возложенныхъ на нихъ обязанностей не могутъ принять на себя наблюденіе за предположенными читальнями; имѣя же въ виду, что при церквахъ селъ Змѣинца и Гурова существуютъ уже церковныя библіотеки, губернаторъ предложилъ управѣ, не признаетъ-ли она болѣе цѣлесообразнымъ присоединить открываемыя земствомъ библіотеки къ библіотекамъ церковнымъ подъ завѣдываніемъ членовъ причта. Щигровская управа не рѣшилась согласиться на это предложеніе безъ санкціи земскаго собранія и доложитъ его въ ближайшую сессію („Русскія Вѣдомости“, № 315).

Въ этомъ сообщеніи многое порождаетъ недоумѣніе. Должности наблюдателей за народными библіотеками и читальнями учреждены въ интересахъ надзора за пополненіемъ библіотекъ и читаленъ книгами, исключительно разрѣшенными особымъ каталогомъ для этихъ учрежденій. Такимъ образомъ, это—правительственная должность, и забота о пріисканіи лицъ, на которыхъ можетъ быть возложенъ этотъ надзоръ, должна лежать на администраціи. Между тѣмъ изъ приведеннаго сообщенія оказывается, что Щигровская земская управа вынуждена сама отыскивать наблюдателей и представлять ихъ администраціи на утвержденіе. Мало того, при указанномъ порядкѣ легко можетъ случиться, что народныя библіотеки могутъ совсѣмъ не открываться въ виду отсутствія лицъ, на которыхъ можетъ быть возложено наблюденіе за библіотеками. Тутъ самое удивительное смѣшеніе функцій. Учредитель библіотеки, въ данномъ случаѣ земство, обязанъ представлять на утвержденіе только завѣдывающаго библіотекою; что-же касается наблюдателя, то такъ какъ эта должность учреждена въ интересахъ осуществленія надзора со стороны администраціи за библіотекою,—то и забота о пріисканіи лица для замѣщенія этой должности должна лежать на администраціи, и недостатка въ такого рода лицахъ быть не должно. Во всякомъ случаѣ это дѣло администраціи, а не учредителя библіотеки. Если въ настоящее время контингентъ лицъ, на которыхъ могутъ быть возлагаемы обязанности наблюдателей за народными библіотеками, слишкомъ ограниченъ (такими лицами могутъ быть только лица педагогическаго персонала и духовенство), то дѣло администраціи, встрѣчающей затрудненіе въ выборѣ такихъ лицъ, сдѣлать надлежащія представленія о расширеніи этого контингента (относящіяся сюда правила утверждены министромъ внутреннихъ дѣлъ и имъ могутъ быть и измѣнены). Но уже никакъ не можетъ быть допущено такое положеніе вещей, при которомъ народныя библіотеки не могутъ открываться только потому, что являются затрудненія въ пріисканіи наблюдателей за этими библіотеками. Такія затрудненія свидѣтельствуютъ только о томъ, что правила о народныхъ библіотекахъ не соотвѣтствуютъ жизни и должны быть измѣнены, — и было-бы странно, если-бы изъ-за неудачной редакціи правилъ народно-библіотечное дѣло было остановлено въ своемъ развитіи.

По счастью, такія затрудненія, какія стали на пути дѣятельности Щигровской земской управы въ области народно-библіотечнаго дѣла, пока проявляются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и повсюду въ остальной Россіи учредителей библіотекъ не заставляютъ отыскивать лицъ, на которыя администрація должна возлагать наблюденіе за библіотеками, и открытіе народныхъ библіотекъ не останавливается вслѣдствіе того, что администрація не находитъ такихъ лицъ. Напротивъ, повсемѣстно народныя библіотеки продолжаютъ открываться, при чемъ въ открытіи ихъ принимаютъ дѣятельное участіе и земства, и городскія управленія, и всякаго рода частныя общества, и отдѣльныя лица. Народныя

библіотеки въ настоящее время открываются по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Такъ, Тверское губернское земское собраніе, желая почтить память извѣстнаго общественнаго дѣятеля А. А. Головачева, постановило, въ засѣданіи 28 ноября 1903 года, открыть народную библіотеку его имени въ Корчевскомъ уѣздѣ, и ассигновало на содержаніе этой библіотеки въ 1904 году 600 р. Въ Кіевѣ предположено учрежденіе народной библіотеки имени Н. И. Пирогова. Библіотеку эту предполагаетъ учредить образовавшееся недавно въ названномъ городѣ издательское товарищество имени Н. И. Пирогова, имѣющее цѣлью изданіе дешевыхъ книгъ по медицинѣ и народному образованію, преимущественно для студентовъ, народныхъ учителей и земскихъ врачей. Товарищество это обратилось къ сыну великаго хирурга и педагога съ просьбою разрѣшить ему переиздать нѣкоторые труды Н. И., напримѣръ, „Университетскій вопросъ“ и др., съ тѣмъ, чтобы чистый доходъ съ этихъ изданій былъ употребленъ именно на учрежденіе народной библіотеки имени Н. И. Пирогова. Такое разрѣшеніе товариществомъ получено, и, такимъ образомъ, не только сочиненія Пирогова появятся въ дешевомъ изданіи, но и въ непродолжительномъ времени мы можемъ разсчитывать видѣть новое просвѣтительное учрежденіе, посвященное памяти того, чье имя давно должно-бы быть увѣковѣчено подобнымъ образомъ со стороны русскаго общества. Упомянемъ еще объ открытіи народной читальни въ Изюмѣ, Харьковской губерніи. Здѣсь въ концѣ ноября состоялось торжественное освященіе зданія общественной библіотеки на 60.000 томовъ. Зданіе это вмѣщаетъ кабинетъ для чтенія, народную читальню, музей и книжную торговлю.—Такъ разнообразны случаи, при которыхъ и по поводу которыхъ возникаютъ въ настоящее время народныя библіотеки.

Это повсемѣстное стремленіе къ открытію народныхъ библіотекъ находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что всюду эти учрежденія работаютъ съ поразительнымъ успѣхомъ, увеличивающимся съ каждымъ годомъ, что ясно указываетъ на существованіе и ростъ потребности въ населеніи въ учрежденіяхъ подобнаго рода. Предъ нами отчетъ одной изъ народныхъ библіотекъ г. Ростова на Дону (1-ой библіотеки-читальни). Здѣсь всѣ три существующія народныя библіотеки являются созданіемъ частной иниціативы и всѣ три работаютъ съ поразительнымъ успѣхомъ, который изъ года въ годъ растетъ. Вотъ въ какихъ данныхъ выражается дѣятельность 1-ой ростовской народной библіотеки-читальни за 1902 годъ. Въ теченіе отчетнаго года записалось 2.573 подписчика, и къ 1 января 1903 года на-лицо было 1.849 подписчиковъ (на 191 больше противъ соотвѣтствующей цыфры предыдущаго года). Книгъ выдано абонентамъ за 1902 годъ 67.133, — на 7.623 больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ среднемъ, ежедневно библіотека удовлетворяла по 201 требованію. Читальня при библіотекѣ также работала энергично. Она имѣла 18.978 посѣщеній, при чемъ посѣтителямъ было выдано для чтенія въ читальнѣ 33.296 книгъ и газетъ. Такова обширная дѣятельность первой ростовской народной библіотеки-читальни. Для удовлетворенія подписчиковъ и посѣтителей читальни библіотека располагала къ 1 янв. 1903 года книгами въ 3.141 названіе и 6.863 томахъ. Средства библіотеки видны изъ слѣдующихъ данныхъ: къ 1 янв. 1902 года имѣлось въ кассѣ библіотеки 3.824 р. и въ теченіе 1902 года поступило 4.306 р. Главнѣйшіе источники дохода: доходъ отъ двухъ вечеровъ 1.803 р., субсидія отъ города 800 р., членскіе взносы 565 р. и т. д. Израсходовано въ теченіе отчетнаго года 3.564 р. Такимъ образомъ, къ 1 янв. 1903 года въ кассѣ библіотеки осталось 4.566 р. Общество, содер-

жащее библіотеку (спеціально съ этою цѣлью и созданное), думаетъ уже о постройкѣ собственнаго дома для помѣщенія библіотеки, для чего уже получило отъ городского управленія участокъ земли.—Приведенныя данныя могутъ дать понятіе читателю о томъ, какое крупное и важное учрежденіе можетъ представлять народная библіотека при благопріятныхъ условіяхъ ея развитія.

Въ извѣстной мѣрѣ аналогичную дѣятельности народныхъ библіотекъ службу несутъ книжные склады, учрежденные въ цѣляхъ распространенія въ народной массѣ хорошей книги. Къ сожалѣнію, дѣятельность этихъ складовъ также часто встрѣчаетъ разнообразныя затрудненія и препятствія, о которыхъ намъ не разъ приходилось говорить на страницахъ нашей хроники. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить фактъ не только содѣйствія, но и прямой иниціативы со стороны мѣстной администраціи въ дѣлѣ устройства книжныхъ складовъ. Фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Симбирскѣ. Симбирскій губернаторъ лѣтомъ нынѣшняго года обратился къ мѣстной губернской земской управѣ съ предложеніемъ внести въ ближайшее губернское земское собраніе „вопросъ о своевременности повсемѣстной въ губерніи организаціи небольшихъ земскихъ книжныхъ складовъ для продажи народу дешевой и полезной книги“. Губернская управа внесла докладъ по этому вопросу въ открывшееся въ концѣ 1903 года губернское собраніе, при чемъ въ докладѣ управы высказаны, между прочимъ, слѣдующія соображенія: при организаціи правильнаго снабженія населенія дешевой и полезной книгой нужно избрать путь, выработанный самою жизнью, которымъ нѣкоторыя земства уже воспользовались. Такъ какъ населеніе покупаетъ книги преимущественно на базарахъ и у офеней, то нѣкоторыя губернскія земства, помимо открытія отдѣленій книжнаго склада въ уѣздныхъ городахъ и крупныхъ селахъ, ввели у себя книгоношъ и привлекли къ участію въ продажѣ книгъ сельскихъ учителей и другихъ земскихъ служащихъ. Въ виду этого управа предлагаетъ выяснить къ будущему очередному собранію (1904 года) характеръ участія въ данномъ дѣлѣ уѣздныхъ земствъ и соотвѣтственно этому разработать проектъ склада и способовъ продажи книгъ населенію. Для операцій склада необходимъ, по мнѣнію управы, капиталъ въ 30.000 р. Капиталъ этотъ можно было-бы заимствовать изъ страхового капитала съ уплатою сему послѣднему 4%, почему управа и предложила собранію возбудить соотвѣтствующее ходатайство предъ правительствомъ, чтобы операціи склада могли начаться съ 1905 года. Такимъ образомъ, число губерній, въ которыхъ имѣются земскіе книжные склады, нынѣ увеличивается еще одною—Симбирскою.

Надо, однако, замѣтить, что до сихъ поръ способы распространенія въ народѣ книгъ путемъ продажи ихъ еще далеко не выработаны, и въ частности продажа книгъ земскими книжными складами при помощи офеней, о которой говоритъ въ своемъ докладѣ симбирская губернская земская управа, далеко не давала тѣхъ результатовъ, которые можно было-бы признать хотя мало-мальски удовлетворительными. Нерѣдко при обсужденіи даннаго вопроса ссылаются на примѣръ подобной дѣятельности земскаго книжнаго склада въ Елецкомъ уѣздѣ. Между тѣмъ именно данныя, касающіяся этого дѣла въ названномъ уѣздѣ, и показываютъ, какъ неудовлетворительно еще поставлена эта новая отрасль земской просвѣтительной дѣятельности. Недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ извѣстный елецкій общественный дѣятель г. Стаховичъ рекомендовалъ нашимъ земствамъ послѣдовать тому пути, на который вышло елецкое земство для распространенія хорошей книги въ народной массѣ; но приводимыя имъ данныя (№ 330, „О борьбѣ съ лубочною литературою“)

показываютъ ясно, что путь этотъ далеко неудовлетворителенъ и что необходимо искать иныхъ путей, болѣе раціональныхъ, для достиженія указанной цѣли. Какъ видно изъ сообщаемыхъ г. Стаховичемъ свѣдѣній, елецкій книжный земскій складъ уже три съ половиною года старается пускать въ народное обращеніе хорошія книги чрезъ офеней, и тѣмъ поразительнѣе тѣ ничтожные результаты, которые достигнуты на этомъ пути. Сперва складъ нанималъ офеней на слѣдующихъ условіяхъ: товаръ отпускался имъ въ кредитъ по пониженнымъ цѣнамъ, продавать же товаръ офени могли по какимъ имъ угодно цѣнамъ съ полученіемъ прибыли въ свою пользу: сверхъ того, складъ уплачивалъ имъ отъ 5 до 10 р. въ мѣсяцъ. Съ ноября 1901 г. по апрѣль 1902 года на указанныхъ условіяхъ работали четверо офеней. Складъ уплатилъ имъ 158 р. 67 к., не считая той прибыли, которую они получили, продавая товаръ по собственнымъ цѣнамъ. Всего за это время четверо офеней продали 2.958 книжекъ на сумму 68 р. 49 к., 3.089 картинъ на 83 р. 43 к. и прочаго товара на 67 р. 66 к. Съ сентября 1902 г. по май 1903 года работали уже только двое офеней и на иныхъ условіяхъ: именно они получали по 15 рублей жалованья въ мѣсяцъ и по 10 коп. съ каждаго вырученнаго рубля, при чемъ продаютъ товаръ по цѣнамъ, назначеннымъ складомъ. За указанный періодъ времени складъ уплатилъ имъ 260 р. Продали они 2.666 книгъ на 173 р. 46 к., 2.775 картинъ на 116 р. 93 к. и прочаго товара на 40 р. 49 коп. Такимъ образомъ, если не считать картинъ и прочій, не книжный товаръ, то окажется, что складъ долженъ былъ уплачивать офенямъ бо̀льшія суммы, чѣмъ на какія они продавали книгъ. Слишкомъ ясно, что такимъ путемъ совершенно невозможно организовать въ широкихъ размѣрахъ продажу книгъ для народа, такъ какъ такимъ путемъ книги обходились-бы населенію втрое дороже противъ нормальныхъ цѣнъ: вѣдь, земскія деньги, которыми такъ дорого оплачиваются услуги „офеней“ въ Елецкомъ уѣздѣ, взяты съ того-же народа. Поставленное такимъ образомъ дѣло распространенія книгъ въ народѣ представляетъ собою скорѣе баловство, чѣмъ серьезное дѣло. Очевидно, земствамъ еще придется не мало поработать надъ выработкою способовъ распространенія въ народной массѣ книгъ путемъ продажи ихъ. Любопытно, что г. Стаховичъ противополагаетъ распространеніе въ народной средѣ книгъ указываемымъ имъ путемъ распространенію ихъ при помощи народныхъ библіотекъ и говоритъ, что способъ распространенія книги при помощи библіотекъ,—„конечно, весьма желателенъ, но очень дорогъ, такъ какъ для достиженія замѣтныхъ результатовъ потребуетъ учрежденія весьма значительнаго числа библіотекъ“. Однако, слишкомъ очевидно, что рекомендуемый имъ способъ, испробованный елецкимъ книжнымъ складомъ, еще болѣе дорогъ, и „для достиженія замѣтныхъ результатовъ“ потребуетъ поразительно большихъ средствъ, которыя притомъ безвозвратно погибнутъ, тогда какъ каждая учрежденная библіотека представляетъ постоянную цѣнность. А главное, нѣтъ рѣшительно никакого основанія противоставлять распространеніе книги при помощи библіотекъ распространенію ея путемъ продажи населенію: оба эти способа должны существовать и развиваться одновременно и рядомъ...

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Десятилѣтіе Бакинской мужской воскресной школы.

26-го октября Бакинская мужская воскресная школа праздновала десятилѣтіе своего существованія. Въ 12 ч. начался актъ молебномъ съ хоромъ пѣвчихъ. Послѣ молебна одинъ изъ сотрудниковъ школы прочелъ помѣщаемый ниже отчетъ за 10 лѣтъ дѣятельности школы. Присутствовавшіе на актѣ ученики были очень заинтересованы отчетомъ, и не понимавшіе по-русски просили переводить имъ. На актѣ присутствовали губернаторъ и другіе представители администраціи, бывшая завѣдующая школой Латкина, инспекторъ народныхъ училищъ, бывшіе сотрудники школы, нынѣшній педагогическій персоналъ и человѣкъ 10 постороннихъ. Представитеей мѣстнаго городского управленія, учебныхъ заведеній и вообще интеллигентнаго общества почти не было, что чрезвычайно огорчило сотрудниковъ школы, какъ показатель недостаточнаго сочувствія ихъ дѣлу со стороны тѣхъ, отъ кого можно было наиболѣе ожидать его.

Послѣ чтенія отчета ученики разошлись по классамъ, и учительницы роздали имъ на память книжки. Въ 6 ч. вечера ученики опять собрались на чтеніе съ туманными картинами. Прочитаны были „Шинель“ и „Крестьянскія дѣти“, прослушанныя съ большимъ интересомъ при образцовомъ порядкѣ. Послѣ чтенія ученикамъ былъ предложенъ чай и закуска. Удовольствію ихъ не было конца; они такъ разошлись, что рѣшили на Рождествѣ устроить праздникъ на свой счетъ (среди учениковъ много состоятельныхъ домовладѣльцевъ-татаръ); прощаясь, они выражали желаніе черезъ 15 лѣтъ такъ-же весело со всѣми нами отпраздновать 25-тилѣтіе школы.

Проводивъ учениковъ, сотрудники школы тѣснымъ кружкомъ собрались около самовара и въ дружной бесѣдѣ незамѣтно провели вечеръ. Тутъ произнесено было привѣтствіе завѣдующей школой Ф. П. Никифоровой и поднесенъ ей золотой жетонъ по случаю ея десятилѣтней работы въ школѣ. „Мы разошлись“, пишетъ она, „унося въ своемъ сердцѣ самыя чистыя, самыя свѣтлыя воспоминанія объ этомъ праздникѣ. Я не помню во всей своей жизни болѣе счастливаго дня. Радость наша была еще увеличена привѣтственными телеграммами, полученными отъ Харьковской воскресной школы и отъ Е. А. Каменской, по мысли которой была основана наша школа. Страшно уставши въ суетѣ по устройству праздника, мы рѣшили не дѣлать обычнаго еженедѣльнаго засѣданія до воскресенья, чтобы отдохнуть. Такъ можете себѣ представить—всѣ, очень занятые, мы еле дожили до воскресенья—соскучились!

„ При такихъ условіяхъ, съ такими сотрудниками легко работать“.

Отчетъ Бакинской мужской воскресной школы за 1893—1903 г.

Третьяго октября текущаго года исполнилось десятилѣтіе со дня открытія Бакинской мужской воскресной школы. Народное образованіе возникло въ Баку сравнительно такъ недавно, первые его шаги были такъ робки, неувѣренны, что вопросы, касающіеся этой стороны бакинской жизни, всегда имѣютъ

*) Всѣ статьи и матеріалы по вопросамъ воскресныхъ школъ редакція покорнѣйше проситъ направлять въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

право на вниманіе общества. Прослѣдимъ же развитіе нашей воскресной школы съ самого ея открытія до сего дня, разберемъ всѣ хорошія и дурныя условія ея роста, чтобы яснѣе видѣть достигнутые за десять лѣтъ результаты. Какъ и всякое другое общественное учрежденіе, Бакинская воскресная школа отвѣчаетъ запросамъ времени, а главнымъ образомъ, запросамъ нуждающагося народа. Малъ былъ городъ Баку, малы были и его требованія. Расширяется онъ, благодаря торговлѣ и промышленности, и влечетъ къ себѣ массу народа со всѣхъ концовъ Россіи и Кавказа. Некультуренъ былъ городъ наживы, не нужна была ему и школа. Но „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ", такъ и въ Баку,—мало-по-малу, пробуждаются и назрѣваютъ вопросы интеллектуальной жизни; являются различныя общественныя учрежденія, и рождается мысль о первой воскресной школѣ. Мысль объ устройствѣ въ Баку воскресной школы возникла въ кружкѣ лицъ, горячо преданныхъ дѣлу распространенія народнаго образованія, нашла себѣ поддержку въ средѣ мѣстной интеллигентной молодежи и получила свое осуществленіе въ 1893-мъ году. Еще въ 90-хъ годахъ супруга покойнаго директора Бакинскаго реальнаго училища Е. А. Каменская возбудила ходатайство передъ г. попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа объ открытіи ею въ Баку женской воскресной школы. Но, къ сожалѣнію, за отъѣздомъ Е. А. Каменской вопросъ о школѣ остался открытымъ. Мысль же объ открытіи школы жила среди учительницъ и классныхъ дамъ Бакинской Маріинской женской гимназіи. Въ концѣ 1891 года вопросъ этотъ поднимается С. А. Цирульниковымъ. Кружокъ лицъ, заинтересованныхъ новымъ дѣломъ, между тѣмъ, все расширялся; къ этому кружку примкнула и начальница женской гимназіи М. М. Латкина, положившая впослѣдствіи много труда и силъ на постановку воскресной школы. Весь кружокъ педагоговъ обратился къ покойному Е. С. Каменскому съ просьбою похлопотать объ открытіи мужской воскресной школы на его имя. Каменскій получилъ это разрѣшеніе въ апрѣлѣ 1893 года, но такъ какъ близки были каникулы, то участники школы рѣшили открыть ее осенью. До открытія школы, одной изъ будущихъ „воскресницъ" была собрана сумма, необходимая для устройства школы,—въ размѣрѣ 324 руб.,—въ разныхъ торговыхъ конторахъ. Въ сентябрѣ началась работа сотрудниковъ школы. Въ зданіи Маріинской женской гимназіи происходили засѣданія подъ предсѣдательствомъ Е. С. Каменскаго, а за его болѣзнью, подъ предсѣдательствомъ М. М. Латкиной, избранной единогласно помощницей завѣдывающаго, а также при участіи С. А. Цирульникова, избраннаго секретаремъ. Собранія были очень многолюдны и оживленны; собиралось до сорока человѣкъ, всѣ дѣйствовали дружно и весело. На собраніяхъ этихъ обсуждали организацію школы, приблизительныя программы, распредѣленіе уроковъ, преподавателей, выборъ учебниковъ и т. д.

3-го октября 1893 года въ присутствіи г. губернатора, завѣдывающаго, его помощницы, учащихъ, учащихся, членовъ городского управленія и лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія, послѣ молебна, состоялось открытіе воскресной школы. Въ первый годъ она была подчинена духовному вѣдомству, а затѣмъ, перешла въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ. Завѣдывалъ школою до апрѣля 1894 года Е. С. Каменскій, затѣмъ М. М. Латкина, а съ 1900 г. завѣдываетъ ею Ѳ. П. Никифорова.

Десять лѣтъ тому назадъ передъ учредителями школы стояло много трудныхъ вопросовъ, и главный изъ нихъ былъ: есть-ли потребность въ воскресной школѣ среди бакинскаго населенія. Этотъ вопросъ разрѣшенъ: о необходимости воскресной школы въ Баку свидѣтельствуетъ прежде всего то, что въ пер-

вое же воскресенье записалось 112 учениковъ, а затѣмъ, къ концу года, было уже 324 ученика, и эта цыфра приблизительно держалась все время. За десять лѣтъ черезъ Бакинскую мужскую воскресную школу прошло около 4.000 человѣкъ разныхъ національностей. Въ настоящемъ учебномъ году за 3 воскресенія записано около 300 чел., и число учениковъ все увеличивается. Воскресная школа все болѣе и болѣе привлекаетъ учениковъ и завоевываетъ ихъ симпатіи; это видно изъ того, что большинство изъ нихъ приходитъ въ школу изъ года въ годъ, и окончившіе ее желаютъ учиться дальше. Во второй годъ существованія школы явилось изъ учениковъ I-го года—73 чел., а въ настоящее время болѣе ста. Не всѣ ученики, посѣщающіе школу, остаются до конца учебнаго года, но человѣкъ 80—90 являются устойчивымъ элементомъ ея.

Главный контингентъ учащихся составляютъ туземцы, армяне и татары, какъ коренные жители Баку, а затѣмъ, русскіе, евреи и нѣмцы. Большинство армянъ съ табачной фабрики бр. Мирзабековыхъ, татары—больше торговцы, а затѣмъ, разные служащіе и ремесленники; рабочихъ съ заводовъ очень мало, конечно, за недостаткомъ времени и за дальностью разстояній.

Что-же влечетъ учениковъ въ школу? Одни задаются цѣлью научиться правильно писать, чтобы поступить въ конторы, другіе нуждаются въ грамотѣ для своего торговаго дѣла, а третьи идутъ въ школу пополнить свои скудныя знанія. Приведемъ выдержку изъ письма одного ученика воскресной школы, посѣщавшаго ее три года. Письмо было напечатано въ одной изъ Тифлисскихъ газетъ. „Четыре года назадъ я былъ безграмотенъ. Не умѣлъ порядочно читать и писать; по-русски говорилъ даже плохо. Я занимаюсь торговлей, и по моему дѣлу никакъ нельзя было обойтись безъ грамоты. Наконецъ, признаться, очень скучно мнѣ стало жить, ничего не зная. Возьму книжку въ руки, хочу узнать, что написали въ ней умные люди, и не могу. Обидно станетъ, даже плакать хочется. Вѣдь, вотъ есть-же люди, которые и прочесть ее могутъ, а я чѣмъ хуже ихъ? Почему мнѣ нельзя читать? Развѣ нѣтъ у меня въ головѣ мысли? Тогда я рѣшилъ пойти въ воскресную школу. Стыдно было сначала: такой большой, усы и борода, самъ хозяинъ—и пойду учиться, какъ мальчикъ. Однако, пошелъ. Что, думаю, стыдъ? Стыднѣе не умѣть читать. Я пошелъ въ школу. Это было въ 1895 г. Въ залѣ было много взрослыхъ—татаръ, армянъ и русскихъ. Какъ я увидалъ это, сейчасъ перестал̃ъ стыдиться. Не я одинъ взрослый пришелъ учиться!..“

Очень много учениковъ, почти большинство, стремятся научиться грамотѣ съ чисто практической цѣлью. „Неграмотному житья нѣтъ, мѣстовъ хорошихъ не даютъ“, говоритъ одинъ служащій. Многіе являются поучиться, главнымъ образомъ, ариѳметикѣ, чтобы въ своемъ дѣлѣ приложить это знаніе. Но можно отмѣтить и тотъ фактъ, что есть посѣщающіе школу не ради только одной грамоты, а ради того хорошаго отношенія, которое они видятъ въ школѣ, и ради того, что для нихъ школа представляетъ нѣчто отрадное, свѣтлое въ жизни. Несмотря на разноплеменность учащихся, среди группъ царствуетъ духовное единеніе, и за все десятилѣтіе школы не было замѣчено никакихъ недоразумѣній между учениками.

Замѣчается обыкновенно, что въ первое полугодіе ученики особенно усердно относятся къ своимъ занятіямъ и посѣщаютъ школу очень аккуратно, тогда какъ въ концѣ года посѣщенія эти становятся неправильными, и многіе даже выбываютъ. Пропуски учениковъ въ большинствѣ случаевъ объясняются житейскими нуждами или работой: иного хозяинъ не отпускаетъ, другому надо

пойти на базаръ за покупкой и т. п. Причины-же выбытія учениковъ или совсѣмъ оставались невыясненными, или же объяснялись выѣздомъ ихъ изъ города. Такъ, весною многіе уѣзжаютъ работать на Кавказскія минеральныя группы, многіе въ Россію—въ деревню. Очень часто случается и то, что выбываютъ ученики изъ той группы, гдѣ преподаватель неаккуратно посѣщалъ уроки и замѣнялся новыми. Очевидно, подвижность учительскаго персонала очень вредно отражается на постановкѣ учебнаго дѣла.

Между тѣмъ, за время существованія воскресной школы въ ней перебывало очень много преподавателей—до 300. Въ первый годъ педагогическій порсоналъ доходилъ до 56 человѣкъ; въ слѣдующіе годы эта цифра падаетъ, доходя даже до 14 въ 1901/2 году, а въ настоящемъ году снова поднимается; къ 5 октября было 30 человѣкъ. Изъ нихъ только 2 работаютъ въ школѣ 10 лѣтъ, 1—7 лѣтъ, двое—4 года, 1—3 года, 3—по второму году, остальные—новые. Правда, работа въ воскресной школѣ трудна и утомительна, а работаютъ въ ней, большею частью, тѣ, кто занятъ всю недѣлю; поэтому и происходятъ пропуски занятій вслѣдствіе усталости и недостатка времени. Вотъ ужъ десять лѣтъ работаетъ школа, и во всѣ годы, за исключеніемъ первыхъ двухъ-трехъ, ощущается большой недочетъ въ преподавателяхъ, между тѣмъ, какъ успѣхъ воскресной школы зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ матеріальныхъ средствъ школы и не отъ учебныхъ часовъ, а отъ числа и состава преподающихъ. Если усталые люди посвящаютъ единственный свободный день въ недѣлѣ воскресной школѣ, то почему бы не прійти къ нимъ на помощь обезпеченной, незанятой молодежи?

Многія группы часто не имѣютъ больше одного преподавателя при 35—40 ученикахъ. А желательно было-бы раздѣлить группы на нѣсколько, потому что отъ этого зависитъ успѣшность занятій, такъ какъ очень часто въ одной группѣ находится много туземцевъ, плохо или совсѣмъ не понимающихъ русской рѣчи; далѣе, познанія учащихся измѣняются каждую недѣлю: нѣкоторые, имѣющіе досугъ въ теченіе недѣли, занимаются и двигаются впередъ, а другіе, мало способные или очень занятые, не только не пошли дальше, но забыли и то, что узнали въ предыдущее воскресенье. Такимъ образомъ, группа распадается на нѣсколько группъ съ разными познаніями. Слѣдовало-бы ихъ выдѣлить, чтобы дѣло не тормозилось, а преподавателей для этого нѣтъ. Въ настоящее время въ составѣ учебнаго персонала 3 народныхъ учительницы, а остальные—люди, занятые другимъ трудомъ; всего два-три человѣка отдаютъ воскресный день безъ утомленія; остальные—ученицы 8-го и 9-го классовъ женской гимназіи. И отъ случайностей мы не гарантированы; всегда многіе могутъ выбыть.

Причины выбытія преподавателей различныя: отъѣздъ, болѣзнь и т. д. Каждый годъ охотно собираются новые соучастники съ нѣсколькими старыми; дѣло въ началѣ идетъ дружно и горячо. Послѣ Рождества начинаются неаккуратныя посѣщенія, а къ веснѣ многія группы остаются безъ преподавателей. Большею частью, преподаватели, какъ занятый народъ, переутомляются, а многіе не находятъ удовлетворенія въ своей работѣ, поэтому и уходятъ. Надо помнить, что въ нашей воскресной школѣ главное требованіе—научить грамотѣ неграмотныхъ да еще плохо понимающихъ по-русски. Надо много энергіи, чтобы не бросить трудное и тоскливо-однообразное дѣло при этихъ условіяхъ. Все же, пройдя такой долгій путь, воскресная школа можетъ съ увѣренностью итти дальше, не боясь невзгодъ.

По статистическимъ даннымъ видно, что воскресная школа есть продуктъ

почти одного женскаго труда. Женщины создали нашу школу, женщины преимущественно и работаютъ въ ней, составляя $^3/_4$ общаго числа преподавателей, а среди женщинъ большинство—дѣвушки. По подготовкѣ преобладаютъ лица съ среднимъ образованіемъ—$^2/_3$. По занятіямъ на первомъ мѣстѣ стоятъ занимающіяся частной педагогической дѣятельностью; затѣмъ, служащія въ общественныхъ учрежденіяхъ и учащіяся въ учебныхъ заведеніяхъ. Многіе указываютъ на то, что каждый годъ приходится призывать преподавателей путемъ печати, видя въ этомъ плохое веденіе дѣла.

Между тѣмъ, если прослѣдить за развитіемъ воскресныхъ школъ въ другихъ городахъ, то и тамъ мы найдемъ такіе же факты, которые совсѣмъ не говорятъ о недостаткахъ школы. Такъ, въ одномъ изъ отчетовъ Кишиневской мужской воскресной школы указывается на то, что въ первые годы своего существованія „школа была наиболѣе обезпечена солидными силами"; въ ней работало значительное число лицъ съ высшимъ образованіемъ, а въ послѣдующіе годы—школа чувствовала недостатокъ въ преподавателяхъ... Это—неизбѣжное зло, съ которымъ придется бороться до тѣхъ поръ, пока не пробудится въ обществѣ сознаніе необходимости притти на помощь такому симпатичному дѣлу.

Вслѣдствіе неаккуратнаго посѣщенія школы преподавателями дѣло чрезвычайно страдаетъ: вѣдь, группы остаются безъ преподавателей. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ спеціальныхъ запасныхъ учителей и учительницъ, которые моглибы замѣнять отсутствующихъ (они есть въ другихъ воскресныхъ школахъ, напр., въ Харьковской). Ученики, оставаясь безъ преподавателей, сидятъ безъ дѣла; наконецъ, недовольные уходятъ домой. Въ послѣдніе годы обязанности запасныхъ исполняютъ помощницы группъ, которыхъ теперь насчитывается по одной и по двѣ на группу. Это—неопытный, большей частью, народъ, подъ руководствомъ завѣдующей группою подготовляющійся къ дальнѣйшей работѣ. Въ наступившемъ учебномъ году составился кружокъ людей, которые, увидѣвъ всѣ недостатки школы, рѣшили по мѣрѣ силъ и умѣнья удалить ихъ, выработавъ программу дѣйствій для учащихъ.

Относительно же учащихся, ихъ распредѣленія по группамъ и ихъ занятій всѣ годы мы придерживались почти одного и того-же, что было выработано еще въ первый годъ существованія школы. Такъ какъ составъ учениковъ школы весьма разнообразенъ по національностямъ и большинство изъ нихъ даже не говоритъ по-русски, то при дѣленіи учащихся на группы приходится принимать во вниманіе пониманіе русскаго языка; съ непонимающими преимущественно занимаются преподаватели, знающіе туземные языки. Съ самаго начала существованія школы всѣ учащіеся записывались сначала въ опросные листки, затѣмъ грамотные подвергались испытанію, и черезъ одно-два воскресенія начинались занятія, безъ прекращенія пріема. Всѣ учащіеся дѣлились на малолѣтнихъ и взрослыхъ, а потомъ, и тѣ и другіе дѣлились на группы по степени грамотности. Преподаваніе велось и классное, и предметное; въ послѣдніе же годы всѣ учащіеся были еще раздѣлены на отдѣльныя группы по русскому языку и по ариѳметикѣ.

Группы по русскому языку:

I группа. Безграмотные.

II группа. Читающіе по складамъ и умѣющіе списывать съ книги.

III группа. Читающіе плавно, но медленно, сознательно, и умѣющіе писать подъ звуковую диктовку короткія предложенія.

IV группа. Читающіе бѣгло и сознательно и умѣющіе писать подъ диктовку небольшія статьи.

V группа. Читающіе сознательно сложныя статьи и умѣющіе свободно передавать содержаніе прочитаннаго; письменное изложеніе легкихъ статей.

VI группа. Свободно и сознательно читающіе и умѣющіе толково письменно излагать свои мысли.

По ариѳметикѣ:

I группа. Счетъ до 10 безъ умѣнія писать цыфры.

II группа. Счетъ до 100 и знакомство съ 2 дѣйствіями въ этомъ предѣлѣ письменно.

III группа. Счетъ любого числа больше 1.000 и 4 дѣйствія на любое число.

IV группа. Нумерація и 4 дѣйствія съ числами любой величины.

V группа. Именованныя числа, квадратныя и кубическія мѣры.

VI группа. Дроби.

Преподаваніе идетъ предметное.

Въ группѣ неграмотныхъ всегда очень много учениковъ (до 100); приходятъ всѣ съ большой охотой научиться читать и писать, аккуратно посѣщаютъ уроки и старательно относятся къ работѣ. Къ началу мая всѣ учащіеся этой группы умѣютъ читать и писать. Чтобы можно было лучше судить о ходѣ дѣла, приводимъ отрывокъ изъ отчета за послѣдній годъ одной учительницы, занимавшейся въ группѣ безграмотныхъ: Въ моей группѣ числится въ данное время (отчетъ данъ къ 13 февраля) 13 учениковъ, изъ коихъ постоянно присутствуютъ на урокахъ 10, за рѣдкимъ исключеніемъ 7 или 8.

Въ началѣ учебнаго года въ моей группѣ было болѣе 20 учащихся, но съ первыхъ же уроковъ обнаружилось, что нѣкоторые изъ нихъ знаютъ нѣсколько буквъ, остальные же не знали ни одной. При такихъ условіяхъ совмѣстныя занятія со всѣми учениками были невозможны, и я выдѣлила ничего не знающихъ отъ тѣхъ, которые знали хотя нѣсколько буквъ. Такимъ образомъ, у меня составилось 2 группы: старшая и младшая. Младшей группѣ приходилось задавать по книгѣ мало, ибо буквъ она не знала, старшей же я задавала очень много, и послѣ 8 уроковъ приступила съ учениками этой группы къ чтенію маленькихъ разсказовъ. Результаты занятій въ моей группѣ отъ 29 сентября по 9 февраля слѣдующіе: ученики почти совсѣмъ свободно и правильно читаютъ мелкіе разсказы (только туземцы искажаютъ нѣкоторыя слова) и могутъ пересказать прочитанное.

Неграмотныхъ поступило за 10 лѣтъ около 1000 человѣкъ. Преподаваніе въ группахъ безграмотныхъ (ихъ всегда бываетъ нѣсколько) ведется по азбукѣ Бунакова; она предпочитается учебнику Вольпера потому, что по ней достигаются болѣе скорые результаты. Послѣ азбуки Бунакова переходятъ къ „Книгѣ взрослыхъ" ч. I. Во II группѣ занятія велись по книгѣ Тихомирова ч. I. Результаты слѣдующіе: „читаютъ сознательно, прочитанное пересказываютъ своими словами, заучиваютъ басни и стихотворенія. Пишутъ также удовлетворительно: списываютъ съ книги, пишутъ диктовки, пересказы—послѣ долгой разработки"... Въ старшихъ группахъ пишутъ пересказы, составляютъ планы прочитанныхъ статей, пишутъ образцы писемъ, расписокъ и затѣмъ статьи на какую-либо тему изъ своей жизни. Такъ, напримѣръ, послѣ литературно-музыкальнаго вечера для учениковъ школы, во многихъ группахъ описывали этотъ вечеръ и свои впечатлѣнія. Въ старшихъ группахъ преподаваніе идетъ

по „Книгѣ взрослыхъ“ ч. II и III, ведутся бесѣды по естественной исторіи, такъ какъ по этому отдѣлу въ книгѣ много статей. Затѣмъ, излагаютъ письменно то, о чемъ бесѣдовали. Ученикамъ очень нравятся статьи, касающіяся жизни другихъ народовъ и вообще такія, которыя пополняютъ ихъ знанія, при чемъ отъ младшей до самой старшей группы приходится много останавливаться на объясненіи словъ, такъ какъ не только туземцы, но и русскіе многаго не понимаютъ. Ученики съ интересомъ относятся къ этимъ объясненіямъ и иногда самымъ курьезнымъ образомъ примѣняютъ ихъ къ объясненію новыхъ словъ. Такъ, напримѣръ, при чтеніи статьи: „Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія“ пришлось объяснить слово „модель“; это слово замѣнено словомъ „образецъ“, которое очень скоро было усвоено учениками. Далѣе, читаютъ стихотвореніе, въ которомъ говорится о кудрявомъ мальчикѣ. Преподавательница спрашиваетъ объясненія. Ученикъ говоритъ, что „кудрявый“—„у кого волосы закрученные“, затѣмъ поворачивается въ другую сторону и указывая на ученика съ вьющимися волосами, говоритъ: „а вотъ образецъ!“

Обучая учениковъ сознательному чтенію, правильному изложенію мыслей при прохожденіи только основныхъ правилъ этимологіи и синтаксиса, правильному счету и обращенію съ именованными числами и дробями, школа, кромѣ того, способствуетъ и умственному развитію учащихся посредствомъ объяснительныхъ чтеній, которыя даютъ имъ много свѣдѣній, пригодныхъ въ жизни.

Къ сожалѣнію, чтенія эти, за недостаткомъ времени, устраиваются рѣдко, и то по группамъ, потому что большое число туземцевъ не можетъ принимать въ нихъ участія, не зная хорошо русскаго языка. Подспорьемъ объяснительному чтенію служитъ выдача книгъ изъ библіотеки на домъ. Библіотека дѣйствуетъ со дня открытія школы. Книги выдаются библіотекаремъ и его помощниками. По отчету нынѣшняго года въ библіотекѣ имѣется 439 названій книгъ; общее число томовъ 500. Книги раздѣлены на отдѣлы: духовно-нравственный, естествознаніе, географія, исторія, беллетристика. Замѣчается большая пропажа книгъ въ библіотекѣ: книги часто не возвращаются выбывающими учениками или же передъ концомъ занятій ихъ не успѣвали возвратить; все же многіе ученики приносятъ книги передъ отъѣздомъ. Вообще, незамѣтно было намѣреннаго удержанія книгъ. О томъ, что и какъ читалось учениками, мы имѣемъ небольшія свѣдѣнія изъ прошлогодняго отчета, которыя и приводимъ здѣсь: „Главный контингентъ учениковъ школы составляютъ туземцы, плохо понимающіе по-русски, но надѣленные большимъ воображеніемъ, какъ всѣ восточные народы; поэтому между учениками замѣчается большое увлеченіе сказками, стихотвореніями и романами. Русскіе, особенно молокане, любятъ читать историческія книги и сцены изъ боевой жизни; прямо такъ и заявляютъ, чтобы давали „о войнѣ“. 15—16-лѣтніе тоже интересуются сказками и разсказами изъ русскаго быта.

Болѣе развитые ученики интересуются книгами историческаго и географическаго содержанія. Въ общемъ же, замѣтно, что охотнѣе всего читаютъ беллетристику. Замѣчается большой спросъ на сочиненія Толстого, Гончарова, Лермонтова, Горькаго и Золя, изъ произведеній которыхъ у насъ имѣются очень немногія. Нѣкоторыя учительницы отмѣчаютъ, что ученики съ большимъ интересомъ читаютъ путешествія и любятъ сочиненія Майнъ-Рида, Густава Эмара. Читаютъ книги съ большой охотой; многіе ученики обращаютъ вниманіе на размѣръ книги и не желаютъ брать тонкой. Одна изъ преподавательницъ говоритъ, что „книги брались охотно, но, по признанію учениковъ не всегда прочитывались до конца“. Это объясняется тѣмъ, что ученики были

еще очень слабы въ бѣгломъ чтеніи и прочесть цѣлую книгу безъ помощи— имъ, конечно, было трудно. Большинство же грамотныхъ читало книги сознательно, доказательствомъ чего служатъ краткіе конспекты, представляемые учениками о прочитанномъ. Многіе ученики, кромѣ краткаго изложенія содержанія прочитанной книги, высказали еще свое сужденіе о прочитанномъ.

Конспекты учениковъ служили часто подспорьемъ въ бесѣдахъ о прочитанномъ, которыя, впрочемъ, за недостаткомъ времени, велись не всегда. Пополненіе библіотеки велось не особенно правильно; впрочемъ, въ нынѣшнемъ году выбрана коммиссія для провѣрки библіотеки, и мы надѣемся успѣшнѣе повести это дѣло. Книги будутъ получать отъ библіотекаря преподавательницы группъ, которыя и будутъ раздавать ихъ ученикамъ по своему усмотрѣнію, вслѣдствіе чего чтеніе будетъ систематичнѣе и будетъ больше вносить въ развитіе учащихся. Чтобы облегчить провѣрку домашняго чтенія, рѣшено прочитывать книги самимъ и приклеивать въ концѣ каждой книги листъ съ вопросами, исчерпывающими ея содержаніе; такимъ образомъ будетъ легче достигаться и сознательное отношеніе учениковъ къ прочитанному.

Желая поставить дѣло въ воскресной школѣ какъ можно лучше, соучастники прилагали къ этому всѣ свои усилія. Такъ, съ перваго же года и въ теченіе всего десятилѣтія собирались засѣданія преподающихъ еженедѣльно или по 2 раза въ мѣсяцъ. Засѣданія дѣлились на очередныя и чрезвычайныя. Наибольшее число засѣданій было въ 1894—1895 г., наименьшее—въ 1901—1902 г. Посѣщеніе засѣданій участниками школы было всегда аккуратно въ первой половинѣ года, къ концу же года падало. Наибольшее число присутствовавшихъ было 40 чел., наименьшее—10—12 чел. Вопросы, обсуждавшіеся на засѣданіяхъ, были слѣдующіе:

I. О пріемѣ учениковъ.
II. Распредѣленіе учащихся по группамъ, по экзаменнымъ работамъ.
III. Программы, представляемыя преподавателями группъ.
IV. Чтеніе отчетовъ преподавателей.
V. Чтеніе рефератовъ, касающихся школьнаго дѣла въ Россіи.
VI. О выпискѣ книгъ для библіотеки.
VII. Отчеты коммиссій: по библіотекѣ, по устройству праздниковъ.
VIII. Избраніе членовъ.
IX. Изысканіе средствъ.
X. Выработка экзаменныхъ темъ.

Объ изысканіи средствъ для школы приходилось недолго заботиться: школа только въ первый годъ существовала на деньги, пожертвованныя частными лицами, около 324 руб.; затѣмъ, въ теченіе 9 лѣтъ, городъ выдавалъ субсидію сначала 300 р. въ годъ, потомъ—400 руб. За 9 лѣтъ израсходовано было около 4,000 рублей. Кромѣ того, въ пользу воскресной школы поступило съ литературно-музыкальнаго вечера 447 р. 43 коп., изъ которыхъ 200 р. пошли на уплату долга за прежніе годы, а остальныя на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. Своего капитала школа не имѣла. Продажа книгъ и письменныхъ принадлежностей не могла облегчить расходовъ, такъ какъ бѣднѣйшимъ ученикамъ давалось все безплатно. Расходы были слѣдующіе: 1) на пріобрѣтеніе книгъ для ученической библіотеки и на переплетъ книгъ; 2) на покупку учебниковъ и письменныхъ принадлежностей; 3) на устройство школьныхъ праздниковъ; 4) на бланки, печатаніе объявленій, опросныхъ листковъ и отчетовъ; 5) жалованье служителямъ—100 руб.

Оказаніе медицинской помощи учащимся было безплатное. Лѣкарства уче-

ники получали изъ аптеки Моравскаго со скидкой 20%. Такимъ образомъ, если и приходилось иногда обращаться къ частнымъ лицамъ за изысканіемъ средствъ, то отнюдь не на учебное дѣло, а на устройство тѣхъ, рѣдкихъ, надо сказать, въ нашей школѣ, праздниковъ, которые хранятся въ воспоминаніи учениковъ, какъ самые свѣтлые дни. Мало было у насъ такихъ праздниковъ; за все десятилѣтіе 2—3 традиціонныя елки да одинъ литературно-музыкальный вечеръ—вотъ и все. Елка устраивалась съ угощеніемъ для родителей сопровождавшихъ учениковъ; угощеніе состояло изъ чая съ сдобнымъ хлѣбомъ; раздавались сласти, елочныя украшенія, а также платье и обувь бѣднѣйшимъ ученикамъ. Относительно устройства школьныхъ праздниковъ было много толковъ и разговоровъ на собраніяхъ преподающихъ, но чего-либо выработаннаго еще до сихъ поръ нѣтъ. Между тѣмъ, большинство нашихъ учениковъ поставлены въ суровыя условія жизни, слишкомъ угнетающе дѣйствующія на душу человѣка. Надо показать имъ возможность другой жизни, надо доставлять имъ, хотя изрѣдка, развлеченія. Къ тому же, такимъ путемъ можно иной разъ пробудить жажду ученія даже въ тѣхъ, кто на все махнулъ рукой.

Малы еще результаты нашей школы, но впереди еще много лѣтъ. Пожелаемъ же въ будущемъ болѣе широкаго развитія Бакинской мужской воскресной школѣ; пожелаемъ, чтобы больше не приходилось призывать въ печати недостающихъ преподавателей, чтобы ряды ихъ не рѣдѣли и чтобы тѣ, кто видитъ всѣ недостатки дѣла, не падали духомъ, а шли впередъ, не взирая на препятствія.

Лицамъ же, способствовавшимъ благосостоянію нашей школы матеріально или своимъ трудомъ, школа приноситъ глубокую благодарность.

Завѣдывающая школой **Ѳ. Никифорова.**

Въ дополненіе къ отчету съ удовольствіемъ приводимъ отрывокъ „Изъ воспоминаній учительницы", ярко рисующій трудности преподаванія въ инородческой школѣ и характеризующій внутренній духъ школы:

„3 октября исполнилось 10 лѣтъ со дня открытія въ Баку первой мужской воскресной школы.

Она была открыта 3 октября 1893 года.

Заинтересовавшись новымъ дѣломъ, я, съ другой учительницей, пошла только посмотрѣть, не думая принимать участія за недостаткомъ времени. Но, когда мы увидѣли то оживленіе, которое царило въ школѣ, то жадное вниманіе, съ какимъ взрослые, въ иныхъ группахъ даже старые люди, слушалъ уроки—мы обѣ не выдержали: забывши про недостатокъ времени, мы тотчасъ попросили себѣ работы. Намъ дали группу безграмотныхъ учениковъ, человѣкъ въ 10, которая въ срединѣ года увеличилась до 30. Состояла она изъ армянъ, татаръ, горскихъ евреевъ и одного русскаго, который только и понималъ насъ; всѣ же остальные по-русски не говорили. Съ ними приходилось объясняться или черезъ переводчика, или посредствомъ картинокъ, или, наконецъ, посредствомъ жестовъ и мимики.

Помню такой случай. Читаемъ: „Бабы пѣли на лугу". Не понимаютъ. Показываю картину: „На лугу лѣтомъ", посредствомъ которой они постигаютъ значеніе словъ „бабы" и „на лугу"; слово же „пѣли" остается непонятнымъ. Переводчика не было, словаря тоже... Что дѣлать! Думала, думала и пришла

къ заключенію, что нужно самой спѣть. Я взяла большую линейку, приняла позу бабы, собирающей сѣно граблями,—и запѣла.

Ученики сразу поняли... Но какихъ усилій это стоило! И не разъ приходилось прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ, пока ученики понемногу пріучились понимать меня сразу *).

Но это нисколько не обезкураживало насъ и не отнимало охоты ни у меня—учить, ни у нихъ—учиться.

Надо было видѣть ихъ досаду и огорченіе, когда они, при всемъ желаніи понять, не понимали меня, и затѣмъ радостное возбужденіе, когда мои усилія увѣнчивались таки успѣхомъ!.. Правда, времени у насъ уходило на это очень много: вмѣсто 3 часовъ, положенныхъ на русскій языкъ, мы тратили 5—6, и уходили изъ школы, когда начинало смеркаться....

Меня всегда удивляло и умиляло то, что эти люди, забираясь въ школу часа за два до начала занятій, просиживали до 5—6 часовъ вечера безъ обѣда, безъ отдыха, не замѣчая ни голода, ни усталости!

Какъ же велика должна быть жажда знанія!

И находятся люди, утверждающіе, что работа въ воскресной школѣ не продуктивна, что она, кромѣ совершенно непроизводительной траты времени и труда, ничего не даетъ! Правда, не легка эта работа, много труда, энергіи и времени беретъ она, и даетъ очень маленькіе результаты: къ концу года (т. е. черезъ 30 воскресеній) моя совершенно безграмотная группа научилась читать краткія фразы, передавая содержаніе ихъ при помощи моихъ вопросовъ, и списывать съ книги, да немножко говорить и понимать по-русски; только русскій ученикъ успѣлъ немного болѣе: онъ свободно читалъ маленькія статьи, свободно передавая ихъ содержаніе, и, кромѣ списыванія съ книги, научился писать письма. Въ послѣднее воскресенье онъ таинственно подошелъ ко мнѣ и, подавая кругомъ исписанный почтовый листъ, просилъ посмотрѣть, хорошо-ли онъ писалъ письмо домой. Я сначала думала, что письмо кто-нибудь написалъ ему подъ его диктовку, но оказалось, что бѣдняга самъ сидѣлъ за нимъ четыре дня!.. Письмо было, конечно, переполнено грамматическими ошибками, но мысли изложены совершенно правильно, и понять написанное можно было все. Когда я ему объ этомъ сообщила, лицо его просіяло.

— Ну, вотъ, и спасибо вамъ, что сдѣлали меня зрячимъ человѣкомъ,—

---

*) Вотъ еще отрывокъ изъ другой статьи, также рисующій трудность обученія инородцевъ: „Устраивать бесѣды, чтенія, шевелить мысли учениковъ—вотъ чего хотѣлось ретивымъ сѣятелямъ, но при слабомъ знаніи учащимися русскаго языка это оказывалось почти невозможнымъ. Приходилось объяснять мимикой, жестами или рисовать, кто умѣлъ.

Учительница, напр., объясняетъ попутно своей группѣ, составленной исключительно изъ татаръ, едва говорящихъ по-русски, что у звѣрей когти, а у людей ногти. При этомъ она показывала рисунки, рисовала сама, показывала свои ногти, а въ результатѣ получилось слѣдующее. Ученикъ лѣтъ 56, по имени Мапафъ, съ добродушнымъ лицомъ, выставляя впередъ свои обѣ руки, ладонями книзу, кротко спрашиваетъ учительницу: „У менэ кохты или нохты?!“ У учительницы руки опустились. Безнадежно поглядываетъ на всю группу, зоветъ школьнаго сторожа, велитъ притащить со двора чернаго кота; урокъ продолжается...

Курьезовъ было много.

Воскресники уставали скоро, ибо та работа особенно тяжка, которая совершается безъ увлеченія, безъ вспышекъ радости. А увлекаться тѣмъ, что черезъ 2 часа Абасъ-Кули понялъ фразу: „Тарасу купили кушакъ“, рѣшительно нельзя. И многіе изъ учащихъ не выдерживали, уходили“.

сказалъ онъ.—Теперь, значитъ, я завсегда могу самъ письмо писать—не придется уже безпокоить добрыхъ людей!..“

Итакъ, результатъ, хотя и очень незначительный, но онъ все-таки есть. Кромѣ того, я знаю нѣчто другое. Одинъ ученикъ, армянинъ С., проучившись въ школѣ 6 лѣтъ (т. е. 6 $\times$ 30 воскресеній), настолько научился грамотѣ, что могъ поступить на конку кондукторомъ (онъ въ нынѣшнемъ году опять пришелъ учиться). Другой, лезгинъ, выучившись грамотѣ, получилъ мѣсто акцизнаго объѣздчика.

Третій, Александръ Г., былъ портной. Эта работа очень утомляла его, да и заработка давала мало.

Онъ задался цѣлью выучиться грамотѣ, чтобы поступить въ контору. Проучившись у насъ года 4, онъ, дѣствительно, поступилъ на 35 р. въ одну изъ бакинскихъ пароходныхъ конторъ; потомъ за аккуратное отношеніе къ дѣлу ему все прибавляли, и теперь онъ получаетъ 60 р., содержа на эти средства мать, сестеръ и братьевъ, и удѣляя изъ нихъ на уплату учителю, съ которымъ занимается по вечерамъ, чтобы сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости... „И на все это воскресная школа натолкнула меня“, говоритъ онъ.

А вотъ еще случай: Приходитъ въ первый годъ существованія школы нѣкто Ованесъ А., армянинъ лѣтъ 20. Онъ кое-какъ читалъ по-русски и почти ничего не понималъ. Проходитъ годъ—кое-чему научился; но потомъ надъ нимъ стали смѣяться, что-де такой большой учится, и онъ пересталъ посѣщать школу. Черезъ годъ, однако, онъ опять вернулся и съ тѣхъ поръ оставался въ школѣ до прошлаго года. За это время онъ научился отлично говорить по-русски, читать и очень толково излагать свои мысли на бумагѣ. И все время бранилъ себя, что пропустилъ годъ. Неудовлетворившись тѣмъ, что дала ему воскресная школа, онъ попросилъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ заниматься съ нимъ систематически, чтобы сдать экзаменъ на аттестатъ 6 кл. реальнаго училища. Учителю, очень небогатому человѣку, онъ удѣляетъ изъ своего 20-ти рублеваго жалованья половину. Когда я предложила ему перейти на службу, болѣе выгодную въ матеріальномъ отношеніи, онъ, не задумываясь, отказался, говоря, что хотя онъ здѣсь и мало получаетъ, зато имѣетъ свободныя вечера и воскресенья, когда онъ можетъ учиться.

Но воскресная школа, кромѣ обученія грамотѣ, еще и воспитательно дѣйствуетъ на учениковъ. И это замѣтно.

Вспоминаю такую сцену: подходитъ къ учительницѣ ученикъ армянинъ (рабочій) и униженно кланяется. „Здравствуйте“, привѣтливо отвѣчаетъ она и протягиваетъ руку. Бѣдный масленщикъ на мгновеніе опѣшилъ, даже попятился отъ протятутой руки, но затѣмъ лицо его освѣтилось радостной улыбкой; онъ порывисто схватилъ протянуную руку и съ благодарностью пожалъ ее... Бѣднягу, очевидно, первый разъ въ жизни признали человѣкомъ... Мнѣ думается, что, кромѣ желанія научиться грамотѣ, учениковъ привлекаетъ къ школѣ еще и это человѣческое къ нимъ отношеніе преподающихъ. Дѣйствительно, въ стѣнахъ школы они встрѣчаютъ теплое участіе, вниманіе, готовность имъ помочь; съ ними разговариваютъ, считаются съ ихъ мнѣніями. Это поднимаетъ учениковъ въ собственныхъ глазахъ и въ то-же время научаетъ относиться съ уваженіемъ къ чужой личности. И я не помню случая за всѣ 10 лѣтъ существованія школы, чтобы ученики злоупотребляли такимъ гуманнымъ отношеніемъ къ нихъ учителей, „сѣли-бы на шею“, какъ говорится. Кромѣ глубокаго почтенія, вниманія и готовности услужить, мы ни-

чего не видѣли со стороны всѣхъ учениковъ. А ужъ о безконечной, „по гробъ“, ихъ благодарности и говорить нечего.

Разскажу одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ выраженія этой благодарности: приходитъ къ намъ въ домъ лудильщикъ-лезгинъ, ученикъ воскресной школы. Моя мать даетъ ему работу и спрашиваетъ, сколько онъ возьметъ за нее. Только что онъ собрался отвѣтить, какъ прихожу я домой. Онъ раскланялся со мной и спрашиваетъ у матери: „Она у васъ живетъ?“—„Да, вѣдь, это моя дочь“, отвѣтила—мать—„Ваша дочь?!“—и не говоря больше ни слова, спѣшно сталъ складывать кастрюли въ мѣшокъ.—„Что-же вы не сказали, сколько возьмете за работу; можетъ, еще мы не сойдемся?“—замѣтила мать.—„Сойдемся, барыня: я ничего не возьму.“—„Какъ ничего? Да, вѣдь, вы будете тратить матеріалъ и время—за это надо платить!“—„Ваша дочь для меня столько сдѣлала, что я ей во всю жизнь не смогу заплатить“ (А „ваша дочь“ только всего и сдѣлала, что научила его немножко читать и писать). И заупрямился такъ, что только заявленіе, что иначе ему и работу не дадутъ, заставило его назначить цѣну за работу.

Но всѣ эти свѣтлыя явленія—капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣми недочетами, какіе встрѣчаются въ школѣ: и учебное дѣло поставлено плохо, и библіотека въ жалкомъ состояніи, и пособій мало, и преподавательскій персоналъ очень непостоянный... Да, много горькаго пережила школа за эти 10 лѣтъ! Итти приходилось положительно ощупью, помощи или хотя-бы сочувствія со стороны общества было очень мало, а дальше и совсѣмъ не было; раздавались даже насмѣшки или предъявлялись непомѣрныя требованія; даже единственная тогда мѣстная газета два раза обливала школу помоями... Но въ какомъ дѣлѣ нѣтъ темныхъ сторонъ и терній?

„Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ“, а потому я все таки скажу, положа руку на сердце: не однѣ ошибки дѣлали мы въ воскресной школѣ, было кое-что и хорошее. И какъ ни плохо намъ было, а все же эти десять лѣтъ—самыя свѣтлыя въ моей жизни.

Воскресница.

Вотъ еще отрывокъ изъ замѣтки лица, непосредственно не принадлежащаго къ школѣ; онъ такъ-же характеризуетъ вопросъ о томъ, чѣмъ является школа для своихъ учениковъ:

„...и вотъ молоканинъ Иванъ, голубоглазый, съ хмурымъ лицомъ, юноша лѣтъ 15, племянникъ кузнеца, отданный дядѣ на выучку кузнечному ремеслу, послѣ тяжелыхъ 6 дней, въ продолженіе которыхъ пьяница „учитель“ колотилъ его безсчетно, спѣшно идетъ къ школѣ, робко входитъ въ нее, пробирается въ свой классъ, садится въ уголкѣ и, въ ожиданіи учительницы, повторяетъ свой урокъ.

Приходитъ и она. Иванъ встрѣчаетъ ее, чуть раздвинувъ брови, а когда она говоритъ съ нимъ, то онъ даже улыбается слегка. Что, въ сущности, этому несчастному Ивану, въ томъ, что она дала ему грамматическое упражненіе? Онъ бойко читаетъ, пишетъ четко, но съ ошибками, нетвердъ къ буквѣ Ѣ.

Учительница узнаетъ отъ него печальную повѣсть его жизни; она принимаетъ въ немъ участіе; черезъ мѣсяцъ онъ уже ученикъ ремесленнаго училища,—съ кузнецомъ и кузней онъ разстался навсегда; въ его юномъ сердцѣ нѣтъ уже больше мѣста ни озлобленію, ни раздраженію; онъ какъ будто вышелъ изъ мрачнаго подземелья; ходитъ онъ съ просвѣтленнымъ лицомъ, и любо смотрѣть на этого успокоившагося юношу.

„Ованесъ, въ слѣдующее воскресенье придите часомъ раньше, говоритъ

учительница ученику-переплетчику, я съ вами отдѣльно займусь, вы очень отстали отъ товарищей". И тутъ-же Ованесъ, смущенно склонивъ голову, объясняетъ ей причины своего долгаго отсутствія: жена у него заболѣла, дѣтей 6 человѣкъ малъ-мала меньше, самъ онъ работаетъ у жестяника, получаетъ 20 рублей въ мѣсяцъ. Въ послѣднее время ему приходилось и за жену дома работать, стирать, варить и даже шить.

Слушаетъ учительница и тутъ-же соображаетъ: „Надо помочь ему, его жалко". Мысли скоро переходятъ въ дѣло: двухъ его дѣтей она опредѣляетъ въ безплатную дѣтскую столовую, старшую дѣвочку въ городскую школу, больную жену направляетъ къ доктору для бѣдныхъ.

Черезъ мѣсяцъ Ованесъ уже выглядитъ бодрѣе, даже улыбается, чего съ нимъ прежде не бывало—полегчало, значитъ.

Вотъ Исмаилъ, маляръ, высокій, худощавый татаринъ, лѣтъ 26, съ кроткимъ лицомъ, сидитъ на послѣдней скамейкѣ и старательно выводитъ буквы. А въ это время книжка падаетъ, оттуда вылетаетъ четвертушка бумаги и на ней тушью портретъ.

„Кто это рисовалъ?"—любопытствуетъ учительница, поднимая съ пола рисунокъ.—„Я",—робко отвѣчаетъ Исмаилъ. Рисовальныя способности его несомнѣнны; это сразу бросается въ глаза.

При содѣйствіи своей учительницы Исмаилъ попадаетъ къ художницѣ, которая безплатно даетъ ему уроки. Скоро у татарина открываются глаза, мысли взбудоражены, онъ бросаетъ Баку, ѣдетъ въ Петербургъ, поступаетъ въ школу рисованія, оказываетъ тамъ значительные успѣхи, ему предсказываютъ счастливое будущее. Прежняя жизнь среди пыльныхъ улицъ, невѣжества соотечественниковъ, пустыя чужія комнаты, гдѣ онъ красилъ полы, окна, двери,—все это ушло отъ него далеко, далеко. Теперь онъ весь въ волшебномъ мірѣ красокъ.

И Ованесъ, и Иванъ, и Исмаилъ—одни изъ многихъ, которыхъ подняла, поддержала воскресная школа. Она ихъ обласкала, разбудила въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства. А развѣ этого мало?

Однимъ этимъ уже ученики пріобщились къ культурѣ. Вѣдь, такимъ языкомъ какъ въ воскресной школѣ, во всю ихъ жизнь никто не говорилъ съ ними. Вы—тоже люди и имѣете право на осмысленное существованіе!"—говоритъ имъ школа.

Послѣ празднованія годовщины школы въ мѣстныхъ газетахъ появились два письма бывшихъ учениковъ школы, которыми мы и заканчиваемъ здѣсь страницы, съ удовольствіемъ посвященныя нами Бакинской воскресной школѣ.

„Лѣтъ десять тому назадъ",—пишетъ одинъ изъ нихъ, „я находился на работѣ и, разговорившись съ моими товарищами, услышалъ, что открылась новая воскресная школа, гдѣ принимаютъ всѣхъ людей, не разбирая ни молодости, ни старости, ни сословія. Мы заинтересовались, и нѣкоторые пошли въ эту школу. Насъ приняли такъ, какъ мы и не ждали. Повели въ классъ, разспрашивали, дали по книгѣ, тетради, чернилъ и велѣли читать, потомъ писать. Когда я началъ читать, учитель прервалъ меня вопросомъ, на который я не могъ отвѣтить. Я стѣснялся, потъ съ меня градомъ лилъ.

Мнѣ одно странно было, что учитель мой—моложе меня и знаетъ то, на что я—старше его—не могъ отвѣтить.

Когда я пришелъ домой и разсказалъ своимъ, то мнѣ посовѣтовали не учиться, потому что я взрослый и не въ пору взялся за это. Я оставилъ школу. Спустя годъ, мнѣ опять въ мысль пришло заниматься въ воскресной

школѣ. На этотъ разъ я преодолѣлъ неловкость. Надобно знать сперва, что я зналъ, когда вступилъ въ воскресную школу: я умѣлъ читать азбуку и писать буквы; изъ ариѳметики ничего не зналъ. Я имѣлъ полный успѣхъ; со мной проходили учебныя книги для младшихъ, потомъ для взрослыхъ, краткія объясненія изъ географіи, физики, ботаники, русской исторіи, всю ариѳметику. Теперь я радуюсь этимъ пріобрѣтеніямъ и не могу выразить, какъ благодаренъ этой школѣ. Не мало такихъ людей, которымъ не снилось во снѣ, что такое книга.

Эту школу я представляю себѣ великолѣпнымъ фонаремъ, стоящимъ въ глубокой темнотѣ и своимъ свѣтомъ показывающимъ истинный путь жизни людямъ. Фонарь существуетъ недавно, только десять лѣтъ, но не мало пользы принесъ, благодаря 15-ти—10-ти человѣкамъ. Какъ я знаю, въ Баку такихъ людей не 15; если-бы каждый далъ этому фонарю свѣтъ, то фонарь освѣщалъ-бы всѣ темные уголки, и всѣ видѣли-бы эту дорогу, и между народомъ распространялось-бы просвѣщеніе".

Другой пишетъ: „26-го октября я имѣлъ счастье присутствовалъ на юбилеѣ 10-тилѣтія мужской воскресной школы. Съ истинныхъ восторгомъ я провелъ этотъ знаменательный для меня день. Я радовался при видѣ, какъ благородная интеллигенція съ сіяющими, радостными лицами встрѣчаетъ рабочаго и жметъ братски его мозолистую руку. Да,—это не та буржуазная интеллигенція, которая проводитъ свободное время по баламъ и оргіямъ и не та интеллигенція, которая злоупотребляетъ наукой. Это—благородная интеллигенція, которая, желая подѣлиться съ нами, съ народамъ, хотя крохами науки, лишаетъ себя почти всякаго удовольствія. Каждое воскресенье съ 9 часовъ утра до 4 часовъ вечера проводитъ она въ хлопотахъ съ рабочими-учениками. Я самъ посѣщалъ полтора года воскресную школу и пользовался ея любезнымъ, дружескимъ пріютомъ и незнакомымъ до того свѣтомъ. И на меня палъ слабый лучъ этого великаго свѣта: я немного прозрѣлъ. Я сталъ видѣть вокругъ себя то, чего я раньше не замѣчалъ. Я сталъ отличать добро отъ зла и наоборотъ; я, сталъ любить правду и ненавидѣть ложь. За это все благословляю воскресную школу и благодарю ея тружениковъ-учащихъ".

Рабочій Пав. Славгородскій.

Хроника профессіональнаго образованія.

Петербургскій Технологическій Институтъ. — Ходатайство объ учрежденіи высшей сельско-хозяйственной школы въ Екатеринославѣ.—Высшая ремесленная школа.—Мореходные классы.—Среднія и низшія техническія школы.—Ремесленное образованіе.— Сельско-хозяйственное образованіе для женщинъ.

28 ноября С.-Петербургскій Технологическій Институтъ праздновалъ 75-лѣтіе своего существованія. Какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣд.", въ этотъ день, начиная съ часу, къ институту подъѣзжала вереница экипажей. Многочисленныхъ гостей въ вестибюлѣ радушно встрѣчали хозяева-студенты. По лѣстницамъ, роскошно задрапированнымъ разноцвѣтными матеріями и гирляндами зелени, гости подымались въ актовый залъ, превращенный въ садъ. Огромныя гирлянды, спускавшіяся съ потолка, поддерживались щитами съ иниціалами инсти-

тута и его значкомъ. Столъ, за которымъ помѣстился педагогическій персоналъ, поставленъ подъ сѣнь тропическихъ растеній. На особую трибуну взошелъ профессоръ Н. Л. Щукинъ, прочитавшій историческую записку о развитіи института, составленную профессоромъ И. А. Евневичемъ, не дожившимъ нѣсколькихъ недѣль до юбилейныхъ празднествъ родного заведенія. С.-Петербургскій технологическій институтъ основанъ по мысли министра финансовъ графа Е. Ф. Канкрина. Цѣль народившагося заведенія была—подготовить теоретически и практически людей для устройства и управленія фабриками. Въ 1862 году 13-го іюля послѣдовало преобразованіе первоначальной технической школы въ открытое высшее учебное заведеніе. Спустя еще пять лѣтъ, были утверждены новое положеніе объ институтѣ и штаты, и прибавленъ 5 курсъ. Въ 1878 году, по случаю 50-лѣтняго юбилея, институтъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ. Въ 1881 году технологическій институтъ перешелъ изъ вѣдомства министерства финансовъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Въ томъ-же году были утверждены новое положеніе и штаты института примѣнительно къ харьковскому технологическому институту. Затѣмъ, въ 1896 г., въ память исполнившагося столѣтія со дня рожденія Императора Николая I, этому учебному заведенію было присвоено наименованіе Технологическаго института Императора Николая I. Въ 1898 году были отпущены средства на расширеніе института, съ цѣлью увеличить комплектъ слушателей. По уставу 1887 года, студентовъ могло быть 500 человѣкъ и число вновь принимаемыхъ ограничивалось 125. Съ расширеніемъ института, пріемъ увеличился вдвое, и теперь число учащихся достигаетъ 1.404 человѣкъ. Бывши въ первые годы своего существованія лишь хорошей практической ремесленной школой, въ настоящее время институтъ обратился въ высшую техническую школу, ставшую наравнѣ съ подобными учрежденіями за границей. Во главѣ института со времени его возникновенія стояли слѣдующіе директоры: Блау, Бертеневъ, Чайковскій, Ламанскій, Ермаковъ, бывшій министръ финансовъ Вышнеградскій, Ильинъ и Головинъ.

Профессора Н. А. Щукина смѣнилъ профессоръ Н. А. Гезехусъ, который произнесъ рѣчь на тему: „Значеніе энергетики какъ философіи права". При долго несмолкавшихъ аплодисментахъ на каѳедру поднялся директоръ, профессоръ Д. С. Зерновъ. Посвятивъ нѣсколько словъ памяти покойнаго И. А. Евневича, директоръ познакомилъ собравшихся съ отчетомъ института за 1903 годъ. Преподавательскій персоналъ института состоитъ изъ 85-ти человѣкъ; изъ нихъ—18 профессоровъ. Въ настоящее время въ институтѣ—1.400 студентовъ: 1.180 человѣкъ на механическомъ отдѣленіи и 220 на химическомъ. Въ 1904 году принято въ институтъ 284 человѣка: 214—въ механическое и 70 человѣкъ—въ химическое отдѣленіе. Изъ числа окончившихъ удостоились званія инженеръ-технологовъ — 190 и званія технологовъ—24. Окончившіе лучшими гг. Тихоміровъ и Бычковъ занесены на мраморную доску. Для подготовленія къ профессорскому званію оставлены при институтѣ четыре воспитанника. Далѣе изъ отчета видно, что въ истекшемъ учебномъ году въ институтѣ были организованы слѣдующіе студенческіе кружки: научно-техническій, для изученія санитарныхъ вопросовъ, и химическій. Капиталъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ составлялъ 50.000 рублей. Казенныхъ стипендій въ институтѣ имѣется 105 и, кромѣ того, 100 безплатныхъ мѣстъ.

Почетными членами и почетными инженеръ-технологами избраны: предсѣдатель комитета министровъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте, министръ путей

сообщенія князь М. И. Хилковъ, членъ государственнаго совѣта предсѣдатель техническаго общества генералъ-инженеръ Н. П. Петровъ, академикъ Бельштейнъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа X. С. Головинъ и бывшій директоръ кіевскаго политехникума т. с. Кирпичевъ.

Въ заключеніе директоръ обратился къ студентамъ съ привѣтственною рѣчью. Какъ на выдающійся фактъ изъ жизни института, Д. С. Зерновъ указалъ на единеніе учащихся, благодаря организаціи студенческихъ кружковъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе привѣтственныхъ адресовъ, полученныхъ институтомъ отъ высшихъ женскихъ курсовъ, совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ, с.-петербургскаго общества архитекторовъ, института инженеровъ путей сообщенія, общества распространенія коммерческихъ знаній, правленія общества столичнаго освѣщенія и др. Получены привѣтственныя телеграммы: отъ Императорскаго московскаго техническаго училища, харьковскаго и томскаго технологическаго институтовъ и варшавскаго политехническаго Александровскаго института сельскаго хозяйства, лѣсного института, Императорскаго училища правовѣдѣнія, пажескаго Его Величества корпуса, отъ товарища министра финансовъ т. с. Тимирязева, отъ товарища предсѣдателя Императорскаго русскаго техническаго общества т. с. В. И. Ковалевскаго и отъ другихъ лицъ и учрежденій.

На актѣ присутствовали: товарищъ министра народнаго просвѣщенія т. с. С. М. Лукьяновъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа т. с. X. С. Головинъ, помощникъ его В. А. Латышевъ, предсѣдатель инженернаго совѣта министерства путей сообщенія В. В. Саловъ, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ д. с. с. Раевъ, предсѣдатель постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ т. с. Небольсинъ, управляющій отдѣломъ промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія Н. И. Тавилдаровъ, директоръ института инженеровъ путей сообщенія Л. Ф. Николаи, профессора института, представители различныхъ вѣдомствъ, промышленныхъ и техническихъ предпріятій, учащіеся въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и много другихъ лицъ. Вечеромъ въ залахъ института состоялся балъ.

Ежегодно, съ наступленіемъ сезона земскихъ собраній, возобновляются ходатайства объ учрежденіи высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ школъ въ разныхъ районахъ обширной Россіи. Въ этомъ отношеніи каждый районъ справедливо желаетъ имѣть свое подобнаго рода учебное заведеніе, питомцы котораго заранѣе приспособлялись-бы къ мѣстнымъ нуждамъ и естественно-экономическимъ особенностямъ. Такъ, въ „Торг.-Пром. Газ.“ пишутъ изъ Екатеринослава, что губ. земская управа предлагаетъ собранію возбудить ходатайство объ учрежденіи сельско-хозяйственнаго отдѣленія при мѣстномъ горномъ училищѣ. Въ видѣ мотива приводится то соображеніе, что безъ богатаго контингента хорошо подготовленныхъ агрономовъ, знающихъ особенности южнаго хозяйства, мѣстное земство не можетъ надѣяться улучшить и поднять сельско-хозяйственную промышленность губерніи, обложеніе которой, даже и при развитіи горной и металлургической промышленности, продолжаетъ составлять главный источникъ земскихъ доходовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ земства стали учреждать агрономическія бюро, спросъ на ученыхъ агрономовъ быстро возросъ и значительно превысилъ предложеніе. Приступая къ осуществленію агрономической организаціи нѣсколько позднѣе другихъ земствъ, Екатерино-

славская управа съ первыхъ же шаговъ почувствовала затрудненіе въ подысканіи подходящаго персонала служащихъ съ агрономическимъ образованіемъ. Безъ земскихъ организацій силы агрономовъ оставались-бы неисчерпанными и они продолжали-бы, какъ лѣтъ 15 тому назадъ, служить по контролю, акцизу, желѣзнодорожнымъ правленіямъ и другимъ „постороннимъ" вѣдомствамъ, не находя возможности использовать свои спеціальныя знанія, благодаря тому, что крупное частное землевладѣніе, способное давать хорошіе оклады, до сихъ поръ весьма мало пользуется услугами ученыхъ управителей; среднему владѣльцу они не по средствамъ, а крестьянинъ, владѣющій мелкимъ надѣломъ, о нихъ можетъ только мечтать. Для того, чтобы оплодотворить его трудъ научными указаніями и дать русской агрономической наукѣ, неприспособленной къ формамъ и всему строю нашего землевладѣнія, какое-либо приложеніе на русской землѣ, необходимо было посредничество земствъ, учрежденіе не частной, а общественной агрономіи. Въ такомъ лишь видѣ пользованіе наставленіями и выводами науки стало доступно, наконецъ, милліонамъ темныхъ тружениковъ земли. Земство объединило земледѣльческій трудъ и агрономическія знанія, эти два элемента, которые безъ его посредничества должны были-бы оставаться раздѣленными къ ущербу народа и государства. Неприспособленность высшаго сельско-хозяйственнаго образованія къ нуждамъ страны сказалась и въ другомъ отношеніи. Отечество наше до такой степени обширно, что въ климатическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ отдѣльные районы его имѣютъ между собою весьма мало общаго. Воспитанники Московской Земледѣльческой академіи, прекрасно знающіе хозяйство въ средней и сѣверной полосѣ, оказываются совершенно безполезными, когда имъ приходится вести хозяйство въ южной Россіи. Недавно открытое при Кіевскомъ Политехникумѣ агрономическое отдѣленіе, благодаря рѣзкой климатической разницѣ Кіевскаго района со степной полосой, тоже не можетъ подготовить дѣятелей, нужныхъ для юга. Екатеринославская управа констатируетъ грустный фактъ „полнаго отсутствія лицъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго образованія", могущихъ сообразоваться съ мѣстными климатическими, почвенными и культурными особенностями „путемъ изученія мѣстныхъ условій и примѣненія къ нимъ выводовъ чистой науки". „Въ Екатеринославской губ., а равно и въ губерніяхъ смежныхъ съ нею, изученіе почвы и способовъ ея обработки находится, по признанію земскаго органа въ зачаточномъ состояніи. Если-бы сельскій хозяинъ пожелалъ получить указаніе по тому или другому встрѣтившемуся въ его практикѣ затрудненію, то онъ не нашелъ-бы отвѣта на свои запросы". Безъ научной, раціональной постановки сельскаго хозяйства едва-ли возможно серьезно говорить о его подъемѣ и дальнѣйшемъ развитіи: поэтому вполнѣ понятно желаніе южно-русскихъ земцевъ имѣть въ своемъ районѣ высшее земледѣльческое учебное заведеніе. Признавая возможнымъ на первое время удовлетвориться земледѣльческимъ отдѣленіемъ при Екатеринославскомъ горномъ училищѣ, мѣстная управа вычислила, что для открытія и содержанія его потребуется отъ земства единовременный расходъ въ 64 тыс. руб. и отъ правительства ежегодная ассигновка въ 75 тыс. руб.

Корреспондентъ „Нов. Вр.", относясь сочувственно къ мысли о расширеніи горнаго училища, относится, однако, скептически къ вычисленіямъ управы, касающимся стоимости осуществленія подобной мысли. Въ основу проекта, говоритъ онъ, положена заманчивая для нѣкоторыхъ лицъ дешевизна. Управа полагаетъ, что для того, чтобы въ нынѣшнемъ горномъ училищѣ

помѣстить и сельско-хозяйственное отдѣленіе, потребуется затратить на постройку 63.750 руб. и на оборудованіе 16.500 руб. Если управа обладаетъ удивительнымъ талантомъ за столь ничтожныя суммы создать разсадники высшей науки, то можно только пожалѣть, что она этихъ своихъ талантовъ не проявила по отношенію къ средней и низшей школѣ и не устроила въ губерніи низшія сельско-хозяйственныя школы, въ которыхъ, въ сущности, главная потребность. Постройка зданій высшаго горнаго училища обошлась болѣе чѣмъ въ 500 т. руб., но и за эти деньги построено двѣ седьмыхъ главнаго зданія, и зданіе лабораторіи осталось безъ пристройки для квартиръ профессоровъ. Въ настоящемъ своемъ объемѣ помѣщеніе училища настолько тѣсно, что цѣлый рядъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и даже одна аудиторія должны были быть перенесены въ подвальный этажъ. Библіотека училища помѣщается въ подвалѣ, и хотя въ немъ довольно сухо, но отсутствіе свѣта и вентиляціи не можетъ не отразиться на степени сохраненія дорогихъ изданій. Чтобы сколько-нибудь сносно помѣстить въ горномъ училищѣ сельско-хозяйственное отдѣленіе и не стѣснить существеннымъ образомъ горнаго и заводскаго, необходимо закончить постройкою все главное зданіе училища, на что потребуется, пожалуй, еще 500.000 рублей. Оборудованіе сельско-хозяйственнаго отдѣленія потребуетъ не менѣе 100 тыс. рублей.

Безспорно, заключаетъ корреспондентъ, что идея созданія въ Екатеринославѣ разсадника сельско-хозяйственныхъ знаній дѣлаетъ честь чуткости гг. Родзянко и Миклашевскаго. Существенный коррективъ въ финансовой сторонѣ вопроса, какой нужно сдѣлать къ докладу управы, не долженъ остановить правильнаго теченія дѣла. Въ созданіи высшей сельско-хозяйственной школы для степной полосы заинтересовано не только Екатеринославское земство, но и земства сосѣднихъ губерній.

Въ кружкахъ образованныхъ Варшавскими ремесленниками, какъ пишутъ въ „Нов.", возбужденъ проектъ учрежденія въ Варшавѣ ремесленнаго университета, который давалъ-бы ремесленникамъ высшее спеціальное образованіе въ области ихъ профессіи, т. е. въ различныхъ областяхъ ремесла. Основою такого университета иниціаторы проекта считаютъ рядъ лекцій о кожевенномъ дѣлѣ, желѣзныхъ издѣліяхъ, гончарномъ дѣлѣ и пр., задуманныхъ Варшавскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ.

Высшее ремесленное учебное заведеніе — ремесленный университетъ, — по мнѣнію иниціаторовъ, могъ-бы способствовать воспитанію дѣйствительно образованныхъ, самостоятельныхъ ремесленниковъ, которые въ состояніи были-бы повести ремесла въ краѣ такъ, чтобы съ успѣхомъ конкурировать съ заграницею, въ особенности съ Германіею, наводняющей наши рынки своими издѣліями. Иниціаторы ссылаются на существующія въ Германіи высшія ремесленныя училища. Однако, тамъ этого рода училища, хотя и носили первоначально названіе высшихъ ремесленныхъ институтовъ или академіи (какъ, напр., въ Хемницѣ), но очень быстро превращались въ техническіе и технологическіе институты, имѣющіе мало общаго съ высшимъ *ремесленнымъ*, въ строгомъ смыслѣ слова, образованіемъ. Правда, существуютъ частныя ремесленныя академіи по отдѣльнымъ ремесламъ, какъ, наприм., академія для портныхъ въ Дрезденѣ, но это просто коммерческія предпріятія съ громкими названіями, едва-ли достойныя названія „академіи", каковое присвоили имъ ихъ учредители, пользуясь въ этомъ отношеніи

отсутствіемъ какихъ-либо стѣсненій въ подобныхъ случаяхъ со стороны правительственныхъ учебныхъ вѣдомствъ.

Петербургскому губ. земскому собранію было доложено, что главное управленіе торговаго мореплаванія и портовъ удовлетворило ходатайство собранія о преобразованіи нарвскаго мореходнаго класса въ трехклассную мореходную школу, при чемъ размѣръ пособія изъ земскихъ средствъ опредѣленъ главнымъ Управленіемъ въ 1.785 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ управа, не считая вопросъ объ Устьинскомъ мореходномъ классѣ законченнымъ, внесла въ собраніе два ходатайства: 1) о внесеніи въ расходную смѣту на 1904 годъ въ пособіе на содержаніе Нарвской трехклассной мореходной школы 1.785 р. изъ которыхъ 200 руб. подлежатъ возврату изъ средствъ Ямбургскаго уѣзднаго земства, и 2) о внесеніи въ ту же смѣту 800 рублей въ пособіе на содержаніе устьинскаго мореходнаго класса, въ случаѣ преобразованія его въ двухклассную мореходную школу, поручивъ управѣ до такого преобразованія выдать это пособіе въ размѣрѣ изъ расчета по 400 руб. въ годъ. Предложенія эти были приняты собраніемъ.

По словамъ „Торг.-Пр. Газ.“, 15 сентября Главноуправляющимъ торговымъ мореплаваніемъ и портами утвержденъ уставъ одесскаго училища торговаго мореплаванія. Училище это будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій: судоводительскаго и механическаго. Первое имѣетъ цѣлью давать соотвѣтствующее теоретическое и практическое образованіе молодымъ людямъ, готовящимся къ исполненію обязанностей капитановъ и ихъ помощниковъ на торговыхъ судахъ, а второе—молодымъ людямъ, готовящимся къ исполненію обязанностей механиковъ на такихъ-же судахъ. Училище принадлежитъ къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній, курсъ ученія каждаго отдѣленія продолжается 3 года и раздѣляется на 3 класса; курсъ каждаго года въ обоихъ отдѣленіяхъ дѣлится на теоретическій и практическій. Въ училище будутъ приниматься, только на младшіе курсы обоихъ отдѣленій, молодые люди всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій, состоящіе въ русскомъ подданствѣ. Отъ поступающихъ въ 1 классъ судоводительскаго отдѣленія требуется: достиженіе 16-лѣтняго возраста къ 1 ноября года поступленія и удовлетвореніе медицинскимъ требованіямъ относительно общаго здоровья и зрѣнія по утвержденнымъ правиламъ; представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса общихъ классовъ коммерческихъ училищъ Министерства Финансовъ и выдержаніе при училищѣ торговаго мореплаванія испытанія по математикѣ, въ объемѣ курса общихъ классовъ одесскаго коммерческаго училища, и совершенія пробнаго плаванія на принадлежащемъ училищу учебномъ суднѣ въ теченіе 2 мѣсяцевъ. Лица, представившія свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса гимназій, реальныхъ училищъ и военныхъ корпусовъ, освобождаются отъ экзаменовъ. Для поступленія въ 1 классъ механическаго отдѣленія требуется достиженіе 15-лѣтняго возраста къ 1 сентября года поступленія и удовлетвореніе требованіямъ относительно общаго состоянія здоровья; представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса городскихъ училищъ.

На актѣ въ Московскомъ Техническомъ училищѣ, Попечитель училища С. И. Ляминъ, сообщилъ о томъ, что ходатайство о преобразованіи училища изъ низшаго въ среднюю техническую школу, вѣроятно, скоро получитъ удовлетвореніе. Директоръ училища В. Я. Гибель привелъ рядъ данныхъ изъ исторіи училища. Изъ прочитаннаго отчета видно, что въ минувшемъ учеб-

номъ году окончило курсъ со званіемъ мастера и механика 15 челов. Всѣхъ учащихся въ училищѣ 261 человѣкъ. Затѣмъ лучшимъ ученикамъ были розданы награды, послѣ чего ученическимъ хоромъ былъ исполненъ народный гимнъ. Послѣ акта состоялось чествованіе старѣйшихъ преподавателей училища: учителя математики Б. А. Юревича и преподавателя слесарнаго ремесла Г. И. Боталова.

На актѣ въ Московскомъ Комиссаровскомъ училищѣ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, изволилъ присутствовать Августѣйшій Покровитель училища Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Его Высочество прибылъ въ училище въ 4-мъ часу дня и былъ встрѣченъ директоромъ училища С. Д. Исаенковымъ и предсѣдателемъ попечительнаго совѣта В. С. Кохманскимъ. Въ вестибюлѣ, у входа въ залъ Великаго Князя встрѣтили: попечитель округа П. А. Некрасовъ, окружные инспектора С. М. Зегеръ, Р. И. Державинъ и педагогическій персоналъ. По лѣстницѣ шпалерами были выстроены ученики. Въ домовой церкви училища Его Высочество былъ встрѣченъ священникомъ. Актъ открылся чтеніемъ отчета за минувшій учебный годъ. Въ истекшемъ году были открыты третьи параллельныя отдѣленія при 5-мъ и 6-мъ классахъ училища. Число учащихся достигаетъ теперь 986 человѣкъ. Въ отчетномъ году переведены изъ класса въ классъ безъ экзаменовъ 675 человѣкъ и послѣ испытаній 85. Окончило курсъ ученія 84, вновь принято 131. На расширеніе и оборудованіе электротехническаго кабинета, лабораторіи и мастерской поступили пожертвованія отъ бр. Голубевыхъ (2.000 руб.), отъ П. М. Дреземейеръ (800 руб.), отъ Э. Конова (900 р.) и др. Послѣ чтенія отчета Великій Князь собственноручно раздавалъ награды ученикамъ, затѣмъ предсѣдатель В. С. Кохманскій привѣтствовалъ Г. И. Листа по случаю исполнившагося 35-лѣтія службы его въ должности члена попечительнаго совѣта училища. Отъ сотоварищей Г. И. Листу былъ поднесенъ адресъ. Въ минувшемъ году исполнилось также 30-лѣтіе службы въ училищѣ учителя черченія Н. П. Струева и 25-лѣтіе службы учителя рисованія В. А. Пѣгушева.

Московскія газеты сообщаютъ, что конкурсъ на составленіе проекта новаго зданія училища живописи, ваянія и зодчества во владѣніи, бывшемъ кн. Голицына, объявленъ художественнымъ обществомъ. Зданіе должно занимать часть площади земли въ 3.000 кв. саж. и имѣть не болѣе 5 этажей. Въ художественномъ отдѣленіи училища должно помѣщаться 16 классовъ. Въ архитектурномъ отдѣленіи намѣчены 9 классовъ, библіотека и др. приспособленія. Въ общеобразовательномъ отдѣленіи должны быть устроены помѣщенія для 9 классовъ, физическаго, географическаго и естественно-историческаго кабинетовъ, двухъ аудиторій, рекреаціоннаго зала и преподавательскихъ кабинетовъ. Кромѣ того, въ зданіи училища долженъ быть устроенъ актовый залъ въ два свѣта съ хорами не менѣе 60 кв. саж., 2 залы для выставокъ, помѣщеніе для музея и др.

По словамъ „Бирж. Вѣд.", Министерствомъ Земледѣлія выработанъ особый типъ высшей школы кустарныхъ производствъ для приготовленія мастеровъ — спеціалистовъ скорняжнаго производства. Школа имѣетъ характеръ мастерской. Курсъ обученія въ ней двухлѣтній. Программа занятій разбита по отдѣльнымъ полугодіямъ. Въ первое полугодіе включены занятія чисто теоретическаго свойства — изъ области химіи и красильной технологіи, а также практическія занятія по ознакомленію учениковъ съ различными физическими приборами, со свойствами красильныхъ матеріаловъ, употребляемыхъ при производствѣ окраски мѣховъ. Второе и третье полугодія предназначаются исклю-

чительно для практическихъ занятій по выдѣлкѣ и окраскѣ мѣховыхъ товаровъ. Послѣднее полугодіе будетъ посвящено самостоятельной выдѣлкѣ и окраскѣ мѣховъ различныхъ наименованій. По окончаніи курса, ученики будутъ подвергаться особому спеціальному экзамену, и имъ будутъ выдаваться свидѣтельства на званіе мастеровъ. Подобный типъ школы - мастерской предполагается, на первыхъ порахъ, учредить въ с. Мурашкинѣ, Нижегородской губерніи.

Какъ передаетъ „Торг.-Пр. Газ.", при Спасо-Преображенской церковно приходской школѣ въ С.-Петербургѣ учреждаются ремесленные учебные курсы, имѣющіе цѣлью дать дѣтямъ рабочихъ, по окончаніи курса ученія въ начальныхъ школахъ, практическую подготовку для поступленія на фабрики и заводы. Правила для курсовъ утверждены Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ 3 октября текущаго года. Курсы учреждаются на средства, изыскиваемыя Спасо-Преображенскимъ благотворительнымъ обществомъ. Частныя лица, желающія принять участіе въ учрежденіи и содержаніи курсовъ, вносятъ ежегодно по 25 р. На курсахъ будутъ преподаваться слесарное, кузнечное, столярное и другія ремесла, разнаго рода рукодѣлія, черченіе, рисованіе, а равно начальныя свѣдѣнія по общеобразовательнымъ предметамъ, необходимымъ для успѣшнаго усвоенія преподаваемыхъ на курсахъ ремеслъ и рукодѣлій.

Той-же газетѣ пишутъ, что долевымъ товариществомъ промышленниковъ Лодзинскаго округа для покупки угля учреждаются курсы для кочегаровъ. Курсы эти имѣютъ цѣлью сообщать лицамъ, находящимся на службѣ у пайщиковъ долевого товарищества, техническія познанія и практическія умѣнія по уходу за паровыми котлами, а также начальныя свѣдѣнія изъ отраслей знаній, непосредственно необходимыхъ для пониманія процессовъ, происходящихъ при работѣ котловъ.

15 ноября состоялось, по словамъ „Бирж. Вѣд.", открытіе и освященіе новой ремесленной мастерской для мальчиковъ, открытой на средства общества попеченія о бѣдныхъ ученикахъ и ученицахъ, окончившихъ курсъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ С.-Петербурга. Вновь открывшаяся мастерская помѣщается по Суворовскому пр. и раздѣлена на два отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи мальчиковъ будутъ обучать переплетно-футлярному мастерству, во второмъ — сапожному. Въ каждое изъ отдѣленій будетъ принято по 25 человѣкъ мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 11 до 14 лѣтъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. Занятія въ мастерской будутъ происходить отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ дня, а затѣмъ до 6 часовъ вечера научно-образовательные курсы. Каждый мальчикъ, по окончаніи полнаго трехлѣтняго курса, получаетъ 10% съ заработной суммы въ свою пользу. Торжественное открытіе мастерской началось съ благодарственнаго молебствія, которое совершалъ священникъ пріюта св. Меѳодія о. Кремлевъ, при стройномъ пѣніи хора учениковъ городскихъ училищъ. На освященіе собрались: предсѣдательница общества открывшейся мастерской Н. А. Огарева, предсѣдатель городской училищной коммиссіи П. А. Потѣхинъ, Г. И. Дурнякинъ, К. С. Меняевъ, П. И. Злобинъ, А. И. Колокольцова, О. А. Спиринъ, Е. Н. Оленгренъ, Серебряковъ и мн. др.

„Нов." сообщаютъ, что Министерству Народнаго Просвѣщенія, начиная съ текущаго года, отпускается по 75.000 руб. ежегодно на устройство и поддержаніе классовъ ручного труда и мастерскихъ при городскихъ училищахъ. Въ случаѣ ходатайствъ земствъ, городскихъ обществъ или частныхъ лицъ объ учрежденіи практическихъ занятій мастерствами и ремеслами при указанныхъ училищахъ, министерству предоставлено право отпускать изъ ассигнованной

на этотъ счетъ суммы единовременно на устройство и оборудованіе классовъ ручного труда необходимыя средства и на содержаніе ихъ постоянныя пособія въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1) на классъ ручного труда при одной спеціальности не свыше 600 р. и при двухъ—700 руб. ежегодно, при условіи воспособленія казнѣ на тотъ-же предметъ изъ мѣстныхъ источниковъ не менѣе 300 р. въ годъ и 2) на содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при городскихъ училищахъ не свыше 1.500 руб. при одной спеціальности и 1.900 р. въ годъ при двухъ спеціальностяхъ, при условіи назначенія изъ мѣстныхъ источниковъ не менѣе 600 руб.

20-го ноября, какъ передаетъ „Н. Вр.", состоялось очередное общее собраніе Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію, привлекшее многочисленную публику. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ профессоръ П. С. Коссовичъ. Выслушавъ докладъ И. Н. Клингена о значеніи русской женщины въ дѣлѣ обновленія русской деревни, собраніе занялось обсужденіемъ предположеній о двухъ новыхъ начинаніяхъ Общества: изданія „Сборника статей по женскому сельско-хозяйственному образованію" и проекта открытія въ Петербургѣ постоянныхъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. Докладъ о сборникѣ былъ представленъ отъ имени совѣта В. И. Срезневскимъ. Цѣль изданія — широкое, по возможности, распространеніе среди русскаго образованнаго общества свѣдѣній о современномъ положеніи дѣла женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Въ сборникѣ будетъ помѣщенъ также историческій обзоръ развитія женскаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи, западной Европѣ и Америкѣ, а также подробная библіографія предмета. Собраніе утвердило выработанную совѣтомъ программу „Сборника" и смѣту изданія, исчисленную въ размѣрѣ около 2,600 рублей. Второй предметъ, подлежавшій обсужденію общаго собранія, проектъ устройства постоянныхъ женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ въ Петербургѣ, составляетъ крупный шагъ впередъ въ дѣятельности Общества. Курсы, которые до сихъ поръ устраивались обществомъ въ разныхъ городахъ Россіи, имѣли характеръ кратковременный и случайный. Настоящій проектъ представляетъ какъ-бы переходную ступень къ устройству женскаго сельско-хозяйственнаго института. Собранію былъ доложенъ секретаремъ совѣта, Л. Я. Галаховыхъ, проектъ организаціи курсовъ, весьма детально разработанный. Курсъ предположенъ двухлѣтній, съ раздѣленіемъ каждаго года на три семестра: два зимнихъ, въ городѣ, и одинъ лѣтній—въ сельско-хозяйственной обстановкѣ, въ имѣніи. Первый курсъ предполагается посвятить изученію предметовъ общеобразовательныхъ, главнымъ образомъ математикѣ, физикѣ, химіи; лѣто послѣ перваго курса будетъ занято практическими работами по садоводству, огородничеству и пчеловодству. Второй курсъ будетъ посвященъ изученію спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, между прочимъ лабораторнымъ работамъ по агрономической химіи. Практическія работы лѣтомъ послѣ 2-го курса займутъ около шести мѣсяцевъ, съ 15-го апрѣля по 15-е октября, съ ранней весны до глубокой осени, съ тѣмъ, чтобы слушательницы могли ознакомиться съ полнымъ цикломъ полевыхъ работъ. Директоръ Тенишевскаго училища А. Я. Острогорскій предложилъ Обществу воспользоваться, на очень умѣренныхъ условіяхъ, двумя аудиторіями, и лабораторіей училища, помѣщающимися въ отдѣльномъ отъ училища зданіи. Не желая откладывать осуществленіе предпріятія на долгій срокъ, совѣтъ Общества предположилъ открыть первый курсъ съ января 1904 года, съ тѣмъ, чтобы первый курсъ былъ пройденъ нѣсколько интенсивнѣе, чѣмъ нормальный, и вмѣсто семи

мѣсяцевъ занялъ-бы не болѣе пяти мѣсяцевъ, съ января по май. Смѣта содержанія курсовъ исчислена совѣтомъ въ 18.000 рублей, изъ нихъ около 9,000 имѣютъ поступить отъ слушательницъ, а остальныя 9.000 руб. будутъ покрыты изъ собственныхъ средствъ Общества и ожидаемой отъ министерства земледѣлія субсидіей. Проектъ совѣта вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе гг. Горбачевскій, Кауфманъ, Селивановъ, Мещерскій, проф. Коссовичъ, Стебутъ и другіе. Въ общемъ проектъ былъ встрѣченъ собраніемъ съ полнымъ и единодушнымъ сочувствіемъ.

По словамъ „Торг.-Пр. Газ.“, въ программу курсовъ, кромѣ чисто сельскохозяйственныхъ наукъ, входятъ также: законовѣдѣніе, ветеринарія, хозяйственное счетоводство и т. п. На каждомъ курсѣ будетъ находиться до 40 слушательницъ съ платой по 125 р. въ годъ. Расходъ на содержаніе ихъ исчисленъ въ 18 тысячъ рублей въ годъ. Въ виду такого расширенія программы курсовъ, Общество предполагаетъ возбудить ходатайство передъ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ объ увеличеніи субсидіи, выдаваемой Министерствомъ на поддержаніе сельскохозяйственныхъ женскихъ курсовъ съ 3 до 9 тыс. руб. Курсы рѣшено открыть въ январѣ 1904 г. въ зданіи Тенишевскаго училища, при чемъ для нихъ предполагается увеличить химическую лабораторію, находящуюся при названномъ училищѣ.

В. Б—чъ.

А. Ѳ. Зеленецкій.

Къ 30-лѣтней годовщинѣ основанія русской школы въ городѣ Катта-Курганѣ, нынѣ Катта-Курганскаго приходского училища для дѣтей обоего пола (1873—1903).

Въ 1903 году исполнилось тридцать лѣтъ со времени офиціальнаго открытія русской школы въ городѣ Катта-Курганѣ, основанной покойнымъ протоіереемъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Зеленецкимъ. Поэтому считаемъ своевременнымъ познакомить читателей съ исторіей этой школы, а также и съ учебно-педагогической дѣятельностью основателя ея, о. Зеленецкаго.

А. Ѳ. Зеленецкій, по происхожденію сынъ сельскаго священника, образованіе получилъ въ Симбирской Духовной Семинаріи, окончивъ курсъ въ 1856 году *). Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по выходѣ изъ семинаріи онъ учительствовалъ у богатаго помѣщика Самарской губерніи, а затѣмъ 7-го сентября 1858 года былъ рукоположенъ въ санъ священника. Священствуя и вмѣстѣ съ тѣмъ учительствуя въ разныхъ мѣстахъ Симбирской Епархіи 10 лѣтъ **), онъ овдовѣлъ, потерявъ также и малолѣтнихъ дѣтей. Очутившись молодымъ вдовцомъ, совершенно одинокимъ, въ глухомъ чувашскомъ селѣ, и чувствуя, что ему не подъ силу перенести горе въ такой обстановкѣ, онъ рѣшилъ воспользоваться вызовомъ въ Туркестантскій край священниковъ. 20 іюня 1868 года состоялось назначеніе его настоятелемъ въ укрѣпленіи Ура-Тюбе. Въ то время

---

*) Своей alma mater отецъ Алексѣй оставилъ 1.000 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты была впослѣдствіи образована стипендія его имени.

**) До перехода на службу въ Туркестанскій край о. Алексѣй учительствовалъ 9 лѣтъ.

русскаго населенія было тамъ немного: только одна сотня казаковъ, съ знаменитымъ впослѣдствіи М. Д. Скобелевымъ во главѣ, и одна семья: жили всѣ по походному въ сартовскихъ сакляхъ безъ мебели, безъ книгъ и газетъ. Тажелой казалась такая жизнь для интеллигенціи; многіе не вынесли ея и погибли.

Не легкой была она и для отца Алексѣя, не успѣвшаго еще свыкнуться съ своимъ вдовствомъ. Удовольствіе и развлеченіе доставляли ему экскурсіи по окрестнымъ городамъ, въ обществѣ офицеровъ, въ которыхъ принимали участіе М. Д. Скобелевъ и помощникъ ходжентскаго уѣзднаго начальника капитанъ А. При содѣйствіи послѣдняго и при помощи татарскаго языка, которому обучался въ семинаріи *), отецъ Алексѣй познакомился съ туземцами, пользовался ихъ расположеніемъ и уваженіемъ и нѣсколькихъ изъ нихъ обучалъ у себя на дому русской грамотѣ. Узнавъ объ этомъ, генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ выразилъ свое полное одобреніе за добрый починъ обученія туземцевъ русскому языку и не замедлилъ поощрить о. Алексѣя, исходатайствовавъ ему въ Св. Синодѣ въ награду камилавку. 10 февраля 1872 года о. Алексѣй былъ перемѣщенъ на открывшуюся вакансію настоятеля церкви въ укр. Катта-Курганъ, гдѣ и служилъ по день смерти 28 февраля 1897 года.

Городъ Катта-Курганъ—бывшая резиденція бухарскаго бека, нынѣ уѣздный городъ Самаркандской области, расположенъ въ долинѣ р. Зеравшана, въ 73 верстахъ отъ бывшей столицы грознаго Тамерлана, нынѣ областнаго города Самарканда, и въ 12 верстахъ отъ границы Бухарскаго ханства.

Прибывъ къ мѣсту служенія и не найдя школы, о. Алексѣй занялся обученіемъ дѣтей нижнихъ чиновъ гарнизона, туземцевъ, индійцевъ и евреевъ, открывъ школу у себя въ домѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одну занималъ самъ, а другую большую обратилъ въ классъ. 23 декабря того же 1872 года о. Алексѣй вошелъ съ докладомъ къ начальнику Зеравшанскаго округа объ отпускѣ денегъ какъ на первоначальное обзаведеніе школы, такъ и на ежегодные расходы ея, составивъ примѣрный штатъ и доложивъ, что завѣдываніе школой и обученіе онъ приметъ на себя безвозмездно; но въ виду отвлеченій отъ занятій въ школѣ требоисполненіями, онъ просилъ назначить ему въ помощь, по его избранію, благонадежнаго грамотнаго нижняго чина квартировавшаго тогда въ Катта-Курганѣ 5 Туркестанскаго линейнаго баталіона, съ присвоеніемъ ему званія помощника класснаго наставника и выдачей за труды вовнагражденія по 120 руб. въ годъ. Докладъ этотъ генералъ Абрамовъ одобрилъ и сдѣлалъ распоряженіе выдать на первоначальное обзаведеніе изъ городскихъ суммъ 116 рублей, а также утвердилъ штатъ Катта-Курганской русской школы, по которому было исчислено:

1) На ремонтъ помѣщенія, столовъ и проч. . . .	180	рублей
2) „ отопленіе и освѣщеніе	90	„
3) „ вознагражденіе помощника наставника . .	120	„
4) „ наемъ сторожа	60	„
5) „ покупку письменныхъ принадлежностей . .	40	„
6) „ покупку учебниковъ и книгъ	50	„
Итого	540	рублей

*) Отецъ Алексѣй зналъ на память цѣлыя главы корана, чѣмъ положительно приводилъ въ изумленіе правовѣрныхъ.

Штатъ этотъ дѣйствовалъ до второй половины 1879 года, и исчисленная по нему сумма была отнесена на подлежащій кредитъ, при чемъ расходъ по ст. 1 на ремонтъ помѣщенія и столовъ былъ сокращенъ до 60 рублей въ годъ. Несмотря на дороговизну въ то время на всѣ вещи, были остатки по статьямъ 2, 5 и 6.

Получивъ извѣстіе объ утвержденіи штата въ концѣ января 1873 года, отецъ Алексѣй съ 1-го февраля того-же года открылъ официально школу, доставляя ежемѣсячно начальнику Зеравшанскаго округа отчеты о ея состояніи вплоть до конца 1879 года, когда былъ, въ виду преобразованія школы въ приходское училище, назначенъ учитель. Изъ отчетовъ этихъ видно, что 1) школа помѣщалась за плату въ домѣ Сверчкова, Визина и Гольцгаузена (въ 1881 г. выстроено для нея новое изъ жженаго кирпича зданіе, въ которомъ помѣщается и по настоящее время); 2) школа была безклассная и безъ опредѣленной программы. По лѣтамъ, времени поступленія и успѣхамъ ученики въ одной комнатѣ раздѣлялись на нѣсколько группъ учащихся, что, хотя и затрудняло учащаго и препятствовало успѣхамъ учащихся, но, за неимѣніемъ помѣщенія, было неизбѣжно; 3) предметами преподаванія были: Законъ Божій (для русскихъ), чтеніе, письмо и ариѳметика. Обученіе производилось изъ Закона Божія: Св. Исторіи по учебнику протоіерея Базарова и катехизису митрополита Филарета и повседневныя молитвы; чтенію—по методу Ланкастера, ариѳметикѣ въ предѣлахъ 4 правилъ по руководству для уѣздныхъ училищъ, изданному Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія; 4) преподаваніе и завѣдываніе школой велъ о. Алексѣй безвозмездно, при чемъ помощниками его были съ вознагражденіемъ по 120 рублей въ годъ: унтеръ-офицеръ 5 Туркестанскаго линейнаго баталіона Ханинъ, рядовой того-же баталіона Свѣчкинъ и рядовой Стуловъ. Всѣ они дѣло обученія вели подъ руководствомъ о. Алексѣя, составившаго имъ для занятія съ учениками изъ туземцевъ словарь общеупотребительныхъ сартовскихъ словъ, при помощи котораго обученіе шло довольно успѣшно. Лучшимъ помощникомъ былъ рядовой Свѣчкинъ *), служившій около 4 лѣтъ, за что, по ходатайству о. Алексѣя, кромѣ положеннаго по штату вознагражденія въ 120 руб. въ годъ, получалъ и денежныя награды изъ городскихъ суммъ, и 5) экзамены производились съ перваго-же года, т. е. съ 1873 г. въ виду ходатайства самого о. Алексѣя, по распоряженію начальника Зеравшанскаго округа, начальниками Катта-Курганскаго отдѣла, донесенія которыхъ вмѣстѣ съ отзывами о произведенныхъ испытаніяхъ учащимся и благодарностью начальниковъ Зеравшанскаго округа, генераловъ Абрамова и Н. А. Иванова, нынѣ Туркестантскаго генералъ-губернатора, являются единственными источниками для оцѣнки состоянія этой школы и лучшими аттестаціями педагогической дѣятельности о. Алексѣя.

Въ 1873 году экзаменъ производился черезъ 3 мѣсяца послѣ открытія школы войсковымъ старшиной Чеботаревымъ, который доносилъ начальнику Зеравшанскаго округа: „Всѣхъ учениковъ обучалось въ школѣ—16-ть, въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ, которые, несмотря на краткость учебныхъ занятій и др. непредвидѣнныя препятствія, сдѣлали довольно значительныя успѣхи, благодаря вполнѣ разумной системѣ преподаванія, принятой священникомъ Зеленецкимъ, который, избѣгая всякаго насилія, изгналъ изъ своей школы рутинный пріемъ для пріохочиванія дѣтей къ книгѣ—наказаніе. Дѣти

---

*) Свѣчкинъ образованіе получилъ въ сельской школѣ.

держать себя совершенно свободно и непринужденно" и пр. Въ отвѣтъ на это донесеніе, генералъ Абрамовъ выразилъ о. Алексѣю за успѣшныя и разумныя занятія въ школѣ благодарность, въ приказѣ по военно-народному управленію отъ 24 іюля за № 89.

Въ 1874 году экзаменъ производилъ вновь назначенный начальникъ Катта-Курганскаго Отдѣла І. А. Войцеховичъ, *) который также объ успѣхахъ учениковъ далъ лестный отзывъ, прибавивъ, что таковые достигнуты благодаря любви и преданности дѣлу завѣдывающаго школой о. Алексѣя, за что генералъ Абрамовъ благодарилъ о. Алексѣя въ письмѣ отъ 10 августа за № 3.649.

Въ 1875 году точно также была выражена генераломъ Абрамовымъ благодарность о. Алексѣю за хорошее состояніе школы, а помощнику его, рядовому Свѣчкину, выдана награда въ 30 руб. изъ городскихъ суммъ.

Въ 1876 году школу посѣтилъ, въ бытность въ Катта-Курганѣ, генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ и произвелъ лично экзаменъ ученикамъ, отвѣтами которыхъ, особенно учениковъ-туземцевъ, остался доволенъ, при чемъ лучшихъ учениковъ-туземцевъ устроитель края наградилъ халатами, а о. Алексѣю выразилъ свое удовольствіе за прекрасное состояніе школы и исходатайствовалъ въ награду за безвозмездныя труды наперсный крестъ.

Въ 1877 году въ общемъ приказѣ начальника Зеравшанскаго Округа, генерала Н. А. Иванова по военно-народному управленію 8 Іюня за № 49, говорится: „Что касается до русскаго училища въ городѣ Катта-Курганѣ, то засвидѣтельствованное нынѣ и начальникомъ отдѣла и лично мнѣ извѣстное прекрасное состояніе ея, выраженое и успѣхами, оказанными учениками на произведеномъ экзаменѣ, вполнѣ убѣждаютъ меня, что завѣдываніе его находится въ рукахъ усерднаго и опытнаго въ дѣлѣ человѣка. Мнѣ особенно пріятно видѣть весьма удачный опытъ совмѣстнаго обученія русскихъ дѣтей и туземцевъ, при чемъ успѣхи, достигнутые послѣдними не оставляютъ пока желать лучшаго. Я изъявляю глубокую признательность и душевную благодарность завѣдующему Катта-Курганской русской школой, священнику Зеленецкому, за его отличные труды по школѣ, давшіе такіе результаты". Кромѣ этого весьма лестнаго отзыва, генералъ Н. А. Ивановъ, желая по возможности вознаградить о. Алексѣя за его безвозмездные труды, приказалъ начальнику отдѣла выдать ему въ награду изъ городскихъ суммъ 250 рублей. Затѣмъ по его-же приказанію была выдана награда помощнику о. Алексѣя, рядовому Свѣчкину въ суммѣ 10 рублей, а лучшимъ ученикамъ подарки: русскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ матеріи на рубашки и платья, а туземнымъ, халаты.

Во второй половинѣ 1879 г. основанная о. Алексѣемъ школа была преобразована въ приходское училище для дѣтей обоего пола съ новымъ штатомъ, состоящимъ изъ законоучителя, учителя и помощника учителя, при чемъ по новому штату на содержаніе училища было исчислено 1.090 рублей, а съ 1881 г. на содержаніе было ассигновываемо 1.300 руб. въ годъ, изъ которыхъ 250 руб. были отнесены на смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія, а 1.050 руб. собирались съ населенія уѣзда. Въ октябрѣ 1879 г. прибылъ учитель Смирновъ, которому о. Алексѣй и передалъ завѣдываніе училищемъ. Съ августа 1884 г. по іюнь 1885 г. о. Алексѣй, за переводомъ учителя и за назначеніемъ новаго, временно завѣдывалъ училищемъ, а съ де-

*) І. А. Войцеховичъ, нынѣ отставной генералъ-маіоръ, служилъ начальникомъ Катта-Курганскаго уѣзда до 1889 г., съ о. Алексѣемъ былъ, особенно въ послѣднее время, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

кабря 1886 года учебное начальство окончательно поручило завѣдываніе училищемъ о. Алексѣю, который и завѣдывалъ имъ до марта 1894 г., когда принужденъ былъ по преклонности лѣтъ отказаться отъ него. Всего со времени преобразованія школы въ приходское училище по день отказа о. Алексѣя отъ завѣдыванія, т. е. съ 1879 г. по 1894 г. перемѣнилось 10 учителей и 9 помощниковъ ихъ—учительницъ.

Въ 1884 г. при училищѣ были открыты вечерніе курсы для взрослыхъ туземцевъ. Желая избѣжать подозрѣнія въ посягательствѣ курсовъ на вѣроисповѣданіе учащихся, съ одной стороны, и для лучшаго матеріальнаго обезпеченія учительницы, *) съ другой стороны, о. Алексѣй предоставилъ преподаваніе на нихъ учительницѣ З., а затѣмъ ея преемницамъ. Съ открытіемъ въ 1887 г. въ г. Катта-Курганѣ русско-туземной школы о. Алексѣй вошелъ съ ходатайствомъ о переводѣ этихъ курсовъ въ русско-туземную школу, такъ что съ 1 января 1888 года курсы велись учителемъ русско-туземной школы. Въ 1888 г. по ходатайству инспектора народныхъ училищъ П. В. Прилежаева о. Алексѣю генералъ-губернаторомъ выдано въ награду за усердную службу 100 руб.

Въ 1893 г. 7 сентября въ день 35-лѣтія службы о. Алексѣя въ санѣ священника прихожане и почитатели поднесли золотой наперсный крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями, при адресѣ, въ которомъ, между прочимъ, было сказанно: „Вмѣстѣ съ симъ вспоминая съ величайшимъ удовольствіемъ 25-лѣтнюю службу вашу въ Туркестанскомъ краѣ, протекшую въ непрестанномъ попеченіи о ввѣренной вамъ паствѣ и въ насажденіи образованія въ молодомъ поколѣніи, при всегдашнемъ заботливомъ завѣдываніи вами приходскимъ училищемъ“ и т. д.

28 февраля 1897 году послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни о. Алексѣй скончался. Прихожане и почитатели испросили разрѣшеніе похоронить своего пастыря у восточной стѣны алтаря Владимірской церкви въ Катта-Курганѣ и возложили на гробъ нѣсколько вѣнковъ, въ числѣ которыхъ былъ отъ дѣтища о. Алексѣя—приходского училища. Ко времени погребенія на церковную площадь собралась и группа мусульманъ, въ числѣ которыхъ были и ученики покойнаго.

Безъ малаго 30-ть лѣтъ отецъ Алексѣй прослужилъ въ Туркестанѣ, и почти всѣ эти годы, онъ на ряду съ прямыми своими священническими обязанностями, посвятилъ дѣлу народнаго образованія по своей личной инціативѣ. Спрашивается, что заставило его принимать на себя тяжелый трудъ возиться съ дѣтишками, разными по вѣрѣ и національности, въ душной небольшой сырой комнатѣ, да еще обременять себя разными отчетностями по школѣ? Отвѣтъ, конечно, одинъ—любовь къ дѣлу. И это подтвердятъ всѣ, кто только видѣлъ его въ роли учителя. Не разъ, напримѣръ, видѣли о. Алексѣя, идущаго въ школу съ карманами, нагруженными кишмишемъ или конфетами, предназначенными въ поощреніе старательнымъ и лучшимъ ученикамъ. Есть и теперь еще въ Катта-Курганѣ бывшіе ученики, которые вспоминаютъ, какъ батюшка, **) по приходѣ въ классъ, выгружалъ на столъ изъ кармановъ содержимое, приговаривая: „Кто знаетъ урокъ и кто будетъ вести себя послушно, тотъ получитъ кишмишъ или конфеты“. Ученикамъ изъ туземцевъ о. Алексѣй

*) За веденіе вечернихъ курсовъ было назначено дополнительное вознагражденіе въ суммѣ 300 рублей въ годъ.

**) О. Алексѣя батюшкой звали и ученики изъ сартовъ, евреевъ и индійцевъ.

часто говаривалъ: „Учись, Латифъ, будешь современемъ курбашей, волостнымъ или пердводчикомъ". И Латифъ учился, кончилъ курсъ въ приходскомъ училищѣ, и получилъ установленное свидѣтельство; затѣмъ онъ былъ переводчикомъ первоначально въ своей-же школѣ, *) потомъ на таможенномъ пунктѣ въ сел. Зерабулакъ, затѣмъ у Пенджекентскаго участковаго пристава, въ Катта-Курганскомъ уѣздномъ управленіи, а теперь онъ—Джуй-шагрскій волостн. управитель, украшенъ почетными халатами 2 и 3 разряда и двумя медалями и именуется Латифбай Шарифбаевъ.

Посѣщая прихожанъ при требоисправленіяхъ и встрѣчая дѣтей школьнаго возраста, о. Алексѣй всегда обращалъ на это вниманіе родителей, а дѣтямъ говаривалъ: „Приходи ко мнѣ въ школу учиться: тамъ у меня такихъ дѣтей много и за науку получаютъ конфеты; получишь и ты".

По окончаніи экзаменовъ, распуская учениковъ на каникулы, о. Алексѣй часто на свои средства лучшимъ ученикамъ выдавалъ награды; точно также на свои средства въ дни Св. Пасхи и Рождества, надѣлялъ своихъ питомцевъ сластями, приглашая къ себѣ въ домъ, гдѣ въ саду дѣти пили чай и рѣзвились. Вотъ почему дѣти и любили своего батюшку и приходу его въ школу всегда были рады, видя въ немъ не сухого педагога-чиновника, а любящаго отца.

Слѣдуетъ отмѣтить и то обстоятельство, что въ школѣ о. Алексѣя вмѣстѣ съ русскими дѣтьми учились дѣти сартовъ, евреевъ (была даже дѣвочка еврейка) и индійцевъ, несмотря на національный антагонизмъ сартовъ съ евреями и индійцами; сартовскіе мальчики даже вліятельныхъ родителей шли въ школу, въ которой была, какъ я говорилъ, всего одна комната. Теперь не то. Въ русско-туземной школѣ въ гор. Катта-Курганѣ обучаются только сарты, и евревъ уже не принимаютъ, хотя послѣдніе неоднократно обращались и обращаются съ просьбой о пріемѣ ихъ въ школу.

Въ числѣ учениковъ школы были и дѣти изъ мѣстной интеллигенціи, которыя, получивъ въ ней начальное образованіе, поступили впослѣдствіи въ среднія и даже высшія учебныя заведенія, и теперь стали чиновниками и офицерами, а дѣвочки получили образованіе въ гимназіи, вышли замужъ за офицеровъ и чиновниковъ и стали даже сами матерями. Есть примѣръ, что и солдатскія дѣти, учившіяся у о. Алексѣя, теперь стали чиновниками, или же конторщиками. Изъ дѣтей туземцевъ, учившихся у о. Алексѣя, занимающихъ теперь общественное положеніе, слѣдуетъ отмѣтить: 1) переводчика при военномъ губернаторѣ Самаркандской Области Якубова, 2) бывшаго Катта-Курганскаго курбашу аганца Достъ Мухамеда Нуръ Мухамедова, 3) Джуй-шагрскаго волостного управителя Латифа Шарифова, 4) бывшаго городского депутата, теперь 2-ой гильдіи купца Хикматуллу Фатхуллаева, 5) бывшаго переводчика въ таможнѣ Азизова и др.

Привлекая дѣтей въ школу, о. Алексѣй старался, поскольку это было въ его силахъ, удержать на мѣстахъ учителей и учительницъ приходского училища, которые слишкомъ часто мѣнялись, благодаря мизерному жалованью, предоставляя имъ уроки на вечернихъ курсахъ, уроки пѣнія, или-же обученія церковнаго хора изъ солдатъ. Лучшимъ изъ нихъ о. Алексѣй выхлопоталъ пособія изъ остатковъ училищныхъ средствъ.

---

*) Латифъ Шарифовъ по ходатайству о. Алексѣя былъ назначенъ переводчикомъ (1884—1885 гг.) въ помощь учительницѣ З. для занятій съ учениками изъ туземцевъ съ жалованьемъ по 5 р. въ мѣсяцъ.

Все это сдѣлало имя А. Ѳ. Зеленецкаго очень популярнымъ. Въ послѣдніе годы своей жизни о. Алексѣй съ любовью занимался пчеловодствомъ, желалъ его привить въ туземномъ населеніи и считается основателемъ въ Катта-Курганѣ пчеловодства, которое постепенно развивается. **Ѳ. Поспѣловъ**.

Двадцатипятилѣтіе женскихъ высшихъ курсовъ.

Торжество это отпраздновано 21 ноября. Движеніе въ пользу высшаго образованія женщинъ наблюдается съ самаго начала 60-хъ годовъ. Еще въ 1863 г. при разработкѣ университетскаго устава министерство нар. просвѣщенія сдѣлало запросъ университетамъ, могутъ-ли женщины слушать лекціи совмѣстно со студентами, могутъ-ли онѣ быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени и какими правами онѣ могутъ пользоваться? Совѣты всѣхъ университетовъ, кромѣ московскаго и дерптскаго, высказались за допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій какъ на правахъ вольнослушателей, такъ и студентовъ, равно за пріобрѣтеніе ученыхъ степеней, которыя должны давать имъ тѣ-же права по государственной службѣ, какъ и мужчинамъ. Этому широкому плану, однако, не суждено было осуществиться. Пришлось искать другого исхода. Женщины, стремившіяся къ свѣту, къ высшимъ знаніямъ, массами двинулись за границу, гдѣ онѣ нашли доступъ въ нѣкоторые университеты. Здѣсь русскія женщины доказали, что онѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься по всѣмъ отраслямъ знаній. Русскому обществу хорошо извѣстны имена С. В. Ковалевской, Н. П. Сусловой, Волковой, Лермонтовой, А. Я. Ефименко, С. М. Переяславцевой, Брюловой, В. А. Кашеваровой и мн. др. Начавшаяся реакція не дала возможности первымъ піонеркамъ высшаго образованія примѣнить свои знанія на родинѣ, но это не остановило потока массового отлива молодыхъ силъ за границу. Цвѣтъ русской женской интеллигенціи покидалъ родину... На это печальное явленіе не могло не обратить вниманія правительство. Началась разработка разныхъ проектовъ. Но снова серьезно заговорили о необходимости организаціи высшаго женскаго образованія въ Россіи въ 1868 г., когда во главѣ затихшаго „женскаго движенія“, какъ тогда выражались въ извѣстныхъ сферахъ, встали дѣятельныя и высокопросвѣщенныя поборницы высшаго женскаго образованія: Е. Н. Конради, Н. В. Стасова, А. П. Философова и др. Благодаря ихъ неутомимой дѣятельности, вопросъ о научномъ женскомъ образованіи снова вступилъ на практическую почву. Въ началѣ 1868 г. на имя ректора Спб. университета поступило заявленіе отъ 400 женщинъ съ просьбою объ устройствѣ лекцій или курсовъ для женщинъ. Въ числѣ подписавшихся были женщины разныхъ общественныхъ положеній: жена и дочь военнаго министра Д. Милютина, графиня А. И. Толстая, графиня В. Ростовцева, Ю. Абаза и др. Въ заявленіи просительницы ставили себѣ цѣлью „поднять уровень женскаго образованія вообще и въ то-же время дать возможность нѣкоторымъ способнымъ личностямъ достичь степени знанія, нужнаго для занятія мѣстъ преподавательницъ въ высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній“. Для обсужденія прошенія женщинъ совѣтъ университета назначилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ профессора А. Н. Бекетова. Комиссія признала, что „учрежденіе правильныхъ и отдѣльныхъ для женщинъ такихъ курсовъ, которые-бы отнюдь не приняли характера популярныхъ и публичныхъ лекцій, заслуживаетъ полнаго сочувствія со сто-

роны университета, какъ дѣло въ высокой степени полезное". Министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой далъ согласіе на учрежденіе лишь „общихъ публичныхъ лекцій, т. е. совмѣстно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи общихъ постановленій о публичныхъ лекціяхъ". Въ Москвѣ также образовался кружокъ женщинъ, которыя въ 1868 году обратились къ ректору университета съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. Министръ далъ и московскимъ дамамъ тотъ-же отвѣтъ, что и петербургскимъ. Иниціаторши были очень огорчены подобнымъ оборотомъ дѣла, но пришлось пока довольствоваться тѣмъ, что дали.

Первые курсы открылись въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Лекціи имѣли опредѣленный, систематическій характеръ университетскаго преподаванія. Однако, и этимъ скромнымъ курсамъ вскорѣ пришлось прекратить свою дѣятельность. Ихъ пришлось на первыхъ же порахъ „защищать отъ обвиненія въ томъ, что на лекціяхъ преподаватели проводятъ нигилистическія теоріи". Петербургскіе курсы закрылись въ 1873 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ окончательно пришли къ заключенію остановить такъ или иначе массовое движеніе женщинъ за границу. Этимъ настроеніемъ воспользовались учредительницы петербургскихъ публичныхъ курсовъ съ проф. А. Н. Бекетовымъ во главѣ и получили разрѣшеніе открыть высшіе женскіе курсы съ систематическимъ университетскимъ характеромъ; учрежденіе подобныхъ курсовъ самимъ гр. Д. А. Толстымъ тогда было признано „дѣломъ полезнымъ и даже необходимымъ, въ цѣляхъ отвлеченія женщинъ отъ заграничныхъ университетовъ". Это было въ 1878 г. Во главѣ педагогическаго совѣта, въ качествѣ завѣдывающаго курсами, сталъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, откуда и самые курсы получили названіе „Бестужевскихъ". Курсы пережили счастливый моментъ. Управленіе ими было ввѣрено педагогическому совѣту, ближайшее же наблюденіе за слушательницами было возложено на „распорядительницу", Н. В. Стасову. Курсы имѣли три отдѣленія: словесно-историческое, физико-математическое и спеціально-математическое. Одного тогдашніе курсы не имѣли—средствъ; но тутъ имъ на выручку пришли и русское просвѣщенное общество, и все тѣ-же беззавѣтно преданныя дѣлу женскаго образованія дамы-патронессы, съ Н. В. Стасовой во главѣ, учредившія комитетъ для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Лучшіе профессора читали лекціи на курсахъ безвозмездно. Курсы располагали хорошо обставленными кабинетами, лабораторіей и библіотекой. Настроеніе слушательницъ было приподнятое. Русская женщина „шла сюда услышать вѣщее слово истины, шла какъ на праздникъ, не боясь труда, бѣдности, иногда прямо голода и холода: ее питала надежда на плодотворную общественную работу, согрѣвалъ внутренній огонь энтузіазма". Въ ту первоначальную эпоху курсы помѣщались въ домѣ Боткина на Сергіевской. Удивительный контрастъ производили пышные аппартаменты этого палаццо, съ лѣпными потолками и вдѣланными въ стѣны гигантскими зеркалами, съ толпой курсистокъ въ скромныхъ, большею частью даже бѣдныхъ костюмахъ. Какая смѣсь племенъ и лицъ въ этой толпѣ: тутъ и румяныя малороссіянки, и голубоглазыя, блѣдныя дочери сѣвера, и сдержанныя сибирячки, и смуглыя грузинки. Всѣ съ одинаковымъ усердіемъ являлись на лекціи съ дальнихъ концовъ Петербурга, хотя никто не слѣдилъ за аккуратнымъ посѣщеніемъ занятій, не было надзирательницъ и инспектриссъ, не велось никакихъ записей и отмѣтокъ. На лекціяхъ любимыхъ профессоровъ собиралась такая масса, что мѣстъ не хватало—словесницамъ не возбранялось посѣщать лекціи физико-математическаго отдѣленія, и обратно. Составъ

профессоровъ былъ въ то время блестящій: былъ тутъ и Менделѣевъ, и Сѣченовъ, и молодой философъ Владиміръ Соловьевъ, сводившій тогда съ ума весь Петербургъ; остроумный Градовскій читалъ исторію государственныхъ учрежденій, знаменитый Янсонъ—статистику и политическую экономію, Веселовскій—всеобщую литературу, Владиславлевъ—психологію; А. М. Бутлеровъ излагалъ такъ увлекательно химію, что его лекціями заслушивались не только „естественницы", но и „словесницы"; Орестъ Миллеръ вдохновенно толковалъ произведенія Льва Толстого, Достоевскаго и др. корифеевъ новѣйшей литературы; Модестъ Богдановъ читалъ зоологію, а подготовительный курсъ къ ней—зоологію безпозвоночныхъ—читалъ Н. Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), умѣвшій въ свое устное изложеніе вносить такія-же поэтическія краски, какъ и въ свои повѣсти. Въ антрактахъ между лекціями слушательницы собирались въ крохотныхъ столовой и буфетной, гдѣ шелъ оживленный обмѣнъ мнѣній по поводу лекцій и всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ молодежь. Всѣ эти сотни молодыхъ существъ влекла сюда безкорыстная жажда знанія, далекая отъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ; никакихъ дипломовъ и правъ курсы не давали и не даютъ. Многимъ приходилось выдерживать тяжелую борьбу съ родными, приносить цѣлый рядъ жертвъ, чтобъ получить доступъ къ этому источнику знанія. И, не взирая ни на что, поколѣнія за поколѣніями шли сюда, „не требуя наградъ за подвигъ благородный". Русская женщина переживала золотое счастливое время. Къ сожалѣнію, эти счастливые дни тянулись не долго. Ясный день уже помрачался, надъ нимъ нависли тяжелыя свинцовыя тучи...

Въ 1886 году пріемъ слушательницъ на всѣ курсы былъ прекращенъ—„въ виду необходимости пересмотра вопроса о высшемъ женскомъ образованіи". Неожиданная катастрофа настигла курсы, выражаясь фигурально, на другой день послѣ новоселья. Ровно за годъ передъ тѣмъ, въ 1885 г., высшіе женскіе курсы перешли въ свое собственное зданіе на Васильевскомъ островѣ; проф. А. Н. Бекетовъ въ блестящей рѣчи при торжественной обстановкѣ открытія курсовъ принесъ благодарность всему русскому обществу, поддержавшему „дѣло, которое не есть что-либо легкомысленное, основанное на мимолетной модѣ или фантазіи"... Курсы вновь возникли, какъ фениксъ изъ пепла, черезъ три года 28-го сентября 1889 г., но уже при совершенно иной организаціи. Обществу для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ отведена скромная роль—вѣдать исключительно хозяйственную часть; директоръ курсовъ и инспектрисса назначаются министромъ народнаго просвѣщенія. Отдѣленія на курсахъ остались тѣ-же: историко-филологическое и физико-математическое, по программѣ значительно измѣненной; изъ нея исключены политическая экономія, исторія государственныхъ учрежденій, гистологія и физіологія человѣка и животныхъ; плата за слушаніе лекцій съ 50 рублей повышена до 100; учебные планы утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое назначаетъ, по представленію директора курсовъ и профессоровъ. При этой новой организаціи курсы продолжаютъ развиваться: программа ихъ постепенно расширяется: открыта новая каѳедра педагогики, ведутся и практическія занятія... 29-го сентября 1901 г., по докладу ген.-ад. П. С. Ванновскаго о полезной педагогической дѣятельности окончившихъ курсъ наукъ на высшихъ женскихъ курсахъ,—министру народнаго просвѣщенія Высочайше предоставлено право давать разрѣшеніе на назначеніе ихъ преподавательницами во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. До тѣхъ поръ слушательницы курсовъ не пользовались на родинѣ никакими правами, которыя-бы предоставлялись имъ ихъ образованіемъ;

даже геніальная Ковалевская нашла примѣненіе своихъ познаній лишь въ Стокгольмѣ. Но зато въ частной и общественной жизни бывшія слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, посвящая свои силы и знанія семьѣ и нуждамъ общественнымъ, создали себѣ почетную славу. Нынѣшнее положеніе курсовъ считается вполнѣ упроченнымъ.

Самый день 25-лѣтняго юбилея курсовъ былъ отпразднованъ весьма торжественно.

Къ 2 часамъ дня актовый залъ курсовъ представлялъ эффектную картину, полную красокъ и жизни. На эстрадѣ подъ портретомъ Государя Императора заняли мѣста члены комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: А. П. Философова, В. П. Тарновская, баронесса В. И. Икскуль-фонъ Гильденбандъ, О. К. Нечаева, Е. В. Балабанова и др. и профессора курсовъ, во главѣ съ директоромъ ихъ дѣйст. ст. сов. Н. П. Раевымъ. Среди присутствовавшихъ находились: министръ народнаго просвѣщенія тайн. сов. Э. Г. Зенгеръ, его товарищи—тайн. сов. И. К. Ренаръ, тайн. сов. С. М. Лукьяновъ, сенаторъ тайн. сов. И. В. Мѣщаниновъ, попечитель СПБ. учебнаго округа X. С. Головинъ, директоръ филологическаго института акад. В. В. Латышевъ, директоръ главной физ. обсерваторіи ген. лейт. Рыкачевъ, тов. государственнаго контролера А. А. Философовъ, директоръ Пулковской обсерваторіи акад. Баклундъ, лейбъ-акушеръ тайн. сов. Оттъ, многіе академики и профессора с.-петербургскаго университета, во главѣ съ дѣйств. ст. с. А. М. Ждановымъ, предсѣдатель литературнаго фонда П. И. Вейнбергъ, предсѣдатель кассы литераторовъ и ученыхъ Я. Н. Колубовскій, товарищъ его Н. А. Котляревскій, В. В. и Д. В. Стасовы, профес. Яроцкій, художники: А. Н. Бенуа, И. Е. Рѣпинъ и многіе другіе. Послѣдніе ряды въ залѣ, а также хоры были заняты слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ. Послѣ молебствія была провозглашена вѣчная память всѣмъ почившимъ дѣятелямъ курсовъ и питомицамъ его, а затѣмъ многая лѣта трудящимся и учащимся на курсахъ въ настоящее время.

Вслѣдъ затѣмъ директоръ курсовъ Н. П. Раевъ объявилъ открытымъ соединенное засѣданіе совѣта курсовъ и комитета общества для доставленія средствъ курсамъ и прочиталъ привѣтственную телеграмму Августѣйшаго Президента Академіи наукъ. Далѣе слѣдовало чтеніе адресовъ и привѣтствій отъ различныхъ учрежденій, группъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ адресѣ отъ Академіи Наукъ, между прочимъ, отмѣчено, что „въ столь короткій срокъ удалось энергіи немногихъ лицъ на частныя средства, съ незначительнымъ лишь пособіемъ отъ правительства, создать изъ ничего первую высшую женскую школу, цвѣтущую и роскошно обставленную, высшіе женскіе курсы, въ которыхъ занимается болѣе тысячи слушательницъ, и которые не безъ основанія могутъ заявлять право на свое названіе—университетъ для женщинъ". Точно также и въ адресѣ отъ Совѣта С.-Петербургскаго Университета указывается на высокую заслугу въ этомъ дѣлѣ общественной иниціативы.

„Россія, говорится въ адресѣ, можетъ гордиться тѣмъ, что общество само, своимъ почином, нашло возможность создать первое высшее учебное заведеніе для женщинъ и могло не только поддержать, но и матеріально обезпечить курсы, требующіе большихъ затратъ на свое содержаніе. Профессорамъ петербургскаго университета высшіе женскіе курсы были близки съ самаго момента ихъ возникновенія; профессора заодно съ курсами переживали ихъ горе и радости во всѣ эпохи ихъ существованія. Нынѣ, въ день торжественнаго празднества курсовъ, совѣтъ профессоровъ сердечно желаетъ курсамъ дальнѣй-

шаго процвѣтанія и скорѣйшаго ихъ обращенія въ Университетъ для женщинъ". („Нов.")

Въ Женскомъ медицинскомъ институтѣ.

Въ большомъ залѣ женскаго медицинскаго института состоялся 24-го ноября торжественный актъ для второго выпуска женщинъ врачей, окончившихъ курсъ въ текущемъ году. На торжествѣ присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія, попечитель петербургскаго учебнаго округа, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ т. с. Раевъ, т. с. В. Кривенко, директоръ надеждинскаго родовспомогательнаго института, проф. Феноменовъ, членъ военно-медицинскаго ученаго комитета т. с. Шенъ, профессора: Чистовичъ, Виноградовъ, Тиле, полный составъ профессоровъ института съ директоромъ лейбъ-медикомъ проф. Оттомъ во главѣ, настоящія и бывшія слушательницы института, ихъ родственники, учащаяся молодежь другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и др. Актъ начался благодарственнымъ молебномъ, отслуженнымъ мѣстнымъ причтомъ при пѣніи хора пѣвчихъ, послѣ чего проф. Сѣмятчинскій прочелъ отчетъ о дѣятельности и жизни института за истекшій годъ. Въ отчетномъ году число преподавателей и профессоровъ института достигло 35, а съ ассистентами—76. 1902—3 учебный годъ ознаменовался для института, между прочимъ, окончаніемъ построекъ двухъ новыхъ учрежденій, настоятельная потребность въ которыхъ ощущалась уже давно. Это—дѣтская клиника, освященіе которой состоялось на-дняхъ, и новое зданіе для акушерской клиники, постройка и оборудованіе которой обошлось въ 155.000 руб. Часть этихъ денегъ была пожертвована, но очень незначительная, большую-же часть расходовъ институтъ долженъ былъ принять на свой счетъ. Вторая группа прекрасно подготовленныхъ женщинъ-врачей, только что окончившихъ курсъ института, по количеству очень значительна. Выразили держать выпускной экзаменъ 143 слушательницы. Всѣ онѣ оказались настолько хорошо подготовленными, что ни одна изъ нихъ не „провалилась" на экзаменѣ. Изъ нихъ 126 врачей выдержали экзаменъ съ отличіемъ. По окончаніи отчета были прочитаны фамиліи новыхъ врачей, послѣ чего проф. Левинъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Новѣйшія теченія въ клинической діагностикѣ". Референтъ отмѣтилъ, между прочимъ, что въ послѣднее время стали примѣнять, кромѣ патолого-анатомическаго діагноза, еще и этіологическій и функціональный діагнозы. Первый старается выяснить причины, а второй—мѣру и степень распространенія болѣзни. Благодаря всѣмъ этимъ методамъ изслѣдованія человѣческихъ заболѣваній, число ихъ значительно уменьшается и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается контингентъ неизлечимыхъ болѣзней („Нов.").

Преподавательницы въ городскихъ училищахъ.

Попечитель оренбургскаго учебнаго округа возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи, въ видѣ временной мѣры, впредь до устраненія недостатка въ полноправныхъ кандидатахъ для замѣщенія учительскихъ должностей въ городскихъ училищахъ по положенію 31-го мая 1872 года, допускать къ преподаванію въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ введена предметная система преподаванія, лицъ женскаго пола, окончившихъ курсъ женской гимназіи съ званіемъ домашней наставницы или учительницы. Такъ какъ эта мѣра имѣетъ общее значеніе для всѣхъ городскихъ училищъ, министерство затребовало по этому вопросу отзывы всѣхъ учебно-окружныхъ начальствъ. („Нов.").

Поучительный опытъ.

Казанское у. земство постановило произвести повѣрочныя испытанія бывшимъ ученикамъ земскихъ начальныхъ школъ, приближающимся къ призывному возрасту. Для выполненія этого постановленія земская управа обратилась къ содѣйствію земскихъ начальниковъ. О результатахъ сдѣланнаго опыта могутъ дать наглядное представленіе слѣдующіе два наиболѣе характерные доклада.

Первый докладъ. 38-мъ очереднымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ было поручено земскимъ начальникамъ произвести провѣрку знаній учениковъ сельскихъ школъ, окончившихъ курсъ въ 1894, 95 и 96-мъ годахъ. Я, какъ земскій начальникъ, согласился принять на себя трудъ этой провѣрки; но признаюсь, очень недовѣрчиво относился къ взятой на себя работѣ, полагая, что эта провѣрка дастъ очень плачевные результаты. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ мнѣ за послѣдніе годы приводилось быть экзаменаторомъ, я видѣлъ, что при хорошей, преданной своему дѣлу учительницѣ,—а таковыхъ не мало,—преподаваніе въ сельскихъ школахъ ведется толковѣе, чѣмъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ до сихъ поръ не совсѣмъ вывелось задаваніе „отъ сихъ до сихъ“ безъ объясненій задаваемаго, тогда какъ въ сельской школѣ все изучается и объясняется въ классѣ, при чемъ хорошая учительница вмѣстѣ съ образованіемъ обращаетъ вниманіе и на воспитательную сторону дѣтей. Все это заставляло меня надѣяться, что со временемъ школы дадутъ желательные результаты, и я старался внушить это тѣмъ крестьянамъ, отъ которыхъ мнѣ, какъ земскому начальнику, приходилось слышать и видѣть недовѣрчивое отношеніе къ училищамъ, нежеланіе строить новыя и чѣмъ-либо поддерживать уже существующія. Но, повторяю, что всѣ мои надежды были впереди, а къ настоящему и тѣмъ болѣе прошедшему нашихъ школъ я относился болѣе, чѣмъ скептически, и даже думалъ, что бывшіе ученики, которые 4, 5 и болѣе лѣтъ перестали посѣщать школы, давно все забыли и добровольно не явятся на предполагаемое испытаніе, а потому съ непріятнымъ чувствомъ ѣхалъ на первый экзаменъ. Но съ перваго же испытанія такое мое настроеніе сильно поколебалось. Войдя въ школу, я увидалъ не одного и не двухъ, а нѣсколько человѣкъ, нарядно одѣтыхъ, съ веселыми лицами, парней, дѣвушекъ и молодыхъ бабъ, явившихся не по приказанію старосты или старшины, а по приглашенію учительницы, при чемъ молодыя бабы очень вѣжливо просили меня проэкзаменовать ихъ раньше, такъ какъ у одной остался дома грудной ребенокъ, а у другой было оставлено хозяйство. Являлись на испытаніе всѣ, бывшіе въ то время дома, и всѣ пришли съ удовольствіемъ.

На мой вопросъ, помнятъ-ли они что-нибудь изъ пройденнаго въ школѣ, большинство заявляло, что пишутъ плохо и забыли рѣшать письменныя задачи, хотя въ умѣ могутъ рѣшать. Такъ, напримѣръ, въ Киндеревской школѣ одинъ парень не могъ письменно рѣшить задачу на составныя именованныя числа, потому что забылъ производство дѣйствій, но умственно рѣшилъ ее вѣрно и раньше другихъ, рѣшавшихъ на бумагѣ. Другой парень заданную ему мною задачу не могъ рѣшить, и поэтому я ему задалъ другую полегче, и онъ ее рѣшилъ, но когда кончилъ свой отвѣтъ, остался въ школѣ и добился рѣшенія и первой, заданной ему задачи. Читаютъ во всѣхъ школахъ, за очень немногими исключеніями, прекрасно, считаютъ умственно и на счетахъ хорошо; пишутъ плоховато, тѣмъ не менѣе прочитанныя статьи излагаютъ недурно. Законъ Божій знаютъ хорошо тамъ, гдѣ преподаетъ учитель

ница, слабѣе знаютъ въ другихъ школахъ. Лучшее впечатлѣніе произвела на меня Садиловская школа, гдѣ преподавала въ тѣ года, нынѣ Сунгуровская учительница, Ирина Яковлевна Горинова-Герасимова. Бывшіе ея ученики съ какою-то любовью и гордостью говорятъ, что они учились у Ирины Яковлевны. Хуже другихъ отвѣчали Шапшинскіе и Пустошинскіе ученики, такъ какъ въ теченіе 94, 95 и 96 годовъ тамъ были постоянно смѣнныя учительницы.

Въ Садиловѣ во время экзаменовъ пришли отцы экзаменующихся и спрашивали меня, по какому случаю производится экзаменъ. На это я имъ отвѣтилъ, что на земскомъ собраніи былъ разговоръ о томъ, стоитъ-ли тратить деньги на народное образованіе, такъ какъ нѣкоторые гласные наталкивались на такихъ окончившихъ курсъ, которые читать не умѣли; другимъ, напротивъ, попадались грамотные; вотъ почему и поручено земскимъ собраніемъ намъ, земскимъ начальникамъ, провѣрить знанія окончившихъ курсъ и доложить о результатахъ собранію. На ихъ вопросъ, кто изъ гласныхъ встрѣчалъ грамотныхъ, я указалъ на одного изъ гласныхъ. Тогда они мнѣ сказали: „Такъ ты поддержи его-то".

По окончаніи испытанія тѣ-же крестьяне просили меня похлопотать объ открытіи у нихъ библіотеки, говоря, что имъ хочется иногда почитать, а книгъ мало. Въ большинствѣ школъ испытуемые сидѣли до конца экзамена, хотя я разрѣшалъ отвѣтившимъ уходить домой, но они остались сидѣть и со вниманіемъ слушали отвѣты другихъ.

По моему, необходимо устроить повторные классы, и они будутъ посѣщаться съ удовольствіемъ и, конечно, принесутъ громадную пользу.

Итакъ, результаты отъ произведенныхъ мною испытаній далеко превзошли всѣ мои ожиданія, и я съ удовольствіемъ убѣдился, что дѣло народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ (конечно, я сужу по своему участку), идетъ впередъ, почему не жалко и тѣхъ денегъ, которыя тратятся на народное образованіе.

Второй докладъ. Въ исполненіе постановленія прошедшаго очередного Казанскаго уѣзднаго земскаго собранія—провѣрить путемъ повторнаго испытанія лицамъ призывнаго возраста, грамотно-ли населеніе, прошедшее въ дѣтскомъ возрастѣ училище, или нѣтъ,—представляя экзаменаціонный матеріалъ, имѣю честь добавить, что привести въ исполненіе полностью детальную обработку этого вопроса училищнымъ совѣтомъ не удалось, а именно: 1) за сложностью вопросныхъ пунктовъ экзаменаціонныхъ листовъ на каждаго испытуемаго, которая потребовала-бы слишкомъ много времени и отъ экзаменаторовъ и отъ испытуемаго населенія, таковые вопросы остались незаполненными; представляя изъ себя матеріалъ чисто статистическій, не имѣющій ничего общаго съ намѣченными земскимъ собраніемъ цѣлями, училищный совѣтъ можетъ получить таковой инымъ путемъ, напр., черезъ учительскій персоналъ; 2) программа письменнаго испытанія, путемъ изложенія разсказа, оказалась для двухъ третей экзаменующихся не по силамъ и замѣнена испытаніемъ механическаго умѣнія писать — т. е. диктовкой. Оцѣнка познаній экзаменаціонными комиссіями была произведена по 5-ти бальной системѣ, при чемъ мѣриломъ познаній брались не столько детальныя познанія изъ исторіи, ошибки въ письмѣ и т. п. мѣрила ученическихъ познаній, сколько общее развитіе и годность познаній для житейскаго обихода. Съ этой точки зрѣнія оцѣнка имѣетъ видимую окраску строгости требованій относительно ариѳметики и письма и снисходительности къ остальнымъ предметамъ;

но, принимая во вниманіе, что требованіе письма предложено было чисто механическое—умѣнье писать, отъ котораго еще далеко до умѣнья излагать письменно свою мысль, единственное имѣющее значеніе въ жизни и, что даже механическое письмо $^2/_3$ экзаменовавшихся было забыто, въ дѣйствительности оцѣнка была сдѣлана какъ разъ наоборотъ; въ общемъ-же въ какую-бы сторону ни уклонилась оцѣнка, главное ея достоинство есть равномѣрность примѣненія относительно всѣхъ прошедшихъ испытаніе.

Оцѣнка сведена мною для наглядности въ таблицу, которую поясню еще слѣдующими дополнительными заключеніями. Проявленные успѣхи распредѣлены чрезвычайно равномѣрно по предметамъ испытанія, а именно: изъ „Закона Божія“ и „Русскаго чтенія“ значительное большинство обладаетъ познаніями удовлетворительными — знаніемъ молитвъ, заповѣдей, Символа Вѣры и др., которыя можно предъявить къ развитому крестьянину; а чтеніе безусловно лучше даваемаго на выпускныхъ экзаменахъ, будучи толковымъ и съ пониманіемъ прочитаннаго. Славянское чтеніе, хотя преобладающее число также удовлетворительно, — слабѣе. Изъ ариѳметики и письма успѣхи оказались, наоборотъ, крайне слабыми, и значительно преобладаетъ число слабыхъ и совершенно забывшихъ и то и другое. Менѣе равномѣрно ложатся познанія, распредѣленныя по селеніямъ; поражаютъ слабымъ развитіемъ, безграмотностью и даже отсутствіемъ элементарныхъ познаній изъ „Закона Божія“ два селенія—с. Богородское и д. Гильдѣево, Кулаевской волости. Въ лучшую сторону выдѣляются с. Тарлаши, Столбищенской вол., с. Кулаево, д. Дертюли, д. Арышхазда и с. Тагашево Кулаевской волости, с. Чебокса, д. Пермяки и с. Пановка, Кощаковской волости; послѣдній оттѣнокъ надо приписать въ первыхъ пяти селеніяхъ тому, что учительскій персоналъ — по неофиціальнымъ свѣдѣніямъ—приготовлялъ населеніе къ предстоящему испытанію; въ послѣднихъ-же трехъ селеніяхъ—это надо цѣликомъ отнести къ большей зажиточности и промышленности населенія, въ которомъ нерѣдкое явленіе — газета, и обращеніе съ грамотой составляетъ уже необходимое условіе жизни.

Вообще, приступивъ къ производству испытанія съ ожиданіемъ плачевныхъ результатовъ, общій выводъ я дѣлаю болѣе благопріятный — земская школа стоитъ на высотѣ своего призванія, распространяя среди населенія грамотность; при дальнѣйшемъ примѣненіи пріобрѣтенныхъ познаній въ жизни, или даже неблаговременномъ повтореніи пройденнаго,—какъ показалъ опытъ, сдѣланный нѣкоторыми учителями, хотя-бы и съ другими цѣлями, — грамотность дѣлается преобладающимъ явленіемъ, и не виновата школа, что значительная часть населенія, окончившая ее въ 12-ти лѣтній возрастъ, совершенно прекращаетъ сношеніе съ книгой и перомъ („Каз. Газ.“).

Попечительскіе совѣты о средней школѣ.

Въ министерство народн. просв. поступаютъ теперь отзывы попечителей учебныхъ округовъ на циркуляръ министра по вопросу о реформѣ средней школы. Попечительскіе совѣты обсуждали этотъ вопросъ во всей его совокупности, вслѣдствіе чего отвѣты ихъ представляютъ большой интересъ: они выдвигаютъ массу назрѣвшихъ вопросовъ. При этомъ Кіевскій Попечительскій совѣтъ призналъ желательнымъ осуществить слѣдующія мѣры: 1) увеличить количество домашнихъ письменныхъ ученическихъ работъ по всѣмъ предметамъ курса, съ тѣмъ, чтобы темы по русскому языку и словесности

назначались общія для всѣхъ учениковъ класса, и чтобы какъ выборъ темъ, такъ и опредѣленіе числа работъ на каждый учебный годъ были предоставлены педагогическимъ совѣтамъ; 2) тщательно исправлять эти письменныя работы и вести по поводу ихъ съ учениками бесѣды не только въ классѣ, но и въ другое удобное время; 3) ввести чтеніе учениками устныхъ и письменныхъ рефератовъ на избранныя ими по желанію, съ одобренія преподавателей, темы: 4) пріучать воспитанниковъ къ выразительному чтенію и декламаціи и устраивать для нихъ полезныя и разумныя развлеченія, какъ литературно-музыкальные и танцовальные вечера и пр.; 5) обратить должное вниманіе на домашнее чтеніе учениковъ, поручивъ ихъ въ этомъ отношеніи ближайшему руководительству преподавателей-классныхъ наставниковъ, и привести это чтеніе въ связь съ письменными работами учениковъ; 6) изыскать средства на увеличеніе и улучшеніе библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, не ограничивая состава ихъ только книгами, одобренными для этой цѣли, при условіи, чтобы пріобрѣтеніе книгъ производилось по спискамъ, составленнымъ педагогическими совѣтами и одобреннымъ попечителемъ округа; 7) учредить въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ особую должность библіотекаря, который производилъ-бы выдачу книгъ ученикамъ по указаніямъ классныхъ наставниковъ; 8) пересмотрѣть въ возможно скоромъ времени программы по всѣмъ предметамъ, особенно по русской словесности, съ тѣмъ, чтобы преподаваніе ея было расширено включеніемъ новѣйшей литературы (послѣ Гоголя), при чемъ желательно также ознакомленіе учениковъ съ произведеніями всемірныхъ писателей: Шиллера, Гете, Байрона и др.; 9) для разработки методовъ преподаванія способствовать общенію преподавателей устройствомъ особыхъ педагогическихъ собраній въ каждомъ учебномъ заведеніи и съѣздовъ для лицъ, служащихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ округа; 10) улучшить матеріальное положеніе преподавателей, по меньшей мѣрѣ, вдвое противъ настоящаго; 11) облегчить трудъ учителя назначеніемъ ему не болѣе 18 уроковъ въ недѣлю и опредѣленіемъ нормальнаго количества учениковъ въ классѣ 30-ю; 12) не допускать открытія параллельныхъ отдѣленій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ томъ случаѣ, когда нормальное число учениковъ въ классѣ будетъ ограничено 30-ю, а взамѣнъ того увеличить число учебныхъ заведеній. Кромѣ того, попечительскій совѣтъ намѣтилъ рядъ мѣръ для усиленія воспитательнаго воздѣйствія на учащихся. Въ числѣ этихъ мѣръ заслуживаетъ особаго вниманія: 1) реорганизація института классныхъ наставниковъ изъ преподавателей (уменьшеніе имъ уроковъ до 12 въ недѣлю и назначеніе имъ добавочнаго вознагражденія въ 1,000 р. въ годъ, по примѣру коммерскихъ училищъ); 2) поднятіе института помощниковъ классныхъ наставниковъ увеличеніемъ имъ содержанія, соотвѣтственно условіямъ жизни, что дастъ возможность привлечь на эти должности лицъ съ образовательнымъ цензомъ; 3) призывъ семьи къ содѣйствію школѣ въ дѣлѣ воспитанія учащихся (устройствъ общихъ педагогическихъ совѣщаній съ участіемъ родителей или замѣняющихъ ихъ лицъ и пр.); 4) устройство періодическихъ совѣщаній начальниковъ учебныхъ заведеній одного города по вопросамъ воспитательнаго характера; 5) устройство съѣздовъ начальниковъ учебныхъ заведеній округа и др. („Нов.").

На Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.

Засѣданіе 4 декабря было посвящено почти исключительно вопросамъ нар. образованія. Предсѣдательствалъ графъ В. В. Гудовичъ. Были разсмотрѣны

ходатайства лужскаго уѣзднаго земскаго собранія о пособіяхъ изъ средствъ Минист. Нар. Просв. на увеличеніе жалованья учащимъ и на постройку школъ, и шлиссельбургскаго уѣзднаго земства: о допущеніи участковыхъ врачей къ участію въ засѣданіяхъ уѣзднаго училищнаго совѣта при разсмотрѣніи санитарно-гигіеническаго состоянія народныхъ училищъ. Первое ходатайство собраніе нашло не достаточно мотивированнымъ и поручило губернской управѣ снестись по поводу его съ лужской уѣздной земской управой; по второму же вопросу—вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ шлиссельбургскаго уѣзднаго земства о желательности и полезности присутствія врачей въ засѣданіяхъ училищныхъ совѣтовъ и, слѣдуя точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго по подобному же ходатайству пермскаго земства, постановило поручить губернской управѣ направить ходатайство шлиссельбургскаго земства въ надлежащія сферы, съ распространеніемъ испрашиваемаго разрѣшенія на всѣ уѣзды губерніи. Постановлено также поддержать ходатайство ямбургскаго уѣзднаго земскаго собранія передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о принятіи содержанія учителя вновь открываемой сельской земской школы на счетъ казны и ассигновать, по ходатайству царскосельскаго уѣзднаго земскаго собранія, изъ остатковъ губернской смѣты на 1903 г. 240 р. для выдачи дополнительнаго жалованья учащимъ въ земскихъ школахъ уѣзда, получившимъ высшее или спеціально педагогическое образованіе.

Затѣмъ разсматривалось ходатайство петергофскаго уѣзднаго земскаго собранія о предоставленіи учащимъ въ земскихъ училищахъ права преподаванія въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ Закона Божьяго подъ наблюденіемъ законоучителя. Петергофское уѣздное земство на собраніи минувшаго очередного созыва, исходя изъ того пункта, что земство теперь затрачиваетъ весьма крупныя суммы на уроки Закона Божія, возбудило ходатайство о предоставленіи учащимъ въ земскихъ школахъ права преподавать Законъ Божій подъ наблюденіемъ законоучителей. Губернская управа, передавая это ходатайство на усмотрѣніе настоящаго земскаго собранія, нашла нужнымъ подчеркнуть то обстоятельство, что тѣ изъ учащихъ въ земскихъ школахъ губерніи, которые получили спеціально-педагогическое образованіе (а таковыхъ въ настоящее время въ этихъ школахъ большинство), должны безусловно считаться достаточно подготовленными къ преподаванію начатковъ вѣроученія, въ предѣлахъ курса начальной школы. Кромѣ того, въ смыслѣ спеціально преподавательской опытности и дидактическихъ навыковъ, равно какъ и въ отношеніи знакомства съ самими учащимися въ школѣ—преподающіе въ земскихъ школахъ имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ наѣзжающими лишь въ опредѣленные сроки законоучителями, занимающимися съ учениками лишь однимъ предметомъ и не имѣющихъ, поэтому, случая болѣе обстоятельно ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и способностями каждаго учащагося. Обращаясь къ практической сторонѣ настоящаго вопроса, управа въ своемъ докладѣ указала на примѣръ школъ Императорскаго с.-петербургскаго воспитательнаго дома, въ которомъ преподаютъ учителя, окончившіе курсъ въ учительской семинаріи названнаго дома, по программѣ, стоящей даже ниже земской учительской школы; эти учителя вполнѣ успѣшно занимаются съ учениками и уроками Закона Божьяго, подъ наблюденіемъ законоучителей. Далѣе проф. Меншуткинъ разъяснилъ практическую важность вопроса слѣдующими данными изъ практики Петергофскаго уѣзда.

Оказалось, напримѣръ, что въ 8 школахъ законоучители, по массѣ другихъ обязанностей, не могли въ теченіе года дать ни одного урока; въ 60

другихъ земскихъ школахъ они пропустили болѣе одной трети уроковъ, въ нѣкоторыхъ-же—и болѣе половины. Слишкомъ очевидно, что священникамъ не подъ силу обязанности учителей даже при теперешнемъ числѣ школъ, а что-же будетъ при увеличеніи ихъ числа?

Собраніе единогласно постановило поддержать ходатайство Петергофскаго у. земства.

Губернская управа представила собранію докладъ объ учрежденіи при управахъ особаго отдѣленія по народному образованію для веденія дѣлопроизводства губернскаго земства по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ распространеніемъ просвѣщенія среди населенія С.-Петербургской губерніи. На это отдѣленіе возлагается, между прочимъ, обязанность исполнять всѣ постановленія губернскаго собранія по вышеупомянутымъ вопросамъ; слѣдить за точнымъ и своевременнымъ выполненіемъ всѣхъ статей расходной смѣты губернскаго земства по народному образованію; собирать и подготовлять матеріалы, необходимые для занятій губернской комиссіи по народному образованію; имѣть наблюденіе за всѣми учебно-образовательными учрежденіями губернскаго земства и непосредственно завѣдывать ими; составлять отчеты и доклады по вопросамъ народнаго образованія и соприкасающимися съ ними для представленія губернскому земскому собранію и слѣдить по мѣрѣ возможности за положеніемъ народнаго образованія, его развитіемъ и способами распространенія внѣ предѣловъ С.-Петербургской губерніи.

Зем. собраніе обратило вниманіе также на то, что развитіе школьнаго строительства идетъ впередъ быстрыми шагами и требуетъ изысканія новыхъ оборотныхъ средствъ для того, чтобы не быть прерваннымъ или ослабленнымъ именно въ тотъ моментъ, когда дѣло помощи губернскаго земства по упорядоченію школьныхъ зданій въ губерніи стало на вполнѣ опредѣленный и вѣрный путь, обѣщающій привести эту хозяйственную отрасль распространенія народнаго образованія къ наиболѣе благопріятнымъ результатамъ. Ссуды на постройку школьныхъ зданій выдаются губернскимъ земствомъ изъ двухъ различныхъ источниковъ: изъ такъ называемаго дворянскаго капитала и изъ особо учрежденнаго фонда на нужды народнаго образованія. Оба источника крайне незначительны, изсякаютъ и далеко не соотвѣтствуютъ существующей потребности. Самъ собой, слѣдовательно, выдвигается вопросъ о необходимости изыскать средства для выдачи уѣзднымъ земствамъ ссудъ на постройку школьныхъ зданій. При чемъ въ данномъ случаѣ дѣло идетъ лишь о ссудахъ изъ губернскихъ средствъ, подлежащихъ обязательному возврату. Такова, въ общемъ, суть доклада управы, разсмотрѣннаго въ засѣданіи 10-го декабря. Собраніе постановило: перечислить въ губернскій фондъ для нуждъ народнаго образованія всѣ имѣющіе образоваться остатки отъ ассигнованій послѣднихъ двухъ лѣтъ на выдачу пособій по содержанію вновь открытыхъ земскихъ школъ, внести въ смѣту 17.000 руб. на тотъ-же предметъ.

Во всѣхъ уѣздныхъ земствахъ, повидимому, начинаетъ возникать стремленіе увеличивать число двуклассныхъ министерскихъ училищъ, представляющихъ по своей программѣ наиболѣе подходящій типъ школы для русской деревни. Губернское собраніе идетъ навстрѣчу этому стремленію и въ послѣднемъ своемъ засѣданіи рѣшило поддержать передъ правительствомъ ходатайство петергофскаго земства о преобразованіи двухъ земскихъ школъ въ одно двухклассное училище.

Въ губернскомъ земствѣ установился принципъ, что дополнительное жало- выдается только тѣмъ преподавателямъ земскихъ школъ, которые полу-

чили высшее или спеціально-педагогическое образованіе, а также окончившимъ курсъ гимназій или институтовъ съ педагогическими классами. По предложенію депутата отъ духовнаго вѣдомства, собраніе признало возможнымъ пополнить списокъ учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ могутъ считаться получившими педагогическое образованіе, слѣдующими: духовныя семинаріи, церковно-учительскія школы и женскія епархіальныя училища съ педагогическимъ классомъ. („Торг.-Пр. Газ.“, „Нов.“, „Бирж. Вѣд.“).

Курсы для народныхъ учителей въ Павловскѣ.

Собраніе заслушало докладъ управы о состояніи общеобразоват. курсовъ для учащихъ въ г. Павловскѣ. Курсы эти успѣли пріобрѣсти себѣ громкую популярность во всей Россіи и не только съ честью поддерживаютъ свою репутацію, но и безпрерывно развиваютъ свое общеобразовательное значеніе. Всего на курсахъ было 278 учителей и учительницъ, жившихъ на квартирахъ, устроенныхъ по распоряженію покровителя курсовъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Лекціи читались въ большомъ залѣ Павловскаго дворца. Во время курсовъ въ Царскомъ Селѣ была устроена сельско-хозяйственная выставка съ отдѣломъ по народному образованію. Учащіе были приглашены посѣтить выставку и въ удобные для нихъ часы были устроены на выставкѣ лекціи по пожарному дѣлу и о средствахъ предохраненія отъ пожаровъ. Весьма многіе учащіе воспользовались приглашеніемъ, надѣясь впослѣдствіи быть полезными распространителями средствъ предупрежденія пожаровъ и борьбы съ ними. Помощникъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа В. А. Латышевъ сообщилъ губернской управѣ, что въ настоящемъ году, какъ и въ предыдущіе, ассигнованные губернскимъ земскимъ собраніемъ 1.200 р., согласно постановленію собранія, обращены на покрытіе части расходовъ по довольствованію курсистовъ, которые выразились въ суммѣ 4.041 р. 55 к. Изъ учителей С.-Петербургской губерніи на курсахъ было 135 учащихъ. Собраніе постановило выразить благодарность с.-петербургскаго земства всѣмъ лицамъ, способствовавшимъ осуществленію и неизмѣнному успѣху курсовъ въ г. Павловскѣ, и внести, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ смѣту на 1904 г. 1.200 р. на покрытіе части расходовъ по продовольствію во время курсовъ. („Тор.-Пр. Г.“).

Всеобщее обученіе въ Казанской губ.

Вопросъ о введеніи всеобщаго обученія въ казанской губ.—вопросъ не новый. Впервые онъ былъ поднятъ въ 1871 году, на VII очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи, и рѣшенъ, въ 1875 году, въ XI очередную сессію. Собраніе постановило, при довольно сильной оппозиціи меньшинства, въ виду того, что въ то время вопросъ объ обязательности обученія въ Россіи разрабатывался правительствомъ, а потому и земскимъ учрежденіямъ надлежало высказаться по этому вопросу, какъ знающимъ мѣстныя нужды и условія края,—ходатайствовать о постепенномъ обученіи въ Казанской губерніи, причемъ введеніе обязательности обученія должно было быть распространено на все населеніе Казанской губ. безъ различія пола, племени и вѣроисповѣданія.

Рѣшивъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ принципіально, собраніе не коснулось тѣхъ средствъ, которыми всеобщее обученіе могло-бы быть достигнуто. Такое игнорированіе существенной стороны дѣла привело къ тому, что постановленіе земскаго собранія оказалось мертворожденнымъ и вопросъ былъ надолго забытъ. Прошло болѣе 20 лѣтъ прежде, чѣмъ онъ сталъ вновь предметомъ вниманія казанскаго земства. Но возродился онъ въ 1896 г. въ нѣсколько иной формѣ—рѣчь зашла о введеніи обязательнаго обученія только однихъ мальчиковъ. Почти всѣ уѣздныя земства, на предварительное заключеніе которыхъ вопросъ былъ переданъ, сочувствуя всеобщему обученію въ принципѣ, находили все-же, что введеніе его представляется несвоевременнымъ, по недостатку на это средствъ и учительскаго персонала, а также и по экономическимъ условіямъ, въ которыя поставлено крестьянское населеніе. Замѣчательно, что 20 лѣтъ тому назадъ этимъ самымъ аргументировало меньшинство, возражавшее противъ введенія всеобщаго обязательнаго обученія. На этотъ разъ мнѣніе это восторжествовало, но, все-же, для достиженія всеобщаго обученія кое-что было сдѣлано. Такъ, старѣйшій и вліятельнѣйшій изъ гласныхъ К. А. Юшковъ обратилъ вниманіе на то, что если-бы губернское и уѣздныя земства Казанской губерніи были освобождены отъ обязательныхъ расходовъ на подводную и квартирную повинности, а также отъ расходовъ на содержаніе уѣздныхъ воинскихъ и губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, то, пожалуй, средства на всеобщее обученіе, хотя-бы только мальчиковъ, у земства и нашлись. Земское собраніе постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ указанныхъ расходовъ съ тѣмъ, чтобы свободныя отъ этого средства могли быть обращены на образованіе особаго капитала, назначаемаго на устройство и содержаніе земскихъ народныхъ школъ. Ходатайство объ этомъ не было удовлетворено. Однако, неудача не заставила земства на этотъ разъ сдать вопросъ въ архивъ, а лишь побудила изыскать новые способы и средства достигнуть всеобщаго обученія хотя-бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Праздновавшееся два года тому назадъ 40-лѣтіе великаго событія—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,—дало казанскому земству новый и сильный толчокъ къ рѣшенію указаннаго вопроса. Желаніе увѣковѣчить память незабвеннаго Монарха Александра II сочеталось съ мыслью о томъ, что давно уже пора тотъ народъ, который 40 лѣтъ тому назадъ былъ освобожденъ отъ цѣпей рабства, освободить и отъ сковавшихъ его узъ невѣжества... По предложенію гласнаго Є. В. Дьяченко—почтить священную память Императора Александра II образованіемъ особаго Его имени фонда, чтобы черезъ 10 лѣтъ, ко времени празднованія 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, можно было приступить ко всеобщему обязательному обученію, состоялось постановленіе разработать этотъ вопросъ въ особой коммиссіи и обсудить его на текущемъ XXXIX очередномъ губерскомъ собраніи. Коммиссія закончила свой трудъ, при чемъ ея постановленія, вѣроятно, будутъ приняты собраніемъ безъ всякихъ измѣненій. Она постановила: 1) Ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть среди населенія Казанской губ. пріемъ пожертвованій въ фондъ имени Императора Александра II. 2) Просить уѣздныя земства о составленіи школьныхъ сѣтей и таковыя представить въ губернскую земскую управу для составленія обще-губернской школьной сѣти. 3) Для образованія фонда, кромѣ пожертвованій, отчислять ежегодно губернскому земству 6.000 р. и уѣзднымъ по 500 р. каждому. („Нов.“).

Народное образованіе въ Тихвинскомъ уѣздѣ.

Заботы земства о развитіи нар. образованія въ уѣздѣ проникнуты теплымъ отношеніемъ къ дѣлу. Доведя въ короткое время число земскихъ школъ въ уѣздѣ до 85 и ежегодно открывая не менѣе 5 новыхъ училищъ, земство видимо стремится удовлетворить насущную потребность населенія, жаждущаго просвѣщенія. При бюджетѣ 165.000 руб. 1903—4 г. на народн. образованіе назначено 35.000 р., т.-е. $^1/_5$ часть всѣхъ поступленій. Открывая новыя школы, земство стремится обставить ихъ болѣе или менѣе прилично, возводя, при помощи крестьянскихъ обществъ и попечителей, спеціальныя для нихъ постройки, обладающія просторомъ, свѣтомъ и воздухомъ; при школахъ имѣются приличныя помѣщенія для учителя, которыя рѣшено меблировать за счетъ земства. Меблировка эта конечно скромная и даетъ учителю лишь самое необходимое: кровать, столъ, два стула, два табурета и лампу. При минимальномъ учительскомъ окладѣ въ 240 р. съ недавняго времени введены прибавки къ жалованью по 60 руб. въ годъ за каждыя 5 лѣтъ службы, и такими прибавками воспользовались уже 20 лицъ, получившихъ: 11 — по 300 руб. и — 9 по 360 руб. Независимо отъ того учителямъ и учительницамъ, не имѣющимъ при школахъ готоваго помѣщенія, выдаются квартирныя деньги въ размѣрѣ по 30 р. въ годъ. Земскій учительскій персоналъ пользуется безплатнымъ правомъ полученія книгъ изъ городской библіотеки, и кромѣ того въ училища за счетъ уѣзднаго и губернскаго земствъ высылаются ежемѣсячные журналы. Для всесторонняго обсужденія школьныхъ нуждъ и потребностей при земской управѣ разрѣшены учительскія совѣщанія, куда въ извѣстные дни приглашаются учителя и учительницы, по избранію своихъ товарищей, для разсмотрѣнія общихъ вопросовъ, клонящихся къ улучшенію положенія земскихъ учителей и школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Большинство земскихъ учителей и учительницъ имѣютъ спеціальную педагогическую подготовку. Преобладаетъ женскій персоналъ; учителей сравнительно немного, да и тѣ сплошь и рядомъ уходятъ, опредѣляясь въ учительскій институтъ или на болѣе выгодныя мѣста въ городахъ и у частныхъ лицъ. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ недостатокъ въ учителяхъ и учительницахъ всегда составлялъ больное мѣсто. Рѣдкій годъ не бываетъ вакансій: часть школъ (отъ 5 до 8) постоянно пустуетъ. Въ данное время не имѣется учителей для 10 школъ, гдѣ поэтому, несмотря на близость декабря мѣсяца, занятія съ дѣтьми еще не начинались. Въ началѣ, когда еще въ уѣздѣ было немного школъ, земство строго сортировало учителей и учительницъ, принимая на открывавшіяся вакансіи исключительно лишь лицъ со спеціальною педагогическою подготовкою — учителей, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а учительницъ съ дипломомъ или семинаріи или гимназіи съ восьмымъ педагогическимъ классомъ, отнюдь не допуская въ свои школы учителей и учительницъ съ неполной подготовкой, напр. окончившихъ курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ, получившихъ право преподаванія послѣ 6 мѣсячной практики въ приходскихъ училищахъ. Теперь-же, за отсутствіемъ настоящихъ учителей, рады и такимъ учительницамъ; всѣ онѣ поразобраны и всѣ получили школы, и тѣмъ не менѣе и въ нихъ оказывается недостатокъ: школы пустуютъ, и замѣстить имѣющіяся вакансіи рѣшительно некѣмъ. Въ стремленіи устранить въ будущемъ такую ненормальность тихвинское земство совмѣстно съ думою ходатайствуетъ о преобразованіи мѣстной жен-

ской прогимназіи въ гимназію съ 8-мъ педагогическимъ классомъ, имѣя въ виду получать оттуда готовый контингентъ знающихъ дѣло учительницъ. Мысль вполнѣ симпатичная, остается желать скорѣйшаго осуществленія стремленія земства и города, чего одинаково желаетъ городское и уѣздное населеніе, пользующееся услугами прогимназіи для воспитанія своихъ дѣтей.

(„Нов. Вр.").

Постоянная церковно-школьная выставка.

14-го декабря, въ присутствіи оберъ-прокурора св. синода, товарища его сенатора В. Н. Саблера и приглашенныхъ лицъ, состоялось торжественное открытіе постоянной школьной выставки въ Петербургѣ при статистическомъ отдѣлѣ синодальнаго училищнаго совѣта. Съ 15-го декабря выставка эта была открыта для обозрѣнія ея посторонней публикой. При выставкѣ устроенъ кабинетъ учебныхъ пособій по предметамъ курса церковныхъ школъ, библіотека съ аудиторіей для педагогическихъ совѣщаній по предметамъ курса начальныхъ и учительскихъ церковныхъ школъ и для общеобразовательныхъ чтеній для учащихся въ начальныхъ школахъ. Всѣ эти учрежденія помѣщаются въ громадныхъ четырехъ комнатахъ. Въ первой разложены различныя картограммы и діаграммы, указывающія количество церковныхъ школъ, расходъ на ихъ содержаніе, количество учащихся во всѣхъ и въ каждой изъ нихъ, возрастъ и семейное положеніе учителей и учительницъ. Здѣсь-же помѣщены и награды за школьное дѣло, полученныя церковными школами на чикагской и парижской выставкахъ (Grand prix). Въ слѣдующей комнатѣ размѣщены по епархіямъ издѣлія ремесленныхъ классовъ при церковно-приходскихъ школахъ. Здѣсь есть все, начиная съ различныхъ стальныхъ инструментовъ и кончая тонкими работами и шитьемъ гладью по различнымъ тканямъ—бархату, плюшу, сукну и т. п. Нѣкоторыя работы до того изящны, что не вѣрится, чтобы онѣ были исполнены крестьянскими дѣвочками школьнаго возраста. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе тканные ковры, скатерти и вышивки по сукну, сдѣланныя изъ птичьихъ перьевъ. Очень интересны образцы каллиграфскаго искусства и рисованія одной изъ школъ московской епархіи и карты Европы, сдѣланныя „отъ руки". Въ громадной комнатѣ, рядомъ, находится кабинетъ учебныхъ пособій по предметамъ курса церковныхъ школъ. Здѣсь много предметовъ для физическаго кабинета, приготовленныхъ помощникомъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ г. Дубровскимъ. Кромѣ учебныхъ пособій, употребляющихся въ церковныхъ школахъ, здѣсь помѣщено нѣсколько пособій, употребляющихся на урокахъ морали въ начальныхъ французскихъ школахъ. Библіотека находится въ комнатѣ, приспособленной въ то-же время для педагогическихъ совѣщаній и для общеобразовательныхъ чтеній для учащихся въ начальныхъ школахъ. Въ концѣ комнаты устроена эстрада. Выставка даетъ полное представленіе о постановкѣ образованія въ церковно-приходскихъ школахъ. Входъ на выставку—безплатный („Бирж. В.")

Русскій языкъ въ нѣмецкихъ школахъ.

Министерство народнаго просвѣщенія намѣтило рядъ мѣръ къ поднятію успѣшности преподаванія русскаго языка въ училищахъ бывшихъ нѣ-

мецкихъ колонистовъ. Для достиженія этой цѣли министерство считаетъ цѣлесообразнымъ: 1) содѣйствовать преобразованію этихъ училищъ въ министерскія одно-и двухклассныя училища: 2) содѣйствовать пополненію учащаго персонала лицами, надлежащимъ образомъ подготовленными къ дѣлу, для чего привлекать лицъ нѣмецкаго происхожденія, имѣющихъ въ виду педагогическую профессію, къ поступленію въ существующія учительскія семинаріи и на педагогическіе курсы; учреждать при этихъ заведеніяхъ стипендіи и выдавать пособія молодымъ людямъ, подготовляющимся къ учительству; 3) содѣйствовать устройству краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ учителей; 4) содѣйствовать устройству при училищахъ русскихъ библіотекъ (учительскихъ и ученическихъ), снабжать всѣ училища лучшими методическими руководствами по обученію инородцевъ русскому языку и необходимыми наглядными пособіями; 5) поощрять полезную дѣятельность лицъ, трудящихся въ колонистской школѣ, независимо отъ ихъ происхожденія, денежными выдачами, почетными отличіями и наградами; 6) устраивать экскурсіи учителей внутрь Россіи для ознакомленія съ ея памятниками и бытомъ, командировать учащихъ въ мѣстности коренной Россіи для практическаго изученія правильнаго русскаго языка; 7) содѣйствовать устройству воскресныхъ школъ, повторительныхъ курсовъ, народныхъ чтеній, народныхъ библіотекъ и т. п.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Университетъ для Бѣлорусскаго края. Въ истекающемъ году цѣлый рядъ извѣстныхъ общественныхъ учрежденій высказался за учрежденія университета для Бѣлорусскаго края. Виленскій округъ одинъ изъ немногихъ теперь учебныхъ округовъ безъ университета.

3-го сентября вопросъ объ университетѣ обсуждался въ экстренномъ засѣданіи минской городской думы. Дума единогласно постановила ходатайствовать объ учрежденіи университета въ городѣ Минскѣ, на что ассигновала 500 тыс. руб., которые предполагается образовать путемъ особаго облигаціоннаго займа, а также обѣщала предоставить подъ университетскія зданія необходимое количество земли.

На общемъ собраніи двинскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ 7-го сентября было единогласно постановлено: 1. Ходатайствовать, чтобы земствамъ или соотвѣтствующимъ имъ учрежденіямъ шести сѣверо-западныхъ губерній было разрѣшено установить особый налогъ въ пользу учрежденія университета, на основаніи собранныхъ ими статистическихъ свѣдѣній, выработанной министерствомъ народнаго просвѣщенія смѣты и принимая во вниманіе участіе городовъ и другихъ учрежденій и лицъ, и основанія этого спеціальнаго обложенія. 2. Форма ходатайства областного съѣзда должна выразиться въ слѣдующемъ. Витебское общество сельскихъ хозяевъ, въ качествѣ инціатора, пригласитъ къ участію въ этомъ дѣлѣ всѣ прочія общества сельскихъ хозяевъ сѣверозападнаго края, которыя, каждое отъ себя, будутъ ходатайствовать передъ мѣстными земскими учрежденіями, городскими думами и пр. Этимъ обществамъ слѣдуетъ устраивать періодическія совѣщанія своихъ уполномоченныхъ, которые, въ свою очередь, докладывали-бы о ходѣ дѣла своимъ обществамъ на общихъ собраніяхъ. 3. Кромѣ того, отдѣльнымъ обществамъ сельскихъ хозяевъ слѣдуетъ ходатайствовать черезъ мѣстныхъ губернскихъ предводителей дворянства и дворянскія депутатскія собранія объ обращеніи на нужды проектируемаго университета имѣющихся въ раіонѣ виленскаго учебнаго округа и донынѣ не получившихъ еще опредѣленнаго назначенія фундушей, учрежденныхъ на просвѣтительныя цѣли.

Въ состоявшемся совѣщаніи гласныхъ могилевской думы, какъ сообщаютъ „Могилевскія Губернскія Вѣдомости", было рѣшено идти на всѣ зависящія отъ города уступки, если-бы признано было возможнымъ устроить высшее учебное заведеніе въ самомъ Могилевѣ, а именно: отвести центральный въ городѣ участокъ земли, ассигновать 100,000 р., путемъ займа, и собрать на

такую-же сумму частныхъ пожертвованій, а также ходатайствовать объ обращеніи на нужды высшаго учебнаго заведенія 219,000 руб. капитала Волкъ-Ланевскаго.

Съ Минскомъ и Могилевомъ вступилъ въ благородное состязаніе и Витебскъ.

Въ № 275 (отъ 12-го декабря) „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" находимъ, что въ засѣданіи витебской думы, 10-го декабря, рѣшено ассигновать, путемъ займа, на университетъ въ Витебскѣ 600,000 р. и 44 десятины городской земли (Вилево-Сокольники). Гласные: Н. Ф. Кронбергъ, П. Ф. Коссокъ и Ю. М. Шиттъ прибавляютъ къ этой землѣ еще 40 десятинъ, и даже больше, такъ что будущему университету жертвуется 84 десятины земли, оцѣниваемой до 500,000 руб. Итакъ, общая сумма витебскаго пожертвованія на университетъ достигла уже почтенной цифры въ милліонъ сто тысячъ рублей! Независимо отъ этого, здѣсь же, въ думѣ, начали сборъ пожертвованій деньгами и рѣшили хлопотать объ обращеніи на нужды университета такъ называемыхъ „гильзеновскихъ фундушей", что дастъ тоже почтенную сумму въ 170 тысячъ рублей („Бирж. вѣд.).

Соисканіе университетскихъ премій. На соисканіе медалей и почетныхъ отзывовъ въ 1904 году с.-петербургскимъ университетомъ объявлены слѣдующія темы: по юридическому факультету: 1) по исторіи русскаго права: „Крѣпостные крестьяне со времени возникновенія крѣпостного права и до изданія свода законовъ", 2) по международному праву—„Очеркъ дипломатическихъ отношеній между Россіей и Франціей до XIX столѣтія", 3) по гражданскому праву—„Общія основанія вмѣненія недозволенныхъ дѣяній въ гражданскомъ правѣ", 4) по финляндскому праву—„Налогъ на сахаръ". По физико-математическому факультету: 1) по физикѣ—„Электронная теорія", 2) по зоологіи—„Эмбріональное или регенеративное развитіе конечности позвоночнаго", 3) по гистологіи—„Строеніе потовыхъ и сальныхъ железъ и отношеніе къ нимъ нервовъ" и „Строеніе легкихъ и способъ окончанія съ ними нервовъ". Предѣльный срокъ для представленія сочиненій назначенъ на сентябрь 1904 г. („Бирж. В.").

Московское студенческое общество искусствъ и изящной литературы Въ аудиторіи физіологическаго института московскаго университета состоялось подъ предсѣдательствомъ прив.-доц. П. Н. Сакулина засѣданіе названнаго общества. Засѣданіе было посвящено чествованію В. Г. Короленко. Приватъ-доцентъ П. Н. Сакулинъ открылъ засѣданіе вступительной рѣчью, въ которой охарактеризовалъ значеніе литературной дѣятельности В. Г. Короленко, указавъ при этомъ на то, что любовь къ человѣку составляетъ основное положеніе всѣхъ произведеній этого писателя. Студентъ Крачковскій прочелъ рефератъ на тему: „Униженные и оскорбленные въ произведеніяхъ Короленко". Затѣмъ П. И. Вейнбергъ прочиталъ разсказъ В. Г. Короленко „Огоньки". Предсѣдатель общества просилъ П. И. Вейнберга передать В. Г. Короленко объ этомъ засѣданіи. Просьба предсѣдателя была встрѣчена шумными аплодисментами. Въ отвѣтъ на эти восторги молодежи П. И. Вейнбергъ сказалъ рѣчь, въ которой привѣтствовалъ возникновеніе при университетѣ студенческаго общества искусствъ и изящной литературы, указавъ при этомъ

на то, что изящная литература воспитала цѣлое поколѣніе общественныхъ дѣятелей, и что старое поколѣніе сходитъ въ могилу въ надеждѣ, что молодежь, проходящая облагораживающую школу изящной литературы, будетъ идти въ жизни по пути широкой общественности. Слова маститаго писателя были покрыты громомъ аплодисментовъ. Послѣ П. И. Вейнберга нѣсколько студентовъ прочли рядъ разсказовъ В. Г. Короленко. („Р. Л.“).

Студенческое общежитіе при харьковскомъ унив. Недавно выстроенное въ концѣ Сумской улицы, въ Харьковѣ, рядомъ съ медицинскими клиниками, студенческое общежитіе представляетъ изъ себя, громадный трехъэтажный корпусъ, построенный по новѣйшимъ требованіямъ гигіены и санитаріи. Освѣщеніе электрическое съ университетской электрической станціи, а отопленіе паро-воздушное, которое представляетъ преимущество передъ паровымъ и воздушнымъ, взятыми въ отдѣльности, такъ какъ даетъ постоянный притокъ свѣжаго, а не комнатно-нагрѣтаго воздуха. Общежитіе разсчитано всего на 180 чел. студентовъ и заключаетъ въ себѣ 81 комнату, громадный столовый залъ, залъ для гимнастики и залъ для библіотеки, уборныя и службы. Всѣ помѣщенія высоки, свѣтлы, съ превосходной вентиляціей, благодаря которой воздухъ вполнѣ перемѣняется въ теченіе $1^1/_2$ часовъ. Обстановка комнатъ слѣдующая: кровать съ казеннымъ матрацемъ, подушками, одѣяломъ, постельнымъ бѣльемъ и коврикомъ около кровати, ночной столикъ, у окна письменный столъ съ 2 ящиками, возлѣ стола на стѣнѣ 2 полки для книгъ; надъ столомъ электрическая лампочка и на стѣнѣ зеркало; шкафъ съ ящиками для платья и бѣлья. Изъ каждой комнаты электрическій звонокъ къ прислугѣ. При совмѣстномъ жительствѣ двухъ или трехъ студентовъ все соразмѣрно увеличивается въ 2 и 3 раза. Стирка бѣлья казенная. Пищевое продовольствіе состоитъ изъ чая съ молокомъ утромъ и вечеромъ, обѣда изъ трехъ блюдъ и ужина. Плата за содержаніе распредѣлена такимъ образомъ. За от-отдѣльную комнату на полномъ содержаніи въ мѣсяцъ 26 р., при совмѣстномъ жительствѣ двухъ студентовъ въ одной комнатѣ, каждый платитъ по 21 р., а живя втроемъ—19 р. Причемъ плата разсчитана такимъ образомъ: За продовольствіе 14 р. въ мѣсяцъ ($46^1/_2$ к. въ день), за стирку бѣлья 1 р., за пользованіе комнатными принадлежностями 1 р. Всего 16 р. на каждаго за содержаніе. Плата за помѣщеніе 10 р. за комнату. Такимъ образомъ, живущій въ отдѣльной комнатѣ платитъ 10 р., живущіе вдвоемъ по 5 р., а живущіе втроемъ по 3 р. каждый въ мѣсяцъ. При общежитіи имѣется телефонъ. („Юж. Кр.“).

Студенческое общежитіе. Новое зданіе для общежитія студентовъ петербургскаго университета почти закончено отдѣлкою. Оно находится на Васильевскомъ островѣ, по 16-й линіи. Общежитіе разсчитано на 150 студентовъ. Оно имѣетъ 84 комнаты, изъ которыхъ 4 огромныхъ зала; спеціально отведены залы для столовой, гимнастики и библіотеки. Открытіе общежитія предполагается къ 1-му января 1904 года. („Нов.“).

Въ обществѣ вспомоществованія нуждающимся студентамъ СПБ. университета 7-го декабря. подъ предсѣдательствомъ Б. В. Сукачева, состоялось засѣданіе общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ, посвященное избранію новаго предсѣдателя общества, взамѣнъ отказавшагося отъ этой должности члена государственнаго совѣта, сенатора д. т. с. П. П. Семенова. Изъ числа поданныхъ 72 записокъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ избранъ статсъ-секретарь, предсѣдатель комитета министровъ С. Ю. Витте.

Новое общество взаимопомощи. 22-го ноября въ Петербургѣ въ залѣ Пассажа состоялось первое общее собраніе бывшихъ воспитанниковъ Рижскаго политехническаго института и окончившихъ политехническое училище, впослѣдствіи преобразованное въ институтъ Товарищи, еще шесть лѣтъ тому назадъ, задумали учредить общество взаимопомощи, имѣющее цѣлью содѣйствовать доставленію занятій своимъ членамъ, оказывать помощь нуждающимся, способствовать разработкѣ коммерческихъ и техническихъ вопросовъ. Оно-же выдаетъ своимъ членамъ и ихъ семействамъ единовременныя и постоянныя пособія, доставляетъ безплатно медицинскую помощь и помѣщаетъ дѣтей сиротъ въ учебное заведеніе. Общество, по мѣрѣ накопленія средствъ, разсчитываетъ открывать больницы, амбулаторіи, школы, читальню, библіотеку и учреждать стипендіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Будетъ также при обществѣ эмеритальная и ссудо-сберегательная кассы. 22-го ноября бывшіе воспитанники собрались для обсужденія разныхъ вопросовъ, относящихся къ открытію дѣйствій общества и для выбора членовъ правленія, кандидатовъ и ревизіонной коммиссіи. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ Л. А. Бишлягеръ, а товарищемъ предсѣдателя И. М. Болбочанъ. Предполагавшіеся выборы правленія и ревизіонной коммиссіи въ этотъ день не состоялись, такъ какъ многіе пожелали предварительно познакомиться съ уставомъ общества. Въ виду этого рѣшено было отпечатать уставъ, разослать его и въ ближайшемъ будущемъ созвать второе общее собраніе. Для этой работы была избрана особая, коммиссія, въ составъ которой вошли: Л. А. Бишлягеръ, И. М. Болбачанъ Моржицкій, Евецкій, Роде, Гошъ и фонъ-Крузенштейнъ. („Бирж. В.“).

Высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ. Въ апрѣлѣ текущаго года профессора университета св. Владиміра, по иниціативѣ И. В. Лучицкаго, Н. Н. Шиллера и П. Я. Армашевскаго, возбудили передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство объ открытіи въ Кіевѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Къ ходатайству этому попечитель учебнаго округа отнесся сочувственно; это давало основаніе предполагать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ Кіевъ обогатится высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Теперь, получены свѣдѣнія, что дѣло высшихъ женскихъ курсовъ въ нашемъ городѣ близко къ осуществленію: 30-го ноября состоится совѣщаніе профессоровъ университета св Владиміра для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся открытія названныхъ курсовъ. Высшіе женскіе курсы въ семидесятыхъ годахъ существовали уже въ Кіевѣ. Они были открыты въ 1878 г. и функціонировали до 1889 г., когда произведенъ былъ послѣдній выпускъ слушательницъ. Съ

1886 г. дальнѣйшій пріемъ слушательницъ на курсы былъ „временно" закрытъ. Это „временное" распоряженіе въ теченіе свыше 15 лѣтъ сохраняло силу. („Кіев. Г.").

Кадеты въ медицинской академіи. Въ конференціи Императорской военно-медицинской академіи обсуждается вопросъ о допущеніи къ пріему въ число студентовъ академіи воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. Для предварительнаго разсмотрѣнія этого вопроса конференціею избрана изъ своей среды особая коммиссія, въ составъ которой вошли: предсѣдателемъ—ученый секретарь академической конференціи, ординарный профессоръ, академикъ А. П. Діанинъ, членами—профессора академіи: академикъ В. М. Бехтеревъ, академикъ А. Я. Данилевскій, В. Н. Сироткинъ, И. Н. Павловъ, Г. Г. Скориченко и М. В. Яновскій. Разработка настоящаго весьма важнаго вопроса потребуетъ, безъ сомнѣнія, не мало времени для окончательнаго рѣшенія его, въ виду того, что проектируемою мѣрою затрогиваются интересы военно-учебныхъ заведеній. Представится, по всей вѣроятности, необходимымъ имѣть также мнѣніе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Гигіеническіе курсы. Педагогическій совѣтъ гигіеническихъ курсовъ (при Спб. обществѣ охраненія здоровья женщины), опредѣлилъ задачи курсовъ слѣдующимъ образомъ: 1) ознакомленіе съ гигіеной для потребностей семьи, школы и для пополненія образованія: 2) подготовленіе персонала для надобностей различнаго рода санитарныхъ учрежденій.

Для достиженія означенныхъ цѣлей, совѣтъ намѣтилъ слѣдующую программу преподаванія: I-й курсъ. Физика и химія (пропедевтическій курсъ для преподаванія гигіены), анатомія, физіологія, бактеріологія и (способъ изслѣдованія), гигіена основная и (санитарная статистика), профессіональная гигіена (общая). II-й курсъ. Профессіональная гигіена (частная), гигіена дѣтскаго возраста, школьная гигіена, гигіена женщины, заразныя болѣзни, сифилисъ и борьба съ нимъ, пищевыя вещества (изслѣдованія, фальсификація, приготовленіе), первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, административная гигіена (санитарное законодательство). Кромѣ этого систематическаго (обязательнаго) курса, педагогическій совѣтъ допускаетъ прочтеніе отдѣльныхъ лекцій и особыхъ курсовъ по частнымъ вопросамъ, какъ-то: гигіена физическихъ упражненій, гигіена умственнаго труда и нервной системы, гигіена зрѣнія, гигіена кожи и т. п. Преподавателями на курсахъ въ настоящее время состоятъ: проф. Н. М. Маліевъ, С. А. Острогорскій, А. В. Погожевъ, М. С. Уваровъ, Е. А. Шепилевскій, Н. Г. Фрейбергъ, В. И. Ботковская, М. М. Волкова, С. С. Вольтке, М. Ф. Мохначева, О. М. Рѣшетина, и предположено пригласить еще нѣсколько лицъ.

Постоянными слушателями допускаются лица обоего пола, окончившія среднія учебныя заведенія, вольнослушателями—неудовлетворяющія этому условію. Плата 20 руб. въ годъ. Кромѣ того, допускаются посторонніе слушатели съ платою за входъ 30 коп. („Нов.").

Новые штаты Мин. Нар. Просв. Вопросъ о новыхъ штатахъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ мы слышали, будетъ обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ въ концѣ этой недѣли. Увеличеніе числа учебныхъ заведеній за 40-лѣтній періодъ дѣйствія „временныхъ" штатовъ съ 3.534 до 51.500 уже при самомъ вступленіи въ управленіе министерствомъ покойнаго т. с. Н. П. Боголѣпова, а затѣмъ ген.-адют. П. С. Ванновскаго вызвалъ съ ихъ стороны твердыя намѣренія реорганизовать центральное управленіе министерства. Приблизить къ осуществленію это мѣропріятіе удалось только ихъ преемнику. Проектъ преобразованія составленъ, по слухамъ, очень скромно. Вмѣсто одного существующаго департамента народнаго просвѣщенія предполагается учредить два: департаментъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, и департаментъ общихъ дѣлъ; на правахъ департамента будетъ особый отдѣлъ промышленныхъ училищъ для завѣдыванія всѣми профессіональными учебными заведеніями; въ самостоятельномъ видѣ предположено устроить юрисконсультскую часть министерства и управленіе пенсіоною кассою народныхъ учителей и учительницъ. Прочіе центральные органы остаются безъ измѣненія въ своей организаціи и ходатайствуется лишь объ усиленіи личнаго состава и его вознагражденія. („Н. Вр.").

Строительныя надобности министерства народнаго просвѣщенія. Пять милліоновъ рублей испрашивается министерствомъ народнаго просвѣщенія на строительныя надобности. Въ числѣ новыхъ работъ изъ этого кредита будутъ: сооруженіе магнитнаго отдѣленія тифлисской обсерваторіи въ гор. Мцхетѣ, устройство госпитальныхъ клиникъ и библіотеки при томскомъ университетѣ, оборудованіе мурманской біологической станціи, сооруженіе новыхъ зданій для Александровскаго учительскаго института въ Тифлисѣ, казанской и карачевской учительскихъ семинарій, мужскихъ гимназій: с.-петербургскихъ 3-й и 4-й Ларинской, 5-й варшавской, 2-й харьковской, оренбургской и воронежской; реальныхъ училищъ: псковского и хабаровскаго и женскихъ гимназій: благовѣщенской, ломжинской, самаркандской, читинской, новгородсѣверской, 2-й нижегородской и портъ-артурской. Кромѣ этого, будутъ построены дома для городскихъ училищъ: зайсанскаго, Семипалатинской области; красноборскаго, Вологодской губ., покровскаго, Владимірской губ., красноуфимскаго, николаевскаго, Самарской губ., 2-го московскаго, вольмарскаго женскаго, боровского и вейсенштейнскаго, а также для ташкентскаго Маріинскаго училища. („Нов.").

Дицентрализація. Въ 1901 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія было разъяснено, что ходатайства о разрѣшеніи тому или другому лицу открывать спеціальные курсы слѣдуетъ подвергать особому разсмотрѣнію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на представленіе подлежащихъ начальствъ министерство. Въ настоящее время министерство признало необходимымъ предоставить начальствамъ учебныхъ округовъ давать разрѣшеніе на открытіе различныхъ курсовъ. (Нов.").

Учрежденіе гимназіи въ Мстиславлѣ. Еще въ январѣ нынѣшняго года г. попечитель виленскаго учебнаго округа извѣстилъ городское управленіе, что въ г. Мстиславлѣ можетъ быть открыта мужская гимназія, если городъ обезпечитъ таковую помѣщеніемъ. Дума въ томъ-же январѣ мѣсяцѣ съ признательностью приняла это предложеніе и постановила выстроить нужныя для этого зданія на средства и на землѣ города. По этому поводу г. попечитель виленскаго учебнаго округа въ іюнѣ мѣсяцѣ посѣтилъ городъ, чтобы на мѣстѣ всесторонне изслѣдовать возбужденное ходатайство. Выслушавъ представителей дворянства, городского самоуправленія и многихъ частныхъ лицъ изъ мѣстнаго населенія, попечитель округа воочію убѣдился въ основательности этого ходатайства, обнадежилъ обѣщаніемъ своего содѣйствія и 22-го сентября запросилъ мстиславскихъ предводителей дворянства и городского голову о размѣрахъ жертвуемыхъ для гимназіи средствъ со стороны дворянства и города. Городская дума, заслушавъ этотъ запросъ, 8-го октября, постановила: ассигновать для возведенія гимназіи сто двадцать тысячъ рублей изъ городскихъ средствъ, сверхъ сорока тысячъ руб., жертвуемыхъ для гимназіи же дворянкой г-жею Стаховскою, которая эту сумму (40 тыс. руб.) завѣщала (по духовному завѣщанію), но прислала въ думу письменное заявленіе о томъ, что деньги эти она передастъ и при жизни своей немедленно по разрѣшеніи учрежденія въ Мстиславлѣ гимназіи и по начатіи постройки зданія для нея. Возведеніе каменныхъ зданій по рекомендованному г. попечителемъ учебнаго округа плану брестской гимназіи, стоющей гор. Бресту, какъ видно изъ сообщенія брестскаго городского головы на имя городского головы гор. Мстиславля, съ подряда, около 105 тысячъ руб., обойдется городу Мстиславлю много дешевле: по подсчету знатоковъ, 75—80 тысячъ руб., такъ какъ строительные матеріалы въ Мстиславлѣ много дешевле, чѣмъ въ г. Брестѣ. Такимъ образомъ, изъ ассигнованной городскою думою суммы вмѣстѣ съ 40 тысячами, жертвуемыми г-жею Стаховскою (въ средствахъ и доброжелательствѣ ея никто не сомнѣвается), городское управленіе имѣетъ возможность представить въ распоряженіе г. попечителя учебнаго округа нужную сумму денегъ на содержаніе гимназіи и до открытія для этого кредита со стороны правительства за время съ учебнаго семестра 1904—1905 годовъ до 1-го января 1905 года. Мѣстное населеніе нетерпѣливо ждетъ открытія въ Мстиславлѣ правительственной гимназіи ко времени ближайшаго учебнаго семестра 1904—1905 годовъ, такъ какъ городская дума въ январѣ с. г. и теперь, 8-го октября, между прочимъ, постановила: до возведенія нужныхъ зданій нанять на средства города для гимназіи и для учебнаго персонала, пользующагося по штату готовыми квартирами, соотвѣтственныя помѣщенія. Многіе дворяне обязались приговоромъ собрать для усиленія средствъ на гимназію по 10 коп. съ каждой десятины земли. („С.-З. Сл.“).

Сельская женская гимназія. Петербургскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ былъ выслушанъ докладъ управы о выдачѣ пособія учебному заведенію г-жи Анцевой, учрежденному въ Петергофскомъ у. Въ виду исключительнаго значенія и интереса, представляемаго частнымъ учебнымъ заведеніемъ г-жи Анцевой, губернская управа представила полный очеркъ развитія этого заведенія, существующаго въ деревнѣ Усть-Рудицы, Петергофскаго уѣзда уже четыре года. Мысль объ учрежденіи учебнаго заведенія съ курсомъ нѣсколь-

кихъ классовъ правительственныхъ гимназій, возникла изъ необходимости дать среднее образованіе тѣмъ дѣтямъ, которыя окончили курсъ низшей школы въ деревнѣ. Невысокая плата за обученіе и содержаніе въ общежитіи (100 рублей въ годъ) дала полную возможность людямъ средняго достатка, живущимъ въ деревнѣ, вдали отъ городскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, отдавать въ него своихъ дочерей. Кромѣ того, имѣлось въ виду и слѣдующее обстоятельство: если почему-нибудь дѣвочкѣ не удастся продолжать образованіе по выходѣ изъ этой школы, она вернется въ семью, не отвыкнувъ отъ деревни и труда. Симпатичное предпріятіе привлекло нѣсколькихъ доброхотныхъ жертвователей, не давшихъ ему заглохнуть. Такимъ образомъ, благодаря просвѣщенной иниціативѣ и энергіи частнаго лица, бывшей сельской учительницы, въ деревенской обстановкѣ и при самыхъ простыхъ условіяхъ жизни возникло и развивается женское учебное заведеніе 2-го разряда, успѣвшее за короткое время своего существованія привлечь къ себѣ вниманіе и сочувствіе далеко за предѣлами Петербургской губерніи. Въ виду этого губернская управа предложила собранію, что и было принято,—назначить частному учебному заведенію г-жи Анцевой единовременное пособіе въ 1.000 рублей и, по ознакомленіи, учредить въ этой школѣ 3 стипендіи губернскаго земства по 100 рублей каждая, для дочерей учащихъ и учившихъ въ земскихъ школахъ губерніи. („Бирж. В.“).

Замужнія преподавательницы и кл. дамы. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы, въ виду неудобствъ, происходящихъ въ томъ случаѣ, когда въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавательницами или классными надзирательницами состоятъ замужнія женщины, послѣдовало распоряженіе о воспрещеніи на будущее время замужнимъ женщинамъ занимать такія должности. Министерствомъ затребованы отъ попечителей учебныхъ округовъ заключенія о томъ, насколько введеніе проектируемой мѣры представляется желательнымъ. („Нов.“).

Ученая юбилярша. Частная женская гимназія княгини Оболенской чествовала 7-го декабря свою учительницу, доктора математики и философіи Бернскаго университета, Е. Ф. Литвинову, по случаю исполнившагося 25-лѣтія ея педагогической дѣятельности въ названной гимназіи, куда она вступила въ 1878 г., какъ учительница ариѳметики, и гдѣ преподаетъ нынѣ математику въ старшихъ классахъ. Чествованіе почтенной юбилярши началось утромъ въ ея квартирѣ, гдѣ ученицы 6-го класса привѣтствовала свою учительницу въ теплыхъ выраженіяхъ и поднесли ей на память цѣнный подарокъ. Въ 6 час. вечера чествованіе Е. Ф. происходило въ стѣнахъ гимназіи, гдѣ инспекторъ классовъ, въ присутствіи всей учебной корпораціи, произнесъ привѣтственное слово отъ имени членовъ педагогическаго совѣта и поднесъ юбиляршѣ художественно исполненный серебряный бюваръ. Послѣ состоявшагося въ квартирѣ начальницы гимназіи обѣда, на которомъ присутствовалъ весь педагогическій персоналъ, Е. Ф. принимала поздравленія отъ воспитанницъ 8-го класса и отъ своихъ бывшихъ ученицъ, поднесшихъ ей адресъ. Е. Ф. Литвинова родилась въ Тульской губ. въ 1850 г. Окончивъ среднее образованіе въ Петербургѣ, она изучала высшую математику за границей. Получивъ въ Бернѣ ученую степень и вернувшись въ Петербургъ, Е. Ф. посвятила себя педагоги-

ческой дѣятельности и вскорѣ выступила на научно-литературное поприще. Она написала немало статей, напечатанныхъ въ различныхъ педагогическихъ журналахъ. Литературныя произведенія Е. Ф. печатались въ журналахъ „Женское Дѣло“, „Научное Обозрѣніе“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Н. Вр.“ и др.

Открытіе Томской семинаріи. Высшею духовною властью разрѣшено открыть временно закрытую 24-го сентября сего года томскую духовную семинарію и возобновить въ ней учебныя занятія съ 1-го ноября. Признаны достойными немедленнаго принятія вновь въ семинарію 151 воспитанникъ (изъ 191 восп.). Списокъ подлежащихъ немедленному принятію вновь въ семинарію будетъ напечатанъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. („Бирж. В.“).

Суворовское фельдшерское училище. Попечитель Петербургской Калинкинской больницы и предсѣдатель совѣта состоящаго при ней Суворовскаго училища гласный графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ возбудилъ вопросъ о преобразованіи этого училища. Въ настоящее время въ немъ акушерки знакомятся съ леченіемъ венерическихъ и накожныхъ болѣзней и впослѣдствіи занимаютъ въ земствахъ мѣста фельдшерицъ, хотя къ этому и не подготовлены. Прежде чѣмъ приступить къ разработкѣ проекта преобразованія этого училища по типу Рождественскихъ курсовъ, графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ обратился къ предсѣдателямъ земскихъ управъ съ просьбою прислать отвѣты на интересующіе коммиссію по преобразованію Суворовскаго училища вопросы. („Бирж. В.“).

Мѣщанскія школы въ Москвѣ. Въ мужскомъ и женскомъ мѣщанскихъ училищахъ купеческаго общества состоялись годичные акты. На актѣ мужского училища присутствовали; старшина купеческой управы С. А. Булочкинъ, члены попечительскаго совѣта училищъ, предсѣдатель общества распространенія коммерческаго образованія А. С. Вишняковъ, учащіе, воспитанники и ихъ родители. Изъ прочитаннаго инспекторомъ отчета видно, что въ училищѣ къ концу прошлаго года оставалось 473 учащихся, вновь поступило 141 и выбыло въ теченіе года 17 человѣкъ. Окончили курсъ со свидѣтельствами второго разряда 92 и со свидѣтельствами 3-го разряда двое воспитанниковъ; изъ числа окончившихъ курсъ лучшіе воспитанники записаны на золотую доску и 42 выданы награды. При переходѣ изъ класса въ классъ съ наградами переведено 62 человѣка, оставлено по малоуспѣшности на второй годъ въ тѣхъ же классахъ 77 человѣкъ. Въ женскомъ училищѣ состоитъ 320 ученицъ, окончили училище 54 воспитанницы. Рукодѣльный классъ окончили 30 дѣвицъ. За отличные успѣхи удостоены наградъ 41 воспитанница. Послѣ акта въ женскомъ училищѣ состоялся концертъ, на которомъ хоромъ воспитанницъ было исполнено нѣсколько музыкальныхъ произведеній. Въ мужскомъ училищѣ была устроена выставка работъ учениковъ по каллиграфіи, въ женскомъ—по рукодѣлію. Актъ закончился исполненіемъ народнаго гимна.

Бѣгство нар. учителей. Въ Суздальскомъ уѣздѣ учителя и учительницы земскихъ школъ получаютъ, по 20 р. въ мѣсяцъ, черезъ десять лѣтъ имъ дается прибавка въ 5 руб., черезъ двадцать—высшій окладъ—30 р. Неудивительно, что учителя и учительницы изъ этого уѣзда бѣгутъ. За послѣднія пять лѣтъ ушло болѣе 60-ти человѣкъ. Большинство перешло въ школы сосѣднихъ земствъ, гдѣ учителя поставлены въ болѣе выгодныя матеріальныя условія. Общество взаимопощи учащихъ Суздальскаго уѣзда просило послѣднее уѣздное земское собраніе оставить первоначальный окладъ въ его нынѣшнемъ размѣрѣ 240 р. и установить прибавки за каждыя пять лѣтъ до предѣльнаго оклада въ 480 р., но собраніе отклонило и это скромное ходатайство. Экономія полезна, но не въ такомъ дѣлѣ; а тутъ даже не экономія, а какая-то сверхэкономія, обреченіе учителей и учительницъ на подвижничество. По счастью оно ни для кого не обязательно, даже для земскихъ учителей. („Рус. Вѣд.“).

Учительская доля. Въ „Витебск. Губерн. Вѣдом.“ напечатана жалоба сельскаго учителя на неаккуратную уплату казначействами жалованья сельскимъ учителямъ. Учителя, получающіе содержаніе изъ казначейства, ожидаютъ его не недѣлю, не двѣ, а два-три мѣсяца. Учителямъ приходится посылать повѣренныхъ лицъ, ѣздить самимъ въ городъ по нѣскольку разъ и т. п. Въ прошломъ учебномъ году учителямъ Двинскаго уѣзда жалованье за январь и февраль мѣсяцы было выдано только 20-го марта. Въ настоящее время (средина ноября) нельзя еще получить изъ казначейства жалованья за сентябрь. Для лицъ, получающихъ свои гроши изъ волостного правленія, — замѣчаетъ авторъ,—при неаккуратной выдачѣ содержанія есть путь: путь жалобъ, понуканій. Для насъ же и этотъ путь закрытъ. Обращайтесь въ казначейство,— отвѣтъ короткій и ясный: „Будетъ выдано, когда получится ассигновка“. Очень странно. До сихъ поръ были нареканія на волостныя правленія, а теперь виновными въ задержкѣ учительскихъ грошей оказываются казначейства.

Убѣжище для педагоговъ. Въ іюлѣ нынѣшняго года открыто обществомъ попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи особое общежитіе на станціи Удѣльной (близъ Петербурга по финляндской желѣзной дорогѣ, Малая Ивановская, № 4) для тѣхъ труженицъ-педагоговъ, которыя или уже прекратили свою дѣятельность за усталостью или преклоннымъ возрастомъ, или нуждаются во временномъ отдыхѣ для возстановленія силъ, надломленныхъ непомѣрнымъ трудомъ. Домъ находится въ сухой и здоровой мѣстности, въ 10 минутахъ ходьбы отъ вокзала; окруженъ сосновымъ лѣсомъ; комнаты теплыя, свѣтлыя и уютныя. Плата за отдѣльную комнату 7—8 р. (въ одно окно) или 13 р. (въ два окна). Здѣсь-же можно получать сытный и здоровый столъ. За подробностями обращаться въ правленіе общества: Бассейная ул., д. 1. („Нов.“).

Чествованіе проф. П. Ф. Лесгафта. На собраніи членовъ Общества содѣйствія физическому развитію происходило 6-го декабря скромное чество-

ваніе проф. П. Ф. Лесгафта, иниціатора, создателя и предсѣдателя этого общества, существованію котораго исполнилось 10 лѣтъ. П. Ф. Лесгафту были поднесены составленные въ теплыхъ выраженіяхъ адресы отъ слушательницъ женскаго Медицинскаго института, курсовъ подготовленія руководителей физическимъ развитіемъ дѣтей и естественно-научныхъ женскихъ курсовъ при гимназіи М. А. Лохвицкой-Скалонъ. Изложивъ подробно исторію десятилѣтней дѣятельности общества, предсѣдатель отмѣтилъ то горячее сочувствіе цѣлямъ общества и содѣйствіе его возникновенію и развитію, которыя были оказаны со стороны академика К. К. Грота, ген.-лейт. А. Н. Макарова, В. П. Острогорскаго и другихъ выдающихся педагоговъ. Далѣе была прочитана цѣлая серія адресованныхъ на имя П. Ф. Лесгафта привѣтственныхъ писемъ и телеграмъ отъ его бывшихъ учениць, слушательницъ курсовъ содѣйствія физическому развитію, разсѣянныхъ по всей необъятной Россіи. („Н. Вр.“)

Странствующіе учителя. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губерніи организованы въ начальныхъ школахъ вечернія занятія, при посредствѣ странствующихъ учителей. Такого рода занятія происходили съ подростками, окончившими курсъ въ земскихъ школахъ, а также и со взрослыми. Веденіе вечернихъ занятій съ особымъ, не обремененнымъ дневными занятіями, учителемъ на практикѣ оказалось продуктивнѣе ранѣе существовавшей системы повторительныхъ занятій съ учениками, при посредствѣ учителей дневныхъ школъ. Организованныя странствующими учителями вечернія занятія повсюду привлекали къ себѣ полное сочувствіе мѣстнаго населенія. За свой трудъ странствующіе учителя получаютъ въ годъ 540 рублей. Законоучители же за вечернія занятія въ школахъ—по 60 руб. въ годъ. Расходъ этотъ отнесенъ отчасти на губернскія, а отчасти на уѣздныя средства. („Р. В.“).

Женскій съѣздъ. Петербургское Женское взаимно-благотворительное общество созываетъ первый съѣздъ русскихъ женщинъ-дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію.

Въ отдѣлѣ просвѣщенія будетъ разсматриваться:

1) роль женщинъ въ воспитаніи дѣтей—домашнемъ и школьномъ; 2) дѣятельность женщинъ въ школахъ: городскихъ, сельскихъ, воскресныхъ и частныхъ; 3) дѣятельность женщинъ въ распространеніи грамотности, въ области науки, литературы и искуства; 4) сельско-хозяйственное образованіе женщинъ и его результаты: 5) профессіональныя школы для женщинъ и кустарные промыслы; 6) участіе женщинъ въ преподаваніи гигіены, домоводства и подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ; 7) дѣятельность женщинъ въ тюрьмахъ и исправительныхъ колоніяхъ; 8) роль женщинъ въ проведеніи принциповъ мира; 9) дѣятельность женщинъ-врачей въ Россіи.

Такимъ образомъ предстоящій съѣздъ будетъ въ состояніи подвести итоги всей женской дѣятельности въ Россіи. Съѣздъ созывается на май мѣсяцъ будущаго года. Членскій взносъ опредѣленъ въ 6 рублей. („Н. Вр.“).

Общество „Маякъ“. 7-го декабря въ помѣщеніи Петербургскаго Петровскаго училища въ присутствіи почетнаго попечителя его высочества принца

Александра Петровича Ольденбургскаго состоялось общее собраніе членовъ и посѣтителей комитета „Маякъ“, на которомъ послѣ молебствія секретарь комитета П. А. Сидоровъ прочелъ отчетъ о дѣятельности комитета въ минувшемъ году. Въ 1903 г. комитетъ придавалъ особенное значеніе религіозному міросозерцанію. Въ дѣлѣ содѣйствія умственному и нравственному развитію посѣтителей главная роль принадлежала литературно-научному кружку. Кружокъ этотъ привлекъ большую группу безкорыстныхъ дѣятелей: проф. П. А. Висковатова, Д. М. Левшина, С. И. Шохоръ-Троцкаго, проф. С. П. Глазенапа, Д. Н. Кайгородова, И. Р. Тарханова, сенатора А. Ѳ. Кони и другихъ. Всѣхъ лекцій было прочитано па 71 тему. Число посѣтителей литературныхъ собраній колебалось отъ 48 до 283 человѣкъ. Чтобы дать возможность своимъ посѣтителямъ пріобрѣсти практическія познанія, комитетъ открылъ курсы, на которыхъ посѣтители изучаютъ: русскій яз., нѣмецкій, французскій, англійскій, бухгалтерію, коммерческую ариѳметику и кромѣ того обучаются работать на пишущихъ машинахъ. Въ истекшемъ году двое изъ оказавшихъ лучшіе успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ были отправлены въ Берлинъ на средства комитета для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ комитетѣ имѣется читальня и библіотека. Дѣятельность комитета въ дѣлѣ физическаго развитія также весьма значительна. Гимнастическія упражненія происходятъ въ гимнастическомъ залѣ училища св. Анны, прекрасно оборудованномъ всевозможными машинами и приборами. Въ минувшемъ году состоялось 72 урока гимнастики, на которыхъ перебывало 4.092 человѣка. Кромѣ того были устраиваемы экскурсіи: въ Новгородъ, Выборгъ, на Иматру и т. д., всего 20 экскурсій. Интересны цифры посѣщеній комитета членами помѣсячно: въ сентябрѣ — 4.877 чел., октябрѣ—6.164 чел., ноябрѣ—5.721 чел., декабрѣ — 4.580 чел. Приходъ денежныхъ суммъ въ минувшемъ году составляли 25.545 руб. 60 коп., въ томъ числѣ пожертвованій и членскихъ взносовъ 10.336 р. 80 к. Израсходовано за то же время 18.247 р. 98 к. Такимъ образомъ комитетъ на будущій годъ имѣетъ остатокъ въ 7.194 р. 62 к. Послѣ чтенія годового отчета состоялся музыкально-вокальный концертъ, причемъ игралъ струнный оркестръ подъ управленіемъ В. Петрова Владимова, на которомъ присутствовали: принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, шталмейстеръ графъ Орловъ-Давыдовъ, товарищъ министра финансовъ князь А. Д. Оболенскій, сенаторъ С. В. Марковъ, ген.-м. А. К. Боярскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія И. К. Ренаръ, Н. А. Райтлингеръ, И. Н. Турчаниновъ, Ф. А. Гэлордъ. („Н. Вр.“).

Московское общество улучшенія быта учащихся въ гор. училищахъ. Изъ отчета за 1903 г. видно, что за наиболѣе крупнымъ явленіемъ въ жизни общества былъ съѣздъ представителей учительскихъ обществъ. При обществѣ была организована комиссія, которая въ теченіе всего года разсматривала и исправляла проекты примѣрнаго устава учительскихъ обществъ взаимопомощи и союза такихъ-же обществъ. Въ теченіе отчетнаго года въ общество вступило 103 новыхъ члена и выбыло 144. Въ настоящее время въ обществѣ состоятъ 672 члена, изъ которыхъ 493 учителя начальныхъ училищъ. Общество выдало пособій на 1.075 руб. и ссудъ на 1.800 руб. Возвращено ссудъ на 2.200 руб. Въ начальныхъ училищахъ организовано четыре бюро для пріисканія внѣшкольныхъ занятій для членовъ общества. Основной капиталъ общества достигъ 8.031 руб. Капиталъ для основанія

убѣжища для престарѣлыхъ учителей равняется 7.171 руб. Собираются пожертвованія въ фондъ „на черный день“, который достигъ уже 470 руб., а членскихъ взносовъ поступило 4.087 руб. При разсмотрѣніи отчета особой коммиссіи было поручено дополнить его подробностями о съѣздѣ. Правленіе общества представило докладъ о судѣ чести для учителей. Правленіе признало учрежденіе такого суда желательнымъ, но преждевременнымъ, такъ какъ учащіе не представляютъ объединенной корпораціи, организація которой должна предшествовать возникновенію суда. Дла разсмотрѣнія недоразумѣній между учителями, по мнѣнію правленія, возможно прибѣгать къ третейскому суду въ той формѣ, какъ это было выяснено на съѣздѣ. Смѣта общества утверждена въ суммѣ 5.200 руб. Собраніе закончилось выборами. Товарищемъ предсѣдателя избранъ К. К. Мазингъ, казначеемъ г. Михайловъ въ члены правленія—Е. Е. Воларовичъ, М. Л. Левшина и М. А. Третьякова. Собраніе тепло чествовало С. К. Говорова, много сдѣлавшаго для общества и теперь въ виду отъѣзда за границу покинувшаго должность товарища предсѣдателя.

Льготный проѣздъ для учащихся и больныхъ дѣтей. Въ концѣ прошлаго года министерствомъ финансовъ были допущены льготные тарифы на проѣздъ учащихся, въ цѣляхъ образовательныхъ экскурсій, а также для слабосильныхъ воспитанниковъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній. Пользованіе этимъ тарифомъ предоставлено только воспитанникамъ закрытыхъ казенныхъ, земскихъ, городскихъ и церковныхъ учебныхъ заведеній и дѣтямъ, призрѣваемымъ благотворительными учрежденіями. Нѣкоторыми изъ благотворительныхъ учрежденій столицы возбуждается ходатайство о распространеніи льготнаго тарифа на учрежденія, не подходящія къ категоріи закрытыхъ заведеній. („Бирж. В.“.).

Общеземская выставка. Бессарабская губернская земская управа получила увѣдомленіе отъ московской губернской земской управы, что мысль объ устройствѣ общеземской выставки по народному образованію встрѣчена весьма сочувственно подавляющимъ большинствомъ земствъ (26 изъ 33); причемъ нѣкоторыми высказано было, что необходимо для успѣха дѣла собрать по однообразной программѣ сравниваемыя между собою свѣдѣнія, такъ какъ только при этомъ условіи явится возможность получить вѣрную картину положенія дѣла народнаго образованія во всѣхъ земскихъ губерніяхъ Россіи. Выставку предположено открыть лѣтомъ 1905 г. въ Москвѣ. Проектъ московскаго земства (инціатива принадлежитъ кн. Д. Шаховскому) встрѣченъ сочувственно бессарабскимъ земствомъ. Губернская управа входитъ въ губерское собраніе съ ходатайствомъ объ асигновкѣ на изготовленіе экспонатовъ. („Од. Н.“).

Просвѣтительныя начинанія въ Фастовѣ. Отрадно видѣть, когда книга завоевываетъ себѣ мѣсто и права гражданства тамъ, гдѣ она еще недавно являлась рѣдкимъ, случайнымъ гостемъ. Благодаря энергіи желѣзнодорожнаго доктора Дацкова и сочувствію начальника юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ Немѣшаева, въ Фастовѣ недавно открыта библіотека для желѣзно-

дорожныхъ служащихъ, дающая, впрочемъ, возможность абонироваться и частнымъ лицамъ. Библіотека эта составилась главнымъ образомъ изъ пожертвованій, а на ассигнованныя деньги выписывается рядъ періодическихъ изданій. Пока станціонное начальство найдетъ возможнымъ удѣлить для библіотеки уголокъ въ одномъ изъ казенныхъ помѣщеній, библіотека нашла гостепріимный пріютъ въ квартирѣ доктора Дацкова, который является въ то-же время и устроителемъ чтеній съ туманными картинами для многочисленныхъ служащихъ на линіи. Въ дѣлѣ устройства этихъ чтеній большою помѣхою являлось до сихъ поръ отсутствіе сколько-нибудь сноснаго помѣщенія. Аудиторіей служилъ бывшій холерный баракъ. Но и въ этомъ несоотвѣтственномъ помѣщеніи публика съ жадностью прислушивалась къ вѣщимъ словамъ Пушкина, Толстого, Гоголя, Лермонтова и многихъ другихъ писателей, причемъ вполнѣ оправдалась пословица: „не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто“. Теперь организатору чтеній удалось выхлопотать ассигновку на устройство спеціальнаго помѣщенія для аудиторіи, гдѣ, конечно, найдется и соотвѣтственный пріютъ для библіотеки. Разрѣшеніе послѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, планъ давно готовъ, но дальнѣйшаго движенія дѣло не получило. Знакомое, но печальное явленіе. Канцелярщина успѣла уже такъ привиться, что простое, необходимое и доброе дѣло должно выдерживать безконечный карантинъ подъ канцелярскимъ сукномъ. Честь и слава устроителямъ чтеній, что они и при такихъ условіяхъ не падаютъ духомъ, не опускаютъ рукъ и безвозмездно продолжаютъ трудиться. Дѣятельное содѣйствіе оказываетъ фельдшеръ мѣстнаго пріемнаго желѣзнодорожнаго покоя.

Существуютъ еще въ Фастовѣ народныя чтенія, устраиваемыя комитетомъ попечительства о народной трезвости. Благодаря опять-таки энергіи одного лица,—г. Швайковскаго,—дѣло это начало налаживаться. Но вотъ г. Швайковскаго перевели въ Кіевъ. Какъ дѣло пойдетъ безъ него, поживемъ—увидимъ, да кстати, пожелаемъ доброму дѣлу успѣха. („Бирж. В.“).

Воскресные курсы для рабочихъ въ Тюмени. Въ Тюмени организованы для рабочихъ воскресные курсы при реальномъ училищѣ. Контингентъ слушателей курсовъ составляютъ главнымъ образомъ машинисты съ пароходовъ, ихъ помощники, масленщики, слесаря и другіе мастеровые. Не смотря на всѣ трудности веденія преподаванія, дѣло идетъ успѣшно. Нѣкоторые чертежи второгодниковъ исполнены буквально по всѣмъ правиламъ и не отличимы отъ обычныхъ заводскихъ чертежей. Чертежи исполняются, по большей части, съ натуры. Курсы существуютъ шестой годъ. Преподаются: рисованіе, ариѳметика, геометрическое черченіе, а также ведутся бесѣды по уходу за машинами и котлами, по технологіи составовъ и дерева. Курсистовъ въ нынѣшнемъ году болѣе 70 человѣкъ. („Спб. Вѣст.“).

Чтенія для рабочихъ въ Двинскѣ. Здѣсь начались народныя чтенія. Читали: директоръ реальнаго училища А. Ѳ. Князевъ о строеніи человѣческаго тѣла и преподаватель Михайловъ—Очеркъ изъ первыхъ временъ христіанства на Руси. Очеркъ г. Князева былъ иллюстрированъ множествомъ свѣ-

товыхъ картинъ, изображающихъ процессы пищеваренія и кровообращенія. Публики, въ особенности молодежи, была масса.

40-лѣтіе женской гимназіи. Совѣтъ С.-Петербургской женской гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи рѣшилъ ознаменовать исполняющееся въ январѣ сорокалѣтіе существованія этого учебнаго заведенія изданіемъ историческаго очерка за время существованія гимназіи. На одномъ изъ состоявшихся послѣднихъ засѣданій совѣта гимназіи юбилей рѣшено отпраздновать 23-го января по особой программѣ. („Нов.“).
